

•

Автор: Полина Раевская

Бета: OksiSs

Жанр: СЛР

Аннотация: Все мы грешны перед Богом - неоспоримая истина. Но сегодня я каюсь не перед Ним, а перед человеком, которого люблю больше этой проклятой жизни. Жаль, что я поняла это слишком поздно, ибо запоздалые раскаяния не вдохнут жизнь в засохший цветок. Но мне ничего не остается, кроме как поведать эту историю глупой, наивной девчонки, сумевшей влюбиться в себя взрослого мужчину, но... не сумевшей удержать.

Слоган: За иллюзии приходится расплачиваться действительностью.

Рейтинг: 18+

Пролог

2014 год октябрь

Прежде чем начать эту историю, скажу сразу — я вам не понравлюсь. Не потому, что я плохая или же хорошая. Нет. Я обычная, такая же, как тысячи других женщин со всеми своими достоинствами и недостатками. Просто я дура, безнадежная, законченная...

Поскольку эта история о любви, то вы отметите, что все мы когда-то становились дурами из-за мужчин; забывали гордость или же, напротив, включали ее в попытке удержать свое счастье. Только вот я сделала все, чтобы его потерять. Не ценила, не понимала, не замечала, не берегла. Я была до невозможности глупой в своих мнимых, надуманных проблемах. Совершала ошибку за ошибкой, разрушая то, что так отчаянно искала.

Перед вами дура, познавшая, как никто иной, смысл банальных высказываний — «Что имеем — не храним...» или «Запоздалые раскаяния не вдохнут жизнь в засохший цветок». Кажется, так сказал мне во время последней встречи он. Спросите кто? Думаю, пояснения излишни. У каждой из нас есть «Он» — мужчина, которому достаточно одного местоимения, ибо нет таких слов, способных передать его значимость в нашей жизни.

Если бы вы знали, какая это мука быть виновной стороной. Думаю, пострадавшей легче. У нее хотя бы есть выбор: простить или забыть. У меня же его нет, как и надежды. Да и с моей стороны было бы наглостью и полнейшей тупостью ее питать. За иллюзии приходится расплачиваться действительностью — мой горький опыт. Вы, по всей видимости, думаете: «Ах, бедняжка», но не торопитесь. В этой истории я персонаж скорее отрицательный, чем положительный, как ни больно это признавать. А «больно» длится уже четыре месяца. Впрочем, все началось гораздо раньше, гораздо... Я бы сказала, больно было всегда. Точнее, мне так казалось. Боже, какой же дурой я была!

Как в той песне - «Если бы хоть раз нам дотемна по душам разобрать все по словам, да по молекулам.» Но, увы... Интересно, сколько этих «если бы» повторяет в жизни каждый человек? Хотя какой в этом смысл? «Если бы» возникает только когда безнадежно. Так почему же я не пойму никак этого? Отчего не приму жестокую истину? Я вам уже говорила, что дура? Безнадежная, законченная...

Четыре месяца пыталась научиться жить без него, залечивала раны, полученные по своей вине, но безрезультатно. Душа рвалась каждую секунду к нему, как ни напоминала себе, что на нет и суда нет, но сердцу плевать на любые доводы. Каждую ночь воспоминания душат, и везде он. И я за ним готова камнем в бездну, только бы дал шанс. Видит Бог, я готова валяться вечно у него в ногах, вымаливая прощение, если бы не знала этого мужчину достаточно хорошо. Его не тронут мои слезы. Больше уже нет, не после того, что я сделала. Но я все равно продолжаю мучить себя мыслями о нем.

Сколько я так жалела себя? Не знаю. Пока внутри что-то не щелкнуло. Словно накрыло волной понимания, что больше не могу так...

Не выдерживаю. Слишком долго терпела, ждала, надеялась. Устала. Хочу обрубить разом, поставить точку. Хотя за меня ее уже давно поставили, но я должна это окончательно принять. Поэтому бросаю свою тихую гавань вдали от него. В считанные минуты собираю всё необходимое, мысленно умоляю маму не спрашивать ни о чем, и она меня слышит — молча протягивает деньги на дорогу. Я тронута ее пониманием.

Через час поезд мчит меня в столицу, в город, где все началось и закончилось. А спустя трое суток Москва встречает меня раскатами грома и проливным дождем. Вдыхаю воздух, пропитанный суетой, надеждами и разочарованиями. Сердце сжимается от ностальгии. Болезненно, отчаянно трепещется. В горле стоит ком, сглатываю его и осматриваюсь по сторонам. В сотнях столичных лиц ищу его глаза, но это бред, безусловно, а я все

равно лихорадочно всматриваюсь, прося чуда. Только забываю, что даже если увижу, все равно не смогу в эти глаза взглянуть. Никогда. Спросите меня, зачем я здесь? Сама не знаю. Наверное, чтобы в очередной раз предаться иллюзиям.

Мне никогда не нравилась Москва, особенно москвичи, но сейчас я рада вернуться. Правильно говорят: наш дом там, где наше сердце. Мое рядом с ним, а он здесь. Нет, я его не потревожу, не имею права, да и совесть не позволит. Если существовала хоть какая-то надежда на что-то, он уже бы дал знать. Честно признаюсь, я ждала. До последнего ждала. А теперь... Теперь пришла пора прощаться, похоронить воспоминания, надежды, мечты. Ну почему, почему я только сейчас поняла, что нет ничего важнее, чем быть рядом с ним? Риторический вопрос, конечно же.

Закрываю глаза и перевожу дыхание. Голова кружится от волнения, суеты и мелькающих лиц. Вокзальный шум бьет по натянутым нервам. Кто-то грубо толкает меня в сторону, инстинктивно хватаюсь за живот, и сердце колотится отчаянной птицей.

Возвращаюсь в реальный мир, чувствую холод, усталость и голод. Пора передохнуть — в моем положении такие эмоциональные и физические нагрузки вредны. Тяжело вздыхаю, вытираю влагу со щек. Не знаю, были ли это слезы или дождь — неважно.

Беру сумку и вливаюсь в спешащую толпу. Она подхватывает меня и направляет в сторону метро — то, что нужно.

В электричке, как всегда, не протолкнуться. Я, зажата между двумя толстушками, воняющими потом, какими-то пирожками и дешевой туалетной водой, едва сдерживаю рвоту, прикрываю рот рукой, заодно зажимая нос. Спустя десять минут в глазах темнеет, руки трясутся, и паника начинает захлестывать. Держусь из последних сил и как молитву повторяю про себя: только бы не потерять сознание, только бы не потерять!

На нужной станции пулей вылетаю из удушливого вагона и жадно хватаю холодный воздух. Голова начинает кружиться еще сильнее, страх заполняет душу.

Только сейчас пришло понимание всей глупости моего порыва. О чем я думала? Какие могут быть путешествия в моем состоянии? А если со мной что-то случится? Это Москва. Тут будешь орать, что умираешь, никто не обратит внимания, разве что сморщиться от раздражения. Эта мысль моментально отрезвляет, тошнота отступает, да и дышать становится легче.

Восстанавливаю дыхание и иду в сторону недорогой гостиницы. К тете Кате не хотелось, у меня не было настроения и сил для разговоров, да и не ради этого я сюда приехала.

В убогой комнатухе чувствую покой и радость. Стараюсь ни о чем не думать, хотя не получается подавить мысль о том, что на другой окраине города мужчина, ставший для меня всем миром. Глупо, по-детски, но преодолев расстояние почти в четыре тысячи километров, мне кажется, я ближе к нему. Но только физически. Эмоционально же между нами миллиарды километров, хотя точнее было бы сказать — бездна, ибо километры предполагают возможность их преодолеть, а бездна нет.

Вновь слезы на глазах, только реветь нет никакого толка.

Боже, я скоро с ума сойду! Сколько можно? Такая агония: рвет на части, слезы градом, а в груди печет раскаленным огнем. Я готова биться об стену, чтобы только вытравить его образ из себя, но из этого лабиринта боли, сколько ни стараюсь, не могу найти путей. От сильного волнения вновь появилась тошнота.

Лечу в ванную, падаю на колени перед унитазом и задыхаюсь от рвотных позывов. Перед глазами пелена, меня выворачивает наизнанку скудным завтраком, а после желчью. В эту секунду хочется умереть. Кажется, это длится вечность. Меня трясет, пот застилает глаза. Становится холодно, когда взбесившийся желудок полностью освобождается от любого намека на пищу. Обессиленно прислоняюсь к стене, дышу рвано, но зато в голове пусто. Нет ни одной проклятой и ядовитой мысли. Опустошенная и разбитая снимаю с себя всю одежду, встаю под горячие струи воды, закрываю глаза и проваливаюсь в забытие. Тепло и хорошо. Тихо. Сил, чтобы купить себе еды не было, поэтому я уснула голодная, хотя понимала, что должна лучше заботиться о себе, но только не сегодня. Мне хочется сохранить эту тишину и не нарушать ее ничем. А потом, наконец, уснуть без воспоминаний, отчаянного шепота, слез и завываний в подушку.

Утром впечатления немного угасли, и я чувствовала в душе какое-то подобие покоя. Приведя себя в порядок и собравшись с силами, покидаю свое убежище. Выхожу на улицу, щурюсь от яркого солнечного света и, словно сорвавшийся с цепи пес, беру след дней, когда я была счастливой.

Вы спросите, а не мазохистка ли я? Не знаю. Но мне необходима эта прогулка по местам, которые навсегда останутся «нашими». Наверняка они есть у всех. Вот и у нас с ним было несколько таких. Не хочу травить себе душу, мне просто нужно погрузиться о том счастливом времени и отпустить его, поставить точку в этой любви, которая не дожидаясь до непреложного обета «в болезни и здравии, горе и радости... пока смерть не разлучит нас». Станный, сентиментальный порыв души, но как воздух необходимый.

Полдня я бродила по Москве, никуда не спеша, не заботясь ни о чем и не думая. Удивительно, но это была моя первая и настоящая прогулка по

этому городу, не считая единственного раза, когда все только началось. Но тогда я была поглощена им, а столица меня не интересовала. Сейчас же я с интересом оглядывалась по сторонам, вновь открывая для себя этот город. В таком безмятежном ритме прошло несколько дней. Боль не прошла. Наверное, и не пройдет никогда, но она не была такой невыносимой.

Я приходила туда, где мы часто бывали с ним, закрывала глаза, представляла нас. А потом словно нажимала внутри себя на кнопку delete, стирая все из памяти: обнуляя, блокируя его образ, его голос, шепот, запах и ощущения его губ и рук. Я помню каждый сантиметр его тела, каждую морщинку, родинку и шрам. Как же мне его не хватает!

Я мечтала проснуться однажды *tabula rasa*, с чувством, будто все сон и нас просто не было. Но мечты они на то и мечты, чтобы никогда не сбываться.

Сердце плачет и кричит о нем каждую минуту, а я просто привыкла к этой боли, поэтому уже не столь восприимчива.

Поездка пошла мне на пользу — я готова жить дальше, мне есть ради чего. Осознание этого пришло только, когда я покупала билет до Рубцовска. Я вдруг отчетливо поняла: все кончено и назад пути нет. Странное это чувство — принять сердцем то, что давно уже осмыслил разумом.

Я медленно брела по городу, сама не зная куда. До моего рейса оставалось еще несколько часов, поэтому сидеть на вокзале не хотелось. Я шла, пока не оказалась перед рестораном «Марио». Увидев вывеску, мое сердце ухнуло с огромной высоты вниз. С этим местом у меня были связаны особые воспоминания, которые я не решалась вытащить наружу даже сейчас. Достаточно уже того, что это его любимый ресторан. Все эти дни я обходила его стороной: во-первых, не могла отделаться от какого-то тревожного чувства; а во-вторых, у меня не было денег, чтобы позволить себе такую роскошь. Сейчас я стояла и смотрела на уже ставшую родной вывеску, но не смела двинуться вперед. Сомнения терзали душу, хотелось войти и в то же время бежать отсюда как можно дальше. Но какой-то неведомой силой меня понесло внутрь, и я, не сопротивляясь, подчинилась ей.

Дрожащей рукой обхватила ручку двери, замерла на мгновение, подсчитывая, сколько у меня денег. Вроде бы на чашку кофе хватает. Решительно потянула на себя дверь. Моментально окунулась в тепло и в божественный аромат, от которого у меня свело желудок. Я вошла внутрь, ко мне сразу же подошел метрдотель с вежливой улыбкой, но когда присмотрелся, то искренне заулыбался. И узнав меня, сказал:

— О, сеньорита, добрый вечер! Какой сюрприз. Вы так давно не

радовали наш взор своей божественной красотой, а мы вас ждали. Маэстро был безутешен, думая, что вам что-то пришлось не по вкусу, — театрально восклицал этот итальянец с русскими корнями. Впервые за долгое время я засмеялась от всей души, тронутая его вниманием. Мне было неловко за свой внешний вид, отсутствие денег, за то, что ступила на территорию класса, к которому больше не относилась. Впрочем, я никогда ему и не принадлежала. Понимание этого я увидела в глазах мужчины, когда он скользнул по мне взглядом.

Я сжалась, он смущенно улыбнулся. Стало страшно, что сейчас меня выпроводят. Но он преувеличенно радостно хлопнул в ладоши и подозвал одного из официантов.

— Вашу одежду.

Я дрожащими пальцами расстегнула куртку, которая была мне великовата, оставаясь в водолазке, обтянувшей меня, словно вторая кожа и делая мое положение очевидным. Раздевшись, я глянула на себя в зеркало и поморщилась. Волосы были небрежно собраны в хвост, лицо бледное, не накрашенное, с обветренными, ярко-красными губами. Под глазами залегли тени. Потрепанная, уставшая, несчастная. Я сильно похудела, поэтому мой живот казался огромным, как арбуз. Отвернувшись от зеркала, чтобы окончательно не портить настроения, я стала ждать, когда меня проводят за столик. Нервничала, переминалась с ноги на ногу, пока метрдотель не сказал:

— Проходите, мы вам рады.

А затем обратился к официанту:

— Проводи сеньориту за столик у камина.

Я благодарно улыбнулась за такую щепетильность и заботу. Мы всегда заказывали столик у камина, и я рада, что он оказался не занят.

Следуя за официантом, я, как и в первый раз, прихожу в восторг от интерьера ресторана, выдержанного в пастельных тонах, декорированного к зиме припорошенными снегом рябинами со снегирями, сидящими на гроздьях красных ягод.

Пока я шла, замечала косые взгляды. На лицах собравшейся элиты было написано: «Кто ее сюда пустил?». Я сглотнула комок в горле и вздернула подбородок выше. Стыд и неловкость отравляли кровь. Я проклинала себя за то, что поддалась порыву и оказалась тут, но не бежать же обратно.

Вежливо поблагодарила официанта, села лицом к окну и спряталась за

меню, хотя кроме капучино ничего не могла себе позволить. Сделав заказ, сконцентрировала внимание на пробегающих за окном людях. Кофе принесли спустя несколько минут, я втянула потрясающий аромат — такой знакомый и привычный.

В груди что-то сжалось. Прикрыв глаза, сделала глоток, обожглась, но боли не почувствовала. Хотелось моргнуть и встретиться с ласковым взглядом ярких, лазурных, как летнее небо, глаз. Такого красивого и насыщенного оттенка я ни у кого не видела. До ломоты во всем теле было необходимо увидеть обаятельную, мальчишескую улыбку. Я зажмурилась, прогоняя образ, едва заметно встряхнула головой, и, открыв глаза, посмотрела в зал, проверяя, заметил ли кто-нибудь мое странное поведение. Но присутствующие были поглощены кто чем: едой, беседой, телефонными разговорами. Я с облегчением вздохнула, пока не посмотрела в сторону двери. Сердце замедлило ход. Мне хватило даже мимолетного взгляда, чтобы понять — это он.

Я как можно ниже склонилась над чашкой кофе, пытаюсь казаться незаметной. Наплевав на этикет; поставила локоть на стол, прикрывая лицо, украдкой наблюдая за ним. Пульс начал зашкваливать, когда я осторожно повернула голову. Мгновенно воздуха стало мало. Потому как он был не один. Рядом с ним стояла высокая шатенка в черном пальто, которое он галантно помогал снять, шепча ей что-то, отчего на губах женщины играла легкая улыбка.

Мои руки дрожали, как у алкоголички, а кровь шумела в висках, но я продолжала смотреть. Он был, как всегда безупречен: в дорогом темно-синем кашемировом пальто, которое небрежно снял и отдал метрдотелю, оставшись в пиджаке спортивного кроя, цвета океана, поверх бледно-голубой сорочки в мелкую клетку, застегнутую не на все пуговицы; серые брюки и темно-коричневые аксессуары: часы и ремень заканчивали безукоризненный образ делового, уверенного мужчины.

Женщина была ему под стать: ухоженная, элегантная и самодостаточная. Она не была прям уж красавицей, что меня на мгновение порадовало, но в ней присутствовал шарм, уверенность и умение себя подать. Прямая челка акцентировала внимание на глаза, элегантное, черное платье выгодно подчеркивало эффектную фигуру, но, пожалуй, самым обворожительным моментом была широкая улыбка женщины. Я с болью признавала, что она — образец хорошего вкуса и гармонично смотрится рядом с ним, не то что я когда-то...

Слезы наворачивались на глаза — хотелось убежать. Меня вновь затошнило, когда заметила, что его рука по-хозяйски лежит на ее талии.

Отчаянье захлестывало, как и дикий страх. Я застыла на своем месте, когда они, переговариваясь и смеясь, последовали за официантом к столику напротив меня. Я не знала, что мне делать, кроме как отвернуться и до крови прикусывать губу. Меня кидало то в жар, то в холод. Было невыносимо, адски больно. А когда услышала мягкий женский голос, то выдержка покинула меня.

— Да я просто из принципа узнаю, кто спонсировал его программу. Я сегодня подвергла его поведение критике в интервью, поэтому результат не заставит себя ждать. Ой, да ладно, черт с ним! Надоела работа. Я ведь так ждала этого вечера, ужасно соскучилась.

— Я тоже скучал, дорогая, — раздался такой родной до дрожи, бархатный голос, — Очень... — многозначительно добавил он.

Я была готова завывать от ревности, невыносимой боли, заражающей мою кровь. Каждая их фраза, смех, словно ядовитые стрелы впивались в мое сердце, пуская кровь, отравляя, вызывая адскую муку. До боли сжимала край стола холодными пальцами и дрожала. Слезы медленно потекли по щекам, я зажала рот рукой, чтобы окончательно не зарыдать. Хотелось убежать, провалиться сквозь землю, умереть прямо сейчас. Я задыхалась от понимания, что эта женщина все эти четыре месяца, пока я загибалась в глуши от безысходности, была рядом с ним. И сегодня ночью она тоже будет рядом. В его постели. Чувствовать прикосновение его чувственных губ, сильных, с ума сводящих рук, дышать с ним в унисон и двигаться в такт.

Хочется заорать дурниной от отчаянья и дикой, разрывающей боли, а я молчу, вцепившись в край стола. Дрожу всем телом, задыхаясь прахом былых отношений, захлебываясь пониманием, что он стал только сильнее, а я все та же дура, не научившаяся ни жить дальше без него, ни хотя бы лгать, что все хорошо.

Не в силах вынести их тихий разговор и легкий смех, поднимаю взгляд и холодею, встретившись с равнодушным, абсолютно ничего не выражающим взглядом голубых, холодных, как лед, глаз. Смотрю в непроницаемое лицо, жадно впитываю родные черты; не пухлые и не тонкие губы — четко очерченные, нижняя чуть пухлее верхней; высокий лоб; глубоко посаженные, прищуренные глаза с сеточкой морщинок вокруг них; широкий нос, визуально кажущийся тонким из-за заостренного кончика — все зависело от того, с какой стороны на него посмотреть. На впалых щеках столь модная сейчас легкая небритость. В общем, все тот же охренительный мужик, от которого у меня, как и в первую встречу,

захватило дух. Толька эта остановка дыхания была болезненной. Любимое лицо, такое холодное и отчужденное, разрывало душу в клочья.

Сглатываю тяжело, ищу в его взгляде хоть какой-то проблеск чувств. Пусто. Мне нечем согреться в этих ледяных глазах. Я думала, что похоронила надежду, но когда он просто кивнул мне, я словно услышала оглушительный грохот разбившихся ожиданий. Последняя капля надежды испарилась. Оказывается, я еще ждала чуда. Там, в глубине души, уповала, что как в долбаной мелодраме, он подойдет ко мне — не выдержит. Я до самого конца не верила, что больше не нужна ему. А финал наступил именно сейчас. Легкий кивок: равнодушный, безжалостный, жестокий в своей простоте, словно я лишь какая-то знакомая.

Я не отвечаю на этот его жест. Лишь прожигаю полным боли и сожаления взглядом, но он отворачивается к своей спутнице и продолжает о чем-то с улыбкой рассказывать. В его действиях нет ни грамма наигранной радости, дабы спровоцировать меня на ревность. Нет, это не для него — он слишком уверен в себе. Он уважает себя. Ему нет необходимости опускаться на мой уровень, на уровень большинства людей, которые в подобной ситуации стали бы изображать безграничное счастье и вселенскую любовь. Ему это не нужно и я ему не нужна, как и моя ревность вкупе с болью. Он одним махом разорвал между нами канат. Если он что-то делает, то раз и навсегда. Слишком гордый, скрытный, скупой на эмоции и слова, он был и остается человеком дела. Если любит, то не на словах, хочет порвать — рвет, обрывает каждую ниточку. Он всегда был таким: принципиальным, решительным, скупым на эмоции, немногословным, несмотря на внешнее довольство жизнью. Как же поздно я осознала, что за человек рядом со мной. Ослепленная рекламой, я пропускала кино, пока оно не закончилось.

Делаю трудный вдох, сил больше нет выносить пытку. Агония и безысходность вот-вот прольются в горьких слезах. Подзываю официанта и хриплым, надорванным голосом прошу:

— Принесите счет.

Мне кивают, я же усмехаюсь с горечью, ибо вот, перед глазами, мой счет за ошибки — довольный жизнью любимый человек. Но он не со мной.

Том 1. Глава 1

3 года назад

2011 год

Я закончила школу.

Лето было насыщенное событиями: единый государственный экзамен, выпускной, совершеннолетие. ЕГЭ я сдала не сказать, что блестяще, но обнадеживающе. Я вообще по натуре оптимистка, поэтому верила, что у меня обязательно получится поступить на бюджет в Московскую Государственную Академию Хореографии. Остаться в Рубцовске смерть, как не хотелось. Я уже давно для себя решила, что если не поступлю, то все равно уеду из родного города, который городом-то назовешь с натяжкой. Одна главная улица с вереницей магазинов и куча тюрем-вот и весь Рубцовск. Из молодежи здесь оставались только «гопари»- так я звала всех тех, кто вечно обсасывал бутылку пива и не стремился ни к чему, кроме вечерних посиделок на лавочке за «Круглым»-магазин такой или же домоседы, боящиеся без мамы шаг сделать. Я не относилась ни к той, ни к другой категории, поэтому дальнейших перспектив для себя в этой деревне не видела. Конечно, меня пугало будущее, но все же любопытство и предвкушение были сильнее страха, сильнее ожидания выпускного вечера. Впрочем, он меня особо не интересовал, точнее, если быть честной, мне просто не в чем было на него идти. Я росла без отца с мамой и бабушкой, поэтому на крутые наряды рассчитывать не приходилось, учитывая, что все деньги откладывали на мое поступление: на билеты до Москвы, на проживание там, пока я буду сдавать вступительные экзамены и прочие расходы, связанные с этим. Естественно, мне хотелось блистать на вечере, но я понимала, что в нашем положении приходится выбирать; либо «звездить», либо поступать. Понимать –то я понимала, а все равно хотелось быть королевой вечера-мое самолюбие на меньшее не согласно.

Вот стою сейчас, смотрю на себя в зеркало и вижу, что мое платье больше подходит к какому-то деловому ужину, но никак не к такому торжеству, как выпускной. А все из-за моей практичности, не хотелось тратить деньги на вещь, которую в лучшем случае одену раз, да и бюджет был ограничен. Поэтому, когда увидела это черное бандажное платье с прозрачной вставкой над грудью, поняла, именно это я и искала. Его можно было одеть в принципе и на праздник, и на что-то менее торжественное, но главное-оно не лежало бы мертвым капиталом в шкафу. Я была вполне довольна, платье идеально подчеркивало каждый изгиб моего тела. А если верить зеркалу, то очень такого аппетитного тела. До форм Памеллы, конечно, далековато, но фигура у меня «что надо»-эдакая золотая серединка. Я много тренировалась в этом году, готовясь к просмотру в академии и это было заметно; тело приобрело рельефность и упругость, хотя я старалась работать над собой без фанатизма, чтобы не потерять женственность и не превратиться в накаченную бабу. Моя мама хореограф,

поэтому подготовка у меня проходила не абы как, а ого-го как. После маминых прогонов, я ели доползала до кровати, но никогда не было желания жаловаться или просить сбавить темп. Я хотела быть студенткой МГАХ, хотела, чтобы в родном городе говорили, что я учусь в столице. Хотела, чтобы мама и бабушка мною гордились. Короче, тщеславие трепетало в предвкушение и крепко держало меня в своих объятиях, не позволяя сделать шаг в сторону. По этой причине я стала меньше общаться с подругами, практически никуда не ходила. В будни тренировалась, а в выходные отсыпалась после напряженной недели, и выползти с девчонками куда-то было просто мне не под силу. Только ближе к весне я заметила, что мои подруги от меня отдалились и я совершенно не в теме, когда они о чем-то говорят. Чаще это были разговоры о каких-то тусовках, на которых меня, естественно, не было. И что самое обидное-меня туда никто не звал. О каких-то парнях, которых я не знала, и с которыми меня никто не собирался знакомить. В общем, я поняла, что стала чужой.

Это понимание далось мне нелегко. Я переживала, иногда даже ревела в подушку, а потом взыграла гордость, и я решила, что пошли они все! Пусть тусуются, трахаются с какими-то сопляками, а меня ждет Москва. Не знаю, почему-то мне казалось, что как только я туда приеду, обязательно произойдет что-то сказочное, невероятное-короче, будет, как в кино. Я вообще с этим поступлением стала считать себя особенной. А особенным негоже печалиться из-за обыкновенных людишек, верно? Ну, это сарказм конечно. На самом деле очень меня печалили эти «обыкновенные людишки» то бишь мои подруги, особенно сейчас. Мы продолжали поддерживать отношения, хотя это скорее была видимость - просто ходили вместе на уроки да в столовку, в остальное же время, каждый из нас занимался своими делами. Точнее расклад такой; они гуляли вместе, созванивались, ночевали друг у друга-все, как и всегда, только я сама по себе, ни при делах и не в курсе событий. После экзаменов, стало совсем одиноко, но звонить сама и напрашиваться в их компанию, где с недавних пор мое присутствие было нежелательным, гордость не позволяла. Сегодня, в день моего выпуска из школы, это чувствовалось особо остро, ибо я знала, что они соберутся у Насти перед официальной частью, чтобы выпить по рюмочке нашего любимого Бейлиза для настроения, а после Настин брат Костя отвезет их в Дом Культуры, где должна пройти официальная часть. Мне же придется тащиться на такси с мамой и бабушкой, старательно изображая радость.

-Янка, ты чего там застряла? –прокричала мама из другой комнаты. Я вздрогнула и оторвалась от своих не радужных мыслей.

-Одеваюсь. –прокричала я в ответ и вновь посмотрела на себя в зеркало.

-Давай в темпе, время уже много, опоздаем.

Да и по фигу, если честно! –огрызнулась про себя, в слух же согласилась:

-Ага, пять минут еще мам.

-Поторапливайся, я такси уже вызываю.

На это я могла лишь тяжело вздохнуть . Блин, как же не хочется никуда! Но выбора у меня нет, я еще должна выступать со своим танцем, так что придется тащиться. Оглядев себя с ног до головы, осталась довольной представшей картиной. На внешность мне жаловаться не приходится, природа расщедрилась и подарила густые черные волосы с шоколадным отливом, которые сейчас были уложены локонами на один бок в стиле 60-х, губы аля Анджелины Джоли, высокие скулы, аккуратненький носик и серо-голубые, холодные глаза. Я не из тех, кто выискивает в себе какие-то недостатки или постоянно чем-то недоволен, поэтому мое отражение в зеркале меня устраивает на все сто, но и заикливаться на нем не имею привычки. Я всегда старалась следить за собой; маникюр и макияж –это обязательно . Гламурной девочкой меня вряд ли назовешь, но аккуратной и симпатичной запросто. Некоторым парням из нашей школы я нравилась, но так, чтобы они за мной толпами ходили, такого не было. А может просто не замечала этого, но в любом случае мужским вниманием избалованна я не была, не смотря на то, что многие бы назвали меня красивой. Хотя, если быть откровенной, я вообще не знала, что такое мужское внимание. Отца ни разу не видела. Мама рассказывала, что он уже был женат на момент их знакомства и когда интрижка на стороне вылилась в нежелательную беременность , благополучно помахал маме рукой, четко обозначив свое нежелание иметь детей на стороне. Не знаю, почему мама решила оставить меня, как-то она не распространялась относительно причин, но я родилась, а она до сих пор одна. Говорит, что ей так удобнее. Не могу судить, у меня даже парня еще не было. Но я не переживала по этому поводу, как-то не до того было. А вообще мне казалось нелепым заводить отношения в таком возрасте да еще с одноклассницей. Когда смотрю на своих подружек и их парней, так и тянет закатить глаза. И что эти дурехи в них нашли? Дети ведь совсем. Может, я перечитала любовных романов? Да, есть у меня такая страсть. Надо же хоть где-то получать впечатления сексуального характера. Мне предпочтительнее с мистером Греем и рукой в трусиках под одеялом, чем с каким-нибудь сопляком, у которого марафон под девизом «чем больше телочек оприходуешь, тем

круче будешь» . Нет уж, увольте, лучше я сама. Хотя это сейчас я стала относиться спокойно к своим « небольшим исследованиям», как назвала сие занятие. Просто слово мастурбация у меня ассоциируется с чем-то жутким. А год назад считала себя конченной debilкой и извращенкой, но почему-то с некоторых пор не могла контролировать свои желания после прочтения особенно жаркой сцены. Тело горело огнем, грудь ныла, а между ног было мокро. Я не собиралась ничего делать, просто дотронулась до напряженных сосков, и черт, это оказалось так приятно, что не смогла остановиться; другой рукой скользнула в трусики и задохнулась от острого наслаждения, коснувшись клитора. Закрыла глаза и представила, что это пальцы знойного красавца с охренительным телом культуриста. Темные волосы, синие глаза, чувственный рот и сексуальный голос, от которого поджилки трясутся и между ног мокро. Короче, типичный самец. И вот этот мачо ласкает меня, шепчет своим прокуренным голосом. Ну, хриплый голос у меня ассоциируется с курением. Так вот этим своим низким голосом он шепчет какие-то нереально –сексуальные вещи, немного пошловатые и даже грязные, но мне нравится, я дрожу, кусаю губы. Тело словно тетива натянулось, каждая мышца напряжена, а внизу так мокро и жарко. Меня заносит: появляется дикое желание не просто гладить, но и проникнуть внутрь, но я сдерживаюсь, ускоряю темп, сжимаю другой рукой сосок еще сильнее. Красавчик становится почти реальным, наклоняется ко мне, резко раздвигает мои ноги и шепчет:

-Давай, кончай, малышка.

И я кончаю, разум покидает трясущееся от волн наслаждения тело и мне хорошо, я словно невесомая, бесплотная оболочка. Но так продолжалось недолго, вскоре я пришла в себя, и стало стыдно. Мокрые трусики и пальцы вызывали у меня отвращение. Я побежала в душ, где клялась себе, что подобная гадость была в первый и последний раз. Стоит ли говорить, что через несколько месяцев подобный инцидент повторился? И вновь мой идеальный мужчина, вновь жаркий шепот, только на сей раз в моей фантазии «любовник» не ограничился пальцами, а я тихими всхлипами. Дома никого не было, поэтому я позволила себе стонать в голос-это заводило еще сильнее , так же , как и грубость в комплекте с доминирование моего воображаемого друга. И вновь были самобичевания и недели « воздержания». А потом, после нескольких таких повторов, меня как-то отпустило, и я стала подходить к своим шалостям проще. Я не пристрастилась к данному делу, но иногда тело требовало разрядки. Прочитав нескольких статей о физиологии человека, повышение в крови уровня гормонов и прочей херне, присущей моему возрасту, решила, что

раз у меня нет парня и соответственно некуда девать свою сексуальную энергию, кроме танцев разумеется, то я могу иногда позволить себе «маленькие радости».

Вот такой заменитель нормального секса, но как я уже говорила, по мне лучше так. Просто я хочу, чтобы рядом со мной был мужчина, а не мальчик, поэтому лучше потерпеть и дожидаться того самого. После этого заявления можно отнести меня к идеалисткам, но это не так. Я просто за качественный секс с опытным человеком.

-Ян, такси подъехало, долго ты там будешь собираться?- ворвался в мое сознание голос мамы.

-Иду! –машинально ответила я, продолжая стоять на месте. Но мама знала меня, как облупленную, поэтому дверь в комнату тут же открылась и моя копия лет так через двадцать застыла на пороге с недовольно нахмуренным лицом.

-Ну, и чего мы стоим, кого ждем? Карета подана барышня. – сыронизировала мама, заходя внутрь. Я улыбнулась краешком губ, подкрасила их блеском , и в последний раз взглянув на себя в зеркало, повернулась к маме.

-Ну, как? –спросила несколько взволнованно. Сама не понимаю, откуда появилось это чувство мандража, но оно появилось. Мама подошла ко мне и заулыбалась такой теплой, нежной улыбкой, в глазах у нее стояли слезы, что было редкостью для этой женщины.

-Спрашиваешь еще! Красивая ты дочурка, самая красивая у меня. – тихо сказала она мне, от чего защипало глаза и сжалось что-то в груди. Я обняла ее и также тихо ответила:

-Как и ты, мамуль.

Мама засмеялась сквозь слезы, но уже через секунду, взяв себя в руки, привычным, командным голосом отдала распоряжение:

-Ну, хватит разводить сопли, а то тушь потечет.

-У меня водостойкая, –усмехнулась я, отстраняясь.

-Ой, блин, на все у нее ответы есть. Пошли уже, а то аттестат-то не выдадут, как завтра поедешь?

-Вот только из-за него туда и иду, –пробурчала я себя под нос, следуя за мамой. В коридоре к нам присоединилась бабушка, и мы поехали на официальную часть моего выпускного вечера.

Прошла она довольно быстро, я даже не заметила, как уже держу в руках серебряную медаль и аттестат, потом быстро переодевшись в костюм , стала разминаться. Ну, а на сцене, и я была полностью поглощена тем, чтобы исполнить все элементы танцы правильно. Ближе к концу я все же

расслабилась и начала просто получать удовольствие. Тело плавно изгибалось, ноги скользили, казалось, еще чуть-чуть и я взлечу.

Боже, как же я люблю эти моменты, когда душа расстаётся с телом и кажется, что я одна во всем мире. Такой нереальный кайф, не представляю свою жизнь без танца. Не знаю, как люди снимают напряжение, но я только таким способом, ну, и еще одним с недавних пор...Но думаю, им все снимают.

Выступление прошло гладко, одноклассники, как всегда поддерживали меня бурными овациями, и это было безумно приятно.

-Токарева, ты охренена! –подлетела ко мне Вика, одна из моих подружек. Так задорно она выражала свой восторг, как будто все было, как раньше. Меня это взбесило.

-Спасибо, Вик. –сухо поблагодарила я, переодеваясь в платье. Вика замялась, видимо, очнулась и вспомнила, что мы как бы уже полгода практически не общаемся, а потому смущенно предложила:

-Ян, ты если хочешь, то можешь поехать с нами.

Я офигела. Какое одолжение! А не пошла бы ты с ним?! Но вслух, конечно, не стала этого говорить. Зачем показывать обиду?!

-Нет, я не собираюсь на неофициальную часть.

-А почему? Мы же так хотели, помнишь? –ошарашенно спросила Вика. Похоже у нее голове не укладывалось, как можно пропустить одно из главных событий жизни. Вообще я заметила, что подружки были слишком привязаны к школе и любым воспоминаниям, связанными с ней. Любили они это «помнишь». Меня же школа раздражала. Я хотела поскорее покончить с детством и двигаться вперед. Возможно, это желание связано с тем, что моя школьная жизнь довольна скучна, но даже до того момента, как она такую стала, мне все равно хотелось поскорее с ней расстаться.

-У меня завтра поезд, надо собрать некоторые вещи, –ответила я спокойно.

-Блин, жаль. Все же с школой прощаемся!-с искренним сожалением воскликнула она.

-Я уже с ней попрощалась, – отрезала я.

Вику задел мой холодный тон и она решила, что с нее хватит.

-Ну, ладно тогда, удачи тебе! Напиши там, в «вконтакте», как у тебя дела. –протараторила она напоследок.

-Окей, тебе тоже удачи! –кивнула я, зная, что никому ничего писать не буду также, как и мне никто не напишет. Мы приобнялись для вида и разошлись.

Вот так просто, оказывается, порвать десять лет дружбы, а все из-за

того, что я не имела возможности тусить. Ну, и к черту таких друзей!- решила я для себя, хотя на душе, конечно, скребли кошки. Мне хотелось казаться сильной, в чем-то пофигисткой, но когда мы сели в такси, и я посмотрела на веселую толпу моих одноклассников, направляющихся к машинам, чтобы продолжить веселье в кафе, стало невыносимо грустно и больно, сама не заметила, как по щекам потекли слезы.

Прощай школа, прощай детство!

Глава 2

Домой мы приехали в молчании. Мама и бабушка были немногословны, что очень удивляло, обычно их не заткнешь. Они, как две трещотки, готовы галдеть без умолку. Я была рада создавшейся тишине. Не знаю, понимание ли это с их стороны или же просто усталость, главное, что, когда мы вошли в квартиру, никто не собирался произносить утешительных речей или еще какого-нибудь подобного бреда.

Я сразу же пошла в свою комнату, на ходу стягивая с себя платье. Переоделась в пижаму и сложила платье в огромный баул с вещами. Денег, чтобы кататься туда - сюда, у нас не было, поэтому придется тащить все разом: одежду и обувь на все сезоны, тетради, полотенца, постельное белье, чайники, посуду и так далее. Не знаю, под силу ли одному человеку, тем более девушке, нести четыре неподъемные сумки, но как сказала мама: «Хочешь жить, умей вертеться». Так что выбора у меня нет.

Многие говорили, что надо жить по средствам и не выдумывать велосипед — ехать одной, со всем своим барахлом, за тысячи километров, не будучи уверенной в поступлении. Если нет денег, то и нечего соваться в большой город. Много было разговоров на данную тему, присутствовали сомнения со стороны мамы.

Она, естественно, боялась отпускать меня одну в столицу. А поехать со мной не могла, как из-за банальной нехватки денег, так и по причине загруженности на работе. У бабушки же возраст не позволял трястись трое суток в поезде. И даже наличие тети Кати, маминой подруги, у которой я буду жить первое время, не уменьшало беспокойства родных. Но ничто уже не могло остановить меня на пути к мечте, поэтому, проверив в последний раз сумки и убедившись, что ничего не забыла, я легла спать.

Сон долго не шел, я оглядывала свою комнату и, как ни странно, прощалась. Никогда не была сентиментальной, но в эту минуту сердце защемило и стало грустно.

Когда я сюда вернусь? Вся моя жизнь прошла в этих стенах, они

хранят в себе много воспоминаний: хороших и не очень; хранят мое детство, а человеку этот период особенно дорог.

Расчувствовавшись, я тихо плакала, сама не понимая отчего. Вроде и не желала здесь оставаться, но в тоже время не хотелось уезжать — вот такой парадокс. Трагедию я, безусловно, из этого не делала: поревела чуток, поностальгировала, да и уснула уже с мыслями о предстоящей поездке.

Утро встретило меня дождем, суматохой и перешептыванием в коридоре. Видимо, бабушка с мамой уже встали и вовсю суетятся на кухне, думая, чем бы меня накормить. Вот сколько можно им повторять, что по утрам я не ем?! Непробиваемые люди. И ведь придется давиться их шедеврами, а то обидятся. Еще в дорогу, небось, напихали всяких пирогов — деревня, говорю же. Ну, это я так — шучу. Понимаю, что они заботятся. И умиляюсь. Кто еще так будет? Верно, никто! Поэтому ценю, но виду не подаю.

Такие вот мысли копошились с утра. Но я быстро их пресекла. Ибо хватит забивать мозги сентиментальной дурью, пора вставать и собираться, что я и делаю. Потягиваюсь, разминаю мышцы и бегу в ванную.

— Янка, давай быстрее, надо еще чай попить. — кричит мне бабушка вслед, когда я выскакиваю из своей комнаты.

— Ага, баб. — кричу в ответ, закрывая за собой дверь.

В темпе вальса скидываю трусики и майку, залезаю под едва теплый душ и начинаю уменьшать температуру, закусываю губу, чтобы не визжать. Закаливание — отличный способ укрепления иммунитета. Помню, в детстве, я ненавидела эту процедуру, но мама была неумолима — спасибо ей за это. Болею я исключительно редко. Постепенно увеличиваю температуру и уже через пять минут нежусь в теплой воде. Закончив с водными процедурами, привожу себя в порядок и лечу на кухню, где меня уже ждет целая тарелка бутербродов с колбасой и сыром. Что касается еды, то тут у меня полная свобода действий. Покушать я люблю, поэтому не худышка, хоть и пашу на тренировках по шесть часов в день. По мне, лучше скушать, что хочется и потом хорошенько потренироваться, сгоняя калории, чем ничего не есть и вечно ходить с кислой миной. Но утром не могу в себя ничего запихнуть, а эти две кумушки словно сговорились. Вот сижу, давлюсь бутербродом и думаю, что уже один плюс в переезде есть — теперь смогу есть когда хочу.

Мама носится взад - вперед, проверяя, все ли положила, и дает последние указания. Я киваю и продолжаю гонять во рту микроскопический кусочек моего завтрака, делая вид, что жую.

Пристально посмотрев на меня и надкушенный еще десять минут назад бутерброд, она вздыхает и сдается:

— Так, ладно, хватит придуливаться, поехали !

Я ликующе улыбаюсь. Сделав последний глоток чая, поднимаюсь из-за стола.

— Спасибо бабуль, мамуль.

— Ой, ну, ведь совсем ничего не съела! — сокрушается бабушка, размахивая прихваткой.

— Да, паразитка! — согласилась мама.

— Надо есть, доча, по утрам, а вот вечером можно и затянуть кишку... — начала бабушка свои извечные нравоучения. Я в кои – то веки состроила виноватую рожицу и закивала. Мама скептически наблюдала за мной. Видимо, актриса из меня была не ахти какая.

— Ну все, давайте собираться. — прервала она очередную тираду бабушки, за что я была ей безмерно благодарна, и тут же выскочила из кухни.

Натянув джинсы, футболку и кроссовки, подхватила одну из сумок и пришла в ужас. И как я это потащу?

Корячась, доперла ее до коридора и еле разогнулась.

— Каким образом я там все это буду выгружать ? — спросила, задыхаясь.

— Обыкновенным, Ян. Тетя Катя тебя встретит. — ответила мама, крася губы.

Да уж, хорошенький ответ, многое объясняет. Тетя Катя женщина, конечно, крепкая, но до Шварца ей далековато. Ладно, разберемся на месте, хотя уверена, в Москве от крестной будет нагоняй за такой сюрприз.

У мамы запиликал телефон, извещающий нас, что такси прибыло. Сразу наступила тишина, мы переглянулись и одновременно присели на мои сумки. У бабушки глаза были уже на мокром месте, да и мы с мамой недалеко ушли: сидели с закушенной губой и смотрели в пол. Я в последний раз обвела нашу двушку взглядом: маленькая, с допотопным ремонтом, но такая родная. Память сохранила картинку, а я отвернулась, захлопнула дверь, под названием «Рубцовск», и двинулась навстречу новой жизни, окрыленная надеждами и мечтами.

На вокзале мы рыдали, не сдерживаясь. Бабушка разве что в истерике не билась, а мама, не выпуская меня из объятий и сквозь слезы, давала указания. Я слушала вполуха, взвинченная до предела. Смотрела на заплаканных бабушку, маму, и сердце разрывалось. Только сейчас вдруг

пришло какое-то понимание: мои самые близкие и родные люди останутся за тысячи километров от меня. Через несколько минут я сяду в поезд, и он помчит меня в огромный мир, где я буду совершенна одна. Стало страшно, желудок скрутило, но я старалась сохранять улыбку на лице. Последнее объятие, поцелуй, слезы ручьем и вот толпа уже несет меня в поезд. Захожу в тесный вагон и бегу скорее к окну, расталкивая людей. Поезд трогается с места, я машу своим, все расплывается, а на сердце тоска.

Так я стояла довольно долго, перед глазами проносились окраина города. Я проводила ее взглядом и вернулась на свое место. А потом были трое суток чтения. Моими соседями оказались три бабульки, которые только и знали, что пить чай, да обсуждать знакомых. На станциях я бегала по пятнадцать минут, чтобы размять затекшее тело — долго сидеть на одном месте не могу. Три дня тянулись бесконечно долго и в то же время пролетели, как один миг.

В Москву мы прибыли рано утром, поэтому заспанная и растерянная я металась из стороны в сторону, не зная, что делать с моими пожитками. Благо навстречу мне вышли двое мужчин и помогли вытащить багаж из поезда. И вот стою я с четырьмя гигантскими сумками на перроне Ярославского вокзала и не знаю, в какую сторону ломиться. Мимо пробегают люди — все куда-то спешат, что-то кричат, толкаются. У меня голова шла кругом от этого дурдома. К такому я, однозначно, не была готова.

Нашарив телефон в кармане, отправила смс-ку тете Кате, как мы и договаривались, и стала ждать. Ее я заметила сразу же. Да и на такую женщину невозможно было не обратить внимания — она выделялась из толпы. Я не видела ее лет пять, наверное. В детстве она поражала мое воображение, от нее веяло какой-то загадочностью и величием. Для меня она была кем угодно; колдуньей, королевой, феей, но не обычной женщиной. И сейчас я понимаю, что неспроста. Высокий рост, правильная осанка, гордо вздернутый подбородок и высокомерный взгляд — ее визитная карточка, притягивающая взгляды окружающих. Крестная не была красавицей, но тем не менее эту курносую женщину с огромным ртом, большими глазами и белым ежиком, на голове, можно назвать интересной.

— Ну, привет, кукла. — улыбнулась она и внимательно осмотрела мои сумки; я так же пристально рассматривала ее. Модная тетечка, я вам скажу. Да и как еще могла выглядеть портниха? В ушах у нее поблескивали крупные серьги — уж не знаю драгоценные или нет, в этом я не разбираюсь. На носу круглые очки. Одета она была в широкую белую

блузку без рукавов, заправленную в джинсы – скинни, но вот мой взгляд остановился на туфлях – лодочках, которые сразу же ввели в ступор .

— Так, и что это?-недовольно поинтересовалась она.

Я смущенно улыбнулась и пожала плечами. Тетя Катя тяжело вздохнула и покачала головой.

— Ну, даете господа-товарищи! Ладно, сейчас разберемся. — пообещала она, но тут к нам подошли два парня и девушка.

— Извините, а вы не подскажите, как нам добраться вот до этого места?

Они протянули лист бумаги, указывая на что - то. Тетя Катя улыбнулась им приветливо, и с поразительным энтузиазмом ответила:

— Конечно, я вам даже покажу. Мальчики, хватайте сумки, вам с нами по пути.

Ребята со счастливыми лицами подхватили мой багаж и, руководствуясь указаниями тети Кати, помогли нам доехать до самого дома. За это время я не успела ничего толком разглядеть, кроме скопища людей. Казалось, каждый квадратный сантиметр занят кем-то. Если честно, мне даже стало не по себе, как будто воздух потихонечку перекрыли. Но все это как-то отошло на второй план, когда возле самого дома тетя Катя сообщила:

— Молодцы ребятки. Вам теперь тем же путем, только выйдите на две станции раньше. Все ясно?

— Да вы че, охерели? — возмутился парень.

— Это Москва, мальчик, привыкай! — отчеканила она.

Молодые люди, как и я, с шоком взирали на женщину и не находили слов, а она меж тем, как ни в чем не бывало, подхватила две сумки, открыла дверь в подъезд и махнула мне головой. Я старалась не смотреть на возмущающихся помощников, молча взяла оставшиеся две сумки и последовала за крестной. Поднявшись на лифте на двенадцатый этаж, мы все равно задыхались от тяжести. Зайдя в квартиру, с облегчением сбросили тяжелую ношу и блаженно потянулись.

Обстановка была под стать ее хозяйке. Я с интересом оглядывалась, топчась на пороге. Тетя Катя же разулась и ушла куда-то, но через минуту вернулась.

— Ян, ты чего застыла? Проходи.

— Зря вы так с ребятами, помогли все же . — высказалась я. Мне до сих пор не давал покоя ее поступок. Моя крестная закатила глаза и снисходительно пояснила:

— А ты, Ян, на ус себе мотай. Понятно , что зря, но... Хочешь жить...

— ...умей вертеться!— закончила я коронную фразу моей мамы.

— Вот и умничка. Главное, это понимать. В этом городе, Яночка, благородные порывы мало кто оценит, поэтому лучше попридержи их для подходящего человека. Ладно, разувайся, хватит на пороге торчать. Иди, душ принимай. Короче, располагайся! — махнула она и вновь скрылась в другой комнате.

Я тяжело вздохнула и разулась. Естественно, этот случай меня несколько шокировал, и я осуждала тетю, но, с другой стороны, наверное, она все же права. Хотя, зачем же так ребят надувать? — все никак не могла я успокоиться, но потом все же махнула рукой, решив, что надо действительно «мотать на ус».

Разувшись, пошла в ту сторону, где только что скрылась тетя Катя. Это была комната — студия; гостиная совмещенная с кухней, впереди огромная лоджия, где в данную минуту курила моя крестная, задумчиво глядя вдаль. Я осмотрелась. Квартира была небольшая, но с хорошим ремонтом. Ничего вычурного: просто, чисто и со вкусом. Светлые тона во всем, хотя я не особо люблю такой стиль. Мне нужно что-то яркое, дерзкое, со всякими безделушками, и мебелью с завитушками. У тети Кати же, напротив, ничего лишнего: диван, плазма и журнальный столик — все это молочного оттенка. Зеркало во всю стену — наверное, шкаф-купе, напротив кухня в таком же цвете.

— Янусь, а ты чего стоишь - то опять? — спросила тетя Катя, возвращаясь с лоджии. — Тащи сюда сумари свои, сейчас я тебе выделю место в шкафу и положишь туда необходимые вещи. Остальные в кладовке будут стоять. Там, наверное, у тебя куча всего для общаги?

Я кивнула.

— Нет, вот не пойму Ирку! Я одна, мне не в тягость, живи ты у меня и живи. Нет, мы же гордые! — возмущалась тетя Катя, освобождая шкаф. Я притащила свои сумки из коридора. Достала все, что нужно, а остальное убрала.

— Спать будешь здесь, Ян, потому что у меня другая комната рабочая. — сообщила крестная, кивнув на диван.

— Хорошо.

— Ну, иди, душ принимай, я пока на стол накрою. Полялякаем чуть-чуть.

Я усмехнулась и последовала ее совету, прихватив халат и сумочку с принадлежностями для душа.

О, это было такое блаженство после трех суток трясучки и грязи,

стоять под горячими струями воды, смывать с себя пыль и усталость. Выползла я, наверное, через полчаса. Разморило меня конкретно, поэтому клонило в сон.

— Я уж думала, ты там утонула. — усмехнулась тетя Катя, суется на кухне. Пахло очень вкусно, у меня даже в животе заурчало. — Садись. Сейчас картошку доварю, и будем обедать.

Я присела за стол, передо мной тут же появилась чашечка кофе. Минут пять я наслаждалась его вкусом и, как ни странно, потихонечку засыпала.

— Янулька, просыпайся, налетай. — погладила меня по голове крестная.

Так удивительно: вроде бы не видела ее столько, а легко с ней, как будто всегда была рядом. Хотя, если так подумать, она незримо присутствовала в моей жизни. Пусть не приезжала, но звонила регулярно, подарки присылала. Они с мамой лучшие подруги еще со школы, пусть и в разных университетах учились, а все равно не забывали друг о друге. Именно тетя Катя поддерживала мою маму в период беременности и после моего рождения. Если было нужно посидеть со мной, она всегда бросала все дела и мчалась к матери. Может быть, крестная и не являлась слишком добрым человеком в отношении других людей, как например, с сегодняшними ребятами, но тем, кто западал ей в душу, была предана всем сердцем. Она поздно вышла замуж, после чего переехала в Москву, но недолго ей удалось насладиться семейным счастьем. Через четыре года ее муж ушел к другой женщине, так как тетя Катя не могла иметь детей. Они с мамой стали теснее общаться — обе были одиноки. Мое приезда крестная ждала с нетерпением, наверное, все же не хватало ей ребенка.

— Спасибо. — улыбнулась я, принимаясь за курицу с картофелем. Тетя Катя не ела, попивала кофе и пристально смотрела на меня. Но я это заметила, только когда практически все съела.

— В чем дело? — спросила, смущаясь.

Она улыбнулась и покачала головой, заправила мне за ухо мокрую прядь волос и тихо ответила:

— Любуюсь тобой, Янка. Красивущая ты! Мать такая же была. Все мужики ей вслед глядели, разинув рты.

Я зарделась от ее слов и опустила голову вниз. Как - то не привыкла я к таким комплиментам, да и прям уж красоткой не считала себя.

— Спасибо. — выдавила я из себя.

— А ты не робей, Янка, знай себе цену. Щас в универ пойдешь, ушлых, знаешь, сколько?! Ты сюда учиться приехала, а не шашни крутить. Будешь по койкам прыгать, сразу домой отправлю! — строго предупредила

она. Я же была возмущена, поэтому тут же огрызнулась.

— Я и не собиралась так-то! Че к чему вообще?

— К тому, что все мы не собираемся, а потом нарисуетя принц этот, недоделанный, и ум ветром сдуло. Любовь любовью, Яночка, но в столице да и вообще на нее долго не проживешь, так что думай о будущем. Бывает невтерпеж, ясно понятно — гормоны играют. Ты девочка красивая и не глупая, такой товар за просто так не отдадут кому попало. Поэтому не надо спешить и делать ошибки. Учись, успеешь с мужиками нагуляться.

Я смотрела на тетю Катю возмущенно и в тоже время понимала, что она права. Я никогда не мечтала о вселенской любви, наверное, материалистка все же. Потому и не дружила ни с кем из парней, так что данные советы были мне по душе. Но я не собиралась рыскать в поисках мужика побогаче. Пока все мои мысли об учебе, а об остальном подумаю позже.

— Да все нормально, тетя Кать, не переживай. — спустя пару минут успокоила я ее и себя заодно. Она недоверчиво вздохнула и отпила кофе. Минут пять мы сидели в тишине, затем крестная перешла к делу.

— Ладно, по мере поступления будем решать проблемы. — подвела она итог недавним речам. — Завтра едем в приемную комиссию, подаем документы. У меня два свободных денька — покажу тебе Москву, а потом сама, Янусь.

— Окейки! — пожала я плечами.

Дальше мы болтали о маме и бабушке. Тетя Катя интересовалась моими успехами в школе, подружками, мальчиками — в общем, всем. Я ничего не скрывала, да и было бы что таить. С ней было легко общаться, гораздо проще, чем с мамой. Мама — это все же мама, а с крестной атмосфера дружеская, понимающая. Проговорили мы до самого вечера, потом легли спать.

А утром началось полнейшее безумие. Сначала невероятнейшие пробки, потом огромная очередь в приемную комиссию. Шум, беготня, куча лиц — все что-то кричат, обсуждают, смеются. У меня глаза разбегались, и становилось страшно — это, ведь только первый день работы приемной комиссии, а сколько еще будет заявлений?! Конкурс нешуточный.

Только к вечеру мы приехали домой выжатые, как лимон. Поужинали и разошлись по своим комнатам. Я посмотрела телевизор, поговорила с мамой и вскоре отрубилась.

На следующий день была прогулка по Москве. Тетя Катя долго думала, с чего начать мое знакомство с нашей столицей. В итоге решила,

что с главных достопримечательностей. Наиболее известным местом города является, конечно же, московский Кремль. Туда мы и отправились. Между Московским Кремлём и Китай-городом расположилась, также знаменитая на весь мир, Красная площадь. Мы гуляли, наслаждаясь столичными видами, фотографировались. Было очень весело. Я приобрела сувениры для мамы в лавочках — она их любит. Ближе к полудню посетили главную православную святыню страны — Храм Христа Спасителя. Высокое, великолепно украшенное строение, возвышается над городом, издали восхищая своей мощью и строгой красотой. Я была восхищена. Посещение Храма стало отличным завершением изучения достопримечательностей в центральной части Москвы. Мы решили закончить наше гуляние, уже темнело, да и впечатлений мне хватило. Я, как замороженная, оглядывалась по сторонам. Для меня Москва казалась сказочной страной. У нас в городе ни одного приличного места не найдешь, а здесь, что ни улица — то шедевр. Хотя, конечно, спальные районы ничем от наших не отличались.

Мне еще много всего предстояло увидеть, но я решила, что продолжу знакомство со столицей после экзаменов, которые должны были начаться через неделю. Все это время я упорно готовилась, не выползая из-под книг и с детской площадки, где репетировала свою вариацию на фрагмент из классического балета. Это было еще то представление. К концу недели меня уже знал весь двор. Соседи каждое утро следили за моими выступлениями.

И вот настал этот знаменательный день — я приехала на Фрунзенскую улицу, чтобы сдать профильный экзамен по классическому танцу. Как ни странно, волнения я не испытывала хотя всю неделю была в диком напряжении, но у меня всегда так — сначала паникую, а в ответственный момент ноль эмоций. Но это продолжалось недолго. Как только я зашла в корпус и увидела толпу смеющихся абитуриентов, страх липкими щупальцами опутал меня. Все были уже переодеты в танцевальную форму и теперь с усмешками поглядывали на меня. Я закусила губу, не зная, что мне делать. Почему-то было неловко спросить у кого-то, где здесь туалет, хотя робкой меня не назовешь. Наверно, я находилась под впечатлением от большого города и еще не адаптировалась. Нервничая, оглянулась и посмотрела в окно. Нет ли там каких-нибудь кустов, чтобы переодеться. Но ничего подходящего не нашла. С каждой секундой время тикало, я волновалась все сильнее под насмешливыми взглядами. Внезапно в холл ворвалась девушка. Она тоже была в обычной одежде и немного растеряна. Но, в отличие от меня, думала она недолго. Подхватив сумку, подошла к

какому-то пареньку и спросила:

— Где вы переодевались?

Я постаралась прислушаться к ответу, но болтовня окружающих не позволила этого сделать. Заметив, что шатенка двинулась куда-то, расталкивая людей, я последовала за ней. Вскоре мы вместе зашли в туалет. Она с интересом оглядела меня, я приподняла вопросительно бровь. Шатенка усмехнулась и продолжила снимать одежду. Честно говоря, ее крупногабаритное тело меня несколько шокировало. Девушкой она была симпатичной, ну, знаете, из категории тех, про кого говорят милашка. Светло - русые волосы до лопаток, губки бантиком, розовые щечки. Но фигура далеко не балетная. Грудь размера третьего не меньше, крепкие ноги. Короче, поддержать есть за что. Я тоже формами не обделена, но до таких далековато. Она также скользила взглядом по мне. А потом наши взгляды встретились, и мы не сговариваясь, засмеялись.

— Я Лера. — выдавила, все еще посмеиваясь, шатенка.

— Яна. — ответила я, улыбаясь.

— Ты нездешняя. — утвердительно произнесла она.

— А что, так заметно? — поинтересовалась я.

— Да ты вообще отличилась сейчас. — подколола она меня, а я ухмыльнулась. Эта девчонка была мне симпатична.

— Просто не хотела ни к кому подходить и спрашивать. — призналась, натягивая лосины.

— Ой, и правильно. Я тут пообщалась с народом, пока документы подавала. Дурка плачет по многим. Не понять откуда притащились, зато понтов-мама дорогая! — поделилась она впечатлениями. И это было так комично, что я вновь рассмеялась.

— А ты откуда? — спросила я, успокоившись.

— Я Москвичка! — выпятив свою внушительную грудь, сообщила она театрально, а я опять прыснула. — А что, не видно?

— Вот сейчас видно! А так, я думала какая-то провинциалка.

— Да я вообще простая, как сибирский валенок.

— Кстати, я из Сибири. — произнесла я с усмешкой.

— Сорри... — ответила Лера машинально, было видно, что смущения она не испытывает.

— Да ничего.

Мы уже переоделись и теперь, переговариваясь, шагали к экзаменационному залу. Лерка оказалась той еще болтушкой. За те пять минут, что мы шли, она поведала мне все, что можно и нельзя об академии. Поделилась тем, как решилась сюда поступать. А когда мы оказались около

двери, у нее начался мандраж, и мне пришлось ее успокаивать. Я и сама стала волноваться, потому что результаты объявляли сразу же. Постепенно народ стал выходить, кто с лицами счастливыми, кто с грустными.

— Гельмс! — объявили в коридоре. Лерка соскочила со стула и с глазами по пять копеек уставилась на меня.

— Блин, это меня! — дрожащим голосом сообщила она.

— Так, успокойся! Ты все сдашь, даже не сомневайся. Давай, ни пуха! — строго наказала я ей, а она, тяжело сглотнув, кинула, и поплелась в зал. Дверь за ней закрылась, а я закусила губу от волнения и уже не только за себя. За эти полдня, что мы были знакомы, Лера стала мне близкой. Вроде бы разные, как небо и земля, но, возможно, в этом и вся суть. Бывает так, редко конечно, встретишь человека и тут же понимаешь, что он, так скажем, «свой». Через десять минут она выскочила с радостным лицом и кинулась мне на шею.

— Янкаааааа, я сдала! — кричала она, смеясь, и я вместе с ней хохотала, раскачиваясь из стороны в сторону в ее объятиях, искренни радуясь за нее. Тут дверь открылась, и объявили:

— Токарева!

Я шумно втянула воздух, отстранилась от Леры. Она шутливо перекрестила меня и подтолкнула вперед. Я кивнула и направилась в зал. Он был небольшой, по кругу зеркала, в дальнем конце комиссия из пяти человек — все, как на подбор, с постными лицами, вззирающими на меня, как на букашку. Я вздернула подбородок и вышла на середину зала.

— С чего начнете? — спросил кто-то. Я сглотнула и твердо ответила:

— С комбинации аллегро.

— Помните, что на пальцах? — предупредил меня уже другой член комиссии.

— Конечно! — вновь спокойным голосом ответила я.

— Начинайте. — раздался приказ.

Я выдохнула и начала, сконцентрировавшись только на своих движениях. Все пролетело, как в каком-то сне. Аллегро, потом экзерсис у станка, вариация на фрагмент классического балета, которую я отрабатывала целый год. И вот я уже стою, дышу рвано, поджилки трясутся от волнения. Смотрю на бесстрастные лица членов комиссии. Они переговариваются между собой, а я же готова в обморок упасть от этой пытки, называемой ожидание.

— Поздравляем, вы прошли отбор. — сухо сообщили мне. Я кивнула и медленно вышла из зала. Тут же на меня накинулась Лера. Я не ожидала, что новая знакомая будет ждатель.

— Ну, как? —спросила она с улыбкой.

И тут я уже дала себе волю: засмеялась, закивала. Лерка подхватила мой смех и мы, как две дурочки, начали прыгать и визжать, до тех пор, пока нас не выгнали. На улицу мы выбежали, хохоча над этим инцидентом.

— Так, это надо отметить! — хлопнула в ладоши Лерка, когда эмоции немного схлынули.

— Рано еще праздновать, вот сдадим все, тогда и гульнем. — ответила я.

— А вдруг не сдадим?

— Типун тебе на язык. Что там не сдать-то по истории хореографии?

— Ну, пошли хоть по морожке съедим? — потянула она меня в другую сторону.

— Да я деньги только на проезд взяла. — с сожалением призналась я.

— Ну и ладно, все равно идем! У меня мама менеджер в ресторане, так что вперед. Я сегодня угощаю, а после погуляем немного. Ты же еще не везде была? — протараторила Лера, по-прежнему таща меня за собой. Мне очень хотелось прогуляться после недельного, точнее годового загруза, и я решила, что позже верну ей деньги.

— Хорошо, только я потом все равно отдам тебе деньги. — поставила я ей условие.

—Пошли уже. — отмахнулась девушка, и мы двинулись к автобусной остановке. В транспорте Лерка без умолку тараторила: рассказывала о себе, комментировала все, что видела. Так я не хохотала уже лет двести. Достав телефоны, мы фотографировались прямо в автобусе, корча рожицы: губки уточкой, пафосное личико, строили глазки. На нас косились, но было все равно. Просмотрев фото, Лерка недовольно скорчилась и сказала:

— Не буду с тобой больше фотаться, а то у меня комплекс разовьется. Я засмеялась.

— Да, конечно. — отмахнулась я. Но, если честно, было приятно. Если рассуждать объективно, то я действительно ярче и интересней. Но Лера, по-своему, хороша.

-Ой, да что «конечно»?! Смотри, как на тебя мужики косятся. — кивнула она в сторону сидевших напротив нас парней. Я посмотрела на них, и один тут же подмигнул мне, а после поднялся со своего места и направился к нам.

Мы переглянулись с Леркой и закатили глаза.

— Выкручивайся. — шепнула она мне, усмехнувшись. А я растерялась, не зная, что делать. Поэтому натянула на лицо непроницаемую маску и уставилась в окно. Парень остановился прямо надо мной и весело

обратился:

— Привет, девчонки.

Я взглянула на него и приподняла бровь, в ожидании дальнейших действий, но он не смутился, а продолжил;

— Давайте знакомиться.

— Зачем? — спросила я холодно.

— Ну, как зачем? Погуляем вместе, пообщаемся, крошка.

— Прости, но парни, разъезжающие на автобусах -не наш формат! — парировала я насмешливо. Не знаю, какой бес в меня вселился, но это дурацкое «крошка» меня взбесило. Дебил, мачо недоделанный! С него тут же слетела удаль, улыбка сползла с лица, а в глазах загорелся злой огонек.

— Ну, и пошла на х** сука! — выплюнул он и развернулся, чтобы уйти, но тут Лерка вслед кинула:

— Сам туда п*здуй.

Старики загалдели, а придурок обернулся и показал фак.

Лерка ответила ему тем же, а после повернулась ко мне.

— Не хило ты его отбрила. Аккуратней, всяких дураков хватает.

— Пошли отсюда. — прошипела я, потому что все теперь с осуждением смотрели на нас. А бабульки начали свою извечную песню «что за молодежь пошла». На следующей остановке мы выскочили из автобуса и вновь начали смеяться, вспоминая лица людей, а, главное, этого парня.

Через пятнадцать минут подошли к кафе Де Марко. Это было итальянское заведение, с очень уютной и теплой атмосферой. Стильная обстановка, напоминающая уютные кафе Венеции, хотя я ее не видела, но представляла нечто такое. Все выдержано в светлых и коричневых тонах, особенно мне понравились лестница на второй этаж и панорамные окна на первом этаже.

— Красиво. — констатировала я.

— Это еще средне. — фыркнула Лерка, как мне показалось, несколько высокомерно, и потянула меня на второй этаж. — Здесь работать будем, если не поступим.

— Иди ты! — отмахнулась я от нее.

Мы поднялись наверх. Там нас проводили за столик и предложили меню. Вскоре к нам подошла светловолосая женщина в черном брючном костюме. Она тепло улыбалась. Я сразу же поняла, что это Леркина мама. Она поприветствовала меня, а потом обратила внимание на дочь: поинтересовалась насчет экзамена, порадовалась, поболтала с нами немного и ушла работать. А я позвонила своей маме и тоже поделилась

отличной новостью. Она еще полчаса выражала свой восторг. За это время принесли наш заказ: молочные коктейли и мороженое. Так как я с утра, как обычно, ничего не ела, то с жадностью накинулась на еду. Утолив немного голод, притормозила. В ресторане мы провели где-то час. Говорили о школе, тренировках, всяких забавных случаях из жизни. С Леркой было круто: столько энергии и позитива я ни у кого еще не видела, она заряжала положительными эмоциями. Вечером мы бродили по Арбату, я позвонила тете Кати и предупредила ее, что немного задержусь.

С наступлением темноты разговоры стали откровеннее.

— У тебя мужик есть? — спросила Лерка вот так в лоб. К этой минуте мы, кажется, знали всю подноготную друг друга.

Я засмеялась.

— Нет.

— Ну, был же? — недоверчиво покосилась она.

— Нет. — посмеиваясь, ответила я.

— Гонишь! — округлила она глаза.

— Почему это? — мне стало интересно. На самом деле, она была не первым человеком, считающим, что за мной толпами парни ходят. Но в школе все знали, что со мной ничего не обломится, как не старайся, поэтому никто не хотел тратить время, когда есть девочки поговорчивее. Ну, а кроме школы и тренировок я больше никуда не ходила, поэтому была не в курсе, какое впечатление производит мое лицо на сильную половину человечества. Но ответ Лерки меня обескуражил.

— Потому что внешность у тебя блядская, на такую мужики всегда клюют! — выдала она как-то пренебрежительно, что мне даже стало стыдно за свою эту «блядскую внешность».

-Ну, какая есть.- пожала я плечами, скрывая смутение. Но Лерка будто почувствовала и преувеличенно бодро ткнула меня в плечо.

-Эй, ты чего? Я же шучу! Завидую; все мужики теперь твои.

-Да мне как-то не особо надо.

— И правильно, на хер они нужны?! — воскликнула она, сморщив носик. Я усмехнулась.

— Что там у тебя за драма? — спросила я, делая вывод из последней фразы.

— Да ну, какая драма?! — отмахнулась она. — Так, школьный роман, первая любовь — вся фигня.

— Ясно. А сейчас что?

— Да ничего. Мы сразу после выпускного разбежались. Я с ним с десятого класса встречалась. В десятом еще было весело, а в одиннадцатом

какая-то хрень началась. А ты что вообще ни-ни? — лукаво поинтересовалась она вновь.

— Ну, сказала же. — раздраженно ответила. Почему - то мне стало неловко из-за своей невинности. Черт, как же смешно звучит-то!

— Блин, прикольно же. — каким-то мечтательным голосом произнесла она. Я засмеялась.

— Нет, а че ты ржешь? Я вот сейчас жалею, что с этим придурком спала. Тем более свой первый раз я не особо помню; отмечали Новый год и все случилось. Сейчас бы все иначе замутила,—задумчиво произнесла Лерка, но тут же словно очнулась и бодро сообщила, — Ой, сегодня в универе видела парня, забыла тебе сказать. Такой красавчик. Офигенный. Как глянул своими глазищами, я чуть не упала. Вот знаешь, до этого момента не верила, что так бывает. А тут стою, и он мимо проходит, все девки замерли, зашептались. А он оглядел всех таким взглядом, типа, «к ноге, сучки!», а на губах усмешка. Высоченный, фигура атлета. От него сексом за версту несло, у меня аж поджилки затряслись. А когда посмотрел на меня, я чуть просто не кончила. Так бы и съела без всего. — закатила она глаза, а потом прыснула от смеха. Я же просто задыхалась, утирая слезы. Лерка посмотрела, как я катаюсь на лавке, держась за живот, и пихнула меня в бок.

— Если увижу его, обязательно тебе покажу, будешь потом на пару со мной слюни пускать. Хотя... думаю, мы в этом будем не одиноки.

— Ага. — скептически покачала я головой, а потом глянула на время. — Слушай, надо уже закругляться.

— Надо. — согласилась она, и мы пошли на остановку. Затем обменялись телефонами и разошлись каждый в свою сторону.

Следующие три дня до экзамена мы постоянно были на связи. Тетя Катя радовалась, что я уже нашла себе подругу. А Лерка с каждым днем становилась мне все ближе и роднее. Перед очередным экзаменом я даже не волновалась — к нему я тоже готовилась весь год, поэтому в своих силах была уверена. Мы с Лерой приехали пораньше, поэтому пошли на экзамен в первой группе. Я почти уже все написала, когда меня толкнула в бок какая-то блондинка и спросила шепотом:

— Слушай, подскажи этапы становления русского балета.

Я огляделась по сторонам — все сосредоточенно строчили. Посмотрев на умоляющее лицо девушки, решила помочь ей — написала ответ на листке. Взглянув еще раз вокруг, протянула записку, но тут сзади раздалось:

— Что у вас в руке?

Я тяжело сглотнула и повернулась. На меня грозно надвигался

сухонький мужичок, сверля недовольным взглядом.

— Ничего. — прохрипела я, сжимая записку. Блондинка же уткнулась в свой лист и делала вид, что не при делах. Вот ведь сука! Хотя... это я просто дура.

— Показывайте! — подошел он и указал на руку. Я затряслась, но руку разжала.

Мужчина быстро пробежался по листочку взглядом, нахмурился еще сильнее, а потом выдал, убивая меня:

— Значит, шпаргалки прячем?!

— Нет. — выдохнула я. Меня затошнило от ужаса и словно парализовало. Я знала, что за это сразу же исключают.

— Ваша фамилия!

— Токарева.

Он записал себе в блокнот, затем окончательно добил меня.

— Собирайте вещи и на выход. Можете сразу же забрать документы.

Я не верила, стояла посреди зала и не знала, что делать. В меня впились сотни взглядов абитуриентов, многие из них посмеивались. Слезы обожгли глаза. Я чувствовала, как мои мечты с оглушающим звоном разбиваются. Трясущимися руками собрала вещи и на негнущихся ногах покинула аудиторию. Мужчина пошел следом за мной, проводил меня в какой-то кабинет, где мне тут же выдали документы.

Я не заметила, как оказалась на улице. Слезы текли по щекам, а я шагала, как сомнамбула, сама не ведая куда. Город стал чужим и серым, жизнь казалась разрушенной. В голове не было ни одной мысли, хотелось лечь и умереть. Телефон разрывался, но у меня не было сил с кем-то говорить. Я просто сидела на лавке и смотрела в одну точку, будто оглушенная. Боже, как же я скажу маме об этом провале? Она же столько средств и сил в меня вбухала. Как я вернусь в город? Что мне вообще теперь делать?

Адское разочарование скручивало меня, рвало на части. Я разве что не кричала на всю улицу. Как? Как такое возможно? Ведь я была всего в шаге от заветной мечты. У меня были хорошие результаты ЕГЭ, отличная подготовка, поэтому сомневаться в успехе не приходилось.

Так я просидела довольно долго. Эмоции постепенно утихли, в душе поселилась пустота. Одно я решила абсолютно точно — ни за что не уеду из Москвы, иначе пиши пропало. Я поступлю на следующий год, обязательно, а пока буду работать. Винить в своем провале мне было некого и от этого еще горше. Приняв для себя решение, я поехала домой, готовясь к серьезному испытанию — разговору с тетей Катей. Я знаю, что мои

шансы равны нулю, но я должна во что бы то ни стало уговорить ее подыграть мне и не сообщать новость маме. Я не хочу, чтобы она расстраивалась, переживала, стыдилась меня.

Когда я вошла в квартиру, обомлела. Навстречу мне выскочили крестная и Лерка. Я удивленно покосилась на подругу. Но мне не дали и рта раскрыть, тетя Катя тут же начала кричать:

— Янка, ты с ума сошла?! Да ты знаешь, что мы тут всех на уши поставили?

Она продолжала возмущаться, я же не слушала, ужас внутри медленно расползлся.

— Ты маме звонила? — поинтересовалась я сразу же.

— Нет. Сама этим займешься и сообщишь, как опростоволосилась. А я тебе говорила! Это Москва, а не твой колхоз. Тут с тобой никто сюськаться не будет! Хотела добренькой побыть? А никому это на хер не нужно!

— Хватит! — оборвала я ее.

— Ты со мной еще поговори! Звони матери!

— Не буду я никому звонить. — огрызнулась я и подошла к шкафу, вытаскивая сумки.

— Что это еще за новости? — иронично поинтересовалась она.

— Такие. Я останусь в Москве. — выдавила я из себя. Руки тряслись от нервного напряжения

— Чего – чего? А где это ты собралась проживать в Москве, интересно?

Я тяжело сглотнула и посмотрела на Лерку, которая сейчас притихла. Она, словно поняв мою немую просьбу, прокашлялась и неуверенно подала голос:

— У меня.

Тетя Катя усмехнулась и покачала головой.

— Не резиновая Москва. Дур таких знаешь сколько?! На что ты собираешься жить?

— Проживу, не переживай. — зло, сквозь слезы, прокричала я, пакуя вещи. Меня так сильно задела ее слова. Да и вообще, я была выжата, как лимон. Там, на аллее, все казалось просто, а сейчас вдруг с ужасом понимаю — мне некуда деваться, я загнана в угол. Ну, где я буду жить? Где работать? Что мне делать? Одно я знала точно-я не хочу домой. Не хочу видеть потухший взгляд мамы и бабушки. Они же столько надежд на меня возлагали. Не могу больше сдерживаться: сажусь в кресло, утыкаюсь в коленки и реву навзрыд. Я не заметила, как оказалась в объятиях тети Кати.

— Ну, все, все. Ну, ты чего, детка? Ну, не конец ведь света?! На

следующий год мы с тобой обязательно поступим. Ты мне скажи, зачем документы-то забрала? Ох, надо было мне с тобой идти, я бы их там разнесла! — причитала она, успокаивая меня. К нам подседа Лерка, взяла меня за руку.

— Ян, не убивайся ты так. Хочешь, я с мамой поговорю? Возможно, поможет тебе с работой — им часто официанты требуются. Нормально все будет, Ян.

Я кивнула, а потом посмотрела на крестную и отчаянно попросила:

— Теть Кать, пожалуйста, очень тебя прошу, не говори маме. Я буду платить за квартиру, обещаю. Я...

— Прекрати! — оборвала она меня и вышла на лоджию, покурить. Я же заламывала кисти и наблюдала, как она задумчиво смотрит вдаль.

— Я поговорю с мамой, попрошу ее помочь. Сеть Де Марко большая, где-нибудь обязательно будет работа. Так что не накручивай, все будет! А этой суке я пинка дала, сказала, что ей п*здец! Ты бы видела, как она бежала — только пятки и сверкали. — попыталась успокоить меня Лерка.

Но вышло все наоборот-я истерично засмеялась. Но чтобы не пугать Гельмс истерикой, сжала с благодарностью ее руку.

Вошла тетя Катя: бледная, губы поджаты, взгляд строгий. Я застыла в ожидании ее ответа. Она еще некоторое время сверлила меня взглядом, а потом вздохнула тяжело и сказала:

— Только попробуй не поступить на следующий год, придушу!

Все внутри меня оборвалось, слезы потекли из глаз, а на губах заиграла улыбка.

В эту минуту я пообещала себе, что из кожи вон вылезу, по головам пойду, но выкарабкаюсь!

Глава 3

Обманывать нехорошо. Кажется, так учили нас в детстве? Сейчас я убедилась, что прежде всего, «нехорошо» в этом случае тебе. По крайней мере, когда врешь своим близким.

Месяц назад моя жизнь превратилась в спектакль под названием: «Я студентка, у меня все круто». На тот момент казалось, что проблема заключается лишь в том, чтобы уговорить тетю Катю подыграть мне, но я ошиблась. Понимание этого пришло, когда настало время поделиться «радостными» вестями с мамой. Так я еще никогда не волновалась: язык словно прирос, меня парализовало. Но пересилив себя, сухо сообщила, что теперь я первокурсница. Только маму такой ответ не удовлетворил, она

требовала подробностей вплоть до мелочей. Скрипя зубами, пришлось выдумывать велосипед. У меня было чувство, что с каждым лживым словом я отдаляюсь от нее все дальше и дальше. Мама же была такой счастливой, какой я ее никогда не видела. Столько смеха, восторга и радостных слез звучало в ее голосе, что у меня сводило внутренности от осознания моей унылой реальности. Приходилось утешать себя тем, что эта ложь во спасение. Только вот не свою ли шкуру я спасаю от позора и разочарованных взглядов? Такие мысли часто терроризировали мой мозг по ночам, особенно после вечерних разговоров с мамой по скайпу или же по телефону, которые стали для меня и тети Кати настоящей каторгой. Чаще всего после них крестная начинала извечную песню о том, зачем она связалась в этот цирк. Меня и саму корежило.

На дворе царствовал еще август, но я с ужасом представляла, что будет, когда начнется учебный год. Каким-то образом придется объяснять маме, почему я не в общежитие. Это будет очень сложно. Мама человек ненавязчивый, лучше стеснит себя, но не других. Оттого она категорически противилась моему проживанию у тети Кати. Не представляю, как буду решать эту проблему. К тому же присутствовала необходимость делиться впечатлениями об учебе, а у меня и с этим напряг. Вся надежда на Лерку.

Впрочем, на фантазии и переживания вскоре не осталось времени. Лера, как и обещала, поговорила со своей мамой и уже через некоторое время меня взяли на стажировку в один из ресторанов сети Де Марко. Санитарную книжку мне сделали за несколько дней, поэтому проблем с трудоустройством не возникло.

Признаюсь, никогда не думала, что для того чтобы стать официантом, необходимо еще и учиться. По крайней мере, в Де Марко к этому делу подход весьма серьезный.

Во время стажировки я должна была выучить меню, включающее в себя более сотни напитков и блюд, состав которых обязана помнить, как отче наш. Разбираться с чем рекомендовать то или иное блюдо, какие соусы, напитки, овощи, закуски посоветовать к нему, в случае, если клиент сомневается в выборе. Еще в ресторане действовала система правил подачи тех или иных сортов чая, кофе, блюд и так далее. В течение этого месяца моя память тренировалась похлеще, чем перед экзаменом. Но я справилась: освоила все так, что от зубов отскакивало. А после успешной сдачи меню нашему менеджеру начался новый этап — знакомство с коллективом и так

называемыми правилами внутреннего трудового распорядка. Их нарушение ощутимо било по зарплате.

За порядком строго следила грозная женщина Алла Ивановна — управляющая. Под ее надзором официанты не только по струнке ходили, но и дышали через раз. Позже мои коллеги, с которыми мне удалось найти общий язык, предупредили, что с Аллой Ивановной надо быть осторожной. Эта педантичная дамочка в брючном костюме и с кислой миной, чувствовала себя не просто управляющей, а хозяйкой ресторана, потому как приходилась какой-то родственницей нашему директору и не столь важно, что дальней. Думаю, после этого небольшого нюанса становится вполне понятным, что любое слово Змеищи — как за спиной коллектив называл Аллу Ивановну, было законом независимо от того, права она или нет.

Поскольку работа была мне необходима, я изо всех сил старалась понравиться управляющей во время стажировки. Но вскоре Стас — единственный позитивный человек в этом змеином гнезде посоветовал мне плюнуть на это дело, ибо скорее в Африке пойдет снег, прежде чем кто-то понравится Алле Ивановне.

Вообще, коллектив оставлял желать лучшего — еще одно замечательное открытие, которое мне пришлось сделать, познакомившись с обслуживающим персоналом ресторана Де Марко. Двенадцать официантов, из которых только Стаса и Ксюшу можно было назвать адекватными, остальные же с пафосными рожами и таким настроением, что казалось, еще чуть-чуть и бедолаг разорвет от злости.

О чем-то спросить у этих акул — себе дороже.

Безусловно, я понимала, что подобную атмосферу создавала Алла Ивановна, но все же Стасику и Ксю это не мешало сохранять улыбку на лице. Повара и бармены оказались из того же теста, что и большинство.

В целом картина ясна: оказалось я в чудном местечке, того и гляди, как бы не сожрали. Но я себя в обиду не дам — прежде чем проглотят, поперек горла встану, дабы сволочь, попытавшаяся меня скушать, сдохла от удушья. Вот только пафос это, на деле же, как ни прискорбно признавать, получилось все иначе.

Вообще, хотелось на работу приходить с легким сердцем, а не ждать каждую минуту какой-нибудь подлянки. Но, как говорится, мечтать не вредно. Вчера стажировка подошла к концу, и меня приняли на работу.

Наступил день, которого я боялась, так как с него начался период под названием «потеря времени».

Итак, первое сентября, на часах шесть утра, а я уже на ногах. На ум сразу же приходит достаточно правдивый эквивалент известной поговорки: ученье — свет, а не ученье — чуть свет и на работу. Настроение от незавидных перспектив на ближайший год опускается ниже некуда. Погода со мной солидарна: небо заволокло грозowymi тучами, ветер пока еще только набирает обороты и лишь слегка колышет деревья, но грозит перерасти в ураган. Вот и лету пришел конец, осень законно вступила в свои права.

Выхожу на лоджию, чтобы сделать зарядку. Разминаю мышцы, с остервенением и маниакальной злостью повторяя про себя, что уже через год буду с улыбкой встречать новый день, с мыслями об учебе, а не о работе. Напоминание о ней приводит меня в волнение, в животе появляется неприятное ощущение. Казалось бы, ну о какой работе можно волноваться, будучи официанткой? А я все равно боюсь сделать что-то не то. В каждом деле свои тонкости, в обслуживании их куча.

Сделав зарядку, приняла экстремальный душ. Собиралась я как мышка, дабы не разбудить тетю Катю — она любила поспать, но эти попытки потерпели неудачу, когда позвонила мама. На всю квартиру запела моя любимая Rihanna со своей извращенной песенкой про садомазохизм. И начались лихорадочные поиски телефона по всему залу. Rihanna продолжала горланить Na-na-na some on, в соседней комнате слышался мучительный стон:

— Янка, я убью тебя!

Я прикусила губу, но тут же с облегчением выдохнула, увидев свою разрывающуюся Nokia. На экране мигало «мамулечка», вызывая у меня неприятное чувство и безотчетный страх. Если я буду всегда так реагировать на ее звонки, то к концу года меня можно смело определять в дурдом.

Собравшись с силами, отвечаю на звонок, придавая своему голосу как можно больше радости:

— Мамуль, привет!

— Янка, я тебя не разбудила? – торопливо спросила мама. Я усмехнулась. Как это в ее стиле: сначала что-то сделать, а потом подумать.

— Нет, мам, я уже на ногах.

— Я все забываю, что у нас разница во времени. Совсем память ни к черту, вот хоть на лбу записывай все. Ты как там? Я вчера допоздна провозилась с новой группой, поэтому не позвонила. Как общежитие? Или ты торопишься?

Я изо всех сил вцепилась в трубку и с колотящимся сердцем слушала торопливую речь мамы. В комнату вошла заспанная тетя Катя. Я бы посмеялась над ее видом: торчащие в разные стороны волосы, лицо, словно после хорошей попойки, да еще пижама с котятками, но сил не хватало даже на улыбку.

— Мам, я тороплюсь. Давай вечером поговорим?

— Ну ладно, дочур. Поздравляю тебя с первым учебным днем. Пусть тебе сопутствует успех.

— Спасибо, мамуль.

— Целую, до вечера.

— И я тебя. Пока.

Я сразу же нажала кнопку отбоя и повернулась к тете Кати, потягивающей кофе. На столе стояла кружка и для меня, но вранье не способствовало аппетиту.

— Спасибо, – поблагодарила я, принимаясь за горячий, ароматный напиток, – извини, что разбудила, – смущенно добавила, делая небольшой глоток, скорее для вида.

Крестная отмахнулась и вышла на лоджию, покурить. Как ни странно, я выпила весь кофе. Кинув в сумку телефон и гигиеническую помаду, попрощалась с тетей Катей, но она, по всей видимости, еще не проснулась, поэтому не обратила на меня никакого внимания.

Выйдя из подъезда, я включила музыку в телефоне и надела наушники, чтобы хоть как-то поднять себе настроение. Но даже зажигательная «Где ты пропадал?» Рианны не смогла этого сделать. Хотя музыка, может и зажигательная, а вот сам текст песни далек от позитива. В конечном итоге, на работу я прибыла в еще более подавленном состоянии, чем проснулась. Хмурые лица моих коллег позитива не добавили.

Я пришла за тридцать минут до начала рабочего дня, как мне и сказали, но выяснилось, что к этому времени необходимо быть уже в униформе.

— Токарева, а почему ты еще не готова? – обратилась ко мне Алла Ивановна, войдя в раздевалку. Я оглянулась и только сейчас заметила, что

из официантов здесь лишь я. Мысленно ругнувшись, начала оправдываться:

– Извините, я не знала, что...

– Незнание законов не избавляет от ответственности. Надеюсь, что о штрафах ты осведомлена. Минус пятьсот рублей за опоздание, – перебила она меня, едва шевеля тонкими губенками.

Если бы не красная помада, то их едва ли можно было заметить.

Признаюсь честно: я в шоке. Нет, меня предупредили о штрафах и многих других вещах, но я же не опоздала, а потому надеялась на понимание со стороны Змеищи. Моя наивность в очередной раз сыграла со мной злую шутку. Вновь вспоминаются слова тети Кати: «Это Москва, деточка! Здесь с тобой никто церемониться не будет!» или эпизод из фильма Триста спартанцев: «Это Спарта! Слабакам тут не место!» И жесткий пинок в грудь. Мое состояние на данный момент можно обозначить емко: Аллочка с размаху заехала мне своей шпилькой. Отличный день, не находите? Сюрприз за сюрпризом. Не зря я их ненавижу. В эту минуту начинаю понимать своих коллег – будешь тут доволен жизнью.

Переодевшись, вышла в зал и растерялась, не зная, что делать. Но понаблюдав за ребятами, влилась в работу: начала протирать столы, расставлять цветы, перемывать пепельницы в зале для курящих. Работы было куча, я даже не заметила, как ресторан открылся, и появились первые посетители.

– Эй, ты чего такая кислая? – подлетел ко мне Стасик, когда я пошла за майкросом (машина для введения заказа, отправки его повару и бармену).

– Меня оштрафовали, – тяжело вздохнув, призналась я.

– О, детка, подожди, это еще только начало. Сегодня твой первый день. Ты отсюда уползешь, только когда Алка высосет всю кровь, – вставила свои пять копеек Ксюха, проходя мимо.

– Ксю, не нагоняй жути. Иди лучше, куда шла, – распорядился Стас и помахал девушке рукой, когда она собиралась что-то сказать. Ксю на минуту задержалась, чтобы показать язык, а после скрылась в дверях подсобки. Стас, усмехнувшись, покачал головой. Между ними царила приятельская атмосфера. Мне нравилась эта парочка: эфемерная, рафинированная блондиночка с лицом ангела и языком-бритвой и смуглый брюнет, похожий на дьявола, с манерами хорошо воспитанного дэнди. Они казались небом и землей, но все же кое-что общее у них имелось – оба помешаны на тряпках и своей внешности. Причем Стас, как мне казалось, даже в большей степени, чем Ксюша. Поначалу я подумала, что он гей, но

вскоре меня просветили насчет метросексуалов.

– Ян, ты не вешай нос. Просто будь внимательнее. Особенно следи за тем, чтобы не вбить один и тот же заказ дважды. С этим долбаным сенсорным экраном это зачастую происходит. Народу у нас много, поэтому нужно глядеть в оба, а то поторопишься... А потом придется есть все, что назаказывала лишнего. Никогда не кушала со слезами на глазах оттого, что это твоя зарплата за месяц вперед?

Я смотрела на него с недоверчивой улыбкой. Но вскоре поняла, что имел в виду Стас.

После полудня ресторан был полностью забит. Не было практически ни одного свободного столика, кроме нескольких, которые являлись резервными для постоянных и, конечно же, богатых клиентов. Они могли и не прийти, но столики должны были пустовать. Сегодня пустующих оказалось два. Впрочем, этот вопрос не особо меня волновал – с постоянными клиентами работали так называемые «свои» официанты, к которым данные небожители привыкли. Честно сказать, из-за этого на нас «неизбранных» ложилась дополнительная работа: нужно было брать лишние столики, так как обслуживание дорогих гостей могло затянуться, как, например, сейчас.

Мне приходилось разрываться на части, бегая с первого этажа на второй, пока Ксюша мило улыбаясь, беседовала с толстым армянином, описывающего в деталях мишку, который должен украшать его латте. Услышав этот бред, я едва истерично не захохотала, но когда посмотрела на мужчину, гнев немного поутих. Армянин и сам был похож на огромного мишку с милой улыбкой, но все равно причуды богатых людей мне вряд ли удастся понять.

Эта мысль отрезвила, и я вновь почувствовала злость. На мне висело порядка двадцати столиков – куча заказов, все с пометками и особыми условиями, почти всем посетителям нужно было что-то подать в определенное время и обязательно с чем-то конкретным. Моя голова разрывалась на куски, ноги болели от бесконечной беготни туда-сюда, а руки тряслись от напряжения и волнения. Все же мне было еще очень тяжело принимать заказы и вести себя естественно. Почему-то я испытывала стыд и неловкость за свою работу. Пусть и выросла в бедной семье, но обслуживать кого-то в мои планы не входило. Но, как говорится: мы предполагаем, а Бог располагает.

По всей видимости, меня решили спустить с небес на землю и хорошенько надавить на горло гордости. Надо признать, получается

шикарно. Чувствую себя разбитой и выжатой, как лимон. Такой жалкой на фоне всех этих разряженных, пафосных людишек, с кислой миной делающих заказ. Понимаю с горечью, что я слабая, ничего из себя не представляющая. Всего прошло полдня, а я стала такой же, как большинство сотрудников ресторана – злая на весь мир, недовольная, готовая взорваться в любую минуту. И эта минута наступила, когда спустившись, я обнаружила, что вместо одного салата «Греческий» мне приготовили два.

– Я один, вообще-то, отбивала, – возмутилась я. Повар посмотрел на меня, как на идиотку и, ничего не говоря, ткнула прямо в бумажку с заказом, где было четко указано, что я заказала два салата. Нервно сглатываю, когда, словно почувствовав, что пахло жареным, появилась Алла Ивановна.

– Что тут у нас? Лишний заказ? – поинтересовалась она весело, как будто это было смешно. Ей, похоже, доставляли удовольствие чужие проблемы. Эта сука была самым настоящим энергетическим вампиром. Ее настроение росло в геометрической прогрессии от понижения его у окружающих.

– Лена, запиши на счет Токаревой четыреста девяносто рублей, – передала она по рации нашему менеджеру, а после обратилась ко мне, – А ты чего стоишь-то? Беги заказ выполняй, заждались уже люди. Позже народ схлынет, сходишь, пообедаешь, салатик покушаешь, – пропела она сладким голоском, от которого меня передернуло. Краска прилила к лицу, а в груди все перевернулось от унижения и стыда. Хотелось сбежать, забиться в дальний угол и реветь, пока обессиленно не уснешь. Но я проглотила слезы, мелькнувшие в глазах, и вздернула подбородок выше. Спокойно забрала поднос под насмешливым взглядом Змеищи, а после пошла на второй этаж, сдерживаясь, чтобы не зарыдать. В голове только и крутилась мысль о том, что меня штрафнули за день на тысячу рублей, а чаевых даже и пятьсот не набралось.

Поднимаюсь по лестнице, а слезы все же застилают глаза, длинный темно-коричневый фартук мешает быстро передвигаться, я спотыкаюсь. Наверняка бы упала, но тут кто-то придерживает поднос. Встречаюсь с обеспокоенным взглядом Стаса и чувствую, что вот сейчас точно расплачусь. Он быстро забирает поднос и тоном, не терпящим возражений, произносит:

– Иди, передохни. Скажешь Алле, что я взял твои столики, пока ты обедаешь. Майкрос давай!

– Не надо. Все нормально, – смутилась я, удивленная и тронутая его

пониманием. Он раздраженно втянул воздух.

– Ян, просто дай майкрос и ступай.

Не знаю что именно, но что-то в его тоне заставило меня протянуть ему машинку. Он молча взял ее и уже собирался уйти, но вдруг сказал:

– Обязательно съешь эту жарчку, ты ее заработала, так что насладись моментом!

Я хохотнула сквозь слезы и пошла вниз.

По дороге сказала Алле, что иду обедать, в ответ та лишь кивнула.

В подсобке достала из холодильника свой салат, поставила на стол шедевр из помидор, сыра, маслин и какой-то зелени. И меня прорвало. Задышавшись от слез, медленно опустилась на стул и начала рыдать навзрыд. Вступать во взрослую жизнь оказалось тяжелее, чем я думала. В материальном мире не делают скидок на возраст и неопытность, в нем живут по законам джунглей: выживает сильнейший, а сильнейший тот, кто умеет хитрить, не показывает своих слабостей, держит удар и быстро учится на ошибках. Иначе тебя сломают, подомнут под себя. А затем по твоему же трепыхающемуся телу ползут выше и дальше, а ты будешь смотреть с ненавистью, не в силах что-либо изменить. Нет, если уж выбирать, то лучше я пойду по головам, чем по мне. Пусть сегодня меня сбили с ног, но это не смертельно, скорее поучительно. Знаете, я ведь уже вроде как попрощалась с детством, но в реальности это происходит только сейчас. Утерев слезы, решительно пододвинула к себе тарелку и начала сосредоточено жевать овощи, не чувствуя вкуса. Да и плевать! Пора учиться делать невозмутимую рожу, когда больно, неприятно и невкусно. Хочешь жить — умей вертеться! Так всегда говорит мама. И это истина, так сильно сейчас мною прочувствованная, а не просто принятая к сведению. И она не последняя в моей жизни, мне еще много раз придется обжечься и пораниться, прежде чем я наберусь опыта, как жить в этом мире. С каждым разом я буду становиться все жестче, равнодушной и безжалостней, а как следствие, сильнее. Ведь именно в этом заключается мощь в нашем мире. Я преодолению страх, боль и стану сильнее. Хватит! Пора поставить точку в череде неудач.

С таким воинственным настроением я вышла в зал. Стас подмигнул мне, я благодарно улыбнулась и принялась за работу. До конца смены оставалось несколько часов, и они прошли спокойно. Я была внимательна и осторожна, но настроение от этого не улучшилось. Более того, увидев,

сколько заработали чаевых ребята в отличие от меня, вновь стало обидно. Я работала не хуже остальных, но мои заработки утверждали об обратном.

Плюнув на невеселые размышления, быстро переоделась, горя лишь одним желанием – покинуть этот гадюшник. Моральных и физических сил не осталось – меня действительно выжали до нитки. Окунуться в прелести взрослой жизни я оказалась не готова. Собравшись, побежала на выход. Мне срочно нужен свежий воздух. У черного входа происходила разгрузка продуктов. Я чуть не взорвалась от злости, не зная, что делать.

– Пошли через главный вход, – махнула мне Ксюха.

Я последовала за ней, по пути надевая наушники. Шла быстро и совершенно не смотрела на дорогу, пока не столкнулась с кем-то. Да так, что отлетела на приличное расстояние. Боль в плече оказалась настолько ощутимой, что слезы обожгли глаза и затуманили взгляд. Пытаясь их скрыть, я опустила голову вниз, и зло прошипела, пробегая мимо толкнувшего меня мужика:

– Смотри на дорогу, придурок!

– Иди, проспись, овечка безмозглая! – последовал раздраженный ответ. Я обернулась, чтобы посмотреть на этого ухаля, но дверь за мной уже захлопнулась, а за стеклом никого не было видно. Махнув на инцидент, догнала Ксюшу.

– А где Стасик? – спросила я, оглядываясь в поисках моего спасителя.

– Он сегодня в две смены, – ответила Ксю, закуривая сигарету.

– А так можно? – удивилась я.

– Конечно. Если есть желание торчать в этой дурке шестнадцать часов. Лично я – пас, мне никакие деньги не компенсируют нервные клетки.

Я усмехнулась, мысленно соглашаясь, хотя идея дополнительного заработка показалась мне не такой уж и плохой. Все равно полдня нечем заняться. Но для начала нужно немного привыкнуть, а уже после в омут с головой. День был настолько напряженным, что меня даже передернуло при мысли о том, чтобы задержаться еще на восемь часов. В ресторане было две смены: одна – с семи до трех часов дня, другая – с трех часов до одиннадцати. В течение недели приходилось работать в обе смены. Ребята говорили, что в вечернюю лучше – чаевых больше. Завтра узнаю, обманули или нет.

Некоторое время мы с Ксюшей шли молча. Она с наслаждением курила, а я просто смотрела вдаль. Кроме усталости и ощущения, что жизнь проходит мимо меня, не было никаких чувств. Я с горечью представляла, как сегодня позвонит Лерка и будет с энтузиазмом делиться впечатлениями. Безусловно, я за нее радуюсь и в то же время жутко

завидую.

– Эй, ты чего приуныла? Решаешь - бежать или нет из нашего ада? – подмигнула Ксю, слегка ткнув меня локтем.

– У меня выбор невелик, поэтому придется привыкать. А свыкнуться можно со всем, – философски заметила я, тяжело вздохнув. Ксюха согласно кивнула. Я думала, что она начнет расспрашивать о личных делах, но напарница не сказала ни слова. Мы вновь на несколько минут замолчали, пока не дошли до перекрестка, где обычно расходились.

– Ну, до завтра. Ты ведь в первую смену будешь? – спросила она.

– Нет, я теперь до конца недели во вторую, – я скорчила недовольную рожицу, потому как перспектива терять полдня, а после идти на работу – совсем не радовала.

– О, со Стасиком в паре. Думаю, он будет рад, – двусмысленно усмехнулась она, я же в недоумении приподняла бровь:

– И как это понимать?

– Ну, скажем так: Стас не тот человек, который будет кому-то помогать, – пояснила она мне.

– Ясно, – ответила я первое, что пришло в голову. Эта новость не стала приятной неожиданностью. Я сразу же прикинула, сколько это сулит проблем и осложнений, которых и так хватало в жизни, а потому новых не хотелось. Мне оставалось только понадеяться, что это досужие домыслы, не имеющие под собой реальной основы.

Я тяжело вздохнула, а Ксюха с удивлением на меня взглянула. Все явно читалось по моему лицу.

– Знаешь, Стасик очень даже неплохой вариант, да и симпатяшка. Если бы я не была замужем, то уже давно бы с ним закрутила, – поделилась своими соображениями Ксю, что вызвало у меня раздражение. Так и хотелось сказать: «А при чем тут, простите, я? Крути с кем хочешь!». Стас, конечно, симпатичный, но совершенно не в моем вкусе. Не привлекают меня сладкие мальчики или как их все называют – метросексуалы. Я девушка простая, мне никаких «сексуалов», а уж тем более «метро», не надо. Мне, пожалуйста, обычного мужика без заикленности на себе любимом. Терпеть не могу самолюбование, особенно мужское – отвратительное зрелище.

– Мне сейчас не до этого, – уклончиво ответила я, вспомнив про Ксю.

– А «это» нас не спрашивает. Просто появляется тот, от которого крышу сносит напрочь, и тогда уже становится не до всего остального, – резюмировала она. Затем отмахнулась и весело попрощалась, – Ладно, пошла я, хватит разглагольствовать! Надо своему крышесносу ужин

готовить, а то точно без нее останусь.

Я усмехнулась, и помахав на прощание, пошла в свою сторону.

Дорога до дома заняла больше получаса, что показалось мне настоящим кошмаром. За это время можно весь Рубцовск объехать.

Войдя в квартиру, быстро переоделась и сразу же без сил упала на диван. Тетя Катя работала, поэтому я могла посидеть в тишине и покое. Делиться впечатлениями о работе, не было желание. Да и что рассказать? Что я пробежала восемь часов взад-вперед, обслуживая всех недовольных людей, но при этом ничего не заработала?

В эту минуту хочется забраться под теплое одеяло – спрятаться от всего мира. Закрывать глаза и просто исчезнуть хотя бы на пару секунд из удушающей реальности. Но я всего лишь беру пульт от телевизора и начинаю переключать каналы, чтобы придать себе занятой вид, на случай, когда из комнаты выйдет тетя Катя. Но мои усилия оказались напрасны. Позвонила мама.

– Алло, – ответила я убитым голосом.

– Янка, привет! Ты уже в общежитие? – в лоб спросила она. По всей видимости, меня решили добить. Шумно втягиваю воздух и махнув на все, признаюсь ей:

– С общежитием я в пролете, мам.

На несколько минут в воздухе повисла тишина, а потом мамин голос трансформируется в строгий и холодный.

– В смысле?

Устало прикрыв глаза рукой, начинаю заранее подготовленную речь.

– Я не успела на заселение и мест не осталось. Объяснили, что только на следующий год теперь можно подать заявку.

– Что это значит – не успела на заселение? А чем ты занята была, интересно? Где шарохалась? – на повышенных тонах расспрашивала мать, а у меня от ее напора окончательно срывает краны. Я подошла к черте, называемой «предел», и повысила голос в ответ:

– Я заблудилась, а не «шарохалась»! Это столица, а не наша деревня! И что теперь из этого трагедию делать?

– А жить ты где собираешься?

– Да не придуривайся ты, мам, у тети Кати! Где же еще? Она не против...

– Естественно, не против! Да ты почему такая-то? Ты понимаешь, что человека стесняешь? Когда ты думать о ком-то будешь? Видишь только себя! И что теперь, ты мне объясни? Ой, Господи, да все у тебя не как у

людей. Так выйди ты пораньше, если не ориентируешься. Ты что, целый день бродила по городу, как бестолковая овечка?

Это сравнение с овцой – уже второе за сегодняшний день, взбесило меня так, что я перестала выбирать выражения.

– Представь себе, бродила! Еще и бекала. Че ты ко мне привязалась? Кому на хрен нужна твоя гордость? Лучше бы гордой была, когда с женатиком связалась! – кричала я, а слезы текли по щекам.

– Так, ну-ка отдай трубку, немедленно! Иди, умойся, – раздался надо мной властный голос. Я, не глядя, передала трубку крестной и убежала в ванную, где меня захлестнула истерика. Я плакала навзрыд, выплескивая в слезах свое разочарование, обиды, боль, страх, и сожаление – такого наговорила маме. Мне не хотелось ее обижать и бить по самому больному. Было очень плохо. Просто невыносимо. Наверно, я бы во всем призналась маме, если бы не тетя Катя. Месяц бесконечного вранья и напряжения вымотали меня. К такому я не была готова, а потому психологически не выдерживала. Хотя кому вру? Для признания у меня кишка тонка.

Не знаю, сколько я просидела в ванной, жалея себя, но успокоившись, поняла, что тетя Катя закончила разговор с мамой. Мне было стыдно за свои слова, а потому выходить из своего убежища не хотелось. Как я посмотрю крестной в глаза, как оправдаю свою вспышку, учитывая все обстоятельства? Но выбора не было. Набравшись смелости, потихонечку открыла дверь и, осторожно ступая, вернулась в зал. Тетя Катя сидела в кресле, попивая вино. Увидев меня, застывшую на пороге, слегка склонила голову набок, сделала небольшой глоток и спокойно спросила:

– Что случилось?

Я молчала, опустив голову вниз.

– Ян, ты завязывай из себя невинную овечку корчить, тебе не идет.

Господи, они что, сегодня все сговорились?

Я резко подняла голову и с вызовом посмотрела на тетю.

– А так идет? – иронично поинтересовалась я.

– Ой, ну вы посмотрите на нее, Звезда Звездовна Звездецкая! Передо мной характер не надо показывать, дорогуша. Ты его лучше в другом месте проявляй, да смотри, чтобы крылышки не пообломали, – съязвила она.

Я же прикусила губу, чтобы сдержать предательскую дрожь. Краска прилила к щекам. Все сказанное было абсолютной правдой. Коротко мое поведение можно было охарактеризовать так: «С родными Лев Толстой, а с другими х** простой!». Сил не осталось даже на злость или обиду. Я просто села в кресло и невидящим взглядом уставилась в одну точку за

спиной тети Кати. Некоторое время крестная молчала, я чувствовала ее взгляд на себе. Затем послышался тяжелый вздох. Она встала и подошла ко мне, села на корточки и убрала прядь волос, прилипшую к мокрой щеке. Я вздрогнула от ее прикосновения, хотела отстраниться, но она не позволила. Притянула меня к себе, крепко обняла. И меня прорвало: я со слезами рассказывала о сегодняшнем дне, обо всех неудачах, унижении, даже о мужике, обозвавшем меня безмозглой овечкой. Тетя Катя успокаивала меня, предлагала подыскать другую работу, но я понимала, что везде свои трудности, а если я буду постоянно от них убегать, то так и останусь на низшей ступени социальной лестницы. Я – спортсменка, с детства адаптирована к борьбе. Воля к победе у меня сильная. Я упряма и гордости мне не занимать. Пусть звучит смешно, но черт возьми, этот город я покорю не мытьем, так катаньем. Немного придя в себя, я отрицательно покачала головой.

– Тогда, Януль, нужно собраться и начать работать в полную силу. Ты можешь мечтать о чем угодно, но не нужно забывать о реальности. Чтобы достичь цели, нужно быть лучшей там, где ты сейчас. Это поможет перейти на другой уровень. Привыкай немного гасить свои желания. Залог успеха в стремлении и работе над собой, а не в мечтах о лучшей доле. Выполняя свою работу безупречно: улыбайся, будь вежливой и услужливой.

– Я не собираюсь лизать задницу этим уродам!

– А это твоя работа. Свои обязанности надо четко понимать. Если ты настолько гордая, то иди в другое место. Только поверь мне, пока ты никто, тебе все равно придется «лизать задницу». Просто запомни: входя в ресторан, ты уже не Яна Токарева, а просто официантка. От тебя ждут улыбок, предупредительности и не навязчивости.

– От того, что я буду бегать за этими свиньями, моя жизнь не станет лучше, – огрызнулась я.

– Не станет, – согласилась тетя Катя, – Но ты привыкнешь выполнять свою работу без эмоций, как машина, что сведет ошибки и промахи к минимуму, а следовательно, повысит твой доход. Ты тут недавно обвинила мать в гордости ненужной. Хочу заметить, сама недалеко ушла. Подумай, чего ты хочешь. А потом реши, как тебе себя вести дальше. И самое главное, позвони матери.

Я кивнула, крестная поднялась, поцеловала меня в макушку и, прихватив бокал, оставила одну.

Я же пребывала в состоянии отрешенности и глубокой задумчивости,

хотя мыслей ноль. Сидела себе, смотрела в окно. Мне звонила Лера, но я не хотела ни с кем разговаривать, даже с ней. Точнее сказать, с ней в особенности. Общение с мамой и Леркой стало для меня каторгой, потому что напоминало о неудачи. Я корила себя за малодушие и старалась не показывать, что мне в тягость их общество, но это правда. Можно было, конечно, не теревить себе душу и порвать отношения с Лерой, но это глупо и мерзко. Я еще не настолько мелочна и завистлива.

Ближе к ночи, окончательно успокоившись, позвонила маме и попросила прощение. Мама заверила меня, что все нормально, но я знала, как сильно ее обидела. Мне было стыдно за свое хамство. Импульсивность – мое проклятие. Нужно как-то с ней бороться, но вот только как?

Последующие дни прошли спокойно. Я обдумала все слова, что сказала мне тетя Катя и согласилась с ней. Действительно, не стоит смешивать работу и личное. Я должна зарабатывать деньги, а не показывать свое я. Только вот на деле это оказалось сложнее, чем представлялось.

Люди в Москве радужностью не отличаются. Хмурые, раздраженные, с пафосными выражениями лиц, вечно куда-то спешащие и требующие свой заказ немедленно. Они убийными дозами закачивали в меня негатив ко всему миру. Но в какой-то момент я начала их понимать. В этой бесконечной битве за материальные средства мы-мелкие рыбешки огребаем больше всех, а получаем меньше остальных. Наверно, мы и должны быть злыми, недовольными жизнью, если не научились довольствоваться тем, что имеем. Единственное, чего я не понимала – чем недовольны богатеи? Ладно, среднячок, у них есть причины, но эти-то с чего бесятся? Наверно, правильно говорят – с жиру.

Но все это размышления о том, что меня интересовать не должно. В такие моменты я вновь напоминала себе, что пришла на работу за деньгами, и именно на их зарплате нужно было сконцентрироваться. Такую задачу я поставила себе. Поэтому со всем присущим мне энтузиазмом кинулась ее выполнять. Улыбка не сходила с моих губ: вежливая, приторная, до невозможности предупредительная.

Каждое утро я натягивала безликую маску на лицо и отключала эмоции – это требовало огромных усилий, но у меня получалось. И хорошие чаевые не заставили себя ждать. В какой-то момент мне даже понравилось. Я начала общаться с посетителями, на меня стали обращать внимание многие мужчины, несмотря на то, что наша униформа представляла из себя нечто ужасное: темно-коричневая рубашка, которая

должна была быть застегнута под самое горло, черные брюки и сверху фартук до щиколоток в тон рубашки. Также устав о дресс-коде гласил: никаких длинных ногтей, яркого лака, украшений и распущенных волос. Допускался дневной макияж. И на том спасибо, хоть можно было замаскировать тональным кремом веснушки на носу, которые ужасно раздражали. Впрочем, внешний вид меня не особо волновал. Некоторым женщинам я даже в уродском прикиде не нравилась, а мне это было невыгодно. Мужское внимание, безусловно, поднимало самооценку, но чаевые были важнее.

Спустя десять дней деньги стали главной движущей силой. Я считала каждую заработанную копейку. Да и как иначе в моем положении? Поэтому спустившись к бару и увидев два одинаковых коктейля – каждый по шестьсот рублей, меня чуть не хватил удар. Это могло означать только одно – я вновь забила лишний заказ. Только вот оплачивать его у меня не было никакого желания. Но и как этого избежать? Я не имела представления.

И тем не менее со спокойной улыбкой взяла оба бокала и понесла вверх, лихорадочно думая, что мне с ними делать. Но увидев за столиком парня и девушку, которые, по всей видимости, были совсем недавно знакомы, разве что не запрыгала от радости. Я не психолог, но это и не требовалось для того, чтобы заметить, как парень лезет из кожи вон, дабы произвести впечатление на девушку: в позе показная небрежность, на лице скука хотя глазами уже десять раз поймел бедняжку, а на губах играет легкая усмешка. Ну, просто мачо. Что тут еще сказать? Девушка жеманничала и строила свои накрашенные глазки, вокруг которых растеклась тушь, а темные тени собрались в кучу. Но «мачо» был настолько очарован, что наверняка считал это сексуальным. На свой страх и риск я решила проверить, осталась ли в его голове хоть капля разума или все же страсть превращает мужчин в дураков. Я понимала, что рискую потерять работу и подвести Леркину маму, но в то же время мне не хотелось, чтобы моя зарплата ушла в минус еще на шестьсот рублей.

Несколько шагов преодолеть оказалось сложно. Меня рвало на части: рискнуть или выплатить очередной штраф и быть спокойной. Или все же рискнуть? Да? Нет? Да... Нет? Да.

Подхожу к столику, ставлю заказ, забираю грязную посуду и, развернувшись, быстрым шагом иду в сторону, где меньше всего посетителей. По пути выливаю коктейль в грязные чашки, а следом начинается час ада. Я бегала, выполняла заказы, но все это было как в

тумане. Единственное, что меня волновало – это влюбленная парочка. Я молилась, чтобы они поскорее попросили счет, тем самым вынесли мне приговор. В то же время боялась этого больше всего на свете.

И вот проходя мимо их столика в очередной раз, я услышала заветные слова:

– Принесите счет, – уверенно сказал парень, все еще пребывая в роли хозяина жизни. И это радовало. Продолжай в том же духе мальчик, не останавливайся! – мысленно просила я, неся заветный чек, в котором вместо счета за один коктейль стояла цена за два.

Сердце колотилось как сумасшедшее, а руки дрожали, словно у алкоголички, когда я подошла к столику и протянула кожаную книжечку, продолжая при этом улыбаться. Счет времени пошел на секунды. Казалось, что я замечаю даже колебание воздуха. Парочка продолжала весело болтать. Я отошла на небольшое расстояние, чтобы следить за парнем, который потянулся к карману и достал кошелек. Я застыла, адреналин в крови зашкаливал, но к страху примешивался азарт. И вот легким движением руки парень открывает книжечку, я на мгновение замираю, но «мачо», как я и предполагала, мельком заглядывает в счет, небрежно кидает нужную сумму с учетом чаевых, а после помогает своей девушке собраться. Когда они улыбаясь друг другу, покидают ресторан, я не выдерживаю и расплываюсь в довольной улыбке.

Терзала ли меня совесть? Ничуть! Более того, я была собой горда. Но не тем, что сумела обмануть эту парочку, а тем, что предвидела цепочку действий паренька, позволившую мне сохранить мои шестьсот рублей. Скажете мерзко и отвратительно? Да, пожалуйста! Значит, вы еще не усвоили основной закон материального мира, а он гласит: хочешь жить, умей вертеться! Конечно, у каждого из нас есть предел, за который мы никогда не выйдем, но сейчас для меня это был не он, далеко не он. Я даже не испытывала чувства вины. Хотя скорее просто убеждала себя, что поступаю верно. Сразу вспомнился аналогичный поступок в отношении меня. Провал на экзамене меня озлобил, а взрослая жизнь ожесточила. Может, я слабая, что так легко прогнулась под этот мир, но рано или поздно это происходит с каждым.

Эти размышления спустили меня с небес на землю. И вот радости как не бывало. После часового пребывания в состоянии тревоги и дикого страха, я чувствовала себя разбитой и вымотанной, поэтому отпросилась у Аллы передохнуть. Отношения с коллективом у меня не стали лучше, скорее наоборот, так как мои чаевые вызывали у многих зависть и злость.

Но мне на это плевать, в друзьях я не нуждалась, как и в ухажерах, в которые с недавних пор записался Стас.

Все-таки Ксюша оказалась права. Стас всячески подбадривал меня, помогал, прикрывал. Поначалу это было приятно и очень облегчало мне жизнь, но сейчас стало напрягать, заставляя чувствовать себя обязанной. Наивности у меня поубавилось, зато прибавилось понимания, что всякая помощь в основном оказывается не за спасибо. Конечно, я не обязана отвечать взаимностью, но осложнений в отношениях со Стасом не хотелось – мне еще целый год работать в ресторане. Поэтому когда рабочий день подошел к концу и Стас вызвался проводить меня, я не знала, как отказаться. Хотя не буду лукавить, согласилась я по одной причине – было уже поздно. В этот день я работала во вторую смену, а ехать одной было страшно.

Мы шли молча, у меня не было сил и желания разговаривать. Провожать меня Стас вызвался сам, поэтому и развлекает пусть себя сам.

– Устала? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он, оглядев меня.

– Есть немного, – я кивнула, тяжело вздохнув. И чтобы поддержать разговор продолжила, – Не люблю вторую смену. Начинает казаться, будто весь день отпахала.

– О, завтра посмотришь, что значит «весь день отпахала». Я когда только начал работать после одной-то смены ели ноги волочил, а ты хочешь сразу в две. Отдыхать тоже нужно, всех денег не заработаешь. Ты от выходных, надеюсь, не отказалась?

– Мне все равно полдня нечего делать, лучше уж работать. А отдохнуть всегда успею, – отмахнулась я и поежилась.

Сентябрь подходил к концу, вечера стали холодными, а я все еще ходила в тонкой кофте. Стас покачал головой, а затем снял кожаную куртку и накинул мне на плечи. Меня сразу же окутало тепло и резкий запах мужского парфюма. Я немного согрелась, обдумывая происходящее. Стас не сводил с меня пристального взгляда своих карих глаз. Мне все это не нравилось, но в то же время было приятно.

– Спасибо! – выдавила я из себя, улыбнувшись краешком губ, а затем нехотя сняла предложенную вещь и протянула Стасу со словами, – Не нужно, а то простынешь в одной футболке, а работать за двоих мне не хочется.

Опыта общения с мужчинами у меня не было, поэтому я не знала, что еще сказать. Главное – соблюдать дистанцию. Стас, кажется, это понял. Нахмурился, забрал куртку и вновь накинул мне на плечи.

– Какая ты заботливая. Мне это нравится, – усмехнулся он и погладил мои плечи.

– Заботливый из нас скорее ты, – парировала я непринужденно. Хотя его руки, все еще лежащие на моих плечах, нервировали.

– Ну, я надеюсь, что ты это оценишь и согласишься со мной встретиться в неформальной обстановке. В это воскресенье? – подмигнул он мне, заглядывая в лицо.

Я же готова чуть ли не материться. Магнетизм из меня прет изо всех щелей, только почему-то притягивается все не то. Стас продолжал улыбаться в ожидание ответа, а я быстро пытаюсь сообразить, как отделаться от него. Еще же надо не обидеть. Идей ноль.

Благо мы подходим к метро. Это дает мне хоть какую-то передышку, но сев на свою электричку все же отвечаю.

– Я еще не знаю, что буду делать в воскресенье. Давай я тебе ближе к выходным дам ответ? – уклончиво произношу, следя за реакцией Стаса. Но он все так же улыбался.

– Договорились, – кивнул он, вызывая у меня раздражение.

Так и хотелось спросить: « Неужели не ясно, что не хочу я с тобой встречаться?» Не люблю навязчивых людей.

Всю последующую дорогу, мы говорили о работе, но меня и это напрягало.

Когда подошли к моему дому, облегченно выдыхаю. Я чувствовала себя неловко, прощаясь, а когда Стас наклонился и поцеловал меня в щеку, чуть не зарычала от досады, мысленно обласкав парня всеми известными мне матами. Резко отстранившись, отдала куртку и, холодно сказав «пока», зашла в подъезд не оборачиваясь. Мне оставалось надеяться, что мое поведение будет принято к сведению.

В квартиру я поднялась взвинченная и злая. Это сразу же было замечено тетей Катей.

– Ты чего недовольная такая? – спросила она, когда я вошла в зал.

– Как отвязаться от ненужного ухажера? – вырвалось у меня от досады. Сев в кресло, я со стоном наслаждения вытянула уставшие ноги, а потом перевела взгляд на крестную. Она на секунду оторвалась от своего сериала, ничуть не удивленная моим вопросом, и не раздумывая, ответила:

– Завести нужного.

Я усмехнулась и продолжила отвлекать ее от просмотра:

– Это проблематично. Вы ведь не разрешаете с мамой .

– Верно. Никаких мужиков! А то плакала твоя учеба. Но ты можешь сделать вид, что ухажер у тебя имеется.

– Все знают, что я одна, – призналась я с сожалением.

– Ой, Янка, вот учу тебя, учу. А ты все такая же простая, как три рубля. Не очень умно с твоей стороны все рассказывать о себе. А что там за ухажер–то нарисовался? – окончательно потеряв интерес к сериалу, переключила она все внимание на меня.

– Стас, который со мной работает, – призналась я с тяжелым вздохом, прикрывая глаза.

– О, хуже служебных романов может быть только роман с женатиком!

– глубокомысленно изрекла крестная, по дороге на кухню, – Кушать будешь?

– Да поздно уже, – устало откликнулась я, открыв один глаз.

– Садись, поешь, а то исхудает, сиськи обвиснут и будут как уши кокер-спаниэля.

Я засмеялась. Тетя Катя улыбнулась и продолжила меня уговаривать.

– Чуть-чуть совсем положу.

– Ну, давай, – согласилась я, поднимаясь с кресла и еле передвигая ногами, подошла к столу, – Что мне все-таки делать? – спросила я, садясь за стол. Передо мной тут же возникла тарелка с салатом и небольшой отбивной. Тетя Катя села напротив и пожала плечами.

– Не знаю, Янка, просто игнорируй. Может быть, дойдет до человека.

Я согласно кивнула, принимаясь за еду.

– Ты чего сотовый не взяла с собой? Лерка уже весь телефон разбила, да и мать тоже переживает, где ты ходишь допоздна, – спросила она спустя минуту.

– Зачем он мне на работе нужен? – пробубнила я, жуя.

– Ты что-то с Лерой ни разу за эти три недели не виделась, – осторожно заметила крестная. Я сделала вид, что вопрос несколько меня не смутит.

– У меня нет времени. Да и мы созваниваемся каждый день, – коротко ответила я, отставляя пустую тарелку.

Поблагодарив тетю Катю, поднялась из-за стола. Мне не хотелось развивать беседу на тему моих отношений с Лерой.

Как ни противно признавать, но я завидовала подруге по-черному. Каждый ее день был насыщен событиями, новыми знакомствами, впечатлениями и знаниями, которыми она спешила со мной поделиться. Мне же рассказывать ей было абсолютно нечего, кроме сплетен и склок,

которыми была богата моя рабочая жизнь. Точнее – существование. Подобное положение дел вызывало у меня чувство собственной ущербности.

Я люблю Лерку и очень сильно к ней привязалась за эти два месяца. С ней всегда весело, она поддерживает меня, как может, но каждый раз после разговора с ней у меня на душе все равно остается неприятный осадок от понимания, какой могла быть моя жизнь, если бы я не была, как правильно выразилась крестная «простая, как три рубля».

Спать я легла с очередной порцией безнадежных мыслей, но усталость не позволила долго заморачиваться и я уснула.

А утро, как всегда, оказалось мучительным и торопливым. Не выспавшаяся, голодная и злая спешу на проклятую работу, матерясь про себя из-за отвратительной погоды, превращающей меня в чудище. Как назло, когда я вышла из дома, пошел дождь, а я без капюшона и, конечно же, без зонта. Пока добралась до ресторана, промокла насквозь.

Не успела войти, как Алла огорошила меня тем, что Ксю заболела, и мне придется взять ее столики.

Чертыхаясь, влетаю в раздевалку, где в считанные минуты срываю с себя мокрую одежду и быстро натягиваю форму. Наш повар по салатам додумался прихватить с собой фен, к которому теперь выстроилась вереница желающих. Я присоединяюсь к ожидающим, благо у многих короткие волосы. Моя очередь подошла быстро, но времени остается всего несколько минут. Торопливо сушу волосы, а затем стягиваю их в шишку. Подхожу к зеркалу и ужасаюсь: от тонального крема не осталось и следа, наэлектризованные экстремальной сушкой волосы торчат в разные стороны, пусть и расчесаны, на щеках румянец, словно мне по ним нахлестали, а глаза горят от злости и раздражения.

– Ты прекрасна! – тихо сообщает мне Стас, проходя мимо. В ответ я скорчила скептическую рожу, а после, тяжело вздохнув, отошла от зеркала. Пора приниматься за свои обязанности.

Я еще не знаю, что через несколько часов такой обычный день станет одним из самых важных в моей жизни. Я суечусь и не подозреваю, что всего мгновение отделяет меня от такого непостижимого, вечного и нерушимого. От чего-то, что разделит мою жизнь на «до» и «после». Всего минута, после которых целых восемнадцать лет станут просто «до него».

Как много нам не ведомо. Мы словно слепые котята бредем по этой

жизни, полагаясь на судьбу, Бога, вселенную... Иногда нам любезно приоткрывают глаза, но чаще всего, когда уже становится слишком поздно. Все это, конечно, лирика. Вернемся к двадцать третьему сентября две тысячи одиннадцатого года.

Я разрываюсь между столиками, стараясь не ошибиться. Мне не хочется в очередной раз обманывать людей. После того случая с «мачо», я несколько раз повторяла подобный опыт, но при этом чувствовала себя не лучшим образом. Еще парочка таких стрессов и нервный срыв мне обеспечен.

Дополнительные десять столиков были ощутимой нагрузкой. Я не успевала вовремя выполнять заказы, а потому на меня со всех сторон сыпалось: «Девушка, а нельзя ли побыстрее?!», «Долго я еще буду ждать, когда вы соизволите меня обслужить?», «Обслуживание сегодня кошмарное!». Я была на взводе, голова шла кругом от обилия заказов и пометок.

– Яна, работай живее. Ксюша успевала пахать за двоих без особых трудностей, – делает замечание Змеища. Беру поднос с кофе и корчу рожу, пока она не видит. Так и хочется по голове ей съездить этим чертовым подносом. Чтоб ты захлебнулась своим ядом, падла! – бормочу про себя, проходя мимо. Поднимаюсь на второй этаж, ко мне подлетает Люба со словами:

– Иди быстрее, второй столик вернулся.

К слову, второй столик из резервных. Сколько я здесь работаю, еще ни разу не видела, чтобы он был занят, а может быть, не замечала. Его Ксю обычно обслуживает. Выполняю предыдущий заказ, а после направляюсь к «постоянному» клиенту, который бывал здесь реже, чем все остальные.

Подхожу ближе и, присвистнув про себя, прихожу к выводу: такого мужчину сложно не заметить. И не оттого, что он богат – это бесспорно, если судить по дорогой одежде и всяким аксессуарам, не потому, что красив – безусловно. Просто смотрю на него и теряюсь, понимая, что все вокруг меняется, расцветает. Наконец-то, я встретила его – человека, довольного жизнью, человека, непохожего на всех остальных. Не могу глаз отвести от этого смеющегося лица. Смех негромкий, но искренний, как и обалденная улыбка, начинающаяся от самых уголков глаз лучиками, превращающая мужчину в беззаботного мальчишку. Он похож на сорванца хоть и в элегантном костюме. Кожа почти черная от загара, отчего зубы

разве что не ослепляют своей белизной. Короткие пепельные волосы, выгоревшие на солнце прядями, кажется, будто мелированные, а глаза просто завораживают: ярко-голубые, невероятно-насыщенного оттенка, в обрамлении длинных черных ресниц. Брови, кстати, тоже черные, несмотря на то, что сам мужчина светлый. Сочетание шикарное. Да и вообще, мужчина потрясающий. Эдакий русский Брэд Питт. Как сказала бы Лерка: «Я бы ему дала!». А у меня в голове бьется утопическая мысль: «Хочу быть с ним!». Но мне вот только этого бреда не хватало. Переключаю внимание на то, почему я раньше не видела этого красавца, но тут все очевидно. Это я сужу по загару. Отдыхал человек.

Тяжело сглатываю и подхожу к мужчине. Слышу его голос: чёткий, уверенный, богатый обертонами, с хорошей дикцией и произношением; низкий, но не хриплый или как я называю «прокуренный». Этот голос не имеет ничего общего с сексом, но отчего-то проскакивает мысль: а как он звучит, когда шепчет что-то сексуальное? Краска приливает к лицу. Сама себе удивляюсь.

«Бред Питт» продолжает что-то весело рассказывать, слегка придерживая черный смартфон у уха, я же не могу сдвинуться с места. Замираю в паре шагов от него и не дышу, сердце работает с перебоями. Ладони вспотели, а язык такое ощущение, примерз. Волнуюсь так, как в первый день даже не волновалась. У меня мало времени, но как не уговариваю себя, не могу выдать ни звука. Тут мужчина слегка поворачивается в мою сторону, его взгляд мимолетно пробегает по мне, не задерживаясь, но мне все равно хватает, чтобы покрыться мурашками. Прикрыв рукой динамик телефона, красавчик коротко бросает:

– Как обычно.

Он возвращается к разговору и больше не обращает на меня внимания, я же стою в растерянности.

Отлично! Знать бы, что означает ваше «как обычно».

Можно было, конечно, спуститься и поинтересоваться у Аллы, что предпочитает данный клиент, но умная мысль приходит опосля. Я продолжаю стоять и сверлить взглядом широкие плечи, упакованные в дорогую рубашку бледно-голубого цвета. Рядом на стуле небрежно лежит светло-серый пиджак. Стильный, ухоженный мужчина, но без всех этих метросексуальных штучек. На вид ему тридцать, может даже больше – сложно сказать. Забыв о страхе, пялюсь на него, фиксирую детали, пока не сталкиваюсь с недоуменным взглядом голубых глаз. Я и не заметила, как объект моего пристального внимания закончил разговор и повернулся ко мне. Резко опускаю глаза в пол, краснею, как помидор. Становится

невыносимо жарко.

Чувствую себя идиоткой. Чтобы скрыть неловкость, достаю из кармана майкрос, руки дрожат под пристальным взглядом. Уговариваю себя успокоиться и заняться делом. Плюнув на смущение, все равно уже выставила себя душой, приподнимаю голову и встречаюсь со взглядом мужчины, едва сдерживающим смех. Опять мои глаза теряются в его, на несколько минут ступор. Усилием воли заставляю себя улыбнуться и хрипло произношу:

– Прошу прощение, я новенькая. Не могли бы вы уточнить свой заказ.

Мой идеальный мужчина почему-то не торопится с ответом, а внимательно меня разглядывает, как-то оценивающе. Мне становится не по себе. Особенно когда он, сдержанно улыбнувшись, начинает говорить:

– Ну что же, «новенькая», вижу, вы научились вежливости за несколько недель. За «придурка» не хотите извиниться?

Чего-чего? О чем это он?

– Простите? – ошарашенно спрашиваю я, ничего не понимая.

– Так-то лучше, – усмехнувшись, кивает он довольно, нарочно игнорируя вопрос. И тут меня осеняет – так это тот «придурок», с которым я столкнулась в дверях. Видимо, догадка отразилась на моем лице, потому что мужчина снисходительно поинтересовался:

– Вспомнили?

– Вспомнила! Не хотите извиниться за «безмозглую овечку»? – не знаю с чего вдруг во мне проснулась дерзость, но тот инцидент задел меня. Да и не хотелось запомниться этому мужчине безмозглой овечкой. Хотя вероятность запасть ему в сердце невелика, но я уж постараюсь. Интересный порыв, однако.

– Вы меня спровоцировали, – невозмутимо парирует он, но в этих хитрющих глазах читается вызов. И я не могу не принять его.

Во мне рождается странное желание быть дерзкой, безбашенной, непредсказуемой. Хочу показать ему, что я крутая девчонка, которой все нипочем. Но больше всего мечтаю его заинтересовать, разбудить в нем инстинкт охотника или чего там еще, не знаю. Все на уровне интуиции, инстинктов.

Преодолевая смущение, чуть-чуть поддаюсь вперед и чувствую сдержанный, строгий аромат. Мне он нравится, как и все в этом мужчине.

Сглатываю комок и, стараясь держаться как можно холоднее и увереннее, спрашиваю:

– Не бойтесь, что в тарелке окажется что-то не то?

Я заглядываю ему в глаза, окончательно потеряв всякий страх и субординацию, и мысленно прощаясь с работой. Но в ответ слышу короткий смешок.

– Пожалуй, овечка явно не про тебя, – подводит итог мой клиент. Я довольно улыбаюсь, больше от того, что мы перешли на «ты». Но в ту же минуту начинаю сомневаться в правильности своих действий. Вдруг он просто принял меня за прощальгу и решил не церемониться?

– А что, насчет безмозгой? – все же продолжаю в том же духе. Первое впечатление уже произведено, поздно давать задний ход.

– А что насчет моего заказа? – вот так резко он ставит меня на место. Я теряюсь под его взглядом – вмиг ставшим холодным. В секунды перестраиваюсь и принимаю деловой вид, пусть в душе и поднимает голову какая-то непонятная обида. Натягиваю маску «мне все равно», но она трещит по швам, голос предательски дрожит.

– Что закажите?

– Двойной эспresso. Не забудьте, он должен быть приготовлен из зерен робуста! Стейк, овощи на гриле и какой-нибудь десерт.

– «Какой-нибудь» – это какой? – раздраженно спрашиваю, задетая его прохладным тоном.

– Без разницы. На ваше усмотрение, – следует интересный ответ.

Отлично, теперь буду еще переживать, угодила ли я ему в выборе десерта.

– Ладно. Ваш заказ: двойной эспresso, стейк... Какой прожарки?

– Прожаренный.

– Ага. Хлеб?

– Нет.

– Далее: овощи на гриле и тирамиссу.

– Тирамиссу? Тебе нравится? – звучит провокационный вопрос, сбивающий меня с толку и превращающий все мои усилия сохранить спокойствие в ничто. Стараюсь не смотреть на этого садиста, издевающегося надо мной, но взгляд все равно возвращается к его бесстрастному лицу.

Он сидит, облокотившись на стол, приложив указательный палец к четко-очерченным губам красивой формы. Глаза поблескивают весельем, но выражение лица абсолютно серьезное.

– Я его не пробовала. Просто звучит прикольно – Т И Р А М И С С У ,

– театрально произношу я, чтобы вновь удивить и пробить брешь в этой отстраненности. Поэтому когда красавчик начинает смеяться, я разве что не прыгаю от радости. Но сдерживаю себя, сохраняю невозмутимость и делаю последние пометки, даже не глядя в майкрос:

– Что-то еще?

– Нет. Хватит, – сказал как отрезал. Мне почему-то показалось, что это в какой-то мере относилось к болтовне со мной. Ну что ж, пожалуй, соглашусь с ним – реально хватит.

Смотрю в зал и такое ощущение, будто прошли годы с того момента, как я подошла к столику номер два. Увидела этого мужчину и что-то изменилось, перестало быть прежним. Странное чувство, непонятное. Знаю, что теперь для меня он будет особенным, он уже особенный.

Так не хочется уходить, но недовольные лица моих коллег красноречивее всех слов говорят мне о том, что я и так слишком долго обслуживаю одного клиента. Тяжело вздыхаю и ставлю точку в нашей «беседе».

– Заказ будет готов в течение получаса.

Он уже даже не смотрит на меня, просто кивает и набирает чей-то номер. Как-то обидно. Хотя с чего бы ему иначе реагировать на меня. Кто я и чем могу заинтересовать? Да и надо ли? И вообще о чем я думаю?

С таким мысленным раздраем отхожу от его столика и включаюсь в работу. Но сосредоточиться никак не получается, все время возвращаюсь взглядом к нему. Мой клиент по-прежнему разговаривает по телефону, только теперь выражение лица сосредоточенное, хмурое, между бровей пролегла складка, придавая ему зловещий, угрожающий вид. Таким он мне нравится не меньше, если не больше. Мы – девочки ведь любим brutальных мужчин.

Чей-то окрик отвлекает меня от созерцания. Я возвращаюсь в реальность, смотрю на часы и торопливо иду вниз – полчаса уже прошло. Подхожу к бару, чтобы забрать заказ и чувствую, как меня начинает тошнить. Бариста протягивает три двойных эспresso.

Доболталась, Яночка. Домечталась!

Разглядываю три чашки, закусив губу, прикидывая, сколько это стоит. Тошнота усиливается. Бариста недоуменно следит за моей нерешительностью. У меня пара секунд, чтобы выбрать. Обмануть или заплатить? Обмануть? Да? Нет?

Глава 4

Смотрю на три маленькие и аккуратненькие чашечки, а перед глазами

красивое лицо. Не могу я его надурить, да и не получится — такие мужчины, как он, знают счет своим деньгам. Им уже не нужно никому ничего доказывать, они давно это сделали. Уверена, обмани я его, мне это просто так с рук не сойдет. Но дело не только в этом. Перед ним не хотелось выставить себя в неприглядном свете, поэтому скрепя сердцем, признаюсь:

— Две чашки на мой счет запиши. Я лишние отбила.

Бариста закатывает глаза и со вздохом тянется к журналу с нашими «косяками». А позади меня раздается голос, от которого у меня тут же подкашиваются коленки.

— Девушка, мне срочно нужен стационарный телефон. Откуда я могу позвонить? — обращается нарушитель моего покоя к нашему кассиру. Она кивает и протягивает ему телефонную трубку. Я же, как можно медленнее ставлю его кофе и бокал с дистиллированной водой на поднос, боясь повернуться. Хотя он наверняка не обратил внимания на разыгравшуюся сцену между мной и баристой. И все же, втянув воздух, разворачиваюсь и торопливо иду наверх, опустив глаза в пол.

Руки немного дрожат, а сердце в груди колотится, как сумасшедшее. Мне это состояние совершенно не нравится — чувствую себя ужасно. Мысли об очередном штрафе не дают покоя. Я механически принимаю и разношу заказы. Все плывет, как в тумане. Я даже не заметила того, как причина всего этого хаоса в моей душе и голове вернулась за свой столик. Впрочем, следующие полчаса мне было совершенно не до мечтаний и тайных вздыханий. Я через силу заставила себя сосредоточиться на работе, как вдруг вздрогнула, услышав обезличенное «девушка». Этот красивый голос не спутаешь ни с каким другим. Поворачиваюсь в сторону второго столика и, натянув предупредительную улыбочку, направляюсь к нему. Пока иду, сердце работает с перебоями. Я чувствую себя скованно из-за задумчивого взгляда, лениво скользящего по мне. Мужчина хоть и смотрит на меня, но создается такое впечатление, что в упор не видит, находясь где-то далеко в своих мыслях. Но я все равно нервничаю, мышцы словно парализует в тех частях моего тела по которым проходит его взгляд. Пытаюсь успокоиться, дышу глубоко, но тщетно.

— Да? — останавливаюсь от мужчины в нескольких шагах. Голос

вроде бы звучит ровно. По крайней мере, мне бы этого хотелось. Только вот глаза предательски бегают — не могу сконцентрировать внимание на чем-то одном. А когда вижу, что к рекомендованному мной десерту блондин практически не притронулся, становится совсем не по себе.

— Счет принесите, — сухо отдает он распоряжение, нетерпеливо постукивая длинными пальцами по краю стола. На меня он больше не смотрит, сосредоточившись на телефоне.

— Хорошо, — я киваю, спеша поскорее уйти, но торможу. Не знаю, странный, дерзкий порыв, вызванный перенапряжением. Словно черт какой-то дергает. Ну знаете, когда уже становится на все пофиг и хочется дать себе волю.

— Десерт вам не понравился? — интересуюсь с усмешкой, пытаюсь скрыть за ней какое-то непонятное даже мне самой разочарование, будто я была обязана ему угодить. Мужчина поднимает голову. И я чувствую, как под его потеплевшим взглядом с меня слетает вся бравлада. Смелость вмиг куда-то улетучивается, и вот я уже жалею, что вообще заикнулась об этом дурацком десерте, особенно когда блондин расплывается в снисходительной улыбке. Такая улыбочка обычно красуется на лицах взрослых, когда ребенок выдал какую-нибудь милейшую глупость. Чувствую себя дурой.

— Еще не понял. Вкус странный, — в своей лаконичной манере ответил он. А меня отпустило, чтобы тут же сжать в тиски сердце, когда мужчина чуть поддался вперед и, словно насмехаясь надо мной, с серьезным видом продолжил, — Не совсем то, к чему я привык.

Его взгляд как-то двусмысленно прошелся по мне. Я забыла как дышать, покраснела и не знала, что думать. Он сейчас серьезно или издевается надо мной? Тут же ужасающая мысль: наверняка заметил мои поглядывания в его сторону и решил поугарать над дурочкой.

— Да и шоколад не люблю, — с капризными нотками в голосе произносит он и добивает меня, останавливаясь взглядом на моих волосах. Я каменею, заметив смешинки в этих невероятных глазах. Видно, что он едва сдерживает смех. Придурок! Шоколад он не любит!

— А я Брэда Питта, — пробурчала я, уверенная, что не у одной меня такие ассоциации возникали, а следовательно намек будет понят. Но стоило высказаться об этом, как я тут же спохватилась. Смотрю на него испуганно, он же непонимающе приподнимает бровь.

— Брэда Питта?

— Да, Брэда Питта! — вызывающе повторяю. Не идти же на попятную. Все равно он уже понял, что у меня не все дома — можно не церемониться. Хочет поугарать, а вот фиг ему! Не на ту нарвался!

— Поэтому всегда уточняю, кто в ролях, прежде чем смотреть кино. Понимаете о чем я? — снисходительно улыбаюсь, также как и он несколькими минутами ранее. Блондинчик откидывается на спинку кресла и, усмехнувшись, нехотя признает:

— Логично.

Я уже собиралась сделать парочку зажигательных телодвижений — эдакий победный танец, — но красавчик не дал опомниться, да и ощутить вкус превосходства. Обломал жестко.

— Ладно, неси счет, — это пренебрежительное и уничижительное в высшей степени распоряжение, типа «пошутили и хватит». Но я еще даже и не начинала. Все это, словно ушат далеко нехолодной воды, а отборного дерьма. И прямо на меня, ничего не подозревающую и расслабившуюся. Покер-фейс сохранять при такой неожиданной смене настроения оппонента может только профи, я к таковым, увы, не отношусь. Но какие мои годы?! Пока же мужчина мог лицезреть мою, покрасневшую от возмущения, злости, обиды и еще кучи сильнейших эмоций, физиономию. А также радоваться, что в очередной раз доказал: он, мать его за ногу, хозяин жизни везде и всюду. Как будто я этого и без его “напоминаний” не знала. Ну, неужели нельзя было спустить все на тормозах и дать мне порадоваться маленькой победе? Нет ведь, зажал! Мало того что придурок, так еще и жмот. Но все равно, пусть и бесит меня Брэдик местного разлива, а смотрю на него и понимаю, что притягательней мужчину не видела. Есть в нем что-то такое... не связанное ни с внешностью, ни с материальным благосостоянием. Знаете, быть может и звучит по-тупому, но в нем чувствуется порода, а не бестолковые понты.

Через десять минут, расплатившись по счету, он покидает наше кафе. Я украдкой смотрю ему вслед, пока он спускается по лестнице. Отмечаю, как он высок. Приталенный пиджак подчеркивает широту плеч на фоне узких бедер и талии. Походка у него энергичная, уверенная. Он подходит к двери и вдруг оборачивается, затем сразу же, словно заранее зная, что смотрю, сталкивается со мной взглядом. Я застываю, краска приливает к щекам, руки, в которых зажата кожаная книжечка с деньгами, дрожат. Мужчина, удовлетворенный моей реакцией, усмехается, затем весело подмигнув, выходит из помещения. Я же тяжело сглатываю, раздраженно запикиваю в карман книжечку и начинаю с остервенением убирать за ним со стола.

Не знаю, чего я ждала. Но совершенно определенно что-то. А сейчас какое-то опустошение, как будто, солнце скрылось, и стало холодно, неуютно. Присутствие этого мужчины хотя бы на полчаса скрасило мою унылую реальность. Наша с ним неясная игра завела меня, заинтриговала, вызвала бурю эмоций. Познав это неизведанное для меня чувство азарта, предвкушения чего-то, что не случилось, я ощущаю горькое послевкусие разочарования и скуки. Как дожить до конца смены? Мне нужна передышка. Интересно, сколько он оставил чаевых и сделал ли это вообще? Руки чешутся заглянуть в кожаную книжечку, но нельзя, только на кассе можно удовлетворить свое любопытство — очередное правило. Лечу на всех парусах вниз, прихватив грязную посуду и приняв парочку заказов. Расправившись со всеми делами, подхожу к кассе и едва не схожу с ума от нетерпения, пока Любка рассчитывает других посетителей.

Черт, давай же быстрее, тормозогла! — мысленно тороплю ее, пританцовывая на месте. Молюсь, чтобы не подошла Змеища, а то обломает всю малину. Любка-то хоть ничего и не говорит, но уже поглядывает удивленно. Она молча берет счет и отбивает. А затем присвистывает:

— Поздравляю, Токорева! Побила Беляевский рекорд.

Я обомлела. Стоит пояснить, что у нас-официантов в работе есть мотивирующий момент — соревнование; кто больше чаевых получит. Это может быть и за один раз, так и за весь день. Пока лидерство было у Стаса Беляева по двум номинациям, но, кажется, все изменилось. Елы-палы! Это

что же получается? Блондинчик мне чаевых оставил больше двух тысяч?

Господи, ты Боже мой! У меня чуть эйфорический припадок не случился. Вот тебе и «жмот». Ох, если бы он сейчас сюда зашел, я, честное слово, расцеловала его. И плевать на возражения. Ну что за мужчина?! За час перевернул все в моей душе с ног на голову. И даже исчезнуть сумел красиво. А может, он просто про сдачу забыл, а я идиотка радуюсь? — подкидывает ложку дегтя внутренний голосок. Я морщусь и отмахиваюсь —такие мужчины, как он, ничего не забывают, а уж тем более, когда это касается материального вопроса. По крайней мере, я на это очень надеюсь. Иначе, как бы он успешным стал?

Последующие часы прошли легко. Мое настроение было лучше некуда, и ничто уже не могло его испортить. Хотелось смеяться и танцевать, чего я, кстати, очень давно не делала. А еще мне хотелось вновь увидеть этого мужчину, чтобы просто спросить его имя и поблагодарить за... За чаевые? Нет. За то, что вернул мне состояние какой-то беззаботности и забытой беспричинной радости, как будто и проблем в моей жизни нет, и не было.

Вот так и пролетела смена на позитивной волне. Коллеги смотрели на меня : кто удивленно, кто скептически. Алла, заметив мое состояние, пару раз со снисходительной улыбочкой напоминала, что у меня сегодня штраф в размере семисот рублей, пытаюсь тем самым испортить настроение. Но мне было глубоко фиолетово. Так и хотелось показать ей “fuck”, да приправить смачными словами: «Выкуси падла, я на фрилансе! На антивирусе имени...» Увы, имени не знаю, а хочется, страшно как!

Пока переодеваюсь, гадаю, какое бы имя ему подошло. Сначала включаю логику: если ему лет тридцать или чуть больше, то в те времена чаще называли мальчиков либо Эдуардами, либо Сержами, либо Сашками.

Вот, кстати, Александр ему очень даже подходит — звучное такое, само за себя говорящее: победитель, завоеватель, в общем, мужик с большой буквы.

Мне становится смешно. Я совершенно не верю во всю эту дребедень, но отпахав две смены и не такое в голову может прийти. А его имя я обязательно узнаю. У меня теперь особый интерес — вдруг все же угадала.

Вероятность, конечно, мала, но чем черт не шутит. Если да — повеселюсь. Может даже в экстрасенсорику ударюсь, а то вдруг у меня талант пропадает, а я тут столы тру да реверансы каждому вошедшему отпускаю вместе с предупредительными улыбочками. Опять смеюсь. А ведь кто-то верит...

Удивительно, но за всеми этими глупостями, я совсем не заметила как оказалась на улице. Но окликнувший меня Стас вернул с небес на землю. Эх, хорошего понемногу! — тяжело вздыхаю про себя остановившись. Беляев бежит позади, догоняя меня. Чтоб его... привязался же!

— Янка, а ты че не подождала-то, поздно ведь уже? — пыхтит он, останавливаясь рядом.

А вот догадайся с трех раз, — с удовольствием бы ответила. Интересно посмотреть на его физиономию. Что-то я вошла в роль крутой девчонки. Пора бы и придержать коней. Но моя вредная натура не внимает голосу разума, поэтому язвительно произношу:

— А ты, как погляжу, в телохранители ко мне записался.

Парень оторопел, не зная, что сказать, но тут же нацепил непроницаемую маску. Поправил свои намазанные гелем волосы, хотя прическа была идеальной. Но мне, видимо, не понять, впрочем, я и не собираюсь. Этот жест в очередной раз убеждает, что все эти «недоголубки» меня не привлекают. С мужчиной женщина должна чувствовать себя защищенной и уверенной. А какая уж тут уверенность, когда его брови выщипаны лучше моих.

— А ты против? — улыбнулся он, по всей видимости, соблазнительно. Приобнял меня за плечи. Только этого не хватало, а ведь как хорошо прошел день. Счастье не вечно.

Осторожно высвобождаюсь из его объятий и приторным голоском цежу:

— Нет, не против, если ты будешь выполнять свои «обязанности» молча.

Иду дальше, коря себя за грубость. Ну вот, обидела единственного приятного человека с работы. Как теперь жить в гадюшнике? А с другой стороны, я же ему ясно дала понять еще вначале, что ничего не получится. Сам виноват!

Но каково же было мое удивление, когда Беляев вновь догнал меня и поплелся рядом. Я почувствовала себя неловко. Стало стыдно. Всю дорогу до дома мы молчали. Я мучилась, не зная как загладить свою вину. Стас задумчиво шел рядом, не пытаясь мне помочь. Останавливаемся у подъезда, я лихорадочно пытаюсь подобрать слова, но Беляев опережает.

— Ян, не грузись! Давай, в следующие выходные сходим куда-нибудь? Просто проведем хорошо время и скуку развеим?

То ли он дурак, каких свет не видывал, то ли хороший психолог, потому что, испытывая чувство вины, я не смогла отказать. Стас радостно воспринял мое согласие, что меня покорило, и попрощавшись, ушел. Не полез с поцелуями —и на том спасибо.

Я же вся в сомнениях добралась до квартиры, решив, что на этом «свидание» расставляю все точки над «i», раз до человека не доходит.

Дома никого не оказалось. На кухонном столе меня ждала записка с таким содержанием: «Янульчик, ужин в холодильнике. Не забудь покушать! Звонила Лерка, просила перезвонить. Меня не жди, приеду завтра. Целую.»

Хм...мило. Эх, тетя Катя! Забыла главное правило воспитания — личный пример!

Усмехнувшись, иду в душ, напевая какую-то ерунду. Хорошее настроение вновь возвращается. Игнорирую просьбу «не забудь покушать!», наливаю себе кофе, и прихватив парочку конфет, выхожу на лоджию. Вдыхаю прохладный сентябрьский воздух и сильнее кутаюсь в махровый халат. Несмотря на то, что весь день лил дождь, небо чистое, звездное, а ночь тихая, только шум с дороги нарушает эту тишину. А мне так хорошо сидеть в плетеном кресле, пить горячий кофе и мечтать об идеальном мужчине. Вспоминать его улыбку, прокручивать в памяти нашу встречу и представлять еще кучу таких пересечений. Интересно, чем сейчас занят мой «Александр»? Наверное, обо мне думает.

Начинаю смеяться. Мечтать не вредно, верно?

От прогрессирующего кретинизма меня спасает телефонный звонок. Я не глядя отвечаю.

— Да?

— Алоха, куколка! — раздается веселый голос подруги. Я невольно начинаю улыбаться и понимаю, что ужасно соскучилась.

— И тебе не хворать, — начинаю беспричинно смеяться.

— Ты знаешь, что я в шаге от преступления? Вот доберусь до тебя и придушу в объятиях. Ты почему не звонила? — накинулась на меня Гельмс.

— Я тоже соскучилась, — игнорирую вопрос.

— Это я уже поняла, иначе бы разве взяла трубку? — насупилась Лерка.

— Не обижайся, Лерунь. Просто я замоталась, еле живая с работы приползаю, — начала оправдываться я.

— Ладно, на первый раз прощаю, так уж и быть, — важным голосом сообщила она мне, отчего мы обе не удержались и начали смеяться. Когда с приветствиями было покончено и неловкость сошла на «нет», Лерка завалила меня вопросами:

— Ну, как живешь-то мать? Как работа? Что нового?

Выборочно рассказала про свою трудовую деятельность, умолчав о неприятных, унижительных моментах. Я и так чувствовала себя ущербной и неудачницей, поэтому самолюбие не позволяло говорить на эту тему. Пока рассказывала, вновь накатила горечь. Пришло осознание насколько однообразна и скучна моя жизнь. А послушав Лерку, так и вовсе пожалела, что ответила на звонок. Наверное, я все же завистливая. Слушая подругу, мое настроение падало все ниже и ниже, а ведь я должна радоваться за нее. Но меня почему-то не покидало ощущение какой-то негласной

конкуренции. Вроде бы Лерка и не рисовалась, но в ее голосе скользили снисходительные нотки, что вызывало какое-то неприятное чувство.

Когда она начала рассказывать про какого-то парня, по которому весь универ с ума сходит, меня словно клинануло, и я тоже решила поделиться своими амурными делами. Только в несколько приукрашенном варианте, чем оно было на самом деле.

— А ко мне тут, представляешь, подкатил один экземпляр из постоянных клиентов, — начала я.

— Да неужели?! И на чем ездит? — сделала она очередное одолжение, вызывая злость, подстегивая к дальнейшему вранью. Моему уязвленному самолюбию необходимо было хоть как-то придать себе большей значимости в глазах подруги. Да только той было все равно, но я этого не понимала.

— Не знаю, не обратила внимания. Я его видела два раза, но приличный такой мужик: при деньгах, красавчик и нестарый.

— О, это же хет-трик просто! Ну, и как вообще все произошло-то? — в голосе подруги послышались заинтересованные нотки. Ее медом не корми, дай о мужиках поговорить. Меня это приободрило и я начала выдавать мечты за реальность. Конечно, в пределах разумного, а именно: что это он все время следил за мной, а никак не наоборот. В моем рассказе не было с его стороны уничижительных фразочек и недвусмысленных намеков, точнее, они были, но не насмешливые. Дальше я не рискнула преувеличивать. Для Лерки и этого оказалось достаточно, чтобы она уже накрутила себе не бог весть что.

— Ну, а ты-то что, Ян? — не унималась она.

— Ничего. А что я? На шею ему броситься должна была? — смеюсь, качая головой. Теперь уже снисходительность исходит от меня.

— Не на шею броситься, а хотя бы намекнуть, что не против и все такое прочее, — поучала меня Лера.

Эх, если бы все было так, как хотелось, но увы. Остается только

продолжать свой спектакль для Лерки.

— А может, я против, — подначиваю подругу, зная, что она сейчас взорвется и начнет промывать мне мозги.

— Тогда тебе надо в страну розовых пони. Слышала же, что Москва — это лотерейный билет. А вдруг, вот он — счастливый у тебя под носом, а ты смотрите-ка фифа — против она! — горячилась Лерка. Мне же было смешно. Гельмс могла долго и упорно поддерживать материалистические взгляды на жизнь, но в душе была тем еще романтиком, как мне казалось.

— Ага, вы вот мне скажите, где логика, Валерия Юрьевна? Втираете мне тут про «лотерейные билеты», а сами по какому-то вшивому студенту умирате.

— Ха. Так я от природы блондинка, мне можно, — бойко ответила она.

— Хороший аргумент, однако, — засмеялась я.

— Железобетонный, — поддакнула Лерка, а потом вновь включила строгую дуэнью и продолжила читать мне нотации, — Но ты на меня не равняйся! За хороших мужиков надо держаться — не каждый день их встретишь. Это вообще сейчас вымирающий вид.

— Ну то, что он хороший — это спорный вопрос.

— Ой, вот, что ты цепляешься к словам?! Ты знаешь, сколько девочек бросают все и едут в Москву, чтобы найти вот такого богатого? И уже неважно красивый он там или нет, да и возраст не имеет значения. А когда выловят, знаешь, как изощряются, чтобы он просто на них внимания обратил? А у тебя вот он — готовенький, а ты носом воротишь!

— Ладно, ладно! Все, я тебя поняла. Увижу в следующий раз и вцеплюсь мертвой хваткой. Но в любом случае, если не получится, у меня есть запасной вариант, — прервала я воодушевленную речь подруги.

— Что еще за вариант? — насторожилась она.

— Стас, мой коллега. Помнишь, я тебе про него рассказывала? —

спросила я.

—А... Этот... Он все не уймется? — усмехнулась Лера.

— Да он вообще какой-то непробиваемый. Позвал меня на следующих выходных сходить куда-нибудь, скуку развеять, — со смешком ответила я, допивая кофе. Я начала замерзать и вернулась в квартиру.

— Хм, ну сходи, с тебя не убудет. Действительно, развеешь скуку, а заодно пусть Москву тебе покажет. Это же ни к чему не обязывает, Ян, — советовала подруга.

— Я тоже так подумала и согласилась.

— Серьезно?! — воскликнула ошарашенно Лерка. Я лишь хмыкнула, — Да ты прогрессируешь, Токарева! О, ну все. Ты, главное, предохраняйся.

— Гельмс, ты че несешь?! — захохотала я, — Я вообще-то на свидание иду.

— И что? У меня вон знакомая просто потанцевать в клуб поехала, а потом деньги на аборт искала.

— Ну ты уж меня со всякими... не сравнивай, — обиделась я.

— Я и не сравниваю. Почему сразу «всякими», да мало ли какая ситуация! — возмутилась Лера.

— Да хоть какая, Лер, ситуация! Голова либо есть, либо ее нет! — отрезала я категорично.

— Ты так говоришь, потому что у тебя секса не было. А когда мужик, по которому с ума сходишь, полезет тебе в трусы, то пошлешь к чертям свою «голову».

Я не стала спорить. В этом вопросе мы вряд ли придем к общему знаменателю.

— Я тебе, вообще, Ян, звоню, чтобы позвать в среду в клуб, —

переключилась Лера, не дождавшись от меня возражений, — У нас посвящение в студенты — неофициальная часть. Пошли, потусим?

— Не знаю. Меня тетя Катя вряд ли отпустит, — ответила я.

— Как будто мы ей будем рассказывать, что в клуб пойдем. Скажем, что ты поможешь мне отработать некоторые элементы. А? — предложила Лерка.

Я очень хотела пойти, но идея обманывать тетю Катю не нравилась. Но обдумав все, решила, что иначе никак. Да и почему, собственно, я не могу сходить потанцевать?

— Ладно, только мне нужно будет купить себе что-нибудь из одежды, а то пойти не в чем. И еще... давно хотела спросить. Мне нужно где-то тренироваться. У вас нельзя в зал ходить? — вспомнила я про волнующий меня вопрос.

— Насчет зала даже не переживай. Я тебе студень достану. И ходить можешь сколько душе угодно. А в среду приезжай ко мне. Возьми отгул или что там. Прошвырнемся по магазинам, соберемся, а потом в клубец махнем.

— А где ты его возьмешь? — меня интересовала в первую очередь проблема с залом.

— Ой, да скажу, что потеряла. Мне новый сделают и все.

— А не влетит?

— Прямо.

— Ты что, на официальную часть не пойдешь? — удивилась я, вспоминая, что Лера собралась провести среду со мной.

— Да что там делать? Не хочу. Да и вообще народ тут дебильный, — отмахнулась Лерка, а я поняла, почему собственно получила приглашение. Но меня это не слишком заботило, мне просто хотелось немного повеселиться.

— Понятно. Ладно, я спать буду ложиться, завтра рано вставать. Во вторник созвонимся, — попрощалась я.

— Ага, давай, трудяжка. Целую.

Последующие дни до среды, казалось, длились целую вечность. Тетя Катя, узнав, что я собираюсь к Лере, обрадовалась, поэтому отпустила без проблем. На работе тоже удалось договориться, чтобы меня подменили во время второй смены. Дни проходили в уже привычном ритме — ни минуты покоя. Как и всегда приходилось смотреть в оба, прилагать все усилия, дабы сохранять улыбку. Все это время я ждала «Александра», но он так и не появился. От этого становилось как-то грустно. Хотя теперь я была в предвкушении предстоящего развлечения, поэтому настроение все равно оставалось приподнятым. Стас ежедневно напоминал, что в субботу мы идем «развеивать скуку», но меня это не напрягало.

И вот наступил долгожданный день. Я отпахала свои законные восемь часов и поехала в центр, где договорилась встретиться с Леркой. Мы потратили несколько часов, прежде чем выбрали наряды на вечер. Подруга была возмущена тем, что я выбрала очередное черное платье, говоря: «ты и так вечно в черном». Что поделать, если люблю этот цвет, да и практично.

Платье было без бретелек, сидело на мне, как влитое. Длина его едва прикрывала резинку чулок, на которых настояла Лера, а я-дурочка повелась, хотя ни разу не носила их. И вот сейчас, стоя возле зеркала у Лерки дома, чувствовала, что зря согласилась. Пояса для них нет, да и под это платье не оденешь. А ведь главным моим желанием было танцевать. И как теперь? Раздраженно махнула на это рукой — будь что будет.

Накинула кожаную куртку и обула ботильоны — мы ведь в клуб идем, а не в театр. Выглядела я сексуально, дерзко, можно даже сказать — вызывающе.

Чуть позже к нам подъехали Леркины одноклассницы, привезли с собой несколько бутылок мартини и процесс сборов пошел веселее. Девчонки оказались веселыми и компанейскими, я сразу же вписалась в их компанию и уже через полчаса чувствовала себя, как рыба в воде. Мы много пили, делились забавными случаями из жизни, смеясь до слез. Кто-

то включил музыку, и мы с визгом стали танцевать да подпевать. К полуночи вся наша развеселая, пьяная компания расселась по такси и поехала в клуб, где должна была пройти неофициальная часть посвящения в студенты. Но вскоре мы, даже будучи пьяными, пришли в ужас: контингент оставлял желать лучшего — вокруг были только одни первокурсники, которые, как нам казалось, вырвались из зоопарка. Они нагло приставали, пили, как свиньи, и вели себя просто омерзительно. Хотя мне на это было плевать, я приехала потанцевать, но эти натрескавшиеся уроды не давали спокойно насладиться этим — постоянно лапали, пристраиваясь сзади. Сбежав с танцпола, я села за столик и начала методично напиваться, раздраженная после очередного штурма какого-то недомачо.

— Токарева, собирай шмотье. Сваливаем с этого... -Лерка пьяным взглядом обвела здешнее сборище, и не найдя подходящее слово, закатила глаза. Я поняла ее без слов и обрадовалась тому, что скоро покину этот дурдом. Пошатываясь, попыталась встать, но меня неизменно тянуло назад. Гельмс схватила меня за руку и потянула на себя, но через минуту мы уже обе валялись на диване и хохотали, как сумасшедшие.

Кое-как поднявшись, забрали куртки и сели в такси, в котором нас уже ждали остальные девчонки. По дороге я узнала, что мы направляемся в какой-то крутой клуб. У кого-то был некий знакомый, и именно он должен был нас провести через охрану. Будучи в состоянии очень далеко от адекватного, меня совершенно не интересовало в какое заведение мы едем и зачем. Я все еще хотела танцевать, а на остальное было плевать. В тепле меня развезло и начало клонить в сон, но тут мы подъехали к вышеупомянутому клубу и сон как рукой сняло. Я даже протрезвела слегка, когда увидела очередь у входа.

Мы вышли из машины, ветер обжег холодом мою разгоряченную кожу, вызывая мурашки. Я поежилась и обхватила себя руками. Я замерзла, и желание попасть внутрь стало нестерпимым. Пока одна из девушек пыталась дозвониться до того самого знакомого-проводника, мы курили(мое очередное открытие), пританцовывали, спасаясь от холода, шутили и громко смеялись. Время тикало, а очередь, казалось, стояла на месте. Некоторые люди уезжали разочарованные, другие, на шикарных тачках, именуемые Vip-клиентами, проходили без очереди.

Через час бесплодных попыток дозвонится пресловутому знакомому, наша компания сникла. Я так продрогла, что мне уже было все равно, где быть, лишь бы в тепле. Сознание немного прояснилось, и я начала оглядываться. Люди, ошалевшими взглядами сверлили двух громил у входа, периодически кто-то вставал на носочки для лучшего обзора. Я перевела взгляд на парковку, любуясь подъехавшими шикарными авто: красной, спортивной Audi и стильным, мощным, черно-белым Range Rover. Живут же люди!

Делать было все равно нечего, поэтому я рассматривала прибывшую элиту. Из ауди вышли высокая блондинка в красном платье с лысым и крупным мужчиной в джинсах и спортивном пиджаке. Он был намного ниже своей спутницы на высоченных каблуках, но его это, видимо, нисколько не смущало. Они не торопились уходить и, посмотрев в сторону подъехавшего вслед за ними внедорожника, что-то сказали друг другу. Я тоже перевела взгляд на Range Rover и застыла. Дверь открылась, и из машины вышел мой «Александр». Я словно парализованная стояла с открытым ртом и пялилась на него, как дура. Он был одет очень просто — не в пример своим знакомым, которым что-то говорил, весело улыбаясь. На нем были брюки и пиджак темно-серого цвета. Я бы сказала: такой вальяжный, щегольской костюм — не строг и не официален. На спортивной фигуре этого мужчины он сидел потрясающе. Ослепительно белая рубашка подчеркивала загар и белизну зубов. Пепельные волосы немного отросли за прошедшую неделю и теперь видно — они выются. Но больше всего меня поразила небритость на щеках, грозившая стать не сегодня-завтра самой настоящей бородой. Казалось, что мужчина с последней нашей встречи не брился, и если бы не его ослепительная улыбка, я бы его не узнала. Нет, ему, безусловно, шло. Это придавало мужественности, брутальности и, надо отметить, возраста. Теперь я могла смело дать ему тридцать пять лет.

— Эй, ты чего застыла? — ткнула меня вбок Лерка. Я нервно сглотнула и, кивнув на идущих к входу в клуб людей, ответила:

— Вон... видишь того блондина? Это тот самый мужик из Де Марко.

— Ни хера себе! Хорош. Секси. Я бы ему дала без вопросов, — Лерка ответила так, как и ожидалось. Я захохотала.

— Как собаке пятая нога нужна ты ему, — довольная Леркиным ответом, парировала я. Но в следующую секунду прокляла себя за то, что вообще заикнулась об этом. Мне всего лишь хотелось похвастаться: мол, смотри, какой мужик «уделяет мне внимание», но я не ожидала, что Лерка решит этим воспользоваться.

— Я-то нет, но вот ты... Попроси его, пусть проводит нас в клуб.

Я ошарашенно уставилась на подругу.

— Ты с ума сошла! Как ты себе это представляешь? — возмутилась я, нервничая.

— Очень просто. А что такого? Видишь, вас сама судьба сводит. Давай, а то он сейчас уйдет, а мы так и будем стоять здесь до утра. А так хочется потанцевать. Ну, пожалуйста, Януль! — умоляюще посмотрела на меня подруга, сложив руки в молитвенном жесте.

Я закусила губу и кивнула, не представляя, что буду делать дальше.

Боже, и зачем я только выдумала всю эту историю, что приглянулась ему? А вот будешь знать, как врать! — насмехался надо мной внутренний голос.

Я вышла из толпы. Мужчина с друзьями как раз подошел к охране. Меня затрясло от ужаса, сердце готово было выпрыгнуть из груди, когда я, сама не понимая как, решилась и крикнула:

— Эй.

Но мой крик потонул в гуле голосов и доносящейся из клуба музыки.

Я сглотнула и крикнула еще раз, только на сей раз громко:

— Эй, блондин.

Все сразу же уставились на меня и «мой» блондин тоже. Я же широко улыбнулась, хотя хотелось сквозь землю провалиться, и помахала ему. Его брови взлетели вверх, он медленно оглядел меня с ног до головы. Я же, с

застывшей на лице улыбкой-grimасой, продолжала ему махать. Но заметив, как помрачнело его лицо, а взгляд стал жестким, прикусила дрожащую губу, прищурила один глаз и как в замедленной съемке опустила руку под общий хохот.

Поскольку я еще была слишком пьяна, то только вопрошала, как можно быть такой debilкой, а не молила высшие Силы о мгновенной смерти. Это надо же так опозориться!

Глава 5

«В жизни есть только две трагедии: не получить того, чего хочешь или же напротив — получить. Причем вторая страшнее первой».

Исходя из собственных наблюдений, я склонен согласиться со стариной Уальдом. В особенности это касается разбогатевшего быдляка. Страшное дело, когда бедолага заползает на вершину социальной лестницы. Философию нищего из него никакими деньгами не вытравишь. Но почему-то все склонны винить материальный достаток в распушенности богатеев. А ведь суть проблемы гораздо глубже. Бедность не только как социальное положение, но и бедность нравственная — корень всех зол. Этого товарища легко вычислить, будь он даже самым богатым человеком в мире. У него привычки быдляцкие не исчезают, а культивируются в еще большем масштабе. Он живет так, как будто последний день. Отличительная черта — не знание меры. И неважно в чем это проявляется: в насущных нуждах (еде, одежде, питье), в работе, в удовольствиях. Казалось бы, как так? Бедняга не знает меры, когда у него никогда ничего не было. А суть в неумении дозировать, откладывать на «черный день», потому что он всегда «черный». И как только что-то появилось, нужно «жрать» пока не лопнешь, а то ведь завтра может и не быть.

И вроде бы, да и хер с ним. Заработал, имею право, никому ничем не обязан! Хочу жрать — жру, хочу баб — трахаю, хочу работаю — хочу нет. А кто спорит? Бога ради! Только это на первых порах кружит голову, а потом начинается: «жизнь мне приелась, ничего не радует...» и т.д. и т.п. Вот в этом и заключается трагедия жизни — когда получаешь то, что хотел. Но я опять же повторяю, это касается быдляка. А так сложилось, что чаще всего он из простого народа. Вокруг меня множество таких, да я и сам из семьи бедолаг по большому счету, если сравнивать с нынешним моим

положением. Но еще в юности уяснил простую истину: знание меры — основа довольства жизни.

Умение жить так, чтобы наслаждаться жизнью — это особое искусство, точнее говоря, даже труд.

Такие мысли проносились в моей голове, пока я стоял в пробке, направляясь в клуб моего знакомого. Он сейчас кислым голосом толкал пафосные речи о том, как все осточертело: Монте Карло — херня, мисс «90-60-90» — херня, Ламборджини — херня, мидии — херня, жизнь — херня.

— Саныч, ты понимаешь, ни в чем не вижу смысла. Вот даже в бабах, — захохотал он. Я хмыкнул. Уж если Диман в бабах разочаровался, то это уже серьезно.

— Вроде красивая, все при ней, — продолжал он, — а я понимаю, что мне насрать! Ты представь, до чего я дожил?! МНЕ НАСРАТЬ! Все на одно лицо и такие суки. Че это? Кризис среднего возраста? Вот ты сейчас, наверно, смеяться будешь, но я тебе серьезно!

— Да понимаю, Диман, что уж в этом сложного? — я усмехнулся, маневрируя в потоке машин и постукивая по рулю пальцами в такт тихо играющего инструментального джаза.

— Хер ты меня поймешь. Заведешь свою шарманку, что я быдлак или кто там... и баста. Знаю я тебя. Предупреждаю, сегодня я на эту философскую х*йню не расположен, — заплетающимся голосом сообщил друг. Видимо, решил, не дожидаясь никого, начать «вечер». Я подавил смешок и, вырвавшись, наконец, из гусиного строя, прибавил скорость.

— Ладно, сегодня без «х*йни», расскажу случай из жизни. Если поймешь...

— О, вот это интересно! — оживился Диман, решив, наверное, что сейчас я буду рассказывать про то, в какой момент женщины стали для меня все на одно лицо и почему. Хорошенький облом его ждет.

— Лет в двенадцать я гостил у бабки летом в деревне. Мы с пацанами лазали по садам. Ну а там яблоки: антоновка, белый налив, ранетки.

Красивущие, кисло-сладкие, сочные, вкусные. Короче, нарвешь сколько в карманы влезет, нажрешься от пуза и так каждый день. Мы как купаться на речку идем, так рвем полный пакетище. К концу лета я обожрался этих яблок, они мне уже поперек горла стояли. И думаю: все, в жизни к ним не притронусь. А потом иду на речку, смотрю — вот они весят, глянцевые такие, красно-желтые, форма ровная, красивая, пахнут так...mmm... Аж слюней полный рот. Лезешь опять, срываешь. Идешь потом по дороге, в руках эти яблоки. Вертишь их так и сяк. Вроде и не голодный, а есть их привык. Но суть даже и не в этом. Кусаешь одно, а оно какое-то, как резина, выкидываешь. Раз надкусанное, пусть и красивое, но ты уже настолько зажрался, что тебе и не жаль. А чего их жалеть, когда вон, на каждом углу яблоки?! Выбирай, какое хочешь и сколько. И ведь до дурака не доходит, что кто-то душу в них вкладывал, растил, ждал, любил. А если уж совсем скотина, то и до этого дела нет. Я хочу и точка! Значит, второе надкусываешь — та же песня. И так пока все не перепотрошишь — уже просто из вредности, — не останавливаешься. Пусть я лучше лопну, но раз уж сорвал, все равно хотя бы надкушу. Потом хуже: мы стали этими яблоками кидаться. Часто так баловались, пока дед мой не увидел. О, как он отхерачил меня тогда, до сих пор помню. А потом лекцию прочитал, посадил на голодный паек и под замок. Вот так я все оставшееся лето сидел и думал, как себя вести. Ну и, в общем-то, осознал, что непотребство не приносит ни удовольствия, ни пользы. Один сплошной вред. Абсолютно верно говорят: чтобы чувствовать вкус, нужно оставаться чуточку голодным и это применимо не только к пище. Тяжеловато, конечно, когда все в избытке, но зато получаешь удовольствие оттого, что имеешь, а не рассуждаешь о «кризисе среднего возраста».

Я замолчал, концентрируя внимание на дороге. Диман тоже некоторое время сохранял тишину. Впрочем, я и не ждал ответ. Мне было все равно, слушает он меня или же нет. Делать в дороге все равно нечего, так почему бы и не порассуждать, пока есть свободное время?

— Вот ты знаешь, Гладышев, — серьезным голосом начал Дима. Я сосредоточился, удивленный. Обычно от этого «темного» ничего путного не дождешься.

— Я все думаю, кто из нас пил: ты или я? — засмеялся Вторников. Я подхватил его смех, качая головой. Горбатому только могила в помощь, — Ты когда уже приедешь? Вон уже Миха с Викусей подъехали, Костян с

Танюхой, тебя да Борьку с Аленкой ждем.

— Минут через десять, — отозвался я с тяжелым вздохом.

— Давай, ждем. Вспомним старые добрые, передохнем.

Я неопределенно хмыкнул и отключил телефон. Честно говоря, вспоминать «старые добрые» особенно под долбящее по ушам д*рьмо (да простят меня поклонники техно) не было никакого желания. С удовольствием бы сейчас просто лег спать и наконец-то выспался, если это вообще возможно. Но нет же, клинануло меня согласиться на этот сабантуй со старыми друзьями. Хотя друзьями из них являются только Борька, Миха, да Аленка, остальные так — хорошие знакомые и то в силу жизненных обстоятельств. С Борькой мы друзья с детства, с Михой и Аленкой уже позже зацепились, а Костян с Диманом в девяностые стали опорой. Лихие годы мы пережили сообща: крутились, как могли, выживали, а, точнее, наживали. Каждый урвал себе по куску. Затем расползлись в разные стороны, кто куда, но хорошие отношения сохранили. Сейчас каждый свой кусь пристроил по собственному усмотрению: кто-то выиграл больше, кто-то — меньше, но тут уж у кого как мозги заточены. Были, конечно, те, которые все похерили, но их мы оставили позади. А наш состав, как пятнадцать лет назад образовался, так больше и не меняется. Ну, не считая женщин у некоторых, в том числе и у меня. Миха с Борькой еще в пацанами нашли свои половинки, но я бы сказал, что повезло только Борьке с его Аленкой, Миха же... Памятник бедному мужику надо. Вика его та еще дура. У меня же, как и у Костяна в свое время не сложилось, а Диман не пробовал и не горит желанием.

Впрочем, глядя на Миху, да и из личного опыта, я Димку поддерживаю. Но с другой стороны — посмотришь на Борьку с Аленкой и понимаешь, что все в жизни относительно. Но не будем пускаться в очередные философские дебри.

Пока думал о друзьях, раздражение прошло и я почувствовал, что желание выспаться становится второстепенным, а вот увидеться с этими, порой «темными», но такими привычными обалдуями, очень даже хочется.

Я иной раз удивляюсь, как мы еще не поубивали друг друга. Настолько у нас разные взгляды на многие вещи, как впрочем, и интересы. Но жизнь-

старушка полна сюрпризов и неожиданных встреч.

Убедиться в этом еще раз мне пришлось спустя десять минут.

Подъезжаю к клубу, навстречу едут Борька с Аленкой. Аленка радостно машет. Глядя на нее, в который раз повторяю, что Шувалову крупно повезло — отхватил себе золотую женщину и забот не знает. Пропускаю их, а затем паркуюсь следом. Выхожу из машины, ребята уже меня ждут. Прохладный ветер вызывает мороз по коже. Кутаюсь в пиджак, думая, что надо было пальто надеть. Схватить очередное воспаление не хотелось бы.

— Олег Саныч, здравствуйте! — улыбнулась Аленка. Я притянул ее к себе и поцеловал в макушку, одновременно протягивая руку Борьке.

— Здорова! — засмеялся друг, — Че-то вообще исхудал, оброс...

— Ага, не говори, — поддакнула Аленка, высвобождаясь из моих объятий.

— Ну зато вы вон, молодцы: добреее, хорошеете, — ухмыльнулся я, окидывая их взглядом. Впрочем, мои слова относились только к потолстевшему Борьке. Алена, конечно, не была тростинкой, но фигура у нее что надо. После моих слов на ее лице проскользнула тень страха, и она обеспокоенно спросила:

— Олеч, я поправилась, что ли?

Черт, вот зачем я про это заикнулся? Вес — это же больная женская тема.

— Тебе и надо поправляться в твоем положении, — строго заявил Боря. Аленка зыркнула на него исподлобья.

— Шувалов, ты язык вообще умеешь за зубами держать?

— О, так вас поздравлять можно? — прервал я разгорающуюся перепалку между супругами. Они еще пару мгновений переглядывались, как будто вели какой-то немой диалог, который мне было не понять. Затем,

видимо, придя к какому-то консенсусу, посмотрели на меня и заулыбались. Борька — гордо, Аленка — счастливо. Я был рад за друзей, рад, что в счастье этой семьи есть и моя заслуга. Я их познакомил, в трудные времена вправлял мозги Шувалову, а иной раз и Аленке. Всякое было в их жизни, но они справились. И ни разу не пожалели.

— У нас уже третий месяц, — призналась Аленка и захихикала.

Я заулыбался, пихнул Борьку вбок.

— Шувалов, а кто кричал, когда Темка родился, что больше никогда и ни за что?

— Так ты попробуй ей возрази, — усмехнулся друг. Алена закатила глаза. Мы подошли к охране и тут я услышал смутно знакомый голос:

— Эй, блондин.

Поднимаю голову и оглядываюсь. Аленка ошарашенно смотрит куда-то в толпу. Я прослеживаю ее взгляд, и через мгновение передо мной открывается самое настоящее шоу: официантка из кафе, где я иногда завтракаю, улыбается во все свои тридцать два и машет мне. Мои брови ползут вверх от изумления и, надо признать, шока. А потом внутри поднимается гнев. Смотрю искоса на своих друзей, а потом на эту девчонку, которая уже вторую неделю не дает мне покоя. Хочется либо самому повеситься, либо ее придушить за такую наглость. Это что за представление? Что эта идиотка себе позволяет?

— Олеж, ты знаком с этим «чудом»? — спрашивает Аленка, находясь в оцепенении и недоверчиво взирая то на меня, то на официантку. Борька же едва сдерживает смех. Я ухмыляюсь и неопределенно пожимаю плечами. А что тут еще скажешь?

— Идите, я сейчас, — улыбаюсь, точнее, скалюсь, предвкушая нескучный вечер. Борька подмигивает мне, а Алена до сих пор непонимающе хлопает ресницами.

— Гладышев, я в шоке! Уж от кого... от кого... — пробормотала Аленка перед тем, как Шувалов утащил ее внутрь.

Я и сам не ожидал. Как уже говорил — жизнь полна сюрпризов и порой, не совсем ясно приятных ли.

Вроде живешь себе спокойно и кажется, что твоя жизнь отлажена до мелочей, а потом в один прекрасный день случается нечто странное, и ты уже ничего не понимаешь, в том числе и себя.

На прошлой неделе у меня возникла подобная ситуация и я не знал, и до сих пор не знаю, в чем ее причина. Конечно, можно махнуть рукой, но я привык контролировать свою жизнь. Иначе как? Если бы я не мог управлять собой, то другими и подавно. Бардак всегда идет изнутри, поэтому нужно четко следить. Стоит чуть упустить и хана всему. Мне бы этого не хотелось, поэтому эта ситуация напрягала.

Вот я полчаса назад с умным видом разглагольствовал насчет «дремучести» Димана и примитивности во многих отношениях, в частности с женщинами, а сам ведь тоже отличился. Утешает только одно — со мной такое впервые. Раньше заявления многих друзей о том, что они, якобы увидев бабу лишаются покоя, до тех пор пока не трахнут, я воспринимал с огромной долей скептицизма и высокомерной усмешкой. Ну что за идиотизм? Мы же не скоты, мать вашу, и не подростки! Такие порывы еще можно оправдать, если мужчине меньше двадцати двух лет, но после — это уже говорит об определенном умственном и нравственном развитии. Я не моралист, мне плевать, кто и чем занимается. Но я повторяю, что не люблю и не уважаю быдлак. Распустить себя много ума не надо — дурное дело нехитрое, а вот держать в руках — попробуй-ка.

В моей жизни были разные женщины и взаимоотношения с ними: серьезные и на одну ночь. Но просто красивое лицо и фигура, даже на одну ночь, вряд ли могли вызвать мой интерес. Будоражит игра и процесс «завоевания». Спать с умной, привлекательной, самодостаточной женщиной — это удовольствие, не только на физическом уровне, но и на психологическом. А когда она по первому щелчку раздвигает ноги, то собственно, от такой победы никакого удовлетворения не испытываешь — она теряет ценность. Опять же, все это только звучит красиво. Впрочем, и на деле было также, пока я не встретил вон ту наглую девку, продолжающую махать мне, как будто всю жизнь только меня и ждала.

Не знаю, что это... Может, тот самый пресловутый кризис среднего возраста, но когда на прошлой неделе это «чудо» предстало передо мной, поминутно краснея и поправляя наэлектризованные волосы, я испытал интерес на самом примитивном уровне. Мне было плевать на ее образование или отсутствие такового, на коэффициент уровня ее интеллекта, ее манеры и воспитание. Меня интересовало только то, что было между ее ног. И эти скотские желания вызывали у меня отвращение, смешанное с удивлением.

Смотрел на эту дурочку и не понимал самого себя. Уже то, что я ее заметил, являлось странным. Я ведь ее запомнил с самой первой встречи, когда она обозвала меня придурком. Уже тогда был поражен, но не грубостью — дебилком в своей жизни повидал достаточно, а красотой девушки: черты все правильные, четкие, симметричные. В общем, лицо с картинки. Нечасто можно встретить таких красивых от природы людей.

Наверное, поэтому она мне и врезалась в память. Затем увидел вблизи и несколько минут просто любовался, после позволил себе немного развлечься, потихонечку давя на ее самолюбие. Девушка оказалась не робкого десятка, но все же пыталась сохранить субординацию и маску холодного официоза. Но стоило мне сделать вид, что я занят, как с нее тут же слетала вся шелуха и она откровенно пожирала меня заинтересованным взглядом. Я иногда давал понять, что поймал ее, тогда она, как спичка, вспыхивала и начинала суетиться. Я же с трудом сдерживал смех. Боже, когда в последний раз я играл в такие детские игры? Кажется, лет двадцать назад.

Смешно, глупо, но заводило не слабо. За час я испытал целый спектр противоположных эмоций. Официанточка и веселила своей наивностью, хотя это слово не очень-то вязалось с этой девушкой, но что-то такое проскальзывало. Затем раздражала нагловатыми выходками, которые я сразу же пресекал. Я на многое готов закрыть глаза, но не на наглость. И все же удовольствие я получил, хотя пошлость ситуации зашкаливала.

После, некоторое время обдумывал, что за херня со мной приключилась. На такое «добро» я никогда не клевал. Но так и не найдя ответов, посчитал — лучше забыть и сменить ресторан... от греха подальше.

Но, видимо, от судьбы не уйдешь. Впрочем, «судьба», конечно, громко сказано. Смотрю на эту официантку — пьяную, размалеванную, похожую на шалабуду в этом дешманском платье и позорных чулках, и не знаю: то ли смеяться над такой пещерной выходкой, то ли преподать хорошенький урок. Дать ей понять, что наглость — не второе счастье, а дебилизм ума и сердца. И необходимо это запомнить на всю жизнь.

Тут девушка опускает руку и прячет стыдливо глаза, переминаясь с ноги на ногу. Стоит отметить — роскошные ножки. Да, да, это я тоже заметил. И у меня духу не хватает унизить ее сверх того, как она уже это сделала сама. Что с нее взять? Глупая девчонка. Пыжится привлечь внимание. Стоит себя вспомнить в ее возрасте, хотя конечно, наглецом я не был.

По сути, какая разница, зачем сравнивать? Не хочу грузиться весь вечер, с меня не убудет, если спущу ей все на тормозах. К тому же сам где-то оплошал, раз она решила, что ко мне можно вот так запросто. Не хочется верить, что девушка законченная идиотка. Конечно, можно поставить ее на место, но у меня слишком хорошее настроение — этой дурехе сегодня повезло.

Взглянув на нее перед тем, как зайти в клуб, почувствовал удовлетворение и веселье. Официантка была смущена, и с мольбой смотрела на меня. А заметив, что я собираюсь уйти, прикусила губу. В ее глазах промелькнули слезы-это решило все. Я повелся, сдался, забив на принципы и прочие заморочки.

Кивнув Димкиным парням из охраны в сторону девчонки, вошел в клуб, зная, что через пять минут она и ее подружки войдут следом, но решил не думать об этом. Ни к чему мне этот геморрой, возраст уже не тот. Будем считать, что у моего поступка нет никакой подоплеки, кроме порыва души в духе «я когда-то тоже был молодым».

Я направлялся к ВИП-зоне и морщился — музыка била по ушам, сигаретный дым вызывал удушье, а пьяные рожи — отвращение.

— О, Гладышев!

— Здорово, друг!

— Приветик.

— Как похудел.

Посыпалось со всех сторон, как только я подошел к друзьям. Минут десять мы обменивались приветствиями, делились новостями. Но потом все расселись по местам и выпили за встречу. Друзья, как обычно, прошлись по своей любимой теме — содержанием моего бокала. Хотя каждому было прекрасно известно, что алкоголь я не переношу, поэтому чаще всего во время таких встреч предпочитаю кокосовое молоко.

— Гладышев, вот если бы не знала твой сволочный характер, то недоумевала, как ты еще без нимба ходишь, — прогнусавила Вика со столь модным «московским акцентом». Меня передернуло. Твою же маму, ну неужели нельзя нормально говорить? И почему Антропова всегда цепляет какую-нибудь дрянь? Ведь в мире столько всего модного и одновременно полезного, но нет, все что негоже — все ее.

— Викуль, ты еще не в полной мере прочувствовала мой «сволочный» характер, а то бы держалась подальше, — иронично сделал я недвусмысленный намек. Аленка усмехнулась, наблюдая за нашим обменом любезностей, остальные даже не обратили внимания, занятые беседой. Впрочем, зная нашу взаимную «любовь» с Антроповой, не удивились бы. Терпим мы друг друга исключительно из-за Мухи.

— Да уж, наслышана от Ленуси, — кольнула она. Я посмотрел на нее хмуро, желая при этом, чтобы она подавилась своим ядом. Сука!

— Ну надо же, как ей повезло бедной — одни сволочи кругом! — сыронизировал я. Вика побледнела, почувствовав камень в свой огород, поджала губенки и кинула на меня убийственный взгляд. Я ухмыльнулся и отсалютовал бокалом:

— За нас, Виктория Викторовна — сволочей!

Аленка толкнула меня вбок и со смешком попросила:

— Гладышев, ну не заводи ты ее!

— Слышь, Гладышев, а что там, у входа, произошло? – вдруг спросил Диман.

А я думал, что пронесет. Хер там, если уж застукали на месте преступления, то не отвертись!

— Да, да, мне тоже интересно, что это за шалашовка? Это же надо такое отмочить! — оживилась Аленка. А меня почему-то это ее «шалашовка» кольнуло, неприятно задело, поэтому я как бы шутливо напомнил:

— А ты не помнишь себя, лет так восемнадцать назад, в оранжевых лосинах, мини-юбке, на губах у тебя еще была такая морковная помада. Ты стояла на Бии нашей и ловила тачку?

— Точно! И еще волосы были у нее неясного оттенка, — поддакнул Борька, захохотав. Все подхватили его смех. Аленка вздернула подбородок и закатила глаза.

— Я в очередной раз повторяю, что я не «ловила тачку», а ждала отца — он должен был меня забрать, — процедила она, — И одета я была по последней моде, а не как эта... Ужас. Вырядилась как будто только что с Тверской!

— Да с такой фигурой и мордашкой можно вообще не заморачиваться. Девка — огонь! — одобрил Боря, подмигнув мне. Аленка переглянулась с Танюшкой, покачала головой и высокомерно парировала:

— Она и не заморачивается.

— Гладышев, тебя че, на молодое мяско потянуло? — ухмыльнулся Костян.

— На такую любого бы потянуло... — хмыкнул Боря.

— И как это понимать? — наехала сразу же на него Аленка. Но он притянул ее к себе и поцеловал. На меня же уставилось шесть пар глаз, а я, в своей невозмутимой манере, попивал кокосовое молоко. Интересно, с

чего они решили, что я вдруг начну трепаться, если никогда раньше этого не делал? Да и говорить, собственно, не о чем.

— Да ты, Саныч, старый развратник. Нам тут, значит, такое втирал, а сам с молодыми шлюшками отжигашь, — засмеялся Димка.

— Каждый судит в меру своей испорченности, Диман, — глубокомысленно изрек я, а друзья засмеялись.

— Давайте выпьем за ювелиров! — обратился Миха ко всем, но его взгляд был обращен к все еще воинственно-настроенной Аленке. Она вскинула бровь, а он насмешливо пояснил:

— Если мужчина умеет использовать женские недостатки, они будут сверкать ярче любых достоинств.

Я усмехнулся, Аленка закатила глаза, но не стала отвечать на Антроповскую провокацию, Борька довольно засмеялся, но скользнув взглядом по первому этажу, тут же всполошился.

—А вон и звезда сегодняшнего вечера, — кивнул он в сторону танцпола внизу. Все сразу же обратили свои взоры к окну. Я же прикрыл глаза, отсчитывая до десяти.

— Которая? Вон та брюнетка?

— Конфетка!

—Хороша.

Слышалось со всех сторон. Взглянув же на меня, друзья захохотали.

— А вот ты над нами издевался, теперь наша очередь! — со смехом утешали они меня. Я кивнул и взглянул на невозмутимого Борьку. Друг тут же поднял руки вверх, я показал ему кулак и осушил бокал.

Через десять минут все забыли об инциденте у входа и переключились на другую тему.

Я же из последних сил сдерживал себя, чтобы не посмотреть вниз. Сидел как на иголках, нервно постукивая пальцами по спинке кресла. Друзья о чем-то спорили, я даже не вслушивался, хоть и вставлял в нужный момент какие-то фразы. А потом не выдержал и начал осматривать зал в поисках девки. Долго не мог найти. А спустя полчаса, еще раз пробежавшись глазами по танцующим, наткнулся на нее. Она находилась в объятиях какого-то обдолбыша, которого, похоже, даже не замечала.

Девушка двигалась в такт музыки: грациозно изгибаясь, прикрыв глаза. Казалось, она где-то очень далеко отсюда, в собственной нирване. Танцевала красиво и профессионально. Значит, любительница покрутить задницей. На лице у девушки играла чувственная улыбка, от которой у меня запершило в горле. Кожа блестела от пота, волосы растрепались, тушь размазалась под глазами. Действительно, как шалашовка, как будто ее только что трахнули где-то в темном закутке. А может, уже кто-то и поимел в туалете.

Я почувствовал раздражение и злость на самого себя. Нашел на кого пялиться.

Она же продолжала сексуально извиваться, скользя по груди руками, языком по пухлым, красным губам. У меня перехватило дыхание. Парень положил ладони на ее бедра, она прогнулась — платье задралось, оголяя бедра едва ли не до трусиков. Но девушку это, казалось, не волновало. Она погладила себя по ногам, прикусив нижнюю губу.

Я отворачиваюсь, откидываюсь на спинку кресла, закрыв глаза, но перед мысленным взором девчонка продолжает танцевать.

Хочу ее дико. Каждую клетку разрывает от бешеного желания. Стискиваю челюсти до зубного скрежета. Стояк вызывает дискомфорт, в висках пульсирует, в голове шумит. Ни о чем не могу думать, кроме нее, стоящей возле стены с задранной до пояса платьем и широко разведенными ногами в этих проклятущих чулках...

Бл*дство! Свалилась же на мою голову, зараза!

Надо отправляться домой, а то до добра эти фантазии не доведут. Это же надо?! Сидины еще у себя не замечал, но бес крутит по жесткому.

Друзья в это время разошлись не на шутку и веселились во всю, только Миха пристально смотрел на меня, не говоря ни слова. Антропов всегда был проницательным и видел то, чего не замечают другие. Его внимательность поражала и вызывала неловкость, словно он тебя насквозь видит. Поэтому я отвернулся, не считая нужным обсуждать свою озадаченность.

Перекрикивая музыку, сообщил, что еду домой, отдыхать. Никто не стал возражать, зная, что я недавно оклемался после пневмонии. Пятнадцать минут все же пришлось потратить на прощания.

— Олеж, я приеду к вам на выходные, нормально? С Олеськой пообщаюсь. — сказала Аленка, целуя меня в щеку.

— Ленка, что ли, попросила? — грубо поинтересовался. Шувалова отстранилась.

— Гладышев, ты же прекрасно знаешь, что нет. Зачем обижаешь меня? — огорчилась она.

— Не обращай на меня внимания, Аленка, я молока перепил, — примирительно улыбнулся, приобняв ее. Она улыбнулась в ответ.

— Ты вымотался, Олеж, тебе бы отдохнуть. Как проклятый пашешь.

— Да я же вот только приехал с Лазурного берега.

— Ой, знаю я, как вы отдыхаете. Только обстановка меняется, а также по уши в работе, — отмахнулась подруга.

— Смена обстановки тоже отдых, — усмехнулся я. Мы подошли к выходу из ВИП-зоны, договорились о ее визите и попрощались.

Как только я спустился в общий зал, передо мной встала дилемма: идти сразу к выходу или пройти мимо девчонки. Желание увидеть ее было нестерпимым, и я решил себе в нем не отказывать. Нашел ее не сразу, а когда увидел, то передо мной разыгралась следующая сцена: тот обдолбыш с каким-то еще одним наркоманом что-то на повышенных тонах ей

говорили, а девушка со слезами пыталась вырвать руку из захвата. Она оглядывалась по сторонам и видела, что никто помочь ей не собирается.

Если честно, я почувствовал удовлетворение — будет знать, как задницей крутить. Для абсолютной эффективности урока можно было оставить ее на растерзание этим ублюдкам, но мне подобная идея пришла не по вкусу. Можно проучить и не столь радикальными методами.

Странно, что меня вообще интересует воспитательная часть данной ситуации. Зачем, спрашивается, мне возиться с этой дурехой? Как будто и без того проблем мало. А с ней определенно будут проблемы. Такие сначала ведут себя, как проститутки, а потом обижаются.

Нужен тебе, Гладышев, этот гемор? Ведь потом не огребешься, да и с Де Марко придется распрощаться. А жаль — стейки там вкусные.

Но взвесить все не получается, встречаюсь с затравленным взглядом девушки и понимаю — готов немного пожертвовать комфортом. Другой вопрос: ради чего? Но не за спасибо это точно. Благотворительностью не занимаюсь.

Лезть в разборки с наркоманами я, естественно, не собирался. Не по статусу, да и зачем мне это надо? Вызвал охрану и направился к выходу. Проходя мимо моей официантки, на ходу бросил:

— Вещи забирай. Жду тебя в машине.

Она непонимающе уставилась на меня. Наркоманы осеклись и хотели что-то возразить, но тут подросла охрана.

Я вышел на улицу, холодный ветер сразу же принял меня в свои мерзкие объятия, проникая под рубашку. Меня зазнобило, и я поторопился к машине, где сразу же включил печь на полную мощность.

Прошло десять минут, я уже успел согреться, а девицы все не было. Буря во мне понемногу утихла, и я подумывал уехать, но тут увидел ее, выходящую из клуба. Обхватив себя руками, девушка замерла на крыльце и осмотрелась по сторонам. Я посигналил, и она устремила взгляд в мою

сторону и, приглядевшись, начала спускаться. Шла девчонка неуверенно: то ли меня боялась, то ли еще не протрезвела, а может и то и другое.

Открыв дверь машины, застыла, не зная, что делать.

Выглядела она ужасно: лицо бледное, макияж растекся, губы искусаны в кровь. Да уж! И что с ней делать?

— Садись! — устало произнес я. Салон стал заполнять холодный воздух, меня вновь зазнобило.

— Я хотела...хотела поблагодарить... — замялась она, отводя взгляд.

— Садись! — раздраженно скомандовал я.

Глава 6.1

Плохо. Боже, как же мне плохо!

Все расплывается, кружится и кружится. Я словно на какой-то сумасшедшей карусели. Тошнота подкатывает к горлу. Сглатываю и стараюсь дышать. Слезы подступают к глазам — как вспомню весь этот адский вечер, так хочу умереть. Я это и делаю — загибаюсь от стыда.

Не знаю, что на меня нашло. Я никогда раньше так не напивалась, точнее, я вообще не пила. Оправдания себе не ищу, и обелить не пытаюсь. Мне действительно хотелось привлечь внимание этого мужчины, но я просто не знала как. Не понимаю, на что я рассчитывала? В общем-то, ни на что. Адреналин в крови зашкаливал, вот и понесло. Но когда встретилась взглядом с женщиной из его компании, то отчетливо поняла, насколько ужасно это выглядело. На ее лице было написано такое презрение и отвращение, что я будто получила удар под дых. Протрезвела в одну секунду. Посмотрела на эту ситуацию со стороны — стало не по себе. В это мгновение я начала бояться реакции блондина. Если он в простой перепалке не давал спуска, то здесь и подавно, но я опять ошиблась. Он просто ушел. Ушел, наградив насмешливым взглядом. И одним им морально раздавил меня. Показал, насколько я ничтожна в его глазах, словно муха, попавшая в мед. И вроде весело наблюдать за моими бестолковыми потугами выбраться, но в тоже время вызывает отвращение. А я уже не вылезу. Попала конкретно. Без единого шанса на избавление от

безрассудной тяги.

После того как он скрылся за дверью, нас пустили в клуб. Я знала, это благодаря ему. Лерка с девчонками были в восторге. Они наперебой благодарили меня и еще минут тридцать мусолили ситуацию, утешая тем, что цель оправдывает средства. Сомнительно, учитывая, что я перепутала «цель» со «средством».

И я вновь пила хотя понимала, что уже достаточно, но мне было необходимо заглушить, утопить, обезвредить спиртом болезненное ощущение фиаско, дикого унижения, а более всего — сожаления. Сожаления о том, что я не могу отмотать временную ленту назад, хотя бы на несколько часов, и не устраивать представление, а просто подойти к нему и сказать «спасибо». Поблагодарить за щедрые чаевые и замечательное настроение, за то, что теперь с радостью бегу на работу в надежде увидеть его. Ведь я хотела лишь этого. И клуб мне уже был не нужен, когда заметила этого мужчину, который последние дни вообще не покидал мои мысли. В итоге: его поставила в неудобное положение перед знакомыми и себя выставила полной дурой. О чем я думала в тот момент? Если вообще думала... Какой-то идиотский порыв.

Остальное вспоминается смутно. Какие-то лица мелькают, огни, дым, туман. Ничего не радовало, подруги раздражали. И я пошла танцевать — мне необходимо было движение, чтобы хоть чуть-чуть прийти в себя и протрезветь. Но желаемого эффекта это не дало, напротив: карусель в моей голове, словно взбесилась и кружила так, что все сливалось в одно разноцветное пятно. Я закрыла глаза и отдалась музыке, сексуально двигаясь, лаская себя. Я представляла, что он смотрит на меня, проникает под кожу своим холодным взглядом, вызывая мурашки и какое-то тягучее, расплзающееся приятным теплом, удовольствие. Эти фантазии пьянили еще сильнее, я тонула в них, забывая о реальности. Поэтому очнувшись, не сразу сообразила, что происходит. Два парня странного вида куда-то меня тащили. Один крепко держал, обхватив запястье костлявыми пальцами, второй подталкивал сзади. Я застыла на месте, оглянулась в поисках Лерки и девчонок, но никого не увидела. Ребята настойчиво тянули меня за собой. Я понимала для чего и зачем. И от этого меня прошибло холодным потом, паника начала нарастать в душе. Я стала сопротивляться, но эти наркоманы казались зомбированными. Так страшно и противно мне никогда еще не было. Я что-то кричала, била по холодным рукам, которые будто клешни

вцепились в мое запястье. Ситуация только усугублялась с каждой минутой. И что пугало меня больше: никто, абсолютно никто не обращал внимания на происходящее. Слезы зажгли глаза, страх разрывал каждую клеточку, пока я не встретила со скучающим взглядом приближающегося ко мне блондина. И вот знаете, увидела его и сразу отпустило. Вырубил нафиг панику в один момент. Вот она — моя каменная стена, за которой хоть трава не расти. Не знаю, откуда во мне такая уверенность. Ведь совершенно чужой человек. Зачем ему помогать девушке, которая еще недавно вела себя, как ... кхм... Он мог бы подумать, что я сама виновата. С моими-то выходками. Наверняка так и решил. Но во мне присутствовала уверенность, что мимо не пройдет. Хотя я обалдела, когда он на ходу бросил: «Собирай вещи. Жду тебя в машине». Нормально, да? «Жду тебя». А ты тут еб*сь (простите за мой французский), как хочешь... дорогуша. Но буквально через пару минут подросла охрана, и я посмеялась над собой.

Да, Яна, раскатала ты губу. Как же, будет «барин» белы рученьки марать ради «крепостной девки». Да и за какие такие заслуги? Спасибо хоть вообще «милость оказал», да еще и у себя видеть желает. А вот это интересно.

Не знаю, как я решилась. Хотя... о чем разговор? Какое решилась? Я и не думала ни о чем, когда, как послушная собачка, неслась прочь из клуба к нему в машину. Забыла обо всем на свете, только бы побыстрее удрать, поскорее к нему.

А выйдя на улицу и хватанув холодного воздуха, колесики в моей голове начали потихонечку крутиться вертеться. В сознании, опьяненном эйфорией и алкоголем, всплыли вопросы: куда я и зачем? Но как вынырнули на поверхность, так и благополучно потонули, стоило только раздаться гудку автомобильного клаксона. Я пошла навстречу неизвестности, но она меня не пугала. Возможно, это моя очередная ошибка. Вот только ошибаться иной раз приятнее, чем быть разумным.

И вот я сижу в салоне роскошного авто с сосредоточенным на чем-то своем малознакомым мужчиной. В абсолютном молчании мы несемся куда-то в ночь. И эта тишина давит, нервирует меня. Чувствую себя обязанной что-то сказать, да только в голову ничего не лезет. Украдкой поглядываю на своего спасителя и теряюсь. Он собран, спокоен и даже расслаблен. Весь из себя — самоуверен, доволен жизнью. Одна рука уверенно направляет

машину, другая лежит на коробке передач. Пальцы тихонько постукивают по ней, отбивая собственный ритм, который для меня словно тиканье часов бомбы замедленного действия. Я отчаянно пытаюсь незаметно поправить задравшееся платье, оголившее ноги едва ли не до трусов. Его рука совсем рядом с моим бедром — это смущает и вызывает азартное возбуждение. Вроде бы и страшно, но любопытно.

Очередная попытка прикрыться привлекает его внимание. Неспешным взглядом скользит по бедрам, а я будто кожей чувствую ласковое прикосновение. Слежу за ним. Мы встречаемся взглядами. Приподнимаю вызывающе бровь и насмешливо улыбаюсь краешком губ, хотя меня трясет от страха, но ему ни за что не покажу, насколько мне не по себе, как сильно смущена и растеряна. Его выражение лица все так же непроницаемо. Скучающее.

Ага, охотно верю, милый! Хорошая мина при плохой игре. Я, конечно, наивная провинциалка и дура, но не настолько, чтобы не понять — ты повелся на мои ноги и фейс. Да только ошибаешься, если думаешь, что я себя на помойке нашла и от одного твоего вида неземной опупенности паду ниц. Если честно, меня вся эта ситуация поражает. Ясное дело, в фильмах я видела, как люди на одну ночь пересекаются и мне это казалось... ну, не то чтобы приемлемым, но отвращения не вызывало. Как говорится — дело каждого. Но сейчас, испытывая все на собственной шкуре, чувствую ужасный дискомфорт и неловкость. Я не знаю правил игры, да и не представляю себе это возможным, по крайней мере не сейчас, не в свой первый раз. Этот мужчина для меня как наркоз: разум отключается от одного вдоха. Но не настолько, чтобы не понимать: если я уступлю, то на этом и кончится, а довольствоваться малым — это не про меня. Да и какой в этом резон? Мне импонирует, что мной увлекся такой мужчина. Конечно, я под впечатлением от его тачки, дорогих часов и прочих атрибутов жизни, о которой все мечтают. Но меня воспитали иначе. Мама вбивала в голову другие ценности. Он мне безумно нравится, я по нему с ума схожу, но мне страшно.

Я ведь даже имени его не знаю! Кстати, да...Пора уже осветить этот вопрос.

Все еще чувствую себя неловко, но остатки алкоголя в крови помогают преодолеть робость. И правильно. Раз взяла старт в образе «крутой

девчонки», то уже поздно давать заднюю. Тяжеловато, но я должна преодолеть психологический барьер. Будет довольно странно, если я сейчас начну жеманничать. После того-то концерта. Первое впечатление уже произведено, придется поддерживать имидж.

Втянув в себя побольше воздуха, резко поворачиваю голову и в упор смотрю на него — такого недостижимого, серьезного и красивого. Господи, ну разве можно быть таким красивым? Мне даже его щетина нравится, хотя терпеть не могу небритых мужиков. Мужчина обратил на меня взгляд полный ожидания. Я на мгновение стушевалась, но тут же собралась и, состроив пафосное выражение личика, иронично предложила:

— Может, познакомимся? Или ты таксистом решил заделаться? Сразу предупреждаю: денег у меня нет.

Он ухмыльнулся и вновь мельком глянул на мои ноги. Похотливая скотина. И только после снисходительно ответил:

— Ну давай... познакомимся. Олег.

— Блин! — вырвалось у меня от досады. Я ведь уже почти к «Александру» привыкла, а тут «Олег». Хотя тоже подходит. Такое какое-то твердокаменное имя. Олег... и словно вбили клин. Однако, странные у меня ассоциации. Наверное, в том клубе что-то подмешивают в коктейли.

— И что подразумевает это «блин»?

— Да ничего особенного. Просто мне было скучно, и я гадала, как тебя зовут. Но увы, оказалось, что экстрасенсом мне не быть, — пожала я плечами. Олег заулыбался шире и провокационно произнес:

— Значит, думаешь обо мне, когда скучно...

Я закатила глаза и засмеялась, лихорадочно придумывая достойный ответ, но мужчина избавил меня от необходимости отвечать.

— И какие были варианты имен?

— Их было всего два. Ну, первый вам... тебе известен, — хихикнула я,

подразумеваю то, как я обласкала его во время первой встречи. Искоса посмотрела на Олега, ожидая с волнением реакции. Я знала, что иду по тонкому льду, но старалась не перегнуть палку. Мужчина, прищурившись, обжег меня угрожающим взглядом, сообразив, видимо, что я имела в виду.

— А второй? — как бы нехотя, с ленцой, задал он вопрос. Но это больше походило на то, как хищник подкрадывается к жертве. Главное — отвлекающий маневр — сногшибательная улыбка-ухмылка, от которой у меня тут же участился пульс, а в горле пересохло. Я сделала вид, что задумалась. Немного пришла в себя, а после тоже, как бы нехотя, ответила, поигрывая прядкой волос:

— Я остановилась на Александре.

— До экстрасенса далековато, но потенциал все же имеется. Если тебя утешит, то я Александрович, — признался он, сдержанно улыбнувшись. Серьезность и торжественность речи, которую Олег произнес, — будто решалась вся моя жизнь — развеселили меня. Я засмеялась. Он удивленно покосился, я же захохотала еще сильнее.

Ну знаете, бывает беспричинный приступ смеха: посмотришь на человека и начинаешь хохотать до слез и икоты. Наверное, еще алкоголь баламутил мой организм. Смеялась я долго, пока нас не остановила ДПС.

Олег словно нарочно притормозил очень далеко от грузного полицейского, и теперь с удовольствием наблюдал в боковое зеркало, как тот бежит к нам, выставив вперед огромный живот, похожий на шар. «А ведь он моральный садист» — пронеслось у меня в голове, при взгляде на глумливую ухмылку Олега.

— Мы что-то нарушили? — осторожно спросила я.

— Сейчас расскажут, — подмигнул он мне. Я была удивлена таким ответом, но уверенность Олега и его веселое расположение духа успокаивали. Вот только в чем подвох я узнала позже. Инспектор нетерпеливо постучал в окно, и Олег со скучающим видом опустил стекло.

— Почему пассажир не пристегнут? — без предисловий начал гаишник. Я испуганно покосилась на ремень безопасности и едва ли не

хлопнула себя по лбу. Вот дура!

— Ваши документы, — грубо бросил инспектор.

— Ваше служебное удостоверение, будьте добры, — спокойно парировал Олег, даже не слушая полицейского.

— Я еще раз говорю: документы! — нетерпеливо перебил тот.

— Пока вы не предъявите удостоверение, я с вами даже разговаривать не буду. Вы приказ сто одиннадцатый читали?

— Давайте документы...

Олег даже не стал слушать дальше его речь — закрыл окно. Меня, как и инспектора, это действие ввело в ступор. Олег же откинулся в кресле и прикрыл глаза, а дпс-ник тем временем затарабанил по боковому стеклу.

Я занервничала и со страхом смотрела то на Олега, то на инспектора. Одни его погоны меня устрашали. Будь я на месте Олега, пикнуть бы не посмела, но мне и не положено. А барину-то все, видимо, можно.

— Может быть, стоит показать документы? Все равно ведь придется. Только время потеряем... — я предложила, тяжело вздохнув.

— Мы торопимся? — ответил Олег вопросом на вопрос.

— Нет.

Он открыл глаза и, улыбнувшись, тоном наставника сказал:

— «Потеря времени» тоже дает свои результаты. Можно проиграть, оставшись при этом в выигрыше. Но, даже если ничего и не поимеешь с этого, то хотя бы просто из принципа можно вытрепываться — все равно терять нечего.

— Значит... — слегка подалась вперед и лукаво улыбаясь, продолжила, — ты советуешь быть принципиальной?

— Сообразительная девочка, — одобрительно ухмыльнулся Олег, поняв про что речь, но тут же добавил, — Только не увлекайся!

Ответить я не успела, он повернулся и опустил стекло. Они продолжили перепалку с инспектором по поводу документов, я же сидела в шоке от самой себя.

Боже... Что со мной? Я только что это сказала? Я дразнила его? Нет, я всегда мечтала быть именно такой: раскрепощенной, дерзкой, соблазнительной, но никогда не думала, что смогу. Это было так странно, словно какое-то наитие. Я не играла роль. Это была действительно я. Я, которой мне никогда не хватало смелости быть. Но с этим мужчиной я сбрасывала маски, а может, наоборот — одевала? Но в любом случае мне это нравилось, и было по душе.

Я сосредоточилась на разговоре с инспектором. Все же Олег добился своего — гаишник показал свое удостоверение, а также сменил тон на более вежливый. Блондин же перечислял документы, которые он передает в руки инспектора.

— Все верно? — уточнил он громко. Гаишник кивнул.

— Нет, вы, пожалуйста, скажите вслух, чтобы это было отмечено на видеорегистраторе, — попросил он приторно-вежливым голосом, как просят несговорчивых детей.

Инспектор нахмурился и рявкнул:

— Все документы в наличии. А теперь пройдемте со мной для составления протокола.

— Я с вами никуда не пойду, мне и здесь хорошо, — невозмутимо парировал Олег.

— Вы обязаны пройти со мной...

— Да неужели?! — сыронизировал «барин», — И по какому такому закону я обязан? Вы составляете протокол, приносите мне, я с ним ознакомливаюсь и еду дальше!

— Гражданин Гладышев Олег Александрович, прекращайте устраивать цирк! Пройдемте в машину, а после оплатите штраф.

— Я с вами никуда проходить не обязан без протокола задержания! Вы составляете его, показываете, а я уже излагаю свое виденье событий.

«Е-мое, точно барин» — хохотнула я про себя, с удовольствием наблюдая за разворачивающейся сценой.

— И, вообще, мне не совсем ясно на основании чего вы собираетесь составлять протокол? У вас где-то зафиксировано правонарушение? Или вы со слов коллег будете на меня что-то вешать? — иронично поинтересовался Олег.

Я же с любопытством наблюдала за ним, открыв рот. Нет, я была уверена, штрафа мы избежим, но думала, что Олег позвонит какому-нибудь знакомому или еще что-то в таком духе. Но чтобы вот так грамотно, со знанием законов, всяких там приказов и с абсолютной уверенностью в своей правоте, несмотря на то, что мы нарушили правила — это было красиво и восхищало. Мы еще минут десять выясняли пробелы в профессиональных знаниях инспектора, а после продолжили путь. Сошлись на том, что замученный, «схаванный на базаре», полицейский, лишь отмахнулся от нас и посчитал за лучшее не связываться — как бы на него самого «гражданин Гладышев Олег Александрович» не накатыл что-нибудь в прокуратуру.

Как только мы тронулись, я сразу же пристегнулась от греха подальше.

— А ведь мы неправы, — улыбнулась я заговорчески.

— Серьезно?! — съязвил он, — Вы, случаем, не мисс Очевидность, сударыня?

— Просто не очень хорошо так делать, — проигнорировав его насмешку, высказалась я в шутку.

— Понятное дело — нехорошо. Но если ты настолько моралистка, мы можем вернуться. Составим протокол, и ты оплатишь штраф за то, что не

пристегнулась. Как тебе такая идея? Просто ты мне сказала, что денег у тебя нет, вот я и решил помочь. Но если для тебя это неприемлемо...

— Прекрати! — засмеялась я, качая головой.

Дурочка, какая же я дурочка! Мне с ним не тягаться.

— А в чем дело? — усмехнулся Олег и шутливо приподнял бровь. В эту минуту он больше не казался холодным и чужим, напротив, возникло ощущение, что я знала его всегда. Так и хотелось провести ладонью по колючей щеке, коснуться большим пальцем его губ, а потом своими губами попробовать на вкус; зарыться пальцами в пепельные волосы. Интересно, какие они на ощупь? Стоп, Яночка! Несет тебя совершенно не в ту сторону.

Отвожу взгляд и вспоминаю, что собиралась спросить до того, как утонула в его невероятно голубых глазах.

— Хочешь сказать, что если бы ты сам нарушил правила, то без дальнейших споров согласился на штраф? — спрашиваю с огромной долей сомнения.

— С чего вдруг выводы, что я вообще хочу что-то сказать? Сколько живу, столько не перестаю удивляться женской логике, — качает он головой.

— О, ну вы-то мужчины верх логичности. Сначала делаете вид, что знать не знаете, а потом думаете, что щас подкатите на своей тарантайке за несколько лямов, как вам тут же обломится! — возмутилась я. Олега затрясло в беззвучном смехе, а потом он не выдержал и захохотал в голос. Я поняла, что откровенно высказала свои претензии и смутилась. Олег же продолжал смеяться. Смех у него тоже красивый: такой глубокий, искренний, заражающий, что я не смогла сдержать ответную улыбку.

— А ведь причина опять же в женской «логике»: вас больше привлекает, когда мужчина не замечает, игнорирует и откровенно пренебрегает, — заметил он насмеявшись.

— О, значит, это такой способ привлечь внимание? — подколола я его и понимающе улыбнулась. Хотя знала: ему мое внимание, что собаке пятая

нога, но дразнить мужчину было весело. Олег хмыкнул, но не стал возражать, правда, выражение его лица говорило само за себя.

— Так ты не ответил про «штраф», — решила я замять щекотливую тему, напомнив про свой вопрос.

— Если люди глупы, ленивы и безответственны, то грех этим не воспользоваться. В конце концов, наш мир не слишком-то отличается от животного, разве что ежедневную борьбу за «выживание» или в нашем случае материальные средства, мы скрываем за масками благопристойности и вежливости. Но суть от этого не меняется — на вершине пищевой цепи окажется самый сильный, ловкий и хитрый, — отозвался он.

— Моя мама говорит: «хочешь жить — умей вертеться», — подвела я итог его речи.

— Можно и так сказать, но это не значит, что нужно идти по головам. Не стоит уж совсем превращаться в скотину ради наживы. Другой вопрос, когда человек сам халатно относится к своей работе и думает, что ему удастся на статусе сшибать бабосы, тогда надо действовать его же методами... — Олег оборвал речь и перевел глаза на меня. А после с усмешкой поинтересовался, — Ты еще не уснула?

— Нет, мне интересно.

— Ну надо же, — хмыкнул он, а меня это взбесило. Нет, я понимаю, что Олег не очень-то высокого мнения обо мне, но не обязательно это столь явно афишировать.

— Представь себе! — огрызнулась я. А после, наконец, задала интересующий меня уже давно вопрос:

— Куда едем, гражданин Гладышев Олег Александрович?

Он покосился на меня и равнодушно отозвался:

— Выбирай, куда хочешь.

Вот те на, какая щедрость! Сейчас я тебе скажу, куда хочу...

— Ну... поехали на Мальдивы, чего уж мелочиться, — подколола я его, прикусив губу и глуповато хлопая ресницами. Ситуация была двусмысленная и пошлая, прикрытая теми самыми масками благопристойности.

— А тебе палец в рот не клади, откусишь по локоть, — хохотнул он.

— Я же сказала, что не люблю мелочиться — хочу все и сразу! “Москва — это большая лотерея. Здесь можно все выиграть” — процитировала я героиню Муравьевой из фильма «Москва слезам не верит» и подмигнула ему, закинув ногу на ногу дразня. Олег ухмыльнулся, покачал головой типа «эх, что с тебя, юной максималистски, взять?!» Затем добавил ложку дегтя:

— Но чаще — два раза по рублю. Так куда поедем?

Я с ним была абсолютно согласна, но продолжала свою роль. Улыбнулась и сказала:

— Вообще-то, сообразительной девочке уже давно нужно быть дома в кровати, а то строгая тетя надает по попе.

И только спустя минуту я поняла, какую ошибку совершила, заикнувшись о тете. Олег словно осекся, пристально посмотрел на меня, выискивая что-то в лице, а потом грубо спросил:

— А тебе лет-то сколько?

— Неприличные вопросы вы задаете, Олег Александрович! — пожурела я его, пытаясь перевести все в шутку, но мужчина так взглянул на меня исподлобья, что я стушевалась и тяжело вздохнув, призналась;

— Не волнуйся, уголовная ответственность не светит — мне восемнадцать!

— Господи, ты Боже мой! — засмеялся он.

Глава 6.2

— И что подразумевает это «Господи, ты Боже мой?» — повторила я его недавние слова.

— Подразумевает, что «сообразительной девочке» пора домой. Адрес какой?

Я нагло ухмыльнулась, хотя было обидно. Гребаный лицемер. Что изменилось? Я стала другой в один миг, и он уже типа не заинтересован? А может, я просто изначально все неправильно поняла? Да хрен его знает.

Надо бы позвонить Лерке, сказать, что я сейчас приеду. Появляться в таком виде у тети Кати лучше не стоит.

— Пару секунд. Я узнаю адрес, — попросила я.

Олег кивнул и свернул на обочину. Когда я достала телефон и обнаружила, что села батарея, у меня вырвался истеричный смешок. Отлично. И что делать?

— Какие-то проблемы? — настороженно спросил он. Я тяжело сглотнула и, виновато улыбнувшись, потрясла телефоном.

— Сел, — прокомментировала я.

— И ты, конечно же, не помнишь номер и не знаешь адрес, где живешь, — склонив голову набок, издевательски предположил мужчина.

— Я должна была ночевать у подруги. Ну... у меня строгая тетя. А точного адреса подруги не знаю, да и объяснить вряд ли смогу — я еще плохо ориентируюсь в Москве — не местная.

— Да это я уже понял, — ухмыльнулся Олег. Шпилька попала в цель: замечание прозвучало, как оскорбление. Я закатила глаза.

Черт с ним! И зачем я вообще терплю его насмешки? Посмотрите-ка, такой умный и приличный дядя, а на молоденьких девочек-то заглядывается.

Но связываться с ним не было ни сил, ни желания. Поэтому я проигнорировала выпад.

— Отвези меня в Свиблово, — психанув, холодно отдала распоряжение, закинув телефон в сумку.

Пусть меня ждет хорошенький разнос от крестной, но еще хотя бы полчаса в столь претенциозной компании и мое эго будет уничтожено. Олег, видимо, обалдел от такого пафосного распоряжения с моей стороны. У него на лице было написано: «А ты, случаем, не охренела ли?».

Может, и охренела, но его колкие замечания и насмешки достали.

Отворачиваюсь к окну, закрываю глаза, прислонившись разгоряченным лбом к холодному стеклу. Так хорошо. Вдыхаю глубже. Запах кожи и какой-то хвои звучит ярче, насыщеннее. Наверное, теперь

этот аромат будет ассоциироваться с этой ночью: такой странной, непонятной и будоражащей.

Я мечтательница. Наивная девчонка, верящая в чудеса. Пытаюсь казаться циничной, делая вид, что происходящее для меня обычная ситуация. А на самом деле отчаянно надеюсь, что, возможно, будет как в каком-нибудь романе: притяжение, любовь и вся фигня. Самое смешное — пусть он предвзято ко мне относится, пренебрежителен, но ведь мы оба знаем, что ему совсем не все равно, иначе меня бы здесь не было.

Некоторое время мы ехали в тишине. Я старалась смотреть на дорогу, хотя до зуда в каждой клеточке хотелось повернуться и что-нибудь сказать.

— Обиделась что ли? — небрежно поинтересовался Олег через некоторое время. Я чуть повернула голову и замерла, встретившись с его взглядом. Сердце екнуло, где-то в горле встал ком, но я и виду не подавала, что так бурно реагирую на этого мужчину. Вскинула вызывающе бровь и сделала изумленное лицо типа «еще чего!». Усмехнулась.

— Обиделась? Я вас умоляю! Давно уже научилась игнорировать выпады безразличных мне людей. Нервные клетки, как известно, не восстанавливаются, чтобы тратить их на всяких там...

— «Всяких там»? — переспросил Олег с ноткой недовольства в голосе, отчего мне стало не по себе, но я продолжала сидеть с невозмутимым лицом.

— Ну да, — отозвалась, чуть улыбнувшись краешком губ, всем видом показывая, что он мне до лампочки.

— Я бы на твоём месте придержал язык, а то отправишься сейчас пешком, — холодно парировал.

Я обалдела. Ничего себе заявления. А ты, случаем, не попутал ничего, дорогой? Меня аж затрясло от злости. Считает, что будет всячески меня поливать, а я буду молча глотать и поддакивать? Ага, харя треснет!

Зажравшийся ушлепок! А ведь в первую встречу таким интеллигентным казался. Кажется, надо креститься, Яночка. Послать бы его сейчас на три веселых, и дело с концом, но я пасую. Меня от одного его недовольного взгляда уже пробирает. Есть в этом мужчине что-то такое неуловимое, что заставляет держать себя в руках, соблюдать субординацию. Да и просто не могу так себя повести — боюсь что-то испортить, хотя по сути нечего. Вот сволочь! Даже нагругить ему как следует не получается!

И все же на последние его слова не могу не ответить.

— Мне совершенно без разницы, как бы ты поступил на моем месте. Я буду говорить то, что считаю нужным. И пешком в любом случае вряд ли

придется добираться. Будь уверен, без сопровождения не останусь, — огрызнулась я. Он несколько минут изумленно на меня смотрел, а затем заулыбался. Только какая-то нехорошая, зловещая, получилась улыбка, но я не отвела взгляд.

— О, не сомневаюсь, что не останешься, — сыронизировал Олег, красноречиво взглянув на мои ноги. Я закатила глаза, а он продолжил.

— Не забывай, сопровождающие разные попадаютс...

— Неужели?! — язвительно хохотнула, — Интересно, и в чем разница, если у каждого на уме только одно? — выпалила на одном дыхании, иначе бы не хватило смелости.

Гладышев сдержанно улыбнулся, но ничего не сказал. Я же не знала, что думать, пока он не разразился смехом. Это смутило меня, краска прилила к щекам. Вообще-то все должно было быть наоборот. Но либо многоуважаемый Олег Александрович какой-то непробиваемый, либо я слишком «зеленая» и ни черта не понимаю.

— Мда... — просмеявшись, подвел он какой-то неясный мне итог.

— Что?! — раздраженно откликнулась, почувствовав его пристальный, изучающий взгляд, в котором затаилось что-то такое не совсем мне ясное.

— Да ничего. Просто смешная ты и... маленькая еще, — улыбнулся он искренне. Мое сердце пропустило удар, и в то же время я почувствовала азарт.

Маленькая? Ну что ж, посмотрим... действительно ли ты так считаешь.

— Сверни, пожалуйста, вот здесь, — попросила я, заметив поворот во двор тети Кати.

Он кивнул молча. Меня охватило волнение с нотками страха. Смогу ли я решиться на последний шаг? Хотя, с другой стороны, что мне терять?

На автомате указываю, где затормозить и осторожно бросаю взгляд на Олега. Он поворачивается, встречается со мной взглядом, и меня будто током прошибает. Каждый нерв натянут до предела, где-то в области диафрагмы возникает тугий узел. Как загипнотизированная смотрю на этого мужчину и не могу оторваться. Растворяюсь в его небесных глазах и забываю обо всем. Хочу ощущать его, коснуться, обнять, разобрать на детали. Нуждаюсь в нем, как в воздухе в эту минуту. Сумасшедший момент, какой-то нереальный, но я понимаю, что он, возможно, один такой единственный и хочу им воспользоваться. Не потому, что мне необходимо доказать, что я ему нравлюсь, точнее он меня хочет. Нет. Мне самой это сейчас нужно.

Его взгляд скользит по моему лицу и останавливается на губах. Я

боюсь даже дышать. Поддаюсь вперед. Ближе, ближе.... И словно перехожу какую-то невидимую черту, за которой начинается то самое пресловутое личное пространство. Кровь приливает к коже, чувствую едва уловимый, сдержанный, строгий аромат, но в тоже время такой мягкий, обволакивающий, нежно затягивающий в свои сети. С каждым сантиметром запах парфюма все ярче, насыщеннее. Приятно ласкает обоняние, наполняет ощущением уникальности, потому, что только будучи так близко, можно узнать, как пахнет этот мужчина.

Я дрожу от волнения и страха, что сейчас он оттолкнет меня. Но Олег лишь наблюдает, как я наклоняюсь к нему, приближаюсь к его плотно сжатым губам. Облокотившись на панель передач, касаюсь грудью его плеча. От этого разливается жар по всему телу, словно тягучий шоколад тает во рту, вызывая мимолетное наслаждение и неизменное — «хочу еще». Сердце тарабанит так, что кажется, будто его звук слышен не только мне, но и Олегу — отчего становится неловко. Бешеное тук-тук и шелест прерывистого дыхания — симфония возбуждения моего непокорного тела. Звучащая в этой натянутой тишине громче любого крика. Ласкающая слух, вызывающая какое-то предвкушение, когда к этому примешивается глубокий вдох Олега. Его горячее дыхание обжигает мои губы. Чувствую аромат кокоса и мяты — он неуловимо оседает где-то на кончике языка и дразнит, манит. Смотрю Гладышеву в глаза. Не знаю, откуда во мне столько смелости. Алкоголь ли это? Адреналин или безумное влечение? Мне все равно. Я хочу ощутить в полной мере вкус этого неприступного, и даже в эту минуту насмешливого, мужчины. Хотя помимо смешинки в его взгляде присутствует что-то еще неуловимое, опасное.... Осторожно касаюсь его словно выточенных из камня, четких, но горячих губ, продолжая при этом смотреть в глаза. Это так чувственно и волнительно, что пульс зашкаливает. Я не понимаю происходящего, но мне нравится быть инициатором, нравится огонь возбуждения, смешанный со страхом и текущий по моим венам. Он наполняет каждую клеточку тела нетерпением. Схожу с ума от этого контакта. Поцелуем сложно назвать то, как я исследую его губы. Они такие гладкие, твердые и сладкие.

— Ты вкусный, — шепчу между легкими прикосновениями. В ответ короткий смешок.

— Не могу того же сказать о тебе. Облизывать пепельницу не доставляет мне совершенно никакого удовольствия.

Я замираю. Его едкая реплика, как ушат холодной воды. Обидно до слез. Хочется провалиться сквозь землю, но это слишком предсказуемо. Да и Олег Александрович, наверняка, такой реакции и добивался. Энергетический вампир. Он прям кайфует, когда стебется надо мной.

— Е-мое, какой же ты зануда! Хотя...старость — не радость, наверное, — парирую, отстраняясь и тяжело вздыхая, а на самом деле едва сдерживаю слезы.

Кошмар, такой конфуз! На Олега даже не смотрю, вообще видеть его больше не хочу, поэтому начинаю суетливо поправлять вещи и искать сумку. За несколько секунд быстро собираю волю в кулак. Не хватало еще тут расплакаться перед этим моральным чудовищем. Когда поднимаю голову, на моем лице красуется ядовитая ухмылка.

— Язва, — резюмирует Олег с улыбкой. Я лишь хмыкаю и сосредоточенно разглядываю свои ногти.

— Какой у тебя этаж? — спрашивает мужчина. Я удивленно смотрю на него.

— Хочешь проводить? — подначиваю его с усмешкой.

— Ну, сгораю от желания. Сама не поднимешься, что ли? — отвечает с едва уловимым подтекстом, хотя выражение лица скупающее.

— Я-то поднимусь, а вот ты.... Двенадцатый этаж все же, лифт не работает... — наигранно заботливым голосом предостерегаю его и берусь за ручку двери, чтобы выйти. Сил моральных и физических не осталось. Выжал до нитки.

— Свет включи, как дома будешь, — вслед кидает он мне в своей этой грубоватой манере, как будто я мусор под его ногами. Меня бесит его тон, да и он меня бесит. Пуп, мать его, земли!

— Свет не включу — тетя спит. Если такой заботливый, скажи свой номер, я тебе чайку скину, — устало парировала я, вновь повернувшись к нему. Похоже, мы еще не закончили.

— Чайку? — переспросил он с таким выражением лица, будто я идиотка.

— Чайку. Еврейский звонок, — раздраженно пояснила. Но недоумение на его лице проявлялось с каждым моим словом все отчетливее, — Просьба перезвонить? — предложила я осторожно.

— Ааа, вон оно что... — усмехнулся Гладышев.

— Дошло. Наконец-то, — с облегчением закатила я глаза.

— Ну... старость не радость, деточка, — шутливо парировал Олег. Я вскинула бровь. Оба-на! Это что? Олег Александрович пошутил над собой? Боже, держите меня.

— На комплименты нарываешься? — пожурила я его. Олег так посмотрел на меня — типа оно мне надо, что я не стала развивать тему.

— Ну? Пойдешь провожать или дашь свой номер? Можешь не волноваться, названивать не собираюсь. Баланс не резиновый, — с усмешкой успокоила я, заметив на его лице тень сомнения. Все это было неприятно. Клянчу номер у мужика — ужас. Зачем он обосрался, спрашивается? Пусть уже идет лесом. А нет, вынь да положь, даже ценой гордости. Хотя я себя успокаиваю, что всего лишь предлагаю варианты и ничего более.

Именно так, Яночка, именно так.

— Ну, записывай, — видимо, он решил не париться, если что есть черный список.

— Ручку дай и листок, телефон-то сел.

Олег цокнул и покачал головой. Я хихикнула. Дурацкая такая ситуация. Все могло быть гораздо проще, если бы я просто включила долбанный свет. Но я не хочу, чтобы тетя Катя увидела меня в таком виде, да еще каким-то образом узнала, что я приехала не на такси.

— Вляпался же! — воскликнул мой провожатый с досадой скорее сам

на себя, наклонившись к бардачку в поисках ручки. И тут его рука коснулась моего бедра. Холодные пальцы обожгли мою кожу, посылая разряды по всему телу. Внизу живота оборвалось, а сердце замерло на мгновение. Олег же сделал вид или действительно ничего не заметил.

Вы знаете, у меня совершенно нет никакого сексуального опыта, но почему-то я уверена, что даже имея я его, этот контакт все равно был бы для меня эротичнее в сотни раз. Просто осознание, какое-то понимание того, что Олег, пусть и случайно, прикоснулся ко мне, мимолетно скользнул, вызывает во мне бурю. Боже, что же со мной было, если бы он наплевал на мой возраст? Я вдруг отчетливо представила, как его рука скользит по моему бедру все выше и выше, забирается под платье и...

— Держи, — вырывает меня из моих фантазий чуть хрипловатый голос.

Я испуганно смотрю на Олега и краснею, заметив его взгляд, направленный на мои ноги, которые я чуть расставила. Сглатываю ком в горле и, натянуто улыбнувшись, тараторю;

— Отлично. Если не скину чайку, эм, смс-ку, то можешь меня спасать.

— Непременно, — отзывается, скривив губы в ироничной ухмылке.

— Ага, чао, — махнув ему, выхожу из машины. Быстрым шагом иду к подъезду, ощущая каждой клеточкой пристальный взгляд. До зуда хочется обернуться, но я сдерживаю себя.

Как я добиралась до своей комнаты лучше не рассказывать. Однозначно квартирным вором мне не стать никогда в жизни. Мало того, что в темноте я была подобна кроту, так еще, как назло, натыкалась на все, что можно и нельзя. Как еще тетя Катя не проснулась, не понимаю. Хотя, когда проходила мимо ее спальни и увидела, что она спит не одна, этот вопрос как-то отпал. Я присвистнула и пошла дальше. Не знаю, как крестная отнесется к моему появлению, учитывая, что она старалась не афишировать своего любовника, но теперь уже поздно об этом думать. Пока же я рада, что не попала в своем боевом раскрасе. Как только захожу в гостиную, сразу же ставлю телефон на зарядку. Быстренько переодеваюсь и выбегаю на лоджию. Машина Олега еще стоит.

Это открытие приятно согревает душу. Я расплываюсь в какой-то глуповатой улыбке. Если честно, я не верила, что он будет ждать, а теперь хочется танцевать от необъяснимой радости.

Подбегаю к телефону, включаю его и быстро вырубаю звук. Слава Богу, успела. Потому что тут же начинается прорва сообщений и пропущенных звонков от Лерки и мамы. Игнорирую их и строчу сообщение:

«Я дома».

Хочется еще чего-нибудь добавить, но не знаю, что.

«Рад!» — приходит лаконичный ответ.

Мое сердце колотится в ожидании хотя бы пожелания спокойной ночи, но проходит минут десять, а телефон по-прежнему молчит. Снова выхожу на лоджию и вижу, что двор опустел. Сразу как-то тоскливо и одиноко. Вдыхаю холодный воздух, любуюсь предрассветным небом, сжимая в руке сотовый. Надо бы позвонить Лере, но решаю это сделать после того, как умоюсь. В ванной со мной разве что инфаркт не случился, когда я увидела себя в зеркале — то еще зрелище. Проститутки отдыхают в сравнении со мной. Немудрено, что Олег Александрович не утруждал себя вежливостью. Мда... Становится неловко и не по себе. Хочется как-то повлиять на ситуацию, оправдаться.

Возвращаюсь в комнату, ложусь в постель. Прохладное белье приятно ласкает уставшее тело. Уже по памяти набираю номер телефона Олега и пишу еще одно сообщение:

«Ты спишь?»

В животе образуется тугой узел, пока жду ответ. Кусаю губы, сверля дисплей телефона. С каждой минутой мне все хуже. Зачем я написала? Ведь обещала, что не буду навязываться. Но тут вибрация извещает меня об ответе. Верите, нет, но после такого нетерпеливого ожидания, я не сразу бросилась читать. Напротив, смотрю на экран и тяну время. От этого мужчины можно ожидать чего угодно — он церемониться не будет. И хотя

я себя настраивала подобным образом, но прочитав его грубое «Что хотела?», все же растерялась.

Запихав обиду поглубже, написала то, что должна была сказать с самого начала:

«Просто забыла, что хотела поблагодарить за щедрые чаевые. Уж не знаю, за что и знать не хочу, но столько мне еще не давали. Я была впервые рада за несколько месяцев. Спасибо за это!»

Прочитав еще раз сообщение, стала колебаться, а стоит ли отправлять. Как-то слишком откровенно получается. Но мне кажется, что за один вечер было слишком много фальши — я устала от игры.

Отправляю сообщение и откладываю телефон. Ждать ответ, наверное, нет смысла. Да и что он может сказать? «Пожалуйста»- очень в его духе.

Закрываю глаза, чтобы хоть немного поспать, но вновь слышу вибрацию.

Сердце гулко стучит, а руки трясутся. Черт бы побрал это дурацкое состояние! Никогда не думала, что буду так волноваться, получив просто холодное «пожалуйста». Но как только открыла сообщение, мои глаза полезли на лоб.

«Тебя не поймает, то ты одна, то другая... А, вообще, ложись уже спать, а то с тобой что-то не то. И еще... Я бываю резок, не держи на меня зла».

Я перечитывала это сообщение снова и снова, прижимая ладонь к губам, не в силах сдержать улыбку. Не понимаю, как это возможно, но всего двумя строчками он поднял мое настроение до потолка. Я чувствовала радость и счастье, поэтому совершенно не думая о последствиях и не придерживаясь никаких рамок, написала:

«Ты, конечно, нозящий, но главное -ВКУСНЫЙ!»

Отправила без колебаний. Меня распирало от смеха. Ответ пришел незамедлительно:

«Спи, Чайка!»

Чайка?

Стало смешно, но прозвище мне понравилось. Подходит. Чайки ведь дерзкие птицы, хоть меня и окрестили не в их честь. Что ж, тогда и Гладышев получит свою кликуху.

Расплываюсь в довольной улыбке и отсылаю последнее сообщение:

«Спокойной ночи, Вкусный Зануда!))»

Убираю телефон под подушку, зная, что ответа больше не дождусь. С улыбкой на губах засыпаю.

Но поспать мне не удалось; не успела уснуть, как телефон начал настойчиво вибрировать. Некоторое время я его игнорировала, но после стало ясно, что это бесполезное занятие-кто-то не успокоится, пока не отвечу.

-Я сплю!-раздраженно прошипела в динамик.

-Где и с кем, Токарева? Ты хоть знаешь, что я тут как идиотка носилась по всему клубу в поисках тебя?- орала в трубку подруга.

-Гельмс , не ори! Я дома. Все нормально.

Лерка разразилась отборным матом.

-Токарева, ты блин... Почему не позвонила-то?

-У меня труба села.

-А как ты доехала? –уже более спокойно спросила подруга.

-Олег Александрович подбросил. –отозвалась невозмутимо, хотя знала ,что сейчас начнется допрос. Наверное, проще было сказать, что на такси.

-Что за хрен?- воскликнула подруга так, что ее было слышно на всю комнату.

-Да тише ты. Никакой он не «хрен»!-шикнула я на нее.

-А что разбудить боишься?- подколола Лерка.

-Дура. Я дома.-засмеялась я.

-Да этот твой Олег Александрович милый парень и просто душка; вызвался спасти юную деву из чертога разврата и греха.

Я захохотала, уткнувшись в подушку.

-Гельмс, заткнись! Я сейчас тетю Катю разбужу. И он не «милый» и уж тем более не «парень». –пробубнила я, все еще смеясь.

-Подожди, так это тот блондин что ли?

-Ну.

-Капец! Вот где в жизни справедливость?!- возмутилась Лерка.

-В смысле?- не поняла я ее претензий.

-А в том смысле, что не успела еще Москву даже толком узнать, а уже отхватила себе красавчика на Кайене.

-Вообще –то на Рендж Ровере. –подлила я масла в огонь, едва сдерживая смех над причитаниями Лерке.

-Тем более! –взорвалась она и продолжила с еще большим энтузиазмом. - И вот так всегда: понаедут тут, растащат всех приличных мужиков, а нам потом шиш с маслом. Гнать вас надо в шею обратно в ваши колхозы; коровам хвосты крутить.

-Пошла ты, москвичка хренова! Я коров –то пару раз в своей жизни видела. И вообще ты там по своему студенту умирала, вот и умирай, а мужиков на Кайене оставь нам – колхозница. –сквозь слезы смеха

огрызнулась я.

Тоже мне , блин, столичная фифа!

- У меня только один вопрос. В чем ваш секрет? –просмеявшись, спросила Лерка.

-Ага, так я тебе и сказала, конкуренток без тебя хватает, знаешь ли! Лови в своем прудике рыбок, а я в своем. – тактично послала ее и засмеялась, при этом задумалась над вопросом и стало горько.

Нет никакого секрета. Только будучи «простигосподи», которая не заморачивается ни приличиями, ни моралью, можно подцепить «мужика на Кайене». Ну, а как иначе? Думаете, интересуется какого-то толстосума ваша душевная организация и милое личико? Ага, как же! Для разговоров и серьезных отношений у него полно баб из своего круга. Как в той же Москве, которая слезам не верит ; «...Здесь живут дипломаты, художники, артисты, поэты и практически все они мужчины. Понимаешь?

-Нет.

- А мы - женщины.

-А...Ну, а мы-то им зачем нужны? У них свои женщины есть.

-А мы не хуже ихних.»

Не хуже-верно, может, даже лучше некоторых. Но, тем не менее, привлечь внимание можем только доступностью, а там уж как получится. Я вот, дура, верю, что получится что-то хорошее.

-Ян, ты вообще меня слушаешь? –возмутилась Лерка, я оторвалась от своих мыслей.

-Да спать хочу. –выкрутилась.

-Ну, ладно, спи. Я на этой недели достану студень, позвоню. Ты не теряйся.

-Окей.

-Сладких снов о Саныче. –хохотнула Гельмс, я улыбнулась.

-Спасибо, тебе тоже о твоём студентике.

-О, я потом не усну. Видела бы ты его, забыла бы даже о «Кайене».

-Я о нем и не думаю.- раздраженно отозвалась. Нет, конечно, мне социальный статус Гладышева импонировал.... Ну, ладно, ОЧЕНЬ импонировал и занимал не последнее место в списке его достоинств, но он не был первопричиной, хотя ...хрен его знает. Если начать разбираться и приводить доводы и факты, то можно к какому угодно выводу причалить.

-Да ладно не кипятись, знаю я, что ты у нас почти Божий одуван, - попыталась пошутить Лерка.

-Все, я спать. –устало ответила я.

-Спи.

Отключив телефон, чтобы больше никто не выносил мне мозг с утра пораньше, уснула.

Проснувшись я далеко за полдень. Дома никого не оказалось, чему я несказанно рада. После бурной ночи состояние у меня было не фонтан, но кружка кофе и бодрящий душ творят чудеса. Через час я уже, как огурчик. Первым делом позвонила маме, мы немного поболтали. За месяц я так и не привыкла врать, но все же делала это более уверенно, чем раньше, только вот осадок все равно был гадкий. После, нашла в контактах «Вкусный Зануда» и засмеялась; на трезвую голову без смеха это не воспринимается. Я ему еще об этом сказала? Кошмар! Но похоже его это не слишком шокировало, так что можно не париться.

Под влиянием эмоций быстренько настрочила:

«Привет Вкусный Зануда! Надеюсь, ты еще спишь, а милый Олег Александрович бодрствует (если такой вообще существует). В любом случае, отличного тебе дня и настроения. Не будь резок, и чаще улыбайся. Во-первых, это полезно, а в твоём возрасте пора заботиться о здоровье.))) Ну, и во-вторых, у тебя красивая улыбка.»

Отправив сообщение, решила заняться домашними делами; уборкой, стиркой и готовкой. Суэта хоть как-то отвлекала меня от волнительного ожидания ответа, которого так и не последовало. К вечеру приехала тетя Катя. Мы с ней поужинали, поделились новостями, позвонили маме по скайпу , посмотрели фильм и легли спать. Каждая из нас ни слова не сказала о прошедшей ночи. Я не посмела заикнуться о любовнике крестной, а она не стала акцентировать внимание на моем неожиданном

появление под утро. Меня это устраивало, ее наверное, тоже.

Сон не шел ко мне, я все время думала об Олеге. Вспоминала нашу с ним перепалку, его лицо, как оно меняется в зависимости от ситуации, каждое слово, улыбку и взгляд. В моей голове прокручивались варианты того или иного разговора; что следовало сказать, а что нет, как сказать и когда. Я разыгрывала сценарии нашей поездки. Представляла реальность, в которой Олег относится ко мне ни как к глупой, дерзкой девчонке-покровительственно и снисходительно, а как к равной, как к интересной ему, симпатичной девушке. Мечты, мечты...

Взглянув с тоской на молчащий телефон, закрыла глаза и решила выкинуть из головы мысли о Гладышевом. Все ясно, как божий день, так что не стоит питать иллюзии. Но сказать легче, чем сделать. Уснула я не сразу, продолжая думать об Олеге; где он, с кем, что делает, вспоминает ли обо мне или уже забыл? Что подумал про мою последнюю смс? Странное чувство, не дающее покоя. Хочется что-то сделать, чтобы ослабить напряжение, сковавшее душу, но не получается. Кручусь, верчусь в постели, изматываю себя, а потом добиваю, включив сопливую музыку, выжимаю по максимуму. Мысли все о нем, лишь о нем, только о нем.

Я понимаю, что это глупо, я его совсем не знаю и видела два раза, и со мной он не особо любезен, но этот мужчина, как заноза впился в мои мысли и нарывает. Не могу отделаться от противного ощущения где-то в области диафрагмы, как будто кто-то сжал что-то в моей груди и не выпускает. Полночи я не могла уснуть, а потом все же усталость взяла свое.

Утро естественно было сумасшедшее ; не выспавшаяся, проспавшая на десять минут, что существенно. Собираюсь впопыхах, не успевая ни зарядку сделать, ни накраситься, ни покушать. Пока одеваюсь, вдруг обнаруживаю, что золотого браслета, который подарила мне мама и бабушка на пятинадцатилетие, нет. Лихорадочно ищу его везде и всюду, перетряхивая все вещи и сумки. У меня начинается паника. Эта тоненькая цепочка была дорога моему сердцу, поэтому, когда я переворачиваю все верх дном и не обнаруживаю ее, паника перерастает в истерику. Смотрю на бардак, который развела, вспоминаю, как бабушка с мамой подарили мне подарок и слезы наворачиваются на глаза. Конечно, недорогой браслетик с подвеской для кого –то сущий пустяк, из-за которого не стоит убиваться, но для меня это прежде всего память, мой талисманчик. Когда находишься вдали от дома среди абсолютно чужих людей, ценишь такие мелочи.

Погода тоже не радует; небо заволокло грозowymi тучами, пронизывающий, холодный ветер пробирает до костей –холодно, как в склепе; влажность ужасная.

Дрожа и ежась, бегу на работу в расстроенных чувствах, пытаюсь по дороге вспомнить, где могла потерять браслет и к концу пути меня озаряет. Потеряла я его у Олега в машине, потому что когда облокотилась, чтобы поцеловать его, браслет еще был на мне, я его тогда поправила. Эти соображения ободряют, и настроение стремительно ползет вверх. На радостях достаю телефон, чтобы уже окончательно решить вопрос, а то неизвестность с ума сводит, но как только открываю контакты, пыл мой угасает. Как-то неловко писать Олегу, учитывая, что он так и не ответил мне. Оставшийся путь до Де Марко я погружена в сомнения; написать или нет. Решаю написать, все же это важно для меня, хотя до тошноты боюсь.

Следующие десять минут были ужасны; я набирала текст и тут же стирала, считая написанное то слишком милым, то слишком сухим, то глупым и так до бесконечности. Пальцы дрожали, меня подташнивало. Волнение зашкаливало. Боже, что со мной творится? Как на экзамене, ей – богу. Хотя Олег Александрович похлеще экзамена будет. Наверное, я бы так до ночи металась, но время поджимает, надо работать.

Быстро пишу очередное сообщение и перечитываю;

« Доброе утро, Олег Александрович! Спокойно-спокойно... Пардон, но я потеряла где-то у тебя в машине браслет. Он мне очень дорог, поэтому если найдешь, я буду счастлива и обещаю, больше не стану доставать. Отличного денька, не сердись.»

Вроде бы нормально. Опять начинаю сомневаться, но потом махнув на это дело, отсылаю смс и бегу к кафе. Получить штраф мне совсем не хочется, особенно сегодня, когда мои нервы на пределе. Пока переодеваюсь, постоянно посматриваю на телефон, надеясь, что получу сейчас же ответ, не хочется весь день провести на иголках, думая об этом, но увы-меня ждет очередное разочарование. Черт бы подрал этого зануду. Гладышев, ну, почему ты такой нозящий тип?! Хотя конечно, еще рано и возможно он спит, но все равно бесит его молчание. Мог бы вчера что-то написать, хотя бы послать меня, если я его напугаю. Нет же, молчит!

Ненавижу неопределенность –хуже быть ничего не может.

Раздраженная выхожу в зал, чтобы приняться за работу и попадаю с корабля на бал. Змеища сообщает, что сегодня мне придется взять столики Ксю, так как у нее вновь какие-то проблемы. Утешает перспектива хороших чаевых и полная загруженность, которая отвлечет меня от ненужных мыслей и нетерпения. Полдня действительно пролетают, как сон, у меня постепенно поднимается настроение, хотя все равно в свободную минутку только и думаю –ответил, нет.

К трем часам появилось время пообедать, радости моей нет предела. Наконец-то есть возможность проверить телефон. Лечу со второго этажа и тут вижу Олега, входящего в ресторан. Сердце замирает, я сбавляю скорость и не знаю, куда себя деть. Гладышев в своем неизменном образе делового мэна; костюм, пальто, болтовня по телефону.

Смотрю на него и не дышу. Впитываю каждую черточку и чувствую, как радость наполняет сердце, и все остальное в эту минуту кажется таким незначительным.

Олег проходит мимо, даже не замечает меня, увлеченный беседой. Но это как-то не особо важно и не задевает, я просто смотрю на него и мне достаточно.

Жестом показываю Стасу, что сама обслуживаю клиента, забираю майкрос и втянув побольше воздуха, пытаюсь хоть немного успокоиться, решительно иду к столику номер два.

Олег закончил разговор и нетерпеливо постукивает пальцами по столу. Взгляд лениво скользит по залу, пока не замечает меня. Я его на физическом уровне почувствовала, словно попала в сильные объятия. Иду и мурашки бегут по коже. На моих губах расцветает улыбка и ее не омрачает даже какое-то мрачное выражение Гладышевского лица. Он хмурится, а мне хочется подойти и уже по-настоящему поцеловать его, разгладить эту складку между бровей, придающую его лицу строгость и жесткость.

-Привет! Как дела?- выдаю на одном дыхании, стараясь, чтобы голос не дрожал, пока достаю майкрос.

-Как обычно.-холодно отвечает он, сверля меня тяжелым взглядом, потемневших глаз. Становится не по себе, но я сохраняю улыбку и так же бодро, как ни в чем не бывало, уточняю:

-Как это -« как обычно»?

-Как я всегда заказываю. –грубо парирует он. От такого ответа и тона я растерялась. А он добивает, иронично добавляя, -Не первый день работаешь, пора бы уже и выучить предпочтения постоянных клиентов.

Застываю истуканом, а непонятная боль выстрелом пробивает грудь, разливается адским пеклом и жжет. Обжигает глаза горькими слезами обиды и унижения. Сглатываю тяжело и не могу отвести взгляд от него такого невыносимо красивого и жестокого. Щелкаю по небу языком, а в виске пульсирует : « Не смей плакать, не смей! Только не при нем.» Прожигаю его, словно рентген, пытаюсь найти хоть каплю сожаления, но натыкаюсь на стену равнодушия.

-Долго собираешься так стоять? Не трать мое время, иначе чаевых не получишь. –контрольный выстрел без тени сомнения и капли сожаления.

Что я тебе сделала? Зачем так грубо? –спрашиваю его взглядом, но он лишь приподнимает бровь, как бы поторапливая меня. Всем своим видом показывая, что его терпению приходит конец.

Соберись, Токарева, соберись, ты просто официантка, а он просто клиент. Тебе каждый день грубят. Соберись!

Прикусываю дрожащую губу, пытаюсь совладать с собой и охрипшим от поступающих слез голосом шепчу;

-Хорошо, Ваш заказ будет готов в течение получаса.

Резко разворачиваюсь, и иду, словно сомнамбула, уставившись в одну точку на противоположной стене. Все плывет, как в тумане. Руки дрожат, в глазах печет, как будто песок разъедает их.

Да, Олег Александрович-вы мастер ставить людей на место, только

стоило ли так жестко? И кого-глупую девчонку?

Делаю все на автомате. А вообще хочется скрыться в подсобке и не выходить, пока ресторан не опустеет. Мне кажется, что каждый присутствующий был свидетелем моего унижения. Но смалодушничать не могу себе позволить; во-первых, не стоит смешивать работу и личное, а во-вторых, показывать, что меня задело. Я просто официантка, он просто клиент, а тот вечер –небольшое приключение, мимолетное помутнение рассудка, которое нужно забыть.

Несу поднос с его заказом и как мантру повторяю про себя ; «Мне все равно, абсолютно, совершенно пофиг!»

Подхожу, Олег разговаривает по телефону, что меня радует. Посматриваю на него, хотя это какая-то пытка. Его смех бесит. Понимание, что ему плевать, а я едва сдерживаю слезы, сильно бьет по самолюбию. Мне до слез обидно, но я продолжаю раскладывать приборы перед ним, я же сильная девочка. Сильная девочка, у которой болит душа.

-Что-то еще?-задаю дежурный вопрос ничего не выражающим голосом.

-Да.-закрыв динамик телефона, отвечает он мне.

Я вопросительно приподнимаю бровь, в ожидание пояснений и они тут же последовали.

-Не пиши мне больше ни просто так , ни под заезженными предложениями. Тот вечер-недоразумение, не стоит придавать ему особое значение, - его слова были подобны отрезвляющей пощечине, такие покровительственные, сказанные утешающим тоном, отчего мне стало невыносимо мерзко. Гнев и злость затопили, прежде всего, на себя саму. Дура, что ты молчишь? Тебя унижают, а ты словно язык проглотила! Соберись и пошли этого уродца на хрен с его «недоразумением» и «предложениями».

Напяливаю на лицо свою любимую маску «отвязной девки» и с усмешкой парирую;

-Остыньте Олег Александрович, не наивная чукотская леди, так что

никаких особых значений и предлогов. По-моему, это ты чего-то там наворотил из-за одной смс-ки. Подумаешь, пожелала хорошего дня, что в этом особенного? А браслет я действительно потеряла, и если найдешь, верни, будь добр. Надеюсь, все, а то мне работать надо?

-Счет принеси. – невозмутимо отдает он распоряжение, как будто я ничего до этого ему не сказала. Сжимаю челюсти крепче. Терпи, Янка, терпи! Обслуживающий персонал все стерпит, верно?.

Киваю ему и ухожу. Спускаюсь на кассу, прошу у кассира счет, а Стаса отнести его. Видеть равнодушную рожу Гладышева не могу.

Иду в подсобку. Сил больше нет. Прислоняюсь к приоткрытой двери черного входа и чувствую осеннюю прохладу. Вдыхаю, но не получаю кислород, боль унижения сковывает, держит в своих тисках и не дает дышать. Так плохо, что хочется просто исчезнуть, убежать от сюда далеко-далеко, домой, к маме, которая убережет меня от ошибок и «недоразумений». Пытаюсь отвлечься, но не получается. Правильно кто-то сказал; « Можно закрыть глаза на то, что видишь. Но нельзя закрыть сердце на то, что чувствуешь.» А я чувствую сильнейшую обиду, вкупе со злостью. В голове только единственный вопрос; «Почему?». Почему он повел себя, как мудака? Не понимаю, а впрочем, и не хочу понимать, пусть катится ко всем чертям!

Я хорохорюсь, а у самой слезы текут по щекам, и я не пытаюсь их остановить, напротив, еще больше травлю душу воспоминаниями. Прокручиваю в голове каждое уничижительное слово, взгляд и жест. Да и вообще свое положение. Наверное, я мазохистка.

Не знаю, сколько так стояла и жалела себя, но вышла покурить наш повар по горячим блюдам Надя, и я взяла себя в руки, хотя это было не легко. Но я нашла способ-попросила сигаретку и потихонечку глотая дым, привела свои нервы в порядок. На душе было погано, и с каждой затяжкой ноющее чувство разрасталось. Слез больше не было, только разочарование и апатия. Докурив сигарету, принимаюсь еще за одну. Надя, посмотрела на меня обеспокоенно.

- Что-то случилось, Ян?-спросила осторожно.

Я усмехнулась, затянулась так, что дыхание перехватило и слезы навернулись на глаза. А потом охрипшим голосом прошептала, медленно выпуская дым;

-Да, нет...просто «недоразумение».

-А, ну, не переживай, наладится. Я тут у Коэльо вычитала; «Всё всегда заканчивается хорошо. Если все закончилось плохо, значит это еще не конец!», так что не хандри. –похлопала она меня по плечу. Я невесело хмыкнула и кивнула.

Нет, уж это конец, хотя какой «конец», учитывая, что не было начала?!

-Янка, я тебя обыскался, ты че здесь застряла?- раздался за спиной голос Стаса. Закатываю глаза и делаю последнюю затяжку. Пора на каторгу.

-Куришь?-вскинул он ошарашенно бровь, остановившись напротив меня.

-А что? Ты тоже не любитель «пепельниц»?-поинтересовалась иронично, выбрасывая сигарету.

-В смысле?-нахмурился он, глядя на меня непонимающе.

-Забей.-отмахнулась я с тяжелым вздохом. Не хватало еще на Стасе срываться. –Пойдем пахать.-улыбнулась краешком губ, подхватив его под руку. Стас посмотрел на меня пристально, хотел что-то сказать, но потом передумал и улыбнувшись тоже невесело, согласился;

-Пойдем.

-Как насчет выходных, все в силе? Развеем скуку и ...грусть?-как бы между прочим поинтересовался он, когда мы вышли в зал.

Мне стало смешно. Стас просто гуру подходящих моментов, но тем не менее, будучи в подавленном состоянии, я решила, что мне действительно нужно развеяться, поэтому согласилась.

-Ну, давай, развеем. Москву мне покажешь, а то уже третий месяц здесь живу, а нигде толком не была.

-Отлично. Тогда оставляй среду свободной. –подмигнул он мне и занялся работой. Я последовала его примеру. Оставшиеся полдня прошли на автопилоте. Я отключила эмоции и просто механически выполняла свою работу, стараясь не смотреть в сторону второго столика-мою Голгофу. Когда рабочий день подошел к концу, Стас как обычно вызвался меня провожать, я не возражала. Мне необходима была компания, чтобы не погрязнуть в дурацких мыслях и рассуждениях о превратностях судьбы.

Стасик всячески старался поднять мне настроение и ему это удалось, я смеялась до слез, слушая его байки. Вообще он милый, остроумный парень, если откинуть предвзятость, с которой я к нему относилась все эти месяцы. Не то, чтобы я вдруг решила утешиться или реанимироваться свою гордость за счет Стаса, просто перестала заморачиваться.

По дороге купила себе пачку сигарет, зная, что дома буду грузиться. Глупо, конечно, в моем возрасте приобретать подобные привычки, это больше подростковая тема, но меня пускание дыма успокаивает.

Стас не стал комментировать мои действия. И правильно. Я бы и сама себе не объяснила, отчего так обидно; уязвленное ли самолюбие или что-то еще ?

Вечер прошел, как обычно, а ночь мучительно; я не могла уснуть, прокручивала раз за разом прошедший день. Курила украдкой, смотрела на звезды, слушала сопливые песни. В страданиях есть особая прелесть.

Последующие дни до среды были похожи на нудное кино. Я пребывала в амебном состоянии и подавленных чувствах. Олег за эти четыре дня ни разу не появился в ресторане. А я ждала и даже скучала. Вот не дура ли? Все время думала о нем. Прямо какая-то напасть. Открывала, порой, контакты в телефоне, сверлила взглядом «Вкусный Зануда», думала, что надо бы удалить, но почему-то не могла. За эти дни пришла к выводу, что не стоит раскрываться людям, даже на секунду ; ни в едином жесте, взгляде и слове. Никакой искренности, никаких порывов души. Дистанция и маска. Так спокойней. Если бы я не написала ему ту смс, не было бы так унижительно и больно. Наверное...

Единственная хорошая новость за эти дни ; Лерка достала пропуск и теперь я могу тренироваться в зале при Академии. Придется отказаться от полного рабочего дня, но я даже рада, поперек горла стоит Де Марко. Да и тренировки важнее.

Среда наконец-то наступила. Надо признать, что я ее ждала. Надоела работа, действительно хотелось хоть немного развеяться.

На сборы у меня ушло немного времени. Оделась я просто; черные

шорты, колготы цвета мокрый асфальт, серый джемпер поверх него кожаную куртку, из обуви тяжелые армейские ботинки-отголосок подростковых заскоков; в десятом классе у меня был период милитари. Макияж неброский; просто выровняла цвет лица, подкрасила ресницы тушью и губы прозрачным блеском. С прической решила не париться, распустила волосы, давно я их не отправляла в свободный полет. Достали эти шишки, да хвосты.

Тетя Катя одобрила мой образ и с ее благословения, я отправилась на встречу к «Лерке». Да, я опять солгала, но иначе предстоял долгий разговор, а мне только этого не хватало.

Было, конечно, неловко от вранья, но когда я обнаружила Стаса на байке, мысли об этом улетучились.

-О, боже. Мы что на этом поедем? –со смехом поинтересовалась я, подходя ближе.

-Привет. Ну, да. Ты очень кстати нарядилась, прям, как чувствовала. Отлично смотришься.- ответил он с улыбкой, оглядывая меня с головы до ног. Я тоже отметила, что выглядит он замечательно в рэйдэнах, черных джинсах и косухе.

Я немного побаивалась, ведь на мотоцикле мне ездить не доводилось, о чем и сообщила Стасу, когда он протянул мне шлем.

-Если честно, страшно. Я первый раз на мотоцикле поеду. Это твой?

-Нет, друга. Не трусь, держись крепче, хотя с нашими пробками особо не разгонишься. Короче просто наслаждайся и не думай о том, сколько и чего можно переломать, если свалишься. –подмигнул он. Я засмеялась.

-Мда, утешил. –прокомментировала я, садясь позади него и вцепившись мертвой хваткой, когда мы сорвались с места и помчались, по моему мнению, с бешеной скоростью. Мое сердце чуть от ужаса не разорвалось. Как я еще не заорала? Не ясно. Зажмурила глаза и прижавшись щекой к спине Стаса, не дышала. Он же смеялся надо мной. А потом напряжение немного спало, я открыла глаза и действительно начала получать удовольствие. Холодный ветер ласкал мое лицо. Город, как калейдоскоп картинок мелькал у меня перед глазами. Убойная доза адреналина разнеслась по крови, вызывая эйфорию. Мне хотелось смеяться

и кричать от этих улетный ощущений. Уже даже экскурсия потеряла свое значение, хотелось только колесить по городу и наслаждаться ветром, скоростью и столичными видами. Но Стасик не позволил мне отвертеться от знакомства с Царицыно, где мы провели чуть ли не весь день, бродя по заповеднику, увлеченные болтовней. А когда проголодались, Стас предложил пообедать в «Double B» в Останкино, где, как он говорит, варят одно из вкуснейших латте. Да и к тому же, мы как раз собрались посетить Останкинскую башню, посмотреть с нее на вечерний город.

Настроение у меня было чудесным, со Стасом не приходилось скучать, он постоянно шутил, смешил меня разными историями из жизни.

В кофейню мы в буквальном смысле ввалились, загибаясь от смеха. Я опиралась на Стаса, задыхаясь и вытирая слезы. Все посетители, смотрели на нас, но я ничего не замечала вокруг, мне было слишком весело.

-Что будешь?- спросил Стас, когда мы сели за столик. Я втянула аромат кофе, которым была пропитана кофейня, и блаженно закрыв глаза, ответила;

-Гляссе и ...тирамиссу.-выпалила, решив попробовать, что за зверь этот десерт. Внутри вновь неприятно кольнуло, но я отмахнулась от ощущения.

-Тебя еще не тошнит от кофе?

-Нет, его запах –это единственная приятная вещь в нашей работе. – усмехнулась я, Стас понимающе улыбнулся. Подошел официант, мы сделали заказ, а потом я заметила, что мой коллега смотрит как-то настороженно в другой конец зала.

-Ты чего? –спросила, ткнув его в бок.

-Да просто вон там, кажется, один из наших постоянных. Так странно на нас смотрел. Мне даже не по себе стало. –отозвался Стас таким голосом, как будто рассказывал какой-то ужастик на ночь, а потом для наглядности поежился. Я вновь засмеялся только громче, чем обычно. Пульс же участился. Меня кинуло в жар, а диафрагму свело. Я словно кожей почувствовала пристальный взгляд. Казалось, что он проникает мне в под кожу и видит насквозь. Не выдерживаю и осторожно поворачиваюсь. Смотрю в голубые глаза, взгляд ленивый, оценивающий. Сердце ухает с огромной высоты, становится душно. Не знаю, как мне хватает сил

сохранять безразличие на лице. Мне хочется сразу же отвернуться и уйти отсюда, но я заставляю себя держать удар ; не отвожу взгляд, нагло осматриваю Гладышева с усмешкой на губах, а потом встретившись с ним глазами, приподнимаю бровь, как бы спрашивая ; « Какого черта уставился? ».

Он подносит к губам чашку с кофе, и едва заметно улыбнувшись, медленно делает глоток. К нему обращаются с каким-то вопросом его спутники, он лишь кивает, а затем начинает внаглую раздевать меня глазами, от чего я дрожу. А он словно знает об этом, вальяжно откидывается на спинку дивана и вновь делает глоток, насмешливо мне подмигнув.

Этот жест отдается жаром во всем теле. Я раздраженно отворачиваюсь.

Что за игры, мать его? Сначала посылает, а теперь сидит забавляется. Ну, нет, я не позволю ему испортить такой замечательный день. Хотя надо признать, мне нравится данная ситуация. Она вызывает какое-то извращенное удовольствие. Хочется показать, что чихать я хотела на этого напыщенного придурка. И именно это демонстрирую, напропалую флиртуя со Стасом, хотя понимаю, что это нечестно по отношению к нему, но не могу остановиться, чувствуя взгляд Гладышева. Все кажется каким-то сном, который пролетает с сумасшедшей скоростью, я не успеваю подумать. Каждое слово, взгляд и действие на эмоциях и порывах. Где –то там говорю себе, что надо остановиться, просто успокоится, но не получается. Игра в веселую, раскованную кокетку Яну продолжается, пока не раздается сигнал телефона, извещающий о новом сообщении. Достāju сотовый и забываю, как дышать, увидев от кого смс.

Руки дрожат, когда открываю сообщение, а потом у меня разве что челюсть на стол не упала от очередного распоряжения ;

« Заканчивай быстрее и выходи на парковку... поищешь свой браслет.»

Я несколько раз перечитывала, не в силах поверить. Меня затрясло от злости. Да что он там о себе возомнил? С чего вообще взял, что щелкнет пальцами, и я как комнатная собачка за ним последую, виляя хвостиком?

Резко обворачиваюсь, чтобы... не знаю, что сделать. Впрочем, у меня на лице написано все, что я думаю о нем и его предложениях, но Гладышев и его компания о чем-то весело переговариваясь, идут к выходу из кофейни.

-Все нормально? –спрашивает Стас, когда я чертыхнувшись,

поворачиваюсь к нему.

-Да.-киваю и допиваю залпом оставшийся кофе. Внутри кипит от гнева. Хочется высказать все в лицо этой скотине. Хватаюсь за телефон, но тут же откладываю. Не дождется! Сам же сказал, чтобы я ему больше не писала. Пусть торчит там-на парковке и ждет у моря погоды. Ему полезно.

Решаю, что проигнорирую эту мерзкую выходку. Хотя стыдно признаться, но меня рвало на части. Мы пошли на экскурсию, а я думала, что возможно упускаю свой шанс, но тут же обрываю себя. Какой шанс, Яна? Очнись!

Да, мне безумно, до ломоты хотелось все бросить и бежать на эту долбанную парковку, и возможно, я бы так и сделала, если бы он не относился ко мне, как к половой тряпке. Ему ведь даже наплевать, что возможно я с другом, с братом и может, мне важна эта встреча. Разве девушке, которую уважают, бросают, словно собаке кость предложение махнуть?

Вновь горько, словно проглотила огромную порцию отборного дерьма.

Смотрю на вечернюю Москву, на миллионы огней, все расплывается от слез. Очередное сообщение лишь подливает масло в огонь.

«Долго тебя ждать? Я кстати нашел твой браслет. Иди, забирай.»
Ну, надо же. Потрудился. В задницу себе его засунь!

Гнев накрывает с головой. Я настолько зла, что даже новость о браслете не вызывает никакой радости и желания забирать его тоже нет, это же придется контактировать с этим ублюдком. К черту! С потерей цепочки я уже смирилась, а вот себя терять не хочу.

Отключаю телефон и убираю в карман. Через полчаса, прошу Стаса отвезти меня домой, Гладышев наверняка уехал, так что можно уже выйти отсюда. Хватит на сегодня впечатлений. Но каково же было мое удивление, когда на парковке я заметила машину Олега. Спешу за Стасом к мотоциклу, стараясь не смотреть в сторону Гладышева, но раздается раздраженный, как мне кажется, гудок клаксона.

-Это тебе? –удивленно спрашивает Стас, оглядываясь и видя, что кроме нас на парковке никого.

-Вряд ли. –невозмутимо парирую я, застегивая шлем и садясь на мотоцикл. –Ну, поехали. –поторапливаю его. Меня трясет от волнения. Боже, что я творю? Подобные игры с такими, как Гладышев наверняка опасны. Мне этот номер просто так не пройдет, в этом я почему-то уверена.

Да и пофиг! Как он ко мне, так и я к нему!

Когда проезжаем мимо его машины, завожу руку за спину и показываю «fuck» -выкуси, козел!

Глава 7

«Покой, камин, книги, тишина... Прежде в этом видели одно мещанство. Теперь это мечты о потерянном рае».

Именно так. Стоит еще красным обозначить «потерянным». Всего неделю назад я бы в это время спокойноенько посиживал в любимом кресле, читал что-нибудь, попивая чаек. Отвлекался от суеты и сумасшедшего ритма жизни. Сейчас же вместо этого долгожданного и такого редкого отдыха, я торчу на парковке и охреневаю, уставившись в одну точку. Елы-палы! Когда-то, лет двадцать назад, такие выходки со стороны прекрасного пола казались нормой, но сейчас... Господи, куда я лезу?! Совсем ведь еще соплюха. Соплюха, которая только что послала меня и укатила с каким-то расфуфыренным щеглом. Такого поворота событий я не ожидал. Впрочем, с этой девчонкой жизнь стала полна сюрпризов, что мне совсем не нравится. В тридцать семь хочется покоя, а не лихачества, пусть даже и мимолежного. Да и женщину — рассудительную и понимающую, а не девчонку, у которой в голове черт ногу сломит. Но именно этим она и цепляет: своей бесшабашностью, легкомыслием, порывистостью. Я уже и забыл значение этих слов, забыл, как это: сделать прежде, чем подумать. А у нее все на эмоциях, под влиянием момента, не думая о последствиях. Но их не избежать. Мне ли не знать? Но я дурак — в омут с головой, хотя понимаю, что добром это не кончится. И все равно.

Вот сейчас, именно в этот момент, мне предоставляется последний шанс уйти, вырваться из урагана бешеных эмоций и буйной игры чувств, распаляемых во мне Чайкой. Но не нахожу в себе сил противостоять дикому влечению и гневу. Проклятье! Как же хочется засунуть ей ее «fuck» по самое не хочу. Дура! Это же надо такое выкинуть. Прокручиваю раз за разом, вспоминаю ее нахальное выражение лица и желание разнести что-нибудь к чертям собачьим зашкаливает, но в то же время не могу сдержать улыбку. Сука, чтоб тебя черт побрал! Но до чего же сексапильная, с ума

сводящая сука!

Мое браво. Это было красиво, девочка.

И вроде кажется, что вот сейчас все кончится и отпустит, а она как будто чувствуя это, выкидывает очередной фортель, тем самым поджигая меня, словно горящая спичка сухой стог сена.

И ведь все это мной уже пройдено, пережито и известно на сто шагов вперед, но чувство, как первый раз.

Вновь эта проклятая раздвоенность – думаешь одно, а делаешь совершенно противоположное. Говорю себе: остынь, успокойся и поезжай домой. Эти игры уже не для тебя. Ну смешно же! А сам завожу машину и, едва сдерживаясь, чтобы не превысить скорость, потихонечку еду в Свиблово. Зачем? Ответ будет из разряда необъяснимо, но факт. Объяснить-то я, конечно, могу, но после буду чувствовать себя одуревшим от страсти оленем. Я так себя и ощущаю. Но олени они такие – им забор поперек дороги, а они все равно прутся.

За эти дни Чайка стала моим горизонтом. Все мысли, так или иначе, возвращаются к ней и каждый раз принимают то один характер, то другой. Одно мгновение думаешь, что уже давно понял, что она за птица и с чем ее едят, в другой – осознаешь, что ни хрена не понимаешь. Она, как этот проклятый кубик Рубика. Вертишь и крутишь ее у себя в голове, бах, думаешь вроде все грани совпали. Сидишь довольный, нахваливаешь себя: «что и требовалось доказать», а потом... бац – а один кубик-то выпадает из общей картины. И начинаешь по новой ломать голову. Я ведь ее с самого начала как воспринимал? Как покорительницу Москвы, точнее, определенного ее слоя. Все замашки были из серии этих «милейших», залихватских цыпочек. Никакой субординации и смущения. Навязчивость – вторая подруга. Наглость. И доводящее меня до состояния нервного тика «ТЫкание». Хорошо, что Чайка еще не начала «Олеж-кать». А то не успеешь приехать на какой-нибудь вечер – эти мартышки тут как тут. Облепят и начинается: «Олежа то, Олежа се». А мне так и хочется сказать: «Слышь, какой я тебе Олежа?! Тамбовский волк тебе Олежа!» Но лучше промолчать, все равно до них не дойдет. Такой была в моих глазах Чайка, когда забрал ее из клуба. Была до поры до времени, точнее временами. Я не успевал за сменой ее амплуа. А когда узнал, что ей всего восемнадцать, так и вовсе охренел. Опустим тот момент, что я был, мягко говоря, разочарован: все же спать со вчерашней школьницей – это уж совсем ни в какие ворота. Больше всего поражало то, что у нее возраст такой нежный, а она уже бывалая девка – та еще прощельяга. Хотя я безусловно понимаю, что провинциальным девочкам нелегко в Москве, да и хочется всего и

сразу, но это ни в коей мере их не оправдывает. Отвращение она у меня не вызывала. Я уже говорил, что не моралист до мозга костей. Да и какое уж там отвращение, когда рядом такая краля?! Сидишь только и из последних сил держишься, чтобы на ее ноги не пялиться. И все равно: нет-нет да глянешь и «п*зда рулю», как Диман говорит. В этом случае иного выражения не подберу. До сих пор перед глазами маячат ее бедра, оголенные по самые резинки чулок. Нацепила же. Платье еще называется! Там даже для воображения место не остается, хотя у меня все равно разыгралось, как не тормозил себя. Весь путь до ее дома, как на иголках от желаний протянуть руку и ласкать стройные ножки. Медленно продвигаясь все выше и выше, пока не коснешься обнаженной кожи, и дальше к трусикам – почувствовать, что она хочет меня не меньше, чем я ее. В этом я даже не сомневаюсь. А когда она полезла ко мне с поцелуями, я чуть не послал к чертям ее возраст и не трахнул прямо в машине. В конце концов, там до меня хрен знает сколько у нее партнеров было. Но вовремя очухался и ляпнул первое, что взбрело в голову. А умная мысль, как известно, приходит опосля. Девчонка обиделась на мою грубость и, похоже, сильно, хотя постаралась скрыть эмоции. Это в ней мне нравится: умница, умеет сохранять лицо. С номером телефона был полнейший кретинизм: то ли она меня тупо разводила – только вот смысла не пойму, то ли у нее, действительно, все через жопу. Сейчас думаю, что последний вариант больше похож на правду. Дал ей свой номер, чтобы она поскорее ушла, надеясь, что не придется потом из-за нее его менять. Но как только захлопнулась за ней дверь, захотелось вернуть ее обратно и не отпускать. Слушать бестолковую трескотню, смотреть на нее: такую юную, дерзкую, вульгарную с этим размазанным по всему лицу макияжем. Даже такая она красивее всех женщин, которых я в своей жизни видел. Салон провонял сигаретным дымом и термоядерными духами. Я же вдыхал эту дешевую смесь, и она мне нравилась, как и девчонка. Дышал ею, думал о ней и ждал сообщения. Не мог уехать, пока не удостоверился, что все в порядке и она дома, а не в лапах какого-нибудь обдолбыша или еще кого похуже. Как все быстро меняется, однако. Еще час назад все равно было: хоть насилуйте, хоть убивайте. Да и я ее уже всяко-разно обласкал, а только потом пригляделся. Веселая она, смешная. Все портит лишь ее невыносимая нахальность. А может, я просто не выношу наглецов? В любом случае это уже было неважно. Так мне казалось, когда дождавшись от нее смс, я поехал домой.

Я ведь действительно наивно полагал и свято верил, что на этом приключение по имени – которое я даже не стал узнавать – закончилось.

Твердо решил не напрягаться. Зачем мне проблемы? Слишком рискованное предприятие, не стоящее усилий. Ураганный ветер разрушает, а не созидает. А она – ураган. Необузданная, своевольная, шальная. С ней даже один-единственный раз может обернуться такой проблемой, что и сам не рад будешь. Но рассуждаем мы все красиво. Как сказал Ремарк, которому я импонирую: «Человек велик в своих замыслах, но немощен в их осуществлении. В этом его беда, и его обаяние».

Вот и я оказался «немощен», когда девчонка вновь написала. Понимал, что нужно проигнорировать или внести ее в черный список, но не смог. Когда она упомянула эти проклятые чаевые и как это для нее много значит, тронула до глубины души. Удивила. Я сидел и недоумевал, пытаюсь ее понять.

Чайка, чайка... Кто ты? Глупышка, напялившая на себя маску не по размеру или хитрожолая сучка, умело плетущая свои сети? В последнее верилось все меньше с каждой ее смс. Может просто я дурак, каких свет не видывал?

На следующий день вроде бы успокоился, пришел в себя. Даже разозлился, когда во время совещания меня отвлекло ее сообщение, а потом прочитал и не смог сдержать смех. Коллеги так покосились на меня, что я себя идиотом почувствовал, но продолжал улыбаться. У меня ведь «красивая улыбка», мне можно. Начальству вообще все можно. «Вкусный Зануда»... Выдумала же!

И в этот момент я понимаю, что мое веселье неуместно. Я должен пресечь на корню подобные порывы, а не умиляться. Такой формат отношений не для меня – я уже не мальчик. Мне тридцать семь, а не восемнадцать. Какие нахер смс-очки, «вкусные зануды» и прочий бред? Ну ладно она щеглуха, но я-то взрослый мужик!

Разозлился, испоганил настроение себе и всем окружающим. Ее удалил из контактов, хотя номер уже наизусть запомнил-такая уж у меня память. Отвечать, естественно, не стал. Если не дура, то все поймет. Но, увы, девочка оказалась недалекой и навязчивой – что я просто на дух не выношу. Она вновь написала, да еще предлог такой дебильный выдумала (на тот момент я так думал. Откуда мне было знать, что девчонка действительно потеряла чертов браслет?), вконец взбесив меня. Что за бабы? Ни гордости, ни ума, ни фантазии! Дура дурой. И я тоже хорош: растаял от одного «спасибо». Пусть она еще зеленый вариант классической охотницы с прицелом на «кошелек» потолще, но все же. Знаю я эту породу: с живого не слезет, пока прямым текстом не пошлешь. С такими мыслями, раздраженный, я притащился в Де Марко. Чисто из принципа, потому что я

всегда там обедаю. Не собираюсь изменять своим привычкам из-за какой-то обнаглевшей девицы. Если она не угомонится, то объясню популярным языком.

Увидел ее. Улыбается мне, спрашивает «как дела?», как будто после одной смс-ки мы теперь с ней на короткой ноге. Ну надо же – какой прием! И это учитывая, что я ей не отвечал. У нормального бы человека гордость выиграла, а этой хоть бы хны. Пищит, но лезет! Не прокатят, дорогуша, ни улыбочки, ни вежливость.

Осадил, унизил. Указал, где ее место. Все правильно: не я, так кто-нибудь другой бы это сделал. Наглецы всегда получают по рогам. Находиться на дне социума и наглеть – по меньшей мере тупо.

Только вот удовлетворения от этого не почувствовал, впрочем, я и не делал это намеренно. Просто есть границы, которых надо придерживаться. Все верно, но все равно хреново. Смотрю на нее: вытянулась по струнке, личико побледнело, делает вид, что все хорошо. Держится из последних сил, но я-то вижу, как руки трясутся, когда приборы раскладывает, как кусает дрожащую губу, чтобы не заплакать. Не по себе как-то. Попытался утешить ее на свой лад, но Чайка не Чайка, если не дерзит. В тему я ее окрестил, такая же гордячка, как и эти птицы. Вот и славно. После ее язвительного ответа, чувства вины как не бывало. Более того, я вновь взбеленился, когда она опять завела свою шарманку про потерянный браслет. Решила полностью обелить себя?

Так и хотелось ей сказать, что мне, в общем-то, все равно. С ней давно все понятно, так что может особенно не стараться. Хотя насчет «все понятно» это я загнул. Ни хрена не ясно с ней, кроме одного – я и не должен понимать. Понять – значит разобраться. Начнешь разбираться – заинтересуешься. Заинтересовавшись – привяжешься, а привязавшись – будешь нуждаться. А я не хочу ни в ком нуждаться, тем более в женщине. А уж нуждаться в такой, как она, – подписать себе смертный приговор. Зачем мне этот головняк?! – повторяю себе уже в миллионный раз. А все без толку.

Возможно, я слишком много анализирую. Я заметил, что чем старше я становлюсь, тем больше рассуждаю. А надо было поступить, как все: просто переспать и забыть, тем более что она не против. Как говорят: «Чтобы избавиться от влечения к женщине, надо с ней периодически спать.» Выходя из Де Марко, решил: плевать на принципы и привычки – это мой последний визит в это место, пока здесь работает она. Думал, что с глаз долой – из сердца вон. Да и не так уж сильно влечет. В последующие дни мне даже удалось убедить себя в этом. Работа не оставляла ни сил, ни

времени. Слишком много дел. Я раньше думал, что деньги облегчают жизнь, но сейчас понимаю, что с увеличением капитала больше забот и суеты. А остановиться уже не представляется возможным.

Сегодняшний день был похож на сотни или даже тысячи таких же до него. Пробежка, бассейн, душ, завтрак в новом ресторане. Если честно, это место мне не особенно по вкусу. И работа, работа, работа... Бесконечные встречи. Напоследок у меня была запланирована встреча, на которую я не хотел идти(как чувствовал), так как мне совсем не обязательно было присутствовать. С ребятами из Останкино договориться проще простого: только деньги давай и дело в шляпе. Никогда бы не пошел в подобное заведение, но заморачиваться мы не стали – хотелось поскорее решить вопрос.

Я не верю в судьбу, предопределение и прочую подобную ерунду. Но когда в кофейне раздался громкий хохот, вошедшей парочки, и в согнувшейся пополам девушке я узнал Чайку, меня словно током ударило. Я всерьез задумался, как такое может быть? В Москве миллион мест, но мы с ней оказываемся в конкретном месте в одно и то же время.

И что-то внутри всколыхнулось. Увидел ее и словно очнулся. Ожил, как будто до этого была черно-белая картинка, а с ее приходом она заиграла всеми цветами радуги. Преимущественно красным цветом ярости.

Смотри-ка, приткая, уже какого-то пижона подцепила. Или он и был, а она еще и меня хотела охмурить. Сучка.

Пристально слежу за их весельем, а самого аж трясет. Не пойму, что больше всего злит: то, что мне вообще до нее есть дело, то ли, что она счастливая такая рядом с этим щеглом, который как бы невзначай ее лапает, а она типа не замечает – ей нравится. Хотя о чем я? Безусловно нравится! Гуляющая же девка! Вот в том-то и дело, что именно такая. А я сижу и слюни пускаю, когда достаточно просто поманить пальцем и не напрягаться.

А это будет весело – наблюдать, как алчность Чайки возьмет верх над гордостью. Пацана правда жалко. Бедолага... запал конкретно. Чуть ли с рук ее не жрет и смотрит телячьими глазами, ловя каждое слово. Ну ничего, переживет. Я ему даже услугу окажу, избавив от этого корыстного создания. Такие, как она, на пацанят, у которых ветер в кармане гуляет, не клюют. Они с ними перекантовываются в перерывах между такими, как я.

Парнишка заметил, что я на них смотрю и, кажется, заволновался. Ей что-то шепнул.

А я уже приготовился. С предвкушением ждал, когда она обернется. И девочка меня не разочаровала. Повернулась, резанула возмущенным

взглядом. У меня же дух захватило от нее. До чего же хороша! Длинные волосы темно-шоколадного оттенка растрепались, играя на свету золотистыми бликами, на щеках вспыхнул нежный румянец, голубые глазки гневно поблескивают, сочные губки поджаты, выдавая ее негодование. Меня забавляет ее реакция. Что далее по сценарию мне тоже известно, поэтому я не удивляюсь, когда она начинает откровенно заигрывать с мальчишкой, украдкой поглядывая на меня.

Смотрю, милая, смотрю! Твое шоу будоражит посильнее танго Роксаны из Мулен Руж. Как же ты искренне играешь, вкладывая всю свою продажную душонку в каждый жест, улыбку и прикосновение. Мастерски пудришь мальчишке мозг, даря надежду, соблазняя. А он ведется, не догадываясь, что все это лишь затем, чтобы я подороже тебя купил. Он будет представлять тебя в своих объятиях этой ночью, в то время, как ты будешь стонать подо мной.

Да, меня заводит эта пошлая и дешевая игра. Капля ревности лишь добавляет остроты и нетерпения. Раздеваю взглядом Чайку, представляя, что буду делать с ней сегодня ночью. Она в бешенстве. Мне смешно. За что боролась, красавица, на то и напоролась.

Но пора заканчивать цирк и претворять фантазии в жизнь. Пишу ей сообщение, чтобы выходила на парковку. Покидаю кофейню в абсолютной уверенности, что Чайка последует за мной. Но проходит полчаса, а от нее ни ответа ни привета.

Меня это начинает нервировать. Что за игру затеяла эта курица? Приборзела там что ли, звезду словила? Думает, я буду сидеть и выжидать, когда она наmilуется с тем щенком? Она либо точно бестолковая, либо.. я не знаю.

И тем не менее я продолжал ждать. Кто еще из нас бестолковый – вопрос спорный.

Полез за жвачкой в бардачок и зацепился взглядом за что-то блестящее на коврике. Пошарив рукой, наткнулся на тоненькую цепочку с подвеской в виде подковы. Присвистываю, поднося поближе к свету, и усмехаюсь. Интересный поворотик. Хм, значит, не соврала. Может, со спецом его здесь бросила. В любом случае плюсюю за сообразительность или же за искренность, что сомнительно, хотя хрен эту Чайку поймешь.

Вот где она шляется? Что и браслет стал не нужен? Всю плешь с ним проела, а теперь молчит. Бабы... такие бабы. И ничего тут не попишешь.

Спустя, наверное, еще полчаса – за которые возбуждение трансформировалось лишь в желание вправить этой дуре мозги – она соизволила, наконец-то, появиться. Да не одна. Я напрягаюсь. Что это еще

за выкрутасы? Но через мгновение она садится на байк и уезжает в неизвестном направлении, показав мне фак.

И теперь я, немного придя в себя от шока, мягко говоря, в бешенстве мчусь к ее дому. У нее ведь тетя строгая, значит, заявится рано или поздно. Доигралась Чайка!

Так меня еще никто из себя не выводил, даже Ленка в свое время. А эта словно себе цель наметила разбудить во мне зверя. А может, правда такое испытание?

Ну, вот я всю жизнь строил из себя строил умника и скептика, а там наверху, если там вообще кто-то есть, решил надо мной прикольнуться типа «А ну-ка попробуй милок сейчас погни-ка свою линию, поглядим на тебя!».

Эта мысль немного меня тормозит. Как-то перед собой даже неудобно. Ведусь, как этот мальчишка на игры Чайки. А может, и она вовсе не играет, просто на эмоциях прет; обиделась, решила характер показать, а я уже записал ее в опытные манипуляторши, топчущие кирзовыми сапогами пылкую любовь наивных юношей, дабы раскинуть свои прекрасные ножки ради пары красивых туфелек? Может быть, все может быть.... Стоит разобраться. А ведь не хотел я, но теперь уже поздно давать задний ход. Встрял, такстрял. Конечно, ничего серьезного; легкодумная, вспыльчивая связь исчерпает себя за месяц, если не раньше. А пока лучше насладится моментом, а не заморачиваться.

С такими мыслями, почти успокоившись, я подъехал к дому Чайки. Сладкая парочка стояла у подъезда, о чем-то мило беседуя, девчонка держалась как-то скованно и чуть ли не за километр от мальчишки, как будто и не она вовсе флиртowała с ним. Меня заметила не сразу, но как только это произошло, чудесным образом переменилась; скованность исчезла, на смену ей пришли соблазнительная улыбочка и грациозная походка, с которой она приближалась к парню.

Ждать продолжения шоу, я не собирался. Открываю дверь и без колебаний прерываю столь интимный момент –назревающий поцелуй голубков. Только сейчас, впервые за все время задумался, как зовут девчонку. Чайкой ее называть при посторонних не хотелось. Это личное. Поэтому я ограничился пренебрежительным «слышь», никак не избавлюсь от этого поганого словца-отголоска девяностых.

-Слышь, я долго тебя вызванивать буду?! Тетка твоя уже всех на уши поставила. – выдумываю на ходу, чтобы Чайка не возникала и сопляк поскорее убрался без лишнего шума. Подхожу к ним и как ни в чем не

бывало беру девчонку чуть повыше локтя и веду в сторону подъезда, по пути включая сигнализацию. Чайка ошарашенная и ничего не понимающая подчиняется и машинально передвигает ногами, прожигая меня шокированным взглядом. Да, птичка, зануды тоже умеют удивлять.

-Что?-наконец выдавливают он из себя, замерев перед дверью.

-А вы кто такой? –подает голос пацан.

-Кто я такой-не твоего ума дело. А вот кто ты-ее тетке будет очень интересно. Зайдешь познакомиться? –иронично интересуюсь. Мальчишка стушевался и отрицательно машет головой.

-Ну, если знакомится пока не собираешься, давай, дуй отсюда.

Паренек переводит растерянный взгляд с меня на Чайку. Я удивлен, что она молчит.

-Ян, все нормально? –спрашивает он. Молодец, хоть поинтересовался. Значит Яна... Подходит, эта якалка и язва может быть только Янкой.

-Думаю, разберемся, Стасик. Спасибо тебе, все было круто! Увидимся. –улыбнувшись краешком губ, заверяет она его.

Ну, слава Богу, хоть концерт не стала устраивать.

Парнишка секунду колеблется, глядя на нас, но потом все же уезжает. Как только он скрывается за поворотом, Чайка вырывает руку и резко поворачивается ко мне. Лицо искажено яростью; взгляд полыхающий, губы сжаты. Убила бы наверняка, если бы можно было.

-Тетя значит всех на уши поставила?!- язвительно шипит она.

-А что нет? Ты телефончик-то включи. – невозмутимо парирую, хотя сам едва сдерживаю смех.

-Что тебе надо от меня? Сначала просишь не звонить, а потом ...

-Да не кипишуй ты! Поехали поедим, есть хочу дико, заодно и выскажешь все свои претензии. – прерываю ее возмущение. Чайка замолчала, уставившись на меня ошарашенным взглядом. Такое у нее лицо забавное. Кажется, сейчас разорвет девчонку от негодования. Я и сам понимаю, что веду себя по меньшей мере странно, но коли сваял изначально дурака, то приходится выкручиваться.

-На Вашем месте Олег Александрович я бы думала не о еде, а о хорошей дурничке. Может, еще помогут, подлечат, – насмешливо парирует она и направляется к подъезду. Я вновь хватаю ее за руку и разворачиваю.

-Мы кажется с тобой уже давно на «ты». –напоминаю ей и под контролем ее недвусмысленного взгляда демонстративно отпускаю руку.

-На «ты» -это либо наглость, либо близость. – с умным видом сообщает она мне, чуть прищурив лукавые глазки.

-Наглость –твое второе имя, так что поздноватое хватилась, не

находишь? – усмехнулся я, наблюдая за ней. На первый взгляд кажется спокойной, но если приглядеться, становится ясно, что Чайка дергается; то нервно теребит полы куртки, переминаясь с одной ноги на другую, то накручивает прядку волос на палец.

-Не нахожу. Никогда не поздно исправится.

-Тогда как насчет близости? - шутливо интересуюсь, но девушка шутку не оценила. Покраснела, как рак. Наверное, от злости, не от смущения же. Хотя я не пойму, какого хрена она тут ломается. Цель достигнута; вот он я, как она и хотела, хорош придуливаться!

-Есть хочу! – выдает она не в тему и отводит взгляд. Мне хочется ей поаплодировать. Как ловко она гнет свою линию и при этом сохраняет лицо «я не я и жопа не моя». Мда, та еще вертихвостка.

-Ну, поехали, я тоже голодный. – звучит двусмысленно, впрочем, я действительно голоден во всех смыслах.

-Несомненно. – иронизирует она с усмешкой. – Но зачем мне куда –то ехать? Я сейчас к тете, она у меня вкусно готовит, а вы Олег Александрович как-нибудь без меня свой голод утоляйте, если у вас кроме подобных ...предложений, больше никаких нет. –растягивая слова, парирует она. Вот сука! Ну, ладно давай поиграем в твою игру.

-А какие такие «подобные» предложения я тебе делаю?

-Ну, скажем так; я не любительница намеков и полутонов, поэтому завуалированные, бесстыдные предложения меня оскорбляют. –пояснила она таким тоном, словно мне пять лет.

Значит, девочка решила из себя кисейную барышню построить. Интересно, интересно. Только вот как-то не вяжется с ее предыдущим поведением, о чем я не преминул напомнить.

-Меня тоже оскорбляют, поэтому когда одна юная особа, как т34 стала напирать, я можно сказать, даже испугался.

-«Напирать»? Да я просто хотела немного сгладить впечатление о себе после клуба и ничего более! – начала она яростно отпираться. Я же был только рад, вот тебе и лазейка.

-Я тоже просто хочу сгладить впечатление о себе, и даже извиниться за свою грубость, пригласив тебя на ужин. –конечно, в мои планы ничего подобного не входило, но с Чайкой приходится импровизировать.

-А вы всегда так по пещерному женщин на ужин приглашаете ; «поехали поедим» ? – передразнила она меня с ухмылкой на губах и добавила, - Или это только мне так несказанно «повезло» ?

-Без сомнений ты особенная девушка. – усмехнулся я, ни капли не соврав.

Чайка хмыкнула и прикусив губу, покачала головой.

-Да ладно. – отмахнулась она, а после невесело продолжила. - Особенной быть я как-то не стремлюсь, мне бы как у всех ; цветы, галантность, романтика... Разве это много?

-Ну, если не задумываться о значениях и смыслах каждого жеста, то не много. –осторожно согласился я, чувствуя к чему она клонит. Черт возьми, вот она меня разводит. Хороша девочка. Кто ж тебя научил так мужиками манипулировать?! Но главное, конечно, что я это понимаю и контролирую. Манипулировать мной можно ровно настолько, насколько я позволю. Пока Чайка не превышает лимит.

-Не надо никаких смыслов и значений...букет цветов и парочка комплиментов ни к чему не обязывают.

О, знаю я эту песню. Все они так говорят ; «никаких обязательств», а сами ждут, что в один прекрасный день ты им скажешь ; «Какие глупости, любимая, ты –мое главное обязательство!» . Порой, достаточно неосторожного шага, чтобы похоронить лучшие годы своей жизни. Но в случае с Чайкой(почему-то по имени ее звать не хочу, как будто если назову, то словно признаю в ней что-то большее, чем она есть) так вот в случае с ней всегда можно напомнить ей про ее опрометчивое « без обязательств», нельзя так раскидываться словами.

Из задумчивости меня выводит ее голос. Грубоватый он у нее, видать курит с малолетства.

- Поэтому Олег Александрович, если вы еще хотите «извиниться» и «сгладить впечатление» , то возьмите себе это на заметку, иначе у вас вряд ли что-то получится. А пока же я не против перекусить.

Ухмыляюсь. А ловко она все повернула, я за ней не успеваю. Как тебя собрать мой неуловимый кубик-рубик? Старею, походу, хватку теряю.

-Поехали. –коротко отвечаю.

-Нет уж , никуда я не поеду. Насиделась за сегодня, да и уже поздно, тетя ругаться будет. У нас с вами есть максимум полчаса, чтобы прогуляться , слопать по донеру и ...начать с чистого листа, как будто мы только встретились. А? –с энтузиазмом предлагает она.

А я уже думал, что больше ей меня вряд ли удастся удивить, сейчас понимаю, что еще не вечер. «Начать с чистого листа» -как загнула-то.

-Что за донер? –цепляюсь за первое попавшееся слово, чтобы проигнорировать ее предложение, но не обидеть.

Чайка улыбается краешком губ, но никак не комментирует мой игнор.

-Узнаешь. Пошли, здесь недалеко. –берет она меня под руку и тянет за собой.

-Ну, пошли. –неохотно принимаю ее приглашение, хотя вся эта затея кажется мне сомнительной. Приличного ресторана в Свиблово не припоминаю.

Впрочем, это не так уж важно. Я не очень люблю, когда женщины виснут у меня на руке, но с Чайкой было комфортно, как будто так и надо. Она что-то щебетала про полную луну, я не особо вслушивался, просто шел и наслаждался ее чувственным голосом, прохладой осенней ночи, прогулкой. Я уже не вспомню, сколько лет назад вот так просто, без цели бродил. Все суета какая-то, дела какие-то, заботы...

Но очарование вечера прошло, когда мы подошли к киоску, торгующему шаурмой. Я сначала подумал, что она прикалывается, но девчонка действительно решила отовариться и направилась к маленькому окошечку. Я застыл на месте.

-Ты на полном серьезе предлагаешь мне перекусить вот этим? – спрашиваю у нее иронично, Чайка оборачивается и закатывает глаза.

- О, прошу прощения Ваше Занудное Величество, но Вам я ничего не предлагаю, разве что занять мне двести рублей, у меня только мелочь осталась. А если серьезно, то готовят здесь получше, чем в Де Марко, можешь мне поверить.

-Правильно красавица говорит! Я — старая гвардия. В бизнесе уже пятнадцать лет. Мастерству изготовления настоящей шаурмы учился у Султана, он работал возле метро „Сокол“. Султан — первый шаурмист столицы. Чтобы шаурма получилась самой лучшей во всём районе, во всём городе, не забудьте в неё добавить такой ингредиент, как совесть! У меня все по совести, дорогой. Паша чем попала людей не кормит. – встрял в разговор владелец забегаловки, высунув голову из окошка. Как будто мне это интересно.

Я усмехнулся, но ничего не стал говорить. Молча достал портмоне и протянул Чайке пятьсот рублей.

-Ты не будешь?- спросила она, едва сдерживая смех.

- Упаси Боже. – пробурчал я и отвернулся.

Пока девушка ждала свою шаурму, я уставившись в одну точку, думал, что здесь делаю. Все идет совершенно не так, как я планировал, но с другой стороны-мне порядком наскучило, что моя жизнь разыграна по нотам; каждая минута заранее известна, отточенный до малейших деталей уклад быта. А сейчас я словно слепой бреду в темноте, только инстинкт

самосохранения почему-то не срабатывает ,точнее притупляется любопытством, интригой и жаждой приключений.

-Держи, сдача. –подходит ко мне Чайка, в одной руке у нее шаурма, другой она протягивает деньги. – Остальное верну позже.Я улыбаюсь и качаю головой. Смешная она.

-Когда позже? – посмеиваюсь над ней, забирая сдачу, хотя эти копейки она могла бы и себе оставить.

-Мамочки, да ты еще и скупердяй! Мда, я так знала, что ты миллионер – столько отвратительных качеств разом! Кошмар! –возмущенно восклицает она и с таким аппетитом откусывает шаурму, что я чувствую голод еще острее. Может, правда стоило не выкаблучиваться, а купить этой дряни? Раньше как-то и не такое жрал и ничего, но слава Богу эти времена прошли. Девчонка продолжает сосредоточенно жевать, а я чувствую себя как-то уж странно, получая удовольствие, наблюдая за ней. Хотя ни культуры, ни изящности в данном действе нет. Чайка агрессивно отрывает куски от шаурмы , набивая чуть ли не полный рот, энергично жует , а после с наслаждением облизывает свои пухлые губы, испачканные в каком-то соусе. Но в этом больше секса, чем в самом сексе. В очередной раз поражаюсь; до чего красивая и сексуальная девка.

-Эй, салют! Ты че так на меня смотришь?- бурчит она с набитым ртом, щелкнув пальцами у меня перед глазами.

-Не «че» , а ЧТО! –раздраженно поправляю ее, застуканный на « месте преступления».

-Зануда! – огрызается она весело и показав язык, продолжает есть. – Ммм, вкусно. –закатив глаза произносит она, наслаждаясь.

-Теперь мне страшно представить, что ты имела в виду, сказав, что я вкусный. –из вредности вставил я свои пять копеек.

-Я так говорила? –наигранно изумляется она.

-Не просто говорила, а даже проверяла. – подмигиваю ей.

-Да это реально вкусно, попробуй! – уходит она от щекотливой темы и протягивает мне шаурму, я отстраняюсь, но она настойчиво машет ей перед моим лицом.

-Нет, спасибо, я обойдусь.

- Я же вижу, как ты на нее смотришь. –возражает девчонка. Если бы она знала, что смотрю я прежде всего на нее. – Давай, разок можно взбодриться. Не все время же жевать несоленое и нежирное дерьмо.

-Это не дерьмо, а вкусная и полезная еда. Убери. – скривился я и отстранил ее руку.

-Вкусное не бывает полезным-это аксиома. И не нужно тут изображать

брезгливость. Я тебя кажется целовала и ты еще жив, так что неубедительно. А вообще....- но я прерываю ее, откусив приличный кусок шаурмы. Чайка ошарашенно смотрит то на оставшуюся в своей руке часть и то на меня давящегося смехом и жующего. Вкусная все же зараза.

-Нет, ты нормальный вообще?! Слямзил полдонера, офигеть! – возмущается она, я же под шумок забираю у нее все, что осталось. –Да ты охренел! - орет она и бросается на меня, чтобы отобрать пропажу, я же со смехом верчусь -кручусь, чтобы ее попытки не увенчались успехом. –Я не отдам тебе деньги, понял? – смеется она, когда я вырываюсь и убегаю на приличное расстояние от нее.

-Тогда не получишь браслет. –дразню ее шаурмой. Чайка улыбается, а потом подходит ко мне, останавливается в паре сантиметров и состроив жалостливые глазки, просит;

-Еще кусочек, ну, пожалуйста.

На меня же словно ступор напал, такая она ... не выражу словами это ощущение. Похоже, я медленно, но верно схожу с ума. Все во мне вопит, что надо держаться от нее подальше, бежать, не разбирая дороги, но я уже на крючке и как не дрыгайся, не сорваться. Подсекла так, что крюк впился надежно. Хочу ее. Одержим ей. И пока не получу, покоя не будет.

Медленно подношу донер к ее губам. Она облизывает их и глядя мне в глаза, кусает, касаясь губами моих пальцев, легонько прикусывая их, вызывая дрожь в моем теле.

Что же ты со мной делаешь? –спрашиваю мысленно, подавляя желание, пытаюсь успокоиться. Но когда она прожевав, поднимается на носочки и не отрывая взгляд, легонько целует, мой контроль летит к чертям. Только она тут же отстраняется, смущенно улыбаясь. Мне этого мало, слишком мало. Хочу ее всю - до дна. Но у меня еще хватает сил, чтобы сохранять на лице маску спокойствия.

-Что это было? – вкладываю в голос строгие нотки, стараясь смутить ее еще больше. Мне нравится, как она нервно прикусывает губу.

Чайка краснеет, и да-пронзает зубами мягкую плоть, чем заводит меня еще сильнее, хотя куда уже, и тихо отвечает;

-Это спасибо.

-А..., - задумчиво протянул я, и осторожно коснулся ее лица, убирая прядь волос. Девушка замерла, с каким-то страхом или неуверенностью посмотрела мне в глаза. Наклоняюсь к ней, зарываюсь пальцами в ее роскошные волосы, поглаживая большим пальцем бархатную кожу щеки. Не спеша провожу по нижней губе. Такая влажная, гладкая. Вдыхаю по

чуть-чуть аромат ее духов. Схожу с ума от прерывистого дыхания, обжигающего мои губы. Нежно целую девчонку в уголок рта и шепчу в губы;

-Пожалуйста.

Обвожу их контур языком. Соленые, такие чувственные, мягкие. Чуть прикусываю нижнюю губу и сразу же начинаю посасывать. Судорожный вздох отдается дрожью в моем теле.

Притягиваю Чайку к себе. Через слои такой лишней сейчас одежды, чувствую каждый изгиб ее стройного тела. Скольжу ладонью по ее спине-спускаюсь ниже, ниже пока не чувствую упругую попку. Сильнее, чем нужно сжимаю ее ягодичу. Углубляю поцелуй, проникая языком в ее горячий, влажный рот. Едва слышный стон удовольствия девушки доводит меня до дикого состояния. Целую ее жадно, неистово. Она теряется, замирает, отвечает осторожно и как-то неловко, но меня это только распаляет. Так бешено я еще не хотел ни одну бабу. А она так не в тему решила поиграть в скромницу.

-Не притворяйся! – почти рычу охрипшим голосом, прервавшись на миг.

Она неуверенно касается холодными пальчиками моего лица и задыхаясь, пытается что-то ответить, но я не позволяю ей, закрывая рот поцелуем. Ее это видимо разозлило и она перестает сдерживаться; прикусывает мой язык и тут же начинает его посасывать, повторяя все то, что я делал ранее с ее губами. Вот так девочка моя, этого я от тебя и жду. А жеманную девицу оставь для другого мужика. Хотя сейчас эти мысли о других ее мужиках меня злят. Интересно, через скольких она уже прошла? Дебильный, конечно, интерес. Пошлый и совершенно неуместный. Какая мне разница?! Не детей же с ней крестить.

Не могу сдерживаться, возбуждение зашкаливает, мне уже даже плевать, что мы на улице, а ведь я терпеть не могу прилюдные проявлений чувств.

-Хочу тебя. Поехали куда-нибудь? - шепчу, оторвавшись от ее припухших губ, покрывая поцелуями каждый сантиметр прекрасного лица.

-Пожалуйста...- едва слышно просит о чем-то она, вцепившись в воротник моего пальто. – Пожалуйста, остановись!

Останавливаюсь, состояние жуткое; в висках пульсирует, тело огнем горит, штаны давят. Черт! Чайка высвобождается из моих объятий и начинает суетиться, пытаюсь скрыть неловкость.

-Все в порядке? - спрашиваю ее, уж очень странно она себя ведет, слишком нервно. Очередные ее выкрутасы. Бл*ть, ну, почему она не может быть, как все нормальные бабы хотя бы раз?! Каждое ее действие сбивает с толку.

-Да. ...Поздно уже... Домой нужно... Тетя ждет.- отвечает она какими-то рубленными фразами, я пытаюсь поймать ее взгляд, но она постоянно отводит его. Втягиваю с шумом воздух, дабы успокоится, но не получается.

-Ну, пошли.- холодно бросаю ей, направляясь в сторону ее дома, хотя раздражение зашкаливает. Меня аж подтряхивает от этого дебилизма. Иду и распаляю сам себе, кроя на чем свет девчонку. Я все понимаю, что она права, отказавшись – так все порядочные женщины бы поступили, но она-то к ним не относится. Хотя с другой стороны, с чего я вдруг решил? Но тут же убеждаю себя, что ее поведение само за себя говорит.

Пока размышляю, немного остываю. Чайка догоняет, осторожно берет меня под руку и осторожно прижимается к плечу лицом, словно проверяет границы допустимости.

Я удивленно кошусь на нее, она выглядит взволнованной и расстроенной. Такое у нее уставшее личико, совсем юное. Мне не по себе. Что я творю? Чувствую себя старым извращенцем.

Тяжело вздыхаю и ласково провожу по ее волосам.

-Устал? – спрашивает тихо и смотрит так.... С проклятой заботой. Только этого мне не хватало.

-Да. – отвечаю резче, чем следовало. Я действительно устал от этого калейдоскопа эмоций и впечатлений. Чайка напрягается, но ничего больше не произносит. Всю последующую дорогу мы проводим в молчание, но оно не гнетущее. Не знаю, как она, но я за это время окончательно успокоился, стало даже над собой смешно-как подросток себя повел. Дожил.

-Пошли, браслет заберешь. – обращаюсь к девушке, когда подходим к ее дому. Чайка отстраняется нехотя и качает головой.

-Пусть у тебя будет в качестве залога, я же должна сто рублей. Заодно будет тебе напоминать обо мне.–подмигивает она.

- Тебя забудешь.- резюмирую насмешливо, а после напоминаю, - Вообще-то ты должна двести.

-Ну, уж нет! Ты у меня половину оттяпал, если не больше, так что не надо меня разводить. – возмущается она, а я начинаю смеяться.

-Ладно. Только ты говорила, что браслет тебе дорог, а сейчас за сотку его готова сплавить. –подразываю ее.

-Много ты понимаешь. – парирует она с загадочной улыбкой, но тут же ее лицо принимает недовольное выражение, - Ладно пора до дома до хаты, иначе мне конец.

-Не забудь написать, как будешь дома. –наказываю ей ,как какой-то папаша.

-Не буду я тебе писать. Спасибо, уже проходили. Сам звони, если надо. - произносит она с нотками обиды в голосе. Разворачивается, чтобы уйти, но я резко перехватываю ее и притягиваю к себе. Она теряет равновесие и неуклюже наваливается на меня, уткнувшись лицом в грудь. Аккуратно приподнимаю ее голову за подбородок и целую на прощание, едва касаясь ее губ, чтобы не возбудиться в очередной раз.

-Чайку скинь.- прошу ее тихо.

-Ладно. – выдыхает она мне в губы.

Отпускаю ее. Она не теряет времени и бежит к подъезду, но у двери оборачивается, шлет мне воздушный поцелуй и со смешком желает ;

-Спокойной ночи.

Это она типа так прикалывается? Вот сучка! Но ничего, еще не вечер, милая. Будет и на нашей улице праздник.- обещаю себе с предвкушением. Настроение у меня приподнятое. Давно я так не развлекался. Так хорошо сейчас, просто хорошо. И хрен пойми, что вообще хорошего во всей этой ситуации.

Сажусь в машину и не успеваю, даже завести ее, как раздается звонок. Быстро она добралась.

-Быстро летаешь, Чайка?- не глядя, отвечаю на звонок, думая, что это она. Несколько секунд в динамике тишина, а потом неловкое покашливание и мелодичный, мягкий голосок, как ушат холодной воды, отрезвляет меня. Каждый раз, как слышу его, так сразу вспоминаю первую встречу с Ленкой.

Она выступала на городском празднике. Так пела, что все замирали, раскрыв рты. Я не был исключением, слушал и любовался ее миловидным личиком. Скромная, милая девочка, которую хотелось оберегать и защищать ото всего мира, полная противоположность Чайки.

Странно, что я сейчас сравнил их. Ставить Ленку в один ряд с Чайкой неправильно.

-Здравствуй , Олеж! Прости, что беспокою тебя в столь поздний час, просто думала, что ты как всегда работаешь, не хотела отвлекать. – начинает она свою витиеватую речь.

- Привет, Лен. В чем дело? – сухо интересуюсь, подавляя раздражение от ее нежного «Олеж».

-Хотела сказать, что собираюсь приехать через неделю. Ужасно

соскучилась по Леське. Мне ее так не хватает, я просто с ума схожу....

-Лен, ей уже четырнадцать. Не стоит ее через чур опекать, пора приучать ребенка к самостоятельности. –прерываю я поток этих полуправдивых излияний. Как будто я не знаю, что дочь –это ее рычаг давления на меня. Интересно, что ей на сей раз надо.

-Тебе легко говорить, Гладышев, ты ребенком не занимался. Приедешь подарков надаришь, вот и все твое воспитание. А я все время с ней , с ней, с ней.

Ели держусь, чтобы не сорваться. Героиня, чтоб ее! Да все матери своими детьми занимаются, но почему-то в грудь себя не бьют.

-Лен, не начинай, ради Бога. Ты от меня что хочешь? –спрашиваю устало, заводя машину.

- Прости, Олеж, день был тяжелый. –начинает она оправдываться. Так у нее всегда; как змея кусанет , отступит, кусанет , отступит. И все с осторожностью, незаметно подкрадываясь. – Я хотела у Вики с Мишкой сначала пожить, но мы тут с Леськой поговорили, и она предложила остановиться у вас. Говорит, что ты часто ночуешь в городской квартире. Олеж, я тебя не стесню, мы с дочуркой столько не виделись. Она скучает, ей тяжело, тем более, что ты весь в делах.....

Она что-то говорит, говорит, я даже не слушаю. Знаю, что будет гнуть свою линию, используя все слабые места; тонко намекая, что отец из меня никакой, давить на жалость, используя ребенка и в конечном счете не мытьем так катаньем добьется своего.

Телефон вибрирует, извещая о новом сообщении. Наверное, Чайка смс прислала. Опять сравниваю ее с Ленкой и не знаю, кто из них лучше или хуже, но тем не менее Чайка мне кажется более приятной, не смотря на свою вульгарность и наглость, чем Ленка со своей деликатностью.

- То есть, ты хочешь пожить у меня две недели? – подвожу итог ее нытью.

-Я не хочу, Олег. Я думаю лишь о ребенке, у которого мама вышла замуж за обещание, а папа женился на надежде. Но наша дочь не виновата, Гладышев, что папа не выполнил обещание, а мама не оправдала надежд.

У меня вырывается смешок. Что-что , а пафоса у Ленки не отнять. Как она любит эти громкие фразы. И ведь всегда бьет точно в цель. Что мне еще остается, кроме как уступить? Дети –превыше всего. Как бы у нас не складывались отношения с моей бывшей женой, но наша дочь не должна из-за этого страдать. Две недели –это не так уж и много. Главное, соблюдать дистанцию.

Решив все для себя, озвучиваю подписанный самому себе приговор;

-Ладно, скажу Анне Петрововне, чтобы приготовила тебе комнату.

Глава 8

Сколько громких слов сказано о счастье, сколько разных определений. Множество рассуждений на тему его неуловимости и недостижимости. А на самом деле все просто. Счастье не словишь и уж точно не достигнешь. Оно само найдет тебя, подкрадется неожиданно, накроет с головой и все, абсолютно все заиграет новыми красками. Обшарпанный подъезд станет чуть ли не дворцом, прогулка до маленького киоска –лучшим свиданием в жизни, хотя у меня их по сути еще не было, но я точно знаю, что эту ночь не забуду никогда, как и этот поцелуй. Настоящий такой поцелуй, а не мокрое дерьмо, что было у меня в девятом классе на школьной дискотеке. После того, как одиннадцатиклассник, которого я выбрала в качестве своего просветителя в данном вопросе, засунул мне язык по самые гланды, желание целоваться с малолетками да и с кем бы то ни было чисто из любопытства, отпало напрочь. Я хотела, чтобы было, как в книжках пишут; сердце замирает, переворачивается в груди, тело огнем горит, дрожит каждый миллиметр, голова кружится от невыносимой радости и кажется, мир вокруг становится другим. Олег сделал сказку реальностью, перевернул все в душе, хотя нет, перевернулось все с первого взгляда, с той первой улыбки, которую я как наяву вижу каждый раз перед сном, с первых слов, сказанных его бархатным голосом . Господи, я не знаю, что со мной, но я так счастлива. Мне хочется что-то сделать, я готова горы свернуть-энергия бешеным потоком несется по крови, но я просто стою в подъезде, прислонившись спиной к холодной стене и улыбаюсь, прижав пальцы, к разгоряченным губам.

Меня накрыло с головой. Вспоминаю каждую секунду, проведенную с ним, а сердце щемит, обрывается. Уже скучаю, умираю от желания остаться с ним. И ведь всего лишь нужно открыть вон ту дверь, выйти и сесть в машину, в которой он дожидается моего звонка-мелочь казалось бы, но как же она мне дорога. Пусть крошечная, капелюшная, но все же забота с его стороны. Возможно, читая меня, вы думаете, что я сентиментальная глупышка, которая раскисла от одного ласкового взгляда. Согласна, сама бы так подумала и даже поморщилась от такой слабости, если бы была сторонним наблюдателем. Но теперь понимаю, что каждая женщина хотя бы раз в своей жизни становилась такой из-за мужчины. Из-за мужчины, в которого по-настоящему влюблена.

Да, я забыла, как было больно, как обидно, как ревела ночью в подушку, прокручивая в голове его унижительные слова, забыла, как он ко мне относится, словно к пыли под ботинками. Обо всем забыла напрочь, стоило ему только приехать за мной. Улыбнулся разок, посмотрел голодным взглядом и все – Яночка поплыла, растаяла, как долбанное мороженое, хотя таять там не с чего. Гладышева даже вежливым не назовешь, и в уши он сироп не льет. Четко по делу, без лишней трепотни. Пришел, увидел, победил и спрашивать не стал. Совсем не романтично и не так, как я себе представляла, но это уже не важно. Каким бы не был, а я все равно влюбилась по уши в этого невыносимого человека. И пусть у меня не такой большой опыт общения с людьми, уверена, что мне как всегда «повезло»; мало того, что разница лет так в десять не меньше, так еще и характерец у Гладышева – не дай Бог. Но разве я ищу легких путей? Что вы?! Хоть и бреду слепо, но выбираю точно и безошибочно самый извилистый путь.

Не представляю, как мне хватило сил уйти. Его близость; запах, губы, шепот сводили с ума, и эти крепкие объятия, в которых я чувствовала себя такой беззащитной и в тоже время защищенной от всего в этом мире. Странное чувство, когда тебя обнимает мужчина или может, просто я так остро реагирую, потому как была лишена отца и не знала мужских объятий. Не хочу думать об этом, да и вообще ни о чем. Мне так хорошо, что хочется просто наслаждаться этим состоянием.

Не знаю, сколько я простояла в подъезде, но вспомнив, что Гладышев ждет моего сообщения, побежала домой.

Тетя Катя еще не спала. Из ее комнаты доносился шум работающей швейной машины. Но не успела я разуться, как в квартире стало тихо, на пороге появилась крестная.

-Привет.- улыбнулась я, махая ей, но тут же осеклась, заметив ее выражение лица ; брови нахмурены, губы плотно сжаты, а во взгляде арктический холод.

-Ну, и где ты шлялась?- спросила она презрительно, когда я сняла верхнюю одежду. Я как стояла возле шкафа, так и застыла с курткой в руках в шоке от ее тона.

- В смысле « шлялась»? Я гуляла с Лерой, тебе это известно! А задержалась из-за пробок..- возмутилась я, продолжая переодеваться, но тетя Катя тут же прервала меня.

- Хм, интересно. С каких это пор «Лера» у нас стала ездить не на метро, а? –язвительно поинтересовалась она.

Я же чуть не застонала от досады.

Черт, как же я могла быть такой неосмотрительной. Наверняка она все видела, пока курила. И что теперь делать? И главный вопрос-кого она видела под окнами; Стаса или Олега?

Я трясущимися руками снимала с себя одежду и молчала, лихорадочно придумывая, что сказать, но похоже, тете не требовалось пояснений, она несколько минут сверлила меня требовательным взглядом, а после обрушилась на меня;

-Я тебе что сказала, когда ты ко мне переехала? Я тебе четко озвучила одно требование – никаких мужиков! Ты учиться приехала или по мужикам таскаться?

-Господи, да почему сразу по мужикам таскаться? Что у меня их тысячи? Почему я не могу просто общаться с человеком? - взорвалась я, задетая до глубины души. Почему во всем нужно видеть только плохое. Да что я вообще сделала, чтобы поливать меня грязью?!

-Общаться?! – воскликнула она и засмеялась. Для меня же ее едкий смех был унижительнее всего. А крестная меж тем продолжала , доводя меня до слез. – Ты дура или прикидываешься? Общаться... Потрахаёт тебя и бросит, на какой хрен, ты ему нужна бестолочь малолетняя? Господи, мать тянется из последних сил, а эта ... Мало того, что не поступила, так еще и залететь хочешь?

-Не волнуйся, о контрацептивах наслышана. – огрызнулась я, со слезами на глазах. Видимо, на глаза ей попался Олег.

-Рот лучше закрой, пока я матери не позвонила и не рассказала, как ты учишься! -заткнула она меня. Я застыла, сжала в тонкую полоску

дрожащие губы, дабы не заплакать и молча уставилась на крестную, ненавидя ее в эту минуту всем сердцем за унижение.

- Это ты от него на прошлой неделе прискакала под утро ? Что, даже на ночь не оставляет? –усмехнулась она ядовито. Хотелось ответить что-то такое же ядовитое, ударить по больному, но рыдания перехватили горло, и я не могла из себя ни звука выдавить, если не хотела захлебнуться слезами. Я просто смотрела на нее затуманенным слезами взглядом, вкладывая в него все отвращение к этим несправедливым нападкам. Каждое ее слово жалило, растаптывало меня и мои чувства к Олегу . Она высмеивала, унижала, равняя с каким-то ничтожеством.

-Чего уставилась? Ты мне скажи, когда успела обзавестись «папулей», на сколько он тебя старше? И на что ты вообще надеешься? Думаешь, женится, подарками завалит, в дом перевезет, и заживешь сказочной жизнью, м?- продолжала насмехаться она.

Ни на что я не надеюсь, еще не успела. Но даже если бы, что плохого в этом?

Я понимаю, что нужно реально смотреть на вещи и не строить иллюзий , я все это понимаю! Но ведь каким бы скептиком не был человек, там –в глубине души он все равно желает чуда. И я не исключение. Да. Я бы надеялась именно на все, что она перечислила. Но что постыдного, глупого и плохого в том, что я хочу разделить свою жизнь с любимым мужчиной? Почему я не могу попытаться счастья или хотя бы просто помечтать?

-Что молчишь?

-А что я должна сказать? –шепчу, потупив взор. Оправдываться не собираюсь, я ничего не сделала такого за что следует. Тетя Катя втягивает шумно воздух и оглашает свое решение командным тоном.

-Так, дорогая моя, вот, что я тебе скажу. Если ты хочешь жить у меня, то будь добра ко мне прислушиваться. А я не потерплю здесь потаскуху!

Я открыла рот, чтобы возмутится, но тетя Катя жестом остановила меня и продолжила, чуть повысив голос;

-А ты ей непременно станешь, если будешь спать с такими мужиками.

-Я не сплю ни с кем.

-Очень радует. К хорошему быстро привыкаешь ; к шикарной машине, пусть и не твоей. Но самолюбие –то тешет, что богатый мужик за тобой ухаживает. Дальше подарочки, денежки на мелкие расходы, поездочки совместные. После, на меньшее ты уже не согласна, поэтому, когда один бросит, начнешь искать другого, а они серьезных отношений не хотят с молоденькими дурочками. Сейчас кажется, что тебя это не касается и твой- он не такой и у вас все иначе. Ничего подобного! Я не хочу, чтобы ты в этом убедилась на собственном опыте. Богатые мужчины, Яночка, потребители. Они не счастья ищут, а удовольствий. Качественных удовольствий по низкой цене, вроде тебя-свежей девочки, которая еще не научилась продавать себя подороже, окрыленная надеждами и мечтами о любви. Хочешь любви, романтики, найди себе простого парня, но не прожженную сволочь на крутой тачке, которая столько уже таких, как ты перевидала, попользовала и выбросила, что тебе и не снилось.

-Но ведь не все такие. –возразила я.

-Не все. Везде есть исключения. Но если ты девка с мозгами, то не станешь участвовать в лотереи. Можешь считать тиранией это, но я еще раз повторяю – никаких мужиков. Сначала встань на ноги, а потом уже раздвигай их перед кем хочешь. Если ты со мной не согласна, то прямо сейчас покупай билет до дома. Если я еще раз увижу, Ян, ты отправишься в Рубцовск . Я не шучу!

-Это все?- спросила я холодно.

Мне было обидно, я была унижена и раздавлена подобным отношением , словно я безмозглая, легкомысленная пустышка. Чем я его заслужила?

Тетя тяжело вздохнула, взгляд ее смягчился, и она медленно приблизилась ко мне.

-Не смотри так на меня. Я просто о тебе беспокоюсь и не хочу, чтобы ты обожглась, как твоя мама в свое время. – тихо произнесла она, убирая прядь волос с моей щеки.

У меня щипало глаза от ее теплоты, в горле запершило, а обида еще сильнее впиалась в сердце, вызывая боль.

-Несомненно.- усмехнулась я сдавленно и развернувшись, ушла в ванную, где закрыв дверь на замок, дала волю слезам.

Я не сомневалась, что тетя желает мне добра, но меня задевало за живое, что она позволяет себе разговаривать со мной в таком тоне. Я не ребенок, мне уже восемнадцать, почему я не могу, как все встречаться с кем-то? Что в этом ужасного?

Когда слезы иссякли, я вспомнила, что нужно скинуть «чайку» Олегу, он наверняка уже заждался. Еще не хватало от него получить выговор, с него станется. Зануда ведь.

Если честно, одна часть меня хотела послушаться тетю и поставить точку в рисковом предприятии под названием «Олег Александрович», но другая приходила в ужас от одной мысли об этом. Я не смогу отказаться от этих странных, обжигающих, запретных отношений, не теперь, когда попробовала вкус пусть маленькой, но победы над этим мужчиной.

Наскоро умываюсь. Холодная вода бодрит и охлаждает разгоряченную кожу. Жду пока исчезнут признаки недавней истерики ; отечность и краснота с лица. Не хочу, чтобы тетя поняла, как сильно задела меня ее слова. Ванную покидаю, только окончательно успокоившись и приведя себя в порядок, с надеждой, что крестной в гостиной не будет. Мои молитвы были услышаны. Тетя Катя ушла к себе и продолжила работу. Тишину квартиры вновь нарушил шум работающей швейной машины, чему я была рада вдвойне, когда за моей «чайкой» последовал звонок Олега. Этого я никак не ожидала и теперь не знала, что делать. В другое время без раздумий бы ответила, но после ссоры с крестной, появились сомнения и страх.

Телефон продолжал настойчиво вибрировать, вызывая у меня необъяснимую панику. Я разрывалась от желания ответить и страха, что тетя Катя услышит разговор, и тогда-прощай Москва. Крестная слов на ветер не бросает, в этом я почему-то уверена. И все же я не могла ни рискнуть. Любопытство пересилило.

-Да.-тихонечко отвечаю, косясь в сторону комнаты тети Кати.

-Что?- громко переспросил Олег, от чего я вздрогнула. Мне даже показалось, что его голос слышно на всю квартиру.

-Ничего. Я дома. – взволновано пролепетала, сверля дверь тревожным взглядом и прикрывая ладонью динамик.

Олег несколько секунд, показавшиеся мне вечностью, молчал, как бы оценивая, а после прямо спросил, вызывая у меня удивление и что-то такое, отчего защемило в груди.

-Что случилось, Чайка?

-С чего ты взял? –сдавленно прошептала, проглатывая проклятые слезы, так не вовремя подступившие к горлу. С его вопросом все ожило в моей душе. Впрочем, так всегда и бывает; стоит только проявить немного заботы, как человек раскисает и начинает жалеть самого себя. Но помимо всего этого я была тронута, что он побеспокоился, очень тронута. Его забота делала незначительным предыдущий скандал, точнее вселяла надежду, что все не зря.

-Что ты там мямлишь? Ничего не слышу. Хорош реветь! В чем дело? – грубовато повторил он вопрос.

Наверное, стоило обидеться на подобный тон, но мне почему-то « не обижалось». Я знала, просто знала, что не в характере этого мужчины разводить сопли, но он не черствый.

-Не мямлю я и не реву. Просто поругалась с тетей. – огрызнулась больше для вида и чтобы не подумал, что все настолько серьезно.

-А я ведь говорил, что ей этот смазливый мальчик не понравится. – пожурил он меня шутливо. Улыбаюсь сквозь слезы и не могу не подколоть;

-Это ты кого сейчас имеешь в виду?

-А что у тебя их целый табор?

Я засмеялась, но тут же прикрыла рот рукой.

-Почему это «табор»? –поинтересовалась, слегка уязвленная этим идиотским , пренебрежительным словечком.

-Потому что если бы ты пригляделась к нему, то заметила, что он похож на цыганенка. Натяни на него красную рубаху и хоть в табор отправляй.

Мы засмеялись.

-И чего это он тебя так интересует? – спросила я лукаво.

-Меня? Ничуть. А вот тебя –похоже, что не очень по вкусу тете, верно?

-Вообще-то ..начала было я, но тут раздался голос крестной, отчего уровень адреналина в моей крови скаканул до небывалой отметки. За всем этим разговором, я совсем забыла об осторожности.

-Ян, а тише можно, время уже много?! Ты с кем болтаешь?

-С Леркой. –ляпнула я и тут же услышала смешок Олега. Я уставилась на крестную невинным взглядом, хотя саму трясло.

-Привет ей! -коротко бросила тетя, подозрительно поглядывая.

-Тебе привет! – нехотя передала я, краснея, как рак, представляя, что подумал Олег, но тетя стояла в дверях и уходит, видимо не собиралась, поэтому приходилось выдумывать велосипед, хотя хотелось провалиться сквозь землю. Боже, он, наверное, там со смеху умирает.

-Ну, надо же! –воскликнул он иронично . У меня вырвался нервный смешок. А Олег продолжил посмеиваться надо мной. – Чайка, неужели на тебя есть управа? Мой пламенный и восхищенный женщине, которая держит тебя в узде.

-Иди к черту! - шиплю, сдерживая улыбку, в ответ тихий смех, вызывающий у меня дрожь. Стараюсь отвлечься и обращаюсь к тете. – Тебе тоже привет.

Она кивает и идет к себе, я же облегченно выдыхаю.

-Прости, пожалуйста. –шепчу смущенно.

-Ты мне должна. –коротко отвечает он.

-Я помню.

-Нет, две сотни –это само собой. Но и за мое участие в этом цирке с тебя тоже полагается.

-Да без проблем Олег Саныч, хочешь, свожу тебя поужинать? Кажется, вы-мужчины так всегда затыкаете рот женщине.–предлагаю я насмешливо, но от волнения разве что не трясусь.

Олег смеется. Я же наслаждаюсь этим мелодичным звуком, от которого у меня мурашки по коже.

-Думаю, тебе лучше знать, как мужчины « затыкают рот» женщинам. Но точно могу сказать, что женщины мне его так еще не затыкали.

-Что ж, значит я буду у тебя первой. –выдаю машинально и только после соображаю, что сказала. Краска приливает к щекам, а в ответ многозначительная тишина, свидетельствующая о том, что глупости моей нет предела.- Ну, ты понял, что я имела в виду..-запинаясь, пытаюсь оправдаться.

- Да уж понял, «первая» моя.- усмехнулся он, а меня в жар кинуло от его « моя». - Надеюсь, ты рот затыкать мне не шаурмой будешь на сей раз? –вздохнул он обреченно.

Я засмеялась.

-Не волнуйся, обещаю приличное место, соответствующее столь важной птице, как ты. –успокоила я его, совершенно не имея представления, куда приглашаю. Ситуация вышла из-под контроля, но я не паникую, Лерка мне поможет.

-Сомневаюсь, что наши понятия о «приличном» совпадают. – парирует Олег, растягивая слова.

-Ну, ничего -разнообразишь свою приличную жизнь. – вырывается у меня раздраженно. Я тут же прикрываю рот и мысленно чертыхаюсь. Твою же мать, вот кто меня за язык тянет?! Но как сдержаться-то, если меня до трясушки доводит этот снобизм и высокомерие. Куда уж нам-простым смертным до таких господ?!

-Без сомнений. –иронично отозвался он, я закатила глаза:Зануда!

-А ты хитрец. Ловко отвертелся от цветов и свиданий. Развел меня на ужин, офигеть! – возмутилась я, поражаясь, к чему мы приплыли в конце.

- Учись, пока я живой. Ладно, спать надо приличным людям. – подытожил он.

-Старичкам ты имел в виду?- съязвила я.

-Доболтаешься.

-Ага, уже трепещу.

-Все, давай.

-А как же пожелать «спокойной ночи», «сладких снов» ? Всему вас учить надо Олег Александрович.

-Кто еще из нас зануда?! Попа слипнется от «сладких снов». – пробурчал он недовольно. И добавил насмешливо. -Все, я отключаюсь. Куда там тетя делась, совсем не следит за тобой?!

Я хмыкнула и втянув побольше воздуха, выпалила;

-Ладно, замолкаю. Целую нежно, обнимаю крепко.

- Ну, давай, целуй и обнимай, мне это нравится. –усмехнулся он, я засмеялась и мы не сговариваясь, одновременно отключились. На душе же было так светло и хорошо, мир играл красками. Прикусив губу, прижала телефон к груди и закружилась. Да и плевать мне, какие у него там мотивы и что он на самом деле хочет. Влюблю его в себя и точка!

С этими мыслями я легла спать, окрыленная новой целью. Уснула быстро, впрочем, после такого насыщенного впечатлениями дня это не удивительно. Спала я так хорошо, как еще никогда с момента своего приезда, ну, и естественно проспала. Так что утро было экстремальным. Но все равно я успела по пути настроить смс Олегу, чтобы не расслаблялся.

Потом даже рада была, что едва не опоздала, зато не мучилась мыслями о предстоящем разговоре со Стасом, который последовал после того, как народ чуть –чуть схлынул. Как раз в это время на пороге Де Марко появился курьер с огромным букетом алых роз. Мы все сразу же уставились на него, сгорая от любопытства, кому перепадет эта прелесть, о которой мечтает каждая женщина. Я чуть не поперхнулась, когда он направился к змеище.

-У подколодной появился кто-то. Может, подobreет. – прокомментировала Ксюха, с которой мы меняли в салфетницах салфетки.

-Пока что-то улучшений не заметила. –вздохнула я тяжело, встречаясь с недовольным взглядом нашей управляющей, которая в следующую минуту указала на меня курьеру. У меня глаза полезли на лоб, когда он направился ко мне. Я словно жена Лота застыла соляным столбом.

-Вы Яна Чайка? –спросил он на полном серьезе, как будто «Чайка» это моя фамилия, но именно это привело меня в чувство и я засмеялась от комичности ситуации и невероятной радости. Ну, Гладышев, ну, приколист!

Смеялась я долго и лишь кивала ошарашенному курьеру на все вопросы и просьбы, даже Аллочке не удалось мне испортить настроение, читая нотацию о том, что уместно в рабочее время, а что нет. Я продолжала, как китайский болванчик кивать, изо всех сил сдерживая смех и едва не пританцовывая от нетерпения, желая поскорее остаться наедине со своим презентом.

Наконец-то меня отпустили, и я побежала в подсобку, прижимая к себе роскошный букет, вдыхая полной грудью аромат своих первых цветов и улыбаясь ошалелой от счастья улыбкой. Никакой записки или карточки я не нашла, но все было очевидно и без них –курьер постарался; Яна-Чайка- это надо же выдать! Я качала головой, набирая номер Гладышева.

-Что, теперь твоя душенька довольна?- начал он без всяких приветствий.

- Ой, вот только не надо все портить.-оборвала я его, продолжая прижимать к себе букетище, считая ради интереса розы. –А душенька моя более чем довольна, если бы ты был рядом, то задушила бы тебя в объятиях или зацеловала до смерти.

-У тебя еще все впереди. Меня же сегодня ждет обещанное «приличное место»?

-Сегодня?! –воскликнула я в ужасе, забыв даже про розы.

-Ну, а когда еще?!

Черт, я совсем не готова. На мне из одежды старые джинсы, куртка и кроссовки, на голове черт знает что, косметики-ни грамма и конечно же, ноль идей, а еще нужно что-то тете сказать. Но даже не смотря на все эти заморочки, мне очень хотелось увидеть Олега, поэтому я распорядилась, стараясь не выдать своего волнения и радости;

-Окей, заберешь меня с работы в полчетвертого.

-А еще какие-нибудь указания будут? –сыронизировал он.

-Может быть, надо подумать. –насмешливо отозвалась я.

-В четыре, чтобы была готова и стояла возле входа. Ждать не собираюсь. – строго наказал он, от чего мне стало весело.

-Грозный какой. Я вообще –то позвонила спасибо сказать. Цветы красивущие.

-Рад, что понравились.- сухо отозвался он.

-А ощущение, что тебе фиолетово. –парирую тоном обиженной девочки и слышу короткий смешок.

-Тебе честно? –интересуется он провокационно.

-Мне приятно, пожалуйста. –сразу же нахожусь с ответом, вызывая у него смех. Сама поражаюсь, откуда берется это остроумие и дерзость.

- Хорошая позиция. -одобрил он, продолжая посмеиваться.

-А то!

-Я запомню. А приятно будет позже. – обещает он мне так, словно мы о погоде говорим, у меня же перехватывает дыхание и я теряюсь, а потому когда Олег вновь становится серьезным и завершает наш разговор словами;

-Все, мне надо работать.

Я облегченно выдыхаю.

-Ладно, до вечера. Спасибо еще раз, это было неожиданно и приятно.

-А ты ничего не забыла?- осторожно интересуется он, я же напрягаю память, а потом расплываюсь в улыбке, надеясь, что это именно то, что он имеет в виду, и смущенно шепчу;

-Целую нежно, обнимаю крепко.

-Умница. Не забывай, так глядишь и еще на что-нибудь нацелуешь.- покровительственно произносит он, посмеиваясь и отключается, я же сглатываю ком. Вроде бы это сказано было в шутку, а у меня чувство какое-то гадливое, но я не позволяю ему завладеть мною. Не хочу грузиться, выдумывая что-то на пустом месте, хотя с другой стороны еще вчера он ко мне относился не сказать, что хорошо. А может, у него такая манера общения? Фиг его знает, но я разберусь. Теперь пути назад уже нет. Точнее он есть, но я не дам задний ход.

Зарывшись лицом в цветы, стояла так, пока не почувствовала, что меня понемногу отпускает.

Поставив букет в воду, попутно выслушав восхищенные возгласы наших поваров, беру телефон и звоню Лерке, чтобы та спасала мой зад-любимец приключений.

-Здорова. Ты че не работаешь сегодня? – раздался заспанный голос подруги.

-Я-то работаю, а вот ты пары почему прогуливаешь? –набросилась я на нее. Меня это раздражало. Ну, почему такие безответственные люди учатся, а я пашу в две смены? Понимаю, что нет смысла сотрясать воздух своим возмущением, но обидно до слез.

-Ой, не нози, у меня, между прочим, личная драма. – простонала она.

-Ты пила что ли? –удивилась я , начиная беспокоиться. Хотя Лерка и любительница потусить, но исключительно на выходных, а сейчас это выглядит странно.

-Есть такая тема. –отозвалась она невесело.

-Та-ак. Что случилось? –протянула я, готовя себя к чему-то. Я действительно волновалась за подругу.

-Случилась любовь! –провозгласила Лерка, я же чуть не сплюнула.

-Дура, блин, напугала меня! Я уж думала, там что-то серьезное.

-А любовь, по-твоему, не серьезно что ли? –возмутилась подруга.

-Ну, знаешь, не убиваться же из-за нее. Давай, поднимай лучше свой зад и дуй ко мне на работу, привезешь мне что-нибудь из одежды и косметики, у меня незапланированное свидание, как раз все расскажешь. Еще надо с тетей договорится. Короче, хорош там сопли на кулак наматывать, у нас дел куча. – командным тоном тормозила я подругу, зная, что ее взбодрит эта суета.

-О, ты решила приглядеться к Стасону? Кстати, как вчера все прошло?

-Да он тут не причем, у меня свидание с Олегом. –призналась я неловко, зная, что сейчас последует град вопросов. Лерка присвистнула и хотела что-то сказать, но я не дала и рта раскрыть.- Не спрашивай, потом все расскажу, мне работать надо. Ты мне скажи, сможешь приехать?

-Спрашиваешь еще! Ни за что не пропущу эти бразильские страсти. У нас в академии у всех тухляк по сравнению с твоей бурной личной жизнью. –хохотнула она.

-Сама офигеваю. –призналась я с усмешкой, но тут же хватилась, - Только ты что-нибудь не слишком вызывающее привези.

-Не слишком вызывающее что...? Стояк? –захохотала она над собственной шуткой, я же чуть не подавилась от такой пошлятины.

-Фу, как пошло. –укоризненно сморщилась я.

-Ой, ну, простите, я и забыла, что ты у нас чиста, аки дочка священника. Ладно, жди меня, ты сегодня в первую смену же ? В три подъеду, нормально будет?

-В самый раз.

Попрощавшись, убрала телефон и поспешила в курилку, у меня еще было пять минут, чтобы выкурить сигаретку. В последнее время я пристрастилась к никотину. Ничего хорошего в этом нет, но честно, мне иногда это нужно.

-Ян, я тебе вчера не мог дозвониться ночью. Ты в порядке?- подошел сразу же ко мне Стас и начал тот самый разговор, которого я так боялась. Тяжело вздохнув, я молча кивнула, стараясь не смотреть на парня, мне было перед ним неудобно. Мало того, что вчера Олег обошелся с ним не очень красиво, так сегодня я, как последняя трусиха избегала его. Но если у меня еще были шансы как-то красиво объяснить произошедшее, то после подаренного букета об этом можно не мечтать.

Я не знала, с чего начать разговор, да и вообще, что сказать, поэтому продолжала просто курить, хотя хотелось сквозь землю провалиться. Было отчего-то стыдно, словно я сделала нечто плохое, но разве я ему что-то должна или обещала?

Так-то оно так, но чувство неловкости и стыда не исчезало. Правда недолго мне пришлось мучиться, как только Стас начал говорить, меня

затопил гнев.

-Я конечно, не дурак, и все понимаю, Ян. Но ты могла бы и сказать, что у тебя уже кто-то есть, а не пудрить мне мозги. –набросился он на меня, отчего я подавилась дымом и едва не отдала Богу душу, кашляя. Стас стучал мне по спине так, что моим ребрам чуть хана не пришла. Но пока я вытирая слезы, приходила в себя, мое негодование от этих необоснованных нападок испарилось и уже спокойно ответила;

-Стасик, давай, не будем драматизировать?! Обманывать тебя у меня и в мыслях не было, просто так получилось, я сама не ожидала. Мне бы не хотелось, портить с тобой отношения, поэтому давай оставим все, как есть.

Он собирался что-то ответить, но тут вошла змеища и я впервые была ей рада, даже когда она злобно прошипела;

-Токарева, ты долго прохлаждаться будешь? Я сейчас оштрафую тебя и дело с концом! Марш в зал.

Я без лишних возражений побежала работать, хотя у меня еще было пара минут в запасе.

Последующие часы тянулись бесконечно долго, но наконец-то, в Де Марко вошла Лерка. Закончив работу, я поспешила к подруге. Лерка, как всегда выглядела хорошо; одета просто, но со вкусом, только вот ее огромная сумка, набитая до отказа, меня пугала.

-Ну, и видок у тебя мать. – прокомментировала подруга, осмотрев меня с ног до головы, пока мы шли в раздевалку.

-Чего?! –возмутилась я, открывая дверь.

-Ни фиги, с расческой ты кажется не знакома, но светишься, как рождественская елка. –улыбнулась она. Я расплылась в мечтательной улыбке и указала на букет.

-О, так у вас тут все серьезно, как я посмотрю, - усмехнулась она, рассматривая цветы.

-Так что случилось? –спросила я, снимая униформу.

-Нет, сначала ты рассказывай, что там у тебя за сутки произошло, заодно переодевайся. – распорядилась она, протягивая мне сумку. Я с опаской посмотрела внутрь, а потом осторожно начала вытаскивать вещи и раскладывать их на кресле, сверля Лерку бешеным взглядом.

-И что это? – простонала я, глядя на кожаные брюки и боди с прозрачными вставками, ко всему этому прилагались ботинки на высоченном каблуке и косуха. Безусловно, наряд сногшибателен, для вечеринки самое то, но никак не для свидания с солидным мужчиной.

-Это девочка моя, очень большая проблема для Саньча. Пусть любит и представляет, чем его судьба столь щедро одарила. Бедный мужик, сегодня его ждет встреча с его левой или правой, если ты конечно, не решишь уже расстаться со своим статусом девочки. –хохотнула подруга, я же обессиленно рухнула в кресло.

-Мне нужен ресторан, где ни черта не видно.- обреченно выдохнула я.

-Отличная идея, есть у нас такой, вам там однозначно понравится. – прицелкнула подруга, я же непонимающе уставилась на нее. Энтузиазма Лерки я не разделяла, мне вообще все это казалось катастрофой. Гладышев и так не особо высокого мнения обо мне, а когда увидит в этом прикиде, то окончательно удостоверится в нем. Боже, что же делать? Хоть иди в своем старье, а может, вообще все отменить?

-Ну, ты че скисла-то, Ян? Померь. Классно смотрится и не вызывающе, разве что мужики будут стоять в режиме «стэнд-бай».

Я бросила на нее недовольный взгляд, и она тут же замолчала, шутливо шлепнув себя по губам.

Пока я переодевалась, подруга рассказывала мне про какой-то ресторан, где едят в абсолютной темноте. Вся суть подобного заведения сконцентрироваться на ощущениях и чувствах. Лерка целых минут десять расписывала достоинства ресторана, но решающим стало то, что мы абсолютно не будем видеть друг друга. Я еще чувствовала неловкость, скованность в обществе Олега, а подобная уловка поможет расслабиться и раскрепостится, иначе я вряд ли смогу что-то связное сказать, сидя

напротив Гладышева, который наверняка будет сверлить насмешливым взглядом. Что же, устройю ему сюрприз.

-Ну, это хоть приличное место? – единственное, что я спросила, после излияний Гельмс.

-Конечно! Это крутой ресторан. Будем надеяться, что Саныч там еще не был, а то эффект не совсем тот получится. –предостерегла она меня, я же еще сильнее заволновалась.

-Ну, как? – спросила больше для вида, боясь посмотреть в зеркало. Гельмс одобрительно кивнула;

-Охренено, он -твой без вариантов!

Я засмеялась. Лерка как всегда-неподражаема в своей простоте.

Но взглянув на свое отражение, я поняла, что она не соврала. Я выглядела стильно, сексуально, но не вульгарно. Едва сдерживаю глуповатую улыбку и просто без слов обнимаю Лерку.

-Спасибо, Лерунь.

-Фирма веников не вяжет. – отсалютовала она мне.

Я еще несколько минут покрутилась перед зеркалом, разглядывая свое тело, каждый изгиб, которого был соблазнительно подчеркнут мягкой кожей, шелком и кружевом, пока Лерка не хлопнула в ладоши.

- Так садись, я тебя накрасу, а ты пока расскажешь, что там вчера произошло.

Так мы и сделали. Я пересказывала события прошедшего дня, а также предыдущие, связанные с Олегом, Лерка за это время сделала мне «smokey eyes» и выпрямила волосы утюжком. Змеещу бы удар хватанул, если бы она узнала, что раздевалка превратилась в салон красоты, но благодаря Ксюхе, отвлекающей ее по мелочам, наша управляющая пребывала в счастливом неведение, а я в относительном спокойствие. Хотя с каждой минутой мое волнение нарастало. Живот сводило, руки тряслись. Мне казалось, что я превратилась в один сплошной комок нервов. Я боялась, что

затея с рестораном окажется провальной, боялась, что Олегу не понравится. Также меня страшила мысль о том, что я могу показаться ему скучной, маленькой или глупой. Видимо, мои переживания были на лицо, потому что Лерка взяла меня за руки и в своей прямолинейной манере сказала;

-Токарева, не дрейфь! Он уже на крючке, и пока не трахнет, однозначно, не сорвется, иначе его бы уже ветром сдуло. Поэтому постарайся подольше держать его в подвешенном состоянии.

Ее речь меня, конечно, несколько не обнадежила. Совсем иного отношения я хотела от мужчины, который мне не безразличен. Чтобы отвлечься от тяжелых дум, я решила переключиться на проблемы подруги и конечно же, воспользоваться новообретенным антидепрессантом – сигаретами.

-Пошли покурим. –предложила я ей, когда мы прибрали за собой все и собрались уходить.

-Токарева, я не узнаю ту скромницу, которую встретила летом.- наигранно ужаснулась она. Я закатила глаза и ткнула ее в бок.

-Пошли, как раз расскажешь, из-за кого сопли распустила.

-А букет, что здесь оставишь?

-Придется, иначе тетя Катя мне пинка даст и домой отправит.- с сожалением ответила я и тут же достала телефон, чтобы предупредить крестную, что задержусь.

-Капец, вот она тебя пасет. –усмехнулась подруга, я лишь тяжело вздохнула и позвонила тете Кате, без всякого смущения соврала, что сегодня буду работать в две смены. Сама загнала меня в такую ситуацию, так что без обид.

Когда я решила с крестной вопрос, мы вышли на улицу через черный ход, и немного отойдя от ресторана, закурили.

-Короче, я совсем поехала на Максе. –начала Лерка без предисловий.

-Кто это? –машинально спросила я, делая глубокую затяжку, чтобы хоть как-то унять сосущее ощущение под ложечкой. Время было почти четыре, и я начала паниковать.

-Божество танца, ходячий секс, бриллиантище МГАХ, короче, самый охрененный парень, которого я видела. –пояснила подруга ровным голосом.

-А. –только и смогла я выдавить из себя, ошеломленная столь высокой характеристикой. –Ну, ты по-моему, на нем давно помешалась.

-Но теперь все иначе. Я же тебе говорила, у нас ажиотаж -отбор лучших танцоров? По четыре с каждого курса для постановки в Большом, можешь себе представить? Макс один из лучших , его кандидатура даже не обсуждается. А меня на прошлой недели выбрали в числе тех самых четырех , я тебе, кажется, говорила.

Я рассеянно кивнула, припоминая что-то такое. Было немного стыдно, что я забыла со своими переживаниями о столь важных событиях в жизни подруги. Точнее не забыла, я просто старалась о них не думать, так как мне становилось горько, что я должна быть сторонним наблюдателем исполнением собственной мечты. Как не противно признавать, я завидовала, бесилась от сознания, что теряю драгоценное время, когда могла бы выступать в Большом театре.

-Он теперь часто с нами тренируется. Ну, и я с ним познакомилась. Янка, он такой классный, он просто нереальный. Я его как вижу, у меня просто коленки подгибаются, но дело не только в том, что он красавчик, он по общению такой чел улетный. Он конечно, сволочь высокомерная. Ну, еще бы, бабы его разбалывали! Но работать с ним кайф, да вообще рядом с ним кайф. –тараторила подруга восторженно, я же не могла узнать свою Лерку.

-Гельмс, ты реально помешалась. Давай опустим список достоинств этого куска мужского совершенства и перейдем к главному-из-за чего ты набралась. Я не думаю, что причина лишь в охерительности данного субъекта, если ты, конечно, не окончательно съехала. –немного иронично отозвалась я, Лерка же захохотала.

-«Куска мужского совершенства», ты жжешь Токарева. – прокомментировала она, давась смехом, я тоже не удержалась и начала смеяться. Хохотали мы довольно долго, не в силах остановиться.

-На самом деле, я просто как дура себя повела. –заикаясь, выговорила подруга, когда мы пришли в себя. Я молчала, ожидая пояснений. Что-что, а с этим «повела себя, как дура» я хорошо знакома. – В общем, я в друзья ему набивалась; всячески к нему с разными предложениями и вопросами, просьбами и так далее. Ну, короче ты поняла. Бегала за ним-одним словом. Ну, он конечно, флиртовал со мной, хотя он со всеми флиртует. А вчера смотрю к академии какая-то престарелая фифа подъехала на «крузаке» и звонит кому-то. Через минут пять выходит Макс и к этой бабке. Боже, ты бы видела их. Он ее давай лапать, а она хихикает, как идиотка.

-Мда. –только и могла я произнести, представив молодого парня почему-то с семидесятилетней старушенцией, хотя понимала, что там наверняка женщина лет сорока, которая смогла бы и нам дать фору. – Значит, альфонс твой Макс, оказывается. –подвела я итог. –Ну, зато, узнала сразу, теперь выкини из головы и живи дальше. Ничего же не было. – попыталась я успокоить подругу, сомневаясь, что так уж «ничего не было», но она лишь фыркнула.

-Да на то, что он трахает старуху ради денег, мне пофиг. Каждый выживает, как может. Просто ревность душит. Но я не опускаю рук. Вот увидишь, он еще будет моим. –пообещала Лерка оптимистично. Я же смотрела на нее удивленно. Казалось странным, что подругу не отталкивают подобные качества в мужчине. Хотя с другой стороны, почему мы сразу вешаем ярлык «трахает из-за денег»? А может, и не из-за денег вовсе. Взять хотя бы наши отношения с Олегом, уверена, и про меня будут говорить, что я с ним из-за денег, а слышать это довольно неприятно и вообще удивительно, учитывая, что он привлекательный мужчина в самом расцвете сил. Не спорю, деньги играют определенную роль, но лишь, как показатель того, что человек уже состоявшаяся личность, отвоевавшая свое место под солнцем, а это говорит о многом. Любой невольно тянется к лидерам, это восхищает. Может, и этот парень влюблен в ту женщину, как и она в него. Может, рядом с ним она чувствует себя моложе, красивее, желаннее. Почему нет? Конечно, вслух говорить я этого не стала, дабы не раздражать Лерку, а лишь пожелала ей удачи в завоевании ее «божества».

Мы докурили, увидев, сколько время, я ахнула; опять опаздываю. Написав на бумажке Леркин адрес, чтобы избежать казусов, как в прошлый раз, зажевала жвачку и поспешила на парковку. Волнение и страх накатили с новой силой, как я не старалась успокоится.

Гладышев как раз парковался, когда я подошла. Увидев его, на моих губах расцвела улыбка. Он ухмыльнулся, оглядев меня с ног до головы ленивым взглядом, от чего мое сердце заколотилось, как сумасшедшее, но я была так рада его видеть, что даже забыла о неловкости. Не медля подошла к машине и открыв дверь, вдохнула с ума сводящий меня запах, замерла иноком, поедая глазами моего вкусного мужчину и в очередной раз поняла, что только с ним могу летать, парить на своей никому не понятной эйфорической волне. Я смотрела, тонула в его лазурных глазах и не могла насыщаться им. Впитывала каждую деталь: сегодня он идеально выбрит и кажется совсем молодым, коротко подстрижен, что добавляет в его образ строгость. Мне больше по душе, когда он обросший и пепельные волосы беспорядочно вьются, делая его лицо мягче, добрее. Сейчас же оно кажется жестким. Одет он, на сей раз, не консервативно; в темных джинсах, как и я - в кожаной куртке, под ней кажется джинсовая рубашка. Повседневно, но элегантно. Ну, теперь хоть смотреться мы будем более менее гармонично.

-Поехали, насмотришься еще. –развеял все очарование Гладышев своей пренебрежительной фразой. Я закатила глаза, скрывая смущение и села в машину. Чудовище, блин. Вот не может, чтобы не испортить все.

Но виду не подавала, что меня его реплика смутила. Поборов в себе неуверенность, потянулась к нему, чтобы поцеловать, но и тут меня ждал облом. Олег отстранился и совершенно невозмутимо завел машину. Мы выехали с парковки. Я не знала, куда деться от стыда. Откинувшись на спинку кресла, отвернулась к боковому окну, прикусив дрожащую губу. Как быстро взлетаю рядом с ним, также быстро и больно падаю. Станный он человек, переменчивый. Происходящего я не понимала, а спрашивать не хотелось, и все же пересилила себя и резко повернувшись, обрушилась на Олега, с безмятежным выражением лица, ведущего машину;

-И что это за игры?

Он искоса глянул на меня, приподняв бровь и невозмутимо ответил;

-Никаких игр.

-О, ну, тогда объясни мне, что это означает! То ты предлагаешь провести с тобой ночь, то шарахаешься, как от прокаженной....

-Если бы ты перестала истерить, то вспомнила, что я говорил про поцелуи с курящими бабами. Ну, и на заметку-я не люблю сюсюкаться на людях. –прервал он меня. Все это он говорил таким тоном, будто втолковывал прописные истины нерадивому ребенку. Меня начало трясти от бешенства.

-И что, теперь предлагаешь бросить курить, чтобы угодить тебе? –связвила я.

Гладышев усмехнулся и покачал головой.

-Ничего я не собираюсь тебе предлагать, это твое дело. Свое желание я озвучил, а дальше делай, что хочешь ; либо бросай и облизывай, сколько твоей душе угодно, либо кури, но не лезь ко мне. Надеюсь, это ясно?!

Что я могу на это ответить? Все справедливо, но до слез обидно. Вроде бы выбор и вроде бы его по сути нет. Конечно, бросить –не проблема, я не зависима, курю по настроению, но во мне проснулся дух противоречия. Больно нужен, целовать его!

-Вы на редкость доходчиво объясняете Олег Александрович.- язвлю снова.

-А ты на редкость красивая девушка. Выглядишь потрясающе. –парирует он мягко, а затем ласково проводит костяшками пальцев по моей щеке. Я же ошарашена таким беспардонным способом ликвидации возмущения, и ведь действительно потихонечку начинаю оттаивать. Да уж, Олег Александрович знаете вы, на какие кнопки жать.

-Очень хорошая тактика. –одобряю я с улыбкой.

Гладышев весело подмигивает и наклонившись, насмешливо сообщает;

-Главное-действенная.

Смотрю на его губы и не могу не воспользоваться возможностью взбесить его. Остановка на светофоре только способствует моим планам. И хотя до ужаса боюсь, все равно резко притягиваю его за шею и смачно целую в губы. Гладышев, кажется, обалдел от моей выходки, но я не дала ему времени опомниться; прикусила его нижнюю губу и прошептала, невинно хлопая ресницами;

-Прости, не удержалась.

Олег собирался что-то ответить, но сзади нам раздраженно засигналили, и мы поехали дальше. Гладышев сосредоточенно вел машину, я же довольно улыбалась.

-Куда, кстати, поедим? –спросил он спустя пару минут.

Я тоже только хватилась. Молодцы мы.

- Куда –куда?! В приличное место. – отвечаю я иронично.

-А, ну, я очень надеюсь на это. И где это место?

-Недалеко отсюда, на Октябрьской.

Через минут десять мы припарковались у ресторана « В Темноте?!» .

Олег скептическим взглядом посмотрел на это заведение, я же начала нервничать. Куда мы идем и как там все проходит я не имела ни малейшего представления, поэтому отчаянно молила Высшие Силы, если Они есть, чтобы этот вечер не стал провальным.

Но, несмотря, на все мои сомнения и страх, с улыбкой выхожу из машины.

-Значит, будем ужинать в крошечной тьме. –резюмирует он, включая сигнализацию.

-А ты уже здесь был?- спрашиваю с досадой в голосе, он не спешит с

ответом, зная, что я сгораю от нетерпения. Подходит ко мне и с усмешкой на губах развеивает мой страх;

-Нет, но слышал про это заведение.

- А, ну хорошо. Я тоже не была. – выдыхаю с облегчением. Олег кладет мне руку чуть ниже пояса и подталкивает к ресторану.

-Пошли, посмотрим, в чем фишка.

Его ободряющий тон наполняет меня теплом, а рука покоящаяся уже почти на мое попе, раскаленным железом обжигает сквозь одежду, вызывая у меня дрожь и волнение.

В холе нас встретила администратор и начала петь о том, что нам очень повезло, так как есть незабронированные вип-места. Естественно, мы тут же на них согласились; во-первых, не хотелось сидеть за общим столом с чужими людьми, а во-вторых, выбора у нас особого не было, если мы хотели попасть в этот ресторан. А мы хотели, нам стало любопытно, ну, мне точно. Я слабо себе представляла, как это кушать в абсолютной темноте, дабы ощутить, как себя чувствуют слепые. Как только мы разобрались с местами, администратор начала спрашивать, какое меню мы предпочитаем. Выбор оказался не велик ; синее, красное, зеленое, белое. Что конкретно включает в себя это меню, нам не поведали, только указали, что синее-рыба, морепродукты, красное-мясо, зеленое –вегетарианское, а белое –всякое-разное.

-Ты что будешь?- после нескольких минут раздумий, спросила я у Олега.

-Давай, белое. Попробуем угадать, что там намутили. – предложил он с таким видом, как будто мы решили пойти ва-банк.

-Да ты рискованный парень. – подколола я его.

-По-моему это очевидно, раз с тобой связался. –ответил он мне тем же, за что я ткнула его в бок. Олег театрально застонал, улыбаясь при этом.

-Дерьмовый из тебя актер, Гладышев.

-Я тебе рот промою с порошком, будешь так еще выражаться. – пригрозил он.

-Тиран!

Администратор едва сдерживала смех, наблюдая за нами.

Настроение было игривое. Даже если этот ресторан окажется полнейшим разочарованием, не сомневаюсь, что мы с Олегом отлично проведем время, хотя с ним ни в чем нельзя быть уверенной. Но что-то мне подсказывает, если Гладышев в добром расположении духа, то веселье обеспечено. У него сложный характер, но ни что человеческое ему не чуждо.

-Так, давайте нам «всякое-разное» и отведите уже нас в эту свою «темноту», пока мы не поубивали друг друга.-смеясь, поторопила я администратора.

-Конечно, только нужно сразу рассчитаться. –вежливо отозвалась она, протягивая счет. От цены я мягко говоря, в шоке. Нет, я конечно, в курсе, что Москва-самый дорогой город в мире, но отдать восемь тысяч рублей за ужин на двоих-это просто немыслимо. С ужасом подсчитываю, сколько взяла с собой денег, ведь платить должна я, но Олег уже протянул карту администратору, избавляя меня от конфуза. И все же для вида я не могла не прокомментировать этот момент.

-Вот даже не надейся, что я соглашусь возвращать должок. Сам вызвался платить, я не просила.

Все, кто был в холле, уставились на меня таким шокированным взглядом, что мне стало до ужаса стыдно, когда сообразила, как мои слова можно расценить.

Гладышев же веселился от души, хотя я ожидала, что на его лице будет написано презрение или раздражение.

-Сочтемся, Чайка. –пообещал он, подмигнув.

-Звучит как-то двусмысленно. –буркнула я, когда мы отошли от администратора.

-Ну, не более, чем ты выдала. –хохотнул он. Я покраснела еще сильнее, но от необходимости что-то отвечать, меня избавил подошедший официант и голосом воспитателя детской группы начал объяснять нам, что бояться нечего, надо только положить руку впереди стоящему на плечо и медленно и осторожно идти за ним. Мы выстроились в шеренгу. Олег встал сразу за официантом, а я за ним.

Кладу дрожащую от волнения руку ему на плечо и не могу сдержать смешок.

-Я чувствую себя дурой. –шепчу ему на ухо, чуть-чуть пристав на носочки. Не смотря на то, что я на каблуках, Гладышев выше на полголовы.

-Неужели?! –раздается саркастический ответ. Я вновь пихаю его в бок. – А ты агрессивная девочка.

-Да, так что думай, прежде, чем сказать что-то. –предупредила я его, едва касаясь губами уха, вдыхая аромат его парфюма. От этой близости у меня сбилось дыхание, а напряжение достигло апогея. Гладышев тоже, кажется, напрягся.

Но сконцентрироваться на этом мне не удастся, наша шеренга начинает двигаться.

У меня же ощущение как будто я сейчас не просто в темный зал войду, а на луну полечу. Тревога и страх окутывают плотным кольцом, когда мы пересекаем границу между тьмой и светом. Я неуверенно ступаю в абсолютно непроницаемом, каком-то ватном пространстве. Вцепившись в плечо Олега, стараюсь не оступиться. Понимание того, что, как ни напрягай глаза, не увидишь ни намека на очертания, будит во мне легкую панику. И конечно же, как назло я обо что-то запинаюсь, но Гладышев придерживает меня одной рукой, даже не обернувшись.

- Аккуратнее. –предостерегает он.

-Ну, попробуй пройти на таких каблучищах. –огрызнулась я, в ответ

раздался тихий смех.

Мы двинулись дальше. Я же оглядывалась по сторонам, пытаюсь хоть что-то разглядеть, но тщетно. Слух и тактильные ощущения обострились, у меня было чувство, что пространство надвигается на меня, чем я не преминула поделиться с Гладышевым.

-Что-то мне страшно, чувство, что сейчас задохнусь.

-Это у тебя стресс от отсутствия “картинки,.. Боишься замкнутого пространства?

-Да вроде бы не замечала. –отозвалась я слишком громко.

-Ну, зачатки все же есть. Это нормально, подожди, сейчас все начнут громко говорить, смеяться и шутить. –пообещал Олег.

-А ты психолог что ли?

-Не психолог, но психологией увлекался.

Пока мы болтали, нас довели до столика и стали рассаживать, я сразу же попросила, чтобы меня посадили рядом с Олегом, а не напротив , так как сидеть одной в крошечной тьме было некомфортно.

-Дискомфорт еще не прошел? –поинтересовался Олег, когда я села рядом с ним.

-Нет. А ты как себя чувствуешь?

Пододвигаюсь ближе к нему, пока мое бедро не соприкасается с его, что вызывает у меня волнение и легкое возбуждение.

-Не знаю, необычно. –отозвался он неопределенно. Я же осторожно прикоснулась к нему и пощупала плечо. Мне почему-то показалось, что он улыбается, о чем я и спросила;

-Ты улыбаешься?

-С чего ты взяла?!-возразил он, скорее чтобы подразнить меня. Теперь я была точно уверена, что улыбается.

-Просто знаю и все! –уверенно сообщила я.

-Ты возмущена.- последовало утверждение, а не вопрос. Но только я собиралась спросить «с чего ты взял?», почувствовала, как его рука скользнула между моих ног. Я задохнулась, но не от возмущения. Ребром ладони он бесстыдно провел по самому сокровенному месту, вызывая у меня жар и дрожь. Было ощущение, что загорается каждая клеточка моего тела. Я шумно втянула воздух, что вызвало у него довольный смешок.

-Нет. –шепчу, но в этой непроглядной тьме даже дыхание кажется громким. Дрожащими пальцами перехватываю руку Олега и крепко сжимаю, но не отстраняю.

-Возбуждена?- поинтересовался он насмешливо. К щекам прилила краска стыда, а тело наполнилось истомой. От его вкрадчивого шепота я возбудилась еще сильнее, увлажнилась. Меня смущало и в тоже время заводило, что вокруг шумят люди; где-то справа громко и нервно смеются какие-то женщины, слева мужчина периодически остроумно шутит, чуть поодаль хихикают девушки. Откуда-то оттуда же слышно громкий, очень громкий разговор какой-то веселой компании. Но все это кажется далеким, размытым фоном острых ощущений, которые мне дарит Гладышев.

Прерывистое , частое дыхание, бешеный стук сердца, кровь, стучащая в висках, обжигающее тепло его пальцев и запахи ; мой-сладкий и даже немного приторный, его-сдержанный и в тоже время терпкий. Я четко ощущала границу между ними. Мне хотелось, чтобы она стерлась, и одновременно, боялась этого. Любое, малейшее движение подобно электрическому разряду. Не понимаю, чего желаю больше. Мне страшно сделать что-то лишнее и в тоже время хочется рискнуть. Бесцеремонность Гладышева заводит, но я понимаю, что так не должно быть на первом свидании. Разрываюсь между извечными «как хочется» и « как надо». Но вспомнив разговор с Леркой, окончательно уверилась, что не могу дать волю своим сокровенным, неприкрытым никакими страхами желаниям, если хочу действительно заинтересовать этого мужчину. Поэтому собрав волю в кулак, отстраняю его руку. И как можно спокойней отвечаю;

-Скорее напугана. Не ожидала, что ты распустишь руки.

-А чего ты ожидала, вырядившись подобным образом? Я из плоти и крови, Чайка.

-Ну, прямо классика жанра: первопричина все мужских косяков – женщина.-сыронизировала я, нервно нащупывая салфетку, все еще приходя в себя и машинально думая, какого эта салфетка цвета.

-Так и есть. – безапелляционно согласился он.

-Даже спорить не собираюсь на эту тему. –фыркнула я, ощупывая все, что попадалось под руку; приборы, стаканы, бутылку с водой.

-И не надо, лучше попробуй налить воду в стакан, а не мимо. Ставлю сотню, что промажешь. –подначивает он меня, переводя разговор в безопасное русло, я же поразилась его умению легко замять конфликт.

-Ага, значит, ты любитель азартных игр. Сколько нового я о тебе узнала за один вечер. Ну, давай, попробуем. – принимаю я его вызов.

-Только наливай так, чтобы горлышко бутылки не касалось стакана. – ставит он условие и похлопав меня по руке, обхватывает стакан, чтобы контролировать, как я справляюсь с задачей.

Нащупываю бутылку с водой, а потом стакан, горя жгучим желанием выиграть пари. Дрожащей рукой открываю крышечку, еще раз соотношу расстояние между стаканом и бутылкой, а после начинаю наливать.

И победа уже была у меня в руках, пока кто-то не заорал на весь зал ;

- Ой! Кто это там? Сергей?!

Я вздрогнула и тут же чертыхнулся Олег ;

-Черт, ты мне рубашку облила.

-Ну, сам напросился.

-С тебя сотка.- довольно парирует он.

-Так не честно, меня напугали.

-А кого это волнует? –смеется он, я же обиженно вздыхаю.

-Ничего, мы еще поквитаемся. –пообещала я.

В это же время появляется первое блюдо. Именно появляется — официант вошел бесшумно, и я просто нащупываю перед собой тарелку, которой еще минуту назад не было. Мы принимаемся за еду, хотя мне как — то не по себе, от того, что я не знаю, что в моей тарелке. Некоторое время я пытаюсь пользоваться приборами, но еда либо ускользает, либо я проношу ее мимо рта.

-Блин, приборами есть совершенно невозможно. –раздраженно сообщаю я и слышу смешок Олега.

-До тебя только дошло?

-Ну, не руками же?!

-Именно руками. Открой рот. – дал он указание, я нервно сглотнула и неуверенно последовала ему.

Щеки коснулись его холодные пальцы, я вздрогнула и задрожала, сердце ухнуло с огромной высоты, когда он медленно обвел большим пальцем, который был в солено-остром соусе контур моих приоткрытых губ.

-Шире.- прошептал он, обдавая меня горячим дыханием. Я подчинилась, Олег же ласково прошелся языком по моим губам, слизывая соус.

-Так ведь вкуснее?- усмехнулся он, отстраняясь, от чего я едва не застонала. Мне было этого мало, а он словно знал это и тихонько прошелестел, лаская мою кожу своим дыханием. – Не торопись, смакуй. Так ощущения острее, четче.

Я судорожно вздохнула, чтобы тут же задохнуться, когда он поднес к моим губам что-то гладкое, округлой формы. Но как только я открыла рот, чтобы откусить, тут же коснулся этим «чем-то» кончика моего носа. Несколько минут Гладышев дразнил меня, пока я не укусила его за пальцы, раздавливая черри. Прохладный томатный сок брызнул в рот, вызывая у меня мурашки по коже и обжигающую волну возбуждения от данной игры и близости, стирающей границы личного пространства. В эту минуту не было смущения, стыда или неловкости. Мрак ничего не оставлял, кроме истинных желаний. Не было насмешливого, сдержанного Гладышева, не было меня, боящейся сделать что-то не так. Здесь и сейчас только мужчина и женщина, погруженные в чувственный, примитивный мир прикосновений и зова тела. Мир, в котором нет места фальши и морали. Животные инстинкты и неистовые желания вышли на первый план, и мы им не сопротивлялись, продолжая игру.

Олег кормил меня, дразня и мимолетно лаская губы. Все ощущалось иначе; вкус был ярче, приправленный безумным возбуждением и диким влечением. По венам бежал огонь, голова кружилась от дезориентации и невероятных эмоций. Между ног было горячо и влажно, хотя Гладышев даже ни разу не коснулся моего тела. Ничего, кроме губ. Но его тихий смех, вкрадчивый шепот и горячее дыхание доводили меня до состояния ломки, я едва не стонала, когда посасывала его пальцы. Радовало одно, что я не одинока в своем неистовом желании и Олегу также хреново, как и мне. Это я поняла по обреченному смешку и тяжелому вздоху, после того, как он в очередной раз поцеловал меня, точнее попробовал на вкус мои губы, испачканные в меде.

-Какая ты сладкая Чайка... -он замолчал, словно боялся сказать что-то лишнее, я же застыла в ожидание продолжения, но его не последовало. Вместо этого я почувствовала, что Олег поднялся со своего места.

-Пойдем, секс в общественном месте-не в моих правилах.

Эта реплика привела меня в чувство. Хоть тело и горело от неудовлетворенного желания, ныло, наполненное истомой, но я определенно не собираюсь переспать с Гладышевым в первый же вечер.

Мы молча покинули ресторан, оставшись вполне довольные теми ощущениями, которым он поспособствовал. Данное заведение, конечно, не

подходит для разговоров по душам, но как развлечение –самое то. А мы, в первую очередь, хотели именно повеселиться. Хотя мне и не терпелось узнать об Олеге, как можно больше, я решила, что постепенно придем и к этому. Главное – не торопится.

Когда мы вышли из темного зала, полчаса просидели в баре, привыкая к свету. Разговор не клеился. Если честно после всего, что происходило там, мне было даже стыдно взглянуть на Олега. Он же казался невозмутимым, попивая сок. Наверное, также чувствуют себя люди после случайного секса. То, что происходило между нами равнозначно близости. Пусть я не знаю многих нюансов, но мне знаком вкус этого мужчины, его запах, ритм дыхания, когда он возбужден, я наизусть знаю каждую черточку его пальцев, досконально изучив их языком. Подобное должно быть известно немногим, это слишком личное. И у меня вызывает особое удовольствие, что я принадлежу к категории «личное» в жизни Гладышева. Хоть мне и хочется большего, но пока я довольна и этим.

Украдкой, словно вор слежу за ним, пытаюсь представить выражение его лица, когда он проделывал все те умопомрачительные вещи со мной, но как не стараюсь, не могу. Только сейчас понимаю, что хочу видеть его в столь интимные моменты. Пока же все было несколько обезличено, но от этого фантазия разыгралась не на шутку, подкидывая все новые и новые картинки, которые я старалась блокировать.

-Может, прогуляемся?-предложила, когда Олег допил сок, и мы окончательно пришли в себя.

-Давай. –согласился он, подхватив куртку.

Холодный, вечерний воздух обжег разгоряченную кожу, стоило нам выйти из теплого фойе ресторана.

Некоторое время мы шли молча, но продолжалось это не долго.

-Ну, расскажи о себе что ли. Что привело тебя в официантки? – нарушил он наше молчание, а после иронично добавил.-Поведай мне свою драматическую историю.

-С чего вдруг такая уверенность, что моя история драматична?

-У всех официанток она полна драматизма, не от хорошей ведь жизни драят столы.- очередное безапелляционное заявление, звучащее как-то насмешливо, что меня разозлило, но виду я не подала.

-Это мне сейчас напоминает первый разговор графа Рочестера и Джей Эйр, когда он просит ее рассказать о горькой судьбе, приведшей ее в гувернантки. Читал Шарлотту Бронте?

Гладышев неопределенно хмыкает, а я продолжаю.

-Я же подобно ее героине, в своей жизни особой драмы не нахожу.

-И все же драма в ее прошлом присутствовала. – возразил он.

-А, так значит, ты читал. – улыбнулась я этому открытию.

-Доводилось. –уклончиво ответил он.

- И как впечатления?

-Да никак, очередная бестолковая сказка о Золушке, не отличающейся особой красотой. – равнодушно отозвался Олег.

-А мне понравилось. –сообщила я с самодовольной улыбкой, заглядывая ему в лицо.

-Ну, в этом я даже не сомневаюсь. –хохотнул он, закатив глаза.

-Кстати, Рочестер был таким же противным занудой, как и ты. – подначиваю его. К этому моменту неловкость, возникшая между нами после выхода из ресторана, сошла на «нет» и вновь стало весело и хорошо, как будто все, что было «В темноте?!», было вовсе не с нами.

-Слава Богу, что ты красива, не в пример ее героине, а то я к великому моему сожалению, не обладаю пронизательностью героя и вряд ли с ходу бы разглядел красоту твоей тонкой душевной организации. –высокопарно парирует он, вкладывая в голос убойную дозу сарказма. Но меня его речь смешит.

-Ну, а какие же книги любишь ты?

-Разные. –ответил он в своей излюбленной манере, что меня выводит из себя.

-А конкретнее; самый любимый автор, книга, например? – допытывалась я.

-Любимых несколько ; Ремарк и его Триумфальная арка, Достоевский «Униженные и оскорбленные» и Драйзер со своей Американской трагедией. Это тебе что-то дало? – спросил он несколько высокомерно, но я не стала принимать это слишком близко к сердцу, в очередной раз повторяя про себя, что он просто очень сложный человек.

-Нет. Но я прочитаю. – ответила я невозмутимо, вызывая у него изумление.

-Зачем?- удивленно спросил он.

-Просто, чтобы понять, что тебе нравится. –улыбнулась я ему, он пару секунд смотрел на меня каким-то странным взглядом, а потом усмехнулся своим собственным мыслям и вернулся к тому, с чего мы начали.

-Так что поспособствовало выбору профессии?

-Странно, что ты задаешь такие глупые вопросы. Конечно же, банальная нехватка денег. Я приехала из Рубцовска....-начала было я, но он меня прервал;

-О, так мы с тобой земляки.

-Ты тоже с Рубцовска?- изумленно воскликнула я.

-Упаси Боже, хотя наша деревня не лучше. Я с Бийска.

-Ну, надо же. – потрясенно резюмировала. Почему-то я была уверена, что он коренной москвич. –А тебе повезло, хорошо устроился. –заклчила, глядя на него, но тут же осеклась, заметив холодный взгляд.

-О, нет, мое благосостояние –это результат не везения, а двадцати лет беспросветного труда.

-А сколько тебе лет?- брякнула я совершенно не в тему, зацепившись за «двадцать лет труда».

-Тридцать семь. – коротко ответил он, отчего я присвистнула.

Вот тебе раз! Он же почти ровесник моей мамы. Офигеть! –больше я никаких слов не находила. Нет, мне конечно, абсолютно до лампочки его возраст, но все же девятнадцать лет разницы-впечатляли.

-Итак, ты приехала покорять Москву, но что –то пошло не так...- начал он додумывать, раздражая меня своей самодовольной рожей. Захотелось утереть ему нос.

-Вообще-то, все у меня пошло так, как надо! Приехала, поступила в МГАХ, как и планировала, нашла подработку-вот и вся история.

Знаю, знаю, что не стоило обманывать, но признаться кому-то, что меня выгнали с позором на экзамене, было подобно смерти, тем более ему.

-Так и знал, что ты связана с танцульками. –отпустил он не очень лестный комментарий.

-С искусством, а не «танцульками»! –поправила я его, Гладышев закатил глаза, всем своим видом показывая, что он об этом думает.

-И как только все успеваешь. – покачал он головой.

-Кушать захочешь, все успеешь. –философски заметила я.

-Это точно. –согласился он. Я же довольно улыбнулась; впервые мы пришли к общему знаменателю, но недолго длился мир в Датском королевстве. Не прошло и несколько минут, как за нашей спиной раздался гнусавый голос, зовущий Олега.

Мы одновременно обернулись. Переходя через дорогу, к нам

направлялась расфуфыренная рыжая бестия. Я быстренько оценивала ее, как и она меня цепким взглядом своих прищуренных глазок. Весь ее вид кричал о материальном достатке; наверняка дизайнерское платье-футляр, обтянувшее пышные формы женщины, как вторая кожа, сумочка от шанель, лабутены и полушубок из какого-то без сомнения редкого зверька. Красавицей ее я бы не назвала, но это была эффектная женщина, знающая себе цену. Вообще лицо у нее самое, что ни на есть стервозное и хотя все черты симметричные, даже правильные, что-то в ней отталкивало.

Закончив осмотр, я перевела взгляд на Олега. На его лице застыла холодная маска, а губы растянулись в неприятной улыбке.

-Викуля, здравствуй! А я уж начал думать, что бывают абсолютно счастливые дни, но нет. – елеиным голосом, не скрывая сарказма поприветствовал он рыжую, когда она подошла, обдав нас удушливой вонью дорогого парфюма.

-Я тоже рада видеть тебя Олег Александрович. Неожиданно так, в таких местах и компаниях .- не скрывая иронии парирует она, кинув на меня презрительный взгляд, я вызывающе приподняла бровь, задетая ее пренебрежением, но она тут же переключила внимание на Олега, словно я недостойная букашка.

-Как Миха? –спросил он. Я же ошарашенно застыла, закаменела, не зная, что делать. Я думала, что он хотя бы ради приличия представит меня своей знакомой, но ни он, ни она не обращали на меня никого внимания, обмениваясь насмешливыми фразами. Я чувствовала себя лишней, какой-то маленькой и незначительной, но почему-то продолжала терпеть, пока «Викуля» не взглянула на меня и с каким-то подтекстом не сообщила Олегу, продолжая при этом сверлить меня взглядом;

-Скоро Ленуся прилетит. Хоть Леське полегче будет, а то совсем одна девчонка. ...

Олег заметно переменился в лице, а затем обратился ко мне, протянув ключи;

-Иди, в машину садись.

Это было подобно тому, как собаке кость бросают. Все внутри меня задрожало от обиды и унижения. Бешеным взглядом посмотрела на протянутые ключи, а потом на Олега, но он лишь раздраженно повторил, как идиотке;

-В машину дуй. Я сейчас приду.

Горько усмехнувшись, резко разворачиваюсь и иду в совершенно противоположную сторону, не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Слишком обидно, невыносимо. Козел! Да кто он такой, чтобы унижать меня перед этой зажавшейся сукой?!

И все же о своей вспышке жалею сразу же. Не стоило показывать насколько меня задело его пренебрежение, но терпеть подобное к себе отношение, я не стану. Знаю, что глупо, по детски, но иначе у меня не получается. Не могу поверить, что для него я пустое место.

Плутаю по каким-то дворам. Обида и злость захлестывают, но что самое ужасное, я жду. Жду, что он догонит, успокоит, извинится, утешит, объяснит. Но прошел час, а Гладышев даже не позвонил. Ему все равно. Абсолютно наплевать. Я в его глазах не стою даже простого человеческого уважения.

Бреду по дороге, задыхаясь от подступающих слез, сверля экран молчащего телефона. Мужчине не нужно унижать, оскорблять и тем более бить женщину, чтобы довести до слез. Достаточно просто молчания.

Это молчание убивает, разъедает изнутри, вызывая свирепую обиду и адскую агонию, потому что неизвестность рвет на куски. Хочется найти ответы, даже ценой гордости, нарушив установленное им молчание. Из последних сил сдерживаю себя, чтобы не сделать этого, шепча; «Никогда больше! Ни за что!». Да только как заставить проклятое сердце замолчать, когда оно горько плачет о потере?

Глава 9
1998 год

-Ну, что насчет предложения Димана? Ты в деле?- спросил Борька, когда мы сели в «девятку» Михи.

За последний месяц это был седьмой раз, когда он задал мне этот вопрос. Но если до этого я лишь неопределенно отмахивался, обдумывая, стоит ли ввязываться в столь рисковую авантюру, то сегодня, наконец-то, решил, что если уж играть, то по-крупному. Кто не рискует, тотВсем известно, что дальше. Предложение Димана-лотерейный билет, выиграв который, можно больше не рвать жопу, разбивая кулаки и подвергая себя бесконечной опасности быть убитым, покалеченным или оказаться за решеткой. Хотя согласившись, шансы подобных перспектив возрастали. Но если уж и рисковать, то ради чего-то стоящего. Это дело было именно таким-стоящим. Хотя весь месяц я старался абстрагироваться от возможного успеха, смотреть объективно, а не ошалелым от сулящих денег взглядом, подмечая слабые стороны, взвешивая все за и против. И все же я решил действовать, мне надоело барахтаться в луже, сшибая копейки, которых едва ли хватало, чтобы сводить концы с концами. В последнее время стало лучше, но год назад было совсем худо. И все же у меня получилось остаться на плаву и не свихнуться, ибо я настолько устал морально, физически и психологически, что порой, хоть волком вой. Но каждый раз, когда меня настигала неудача, я находил утешение в своей дочери. Приползал домой, стойко выдерживал нытье Ленки, которая должна была быть опорой, но была лишь головной болью. Если бы знал, что она окажется такой крысой, никогда бы в жизни и близко не подошел бы. Но поздно пить боржоми, когда почки отлетели.

-Э, Олежка.- позвал меня Борька.

Я просто кивнул и устало откинулся на спинку сидения. Глаза слипались, а голова гудела. Я не спал трое суток, но в кармане была увесистая пачка денег и это радовало.

-Так что, едем?

-Да.- промычал я, не открывая глаз.- Мих, ко мне сначала, вещи соберу, пока не уснул.

Антропов кивнул, а я провалился в сон, убаюканный поездкой. Но не прошло и нескольких минут по моим ощущениям, как Шувалов потряс меня за плечо, я резко подорвался и напряженно уставился на друга.

-Братишка, приехали. – успокаивающе ответил он на мой встревоженный спросонья взгляд. В последнее время я стал нервным, что в общем-то неудивительно.

Расслабляюсь и вновь откидываюсь на сидение. Состояние еще хуже, чем до того, как уснул, а как представляю, что сейчас придется объяснять Ленке, где я был три дня и что нужно вновь уезжать, меня аж передергивает.

Посидев еще несколько минут, окончательно просыпаюсь, с тяжелым вздохом выхожу из машины и иду домой, Борька следует за мной, зная, что иначе я застряну на очень долгое время, погрязнув в выяснении отношений с Леной.

Мы молча подошли к железной двери, я позвонил, устало потирая глаза. За дверью слышались тихие, осторожные шаги. Видимо, Леська спит.

Дверь открылась, и я тут же наткнулся на горящий негодованием, гневом, обидой и еще кучей эмоций взгляд жены.

-Ленок, здорова! –подал голос Шувалов, чтобы как-то разрядить начинающую сгущаться атмосферу.

-Привет. – сухо отозвалась она, продолжая сверлить меня взглядом. Я молча прошел в квартиру, снимая по дороге грязную одежду.

-Ну, я это...пойду на кухню, чаю хлебну. Давай, братух, быстрее.- сообщил Борька, ретировавшись на кухню, не имея ни малейшего желания быть участником шоу, которое наверняка сейчас устроит моя благоверная.

Прохожу в спальню и сразу же направляюсь к кроватке, где спит моя малышка. Смотрю на нежное личико и невольно улыбаюсь. Такая она куколка, так сладко спит. Присаживаюсь и ласково касаюсь указательным пальцем пухлой щечки. Дочурка шумно вдыхает воздух и начинает активно посасывать соску. У меня в груди щемит.

-Эй, Лисенок, папа приехал.-шепчу, продолжая улыбаться и гладить личико дочурки. Так соскучился по ней, хочется прижать к себе, но боюсь,

что разбужу.

- Ты хоть руки –то вымыл после бл**ей? –раздается за спиной шипение Ленки. Вот и конец покою. Твою мать, как она меня достала со своей ревностью, идиотка!

Втягиваю с шумом воздух и ничего не говоря, иду в ванную, чтобы принять душ. Она идет следом;

-Как ты можешь себя так вести?! –воскликнула дрожащим голосом. Актриса погоревшего театра. - Не успел приехать и опять исчез! Три дня я сидела и думала, где ты, с кем... Из-за тебя у меня молоко пропало, я психую, Леська все чувствует! –под конец тирады она переходит на крик, в глазах слезы. Крыса! Если бы не была такой истеричкой, а разумной женщиной, то не заводилась бы на пустом месте. Спокойно, Гладышев, спокойно!

Смотрю на ее идеальный макияж, прическу, модное платье. Такая чистенькая, миленькая девочка, жертва ситуации, которую ни во что не ставит и совсем не ценит ее вечно замызганный в крови и грязи муженек. Так все это и выглядит со стороны. Только вот реальность несколько иная. Кто еще из нас жертва ситуации. Хотя жертвой я себя не ощущаю. Не привык сетовать на судьбу. Сам клюнул, сам оплошал, теперь хочешь –не хочешь надо нести ответственность.

-Деньги в куртке возьми. –коротко бросаю и встаю под душ, чтобы поскорее смыть с себя прежде всего усталость.

-Не разговаривай со мной так, как будто я несу глупости! Я устала сидеть дома и ждать тебя, пока ты натрахаешься. –орет она, одернув шторку в душевой, вызывая у меня раздражение. Не сиди, кто против?!

-Лучше закрой рот, Лен! Не выводи меня из себя! –предупредил, едва сдерживаясь, закрывая шторку, которую она тут же срывает с петель, доводя меня до точки кипения. Резко хватаю полотенце и выхожу из душа.

-Не выводить тебя? Думаешь, я буду молчать, когда ты шлешься?

-Да, бл*дь, ты будешь молчать! Потому что я не шлеюсь, дура, а

зарабатываю деньги, надеюсь , что ты, наконец, заткнешься и перестанешь ныть, как плохо мы живем! Но ты -сука неблагодарная, вместо того, чтобы как нормальная баба помогать мне, видя, что я, мать твою, из кожи вон лезу ради семьи, ты верещишь еще больше, что бы я не делал!

-Как нормальная –это кто? Опять будешь мне Шувалову в пример ставить? –зло усмехнулась она сквозь слезы.

У меня вырывается нервный смешок. Боже, за что мне это? Я ей одно, она мне другое! Как можно быть такой идиоткой?!

Я молчу. Все равно бесполезно о чем-то говорить. Да, для меня Шуваловы –это пример настоящего брака, настоящей семьи, где нет места паразитации, успешно прикрытой ребенком, которым занимается в основном моя мать, беспочвенным сценам ревности, подозрениям на пустом месте и бесконечному давлению на жалость.

Более двуличного человека сложно представить. Я женился на милой, застенчивой девушке, которая даже боялась лишний раз голос подать, но в какой-то момент рядом со мной оказалась эгоистичная, завистливая женщина, прикрывающая свои мерзкие выходки благими побуждениями.

В духе Ленки упрекать меня в том, что я пропадаю трое суток, прикрываясь волнением, не помня, что год назад она при каждом удобном случае тонко намекала на мою несостоятельность содержать семью на должном уровне. Напрямую, конечно, никогда не говорила, видимо, совесть хоть какая-то была. А вот ныть, что одна подружка купила шубу, вторая сделала хороший ремонт, а она вместо этого сидит с ребенком и перебивается с копейки на копейку, так как тебе же Олежа учиться надо – это, пожалуйста. Получите и распишитесь. Особенно доводили ее показательные жертвы, когда она сама не будет есть, оставляя мне что повкуснее, а когда я спрошу ; хочет ли она, мне будет примерно такой ответ « Что ты, тебе же надо кушать, учиться, а мы и так перебьемся, все для тебя, любимый?!». И всегда будет стоять местоимение «мы», чтобы я в полной мере прочувствовал, какое я чудовище; собственного ребенка объедаю. И я действительно себя так чувствовал. На психике эта мелкая сучка где-то научилась играть знатно, наверное, у своей мамы. Та еще стерва. Не мудрено, что Ленка так стремилась поскорее выскочить замуж, только бы тикануть подальше от своей отвратительной родительницы.

Впрочем, они два сапога пара.

Возвращаюсь в спальню. Одеваюсь на автомате; что первое под руку попадет, после достаю дорожную сумку и начинаю скидывать туда необходимые вещи. Ленка застывает в дверях и с ужасом смотрит на мои сборы.

Как странно, я бесчувственная скотина, шляюсь, не могу содержать семью, как положено и еще куча недостатков, но тем не менее, мой уход – это катастрофа для нее. Она думает, я не знаю, но достаточно сейчас посмотреть на ее лицо и все станет ясно. А следующие слова, словно в подтверждение.

-Куда ты? –спрашивает она осторожно, дрожащим голосом, вытирая слезы с щек.

-Деньги взяла? –игнорирую ее вопрос специально, чтобы помучить.

-Олеж...-едва слышно произносит и подходит ко мне, заглядывает в лицо своими огромными голубыми глазами, полными слез. Ну, просто ангел небесный. Как запела –то.

Жалкая, какая же ты жалкая!

–Олеженька, я просто так волновалась, родной, я трое суток не спала...я ...-тараторит она, захлебываясь слезами.

И вы заметили эти бесконечные « я, я, я ..»? Так у нас всегда. Но я ей верю. Знаю, что не спала, только переживала не за меня, а просто, что с какой-то бабой. Не понимаю я ее. С чего бесится? Я ей никогда поводов не давал, всегда был верен, не смотря на то, что мы с ней как будто не муж и жена, которые успехи и горести делят на двоих, мы с ней словно соперники. Мои удачи ее раздражают, неудачи дают повод поныть , ее бесит, что я учусь, а она нет. О, учебой она меня все время попрекает, ее аж прям разрывает , что я получу высшее образование. Не поверите, но моя жена исходила на говно от непонятной мне зависти. Интересно, она хотя бы сама знает, чего хочет?

Пытаться помочь ей разобраться – пустая трата времени и сил. Она

запуталась и виновата в этом сама; привыкла только мечтать, но ни черта не делать, выезжая за мой счет. Но она мотивирует, хотя мне это и не особо нужно; я точно знаю, чего хочу от жизни и стремлюсь к этому. Единственная неудача, которую похоже никак не исправишь – Ленка. Но как говорил Сократ ; « Женись несмотря ни на что. Если попадётся хорошая жена — станешь исключением, если плохая — философом.» И знаете, в этом действительно что-то есть.

Иногда все достает и хочется послать к чертям обязательства и уйти. И все же я этого не делаю, не знаю, почему. Может, надеюсь на что-то, может, из-за Леськи, а может, пока еще чаша моего терпения не переполнилась. Хотя если быть честным, у меня просто нет сил и времени, чтобы сесть и хорошенько обдумать свою жизнь. Возможно, оно и к лучшему. Есть цель и я иду к ней, слишком много забот; нужно заканчивать университет, обеспечивать семью, двигаться вперед. Почти все считают, что высшее образование ни к чему, учитывая бардак в стране, но я подобные мнения не разделяю. Быть специалистом в чем-то в любые времена не лишнее. Кто знает, что будет через десять лет? Поэтому пусть я не успеваю, пусть мне тяжело совмещать эту долбанную учебу с выживанием в материальном мире, но я получу проклятый диплом, чего бы мне это не стоило.

Задумавшись, я не заметил, что Ленка обняла меня, уткнувшись куда-то мне в спину, между лопатками.

-Олеж, милый, я так соскучилась, -шепчет она, забираясь холодными руками под футболку. У меня мороз по коже.

-.. так ждала тебя, - продолжает она шептать, вкладывая в свой голос соблазнительные нотки. О, начинается! Не нытьем, так катаньем...

Ручки с живота перемещаются одна выше, другая вниз, забираясь под резинку штанов и трусов. Шумно втягиваю воздух, чувствуя возбуждение. Перехватываю ее руку, хотя мое состояние очевидно.

-Давай, сегодня отвезем Леську родителям и побудем вдвоем?

Падла!

Предложение, конечно, заманчивое, мне уже осточертел секс между

делом, впопыхах, но увы...

-Да как-то после «бл**ей» устал и не очень надо. –иронизирую, высвобождаясь из ее объятий.

-Гладышев, не будь сволочью. –тяжело вздыхает она, выходит из-за спины и потупив глазки, начинает оправдываться, - Я ведь волнуюсь, Олеж, ты постоянно в разъездах; то сессия, то эти твои мутные дела. Ты обещал, что приедешь с Москвы и недели две точно будешь с нами. Я надеялась, а ты... у меня просто нервы ни к черту. Эта послеродовая депрессия, наверное, сказывается до сих пор, да и Леська беспокойный ребенок и ...

-Лен, не начинай, а. Я тебе уже все сказал! –оборвал я ее бессмысленную трепотню и продолжил складывать вещи.

-И не буду! Почему я действительно должна оправдываться, когда ты во всем виноват?!–вскричала она, не заботясь о том, что разбудит ребенка. И точно; Леська заплакала.

-Какого хера ты орешь, как ненормальная?!- процедил я, подходя к кровати и беря дочь на руки. Но малышка продолжала надрываться, перепуганная постоянными истериками матери.

-Я ору? Да ты не знаешь, что это такое! К Мишке с Викой сходи и посмотри, вот там ор.

-Я не собираюсь ни на кого смотреть. Мне нужны в доме тишина и покой, а не истеричка и перепуганный ребенок. Я хочу приехать и отдохнуть, а не выяснять с тобой отношения! –едва слышно парирую, пытаюсь при этом успокоить дочку, но малютка все чувствует и закатывается еще сильнее.

-А мне нужен...

-Заткнись, бл*дь! Не видишь, ребенок разрывается?!

-Она плачет, потому что не знает, кто ее держит! –огрызнулась она, выхватывая у меня дочь, и начиная ее лихорадочно трясти. Я же взвинченный до предела, продолжаю скидывать вещи в сумку, мечтая

поскорее уехать из этого дурдома.

-Прекрати ее дергать, ты ей мозги стряхнешь. –рявкнул, не в силах наблюдать за этим издевательством, плач Леськи только подливал масла в огонь.

-Куда ты собрался?- словно не слыша меня, повторяет она вопрос, продолжая в том же духе качать дочь.

-Уезжаю по делам. Успокой ребенка! –цежу, а самого трясет. Хватаю куртку и иду на выход. Объяснения излишни, да и ни к чему ее посвящать в это. В любом случае все, что нужно узнает у своей любимой подружке, когда позвонит перемыть мне кости.

Борька уже видимо давно стоит в коридоре, обдумывая, когда прервать наши разборки.

-Че готов?- спрашивает он напряженно, стараясь не смотреть на Ленку с плачущей Леськой на руках.

-Погнали. – киваю я, одевая кроссовки.

-Ты что, вот так соберешься и уйдешь? Ты совсем уже?!- вскричала она.

-Угомонись, Бога ради! Я приеду через месяц, деньги я тебе оставил, там хватит. Если мусора приедут, все как обычно: меня видела, приезжал к дочери. Вместе не живем, ничего не знаешь, собираешься подавать на развод.

-Мы и так не живем, и ты дожدهшься, что я на него подам.

Неужели?! –ухмыляюсь про себя, но в слух ничего не говорю, лишь киваю, подхожу целую дочь и следую за Борькой, который уже вышел на лестничную площадку. Но то, что произошло дальше, я не забуду никогда. Наверно, в это мгновения все, что я еще чувствовал к Ленке, было уничтожено ее безумной выходкой, а остатки выжжены моей дикой яростью.

-Если ты только выйдешь из квартиры, я ее отпущу, понял меня?!- заорала она, держа нашу дочь вниз головой. От увиденного у меня похолодело все внутри, я засомневался, что происходящее реальность. Леська закатилась и надрываясь ,плакала, личико налилось кровью и было пурпурного цвета, я же стоял, как вкопанный и смотрел то на нее, то на Ленку, не зная, то ли дочь хватать, то ли эту тварь размазать по стенке. Но как только дернулся, Шувалов остановил меня ,вцепившись в плечо, зная, что я в бешенстве убью суку.

-Лен, успокойся, Леську положи, ты че творишь-то?!- дрожащим голосом попросил он, но эта идиотка похоже была невменяема.

-Положи, бл*дь ребенка, иначе я тебе башку оторву, сука! -процедил я, вырвавшись из рук Борьки. Ленка тут же среагировала, подхватила Леську и побежала в ванную, но я схватил ее за волосы, резко разворачивая к себе. Первым мои желанием было с кулака ей в лицо дать, чтобы захлебнулась кровью, но сейчас важна только моя малышка, поэтому я прижал к стене эту мразь и забрал ребенка. Еще бы я об нее руки марал. Ленка сползла по стенке и уткнувшись в колени, начала рыдать. Я прижал к груди дочурку , насколько можно крепко и ушел в другую комнату. Ходил взад-вперед, пытаюсь успокоить малышку, целую мокрую от слез щечку, шепча не переставая какие-то ласковые слова. Меня колотило от ужаса, руки тряслись, а сердце, казалось, сейчас вырвется из груди. Я вдыхал сладкий аромат и едва ли не рыдал, слезы жгли глаза. За свои двадцать четыре я уже много, чего видел, но такую жестокость, такое ...я не знаю, как выразить это словами. Как это называется, скажите, когда женщина готова удержать мужика даже ценной здоровья собственного ребенка? Мать ли она? Женщина ли ? Да человек ли она вообще?

Кто она? С кем я живу? Как до этого дошло? –эти вопросы разрывали меня на части. Мир словно покачнулся, да что там-перевернулся с головы на ноги. И как дальше жить, что делать, я просто не представляю. Мне было больно, до безумия больно, что мой ребенок оказывается лишен того, что не продается, того, что с каждым человеком навсегда –материнской любви. Ведь только мать любит так, как никто никогда тебя любить не будет. И даже я, как не старайся, не смогу восполнить эту пустоту в жизни дочери.

Не знаю, сколько времени я мерил комнату шагами. Дочурка

успокоилась. Пристально посмотрев на меня, сказала «папа», водя по моему лицу ладошками, призывая поиграть в нашу любимую игру, где я пытаюсь поймать губами ее пальчики.

Я изображал злого волка, рыча и пытаюсь словить эту егозу, вызывая у нее залиvistый смех, когда мне это удавалось и я едва заметно прикусывал пухлые пальчики. Так мы резвились, пока дверь в комнату не приоткрылась. Резко оборачиваюсь и вижу заплаканную Ленку.

За это время я уже немного успокоился, но стоило ее увидеть, как в душе поднялась такая ярость, что даже смотреть на нее было выше моих сил.

-Пошла вон отсюда! Не показывайся мне на глаза.

-Олеж, я не знаю...-вновь заревела она, но слушать ее не собираюсь.

-Я сказал; чтоб духу твоего здесь не было!

-Лен, пошли. –вывел ее Борька.

Я тяжело вздохнул и продолжил играть с дочерью, хотя на душе было так погано, хотелось удавиться.

Через полчаса вернулся Шувалов.

Я сидел на диване, уставившись невидимым взглядом на дочь, играющую на полу. Друг сел рядом и просто положил свою огромную ручищу мне на плечо. Этот жест был красноречивее всех слов. Да и что тут скажешь? Мне было не по себе, словно все мое нутро наизнанку вытряхнули и потоптались грязными ботинками. Чувствовал себя опустошенным, лишенным смысла.

Это не первый раз, когда Ленка пыталась манипулировать мной через ребенка, но раньше она делала это с осторожностью, давя на жалость и вызывая у меня чувство вины, сейчас жеЭто за гранью понимания нормального человека, это слишком. Что с ней творится?

-Что мне делать, Борь? –спрашиваю, сам не знаю, зачем.

-Отвлечься, подумать, а потом....Слушай, я понимаю, что это п*здец. Я бы вообще Аленку на том же месте прихлопнул, если бы она такое отмочила. Ленка она Ну, любит она тебя это точно, просто у нее какая-то навязчивая идея, что ты ее бросишь.

-Любит?! Ты прикалываешься что ли? – покачал я головой, с горькой усмешкой. – С такой любовью и ненависти не надо. Эта мразь, как клещ впилась и сосет кровь, боясь только одного, как бы я ее не выгнал к мамаше.

-Брось, Гладышев, она бы тогда рот на замке держала и кивала только. Любит, такой вот странной ...любовью.

Я закатил глаза и засмеялся.

Нет, такие суки любить не умеет, только если себя.

-Матери надо позвонить, пусть здесь поживет, пока меня не будет, а приеду на развод подам, хватит с меня. –решил я, но Боря как-то странно посмотрел , я напрягся, ожидая пояснений и они последовали.

-Там это ...у Ленки для тебя новость есть.... –осторожно сообщил он, я резко повернулся и посмотрел на него в упор, надеясь ,что он сейчас шутит и это совсем не то, о чем я подумал. Но его взгляд был недвусмысленным. В нем было сочувствие и смущение.

-Нет. Только не говори мне, что она беременна. –покачал я головой, все еще не веря. –Она сейчас сказала?

-Да, когда попытался вправить ей мозги, правда, я уже сомневаюсь в их наличие. Разрыдалась. Говорит, так получилось....-с тяжелым вздохом поведал друг, вызывая у меня шок. Я соскочил с дивана, Леська замерла, взирая на меня удивленно. Заметив это, сразу же сажусь обратно, чтобы не пугать ребенка лишний раз, хотя все внутри кипит.

Твою мать! А ведь уверяла, что пьет таблетки. Этим бабам ни в чем нельзя доверять! Тварь! Как же я устал от этой беспросветной жизни!

2011 год

-Пап, ты чего сидишь такой хмурый?- ворвался в мои мысли голос Леськи. Я вздрогнул от неожиданности, когда она подлетела сзади, чмокнула меня в щеку и плюхнулась за стол. Качаю головой и уткнувшись в бумаги, лежащие передо мной, собираю мысли в кучу после путешествия в прошлое. Не знаю, зачем память подкинула мне этот эпизод из жизни, наверное, чтобы настроиться на визит Ленки и не забывать, какой лживой сучкой она может быть.

С того момента все изменилось. Мы и раньше часто скандалили и много чего друг другу говорили, но потом как-то забывалось, утихало, после же этого кошмара наш брак медленно, но верно шел к своему логическому завершению. Честно, я тогда в ужасе прибывал, думая, а не сумасшедшая ли моя жена. Оставлять с ней ребенка было даже страшно, поэтому пришлось обратиться за помощью к матери, хотя беспокоить ее не хотелось, а более того посвящать в свои проблемы, но выбор у меня был не велик. Впрочем, мои родители на тот момент настолько очарованы были невесткой, что и помыслить не могли, что скрывается за смущенной улыбкой. Что-что, а роль примерной девочки Ленка умела играть блестяще. Я же не имел ни малейшего желания в чем-то кого бы то ни было переубеждать. В сочувствие и понимание не нуждался и не нуждаюсь. Я – одиночка, всегда им был и буду. Когда встретил Ленку, думал, что-то изменится, но я ошибся. Эта ошибка обошлась мне слишком дорого; дочь в связи с этим была лишена нормальной семьи, а как следствие детства, и мы с Ленкой растратили лучшие годы своей жизни на изнуряющую борьбу за что-то, что в общем-то и смысла не имело. Семь лет просто в никуда. После того вечера мы прожили еще пять лет. Спасибо Ленкиной неумной фантазии и моей жалости или иными словами –кретинизму. Какие она разыгрывала спектакли передо мной, кто бы видел. Финт со второй беременностью-сухая ерунда, а я велся. Хотя, наверное, просто не было времени и сил разбираться, да и виделись мы редко, я практически все время жил в Москве и раз в месяц навещал дочь. Дело, предложенное Диманом, стало пропуском в мир больших денег, и этот мир полностью поглотил. Признаюсь, в семье я потерпел неудачу и как муж, и как родитель, не уделяя своему ребенку должное внимание. Сейчас понимаю отчетливо, никакие деньги не станут оправданием мне, но к сожалению, тогда –тринадцать лет назад, почему-то казалось, что важнее материальное благополучие ребенка, чем папа рядом.

-Пап, ты на меня злишься из-за мамы? –осторожно спрашивает Леська, вновь возвращая меня в реальность.

Перевожу на нее взгляд и вижу смущенное личико.

-Не выдумывай Лисенок, просто много работы.

-Хорошо, а то я уже подумала, что ты грузишься из-за приезда мамы. Если честно, ничего я ей не предлагала. Она сама...ну, знаешь же ее, - призналась дочь, тяжело вздохнув. Я усмехнулся, ничуть не удивившись. Ленка в своем репертуаре.

- По-моему, это ты у нас «грузишься». Все нормально, я слишком хорошо знаю твою маму, так что не переживай. –улыбнулся и потрепал ее по волосам, что тут же вызвало у Олеськи негодование.

-Па-ап, прическа.

Только сейчас замечаю стильную укладку, неброский макияж, маникюр и обалдеваю . По мере осмотра мои брови ползут вверх. Изумленно отмечаю, что дочь и волосы покрасила, точнее некоторые пряди сделала чуть светлее основного цвета. Леська же невозмутимо продолжает жевать, поглядывая то на меня, то в телефон.

Нет, она всегда у меня была стильной девчонкой, я ей ни в чем не отказывал и ее гардеробная тому свидетель. Но только сейчас вдруг обратил внимание, что моя девочка превращается в девушку и это вызывает странное чувство. Смотрю на нее, торопливо строчащую кому-то сообщение с загадочной улыбкой на губах , и чувствую раздражение. Эти ее мелькающие ногти с французским маникюром для меня , словно красная тряпка для быка.

-Олеся! – резко обращаюсь к ней, она вздрагивает , поднимает голову и встретившись с моим недовольным взглядом, осторожно кладет телефон на стол.

-Да, папуль?

-А сегодня что, какие-то выступления или праздник? –спрашиваю нарочито недоуменным голосом, при этом пристально смотрю на дочь строгим взглядом, Леська нахмурилась и помедлив, ответила:

-Нет, иначе я бы не смогла встретить маму.

-Мм..- протянул я, делая глоток уже остывшего кофе. Дочь тяжело вздыхает и начинает ерзать на стуле, в ожидание пояснений. Отставляю чашку и оглашаю причину своего недовольства. – Тогда я что-то не пойму, почему ты накрашена?

-Пап, мне уже почти пятнадцать, это смешно! –закатывает она глаза и активно принимается за свой завтрак, только бы не смотреть на меня.

-Анна Петровна, приготовьте, пожалуйста, еще кофе, этот остыл.- обращаюсь к подошедшей управляющей. Хотя эта женщина уже больше, чем обслуживающий персонал. За шесть лет ее работы у меня к ней не было ни одной претензии . Замечательный человек, хозяйка и работник.. С ней вообще никаких забот относительно домашнего хозяйства, да и взаимоотношения у нас сложились достаточно теплые, но без фамильярности.

-Конечно, Олег Александрович. –кивает она с улыбкой и уходит. Я же полностью концентрируюсь на дочери.

- Леся, мне твое « почти пятнадцать» ни о чем не говорит! Как найдешь более убедительный аргумент, тогда поговорим, а пока будь добра больше, чтобы я этого не видел.

-О, ну, это легко. Тебя же практически дома не бывает. –ссызвила она, демонстративно отодвигая чашку. Крыть мне, конечно, нечем, но подобные выходки не потерплю.

-За языком следи! А то что-то совсем разболталась; оговариваешься, красишься, что дальше у нас по списку будет? Я Лесь, с тобой нянаться не собираюсь. Ты меня знаешь. Раз сказал, ты делаешь, нет, я приму жесткие меры и закончатся понты. Рано еще мальчиками голову забивать, учись и тренируйся!

-Да причем тут мальчишки?! –возмутилась она, я ухмыльнулся. А то ли мне не было пятнадцать и я не знаю, что у всех подростков на уме. В этот момент как раз зашла Анна Петровна в столовую с моим кофе и ненавязчиво обратилась к Леське;

-Олесенька, отец ведь вам добра желает и переживает, не нужно в штыки воспринимать, лучше послушайте.

-Благодарю. –сухо отозвался я и посмотрел строго на дочь, закатившую глаза. Подросток –то еще «счастье», особенно, когда приходится справляться с этим в одиночку. Если честно, я даже рад, что сегодня приедет Ленка. Вести разговоры на тему секса и мальчиков с дочерью, как-то для меня немыслимо. Уверен, из этого мало, что путного получится. Все же женщина как-то деликатнее подойдет к этому вопросу. Но то, что пора немного оторваться от дел и больше времени уделить ребенку, даже не обсуждается. Сейчас у нее опасный возраст, нужен глаз да глаз. Правда; мне сложно принять факт, что дочь взрослеет, а я соответственно старею.

Отрываюсь от своих невеселых мыслей и делаю глоток обжигающего, горького кофе –все, как я люблю. Анна Петровна идеально его варит. Завтрак дома –это роскошь. В Жуковку особо не накатаешься с этими проклятыми пробками, которые в скором времени, если все получится, станут моей головной болью. В будние дни я чаще всего ночую в городской квартире, вот и приходится кататься по кафешкам, хотя нанять кого-нибудь не проблема, но не хочу, чтобы там посторонние люди крутились. И так не минуты покоя. Иногда думаю, зачем вообще этот дом купил, но тогда молодой был, понтов куча; как это –с деньгами и не на «Рублевке» ?! Хотя у меня было желание переехать за границу из соображений личной безопасности, экономической открытости, да и социальной стабильности. Лондон, Нью-Йорк, Гонконг-исторические мировые центры, элитная недвижимость, да и качество жизни на порядок выше, чем в Москве. Но потом, когда окончательно легализовался и стал совладельцем «Трансгрупп», на горизонте замаячил пост в департаменте транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры Москвы, с тех пор все свои силы направил на то, чтобы его занять и аккуратненько налаживаю туда мосты. Поэтому мысль о проживании за границей отошла на задний план. Слишком много дел, не до переездов.

Да и привык , нравится мне здесь; лес, тишина, красота, уют. Прямо, ностальгия по детству накатывает. Вспоминаю, как к бабке ездил в деревню, хотя разница, конечно, громадная, но все же... Приезжаю сюда и понимаю, что у меня есть дом ни в качестве определенного места жительства, а то место, где я действительно чувствую себя уютно и хорошо.

Лирика это все, безусловно. Какой-то я сегодня рассеянный.

-Ну, и кто у нас причина, данных усилий?- интересуюсь, как бы между прочим, стараясь изо всех сил скрыть улыбку. Леська краснеет, как помидор и кидает на меня разгневанный взгляд.

-Никто! – грубо парирует она, пряча глазки. Ну, ну... Чувствую, начинается у нас с Ленкой веселая жизнь.

-Никто так никто.- пожимаю плечами и с улыбкой добавляю, поднося к губам стакан. – Только если замечу хоть намек на этого господина «Никто», и ты и он получите по первое число.

Леська подскакивает со своего места и откинув демонстративно салфетку, пулей вылетает из столовой. Где-то я это уже видел.....

Пока напрягаю память, спокойно допиваю кофе.

-Характер у нее ваш. – комментирует Анна Петровна, убирая со стола, – Упертая.

-Это не характер, Анна Петровна, это дурь и самолюбие. Ничего... перебесится, главное -не потакать. – заверил я ее с улыбкой и собрав документы, направился во внутренний двор, где меня уже ждал водитель на майбахе. Если честно, не люблю я вот эту показуху, но сегодня важная встреча, так что надо соответствовать статусу.

Следом за мной выходит дочь и вздернув подбородок чуть ли не к небу, гордо шествует к мерседесу, ожидающему ее, чтобы отвезти в аэропорт. Пока идет, искоса поглядывает , что вызывает у меня веселье.

Сажусь в машину и качаю головой, улыбаясь. Определенно, это мне

что-то напоминает, и сейчас вспоминаю, что именно. Две недели назад Чайка вела себя подобным образом. Чайка, чайка.... Маленькая, дерзкая глупышка, сводящая меня с ума. Когда вспоминаю ее, странное ощущение испытываю. В данный момент чувствую себя старым, грязным развратником, в связи с тем, что сравниваю ее с дочерью; у них ведь разница всего ничего. Черт! Через каких-то четыре, точнее почти три года моей дочери будет столько же, но если бы я узнал, что какой-то сорокалетний мужик спит и видит, как бы трахнуть ее, а мысленно уже поймел во всех позах, я бы ему такое устроил, что мать родная не узнала.

Лицемерно, конечно, но моя дочь не Чайка и не будет такой, уж я об этом позабочусь. И снова Чайка, она везде.

В тот вечер, когда она дернулась и убежала, я почувствовал такую ярость, что готов был послать Вику, догнать щеглуху и свернуть ей шею за столь тупую выходку. Но это было бы идиотизмом чистейшей воды. Хватит за ней бегать, а то у нее входит в привычку ; чуть что убегать, набивая себе цену. Думает, я буду потакать ее глупостям? Хрен она угадала.

Викуля разыгравшейся сценой была довольна, ее стервозная мордашка так и светилась, что окончательно взбесило меня. Жаба! Все никак не угомонится. Свое раздражение я выплеснул на нее же, да простит меня Муха, но терпеть его дебильную жену, не собираюсь. Ей полезно встряхнуться. Зато в следующий раз подумает прежде ,чем сунет свой нос, куда ее не просят.

Расстались мы с ней на довольно ядовитой ноте, Впрочем, иначе у нас не бывает. И дело тут вовсе не в Чайке, Антропову на дух не выношу с момента знакомства, поэтому лишний раз довести ее мне в радость.

Выпустив пар, иду к машине, надеясь, что Чайке хватит мозгов, чтобы вернуться. Но нет. То ли мне везет на истеричек, то ли все женщины такие. Чем я ее унижил, сказав, ждать меня в машине? Да мало ли какие причины могут быть у этой просьбы?! Или она не способна оценивать трезво ситуацию, откинув проклятые эмоции? Хотя о чем я?! Это же молодая девчонка.

А как хорошо вечер начался и закончился бы наверняка еще лучше, но с Чайкой все через одно место. В который раз уже просто для вида

спрашиваю себя, зачем, зачем, черт меня раздери, это нужно?! Отношения с ней по всем пунктам мне не подходят, даже в качестве просто секса. Но в какой-то момент ко мне пришло понимание того, что ранее мне был интересен либо факт завоевания женщины, либо сам процесс завоевания, а сейчас мне вдруг стала интересна сама женщина как личность, хотя до личности Яне далековато. Но все же эта девчонка интригует, удивляет, раздражает, так как ведет себя не по заданной схеме, которую я уже изучил вдоль и поперек, но именно это в ней привлекает и манит. Даже секс уже отошел не то, чтобы на второй план, но определенно, помимо секса ей есть, чем еще меня развлечь. Знаю, звучит довольно цинично и напыщенно, но черт возьми, так ведь и есть! Именно поэтому вместо того, чтобы забить на нее, я еще минут пятнадцать сидел в машине, надеясь, что разум все же проснется в голове этой девушки. Увы и ах!

За это время я окончательно успокоился, злость на Чайку исчезла. Наверное, я все же был не совсем прав, проигнорировав ее присутствие, но появление Антроповой настолько меня взбесило, что было не до хороших манер. Выходка же Чайки окончательно убедила меня, что до того, чтобы с ней считались, она еще не доросла.

Потакать истерикам, я не собираюсь, танцуя вокруг нее на задних лапах, как она видимо, рассчитывает, но чувство ответственности не дает мне спокойно отдохнуть перед предстоящей поездкой в Прагу, не узнав, где девчонка.

Приехав к себе на квартиру, принял душ и позвонил ей, к этому времени она должна была уже доехать до Свиблово. Конечно же, она мне не ответила, что совсем не удивляет. Все как по сценарию. Пришлось действовать методом запугивание, поэтому написал ей, что если она сейчас не ответит, придется подняться на двенадцатый этаж и познакомиться с ее тетей.

Глупышка тут же клюнула и через минуту перезвонила.

-Где ты?- спрашиваю без всяких вступлений. В ответ учащенное от возмущения, наверное, дыхание. Хотелось бы, чтобы оно учащалось по другой причине, но ...Терпение, Гладышев, терпение. И не таких норовистых кобылок объезжали. Это сравнение меня веселит. Настроение поднимается, а от последующего вопроса Чайки, я разве что не захохотал в

ГОЛОС.

-Что ты хотел?- холодно отвечает она вопросом на вопрос.

Женская логика убийственна. Ну, как, скажите мне, как можно спрашивать; «Что ты хотел?», если я начал разговор именно с этого?!

-На мой взгляд, это очевидно, учитывая первый вопрос. Нет? – позволяю себе чуточку издевки.

-О, ты не можешь, чтобы не унизить, верно? Долбаный энергетический вампир! –взрывается она. Ох, уж этот темперамент, если она в постели окажется такой же, то я даже готов с этим мириться в жизни.

-Унизить? –со смешком уточняю. –У тебя гипертрофированное чувство гордости или детство в попе. В любом случае, мы получаем к себе только то отношение, которое заслужили.

-Неужели? – теперь ее очередь усмехаться.

-Именно так. –спокойно подтверждаю я.

-Какого , бл*дь....

-За языком следи! – обрываю ее грубо, но она вошла в раж и проигнорировав меня, продолжила.

- Какого хера тогда ты мне названиваешь? Найди себе ту, у которой в попе не детство, а песок и радуйся.

-Ну, твоя попа мне больше по вкусу, сейчас детство от туда вытравим, и цены тебе не будет. Так где ты? Дома? – смеюсь, доводя ее до бешенства.

-Ты только за этим позвонил?

-Вопрос слишком сложен? –осторожно спрашиваю, зная, что она бурно отреагируют на очередную шпильку. Но твою мать, неужели нельзя просто ответить?

-Да, я дома! Что –то еще? –повышает она голос, язвительно интересуясь.

-Нет, я узнал все, что хотел.- невозмутимо сообщая, собираясь положить трубку. Ее шок чувствую по напряженному молчанию.

-И что, вот так просто положишь трубку? –ошарашенно произносит она.

На секунду задумываюсь, стоит ли сейчас начинать разговор о том, как следует себя вести женщине, если она хочет забраться в мой кошелек, и понимаю, что не стоит, пусть остынет. Но пищу для размышлений все же можно подкинуть, поэтому помедлив, отвечаю;

-Да, представь себе, положу. Ты спросила, что я хотел, я тебе дал понять, что. Запомни, пожалуйста, на будущее, если конечно, это будет актуальным; я ничего не делаю просто так, и сам не зная, для чего. В первую очередь я думаю и оцениваю целесообразность своих действий, именно это залог успеха. К сожалению, в отношениях не все зависит от одного человека, поэтому я бы хотел видеть рядом с собой объективную женщину, умеющую анализировать и видеть дальше своего носа, а не истерить чуть что, словно базарная торговка, которой не додали несколько копеек. Это не бульварный роман, Чайка, а жизнь и здесь выходки в стиле героинь мыльных опер не проканают, потому что я однозначно не принц на белом коне! Хотя ты и сама это понимаешь. Подумай над этим. Задумайся, чего ты хочешь от жизни, от меня, и сопоставь со своим поведением. Меня не будет в городе пять дней, времени предостаточно.

После моей тирады в духе-расставить все точки над «і», которой я и сам от себя не ожидал, пришел черед Чайки молчать.

-Счастливого пути Олег Александрович! Было приятно познакомиться! – соизволила она все же ответить. От ее официоза я аж поморщился, хотел подколоть ее, но эта курица положила трубку. Обалдеваю несколько минут, а после смеюсь. Но что самое интересное, я уже не удивляюсь, начинаю потихонечку привыкать к эксцентричности девчонки.

Ну, и черт с ней! Уверен, еще пожалеет. Я-то ждать умею, а вот у нее с терпением и сдержанностью туговато. Нетерпеливая, взбалмошная, гордая,

молодая....Тяжко с таким набором делать первый шаг. Но то, что она его сделает, даже не сомневаюсь. Пусть все ее выходки из ряда вон, и часто приводят меня в недоумение, но это лишь декорации, за которыми скрывается примитивный интерес и жажда лучшей жизни, разбавленная приличной долей девичьих грез. Так что никуда ты от меня, зараза, не денешься.

С этими мыслями я спокойно уснул, а на следующий день улетел в Прагу.

Дел было по горло, времени и сил практически ни на что не оставалось, в отель я приезжал к ночи и просто падал без сил. И все равно, как придурок в течение дня ждал от нее сообщения и даже не глядя отвечал, когда кто-то звонил или писал, надеясь, как не странно, что это она, но Чайка гордая сучка.

На пятый день, когда договор был успешно заключен, я, будучи в хорошем настроении, решил послать к чертям этот принципиальный бред и послать ей букет с извинениями, дабы она успокоила свое раздутое эго. Жалко мне что ли?

Исключительно себя; надоели эти малолетние игры. Но я оказался не одиноким в измене выдержке; только дал распоряжение секретарю заняться букетом для Чайки, как она сама объявилась, прислав лаконичное, но само за себя говорящее « Я тебя ненавижу...» . Прочитав его, я долго смеялся, а после перезвонил ей. Но она, конечно же, не сразу ответила, что тоже повеселило, как будто я не понимаю, что последние дни, наверняка, караулила телефон.

-Даже не буду спрашивать почему!- посмеиваюсь, как только слышу ее дыхание в динамике. Чайка тоже смеется. Я же вдруг осознаю, что рад слышать ее, соскучился. Это меня приводит в изумление.

-И не спрашивай, это кошмарно.-признается она со смешком.

-Аа... понимаю. Но ведь сама виновата. - довольно отзываюсь я.

-Я знала, что ты это скажешь. Ты без насмешек никак. Да, да, да и еще раз да-я первая написала, я виновата, я сучала! Вот так-то! Можешь

поздравить себя; ты-крутой мужик, я у твоих ног! – вот такая откровенная самоирония обухом по голове. Ее «крутой мужик» звучало, как мудак или что-то подобное. Чайка неподражаема. Только она может быть столь трогательной и в тоже время дерзкой. Решаю успокоить девчонку, реабилитировать ее эго, а то эта ее самокритика и сдача позиций вызывает у меня какое-то чувство вины.

-Ты у ног? Сомнительно. А поздравлять себя... Ну, я конечно, рад, что за пять минут до твоего сообщения послал цветы не все еще обиженной глупышке, а включившей мозги девушке, но ты меня на целых пять минут уделала. – хохотнул я.

-Мило, Олег Александрович, мило. Вы умеете успокоить. Я прям тащусь с вашей ложки дегтя в каждом комплименте. – сыронизировала она в ответ, а потом до нее, кажется только дошло, что я послал ей цветы, потому что она скорее испуганно, чем восторженно, воскликнула, - Что? Ты послал мне цветы на домашний адрес?

-Ну, естественно! На время – то смотрела?

-О, Боже!- простонала она, а после пояснила. – Тетя меня убьет.

Я улыбнулся, хотя на душе стало как-то тоскливо, словно глотнул пасмурного неба. Что я творю?! Ей ведь всего восемнадцать! Хотя мне больше нравится формулировка; « Уже восемнадцать!», но ведь суть от этого не меняется. Молоденькая, еще совсем ребенок, чей-то ребенок, чье-то солнышко, гордость, смысл жизни, чья-то дочь... Но даже понимание этого не остановит меня. Хочу ее до ломоты во всем теле, и никакая совесть, мораль, принципы не удержат от греха. В конце-концов, могу я хоть раз в жизни позволить себе расслабиться и не заморачиваться?!

Не знаю, что в ней такого особенного, что меня магнитом тянет. Да, она невероятно красива. Как вижу ее, так каждый раз, словно удар под дых, но не в том причина. Красивых баб в моей жизни было предостаточно, но никогда я так с ума можно сказать, не сходил. Может, все дело в том самом «запретном плоде» или в игре на контрастах. Чайка в ней мастер; то развязная, словно шлюха, то недотрога-девственница, и в этом ее прелесть, в этом она вся-хорошая плохая девочка. Бесит до ужаса, хочется хорошенько ее встряхнуть, нахлестать по щекам, заставить ползать перед

собой на коленях, но наравне с этим хочется просто прижать к себе, закрыть рот поцелуем и направить ее дерзость и страсть в более приятное русло.

-Придумаешь что-нибудь, ты же сообразительная девочка. – успокаиваю ее, ну, и дабы не расслаблялась, добавляю, как она говорит «ложку дегтя»,- И вообще какие претензии? Сама просила романтики. Получите и распишитесь.

Она засмеялась.

-Ну, такие мы девочки-непостоянные.

-Это многое объясняет. –усмехнулся я.

-Ты куда укатил –то ? –переключается она на другую тему. Меня веселит формулировка ее вопроса.

-В Прагу.

-Круто. –мечтательно вздыхает она.

-Ничего крутого, я здесь по делам.

-Ну, знаешь.... Я бы в Прагу под любым предлогом поехала и была бы счастлива. За границей я еще не бывала. Хотя если бы появилась возможность, поехала бы в Италию. –все это сказано, как бы между прочим, но намек я понял. А у девочки губа не дура, интересно, когда она оценит полностью мое состояние, какие у нее будут запросы?

Я, конечно, не жмот, но как говорится; каждому по способностям, каждому по труду. А Чайка со своим гонором тянет пока на Турцию. Италию надо отрабатывать покорно и усердно, держа язык за зубами. Поэтому уклончиво отвечаю;

-В твоём возрасте я тоже нигде, кроме Севера не был, так что все впереди.

-А на Севере ты как оказался? –удивляется она.

-Не поступил в институт с первого раза и поехал на заработки.

-А как же армия? – провокационно поинтересовалась она, словно уличила в преступлении. Но меня никогда не смущало, что я проигнорировал сию школу жизни.

-Мать медсестра, отмазала меня. Не хотелось терять время.

-Как не хорошо, Олег Александрович. В армии становятся настоящими мужчинами. –выдала она эту заезженную до дыр «истину».

-Это каким таким образом ? И что вообще в себя включает это понятие «настоящий мужчина»?-иронизирую в ответ. Чайка засмеялась.

-Да фиг знает. Просто хотела тебя подразнить. –призналась она.

-Ты только и делаешь, что дразнишь. – скорее самому себе пробурчал я, девчонка довольно хихикнула.

-И сколько лет ты там на Северы был? Много заработал? – вернулась она к теме моего первого сильного, скажем так, потрясения. Зачем я заикнулся про это?

-В двадцать лет вернулся с приличной суммой денег, успел купить квартиру себе и так по мелочи, а потом дефолт случился и три года беспросветного труда коту под хвост. –все это я сказал ничего не выражающим голосом, но как вспоминаю, так от злости до сих пор трясет. Тогда же у меня вообще крышу снесло конкретно. Я гулял по страшному; пил, дрался, творил черте что, благо, отец со старшим братом и Борькой быстро вправили мозги, а то не известно, чем бы моя депрессия закончилась. Для кого-то может и ерунда - три года работы впустую, но есть огромная разница между просто работой и работой в условиях Севера. Привыкнуть можно ко всему, но сейчас ни за что бы никогда не согласился на эту проклятую Богом каторгу, вот уж где точно станешь «настоящим мужиком» со стальными яйцами.

-Ужас, я бы точно удавилась. – лаконично охарактеризовала тогдашнее мое состояние.

-Будем надеяться, что тебя не постигнет сия незавидная участь. – усмехнулся я.

-Не дай Бог! –открестилась она, и тут же воодушевленно сообщила, - Кстати, я начала читать Ремарка.

Это признание меня заинтриговало и удивило.

-Ну, и как? –только и мог я спросить, все еще находясь под впечатлением от того, что она решила узнать, что мне нравится.

-Поначалу было нудновато, что в твоём вкусе, но потом я втянулась и мне понравилось. –весело ответила она. Я ухмыльнулся, а Чайка уже серьёзным тоном продолжила;

- Я так понимаю, ты разделяешь взгляды автора, выраженные посредством героя?

-Не во всем, но во многом. –уклончиво ответил я. Странно было говорить с ней на подобную тему, да и вообще я не совсем привык к столь странным разговорам с женщинами.

-А именно?

-Ты ведь только начала читать, верно? Как прочтешь, тогда и поговорим.

- Я уже прочитала половину книги. Знаешь, а она ведь о любви, о сумасшедшей, всепобеждающей, наверное, любви двух измученных сердец. Война в этой книге – просто фон. –начала она рассуждать в силу своего возраста.

-Каждый судит в меру своего опыта. –резюмировал я.

-Ты не согласен?

-Ну, почему же?! Согласен, просто для меня в этой книге любовь -фон, на котором автор показывает человеческие пороки, безысходность военного

времени и вообще жизнь без будущего, так скажем, со всеми вытекающими отсюда последствиями. –все же вступил я в эту литературную дискуссию.

-Да как можно считать в этой книге любовь просто фоном?! Ты сбрендил. Любовь в ней-основополагающая, да вся книга пропитана этой любовью. Цыганские романсы, парижские ночи, дым сигарет, бешеная страсть –вот это фон. Фон для главного – для любви. И даже не спорь со мной! –горячо возражала она, что вызвало у меня смех. Спорить с ней я и не собирался, бесполезное занятие, но следующее ее заявление, я не смог проигнорировать.

-Жоан понять можно, она необыкновенная женщина и конечно же, ей хочется определенности. Она хочет иметь семью и быть законной женой, с которой можно показаться в свете, а не случайной любовницей, которую стремятся спрятать от посторонних глаз.

-Надеюсь, ты это не серьезно! –воскликнул я. –Она идиотка, которая не понимает, что в военное время и учитывая их обстоятельства, он не в силах дать ей то, что она хочет.

-Вот скажи мне, почему я даже не сомневалась, что ты возразишь? –хохотнула она.

-Наверное, потому, что ты и сама понимаешь, что она сумасбродная, эгоистичная девица, у которой ничего нет, кроме жалких сиюминутных побед. – отчеканил я и тут же сообразил, что только что охарактеризовал Чайку.

Далее у нас началась череда горячих споров, размышлений, за время которых я насмеялся на всю жизнь вперед. Наша жаркая дискуссия длилась не один вечер, а почти неделю, пока Чайка читала книгу. Мы были на связи все это время, за которое я многое узнал о Яне, узнал ее и эти знания шли вразрез с моим представлением о ней.

У нас даже с ней появились традиции; каждое утро она писала мне сообщения, которые надо признать, я ждал, хоть и не отвечал на них. Подобные отношения казались странными, я никогда не проводил столько времени с женщиной, пусть и не физически, что еще больше удивляло; девчонка оказалась душевным, интересным собеседником. В этом я

окончательно убедился во время очередной поездки. У меня случилась внеплановая командировка, на сей раз в Пекин, сразу по возвращению в Москву. Встретились мы буквально на часок, за который довольно весело провели время, а после вновь поругались. Она эмоций своих как всегда не сдержала и очень бурно отреагировала на новость, что увидимся мы еще через неделю. В очередной раз напомнил себе, что пора уже как-то упорядочить наши отношения и определить границы, условия, чтобы не было в напряг. К своему забитому под завязку графику я уже привык, ей же к нему привыкнуть придется, если она на что-то рассчитывает. Пока же пришлось задабривать мою бестию цветами и небольшими презентами. К концу моей поездки она окончательно отошла и с нетерпением ждала встречи, это было взаимно, очень взаимно. Мне надоело подыгрывать ей в игре в «невинную девочку», когда она наверняка перевидала больше членов, чем я в душевой спортзала. Уверен, лет с пятнадцати по мужикам бегают. Черт, о чем я думаю?

Эти мысли вызывают какую-то злость. Как представляю, что ее вертели, как хотели, передергивает от отвращения и злости. Что выглядит бредово. Раньше меня никогда не волновали предыдущие любовники женщины. Ну, были и были, я тоже не святой. Наверное, это из-за вынужденного воздержания. Секса у меня не было уже месяц, если не больше. Вот и лезет всякая чушь в голову. С моим ритмом жизни это, конечно, не самый большой срок, но учитывая, что Чайка постоянно проверяет границы моей выдержки, то секс мне просто необходим после всех этих напряженных недель.

Но вот я уже второй день в Москве, а до сих пор не могу выкроить время на нее, о чем мне еще раз напомнило традиционное, утреннее сообщение. Открываю его и вижу хитренькое личико Чайки. Под фотографией подпись; « Доброе утро, деловая колбаса! Решила освежить тебе память, а то забыл, наверное уже, какую красотку игнорируешь.)))»

Читаю и невольно начинаю смеяться. Малыш знает, как поднять настроение, да и от скромности не умрет.

Водитель посматривает на меня недоуменно, я и улыбка с утра просто не совместимы. Откладываю телефон, перезвоню вечером, все равно сегодня не получится встретиться, до ночи буду разбираться с накопившимися делами после этих поездок, а сейчас нужно пробежаться

глазами по намеченным темам для обсуждения.

День пролетает незаметно. Встреча прошла, как надо, что не может не радовать . К вечеру я решил заняться текущими проблемами, как вдруг обнаружил, что забыл нужную папку с документами в Жуковке. Матерясь поехал все же за ней, хотя встречаться с Ленкой мне сегодня совершенно не хотелось, а отправить кого-то –не вариант.

Подъехав к дому, отпускаю водителя, обратно вернусь самостоятельно на чем-нибудь не столь претенциозном.

Захожу в дом и уже чувствую напряжение. И вот спрашивается ; какого хрена я согласился, чтобы Ленка жила у меня? Нужен мне этот дискомфорт?!

-Олег Александрович, здравствуйте! Как день прошел?- встретил я по пути в кабинет Анну Петровну.

-Добрый вечер Анну Петровну! Благодарю, успешно. У вас как? – отозвался я, продолжая путь, зная, что управляющая последует за мной.

-У нас тоже неплохо; Елену Владимировну встретили, комнаты я выделила, которые вы указали. Олесенька уроки сделала, сейчас уехала на тренировку. Еще у меня новость; я уволила Лидию Анатольевну –это наша уборщица. –отчиталась она, как и всегда по вечерам.

-А в чем причина?- спросил скорее больше для вида. На самом деле мне было все равно. Анне Петровне, как уже говорил, доверяю безоговорочно в вопросах хозяйства.

-Халатность и лень, все как попало делает, а я это знаете, не люблю. – сообщила она высокомерно, я улыбнулся. Вот за это я и люблю эту женщину-за добросовестное отношение к своей работе.

- Я хотела спросить, могу ли я обратиться в агентство для поиска подходящей кандидатуры?

-Конечно. Еще что-то? –кивнул ей, найдя нужную папку и собираясь поскорее уехать. Встречу с Ленкой отложу на следующий день, настроение

не хочется портить.

-Да, Елена Владимировна просила сообщить ей, если вы приедете. Мне сообщить сейчас, или когда вы уедете? –поинтересовалась Анна Петровна абсолютно ничего не выражающим голосом, я усмехнулся, второй раз за вечер убеждаясь, что она сокровище.

-Вы –чудо!- улыбаюсь ей, решая про себя, выдать премию. Нужно поощрять в людях преданность и профессионализм. Анна Петровна поняла все без слов, улыбнулась и развернулась, чтобы уйти.

-Всего доброго Олег Александрович! Вижу, вы торопитесь, поэтому ужин не предлагаю.

-Да, спасибо. Завтра позвоню. –торопливо прощаюсь и иду к лестнице. Ну, и конечно же, как назло из своей комнаты выходит Ленка. Видимо, выражение моего лица было красноречивее всех слов, потому что она невесело усмехнулась.

-Здравствуй, Олеж! –улыбнулась сдержанно и подошла ближе.

-Привет, Леноч! Как долетела?-отвечаю ей холодно, чисто из вежливости, что немного гасит ее пыл.

-Прекрасно. Как ты?

-Прекрасно. –сухо сообщаю, чтобы поскорее отвязаться. Она прикусывает густо-накрашенную бледно-розовым блеском, тонкую губешку. Скольжу по Ленке безразличным взглядом, отмечая, что годы все же берут свое, несмотря на то, что она следит за собой; лицо заострилось, черты стали резче. Но в целом, выглядит хорошо; простенькое, элегантное, серое платье идеально сидело на ее немного худощавой фигурке. Ленка, как и пятнадцать лет назад такая же миниатюрная, кажется, Леська уже сейчас выше ее и рослее. Платиновые волосы собраны в шишку, открывая симпатичное личико по форме напоминающее сердечко, на котором как два сапфира горят огромные глаза и горят они тем же блеском, что и раньше.

-Да, вижу. Красиво жить не запретишь. –оглядывается она по сторонам.

-Могу себе позволить.- невозмутимо парирую, начиная скучать. Говорить не о чем. Надо заканчивать это.

-Ты все, Олеж, можешь себе позволить. Как вы с Олесей живете?

-Я сейчас спешу, Лен, много дел. Давай, мы встретимся на недели и поговорим, мне нужно обсудить с тобой некоторые вопросы, касающиеся дочери. – игнорирую вопрос, начиная раздражаться из-за ее «Олеж-каней». Ленка качает головой, а потом вдруг протягивает руку к моей щеке, я машинально уклоняюсь и приподняв бровь, жду пояснений этому жесту.

-А ты злопамятный, Гладышев. –подводит она невесело итог.

-Прости, что? –вкрадчиво интересуюсь. Ни хера себе заявления! Она ничего не перепутала?

-Всю жизнь будешь меня сторониться и относиться так, словно я не мать твоего ребенка, а едва знакомая женщина?

-Лен, ты скажи спасибо, что я тебя еще на хер не послал после семилетнего мозго*бства. И лишь потому, что ты мать моего ребенка, я тебя здесь терплю. – знаю, грубо, но до нее только так доходит. Я с ней семь лет нянькался, хватит!

Ленка побледнела и тяжело сглотнула.

-Спасибо, Олеж, ты очень любезен! –взяла она себя в руки.

-Хватит звать меня «Олежей», Лен! У тебя есть муж, вот его и зови уменьшительно-ласкательно, а ко мне обращайся , пожалуйста, нормально, мы с тобой не в тех отношениях, чтобы сантименты разводить. – взбесился я. Все, хорошее настроение полетело к чертям.

-Ты что, ревнуешь что ли?- воскликнула она, вызывая у меня натуральный смех.

-Лен, я тебя умоляю! –иронизирую, а потом не выдерживаю и начинаю хохотать. Ленка краснеет, опускает смущенный взгляд. Понимаю, что

нужно успокоится, но не могу-продолжаю смеяться еще сильнее. Ну, она выдала, конечно. –Извини, Лен! Выглядишь замечательно и все такое, но все давно прошло. –успокоившись, пытаюсь быть вежливым.

-Да ладно, куда уж нам до молоденьких девочек!- с горькой усмешкой отмахивается она. Я же не удивлен. Еще бы Антропова не поделилась столь возмутительной новостью со своей заинтересованной в моей личной жизни подружкой.

-Все я поехал, Лен.- ставлю точку в этом словесном поносе. Совсем сдурела, берегов не видит!

-Олеж, пожалуйста, прости!- хватает она меня за руку, которую я тут же резко вырываю.

-Лен, не устраивай драм, а то я сейчас позвоню Вадику.-цежу слова сквозь зубы, а самого аж трясет от раздражения. Мне казалось, что она успокоилась, как замуж вышла, но нет.

-Его зовут Влад! –зачем –то поправляет она меня, чем раздражает еще больше.

-Да какая мне, бл*дь, разница?! Ты к дочери приехала или мне нервы мотать, если так, то я тебя сейчас быстро отправлю куда подальше! Немножко –то думай, Лен! Тебе что надо, какого хера ты никак не успокоишься? Вышла замуж, нормальный вроде мужик, все хорошо. Живи, мать твою, живи и радуйся. Нет, ты опять на те же грабли...- гнев захлестывает меня, хочется встряхнуть дуру, чтобы мозги уже включились, но знаю, что бессмысленно. Нужно было сразу же уходить, этот цирк мне ни к чему.

-Потому что я тебя люблю , Гладышев. Тебя!-выдала она дрожащим голосом, перебивая меня. И тут же закрыла лицо руками, захлебываясь рыданиями.

Шумно втягиваю воздух. Единственное, что чувствую, так это желание вызвать дурку.

-Ты не понимаешь, каково это; жить с нелюбимым человеком, зная,

что любимый давно все похоронил и двигается дальше, живет. Каждый день душа умирает от тоски, от сожаления, что нельзя все начать с чистого листа. Каждую ночь задыхаться от воспоминаний и представлять, что он – это ты. Солнце потухло, Гладышев, мир рухнул для меня, когда ты ушел. – шепчет она, сжавшись в комок.

Не чувствую ни удовлетворения, ни жалости. Ничего не чувствую. Я не держу зла, но и прощать не умею, да и не хочу.

Ленка продолжает рыдать, но я лишь хочу побыстрее уехать, поэтому абсолютно спокойно пытаюсь достучаться до ее разума;

-Лен, успокойся, ради Бога и послушай меня.- слегка касаюсь ее плеча, она поднимает на меня заплаканное лицо и несколько минут пытается взять себя в руки. Как только немного приходит в себя, я продолжаю, - Прошное не изменишь и не вернешь, но этот вечер мы можешь начать с чистого листа; я сделаю вид, что ничего не слышал, а ты, что ничего не говорила. Сделаешь все свои дела и уедешь, а после мы будем контактировать исключительно по серьезным вопросам, касающиеся дочери и не более. – наверное, это жестоко, но по опыту знаю, что с ней нужно только так. И все же стараюсь смягчить предыдущие слова, следующими;

- Живи, Лен, цени то, что есть, чтобы не приходилось сожалеть, когда уже поздно. Неужели тебя ничему не учат собственные ошибки?! – воскликнул с досадой, видя, что мои слова не оказали нужного действия, скорее усугубили истерику, поэтому махнув на все, сухо ставлю точку в этом бестолковом разговоре, - Я позвоню, чтобы обсудить с тобой ряд проблем.

Не дожидаясь ее ответа, спускаюсь вниз, не оглядываясь. Через пять минут уже мчусь в Москву. Чувствую себя выжатым, как лимон. Вот где энергетический вампир, Чайке такое не снилось. Чайка, Чайка...Звездочка моя. В эту минуту понимаю, что больше ни дня без нее не смогу. Нужна. Зачем? Почему? Не знаю и не хочу сейчас об этом думать. Просто нужна и точка. Соскучился. Хочу ее.

Достаю телефон и набираю ее номер.

-Да.- отвечает она весело, видимо, смеялась только что. Как слышу ее

голос, сразу как-то теплее.

-Где ты?- спрашиваю уставшим голосом.

-Я из Академии выхожу, сейчас домой поеду.

-Что-то поздно.- скептически отозвался я.

- Да я не с учебы, а с дополнительной тренировки . Как прошел день?
– быстро переводит она стрелки на меня.

-Тебя подвезти?- слышу на заднем фоне мужской голос. Чайка ничего ему не ответила вслух, что напрягает меня . Видимо, показала жестом, но вопрос –что.

-Где ты? –повторяю вопрос.

-Я же тебе говорю...

-Я понял, адрес называй, заберу тебя. –прервал ее.

Она на мгновение растерялась. Все-таки согласилась поехать с тем пареньком, вертихвостка...

-Вторая Фрунзенская, пять. – неуверенным голосом ответила она.

-Жди, минут через двадцать подъеду. –коротко наказываю ей и отключаюсь.

Добавляю газу и как угорелый мчусь по вечерней Москве, не заботясь о правилах дорожного движения. Приезжаю раньше, чем обещал. Чайка стоит возле ворот, разговаривает с кем-то по телефону, переминаясь от нетерпения с одной ноги на другую. В простенькой курточке, лосинах, растянутой шапке и с рюкзачком она похожа совсем на школьницу. Заметив меня, заулыбалась и помахала. Я же поедал ее голодным взглядом, раздевал, не смущенный даже детским образом. Она закончила телефонный разговор и поспешила ко мне.

-Привет!- радостно воскликнула, запрыгивая на пассажирское

сидение. От нее пахнет морозной свежестью и ее термоядерными духами. Смотрю на прекрасное лицо; горящие глазки, розовые от мороза щеки, красные влажные губы и шлю к чертям свои собственные принципы. Грубо притягиваю ее за шею к себе, несколько секунду вглядываюсь в ее растерянное личико, а после впиваюсь голодным поцелуем в губы, пахнущие клубничной жвачкой. Она судорожно втягивает воздух, приоткрывает свой сладкий ротик, давая возможность почувствовать ее вкус языком, что я и делаю, углубляя поцелуй. Чайка нежно касается холодными пальчиками моих щек и отвечает на поцелуй, осторожно касаясь своим языком моего. В висках стучит, каждую клетку разрывает от бешеного желания. Возбуждение огнем по венам. Не могу сдерживаться, когда чувствую ее дрожь. Ласкаю ее стройные бедра, продвигаясь выше к заветному местечку, но она тут же сводит ноги. Усмехаюсь ей в губы, прикусываю и действую иначе; забираюсь под такие раздражающие сейчас слои одежды – куртку, кофту, нащупываю резинку лосин и скольжу под нее, чувствуя пальцами кружево трусиков. Чайка перехватывает мою руку и замирает.

-Шш, расслабься, малыш, -шепчу, медленно касаясь губами ее шеи, ощущая солоноватый вкус нежной кожи. Чайка прерывисто дышит, продолжая удерживать мою руку. Чувствую дрожь ее тела, холод пальцев и удивляюсь на мгновение ; как-то уж слишком она волнуется.

-Я после тренировки, нужно душ принять. – признается она смущенно. Я же пытаюсь скрыть улыбку, отстраняюсь, хотя это стоило мне больших усилий. Желание заняться с ней сексом прямо здесь было нестерпимым, но отбрасываю эту идею и коротко обещаю, охрипшим от возбуждения голосом ;

-Примешь.

Чайка, видимо, сообразила, что я имею в виду, но решила все же уточнить, когда я завел машину.

-Эм... мы к тебе?

Не ко мне, но суть она уловила. Сегодня эта девочка будет моей. Я быстро взглянул на нее и удивился. Она выглядела какой-то испуганной, поэтому не мог не спросить:

-А ты против?

Она прикусила губу и сосредоточенно начала рассматривать свой маникюр. Несколько долгих минут продолжала в том же духе, вызывая у меня раздражение. Неудовлетворенное желание ощутимо давило на психику. Я уже хотел сказать, чтобы она завязывала ломаться, роль целки – не ее амплуа, как она подняла взгляд и пристально посмотрев на меня, тихо ответила;

-Нет.

-Что «нет»? –не понял я сразу. Услышать от женщины «нет» - не самая радужная новость, но это был не мой случай. Чайка втянула судорожно воздух и уже уверенней пояснила;

-Нет, я не против!

Глава 10

Боже, Боже, что же я творю?! Успокойся. Успокойся!–повторяю, как молитву про себя, буравя напряженным взглядом пролетающую за окном вечернюю Москву. В глазах рябит от ярких огней, таких же ярких, как эмоции, подавляющие остатки моего разума. Тело горит огнем, кажется, что жидкий огонь мчится по венам, губы саднит, но от причины этой сладкой боли бросает в дрожь. Перед мысленным взором, словно заставка последний поцелуй; горячее дыхание, жадные губы со вкусом лимонной карамели, от каждого прикосновения которых я сходила с ума, таяла в умелых руках, словно шоколад на жарком солнце. Так сладко, так мучительно, так невыносимо нежно и одновременно грубо. Голова кружится от дурманящей близости, жгучих поцелуев, от дерзости опытных рук. И хочется еще и еще...Каждая клеточка моего возбужденного тела ноет. Необходимо что-то сделать, только бы избавиться от этого дурацкого состояния. Я не настолько наивна, чтобы не понимать, что со мной происходит и мне ужасно неловко, стыдно за столь бурную реакцию на довольно невинные ласки.

Пытаюсь обдумать происходящее, но паника не позволяет. Сомнения рвут на части; стоило ли соглашаться, как это выглядит в его глазах, как это повлияет на наши отношения, не слишком ли рано, не слишком ли все

просто... Господи! Я ничего не знаю, не понимаю. В подростковых книжках читала разные глупости; что нужно делать на первом свидании, что на втором ; когда за ручку подержать, когда в щечку поцеловать, но ведь это не школьный роман и рядом не мальчик с моего двора. Рядом взрослый мужчина, считающий, что я знаю правила игры. А я...Я даже еще не пробовала в нее играть. Только сейчас, только с ним.

Украдкой смотрю на Гладышева и дыхание перехватывает, сердце вновь учащается от непонятного мне самой чувства и дело тут не в том, что этот мужчина первый, кто коснулся моего тела, все гораздо серьезней, потому, как он –первый, коснувшийся моей души и без всяких усилий взявший в плен мое сердце. Несколько коротких фраз и я пропала, и с каждой проведенной вместе минутой растворяюсь в нем все сильнее и сильнее. Какая-то необратимая реакция, односторонняя... Хотя из курса химии; необратимые –всегда односторонние, но это не химия, а жизнь.

Тем более, что я полна решимости эту «одностороннюю реакцию» изменить на «двухстороннюю» . Не знаю, продвинулась ли я в этом деле хоть на шаг за две недели, не задумывалась как-то над этим, поглощенная происходящим. Наши беседы были увлекательны, интересны, полные смеха, беззлобного сарказма. Мы подначивали друг друга, открывая все новые и новые стороны, точнее открывалась я, практически ничего не утаивая от него, а он... Он по-прежнему оставался загадкой, которую мне отчаянно хотелось разгадать.

Я читаю Ремарка, чтобы понять, что для этого человека приемлемо, каких взглядом он придерживается, чтобы быть ему интересной, чтобы он видел во мне не взбалмошную, капризную девчонку, а взрослого человека. Личность. Хочу, чтобы он со мной считался. Знаю, что мое поведение мало к этому располагает, но я над этим работаю после того случая двухнедельной давности. Сейчас понимаю, как по-детски это выглядело и от того до безумия стыдно. Наверняка у него были причины, чтобы не представить меня своей знакомой, хотя мне все равно обидно, но Олег прав, сказав, что с моей стороны подобные выходки в духе героинь мыльных опер. И все же гордость еще пять дней не позволяла мне признать его правоту, но я так скучала, волновалась, что он исчезнет из моей жизни, что прокляла ту минуту, когда решила показать характер. Это было кошмарные, адски невыносимые пять дней; я не могла ни есть , ни спать, все мысли только о нем проклятом. В тот момент телефон стал для меня

центром вселенной. Смотрю на него, а он молчит. По двести раз захожу во «входящие»-пусто, со злости удаляю Гладышева из контактов, после даже заношу в черный список, а сама боюсь, что пропущу звонок, не выдерживаю и вновь добавляю в контакты, убираю из черного списка и жду, жду, жду... Но от него ни строчки. И это рвало на части от невозможности что-либо изменить и сделать шаг навстречу. Именно тогда пришло понимание, что гордость порой превращается в мазохизм.

Только видимо, я не извращенка; не выдержала –таки , сдалась. Наступив на горло самолюбия, написала первая, и знаете, сейчас ничуть не жалею. В отношениях кто-то должен уступать. Странно только, что этим человеком оказалась я со своим, как Гладышев говорит-«гипертрофированным чувством гордости». Ну, и черт с ней, с этой гордостью! Я просто вдруг поняла, что мне этот невыносимый мужчина нужен очень... очень. Без него дни и ночи превращаются в одно сплошное серое пространство, в котором я не живу, а существую. Только рядом с ним чувствую себя на нужном месте в этом мире и если бы Гладышев не был столь замкнутым и закрытым, как чертов VIP-клуб, в который мне жизненно необходимо попасть, я была бы счастлива, несмотря на все остальные неурядицы в моей жизни. Сейчас же чтобы этих неурядиц не стало еще больше, я сижу, трясусь от страха, раздираемая сомнениями.

Кто-то скажет, что нужно слушать свое сердце в таких вопросах, но мой незначительный опыт учит, что искренние порывы чреваты страданиями и слезами. Я не хочу ошибиться, но и быть разумной у меня не получается, когда Олег всего на расстояние вытянутой руки. Я в его власти; во власти этих пронзительных глаз, в которых тону, как в океане без надежды на спасение.

-О чем задумалась?- неожиданно раздался голос объекта моего пристального внимания, от чего я вздрогнула и резко повернулась к нему. Он расслаблен, одна рука на руле, другая на коробке передач, взгляд сосредоточен на дороге, но я знаю, что Гладышев краем глаза и за мной следит. Облизываю губы и хрипловатым голосом отвечаю, выдавая с головой свое состояние;

-Ни о чем, просто устала. – откашливаюсь, стараясь избавиться от хрипотцы в голосе и сразу же краснею, заметив веселую усмешку Олега.

-Хотел бы я устать от танцулек. –поддел он меня, зная, что вспылю. И я бы так и сделала, если бы не была поглощена переживаниями. Но зато теперь могу и дальше следовать собственным установкам-вести себя, как «разумная женщина», которую Гладышев хочет видеть рядом с собой. Поэтому лишь улыбаюсь краешком губ и пристально всматриваюсь в его лицо без всякого смущения и неловкости. Только сейчас замечаю, что он-то как раз-таки устал ; под глазами залегли тени, лицо несмотря на загар бледное. У меня защемило в груди –странное чувство. Не обдумывая и не взвешивая свои действия, просто протягиваю руку и нежно касаюсь его ключей щеки тыльной стороной кисти. Олег вздрогнул и уставился на меня во все глаза, что несколько поразило. Такое ощущение, что я осмелилась приласкать дикого зверя и испугала его этим действием.

-Трудяга. –шепчу, продолжая поглаживать его хмурое лицо. Он делает вид, что ему все равно, сосредоточившись на дороге, но меня не проведешь, почему-то я уверена, что ему нравится. Кончики моих пальцев покалывает от удовольствия, кровь начинает быстрее циркулировать по венам, вновь воспламеняя пожар, который я с таким трудом потушила. Медленно продвигаюсь к волосам, зарываюсь в них пальцами и начинаю ласково массировать голову. Гладышев чуть откидывает голову назад и едва ли не стонет, я же заметив, как он расслабляется, невольно начинаю улыбаться, хотя саму трясет от такой вольности. За две недели я уже чувствовала себя с ним свободно; знала, что можно сказать, что лучше не стоит, знала, как он реагирует на те или иные вещи, но мы так мало контактировали на физическом уровне, что страшно сделать лишнее движение.

-Хорошо?- спрашиваю осторожно, тяжело сглатывая, боясь, что он заметит, как у меня дрожат руки.

-О, ты-сокровище. –отзывается Олег с усмешкой и сразу же предупреждает. –Если продолжишь в том же духе, я усну за рулем.

Честно, я была бы рада такой отсрочке. – подумала про себя, но при этом убрала руку и повернувшись, села, как положено. Олег тоже поменял положение, сев ровнее. За эти несколько минут, пока мы усаживались поудобнее, нега и расслабленность покинули тело и я почувствовала себя бодрее, Гладышев, видимо, тоже пришел в себя, потому, как в следующую минуту грубовато спросил, приводя меня в недоумение;

-Что там за извозчик у тебя нарисовался?

Я повернулась к Олегу и некоторое время просто непонимающе лупила во все глаза, но он пояснять свой вопрос не считал нужным, поэтому пришлось напрягать извилины и кумекать самой.

-А-а, ты про Максима..- сообразила я, он же усмехнулся и пародируя мой голос, съязвил;

-«Про Максима».

У меня вырвался нервный смешок, и я вдруг начала оправдываться, сама не понимая зачем;

-Мы просто сегодня вместе тренировались, и он предложил подвести меня.

-Ну, а ты, я так понимаю, согласилась?- поддел он меня, едва сдерживая смех от моей торопливой речи.

Я закатила глаза и пожурела его;

-Ревнуете Олег Александрович?

-А стоит?- пренебрежительно усмехнулся он.

Я улыбнулась и уклончиво отозвалась, чтобы позлить его;

-Как знать....

-Не волнуйся, я узнаю! –сделал он недвусмысленное предупреждение. Я хотела ему ответить что-то резкое, но Гладышев, казалось, уже забыл про этот разговор. Отворачиваюсь к боковому окну, пытаюсь заглушить обиду. Как будто я какая-то сучка в поисках кобелька посимпатичней.

Хотя надо признать, если бы не болела Гладышевым, то вряд ли бы осталась равнодушной к этому Максиму. Нужно спросить у Лерки про ее студентика, может, он и этот парень-одно лицо, тогда я ее понимаю; и

правда-«ходячий секс», точнее я бы сказала-танцующий. Меня скорее покорила его талант, сам парень оставил двойное впечатление; знакомство наше, не сказать, что задалось.

Вот уже две недели, как я успешно пользуюсь пропуском, который мне достала Лерка и хожу тренироваться. Как она и говорила; после обеда зал пустой, поэтому преимущественно посещаю его именно вечером. Люблю заниматься одна, да и не хочу нарываться лишней раз, но сегодня меня ждал сюрприз: открываю дверь, и передо мной открывается целое представление. Захватывающее, качественное представление на действительно профессиональном уровне. Я была поражена невероятной пластикой, раскованностью и при этом точным, идеальным исполнением элементов. Парень был высоким и мускулистым, но несмотря на свои габариты, танцевал так, что у меня дух захватывало от каждого его движения, от сумасшедшей сексуальной энергетики, которую он излучал, комбинируя разные стили, импровизируя различными движениями. Восхищенная....Да что там?! Покоренная, я застыла на месте и дышать боялась, пока не встретила с горящим взглядом брюнета. Он сразу же прервал танец, я же словно вышла из оцепенения и отметила про себя, как он красив; лицо дерзкое, скуластое, грубоватое, черты все крупные, но органичные. Глубоко-посаженные, темные глаза, точный цвет которых, я не смогла определить из-за плохого освещения, прямой нос, высокий лоб. Тот самый -волевой, «квадратный» подбородок, о котором столь часто пишут в дамских романах. Но особое внимание привлекали четко –очерченные, словно вырезанные скульптором, чувственные губы, способные свести с ума любую девушку, как и колкий, наглый взгляд изподлобья, который сейчас был направлен на меня и горел не чем иным, как раздражением.

-Долго мы будем играть в гляделки? Ты здесь че забыла? –в хамоватой манере поинтересовался парень хриплым, «прокуренным» голосом. Ну, просто мечта моя, а не мужчина! – подумала я и не сдержала смешок, хотя почему-то мне, как не странно было ровно. Ладно, вру; не ровно, но и таких чувств, как Гладышев, брюнет даже близко не вызывал. Парадокс однако, учитывая, что вот он –мой идеал мужчины.

-Ты оглохла что ли или как?- повысил он голос, возвращая меня в реальность. Я холодно приподняла бровь и невозмутимо парировала, проходя в зал;

-Лучше бы оглохла, а то ты как рот открыл, так все очарование пропало.

-О, даже так?!- усмехнулся он, провожая меня оценивающим взглядом, который я восприняла вполне спокойно, не впервой на меня так мужчины пялятся.

-Даже так. Танцуешь потрясающе.

-Неужели?!- самоуверенно ухмыльнулся он. Я закатила глаза и покачала головой, надевая пуанты.

-Но манера поведения в духе гламурной «тп» оставляет желать лучшего.- отпустила шпильку и начала разогреваться. Брюнет засмеялся.

-А ты мне нравишься. –парировал он с таким видом, как будто я только что получила расположение самого господ-бога. –Напомни, как тебя звать. – подошел он ближе.

-С чего ты вообще взял, что мы знакомы?

-Если ты здесь учишься, то так или иначе со мной знакома. – сообщил он снисходительно. Мне же оставалось только подивиться подобной самоуверенности.

-Неужели?!-театрально воскликнула я, вызывая у брюнета широкую улыбку.- Напомни мне, пожалуйста, кто ты из мировых звезд, а то я что-то запамятовала?- язвительно добавила, выполняя плие.

-Окей , я понял! Давай, познакомимся по всем правилам. – примирительно предложил он, но я уже вошла в роль стервы и остановится было сложно.

-Не хочу показаться грубой, но я никоим образом не заинтересована в знакомстве с тобой. –растягивая слова, отвечаю с приторной улыбочкой, на что он усмехнулся и так же приторно улыбнувшись, осторожно возразил;

-Я бы не был так уверен в этом, потому как, всего два этажа отделяют меня от деканата, где твоя незаинтересованность выявит, что ты не

являешься студенткой академии, а ни мне, ни тем более тебе , этого не хочется, ведь так?

От его слов у меня все похолодело внутри, и я мысленно застонала. Черт возьми! Ну, почему я не могу держать язык за зубами и никуда не вступать?!

Но внешне же ничем не выдавая свой испуг и продолжая разминаться, насмешливо поинтересовалась;

-А ты всегда действуешь методом угроз? И с чего вдруг такая уверенность, что я не студентка Академии?

-Я не мог ни заметить такую красивую девушку.- отвесил он мне комплимент.

-Понятно. Значит, не пропускаешь ни одной симпатичной юбки. – отозвалась я с усмешкой, парень засмеялся.

-Ищу ту единственную и неповторимую. – подмигнул он и лукаво ухмыльнулся, от чего у меня сердце забилось быстрее. Хотя и самоуверенный этот наглец, но обаятельный и харизматичный.- Ну, так что, будем проходить посвящение в студентки?

-Яна. –сдалась я неохотно, хотя страх делал сговорчивей.

-Макс.

-Ясно. –кивнула я. – Слушай, мне нужно заниматься, времени не так много.

-Занимайся. –весело отозвался он и ушел в другой конец зала. Я же пребывая в недоумение, зачем нужно было устраивать этот концерт, продолжила тренировку. Заниматься в присутствии такого профи было как-то не по себе, но преодолев робость, я попыталась отключиться, как и всегда. И мне это даже удалось. Совсем забыв о новом знакомом, я делала фуэте, как вдруг раздался властный окрик;

- Резче! Мощней!

Замираю и ошарашенно смотрю на приближающегося Максима, переводя дыхание.

Молча, ожидая пояснений и они тут же последовали, когда парень приблизился ко мне едва ли не вплотную.

- Я уже полчаса наблюдаю за тобой и вижу, что ты одержима стремлением все сделать правильно, идеально, но результат такой, словно ты закаменелый труп, а не привлекательная женщина, от танца которой должны сходить с ума. Для чего ты загоняешь себя в рамки?

Его вопрос был резонен, я действительно чувствовала скованность, когда приходилось выступать перед кем-то. Только наедине или же выпив, могу дать себе волю. И все же хоть я и понимала всю справедливость его критики, было неприятно и до слез обидно.

-Я, как и все, стремлюсь к совершенству. –нашла в себе силы невозмутимо ответить. Максим покачал головой и как маленькому ребенку начал втолковывать небезызвестные истины;

-Совершенство в танце -это прежде всего индивидуальность, а не идентичность, посредством самоконтроля. Совершенство-это расслабление, свободный полет, желание души, зов тела, понимаешь? Удиви себя и удивишь других. Трансцендентность-вот, что совершенство в нашем искусстве. Твой же танец похож на имитацию оргазма; убедительно, но не то.

Я шумно втянула воздух, не зная, что сказать. Максим же подошел еще ближе, вторгаясь в личное пространство, создавая дискомфорт, но я подавила желание отойти, выдерживая его слишком откровенный взгляд. Еще бы я шарахалась от этого... Если уж с Гладышевым получается не пасовать, то с этим тем более.

-Танцем можно выразить и вызвать множество эмоций, но первое, что должна вызывать танцовщица у зрителя –это желание. – прошелестел он, и взяв меня за руку , развернул к зеркалу.

–Экарте. –коротко отдал он распоряжение, а я на автомате приняла

нужную позу, дрожа всем телом, чувствуя напряжение и волнение.

-А теперь взгляни в зеркало.- очередная команда, которую я снова беспрекословно выполнила. Впрочем, это не имело особого значение, потому, как для меня это было не более, чем тренировка. Смотрю на наше отражение в зеркале и чувствую себя неловко. Я казалась такой маленькой на фоне этого высокого, мощного парня, хотя смотрелись мы очень гармонично. Но я тут же отогнала эти дурацкие мысли, и обратила внимание на правильность позиции. Мое тело опиралось на выпрямленную ногу и было повернуто до диагонали по отношению к Максиму ; другая нога, поднята и отведена в сторону. Руки напряженно замерли; одна – поднятая вверх, другая –отведена в сторону-все, как и должно быть. Но он прав что-то было не так.

-Лицо. –словно прочитав мои мысли, ответил он на невысказанный вопрос. Я посмотрела на свое напряженное лицо и ужаснулась.

-Да-да.- засмеялся Максим, обжигая мою шею горячим дыханием, вызывая мурашки по коже. -Честно, скажу, я бы не стал тебя трахать, никто бы не стал. Не надо усилий и натуги. Не имитируй, получай удовольствие и доставишь его зрителю. –чуть ли не касаясь губами моей шеи, закончил он. Я же была шокирована и возмущена. Натянув непрístupную маску, решила, что с меня хватит.

Нет, я готова слушать критику, тем более, что у этого парня есть чему поучиться, но подобный тон терпеть не собираюсь. Ненавижу пошлость. Отойдя от Максима, подхватила сумку и направившись в раздевалку, холодно попрощалась;

-Благодарю за критику и советы. Всего доброго!

Брюнет молча проводил меня взглядом, чему я была рада.

Переодеваясь, я прокручивала его последние слова и распаляла сама себя, злясь и негодуя. Конечно, до идеала еще далеко, но мне всегда на различных фестивалях, мастер –классах говорили, что танцую я на достаточно высоком уровне. Сейчас же чувствовала себя бревном.

В таком достаточно взвинченном состоянии вышла из академии и

увидела на ступенях крыльца Максима, прислонившегося к перилам лестницы и вальяжно курящего сигарету.

Увидев меня, он ухмыльнулся. Я же сделала вид, что не заметила эту усмешку и поспешила к метро.

-Ян, ты куда так торопишься? –перехватил он меня за руку. Я многозначительно посмотрела на наши руки и Максим сразу же отпустил мою.

-А что ты хотел? –раздраженно ответила вопросом на вопрос.

-Хотел извиниться. –пожал он плечами с виноватой улыбкой. Мои брови взлетают вверх, Макс же поясняет, –Просто, когда дело касается работы, у меня слетает крыша, особенно, если вижу талантливых танцоров, губящих свой талант по глупости.

С каждым его словом я немного оттаивала, и на душе становилось не так погано.

-У тебя охренительная пластика, ты мотивирована, в тебе есть искра, способная зажечь весь зал. Просто научись танцевать не только для себя и своих идеалов, а для зрителя. Отпускай себя! У тебя огромный потенциал, я тебе серьезно говорю. – уверенно заявил он, я едва заметно улыбнулась.

-Спасибо, рада, что все не так печально, как ты мне до этого втирал.

Макс засмеялся.

-Прости за грубость, честно сам от себя не ожидал. Мне нельзя быть преподам.

Вот уж точно. –мысленно согласилась и хотела высказаться вслух, но мне позвонил Гладышев и всё, абсолютно все потеряло значение и смысл, кроме этого мужчины. Кажется, Макс не очень понравился подобный расклад, когда не он поглощает все внимание девушки, поэтому спросив, не подвести ли меня и получив отказ, ушел по-английски, что меня несколько повеселило, а после и вовсе вылетело из головы, пока Олег не поинтересовался.

Вспоминая события уже почти минувшего дня, я немного успокоилась, окончательно пришла в себя, вернулась в реальность , и стало еще страшнее. Сердце каждую секунду обмирало, диафрагму сводило нервной судорогой. Никогда не думала, что буду так волноваться, а теперь с ума схожу, стоит только начать думать о том, как я выгляжу и какое впечатление произведу на этого пресыщенного сексом, женщинами да и вообще жизнью мужчину.

На мне спортивное белье при чем трусики черные, бюстгалтер серый, что совсем не эстетично и абсолютно не сексуально, на голове черт знает что, на лице ни грамма косметики, да еще и потная после тренировки, ну и в довершение - ноль опыта. Ну, просто офигительный наборчик. А Гладышев наверняка привык к шикарным женщинам. Меня вновь затошнило, стоило только представить, что до этого он спал с опытными, ухоженными, утонченными женщинами, а тут вдруг я – провинциалка, простушка, да еще и девственница. Мда... Никогда не стыдилась себя и не чувствовала ущербной, но сейчас это отсутствие опыта начало меня смущать, беспокоить. Как к этому отнесется Олег? Многие мужчины зачастую не в восторге от перспективы возиться с «девочкой», вместо того, чтобы просто расслабиться и получать удовольствие.

Чем больше я думаю, тем хуже себя чувствую. Стыд, смущение, страх боли и конфуза довели меня чуть ли не до истерики, поэтому, когда зазвонил мой новенький телефон, так как старый разбился, я едва ли не подпрыгнула. Олег покосился на меня настороженно. Но я уже была не в силах держать себя в руках, особенно, когда увидела, что звонит тетя.

Трясущимися руками со второго раза сумела, наконец, поставить режим «беззвучный» и уставилась немигающим взглядом на горящий дисплей дорогого смартфона, из-за которого у нас с тетей Катей произошел скандал. Я почему-то думала, что она, как и моя мама не очень хорошо разбирается в технике, поэтому придумала незатейливую историю о появлении у меня нового телефона. Но когда курьер доставил очередной подарок от Гладышева, мой рассказ о том, что я заказала недорогой телефон вызвал эффект взорвавшейся бомбы. Боже, что я только о себе не услышала! Мне и самой было не по себе от столь щедрых презентов, но когда я заикнулась об этом, Олег лишь посмеялся надо мной и ограничился небрежным «да ладно!» , чем вызвал очередную волну гнева и

раздражения. ЗА кого он меня принимает? Впрочем, за кого, давно известно. Просто я все надеюсь, что со временем его мнение обо мне изменится, но каждый раз убеждаюсь, что напрасно.

Наверное, если бы Олег был в городе, я бы ему сразу же вернула подарок, но он улетел в Пекин и пока там был, я немного успокоилась и «привыкла» к своему айфону, как не стыдно в этом признаваться. Успокаиваю себя тем, что даже если верну телефон, мало что изменится в его отношении ко мне, и в тоже время мучаюсь, что возможно, поступила неправильно. Конечно, уже поздно об этом волноваться, сейчас лучше подумать, что сказать тете Кате. Идей пока ноль.

-Не хочешь ответить на звонок?- насмешливо интересуется Олег.

-Не знаю, что сказать. – признаюсь убитым голосом, показывая кто звонит. Гладышев усмехнулся и огорошил меня;

-Не хило начудила по малолетки, да, малыш?

О, как же это в его духе предполагать все самое худшее и как же это меня бесит!

-Конечно, Олеженька! Секс, наркотики и рок-н-ролл. В жизни ведь надо все попробовать! Сейчас вот период богатеньких дяденек, а дальше, как повезет. Живу моментом, ни о чем не жалею, ни в чем себе не отказываю. –наигранно бодрым голосом выдала я жизненное кредо шлюхи.

-Ну, ладно не горячись. Просто такая гиперопека наталкивает на подобные мысли. – прервал он примирительно поток моей самоуничижительной речи.

-Тебя все, что со мной связано наталкивает на «подобные мысли». – съязвила я, не в силах скрыть обиду.

Гладышев улыбнулся виновато, и от его мальчишеской улыбки у меня внутри что-то замерло и так защемило, что я задохнулась от этого неожиданного чувства. А когда почувствовала его руку на своем бедре и грубоватую ласку, меня словно отпустило, и я ухнула с огромной высоты; кровь бешеным потоком понеслась по венам, наполняя каждую клеточку

огнем желания, дикой потребностью в этом мужчине. Даже сквозь нейлон чувствую тепло его ладони, а кожа в месте прикосновения горит огнем, как и мои щеки. Я стараюсь казаться невозмутимой, но как же это чертовски тяжело!

Мы останавливаемся на светофоре. Олег поворачивается ко мне, меня бросает в дрожь, смотрю в одну точку впереди, сохраняя неприступный вид, но плевать он на это хотел. Грубовато притягивает меня за шею, обжигая дыханием, скользит губами по щеке, щекочет своей щетиной и шепчет, улыбаясь;

-Злочка маленькая.

Моя маска трещит по швам, когда он продвигается к уху и нежно прикусывает мочку, я же, не в силах больше терпеть эту сладкую пытку, начинаю смеяться.

-А-а, ты колю-ю-чий. – хохочу, пытаюсь оттолкнуть его, но он неумолим; крепко удерживает и спускается все ниже и ниже, покусывая мою шею, и даже куртка не мешает ему в этом. Так мы дурачились, пока нам не начали сигналить, Гладышев натянул мне шапку на глаза, а после резко сорвался с места. Я же пыталась привести хоть в какое –то подобие порядка взъерошенные волосы. Вновь зазвонил телефон.

-Ответь уже. Или напиши хотя бы сообщение, что все в порядке, а то тетка всю ночь будет трезвонить. - настаивал Олег, я же с ужасом смотрела, как мы заворачиваем во двор дома на набережной Тараса Шевченко.

Скорее от волнения, чем из соображений разумности отвечаю на звонок. Тетя Катя без предисловий задает вопрос, на который я так и не придумала ответ- «Где ты?».

Лихорадочно тараторю что-то про Леру и ее проблемы, что мне нужно к ней, сама же напряженно слежу за тем, как мы припарковываемся. Выхожу из машины и слеую за Олегом, делая вид, что увлечена разговором с тетей, сама же не слышу ни единого слова, только тон ее голоса ; строгий, раздраженный, что еще сильнее взвинчивает мои нервы.

Гладышев глядя на мое перепуганное лицо, похоже, искренне

веселится, наверняка списав страх на разговор с тетей. Усмехнувшись, открывает передо мной дверь в подъезд и пропускает вперед. Втянув побольше воздуха, делаю шаг - отрезаю все пути назад. Пытаюсь «сохранять лицо» и не дергаться, смело иду к лифту, продолжая лишь «угу-кать» в ответ на вопросы крестной. Ей это, по всей видимости, надоело и она, попрощавшись со мной, отключилась. До меня же только сейчас дошло, что мне удалось у нее отпроситься каким-то неведомым образом. Облегченно выдыхаю и поворачиваюсь к Олегу, чтобы узнать, какой этаж, но он остановился около консьержки и что-то ей сказал. В ответ она лишь кивнула и протянула ему ключи, что меня удивило, но я не придавала этому значения.

Олег направился ко мне, я же втянула побольше воздуха, сдерживаясь, чтобы не отвернуться. Уж очень хотелось, так как я чувствовала себя неловко, ведь как бы хорошо мы не сохраняли благопристойный вид, каждый из нас понимал, почему мы здесь.

Когда у Гладышева зазвонил телефон, я была почти счастлива, потому, как нервность моя достигла апогея, и я была не в состоянии даже поддерживать разговор, да и вообще не знала, как мне себя вести.

-Здорова, Борь!- громко и радужно ответил Олег, я же вздрогнула, когда его рука промелькнула у меня над головой, и он облокотился на стену.

-Здорова, Саныч. Занят?- услышала я громоподобный голос его собеседника, когда мы вошли в лифт.

-Пока нет. - ответил Олег и нажал на кнопку одиннадцатого этажа.

-Ты уже прилетел?

-Да в среду еще.

-Ну, хорошо, а то Алёнка весь мозг мне выдрочила. —облегченно, как мне показалось, отозвался этот Боря. Гладышев улыбнулся, а потом сразу же нахмурился и обеспокоенно спросил;

-А что случилось?

-Вот хорошо, что я тебе позвонил, так и знал, что забудешь. Завтра же собираемся в «ЯРЪ», годовщина у нас –хрустальная свадьба, сводник хренов.-хохотнул мужчина, Гладышев тоже усмехнулся. Я так поняла, что Боря его друг. Почему-то мне сразу на ум пришел лысый мужчина, которого я видела у входа в клуб с Олегом. Если это так, то высокомерная брюнетка и есть Алёнка, выдрочившая весь мозг. Судя по внешнему виду, такая может.

-Да я замотался, совсем из головы вылетело. И секретарша эта новая – кукушка, не напомнила.

-Увольняй нахер! - воскликнул Боря, от чего у меня вырвался смешок. Олег с улыбкой покосился на меня.

-Да сработаемся , думаю, так то она мне нравится. – отозвался Гладышев весело, я же приподняла бровь. Интересное кино! Нравится она ему! В каком это смысле?

Олег, кажется, понял причину моего недоумения и улыбнувшись, погладил меня по щеке, продолжая слушать своего друга. Я же перестала вслушиваться, не красиво это все же, но причина была в том, что лифт остановился на одиннадцатом этаже, и перед нами возникла мощная дубовая дверь. Я сверлила ее немигающим взглядом, пока Олег открывал замок. Через минуту мы уже в холе прекрасной квартиры. От размаха, с которым она обставлена, а главное от открывшегося вида на набережную у меня захватило дух.

Олег быстренько снял пальто и бросил его на огромную, серо-голубую софу в гостиной. Я же, как застыла на пороге, так и стояла, словно дурочка, оглядываясь по сторонам.

Гладышев жестом сказал, чтобы я проходила. Покраснев, неуклюже снимаю ботинки, следом пуховик. Медленно прохожу в гостиную, нервно поправляя толстовку и оглядываясь по сторонам, словно попала в музей. Я еще ни разу не была в столь претенциозном месте; арочные окна от пола до потолка, два этажа, соединенные стеклянной лестницей, кирпичные стены, выкрашенные в белый цвет, на потолке лепнина. Дизайн квартиры-некая смесь роскоши и небрежности. Я как зачарованная стояла посреди гостиной и смотрела на вечернюю Москву. Увидев себя в отражение окна,

смутилась; совсем не вписываюсь я в эту причудливую обстановку, словно бедная родственница.

-Наверху ванная. – прижав к динамику ладонь, сообщил мне Олег. Киваю в ответ, и помедлив несколько минут, иду наверх. Поднявшись, оглядываюсь. Олег о чем-то весело болтает с другом, расхаживая взад-вперед. Мое сердце пропускает удар, стоит только Гладышеву улыбнуться. Такой он красивый, уверенный в себе. Мне вдруг захотелось спуститься и зацеловать его, каждую черточку изучить губами, каждый миллиметр его мускулистого тела.

Он словно почувствовав мой взгляд, оборачивается, наши взгляды сталкиваются. И в этом столкновении вся суть ; мое желание принадлежать ему, его – обладать мной. Дыхание перехватывает от животного магнетизма, от голода в синеве этих опытных глаз, жадности, с которой он поглощает меня своим взглядом, жажды. Тяжело сглатываю, он же чувственно улыбается краешком губ, обещая неземное блаженство. Не выдерживаю накала, опускаю глаза, вновь краснею и иду на поиски ванной. Мое тело дрожит от предвкушения ;любопытно и в тоже время до ужаса боюсь.

На втором этаже всего две двери; одна ведет в кабинет, другая в великолепную спальню с шикарным панорамным видом на Москву –реку. Захожу внутрь, чувствую себя Алисой в стране чудес. Как и во всей квартире, в спальне дорогостоящий ремонт, декор из дерева и камня. Роскошная мебель из темного дерева, обитая кожей, камин, мраморный пол, бархатные портьеры, на тканых обоях ручная роспись. От всего этого кружилась голова, и в тоже время казалось нереальным. Я оглядываюсь по сторонам, стараясь успокоиться, но начинаю нервничать еще больше, заметив зеркальный потолок. Вспыхиваю, как спичка от этого открытия и устремляюсь к двери напротив, но открыв ее, попадаю в гардеробную, причем пустую, что меня озадачивает. Но долго не задерживаю на этом недоразумении внимание и иду к следующей двери, за которой оказывается ванная, роскоши, которой я уже не удивляюсь. Огромная душевая, огражденная прозрачным стеклом, радует. Ждать , пока наберется джакузи не хочется, да и волнение не позволяет насладиться такими маленькими радостями. Прикрыв дверь, с ужасом обнаруживаю, что не знаю, как закрыть этот замок. Шумно втягиваю воздух и переборов смущение, торопливо раздеваюсь, чтобы поскорее покончить с этим невыносимым

состоянием.

Решительно направляюсь в душ, но оказавшись у зеркала, все же останавливаюсь. Смотрю на свое обнаженное тело; высокая грудь, тонкая талия, плоский живот, упругие, крепкие бедра. Спортивная, но женственная фигура не хрупкой, но и не крупной девушки. Я знаю, что у меня сексуальное тело и все при мне, но от волнения не могу быть объективной и с маниакальной одержимостью начинаю выискивать в себе недостатки. Кажется, кожа слишком белая, пресс не такой рельефный, как раньше, задница похудела, слава Богу, хоть перед тренировкой сделала эпиляцию.

Так! Хватит! –приказываю себе, но тут же с истеричным смешком опускаюсь на холодный пол разгоряченным телом. Если я так буду себя загонять, то все испорчу. Нужно успокоиться, это всего лишь секс! Но дело не в нем, а в Олеге. Я так боюсь сравнений, боюсь сделать что-то не так, боюсь показаться в его глазах неумехой. Понимаю, что меня несет не в ту сторону, но не могу не думать о том, что для него я всего лишь одна из многих, тогда, как он для меня –целый мир, в котором я теряюсь, пропадаю. Его так много и в тоже время мало, что порой хочется умереть от сумасшедшего чувства. Влюбилась «вхлам», все чувства через край, если такое возможно и некуда деться, потому что без него задыхаюсь, теряю ориентиры, смысл.

Эти мысли каким-то неведомым чудом успокаивают меня и я вдруг понимаю, что сегодня отдам любимому мужчине все, что у меня есть. Нужно ли ему это? –ответ на данный вопрос страшит, но я готова рискнуть, потому что хочу принадлежать ему полностью, каждой клеточкой тела и души.

Поднимаюсь с пола и иду в душ. Включаю холодную воду и прикусив до боли губу, терплю обжигающий холод. Постепенно добавляю температуру, расслабляюсь, смывая с себя усталость и напряжение. Закрыв глаза, наслаждаюсь сладкой болью в мышцах, но тут мне показалось, что что-то щелкнуло, как будто дверь закрылась. Замираю, словно парализованная с мочалкой в руках, боясь сделать лишнее движение и повернуться, проверить, одна ли я. Но взглянув в зеркало, вижу, что не одинока. От этого открытия сердце обрывается и начинает колотиться с бешеной скоростью, такое чувство, что вибрирует каждая частичка тела от убойной дозы адреналина. Резко отвожу взгляд и начинаю лихорадочно

тереть тело мочалкой, делая вид, что не заметила вторжение Гладышева, но искушение посмотреть в зеркало так велико, что я не выдерживаю и устремляю свой взгляд в него и как привороженная, не могу оторваться. Во рту пересыхает, от наблюдений за тем, как Олег, повернувшись спиной ко мне, не торопясь снимает рубашку. Хочется и отвернуться, и в тоже время не могу отвести взгляд от мускулистой спины, наблюдая за работой трапеций, пока Олег избавляется от остальной одежды.

Боже, он великолепен! В его возрасте мужики не хотят следить за собой, тем более с такими деньгами, но Олег видимо, не мало времени уделяет тренировкам ; каждая мышца прокачена, прорельефена.

Никогда не думала, что буду пялиться на мужчину жадным , любопытным взглядом, все же «любить глазами» -это неженская прерогатива, и тем не менее, я смотрю. Нет. Пожираю взглядом Гладышева, забыв про всякий стыд. И только когда, он снимает трусы, прикрываю глаза, начинаю рассматривать свои ноги, дрожа всем телом от страха и возбуждения.

Минута ожидания, пока он войдет в душевую, длится вечность. Нервы взвинчены до предела, я даже не чувствую, как вода обволакивает мое тело, пока поток холодного воздуха не врывается в душевую кабину, опалая кожу, забирая дыхание. Закрываю глаза, пытаюсь успокоиться, но меня трясет, словно в лихорадке. Мочалка выпадает из ослабевших пальцев, когда его ладони без всяких предисловий ложатся на мои груди. Гладышев притягивает меня к себе. И это соприкосновение с его обнаженным телом, подобно взрыву. Накрываю его руки, грубовато ласкающие мою грудь, вызывая у меня табун мурашек, жар в каждом сантиметре, ставшего, словно неродным тела. Прогибаюсь навстречу , прижимаюсь плотнее, ощущая крепкое, сильное тело, чувствуя ягодицами его эрекцию, от чего внизу живота сладко обрывается, а между ног становится влажно, горячо, особенно когда Гладышев проводит языком по моей чувствительной шеи, царапая одновременно, касаясь своей небритой щекой. Ощущения такие острые, доводящие до состояния какой-то ломки. Хочется еще , еще и еще или чтобы это прекратилось к чертовой матери. В крови гремучая смесь адреналина, страха , возбуждения и удовольствия. И с каждым его поцелуем, я все ближе к неведомой мне грани, ведома им. Доверяю бесконечно его рукам и губам.

-Ты не терпелива, да, малыш? - шепчет он в перерывах между поцелуями. В недоумение поворачиваю голову к нему.

Взгляд расфокусирован, глаза щипит от воды, полнейшая дезориентация, но я еще пытаюсь хвататься за реальность.

-С чего ты взял?- также шепотом спрашиваю, судорожно втягивая воздух, когда он сильнее сжимает мои соски.

-С чего.... О, ну, прости. Ты, конечно же, просто забыла закрыть замок, а я наглым образом воспользовался.- насмешливо предполагает он, ничуть в это не веря. Я же обалдеваю, так как это истинная правда.

Хочу возразить, но Гладышев не позволяет, впивается в мои губы властным поцелуем, заглушая протест. Голова кружится, задыхаюсь, глотая воду, открываю рот шире, впуская его наглый язык и прикусываю его в отместку за все выше сказанное. Как же он меня бесит своей самоуверенностью.

-Сучка. –стонет он болезненно мне в губы. Вновь прикусываю и тут же посасываю, вызывая у него дрожь. Довольно улыбаюсь, чувствую себя смелой, сексуальной, раскованной, представляя, что я опытная, выдавшая виды, как он считает. Такая, какой он меня хочет видеть. Перехватываю инициативу, забыв о неловкости напрочь. Хотя страх сделать что-то не так, все равно присутствует. И все же...сейчас я просто женщина, которая хочет любимого мужчину, хочет доставить ему удовольствие.

-Так и есть.-выдыхаю ему в губы и прикусываю их, но он не позволяет мне быть ведущей.

-Охотно верю, Чайка. – с усмешкой парирует он, в то время, как одна его рука перемещается вниз, чтобы наверняка доказать несостоятельность моих возражений, другая продолжает ласкать грудь. Меня бросает в жар. Смущение, словно в тиски захватывает, сковывает. Перехватываю его руку и крепко сжимаю. Мы замираем. Гладышев оставляет в покое мою грудь, зарывается пальцами в волосы, а затем наматывает их на кулак и тянет голову назад, заставляя прогнуться сильнее, прижаться вплотную к его члену. Затылок больно, но от этой какой-то подчиненной позы испытываю неясное удовольствие.

-Я не люблю игры в недотрогу, малыш. –мягко сообщает он, лениво целуя. У меня сердце падает вниз. Так хочется сказать, что это не игра. Но теперь я точно уверена, что для него моя невинность приятным сюрпризом не окажется, поэтому будет, наверное, лучше, если этот факт останется незамеченным. Впрочем, мне и до этого не хотелось, чтобы он узнал. Почему-то стыдно, а ведь так не должно быть.

Но погрязнуть в самокопание Олег не позволяет, настойчиво высвобождает руку из моего захвата, двигаясь к заветной цели. Судорожно хватаю воздух и обессиленно сдаюсь на милость его опытным рукам.

Он касается меня там... Раскрывает, скользит мягче, чем осторожно, нежнее, вырывая судорожные вздохи, ошеломляя острым удовольствием, бешеным потоком возбуждения, устремленным туда, где его пальцы ласкают меня, пробуют, дегустируют на ощупь с искусством и умением скрипача-виртуоза, извлекающего из меня приглушенные стоны, которых я стыдилась, но не могла сдержать. И ему это нравится, он наслаждается моей потерей самообладания. С невыносимой жестокостью доводит до безумия, до униженного скулежа, медленно проникая пальцем в мое влажное, готовое для него тело, продолжая ласкать клитор большим пальцем. Мне больно, но эта боль сладкая, саднящая, извращенная.

-Какая же ты влажная и узенькая. – со стоном выдыхает он, целуя меня, слизывая воду, посасывая, целуя жадно, хаотично, беспорядочно, как изголодавшийся, обезумевший вместе со мной, пробуя меня на вкус.

Вдох-выдох. В унисон. Глаза в глаза. Улыбаемся. Чему? Не знаю. Гладышев не оставляет ни единой мысли в голове, мир перестает существовать, кроме нас, кроме этого обнаженного, животного желания, этих немыслимых ощущений, ошеломляющего откровения, где нет тайн, сдержанности, нет границ, где можно любить, не маскируясь, не сдерживаясь, не боясь быть отвергнутой. Растворяться в любимом мужчине и понимать, что с каждым движением он проникает глубже, чем просто внутрь, забирается под кожу, в каждую клеточку, в самое нутро. Губительно, смертельно, подсаживая на себя, на это безумие наших тел, заставляя коллапсировать и мысленно умолять отчаянным шепотом;

«Только не останавливайся, ради Бога, не останавливайся, не

разрушай, иначе я разлечусь на части от нехватки тебя ! Ты-мой фундамент, моя опора. »

Я никогда не думала, что это такая невероятная, сокрушительная близость, сильнейший наркотик. И мне плевать, если я умру от передозировки, только бы не от ломки....

Гладышев отрывается от меня и мне трудно дышать, задыхаюсь, трясет крупной дрожью. Тянусь к нему, ищу его губы, встречаюсь с пронзительным горящим взглядом любимых глаз, но не могу выдержать его, опускаю голову, но Олег тут же обхватывает мое лицо и поворачивает к себе, заставляя смотреть в глаза, вытягивая из меня душу, продолжая ласкать другой рукой, присоединяя второй палец, растягивая меня, вырывая стон удовольствия. Он довольно ухмыляется, наблюдая, словно садист за моими жалкими попытками сохранить хоть какое-то подобие рассудка и цивилизованности, сходя с ума от его умелых ласк.

-Не сдерживайся.-горячий шепот, нежное прикосновение к губам. – Хочу слышать твои стоны.

Краснею, чуть ли не рыдаю от смущения, но Боже, как же мне хорошо!

Выгибаюсь, трусь ягодницами о его эрекцию, зная, что доставляю ему удовольствие и с каждым проникновением его пальцев постанываю все громче. Во мне нарастает словно лавина дикое чувство, требуя освобождения. Я уже ничего не соображаю, только одно не позволяет сорваться-взгляд Гладышева. Не могу вот так, чтобы он все видел... это слишком откровенно, слишком ...Это просто слишком. Он не позволяет ничего оставить при себе, требует полной отдачи, но я еще не готова. Нет. Нет....

Я пытаюсь изо всех сил бороться, зная, что тщетно.

-Отпусти себя.- грешный голос искусителя, обволакивает, искушает. Вспоминаю, что уже где-то это слышала, но эта мысль тут же улетучивается, когда Гладышев, начинает ласкать меня грубо и быстро, вызывая боль и дикое, острое удовольствие.

Так горячо. Невыносимо.

– Давай, малыш!-приказывает он охрипшим голосом и это сильнее меня. Взлетаю и резко падаю, разлетаясь на мелкие осколки. Колени подкашиваются, дрожу всем телом, а слезы текут по щекам от эйфории и сладостного облегчения.

-Шшш, маленькая моя, моя девочка... самая красивая девочка на свете!- успокаивающе шепчет он, прекращая ласкать меня пальцами и нежно целуя в губы, пока я прихожу в себя, восстанавливая дыхание, собирая себя по кусочкам. Боюсь посмотреть ему в глаза, так не по себе и в тоже время хорошо, словно мы стали ближе. Теперь я знаю, каким он может быть. Оказывается под сдержанной, все контролирующей маской скрывается страстный мужчина, искушенный, властный любовник.

Он отрывается от меня и подтолкнув бедрами чуть вперед к стене, заставляет прогнуться. Беспрекословно подчиняюсь и только, когда слышу шуршание, доходит, что он намерен трахнуть меня в душе, просто поставив, простите, «раком» к стене.

Слабость тут же сменяется напряжением и страхом. Вряд ли такая поза облегчит мой первый раз. Резко поворачиваюсь и заливаюсь краской смущения, увидев, как он надевает презерватив.

Вспыхиваю и сгораю от стыда, но не могу отвести взгляд. Словно замороженная слежу, как его рука скользит вниз, вдоль члена, размер которого, наверное, должен впечатлять, но меня лишь пугал, стоило представить, как это будет больно.

-Хочешь сделать это сама?- интересуется Гладышев со смешком, заметив мой живейший интерес, я краснею еще больше, хотя мне кажется, больше уже некуда. Лихорадочно качаю головой, вызывая у него широкую улыбку. –Иди сюда. – притягивает он меня к себе и с ленцой томительно-осторожно касаясь истерзанных губ языком, приоткрывая их, проникает в рот, опалая его нежной лаской, вызывая дрожь.

Голова вновь идет кругом, и страхи улечиваются, стоит ему только коснуться меня. Возбуждение с еще большей силой пронзает мое тело, наполняя его жаром и жадной потребностью в этом мужчине. Хочу его, хочу до ломоты в этом теле, принадлежащем только ему целиком и

полностью, я же утратила над ним власть и даже боль не страшит. Я хочу этой боли, просто хочу стать одним целым с любимым. Отвечаю со всей страстью, даю волю рукам и скольжу по его телу, изучаю дерзко, нагло, наплевав на страхи, забываясь в этом чувственном безумии. И Олег, кажется, тоже теряет контроль, когда моя рука спускается вниз. Втянув побольше воздуха, словно перед большим прыжком, обхватываю его член и нежно провожу верх-вниз, со страхом ожидая реакции. В ответ судорожный вздох и этот скупой отклик заводит покруче ласк. Ускоряю темп, но Гладышев резко останавливает меня, обхватив мою руку. Недоуменно взираю, но он не дает опомниться, небрежно целует в губы, но не задерживается на них, скользит вниз, прикусывая шею. Подхватывает меня, заставляя обхватить его пояс ногами. Обхватываю, чувствую его эрекцию упирающуюся в мое лоно и меня захлестывает паника. Уворачиваюсь от поцелуя и лихорадочно прошу, в перерывах между поцелуями:

-Не надо. Остановись на секунду. Пожалуйста.

Задыхаюсь, понимая, что он сейчас в таком состоянии, когда практически ничего не замечаешь. Обхватываю его лицо руками, заставляя посмотреть на меня.

-Что?- раздраженно выдыхает он, замирая.

-Не здесь.- смущенно прошу и краснею, когда его бровь взлетает вверх, как бы говоря «Ты в своем уме, девочка, что за идиотские капризы». Но вслух ничего не говорит, просто выключает воду и выносит меня из душевой. От неловкости стараюсь не смотреть на него, пока он не опускает меня на кровать. Мне холодно, дрожу, покрываясь мурашками. Он же отстраняется, подхватывает мою ногу и начинает медленно покрывать поцелуями, продвигаясь все выше и выше, нежно и неторопливо собирая губами капли воды, глядя мне прямо в глаза, гипнотизируя, возбуждая томительными ласками.

Схожу с ума от сознания, что этот мужчина –мой. Пусть только сегодня ночью. Но клянусь, он будет моим не только по ночам.

Дрожу, но уже не от холода, а от нетерпения, заведенная до потери сознания. Еще чуть –чуть и начну просить, чтобы он взял меня. И Гладышев это знает, потому, как пристально следит за моей реакцией, и этим цепким, наглым взглядом будоражит, возбуждая еще сильнее. Вода с

его волос капает на чувствительную кожу, отчего я готова едва ли не кричать, а он медлит, целует, вылизывает каждый сантиметр моей кожи. Невыносимая пытка. Плавлюсь в его руках, теряю себя ту, у которой «гипертрофированное чувство гордости», ту, которая дикая.... Ручная я для него, ручная... Податливая, как пластилин. Укротил, покорил, посадил на себя с первой встречи.

Выгибаюсь, когда его руки обхватывают мою талию, губы переходят с бедер на живот, а после захватывают сосок, посасывая его, покусывая, вырывая из меня стон.

-Пожалуйста. – не выдерживаю больше и умоляю его , притягивая к себе. А он словно только этого и ждал. Накрывает мое тело, целуя шею грубо, словно с цепи сорвался, добрался до желанного.

-Знаешь, сколько я этого ждал? –с усмешкой признается он, останавливаясь на секунду.

- Я тебя восемнадцать лет ждала и не жалею. –сообщаю ему охрипшим от страсти голосом, пытаюсь сдержать дрожь, когда обхватываю ногами его крепкие бедра и чувствую твердую, горячую плоть, готовую войти в меня.

Гладышев намек не понял, закрыл мне рот поцелуем и сделал толчок, с трудом погружаясь в мое тело, несмотря на то, что я влажная и возбужденная до предела. Прикусываю губу от резкого неприятного ощущения.

-Какая ты тугая.- произносит тихо, касаясь моих губ, продолжая при этом медленно проникать внутрь, я же уже не чувствую бывшего возбуждения, напрягаюсь всем телом, хочу оттолкнуть его, но притягиваю еще ближе, впиваясь ногтями в мускулистую спину. Олег тоже напряжен, стараясь быть осторожным, но потом не выдерживает и резко входит в меня, от чего возникает чувство, словно вышибло весь воздух из моих легких. Раздирающая на части боль пронзает, слезы выступают на глазах и текут по щекам, меня трясет мелкой дрожью.

Олег замирает, и приподнявшись на локтях, ошарашенным, шокированным взглядом смотрит на меня.

-Чайка, у тебя что....-начинает он, но я не позволяю ему ничего сказать. Не хочу выяснять отношения сейчас, хочу только его нежности, теплоты, заботы, любви, его хочу, пусть и больно. Я сумасшедшая, знаю. Мазохистка, в большей степени, чем думала.

-У меня ты ...первый. Только ты...- шепчу смущенно, сквозь слезы и нежно целую его напряженные, плотно сжатые губы. –Пожалуйста, не останавливайся.

Вижу в его взгляде растерянность и злость. Он шумно втягивает воздух, я же продолжаю покрывать его лицо поцелуями. Между ног саднит, пульсирует, но я чувствую себя счастливой, от сознания, что он во мне, что принадлежу ему.

Усмехнувшись, качает головой и гладит меня по щеке.

-Прости, если бы знал.... Глупышка, какая же ты глупышка. – выдыхает он с сожалением мне в губы и целует неспешно, постепенно углубляя поцелуй, заглушая боль, стирая неприятные ощущения нежностью, осторожностью и внимательностью.

Его рука опускается вниз и втискивается между нашими телами и сразу же начинает настойчиво ласкать меня, поглаживая клитор, вызывая целый спектр эмоций. Возбуждение вновь разгорается во мне медленно, неспешно растекаясь по телу, поглощая разум. Тягучее, острое, болезненное наслаждение гуляет по крови от этой близости, наполненности им.

Прикусываю губу Гладышева, когда он делает первый толчок, продолжая стимулировать клитор. Снова толчок, отзывающийся во мне сладкой болью и удовольствием. И с каждым проникновением все лучше и лучше, быстрее и чаще. Задыхаюсь, теряюсь в этих сумасшедших, острых ощущениях.

Хочу еще сильнее, до упора, до самого конца. Кладу ладонь на его ягодицу, ощущая, как он работает бедрами и подталкиваю его ускорить темп, что он и делает, погружаясь в меня резче, глубже, вырывая из меня стоны, которые он сразу же проглатывает, целую меня жадно, неистово.

Вдыхаю его аромат, дышу им, как кислородом. Целую лихорадочно любимое лицо, покусываю колючий подбородок, спускаюсь к шее. Втягиваю солоноватую кожу, но он тут же резко уворачивается и холодно поясняет;

-Никаких засосов....малыш!- смягчает он в конце и сразу же целует в губы, наверное, чтобы не успела обидеться. Но в это мгновение мне наплевать даже если матом покроет .

Извиваюсь, двигаюсь ему навстречу, стоны непроизвольно срываются с губ, с каждым его проникновением. Поднимаю голову и вижу наше отражение в зеркале, отчего меня пронзает мощная волна острейшего удовольствия; это так эротично, красиво... Не знаю, как объяснить, но видеть себя под этим мускулистым, загорелым, влажным мужчиной стонущей , извивающейся от удовольствия, это невыносимо сексуально, порочно, словно я делаю что-то не то, подглядывая за собой. Но какие же мы красивые; такие разные, но неразделимые, дополняющие друг друга, как инь –янь.

И хочется шептать ему о своих чувствах;

Люблю, бесконечно, безумно, больше жизни люблю тебя одного! Мой милый, дорогой, любимый, единственный, самый лучший мужчина на свете. Отвоюю тебя у всего мира, украду, нагло присвою, даже если будешь против!

Но в это мгновение Олег напряженно замирает и начинает дрожать, кончая. Нежно поглаживаю его спину. Гладышев облегченно вздыхает, осторожно покидает мое тело и ложится рядом.

Несколько минут мы просто лежим , приходим в себя, уставившись в зеркальный потолок, пока наши взгляды не встречаются. Я прикусываю губу, ожидая, что сейчас последует, но Олег молча поднимается с постели, и совершенно не смущаясь своей наготы, подходит к комоду, откуда достает простынь и полотенце.

-Иди в душ, я поменяю постель. – севшим голосом отдает он распоряжение, на меня даже не смотрит, от этого все обрывается внутри. Медленно поднимаюсь, боль между ног становится ощутимее, заворачиваюсь стыдливо в простыню и с ужасом смотрю на кровавое пятно

на кровати. Меня бросает в краску. Я понимаю, что это естественно, но мне так стыдно. Хочется провалиться сквозь землю.

-Иди, ничего страшного.- едва сдерживая улыбку, указывает он на дверь ванной, и я торопливым шагом спешу туда, только бы поскорее скрыться от него такого холодного и вновь неприступного, словно несколько минут назад все, что произошло, было не с нами. Как у него так получается? Почему для меня эта ночь отпечатается в памяти на всю жизнь, в этом я даже не сомневаюсь и не потому, что первый раз, а потому, что люблю этого мужчину, а для него это ничего не значит. Всего лишь еще одна ночь, всего лишь еще одна из многих.

И почему –то я точно знаю, что с этими «многими» он не так холоден, а я...чем я хуже? Что сделала не так?

-Что-то не так?- нахожу в себе силы горько прошептать, остановившись в дверях, вглядываясь в его мрачное лицо.

-С тобой всегда все не так, Чайка! – отвечает он , даже не повернувшись. И этими словами хлестанул по самому сердцу, оставляя шрам. Я словно летучий пар ртути вдохнула. Задыхаюсь, все горит внутри, разъедает от боли и обиды. Сглатываю подступившие слезы, прикусываю дрожащую губу и иду в душ, словно сомнамбула. Встаю под горячие струи воды, смывая с себя его запах, его поцелуи и нежность. Плачу, дрожу от судорожных рыданий, умирая от тоски. Я не понимаю, не понимаю...

.Что я тебе сделала? За что ты убиваешь меня словами каждый, чертов раз, как только мы вместе? За что, за что, черт возьми?! Я же тебя люблю.

Глава 11

Вас когда-нибудь по голове били? Уверен, что нет. Счастливые вы люди. А мне вот прилетало парочку раз во времена моей «развеселой» молодости. Состояние, скажу я вам, то еще ; вроде бы все понимаешь, и в тоже время охреневаешь от происходящего. Вот что-то подобное сейчас со мной творится.

Стою напротив кровати, смотрю, как баран на новые ворота на пятно крови и до сих пор не могу поверить, что Чайку никто не трахал до меня. Звучит грубо и пошло, понимаю, но в моем состоянии простительно. Это же надо ; только я и больше ни одного проклятого, надуманного мужика.

Девственница, чтоб ее!

Все пошлые, циничные домыслы о ней с позорным гулом разлетаются на части. Малыш была права, окрестив меня придурком. Так и есть. Полный придурок! Сейчас вспоминаю ее поведение; ее смущение каждый раз, стоило ее коснуться, ее неумелые, но старательные поцелуи, ее вульгарную показуху, сбившую меня с толка. Вспоминаю и в голове не укладывается собственный кретинизм. Развешивание ярлыков однако чревато проблемами. Как я не понял, ведь всегда был проницательным, стараясь объективно оценивать людей?! Но с ней, словно испорченный магнитофон, прокручивал одну и ту же пленку; « гулящая, алчная девка». Наверное, так было удобней.

Чувствую себя извращенцем, совратившим ребенка . Хотя кому вру? Ни хрена подобного я не ощущаю. Нет ни капли раскаяния, ни грамма совести. Разум лишь пытается воззвать к ней, точнее просто проверяет; жива ли она вообще. Но я с ней попрощался очень-очень давно. Ее вытеснил мой эгоизм, и меня, черт возьми, это всегда устраивало. Если жизнь такая сука, чтобы искушать подобным образом, то я буду еще большей сукой и воспользуюсь тем, что мне предложено. Я ведь говорил, что не моралист ? Да и в Чайке всегда видел и вижу, прежде всего, женщину. Женщину, которую с первой минуты хотел, как никакую другую в своей жизни. Я понимаю разумом, что это омерзительно, это пошло, учитывая, что она почти ровесница моей Леськи. Но я не хочу ставить свою дочь на место Чайки. Не хочу и не буду. Почему я должен? Да, признаю она совсем девчонка, наивная девушка, но теперь это в прошлом, к чему посыпать голову пеплом? Я ее к себе в кровать не тащил, сама прыгнула. Только вот как не привожу разумные доводы, а проклятое чувство вины не утихает. Наверное, совесть –таки не спешит со мной расстаться. Да уж... Еще и получилось все как в том анекдоте; сделал ее женщиной, так и не успев понять, что она за девушка. Я никогда не был склонен к самообману, как бы это не было выгодно. Но с ней, с этой девочкой, мне не нужна была правда, потому что она шла вразрез с моими желаниями. А мне от женщины нужно лишь, как я уже ни раз говорил и снова повторю; регулярный секс без всякой эмоциональной подоплеки и прочих обязательств. Со своей стороны я гарантирую вполне обеспеченную и комфортную жизнь на срок данного «сотрудничества». Облекая подобные отношения в слова, сразу понимаешь; насколько неприглядно они выглядят. Но с абсолютной уверенностью вам говорю: на данный бартер согласится

кто угодно. Поиметь можно любого, главное-с ценой определится. Легальная проституция у нас процветает, и неважно, в каком виде. Что-то меня опять потянуло на философию. Что же касается красивых девочек, мечтающих о сладкой жизни, у них цена невелика, они готовы тщательно и старательно отсасывать лишь за то, что ты пахнешь зелененькими. Таким предложить подобный формат отношений – обычное дело, но сделать шлюхой (если называть вещи своими именами) наивную девчонку, пусть и только для личного пользования, которая по глупости, наверняка, облекла в нечто возвышенное и прекрасное примитивное влечение тел-это мерзко. Даже такой беспринципный тип, как я, на это не способен. Может, именно в этом причина моего самообмана и я видел лишь то, что хотел. Так было проще.

Первый, мать ее! И что мне теперь с этим делать? Смешно, блин. Распыляюсь тут, пытаюсь убедить себя, что мне все это ни к чему и это действительно ни к чему, но самолюбие-то тешит мысль, что Чайка исключительно моя, как бы тупо это не звучало-моя. Быть первым – приятно, даже в моем возрасте, а может, в моем возрасте особенно. Я уже и забыл, что это такое. А тут такая новизна ощущений на чисто психологическом уровне. Кажется, последний раз подобная «честь» мне выпала с Ленкой, но это само собой, иначе я бы не женился на ней. Моя жена должна была быть только моей, женится на б/ушном товаре -не в моих правилах. Такой я был в молодости; максималист, собственник. После развода подобные вещи перестали иметь значение, пока в моей жизни не появилась эта наглая девчонка. Думая о ее потенциальных любовниках, я бесился, презирал ее и как не противно признавать-ревновал. Пожалуй, впервые в своей жизни. Раньше у меня так башню не сносило ни от одной бабы, да и честно, поводов никто не давал. А тут ,твою мать , соплячка, у которой и мужиков-то не было одним взглядом способна в нокаут отправить. И я черт возьми, в нокауте от ее бесконечных «сюрпризов» ! Знаю, что мои претензии звучат странно, учитывая, что до этого я осуждал ее за распутство, но лучше бы она была потаскушкой, чем девственницей. Как теперь быть, ума не приложу. Точнее, я уже решил все, только хватит ли силы воли просто уйти, если каждый мой день начинается с мыслей о ней, и ей же заканчивается в самых откровенных фантазиях? Думал, трахну и отпустит, но сейчас понимаю, что мне этого отчаянно мало, я хочу еще и еще, снова и снова, пока тошнить не начнет, что сомнительно. Это не лучший секс в моей жизни –однозначно, но раньше я бывало во время близости с женщиной думал о работе, о каких-то делах, о других

женщинах. Да, и такое случалось. С Яной же.... Странно называть ее по имени, как-то слишком интимно это. Идиотизм, конечно, чистейшей воды, но такое ощущение присутствует, и я никак не пойму, почему. Впрочем, оно мне и не надо. Вернемся к Чайке....Яне. С Яной ничего не существовало, кроме того, что происходило между нами, я думал только о ней, наслаждался каждым мгновением, несмотря на то, что приходилось сдерживаться, чтобы не причинить ей еще больше боли, чем есть.

И это все мне не нравится, очень не нравится, а в связи со всеми «открытиями» дистанцию соблюдать не получится, относясь к ней, как к профурсетке. Привязываться мне бы не хотелось, и давать ложных надежд тоже, нам с ней не по пути-это даже не обсуждается. Все эти серьезные отношения , ну, на хер . Тем более с такой взбалмошной девицей. Хватит, нажрался этого дерьма на три жизни вперед, надорвался, теперь тяжести не поднимаю. Честно, я жалею, не стоило идти на поводу своих желаний. Знал ведь, что добром не кончится. Она-то наверняка накрутила не бог весть что, а я просто не смогу сказать ей, что драматизировать вполне естественный акт ни к чему в данном случае. Лучше, наверное, уйти по-английски, хотя как-то тоже не комильфо. Черт!

За этими размышлениями, я привел в порядок постель, заказал ужин и натянул джинсы, дабы не смущать лишний раз девчонку, хотя по-хорошему не мешало бы в душ сходить, но опять же, чтобы не ставить ее в неловкое положение, подожду.

К тому моменту, как она вышла из душа, я все обдумал и четко решил для себя, что на этом стоит закончить, дабы не создавать ни себе , ни ей проблем, как бы не хотелось послать к черту все эти заморочки. Знаю, что унижу ее, обижу, но приходится выбирать из двух зол меньшее. Сделать ее содержанкой – это еще хуже, а я ведь не конченный ублюдок, да и она не согласится. И правильно сделает. В конце концов, между нами практически ничего нет, кроме одной ночи и необъяснимого притяжения. В общем, ситуация из разряда-всего лишь еще один «мудак» и разочарованная девочка-классика жанра. И смех, и грех, блин.

Только когда открылась дверь ванной, мне стало не до смеха. Увидел ее и словно удар под дых. Нельзя быть настолько красивой, просто противопоказано. Она чистейшее эстетическое удовольствие и отрада для мужских глаз. Лицо ее такое невинное и в тоже время чувственное, а тело,

это чертово тело, создано, чтобы доводить до безумия. И я схожу с ума, глядя на нее. Она же суетится, ища что-то, пытаюсь тем самым скрыть смущение, а я пожираю ее голодным взглядом, забывая обо всем на свете. Мне хотелось лишь одного; сорвать с нее это гребанное полотенце, изучить губами каждый ее сантиметр, а потом трахать так, чтобы она орала, нет, была от удовольствия, комкала простыни и стонала мое имя, а потом, пошатываясь, на дрожащих ногах ползла до ванной. От подобных перспектив возбуждение захлестывает, штаны мгновенно становятся тесны, и я уже ни хрена не соображаю. С ней всякий раз теряю цивилизованность и остатки разума, превращаясь в какого-то дикаря. Хотя так и должен мужчина желать женщину, посылая к чертям все на свете, доводя и себя и свою партнершу до состояния беспамятства, а не методично заниматься сексом, просто, чтобы получить разрядку и услышать «это было великолепно». Ни хера великолепного в подобной имитации нет, обычное удовлетворение физиологических потребностей.

Эта мысль несколько охлаждает, отвлекаюсь от своих размышлений, и только сейчас доходит, что не мешало бы что-то сказать.

Чайка осторожно присела на край кровати и, вцепившись мертвой хваткой в край полотенца, прижала кулак к груди, уставившись в одну точку за окном. На щеках у нее нежный румянец, нижняя губа нервно прикушена, глаза несколько покрасневшие.

Плакала. Из-за меня плакала. Твою же мать!

Это открытие заставляет поморщиться. Повел себя, как кретин. Ни деликатности, ни такта. Хорош, Гладышев, хорош, ничего не скажешь. Понимание этого вызывает потребность загладить причиненные ей переживания потоком романтической хрени. Необходимо исправить свою оплошность. Все же первый раз у девочки, надо чтобы вспоминала с ностальгией, а не разочарованием, женщины ведь любят всю эту сентиментальную муть.

Подхожу к ней и сажусь на корточки, вдыхая легкий, цветочный аромат мыла и еще чего-то едва уловимого, присущего только ей, напоминающее запах свежести после дождя. Чуть прикрываю глаза, наслаждаясь этим, в очередной раз теряя самообладание. Нежно касаюсь кончиками пальцев гладкой, атласной кожи ее бедер, слышу судорожный

вздых. Встречаюсь с растерянным взглядом голубых глаз , которые со страхом и в тоже время с предвкушением следят за тем, как я медленно склоняюсь и начинаю целовать точеные ножки, чуть разводя их в стороны, отчего щеки моей девочки становятся пунцового цвета. Это вызывает у меня какое-то странное, щемящее чувство в груди и улыбку. Я понимаю, что творю черте что, учитывая недавно принятое решение. Разум кричит, что нужно остановиться, но не могу. Не хватает сил. Я хочу ее попробовать, я хочу полностью насладиться ей. Как наркоман повторяю про себя, что еще чуть-чуть и останавлиюсь. Всего лишь раз, последний раз и больше никогда. Продвигаюсь все выше и выше, сгорая от желания доставить ей удовольствие, несмотря на то, что тело требует собственного удовлетворения.

-Я обидел тебя.- шепчу между поцелуями. Не спрашиваю, утверждаю, но Яна отрицательно качает головой. Врушка. Не обращаю внимания на ее ответ, продолжаю говорить, сдвигая полотенце выше, открывая себе вид на самую интимную часть ее тела.

-Я не хотел, малыш, просто все оказалось слишком неожиданно...- пытаюсь оправдать свою грубость, приправив слова нежным скольжением губ по ее коже. В ответ невеселый смешок, суть которого мне вполне понятна. Отрываюсь от ее ног и встав на колени между ними, притягиваю за шею лицо Чайки к своему.

Она вспыхивает.

-Злишься.- усмехнувшись, констатирую выражение ее лица , она отводит взгляд, а мне не по себе

-Прости, малыш, - тихо произношу, удивляясь самому себе. Впрочем, я не из тех, кто не в состоянии признать свои ошибки.

А она понимает, за что я извиняюсь; за каждый мерзкий намек, за пошлые мысли, за оскорбительные выводы. Мне жаль, правда, но иначе я бы никогда не приблизился к ней. В ее глазах мелькают слезы, а у меня вновь это проклятое чувство щенячьей нежности.

-Было очень больно ? – шепчу, поглаживая ее лицо.

-Немного.- признается она с едва заметной улыбкой, ее щеки вновь мило покраснели, вызывая у меня ответную улыбку. Не знаю, с каких пор мне чье-то смущение стало казаться милым. Я уже вообще ни хрена не понимаю в происходящем. Чайка...нет, Яна, в данную минуту, именно Яна. Янка, Яна, Яночка-ранимая, маленькая девочка. Невыносимы глаза лани на этом чувственном лице. За живое цепляют. Когда она такая, я уязвим. Я слаб.

«Что же ты со мной делаешь Янка? – вопрошаю про себя, лаская ее искусанные губы языком, раздвигая их, углубляя поцелуй. Ее дрожащие руки скользят по моим плечам к шее, вызывая дрожь в теле. Втискиваюсь между ее ног, притягиваю к себе еще ближе.

-Ты ведь не кончила?- вновь смущаю ее, откровенно уже этим наслаждаясь. У нее вырывается нервный смешок, но она находит в себе силы ответить.

-Когда были в душе.- напоминает охрипшим шепотом. Это я и без нее знаю, мне же нужно другое. Качаю головой и покрываю поцелуями ее лицо, намереваясь исправить свой косяк. Влажные волосы щекочут лицо, их аромат дурманит, слизываю с ее губ едва слышные стоны. Она обхватывает мой торс ногами и словно нажимает на спусковой крючок. Возбуждение током проходит сквозь тело, заставляя кровь в венах кипеть от дикой потребности в этой девочке, в ее сладких губах, лихорадочных, неумелых ласках, в каждом ее судорожном вздохе. Она зарывается пальцами в мои волосы, прикусывает мою губу и это уничтожает даже намеки на какие-то разумные мысли в моей голове, хотя на задворках сознания призываю себя остановиться. Для первого раза уже достаточно, но я эгоистичная скотина отмахиваюсь от внезапно проснувшейся совести и в тоже время затыкаю своего внутреннего зверя, требующего в полной мере насладиться этим роскошным телом. Потому что сейчас это больше чем просто плоть и кровь. Я не хочу размышлять, что это все значит, просто торможу себя, действую нежнее, не потому что так надо, а потому, что так хочу. Несвойственная мне нежность вновь упрямо растекается по всему телу. Я замираю и, переведя сбившееся дыхание, заглядываю в затуманенные страстью глаза Янки, обвожу влажные, припухшие после поцелуя губы большим пальцем, который она тут же с игривой улыбкой прикусывает, превращаясь в мою дерзкую, наглую Чайку, с которой я не теряюсь, не зная, как себя вести.

Она начинает посасывать палец, меня же пронзает острое возбуждение от более волнующих ассоциаций. Представляю, ее соблазнительный ротик на более чувствительной к подобным ласкам части тела и едва сдерживаю стон, пульс становится бешеным. Прерываю ее легким поцелуем, иначе кончу от разыгравшейся фантазии, как впечатлительный сопляк.

Мои руки скользят по обнаженным плечам, приспускаю влажное полотенце, открывая безупречную грудь с темными сосками. Смотрю, а сам уже на автомате склоняю голову. Не могу удержаться от соблазна. Тянет к ней с безумной силой, не поддающейся контролю, хочу ее всю. Нежно захватываю напряженный сосок губами и начинаю посасывать, играя с ним языком, другой тоже не оставляю без внимания, лаская пальцами. Ее ногти впиваются в мои плечи. Завтра вся спина будет разрисованная, а я подобные женские выходки ненавижу, но сейчас мне это даже нравится. Я хочу, чтобы на следующий день каждое соприкосновение рубашки с кожей напоминало о сегодняшнем сексе, о моей неумелой, но такой сексуальной малышке. В ее действиях настоящая страсть, а не пошлый спектакль-суррогат искусственных катализаторов, призванных добавить остроту в секс. Янка не играет, думая, как она стонет в тот или иной момент, достаточно ли сексуально выглядит, она просто получает удовольствие от происходящего, даже не подозревая, насколько она соблазнительна и насколько сводит с ума. Прикусываю ее сосок, в ответ несдержанный стон-музыка для моих ушей. Соната.

Скольжу ниже, отбрасываю полотенце, полностью обнажая ее тело. Она напрягается, пытается прикрыться, но я не позволяю неловкости завладеть ею; настойчиво заставляю откинуться на кровать и просто получать удовольствие, пока я столь щедрый. Честно, у меня никогда не возникало особого желания одаривать женщин подобными ласками, разве что для разнообразия, а ее хочу. Хочу знать, какая она на вкус, на ощупь, несмотря на свое решение держаться от нее подальше, выкинуть из своей жизни, пока это не обернулось проблемами. А они будут, опасность я чувствую за версту, даже чисто гипотетическую. Но сейчас плевать.

Целую ее жадно, спускаясь ниже и ниже, ласкаю руками, одновременно удерживая на одном месте. Закидываю ее ноги себе на плечи и нежно целую низ ее живота, скользя губами ниже, малыш тут же дергается, подрывается, но я резко припечатываю ее одной рукой на место.

-Нет...- стонет она умоляюще.

-Да. –со смешком возражаю и добавляю, чтобы ее подразнить;

- Ты еще попросишь.

Она упрямо качает головой.

-И не надейся !-кидает она мне вызов. Азарт разливается в крови.

Девочка думает, что сможет со мной тягаться?

-Посмотрим! – подначиваю, в ее взгляде паника.

-Не надо. Я не хочу. –начинает она сопротивляться, но я не уступаю. Чего она хочет, а чего нет мне известно лучше, чем ей самой.

-Тссс, малыш. – с улыбкой успокаиваю и все же не взирая на ее мольбы –отголоски девчачьей стеснительности, делаю свое «грязное дело»: ласково прохожусь языком по ее влажным складочкам, чувствуя ее вкус. У нее вырывается стон, мне нравится ее чувствительность. Довести девочку до оргазма можно в считанные минуты, но я хочу немного помучить.

Она все еще напряжена , но с каждым движением моего языка и губ сдерживаться становится все труднее, что слышно по ее прерывистому дыханию.

Ее руки ложатся на мой затылок и начинают лихорадочно перебирать волосы. Я наращиваю темп, она уже перестает контролировать себя и стонет громче, от наслаждения забывает о робости, расслабляется и позволяет делать с ней все, что моей душе угодно. Проникаю в нее языком, пристально следя за выражением ее лица. Она великолепна в своем желании. Я же получаю дикое, ненасытное удовольствие, доводя ее до исступления. Схожу с ума от ее стонов, от ее запаха и вкуса. Хочу быть в ней такой горячей и влажной-готовой для меня, но только после того, как она кончит. Меня трясет, как припадного от каждого ее стоны, она извивается, вцепившись с силой в мои волосы. Боль отрезвляет и возбуждает еще сильнее. Грубо удерживаю ее за шею, затрудняя ей дыхание, подвожу ее к краю и держу в подвешенном состоянии, не давая

получить разрядку, она начинает хныкать, но мне нужно другое.

-Я больше не могу. –стонет она, слегка наступая на горло гордость. О, нет, милая, так не пойдет! Я хочу, чтобы ты ее безапелляционно заткнула в угоду своим желаниям.

- Ты же знаешь, что нужно сделать. - усмехаюсь, замедляя темп, играя с ней, едва касаясь ее языком, мне нужна полная капитуляция. Никаких полутонов малыш.

Я и сам из последних сил держусь, а так хочется послать весь этот принципиальный бред к чертям и просто заняться с ней нормальным сексом. Но все же торможу себя, я ведь не какой-то юнец, дорвавшийся до женского тела, хотя нетерпение с каким я хочу Янку, уверяет меня в обратном.

Она мотает головой, сопротивляется, прикусив губу, чуть ли не плача от дикого возбуждения и стыда. Я едва сдерживаю довольный смешок, чувствуя вкус победы на губах –ее сладкое возбуждение.

-Попроси малыша, все ведь просто, - шепчу, нежно целуя, зная, что ей этого мучительно мало. Она борется со своим желанием, пытается сохранить остатки гордости и сдерживать стоны. Не-ет, девочка моя, не проканаает!

Начинаю ласкать грудь, грубовато сжимаю соски, добавляя остроты. Она выгибается дугой и с протяжным стоном сдается.

- Пожалуйста, о-Леж. –просит, проглатывая букву «о», меня же бросает в дрожь от ее «Леж», ласкаю ее более интенсивно, безжалостно и она кончает, я же словно замороженный смотрю на юную темноволосую красавицу с алебастровой кожей, розовыми щечками и алыми губками, находящуюся в экстазе-картина поистине впечатляющая. В эту минуту понимаю; никакая она не Чайка. Богиня. Самая настоящая богиня; влажные волосы разметались по белой простыне, отчего кажутся жгуче-черными, но я знаю, что на свету они у нее с мягким, шоколадным отливом, кожа белая, но не болезненно, как зачастую у баб, у нее она словно фарфоровая. Мои загорелые ручки на ее теле кажутся варварством. Эта мысль веселит. Малыш неверно толкует мою ухмылку и гневно интересуется, стыдливо

отталкивая меня;

-Доволен?

Я не сразу соображаю, что она про наше с ней, так называемое, противостояние.

-А ты нет?- мягко подначиваю ее, когда до меня, наконец, дошло про что речь.

-Отстань.- отмахнулась она, пытаясь скрыть неловкость и стыд, которые так отчетливо были написаны на ее лице; глазки горят, бегают, ни на чем конкретно не останавливаясь, пока она пытается прикрыть наготу скомканным полотенцем. Интересно, куда это она собралась? Всерьез думает, что на этом все?

Нет, я конечно, должен понимать, что завтра девочке придется не сладко, если не остановлюсь, но черт возьми, вы бы ее видели, не святой же я в самом деле. Любой на моем месте лучше будет страдать от чувства вины пять минут на следующий день, чем ночь от неутоленного желания. Нельзя быть такой красивой. Нельзя! И нельзя наивно полагать, что связавшись с эгоистичной сволочью, вроде меня, будут учтены чьи-то интересы в ущерб моим.

Но каково же было мое удивление, когда она не прикрылась полотенцем, а накинула мне его на шею, словно хомут и осторожно потянула на себя со смущенной улыбкой. Я поддаюсь, с интересом ожидая дальнейших действий.

-Ты победил.- тихо резюмирует она, потупив взор. Невинный ангелочек и в то же время соблазнительная чертовка. Только она может быть такой; милой, смущенной и в то же время дерзкой. Не представляю, как она переборола свою застенчивость, но готов аплодировать этой девочке.

-И где мой приз?- с усмешкой интересуюсь, вновь вернувшись на свою исходную позицию-между ее ног, она опять вспыхивает, но не отдалается, напротив, пододвигается ближе и немного нерешительно кладет руки мне на шею, а после целует по детски в щеку.

-Так пойдет?- приподняв бровь, шутливо спрашивает она.

-Ты меня с тетей перепутала малыш?- иронично парирую, тем самым показывая, что думаю по поводу ее «так пойдет». Она искренне веселится. Придав себе задумчивый вид, осторожно отвечает;

-Ну, у вас есть нечто схожее.

При этом ее пальчики ласково перебирают волосы на моем затылке, отчего я кайфую.

-Что, она столь же красива и умна?- предполагаю, подмигнув Чайке. Она начинает смеяться и качая головой, «обламывает».

-Нет, Гладышев, она столь же невыносимо занудна, как и ты!

-Ах, вот как! –угрожающе восклицаю и повалив ее на кровать, не даю времени опомниться, начинаю щекотать, хотя каждую клетку тела рвет от желания заняться с ней более интересными вещами. Янка визжит, хохочет и брыкается, я же наваливаюсь на нее всем своим весом и продолжаю дурачиться. Давно я не чувствовал себя так беззаботно и легко, ощущение, что мне не тридцать семь, а двадцать.

-Оле-ег, я сейчас ...сейчас, -заикаясь от смеха, кричит она.

-Ты сейчас....Что, обоссешься от смеха? –издеваюсь, но уже не столько щекочу, сколько ласкаю ее тело. –Извиняться будешь?-замираю на мгновение, давая ей шанс прекратить «мучения». Но это же Чайка.

-Офигеешь от счастья!-дерзко парирует она, смеясь и воспользовавшись заминкой, хватая меня за шею, притягивает к себе и смачно целует, затыкая рот, слизывая язвительный ответ, готовый сорваться с моих губ. Заталкивает мне его в самую глотку своим языком, отчего возбуждение захлестывает, накрывает с головой.

-«Офигеешь» у меня сейчас ты!- обещаю ей охрипшим голосом, оторвавшись от нее на мгновение, она лишь усмехается и шепчет мне в губы;

-Давай, мне нравится тебя доставать.

-А еще что тебе нравится? –спрашиваю на автомате, целуя ее шею, спускаясь все ниже и ниже.

-Ты. Мне нравишься ты. Занудный, невыносимый и-закрываю ей рот, целуя жадно, ненасытно, как оглодавший. Сожрал бы только так. Хочу ее настолько сильно, будто жизни осталось несколько минут, будто ничего не успею. Эти варварские, первобытные мысли поражают , шокируют, поэтому, когда раздается звонок в дверь, я даже рад. Чмокнув растерянную Чайку в щеку, встаю с кровати и иду вниз. Состояние какое-то пришибленное, словно пьяный. В голове ни одной связной мысли, тело огнем горит. Я даже не помню, как рассчитался с курьером. Просто вдруг обнаружил, что стою на кухне с пакетом в руках. Осознание этого отрезвляет. Кладу пакет на стол и иду наверх. Мне нужно срочно принять душ и прояснить мысли, а то какая-то чертовщина творится. Как будто мне пятнадцать и у меня гормональный взрыв. Совсем с катушек съехал. Ну, на фиг эту Чайку! И так уже, как помешанный. Весь мир, как будто вокруг нее крутится.

Вхожу в спальню и не глядя на нее, на ходу бросаю, чтобы не передумать и не закончить то, что начал;

-Я в душ.

-Что-то случилось? –удивленно спрашивает она, я и сам бы себе покрутил у виска, если бы не был столь сбит с толку.

-Ничего. Я ужин заказывал. Доставили вот. – все же поворачиваюсь, чтобы ответить. Она по прежнему лежит на кровати, но, слава Богу, прикрыта простыней. Молча кивает, все еще не понимая моей «невозмутимости», но женщинам не нужно давать время на размышления, а то они такое себе накрутят, что потом хоть вешайся, поэтому решаю занять ее более полезными вещами.

-Давай, поднимайся, я на стол пакет поставил. Ужин организуй побыстрому. Есть хочу дико.

Она немного обалдевает, но быстро приходит в себя.

-Будет исполнено кэп. Далеко не заплывай. – отсалютовала она . Подмигнув ей, иду в душ.

Прохладная вода гасит возбуждение и прочищает мысли. Стою, прислонившись разгоряченным телом к холодному кафелю, просто закрыв глаза, пока не становится холодно и разум окончательно не проясняется. Взбодрившись и собравшись с мыслями, решаю, что пора заканчивать.

Теперь можно покинуть свое «убежище» и быть уверенным, что в состоянии адекватно реагировать на каждый жест Чайки.

Накинув халат, иду вниз. Уже на лестнице чувствую с ума сводящий аромат запеченной утки или чего-то такого. Что заказывал, уже не вспомню. От этих аппетитных запахов голод становится настоль нестерпимым, что даже Чайка в моей рубашке, надетой на голое тело и едва прикрывающей соблазнительный попец, не особо интересует. Хотя....Повторный взгляд на нее накрывающей на стол с манящей грацией, убеждает, что погорячился я однако. Но отложим ее на десерт.

Молча сажусь за стол и жду, когда она закончит с сервировкой. Видеть ее суется на кухне странно и в тоже время по-семейному уютно. Красивая женщина, вкусный ужин, перспектива потрясающей ночи , что еще для счастья надо?

Но взгляд Чайки остужает мой пыл. Такой знаете пронзительный взгляд, словно она что-то хочет сказать, но не знает как. Та-ак, интересно, что могло случиться за пятнадцать минут? Но портить себе аппетит не собираюсь. Захочет, скажет. Нет-ее проблемы. С этими мыслями открываю ей вино, себе воду и разливаю по бокалам, а после принимаюсь за еду. Тишина не давит, а действует на меня успокаивающе. Янка задумчиво попивает вино и практически ничего не ест, вынуждая меня задать –таки злополучный вопрос.

-О чем думаешь?- небрежно интересуюсь, вновь наполняя ее опустевший бокал. С удивлением отмечая, как она быстро оприходовала первый.

Она с усмешкой качает головой и делает приличный глоток, как будто

решается. Что ж пусть, интересно послушать.

-Это ведь не твоя квартира, - сообщает она мне с таким видом, словно я ее убеждал в обратном.

-Ты наблюдательна. –иронично замечаю в ответ, откидываясь на спинку стула.

-Ты всех сюда привозишь трахать? –грубо спрашивает. Нет. Обвиняет. А мне и смешно и волком выть хочется. Вот об этом я и говорил, что ни черта у нас не получится. Ну, зачем мне этот головняк да еще после двенадцати часов мозговыноса на работе? Я ее, конечно, понимаю. Задело девчонку, но какой смысл затевать скандал? Чего она от меня хочет? Чтобы я сказал, что все не так и она исключительная и особенная? Может, и стоило, конечно, влить ей компот в уши, но опять же-зачем, если завтра я помашу ей рукой?

-Тебя интересует, есть ли исключения или действительно ли эта квартира для частных встреч? Что конкретно? – вежливо до зубного скрежета, но голосом полным убийственного сарказма уточняю у нее. Я понимаю, что не стоит быть таким ублюдком, но ничего не могу с собой поделать. Терпеть не могу, когда лезут туда, куда не надо. Она мне вообще кто, чтобы задавать подобные вопросы?

Чайка побледнела, губы задрожали, а глаза запылали, но не слезами, а гневом, даже яростью.

-Меня интересует, что между нами происходит! –цедит она сквозь зубы.

-Неужели?! – вырывается у меня смешок. Меня честно удивляет, что ее только сейчас взволновал этот вопрос. Или она надеялась, подарит мне себя на голубом блюдечке такую нетронутую, и я растаю? Ну, я конечно, польщен, но не более.

-Хорошо, давай начистоту!-предлагаю с тяжелым вздохом. Перспектива раскладывать ей все по полочкам мне совсем не улыбалась, но она сама так захотела.

-Давай.- вызывающе бросает она. Что ж, просила, получите и распишитесь. Претензии о моральном ущербе не принимаются. Сама нарвалась!

-Я не нуждаюсь в отношениях на которые рассчитываешь ты, включающие в себя подобные истерики. –начал я, стараясь щадить хоть немного ее чувства и «нежную, ранимую душу».

-Истерики? По-твоему это истерики? –возмутилась она, вызывая у меня раздражение.

-По-моему, это неуместные претензии и глупые вопросы!- отчеканил я. Чайка прикусила губу и с шумом втянула воздух.

-Вот даже как. – резюмировала она с таким видом, что я почувствовал себя настоящим козлом. И это настолько взбесило меня, что я едва сдерживался, чтобы не послать ее на хрен. Но, тем не менее, умирал свой гнев, ибо сам виноват. Вот, что бывает, когда связываешься с наивными провинциалками.

-Слушай, я занятой человек, у меня каждая минута расписана, а потому совершенно нет никакого желания выяснять отношения с кем бы то ни было в свободное время, которого итак практически нет. Мне не нужен этот гемор, мне его на работе хватает с лихвой. Я хочу приятного времяпровождения без всяких обязательств, со своей стороны готов оказать материальную поддержку. –выдал я ничего не выражающим тоном.

-Другими словами тебе нужна безропотная шлюха, готовая по первому твоему зову раздвинуть ноги и ублажать тебя с предупредительной улыбочкой весь вечер, не задавая лишних вопросов , и мысленно подсчитывая, сколько ей за это обломится? – подвела она итог. Жестко, откровенно, но правдиво. Если она думала, что смутит меня или вызовет чувство вины, то хрен она угадала. Шкура у меня прочная, такими методами не пробьешь.

-Называй, как хочешь! –отзываюсь абсолютно невозмутимо, но зачем-то добавляю.- Для меня это вполне взаимовыгодное соглашение и ничего унижительного или оскорбительного для женщины в нем не вижу. Если так рассуждать, то все мы проститутки, ибо жизнь отымет каждого по

определенному тарифу.

-Предлагаешь мне стать твоей шлюхой? –с возмущенным смешком интересуется она, кажется, пребывая в некотором шоке.

-Ничего я тебе не предлагаю. Просто озвучил свою позицию в данном вопросе, а что тебе делать –решай сама. Мы, кажется, уже сталкивались с подобной дилеммой, когда речь шла о курении.

-Ты манипулятор, Гладышев, жестокий манипулятор. Как у тебя все цивилизованно и прилично обставлено. Ловко придуманный капкан для тщеславных. Прикормил баснями типа все в твоих руках, дабы потешить самолюбие жертвы. А на самом деле; либо делай, как я хочу, либо проваливай. По-твоему это выбор? Выбор, серьезно?-с горечью допытывается она, я же молчу. Да и что я должен сказать?! Но она и не позволяет вставить даже слово, сама отвечая на свой вопрос патетическим тоном;

-Нет никакого выбора, нет никакой цивилизованности. Ты нагло диктуешь свои условия и не делаешь никаких уступок, потому что тебе собственно плевать, что выберет твоя «жертва». Незаменимых нет-это верно. Но ведь должны же быть какие-то чувства?

-Мне не нужны чувства!-заявляю с абсолютной уверенностью, что вызывает у нее смех.

-А они не спрашивают. Ими нельзя управлять, как не старайся. Так не бывает!-безапелляционно отрезает она, со всем присущим ей максимализмом.

-Бывает, Чайка. И не такое бывает. – с тяжелым вздохом отвечаю я, хотя сам сомневаюсь в собственном ответе. Решаю на этом покончить с разговорами.

Поднимаюсь со своего места. Подхожу к ней, забираю бокал. Хватит ей уже. Ее пьяная речь даже меня впечатлила. Когда-то и я такой же был, но мой опыт и испоганенные полжизни многому научили, поэтому рисковать не хочу и не буду. Благодарю судьбу, нахавался от пуза! Я понимаю, что есть и другие варианты, люди живут по-разному, но мне и так хорошо. Я

доволен, черт возьми, своей жизнью! А ей если нужны «чувства» и прочее, желаю удачи и счастья!

Но Господи, почему-то сейчас захотелось, чтобы она приняла мои правила. Я сошел с ума –однозначно, просто рехнулся! Понимаю, что это опасно, что это неправильно и придется попроситься с покоем, но с ней жизнь перестала быть пресной, она заиграла красками. И мне, как бы не визжала совесть, разум и инстинкт самосохранения о том, что это будет ошибкой, мне не хочется терять эту новизну, это ощущение. Именно поэтому я шепчу ей, поражая самого себя, ведь ничего подобного не собирался делать;

-Не горячись, обдумай.

У нее мое предложение, как не странно, не вызывает возмущения или шок. Может, алкоголь на нее так действует, хрен знает! Но все же ответ не радует.

-Ты мерзок Олег! Я в шоке, что мы вообще об этом говорим! – качает она головой, нервно засмеявшись. Согласен с ней, полностью согласен. Что творю-уму непостижимо. Втягиваю и себя и глупую девчонку во что-то неясное, потому что знаю, она не сможет играть по правилам, а я не смогу отказаться от этого сумасшествия. Жалею, что затеял вообще этот разговор. Да, я действительно мерзок. Таким девушкам как она не стоит делать подобные предложения. Хотя Чайка не ангел, далеко не ангел. И все же несмотря на все эти размышления, не могу не ответить на ее упрек.

-А тебе по вкусу, когда лапшу на уши вешают? Извини, но предпочитаю сразу обговаривать все нюансы, чтобы в дальнейшем не было никаких претензий.

У нее вырывается смешок после моих слов, но вслух она лишь тихо произносит;

-Ясно.- тем самым ставит точку в нашем разговоре, устремив задумчивый взгляд на ночной город. Я и рад и в тоже время не понимаю ее. О чем она вообще думает и что означает «ясно»?

Пока я пытаюсь найти объяснение ее словам, она берет свой бокал,

наливает себе еще вина и уходит в гостиную, даже не взглянув на меня. Я же как идиот смотрю ей в след и не знаю, что думать. Черт, как же я устал!

Спустя минут пять чувствую запах табачного дыма. Чуть ли не в слух матерюсь и иду в гостиную. Чайка сидит на лестнице в крошечной темноте и курит, сбрасывая пепел в опустевший бокал. Лихо она. Вот только возиться с ней пьяной, мне не хватало. Я еще не забыл ее концерт у клуба.

Собираюсь сделать ей выговор, но что-то останавливает. К чему вообще слова? Бесит этот ее пафос, как бл*дь, в какой-то мелодраме. Задолбало все! Забираю у нее сигарету, тушу в бокале. Чайка безразлично наблюдает за мной, беру ее на руки и несу в спальню. Ее даже не удивляет такой поворот. Налакалась дуреха! Ну, тем лучше, я слишком устал, чтобы возиться с этой пьянью подзаборной. Только когда кладу в постель и начинаю расстегивать на ней рубашку, безучастно выдает;

-Ты же не целуешь пепельниц.

-Я и не собираюсь. —отзываюсь глухо, снимая с нее рубашку.

-Не хорошо пользоваться моим состоянием. — иронично замечает она, когда я выключив свет, снимаю халат и ложусь рядом.

-Ну, я же мерзкий, сама сказала. — парирую с усмешкой, хотя посягать на ее тело не собирался.

-Ты хуже, Гладышев, намного хуже. — вздыхает она обреченно.

-Спи. —ставлю точку в бессмысленном диалоге, закрывая глаза.

Горячее тело Чайки волнует, но усталость все же берет свое и меня клонит в сон. Странно, что я даже не чувствую дискомфорта от того, что сплю не один. В мои привычки не входит оставаться на ночь у любовницы, ни к чему эти сантименты. Совместное утро; пробуждение, завтрак ведут к привязанности, к потребности в чем-то большем, чем просто секс. Но уехать сейчас было бы натуральным свинством, да и слишком устал, поэтому засыпаю быстро.

Утром я проснулся от трели мобильного телефона и обнаружил себя в

объятиях Янки, хотя скорее в плену; она сложила на меня и руки и ноги, словно боялась, что я куда-то исчезну или просто перепутала с плюшевым мишкой, которого нужно затискать до смерти. Но мне было комфортно в объятиях этой маленькой собственницы, сладко посапывающей у меня на груди.

Телефон меж тем продолжал звонить. Я же боясь разбудить Янку, попытался аккуратно сдвинуть ее, чтобы ответить на звонок, но та еще крепче вцепилась в меня и что-то недовольно пробурчав, продолжила спать, как ни в чем не бывало. А я возбуждаюсь от столь непосредственной близости ее обнаженного тела и умопомрачительного запаха волос. Но о сексе и речи не может быть.

Кое-как дотягиваюсь до телефона.

-Алло.- почти шепотом отвечаю на звонок.

-Саннеч, здорова! Ты спишь что ли?- раздается удивленный голос Михи.

-А сколько время? –отзываюсь тихо, поглаживая бедро Чайки, лежащее поперек моего живота, отчего желание огнем разливается по венам. То ли мазохист я, то ли придурок.

-Да девять скоро. Я думал, ты в пробку встрял. Случилось что-то? – осторожно интересуется друг обеспокоенным голосом. Стоит пояснить, что живу я четко по режиму и просыпаюсь никак не позже семи, начиная свой день с тренировки, в девять я уже на работе, а когда и раньше, поэтому подобное отклонение от сложившегося за многие годы традиционного распорядка дня кажется пугающим.

-Нормально все. Я сейчас приеду, Мих, подождешь? – как можно тише говорю, высвобождаясь из плена Чайки.

- Да подожду уж, давай, быстрее только. –со смешком ответил друг, догадавшись, что я не один. Не прощаясь, отключаю телефон и иду в душ.

Через двадцать минут полностью собранный стою возле кровати и смотрю на спящую Янку. Сейчас, когда нет намека на вызов и дерзость

столь часто присутствующих на ее лице, как никогда видно, что она совсем еще девчонка. Трогательно подложенная под щеку ладошка, отчего ротик слегка приоткрыт, только усиливает эффект.

С трудом оторвавшись от созерцания, оставляю на прикроватной тумбочке записку и деньги на всякий случай. Надеюсь, что она не расценит это, как плату за прошедшую ночь, а то в ее сумасбродную головку может и такое прийти. Наклонившись, ласково отвожу прядку волос с лица – странный порыв, за который тут же мысленно отвешиваю себе леща. Последний взгляд на нее. А на душе «че-то как-то не ісе», как моя Леська говорит. Но отмахиваюсь от этого ощущения и покидаю квартиру. В холле объясняюсь с консьержкой и со спокойной душой еду на работу. Но мысли все время возвращаются к Чайке. Думаю, это наша последняя встреча. Хотя хрен знает; девочки сейчас всякие. Может и согласится на предложение. Вчерашние девственницы быстро трансформируются в расчетливых сук. В отношении Янки сомнительно, но чем черт не шутит.

Грузиться почему зря и гадать я не стал, посмотрим, что она решит. Говорит, выбора я ей не оставил. Ошибается. Выбор всегда есть! Другое дело, что ассортимент не устраивает, но ведь всегда остается надежда на то, что что-то можно изменить к лучшему. Все или ничего – старая добрая дилемма, с которой так или иначе столкнется однажды каждый из нас. Сейчас очередь Чайки. Так что пусть выбирает между стабильным «ничего» и призрачным «всё». Что касается меня, то я и сам не знаю, чего жду от нее больше.

Но к счастью, эти размышления были закинута на задворки сознания, стоило приехать в офис. Миха к этому моменту уже заждался меня, поэтому мы сразу же перешли к делам, да и друг никогда не лезет в мою личную жизнь без надобности. Знает, как я это не люблю. День пролетел быстро, точнее его половина. В последний момент вспомнил, что нужно ехать к Борьке с Аленкой на годовщину. Благо подарки заранее купил, а то со всеми этими выходами на международный уровень времени совсем нет.

Проблемы, что подарить у меня не возникло. Сервиз от Фаберже для Аленки, о котором она все уши прожужжала, Маотай Борьке в качестве презента из Пекина, любит он эту водяру. И общий подарок – картина Эрика Булатова, которую Шуваловы уже три года тщетно пытаются заполнить в свою коллекцию. Моему агенту тоже пришлось изрядно

попотеть, но все же сделка была заключена, в чем я, собственно, не сомневался. Мой агент –это финансовый террорист, он не слезет с тебя живым – либо ты согласишься с ним, либо сдохнешь, третьего не дано. Именно по этой причине, я плачу ему баснословные деньги и ни разу об этом не пожалел.

В ресторан приехал с опозданием в сопровождение дочери. Мало того, что пробки, так еще и ключи от квартиры где-то потерял, что совсем не хорошо. Нужно будет менять замок. Ну, а пока пришлось ехать в Жуковку, чтобы переодеться. Слава Богу, Ленка уехала вперед. Терпеть ее присутствие лишний час мне не очень бы хотелось. Достаточно того, что проведу с ней вечер в одной компании, но что поделаешь. После стольких лет брака развод –это не окончательный и бесповоротный разрыв, это лишь увеличение дистанции между двумя связанными людьми. И связь эту очень сложно разорвать, болезненно. Она крепкая, нажитая долгими годами, обросшая детьми, совместным имуществом, закрепленная общими друзьями, общим прошлым. Целая жизнь, целый мир, построенный совместными усилиями, поставить окончательно точку, значит, начать с нуля, вычеркнув всех, кто тебе дорог, разрушив годы и годы собственного труда. Ленка этого не стоит, поэтому мне легче потерпеть ее пару вечеров в году.

Сегодня один из таких.

В «ЯРЪ» мы с Леськой прибыли одни из самых последних. Метрдотель проводил нас к столу, за которым собрались все знакомые, я бы сказал родные лица. Столько лет уже вместе. Тут же посыпался град приветствий, объятий и поцелуев.

-Гладышев, ну, наконец-то! Алёнку чуть инфаркт не хватанул. - прогремел Борька, похлопав меня по плечу , когда мы сели на свои места, рядом с виновниками торжества.

- Олесь Олеговна, а вы чего опаздываете?-обратился Шувалов к Леське.

Все наши знакомые мою дочь звали по имени отчеству, так уж эта мадам себя поставила.

-О, даже не спрашивай дядь Борь! Мне же прислали приглашение на бал дебютанток, ну, и все как с ума по сходили.- с деловым видом сообщила моя лисичка. Я же в который раз поразился, какая у меня взрослая дочь.

-Ну, ничего себе! Бал дебютанток! Поздравляю!- ахнула очередная подруга Димана, судя по всему модель.

-Да-да, наша девочка, в списке почетных гостей! – подтвердила Аленка.

-Папаня держи карман шире ; меха, бриллианты, платье haute couture.- подкинул ложку дегтя Миха. Я усмехнулся. Действительно предстояло раскошелиться , все же первый выход дочери в свет.

Но я горд за мою малышку, не каждая получает приглашение на столь престижное мероприятие. Ленка же вообще от этой новости цвела и пахла.

-Ну, конечно же, папа все оформит для нашей звездочки в лучшем виде, Миш.- высокомерно вставила она, с улыбкой глядя на Леську. Я едва не закатил глаза. Переглянувшись с Михой и Аленкой, без слов поняли друг друга.

-Олеська, женихи –то поди прохода не дают? – поцеловал моей девочке руку подошедший Диман. Она захихикала и покачала головой.

-Ну, это хорошо, значит, можно не опасаться конкурентов. – подмигнул он.

-Ага, только попробуй! Старпёры еще бы около моей дочери не крутились. – пригрозил я другу.

-Ну, кто бы говорил. –раздался ненавистный голос Вики, словно ушат холодной воды, вызывая у меня неконтролируемый гнев. На губах суки играла стревозная улыбочка.

-Викуль, угомонись! –произнес Миха обманчиво мягким голосом, смиряя жену красноречивым взглядом, отчего она недовольно насупилась, но более ничего не произнесла и слава Богу, а то у меня уже было желание

отправить ее в ящик. Нашла время для склок. Я почему-то взглянул на Ленку, думая, что это она подкинула идею. Но та сама сидела с недовольным видом и возмущенно поглядывала на свою подружку. В кои – то веки меня поддержала. Выглядела, как всегда хорошо, я бы сказал, шикарно, но вставший перед мысленным взором образ Янки, опроверг эту мысль. Хотя с ней сравнивать не стоит. Весь этот гламур и в подметки ей не годится. Она даже в своей униформе ослепительна. Бриллиант он и в Африке бриллиант, хоть с огранкой хоть без. Елы-палы, опять о ней мысли!

Тем временем все наперебой начали поздравлять Олеську, дабы заполнить неловкую паузу. Я же воспользовавшись моментом , поздравил друзей. Аленка, увидев долгожданную картину, едва не придушила меня в объятиях.

-Как?- только и смог выдавить из себя Борька.

-Шульц творит чудеса. –усмехнулся я.

-Агент твой красава! –восхищенно парировал друг, любуясь картиной. Аленка так вообще стояла и смотрела на нее, как на явление Христа народу, как и многие собравшиеся. Мне же эта соц-артовская тематика совершенно непонятна. Плакаты какие-то. Но, как говорится, о вкусах не спорят.

-Олежка, ты-мой бог! –прошептала подошедшая Аленка, чмокнув меня в щеку.

-Лёнь, ты же знаешь свободен и всегда жду.- подмигнул ей, приобняв, дабы позлить Борьку.

-Гладышев, не провоцируй меня, а то жаль такую смазливую морду портить, мало ли может, еще кому пригодится. – пригрозил друг, вызывая у всех смех. Аленка с сожалением вздохнула , за что Шувалов тут же отвесил ей шлепок по заднице, притянув к себе и довольно откровенно поцеловав. Она засмеялась, превращаясь в ту девчонку с двумя хвостиками, которая караулила меня на лавочке у подъезда. В груди защемило от воспоминаний далекой юности. Не знаю, вспоминаю свое прошлое и понимаю, что ни о чем не жалею, разве что только о женщине напротив, разрушившей нашу семью, мечты, надежды . Теперь же и она и я вынуждены лишь с горечью, и наверное, завистью, несмотря на радость за друзей, взирать на их счастье,

понимая, что и мы могли быть такими же, но по собственной глупости безвозвратно лишились самого главного в жизни. Встречаюсь с Ленкой взглядом, и впервые может быть, в жизни вижу в ее глазах отголосок собственных чувств. С горькой усмешкой приподнимаю бокал с соком. Она отводит взгляд. И правильно, никогда не смотри мне в глаза после всего!

-О, вы уже отжигаете. –неожиданно громко раздается насмешливый голос моего крестника, подошедшего к родителям. Шуваловы отрываются друг от друга и с улыбкой смотрят на сына, копию Аленки только в мужском варианте, разве что крепкое телосложение парню перепало от Борьки.

-Всем привет! –небрежно махнул он собравшимся , а после с широкой улыбкой направился ко мне. Удивляюсь, как парень вымахал за прошедший месяц, что я его не видел. С крестником поддерживаю очень близкие отношения, что уж скрывать люблю этого пацана. Стараюсь быть в курсе всех событий в его жизни.

-Здорово, бать! – шутливо хлопнул меня по плечу засранец, зная, как задобрить. Люблю, когда он меня батей называет. Ему было два, когда я его научил его звать меня так, назло Борьке, который и по сей день бесится, слыша это обращение сына ко мне. Встаю и притягиваю к себе крестника с такой же широкой улыбкой. Рад его видеть. Соскучился, привык хотя бы раз в неделю, но видаться с ним, а тут целый месяц, если не больше, только по телефону общались.

-Здорово. Ну, ты вымахал, чем вас там кормят? Поди стероиды жрешь?

- Ты че Саныч, мы за этим строго следим, а то были у него тут мыслишки.- ответил Борька, усаживаясь на свое место во главе стола.

-Не вздумай, рано еще, да и вообще лучше не надо. – предостерег я пацана.

-Да, Темыч, а то потом будет полшестого. – поддакнул в своей извращенной манере Диман, вызывая у нас смех, женщины же закатили глаза.

-Димка, не лезь к ребенку!- шутливо пригрозила Аленка.

-Да какой ребенок , мать?! Мужик уже. Семнадцать лет! Я в семнадцать уже знаешь ...-начал было Диман, но его тут же подколот Муха, вспомнив репертуар Шнура ;

-Да знаем! Ма-а-ма наливай, а я уже не мальчик, а у меня в штана-а-а-х перчик, а не пальчик...

Все захохотали.

-Антропов! –завозмущались женщины, продолжая при этом смеяться.

-Да ладно вам! Загалдели. Стареее что ли? Или с чего вдруг откуда не возьмись, появилось в рот еб*сь? – насмешливо выдал друг и не дожидаясь ответа направился курить, вызывая еще большую волну возмущения у женщин и смех у мужиков. Но Антропову было, как всегда совершенно наплевать на произведенный эффект.

-В общем, суть ты понял, Темыч! С женщинами жизнь-ад, но без женщин вообще не жизнь. –просмеявшись, подвел итог Диман. Темка нахально усмехнулся и кивнул с понимающим видом. Взрослый уже пацан стал.

Обойдя стол, он приземлился рядом с моей Леськой, отчего она тут же покраснела. Я с интересом отметил эту метаморфозу. Чтобы моя лисичка покраснела, надо очень постараться. Впрочем, Темка парень видный, а она уже девчонка большая, но раньше я не замечал, чтобы дочь смущалась в его присутствие. Вот так поворот!

- Лесенька, ты ли это? –театрально воскликнул крестник, хватаясь за сердце. Дочь к этому моменту справилась со смущением и высокомерно закатила глаза.

-Что, цирк без тебя уехал гастролировать?- язвительно поинтересовалась она, вызывая у меня веселье. Моя школа.

Аленка тоже наблюдала за этой сценой, мы переглянулись и не сговариваясь, засмеялись.

-Олежка, представляешь, породнимся, а? –заговорчески прошептала она.

-Вы мне и так родные, а Лисенка своего никому не отдам!

-Кто тебя спрашивать будет?! - хохотнул Борька.

-Вот-вот. –поддакнула Аленка.

-Предатели. –выдохнул я с улыбкой. В это время появился тамада и объявил вечер открытым. Гости сразу же прекратили разговоры и устремили взгляды на сцену. Началось все с презентации семейного альбома, видеозаписей. Все они сделаны на мою камеру, я ее купил сразу же, как вернулся с Севера. Тогда я был мажором, можно сказать, пока не случился дефолт.

За просмотром мы обсуждали каждый кадр, вспоминали былые времена, смеялись до слез, пили за свою бурную, веселую молодость , за дружбу, пронесенную через года, за все, что выпало на нашу долю, за то, что у нас есть сейчас, поэтому вступление растянулось на долгое время. К моменту поздравлений все были уже изрядно навеселе, хотя я, как обычно не пил, но настроение у меня было замечательное. Да и может ли быть иначе, когда такой праздник у моей второй семьи?!

Непричастных на этом вечере не было, все были счастливыми, пьяными и немного сумасшедшими, словно вернулись в те далекие времена, когда нам было по двадцать. Мы как всегда громко спорили, подкалывали друг друга, хохотали до слез. Тамада от нашей компании, по-моему, был в шоке, он несколько раз пытался вести праздник по плану, но мы каждый раз срывали его своими шутками и разговорами. Наконец, ему удалось объявить о том, что сейчас будут поздравления, и мы присмирели. Первым вышел Борька и с улыбкой начал говорить.

-Друзья, прошу прощения, что я тут встрял. Вроде как вы должны нас поздравлять, но мне бы хотелось перед этим сделать небольшое вступление. Не каждый день отмечаешь пятнадцать лет в браке с любимой женщиной, так –то у нас уже двадцать за спиной, но да не суть важно. К сожалению, также не каждый день говоришь некоторые вещи, они требуют особого случая. А вообще я чурбан, вы же знаете! –засмеялся друг и с

виноватым видом посмотрел на Аленку, мы поддержали его аплодисментами и смехом. Он жестом прервал нас и продолжил;

-Сейчас думаю, тот самый особый случай! Мой путь становления, как и многих здесь присутствующих, был сложным; я ошибался, у меня были неудачи, падал, и наверняка бы уже опустились руки, если бы не Алёнка. Она всегда была рядом со мной и все беды мы с ней рука об руку. Знаете, великое счастье, когда ни работы, ни денег, ничего, кроме тушенки на обед с макаронами, стоящими поперек горла, а твоя жена с веселой улыбкой заявляет ; «Шувалов, я бы от денег, конечно, не отказалась, но с тобой мне и тушенка с морской капустой по кайфу, так что не грузись!». И вот в такие моменты думаешь; какой депресняк, какая апатия, Боря?! Рядом с тобой-придурком такая женщина, любит тебя, а ты сопли распустил?! Поднял зад, включил мозги и вперед. И вот сегодня достигнуто все, что хотелось, но это не мой успех, прежде всего, а её-вот этой хрупкой, маленькой, но невероятно сильной женщины, которая не опускала рук и всегда, даже в самые худшие годы верила в меня, посвятила себя мне, нашей семье. Тост за Алёну, любовь всей моей жизни, мать моего сына и надеюсь, в скором времени и дочери, поистине мою половину, без которой я –не я. Спасибо за все, Лёнь! Надеюсь, что с главной своей задачей я справился - сделал тебя счастливой?

От каждого слова друга даже у меня щемило, что говорить об Аленке. Слезы текли по ее щекам, и она не скрывала их, наплевав на макияж. В эту минуту она, казалось, светилась изнутри, счастливая женщина, любимая своим мужчиной. Я не романтик, но эти их чувства лились через край, захватывая окружающих, вызывая трепет.

Аленка поднялась к Шувалову, некоторое время она просто стояла и плакала, а потом все же взяла себя в руки и с улыбкой ответила;

-Справился Шувалов на все сто, нет, тысячу! Я же тебе говорила мне с тобой по кайфу, а как и где –неважно!

Друг притянул ее и с чувством поцеловал. Мы заулюлюкали и вновь захлопали. Все подняли бокалы, и выпили за счастье друзей.

Когда гул немного поутих. Аленка взяла в руки микрофон.

-Минуточку внимания, ребят! –попросила она, обратившись к нам, а после повернулась к мужу и сообщила ;

– Я тоже очень люблю тебя, Борь, но сейчас моя речь будет посвящена не тебе, потому как я не такой чурбан, как ты и часто пою дифирамбы в твою честь, так что на сей раз перетопчишься!

Мы захохотали, Борька же возмущенно выпучил глаза и беспомощно посмотрел на нас, вызывая очередной взрыв смеха.

Аленка же продолжила;

-Сейчас я хочу рассказать, как все начиналось. Хотя многие знают, это довольно веселая история. Но прежде всего, я хочу поблагодарить человека, без которого я бы сейчас не стояла здесь, рыдая от счастья, без которого упустила бы единственного для меня мужчину-свою судьбу. Спасибо любимому другу, самому родному и бесконечно дорогому нашей семье человеку-Олежке. Гладышев, ты и сам все знаешь! – призналась Аленка со слезами на глазах. Я улыбнулся в ответ и просто кивнул, потому что нет таких слов, чтобы выразить переполняющие нас чувства. Наша дружба уже давно переросла в родство, когда достаточно взгляда, чтобы все понять.

- Так, а теперь история ...-смахнула Шувалова слезы и с энтузиазмом начала рассказывать нашу историю. Именно нашу, потому что я два года регулировал отношения этих двоих, если не всю жизнь...

-Итак, мне было пятнадцать, когда моя семья переехала в Бийск. Опустим, что это было для меня чуть ли не катастрофой, ведь все друзья остались в Омске. Первое время мне было абсолютно нечем заняться, начало августа, каникулы, поэтому обзавестись новыми знакомствами было нелегко. Но спустя неделю на лестничной площадке я встретила самого красивого парня, которого видела в своей жизни и так я считаю по сей день, хоть для меня и существует лишь один мужчина на земле. Но на тот момент я его еще не встретила, зато судьба свела меня с Гладышевым . И каждая присутствующая здесь женщина поймет, что встретить в пятнадцать голубоглазого блондина , у которого лицо с картинки и фигура атлета –это все, считай, пропала!

Все в очередной раз засмеялись. Я прикрыл лицо, качая головой. В этом была вся Аленка, вечно ставящая меня в неловкое положение своей искренностью и обожанием.

-Ну, я и пропала! До конца августа моим досугом были посиделки у окна или на лавочке в ожидание, когда Гладышев куда-нибудь пойдет. В общем, воздыхала я по нему до самого сентября, пока в школу не пошла. А там меня захватила учеба и как-то прошло. Вскоре мы по-соседски познакомились. В это время Борю призвали в армию, поэтому мы с ним даже не пересекались, но даже если бы... сами понимаете; ему восемнадцать, мне пятнадцать и еще такой маленький нюанс, имя которому –Манька Скопичевская! – провозгласила Аленка, Боря застонал ;

-Санныч, спасай меня.

Я засмеялся, вспоминая первую любовь Борьки, которая оказалась обычной бл*дью, и слава Богу. Но на тот момент, я правда, рвал и метал, не зная, что делать, когда эта сучка начала прыгать по койкам в то время, как мой друг строчил ей слезливые письма. Но потом нашел выход, о чем и вещала Шувалова.

-Боря сходил с ума по сей барышне, и даже вроде как собирался на ней жениться сразу после армии. –язвительно продолжала Аленка. Боря уронил голову на руки. Мы вновь захохотали.

-Но увы, Манька оказалась просто Манькой.. Ну, вы понимаете. Все здесь знают Борю, поэтому можете представить, что было бы, если бы он узнал, что она его кинула. Гладышев прекрасно понимал и чтобы Шувалов не натворил дел, решил, что лучше ему не знать о непостоянстве «любимой» . В один из вечеров приходит он ко мне и говорит; « Ален, поговорить надо!». В тоже время Леху-моего брата терроризировали старшеки, всячески измываясь. Гладышев, уже тогда был манипулятором, поэтому и обратился ко мне, зная, что я не смогу отказаться от его предложения. А предложение было таким ; отвечать на письма его друга, взамен Леху больше никто не тронет. Ну, естественно я согласилась, я же хорошая сестра.

-Лучшая!-подтвердил ее брат, она послала ему воздушный поцелуй и продолжила.

-Для Борьки мы придумали супер-историю о том, что Манька сломала руку и теперь пишет левой, от того и почерк иной. По сей день гадаю, Борь, как ты на это купился. –подколола Шувалова мужа.

-Саньч, я убью эту женщину, выставляет меня дурнем. – пожаловался он мне. Я лишь похлопал его по плечу, сдерживая смех. Эти воспоминания вызывали у меня тепло и улыбку. Хорошее было время, беззаботное. Я потом поехал на Север, но поддерживал связь и с Аленкой и с Борькой, контролируя ситуацию, но через полгода Аленка стала многое скрывать, и я понял, что что-то между этими двумя происходит, о чем она сейчас и говорила;

-Со временем я уже не смогла жить без писем Бори, он казался мне настолько родным, настолько близким. Приходилось многое скрывать, но я делилась с ним своими переживаниями, правда, проецируя свои эмоции на немного иные, но аналогичные ситуации. К концу второго года, я уже любила этого парня и ждала со страхом и нетерпением. Гладышев, на тот момент стал моим лучшим другом, с ним я тоже поддерживала переписку. С Севера он вернулся раньше, чем Борька демобилизовался, чему я была невероятно рада, потому что в одиночку я бы эту встречу не пережила. Как она прошла, лучше не рассказывать, пожалуй, это останется нашим с Борей секретом. Скажу лишь, что это было больно. И опять же Гладышев взял дело в свои руки. Уже через неделю на пороге моего дома появился Борька с цветущим всеми цветами радуги лицом и букетом, как сейчас помню астр, причем с клумбы возле нашего подъезда.

Вновь раздался смех.

-Нет, не с вашей, Лёнь. Я же не дебил, чтобы рвать цветы возле твоего дома. Это я потом заметил, что на вашей клумбе точно такие же. – признался со смехом друг.

- Да ладно. Меня больше впечатлил твой боевой раскрас. Гладышев, вот неужели нельзя было как-то демократично решить вопрос? – предъявила Аленка претензию. Нормальная вообще дама! Я тут понимаешь ли ее честь отстаивал, причем сам огреб, а она еще недовольная, но в слухе же сказал;

-Ты же знаешь, с ним только так. Непробиваемый!

- Я бы на вас посмотрел после такого «сюрприза»! –буркнул Борька.

-Ты мой сладкий сахар! –подразнила его Шувалова, отчего мы уже не просто смеялись, а катались. Друг показал ей кулак и покачал головой. Наблюдать за их парой одно удовольствие и в тоже время как-то горько. Мне тут же вспомнился наш разговор с Янкой;

«-Но ведь должны же быть какие-то чувства?!

-Мне не нужны чувства!»

Вру, отчаянно вру! Только вот кому?

Смотрю на Шуваловых и понимаю, что хочу вот такого счастья, лишаящего сил, хочу вот таких чувств, от которых душа поет, хочу женщину, с которой смог бы разделить свою жизнь ; свой успех и неудачи.

Перед мысленным взором вдруг возникла Янка, шепчущая ; «Ты. Мне нравишься ты.» Но тут меня вызвали для поздравлений, чему я был несказанно рад, а то мысли эти напрягали, шкрябали там внутри что-то, вызывая какой-то дискомфорт.

Поздравив друзей, вернулся на свое место, а мысли последовали за мной. Сидел и думал, где она, о чем думает, что чувствует. Уверен, что ничего хорошего. Опять совесть и чувство вины проснулись, а еще тяга. Тянет к ней и все, не могу ничего с собой поделать.

Терпел я довольно долго, но каждый раз натываясь взглядом на Шуваловых, желание позвонить Чайке становилось нестерпимым. А все потому, что рядом с ней я не чувствую это тошнотворное чувство какой-то неполноценности своей жизни. Когда все поздравили Борьку с Аленкой, я – таки не выдержал и извинившись, вышел в холл.

Набирая ее номер, оправдывался сам перед собой, что звоню лишь потому, что хочу убедиться, что все в порядке. Она ответила сразу же.

-Да.-тихо отзывается, а я теряюсь, не зная, что сказать. Зачем,

спрашивается, позвонил? Но она спасает мое положение, признавшись;

-Я ждала твоего звонка.

Я удивлен, но виду не подаю и невозмутимо спрашиваю;

-А что сама не позвонила?

-Ну, это ведь не я ключи потеряла.

Ее ответ почему-то меня разочаровывает, не знаю, чего я ждал, но точно не этого. Ну, хоть ключи нашлись и то хорошо.

-Когда заберешь? – спрашивает она деловым тоном, но я чувствую что-то за ним скрывающееся, какую-то недосказанность.

-Сегодня.

-Хорошо.

-Мне к тебе подъехать?

-Нет.- натянуто отзывается она, но тут же уточняет, - Я у Лерки. Южное Медведково, Полярная 14.

-Понял. Ладно, через часа два где-то.-сухо сообщаю. Дурацкий какой-то разговор получается, неловкий, пока она не добавляет;

-Я буду ждать. Хочу поговорить.

- О чем? –не могу сдержать любопытство. Она выдерживает небольшую паузу и сдержанно отвечает:

-О твоём предложении.

От ее ответа напрягаюсь.

Так-так-так! Что это у нас за поворотик? Неужто девочка решила попытать счастья или просчитала выгоду?

-А что о нем говорить? Мы уже все обговорили и пересмотру не подлежит. –отрезал я.

-Мне бы хотелось уточнить некоторые вопросы. – процедила она, а меня словно током шарахнуло понимание, что она ведь согласна. От этой новости чувствую удовлетворение и какое-то разочарование, которое усиливается с каждым последующим словом.

-Какие вопросы?

-Материального характера.- резко отвечает она, в голосе решительность и холод, что неприятно поражает меня. Вот тебе и провинциальные девственницы. Дай слабинку и в глотку вцепится.

-С чего это вдруг такие перемены?- насмешливо интересуюсь у нее.

-А почему нет? Я все обдумала и решила, что ты прав ; этоудобно ...

Ее несколько неловкие, расчетливые рассуждения вызывают у меня улыбку, хищную, презрительную, а ведь никогда раньше не осуждал своих любовниц, если приходилось их содержать. Так почему же сейчас? Сам ведь предложил. Да, предложил, но думал, что она откажется. Разочаровала , короче, хоть и в тоже время хотел, чтобы согласилась-такой парадокс. Хотя, наверное, я еще не ожидал, что она столь шустро и вульгарно кинется обговаривать финансовый вопрос. Да уж! Впрочем, все это ожидаемо, потому что я никогда не ошибаюсь в отношении людей, и насчет нее не ошибся. С самого начала раскусил! Только вот ни радости, ни удовлетворения от этого не чувствую.

Глава 12.1

Первая ночь; розы, шампанское, нежность и прочие атрибуты романтики. Кто-то об этом мечтает, представляет себе все именно так, кто-то напротив –считает ванильной фигней. Я никогда не задумывалась, каким должен быть мой первый раз, чего я жду или хочу. Единственное, что мне было необходимо, это избежать неловкости, конфуза и разочарования. И в этом плане, можно сказать, все удалось. Конечно, было пару моментов, но пожалуй, без них никак не обойтись. Но я не знала, что самое страшное –

это утро. Ни одна женщина не мечтает проснуться в одиночестве и обнаружить на тумбочке записку со словами; « Доброе утро! Не стал тебя будить, ты сладко спала. Прости, у меня много дел, поэтому не смог остаться. Деньги на тумбочке на всякий случай; такси вызови, завтрак закажи.... Ключи отдай консьержке, как пойдешь. И подумай о нашем разговоре.»

Вот и все; сухо, лаконично, четко по делу, скупое. Ни одного намека на вчерашнюю близость. И от этого становится как-то пусто. Еще минуту назад казавшийся прекрасным мир меркнет. Несмотря на то, что через панорамное окно солнечные лучи заливают комнату, освещая ее своим радужным блеском, у меня на сердце сгущаются тучи. И холодно до неприятного озноба в этой постели, еще несколько часов назад горячей огнем. Смотрю невидящим взглядом куда-то вдаль на суету большого города и ни единой мысли. Какая-то апатия. Брошенная, чувствую себя опустошенной и какой-то мерзкой что ли, незначительной, безликой в толпе прошедших через эту постель женщин. Давит своим великолепием и безразличием это пристанище на одну ночь. Хочется бежать отсюда без оглядки. Но я вместо этого откидываюсь на кровать, зарываюсь лицом в подушку, на которой спал он и вдыхаю его едва уловимый аромат. Подобные действия в фильмах у меня раньше вызывали насмешку, а сейчас вдруг понимаю, что это за чувство, когда хочется задержать время, остановить его, вцепится мертвой хваткой в ускользающий миг, в растворяющуюся в солнечных лучах нежность, страсть, иллюзию любви. Странно, после всего, что он сказал мне, я не плачу и не обвиняю его ни в чем. Напротив-сидела полночи, смотрела на него спящего, такого умиротворенного и родного в лунном свете и думала; « Какая она – женщина, сделавшая тебя таким? Кто эта сука, из-за которой и я скоро превращусь в человека, подобного тебе; скрывающейся за маской безразличия и холодности, пытаюсь уберечь себя от очередного разочарования? Сколько потребуется тебе времени, чтобы я стала твоим отражением?». Но если быть честной, то вопросы эти – плоды подавленного настроения. Моя наивная натура свято верит, что мне удастся растопить лед. Всем своим существом хочу принять вызов, брошенный судьбой, хоть и понимаю, что будет больно, свирепо больно. Да что там?! Больно уже сейчас. Мне хочется винить его, ненавидеть за унижение, за крушение даже мизерных надежд. Но знаю, что это тупо. Мы не в восемнадцатом веке и я все понимала. Он никогда не говорил мне о любви, ничего не обещал, я сама этого хотела, рассчитывала на что-то. Он просто снял мои розовые очки слишком неделикатно, грубо даже. И как бы я не

выпендривалась, пытаюсь казаться разумной, а все равно – сволочь он и козел! Гордость кричит «Брось! Иди дальше. К черту это дерьмо!». Но ... это извечное «но». Лежу, сверлю невидящим взглядом потолок и не знаю, что мне делать дальше. Хотя это ложь, конечно. Знаю я, знаю с первой секунды, как только сказал, что для него лишь определенный формат отношений приемлем. И дело даже не в том, что я его люблю и готова ради этого чувства на все. Нет. Я сама по себе такая. Я –борец. Не могу отступить, даже не попытавшись что-то сделать. Только сейчас слишком плохо и хочется послать это все куда подальше.

С таким внутренним раздраем одеваюсь. Стараюсь ни о чем не думать сейчас . Просто блокирую, иначе накручу, буду грузиться и начну делать глупости.

Собравшись, обвожу внимательным взглядом спальню, фиксируя каждую деталь, сохраняя в своем сердце и памяти навсегда. О таких апартаментах мечтают, наверное. Но я хоть и материалиста, и все же понимаю, что лучше бы в зашарпанной комнатухе, но, чтобы любили, чем эта односторонка.

Тяжело вздохнув, подхватываю рюкзак, подхожу к тумбочке, беру деньги. На глаза наворачиваются слезы. Бросить бы ему в рожу, ублюдку. Знаете, во сколько он меня оценил? Давайте, погадаем, поторгуемся, что уж?! А оценили меня в двести долларов. Щедрая сука! С таким стартом и до элитной проститутки не долго.

Ну, вот. Я же говорила, мне думать нельзя. Начинаю накручивать. Гладышев он хоть и сволота, но порядочная. Откуда знаю - не ясно, просто чувствую и все. Наверняка с его стороны эти деньги-что-то типа заботы, а я уже наворотела. А может и нет....

Отмахнувшись, засовываю грязные бумажки в карман и стремительно покидаю квартиру. Спросите, чего же я не оставила эти деньги, раз такая гордая? А кому от этого хуже станет? Кому я что-то докажу? Гладышеву? Да плевал он с высокой колокольни. Посмеется только. И если уж считает меня кем-то , то пусть за дело.

Спустившись вниз, направилась к консьержке. Она была не одна, посмотрела на меня с таким презрением, когда я протянула ключи. Покачив головой, женщина забрала их. Я же быстро направилась на выход, было не по себе от ее осуждения. Но когда я услышала за спиной, как эта бабка своей знакомой посетовала ; « Такая молоденькая, а уже со взрослыми мужиками путается!», у меня внутри словно лопнула какая-то пружина, и развернувшись, я подошла к этим перичницам и оскалившись, елейным

голосом пропела ;

-А тебе-то что бабуль? Завидуешь?

Они опешили и смотрели на меня, выпучив глаза, я же войдя в свою излюбленную роль, продолжила;

-Видишь ли, перспектива стать добропорядочной семьянинкой, обсасывая кости всем, кому не лень исходя желчью от зависти, будучи консьержкой, мне совсем не улыбается, поэтому лучше путаться с богатенькими мужиками и жить в свое удовольствие. Ну, теперь на день вам тема для разговоров обеспечена. Хорошенько пропаласкайте меня, чтоб прям стерильненько было.

Бабуси как застыли с открытым ртом, так и сидели, пока я не ушла. На улицу я вышла все еще ехидно улыбаясь, но стоило немного отойти от дома, как вся бравада слетела с меня, как шелуха. Остановившись на набережной, закрываю глаза, втягивая прохладный воздух, изо всех сил стараюсь не заплакать. На душе гадко. Боже, что же со мной творится-то? Кидает из стороны в сторону. Хотя кого бы не кидало от такого дурдома в отношениях? То злость накрывает с головой, то обида. Вот мог бы позвонить хотя бы, учитывая, что какие-то свои ключи оставил?! Думает, я буду ему названивать? Ага, щас! Охренеет от счастья индюк надутый!

Пока иду по набережной, распаляю сама себя, матеря Гладышева.

Только в метро вспоминаю, что вчера выключила телефон. Это дает малюсенькую надежду, что возможно он звонил, но стоило только включить сотовый, как на меня обрушился град извещений о звонках мамы, тети Кати, Лерки и это меня беспокоило. Все разом они бы просто так не названивали, да еще по столько раз. Волнение сковало и появилось противное чувство в животе. Я решила начать с Лерки. Набирая номер подруги, молилась только об одном, чтобы ничего не случилось, но мои молитвы либо не доходят до адресата, либо их попросту игнорируют.

-Ян, капец, я тебя везде ищу! Ты куда пропала? –обрушилась сразу же на меня Лерка.

-Что случилось?

-Что-что, п*здец тебе случился ! –воскликнула она с чувством, у меня же внутри началось нечто невообразимое; словно жгутом стянуло все внутренности.

-А поконкретнее. –раздраженно отозвалась я, сгорая от нетерпения и волнения. Мне вдруг стало невыносимо душно в вагоне.

-Звонила с утра твоя тетя! А ты же мне ни хрена не сказала. –

спокойно сообщила подруга, делая акцент на том, что я сама виновата. И именно в этот момент понимаю, что дела мои плохи. Лерка она оптимистка и из любой ситуации находит выход, ну, или какие-то положительные моменты. Сейчас же ничего положительного в ее речи я не находила и вообще было странно слышать эти нападки от подруги. Но вскоре я поняла, что она просто воспользовалась приемом - лучшая защита –нападение. Хотя зачем-мне не ясно. Я бы никогда не обвинила ее в своих проблемах.

– Могла бы и предупредить, что будешь со своим старпером.-бросила очередной упрек Гельмс. Меня это вывело из себя и я резко потребовала, чтобы она уже осветила суть проблемы;

-Гельмс, хорош гнать. Что ты тете Кате сказала?

-Ничего не сказала! А что я должна была? Она позвонила в семь утра и спросила –как мои дела и ушла ли ты на работу. Я спросонья, мне как-то не до ваших проблем. Ответила, что да. А она сразу в лоб сообщила, что у тебя сегодня выходной. Потом спросила - ночевала ли ты у меня. Ну, и все приплыли.

У меня закрались некоторые подозрения, насчет того, что она просто не захотела мне помочь, уж Лерка –то бы что-то придумала, но тут же отмахиваюсь от этого червячка сомнений. Я не имею права винить подругу в том, что сама оплошала. Да и сейчас меня больше волновало, что мне предстоит объясняться с крестной. От незавидных перспектив бросало то в жар, то в холод. А страх убойной дозой разнесся по крови.

-Ян, ты меня слышишь?- оторвала меня Лерка от лихорадочных размышлений, как выкрутится из сложившейся ситуации.

-Лер, потом позвоню.

-Слушай, Ян, ты на меня надеюсь, не обижаешься? Просто предупреждать надо. И вообще, что она мне-то названивает?! - опять обрушилась на меня Гельмс. Но мне было не до ее недовольства.

-Не знаю, Лер, извини. –отозвалась я торопливо, тяжело вздохнув, даже не в состоянии представить, как буду разгребать.

-Ладно не ссы, тетка твоя женщина бывалая, поймет, думаю. Уверенна, у нее молодость была похлеще, чем у нас вместе взятых. – поддержала меня подруга на свой лад, но у меня были большие сомнения насчет лояльности крестной. Лерка меж тем переключилась на свою излюбленную тему.

-Ну, как все прошло? Саныч надежды оправдал? Стоит хоть из-за него огребать?

-Иди в баню Гельмс.- истерично хохотнула я, страх затопил меня с

головой.

-Охренеть, ты трахаешься с мужиком старше тебя на двадцать лет! Кто бы мог подумать?!—воскликнула она со смешком. Мне же оставалось только закатить глаза и пресечь очередной извращенный бред .

-Все я отключаюсь.

-Давай, не пуха.

-К черту.

Отключившись, я еще некоторое время смотрела на дисплей телефона. Уведомления о пропущенных звонках от мамы и тети Кати давили на мою психику. Неизвестность пугала, но узнать, что меня ждет, было еще страшнее. И все же я решила, что лучше разобраться во всем дома, а не по телефону. Хотя если быть честной, то я просто до ужаса боялась и всячески тянула время, хоть это и было невыносимо.

Подойдя к дому тети Кати, мой страх возрос до таких размеров, что у меня начали даже дрожать руки. Я ходила взад –вперед возле подъезда, кусая губы, не в силах войти внутрь. Только минут через двадцать мне удалось немного успокоиться. Собрав волю в кулак, я поднялась на двенадцатый этаж и позвонила в дверь. Ожидание, когда мне откроют, было адским. Казалось, что все тело и мысли парализовало, хотелось поскорее избавиться от этого жуткого состояния. И вот ; дверь резко открылась и я встретилась со взглядом тети Кати, который не предвещал мне ничего хорошего. Молча вхожу в квартиру. Чувствую себя неловко, на душе паршиво. Что сказать-не знаю.

-Явилась, красавица. – с усмешкой констатировала крестная, когда я сняла верхнюю одежду и застыла, не зная, что делать дальше. Тетя Катя меж тем продолжила глумиться, иначе я это не назову. – И где вас черти носили, по каким кроватям? Как «Лерочка» поживает?

-Ой, давай не будем, а ?- оборвала я поток ее иронии. Было и без того тошно.

-А мне и не надо, Ян, твоих рассказов-оправданий, очередного вранья. Вот мать приедет, и с ней объясняйся.

-В смысле «мать приедет»? –ошарашенно спросила я.

-В прямом, милая моя. Ты своих обещаний не держишь, а почему я должна?! –грубо пояснила мне тетя. Меня же от этой новости просто парализовало. Арктический холод обжег все внутри, чтобы взорваться жаром в каждой клетке. Такого леденящего ужаса и паники я еще никогда не испытывала.

-Ты ..ты все ей рассказала? –прошептала я не своим голосом.

-Да, рассказала. – абсолютно невозмутимо отозвалась крестная и ушла на кухню, где чуть ли не напевая себе под нос, начала готовить обед. Я же пыталась осознать новость. Кровь стучала в висках, а сердце безумной птицей билась в груди. Бездна и дикое отчаяние разрывали меня на части.

-Ты с ума сошла.- бросила я крестной срывающимся голосом, не в состоянии сдержать слезы. Тетя Катя повернулась ко мне, выражение ее лица было жестким, как и тон голоса.

-Я сошла с ума, когда согласилась покрывать тебя. Твоя мать-единственный близкий мне человек. И сейчас я могу ее потерять, потому что поверила, что мы воспитали достойную девчонку, у которой преобладает серое вещество, а не эстрогены. Я ошиблась, и эта ошибка будет стоить мне дорого! Но я не позволю, чтобы ошиблась ты, и если для этого мне придется испортить отношения с тобой, пусть. Когда-нибудь, когда у тебя будут свои дети, ты поймешь!

-У тебя нет детей!- ударила я по самому больному месту. Но крестная лишь усмехнулась и ударила еще больней;

-И слава Богу, думаешь, глядя на тебя.

Она отвернулась, я же задохнулась от подступивших к горлу рыданий, сковавших его кольцом. Каждое ее слово задевало до глубины души. Было по самому, пожалуй, больному месту. Потому, как одно из главных стремлений каждого человека-это чтобы им гордились его родители. Да я зарабатывала на жизнь, стремилась к лучшей доле, не опускала рук, но вряд ли мама оценит это в свете четырехмесячного вранья.

И сейчас я просто не представляю, что мне делать, как быть дальше.

Закрывшись в ванной, сижу на полу и вою в полотенце. Истерика от безысходности, стыда, злости и боли, но не за себя, а за маму. Как представляю ее состояние, так накатывает, накрывает с головой отчаяние.

Бедная, бедная моя мамочка! Она ведь все мне отдала, а я... Столько сил, столько надежд и веры в меня. Ее жизнь была полна разочарований, но она восставала из пепла и всегда говорила, что во всем этом мраке я – ее надежда. Как теперь посмотрю ей в глаза? Как?!

Не знаю, сколько я просидела в ванной будучи в разобранном состоянии, но когда услышала, что тетя Катя ушла из дома, словно по щелчку выключилась истерика, в голове же навязчиво билась одна мысль-нужно уйти. И это казалось спасением. В эту минуту я ни о чем не думала, кроме того, что таким образом мне не придется видеть потухший взгляд мамы, разочарование на лице бабушки.

Быстро собрав все необходимые вещи, покинула квартиру. Сомнения в

правильности моего решения точили меня, но страх какой-то безотчетный, дикий, не поддающийся логическому объяснению подталкивал вперед, и я бежала в неизвестность. Трусливо сбегала от осуждения, от последствий обмана самого дорого мне человека. Мне хотелось заплакать, но напряжение было настолько изматывающим, что на слезы не оставалось сил.

Бреду по городу, вдыхая ноябрьский воздух. Мне не нравится Москва, она не пригодна для жизни. Раздутые расстояния, немыслимые толпы, дикие пробки, вздрюченные цены. И все же ... Сейчас закрываю глаза и передо мной в лучах закатного солнца Тверская, на углу Страстного - музыканты-барабанщики, у памятника Долгорукому файер-шоу. За эти четыре месяца у меня появились свои любимые места, где можно попить кофе в теплой, уютной атмосфере, купить что-то необычное, узнать о новых книжных новинках и куча всего другого. Все-таки, наверное, больше люблю этот город, чем не люблю. Потому что тут никогда не бывает скучно - столько всего интересного происходит! И выставки, и фестивали, и театры, и кино, и можно обучиться всему, чему захочешь. Москва никогда не спит, всегда в движение, словно вечный двигатель. Она не для слабых. Москва-город неограниченных возможностей, которые сильные люди используют, слабые лишь сетуют.

Я не слабачка! Одна неудача –это еще не конец! Пусть мне многое здесь не нравится, пусть иногда мне бывает очень плохо, и я скучаю по своему тихому, унылому городку, где все родное и знакомое, но я ни за что не уеду. Не сейчас, когда встретила любимого мужчину. Мне восемнадцать и имею право любить, кого хочу, спать, с кем хочу и когда хочу! Это не протест в духе подросткового максимализма. Это мое желание идти до конца по выбранному мной пути. Это мой выбор, пусть и ошибочный. Но он –мой! Смело? Пожалуй.

Но думаю, что в восемнадцать каждый из нас совершал безумные поступки, бросаясь в океан страстей с головой. Потому, как мы верим, что мир крутится для того, чтобы сделать именно нас счастливыми. В восемнадцать человек считает себя уникальным, особенным и в этом прелесть молодости. Для тебя не существует границ и запретов, потому что вера в то, что твой рай где-то рядом, безгранична и непоколебима.

Я не исключение и подобный образ мыслей присущ и мне, особенно, в отношении Гладышева.

Потому, как верю, что настоящая любовь –это безумие, неподвластное никакой логике и разуму, что в ней нет законов и дважды два не всегда четыре, а потому ошибка в расчетах может стать самым лучшим решением

в жизни. Все люди мечтают о настоящей любви, мы ищем ее повсюду. Но как нам узнать, нашли ли мы свою половинку? Чтобы получить ответ, нужно прыгнуть без страховки в неизведанное. Возможно, посадка будет мягкой, возможно, будет очень больно, а может, мы погибнем, но пока летим, ничего нет прекрасней и захватывающей этих ощущений.

И все же это не оправдывает того, как я собираюсь поступить с мамой. Это неправильно; эгоистично, подло, по свински, но иначе у меня не получается. Я трусиха, не готовая нести ответственность за свои поступки.

Эти размышления вновь вызывают у меня отчаянье и панику. В таком состоянии я пришла к Лерке.

Дверь открыла ее мама.

-О, Яночка, привет! Проходи!- радужно встретила меня Наталья Михайловна. Я натянуто улыбнулась и вошла в трехкомнатную квартиру Гельмс. Леркина мама начала суетиться вокруг меня, приглашая на кухню, выпить чай. Поскольку самой Лерки дома пока не было, я решила скоротать ожидание за чашечкой чая. Наталья Михайловна что-то с энтузиазмом рассказывала, я же отстраненно кивала, попивая чай, вкус, которого совсем не чувствовала.

-Януль, все в порядке?- спросила она спустя какое-то время, видимо, заметив мое пассивное участие в беседе, а точнее, полнейшую невнимательность.

-Я дома и сейчас сожру слона! –раздался голос Лерки из прихожей, что избавило меня от необходимости отвечать. Мы с Натальей Михайловной засмеялись. Лерка ураганом ворвалась на кухню, заряжая нас своим позитивом и энергией.

-Привет мам! –чмокнула она мать и вопросительно уставилась на меня, что меня смутило, но от необходимости объясняться избавила Наталья Михайловна.

-И вам здравствуйте мадам Проглот! Сейчас обед разогрею.- усмехнулась она.

-Ты, просто волшебница. –промычала Лерка, откусив яблоко. Упав рядом со мной на диван, подруга вальяжно развалилась и захрустела яблоком, от чего у меня пробежал неприятный озноб по коже.

-Привет, как дела? – поинтересовалась я с натянутой улыбкой.

-С пивом пойдет. У тебя даже не спрашиваю, и так все на фейсе написано, да и на голодный желудок лучше не стоит. – ответила подруга,

продолжая жевать. –Мне, кстати, тетя Катя звонила, тебя искала, -сообщила она, как бы между прочим.

-Что хотела?- просипела я охрипшим от волнения голосом и тут же откашлялась.

-Спрашивала, не у меня ли ты и если да, просила передать, чтобы ты включила телефон и позвонила маме. Что там у вас случилось?

-Девчонки, потом пошепчитесь! Давайте обедайте. –прервала нас Наталья Михайловна, ставя перед нами тарелки с борщом. Лерка активно принялась за еду, я же невидящим взглядом сверлила стену напротив.

-Я на работу поехала.- сообщила Наталья Михайловна, прибрав на кухне. Попрощавшись, она оставила нас одних, чему я была несказанно рада. Ибо сил притворяться , что все хорошо и делать вид, что я ем суп, у меня уже не было.

Отставив тарелку, я тяжело вздохнула и облокотившись на стол, провела ладонями по лицу.

-Представляешь, тетя Катя все рассказала маме.

-О, да ты попала! – присвистнула подруга, оставив пустую тарелку.- Хотя честно, не понимаю, в чем проблема?! Ты что должна тупо сидеть дома и зубрить? –высказалась она. Я усмехнулась, потому что именно это от меня и требовали.

-Тирания сплошная. По-моему, ты уже взрослый человек.

-Я тоже так считаю! Ну, а раз взрослая, то пора бы и жить самостоятельно, верно?- проглатывая слезы жалости к себе, сыронизировала я. Гельмс приподняла бровь и уточнила.

-В смысле? Ты что хочешь уйти из дома?

-Уже ушла. – призналась я невесело, кивнув на рюкзак с вещами, валяющийся в углу.

Лерка несколько минут молча смотрела на меня, а после, покачав головой, опустила на диван и подвела итог;

-Ну, дела!

Пока она переваривала эту информацию, я достала телефон и включила его. Градом обрушились пропущенные звонки, смс от мамы и тети Кати, которые я даже не стала читать. Было слишком страшно.

-И что дальше? Какие телодвижения? Как ты собираешься вообще быть, что делать? – очнулась подруга и начала заваливать меня вопросами, ответы на которые я сама еще не знала.

-Без понятия.- признаюсь с тяжелым вздохом.

-Нужно искать жилье, а ты знаешь, сколько на это денег уйдет и вообще; даже на подселение если снять комнату у черта на рогах-это вся

твоя зарплата, а жить на что? Да и не думаешь же ты, что тетя Катя и мама так просто исчезнут из твоей жизни.

Лерка безусловно права и с каждой минутой затея уйти из дома все больше казалась истерическим бредом. Внутри меня шла отчаянная борьба доводов разума, визга страха и шепота сердца. Честно говоря, я так устала. Внутреннее напряжение от этого бесконечного вранья, самоконтроля и ожидания чего-то, достигло апогея, и сейчас хотелось просто пустить все на самотек.

Как странно все в жизни. Почему одним счастье достается практически даром, а другие должны пройти все круги ада? Чем я хуже той же Лерки, у которой ни забот, ни хлопот? Почему за все в этой жизни мне приходится бороться ; за право голоса, за зарплату, за любимого мужчину, за каждую крупицу радости и счастья? Почему, черт возьми, почему?! Ведь все ошибаются, только одни почему-то отделяются легким испугом, а у других жизнь вдребезги разбивается, и пока соберешь ее по кусочкам, порежешься не единожды.

Конечно, это очередной крик души, который никто не услышит. С каждым днем мне все больше кажется, что никого там наверху нет, но если я все же ошибаюсь, то более несправедливое существо, сложно представить. Поэтому полагаться приходится исключительно на себя. Только, что делать, когда твои возможности ничтожно малы и так или иначе приходится зависеть от кого-то?

Что мне вообще делать?

Было бы правильнее обсудить все с мамой, поговорить. Хотя с моей мамой поговоришь... Теперь же я запуталась в паутине обмана, которую плела вокруг родных людей, и как выбраться; не имею представления. Мне бы хотелось прийти к маме с повинной и увидеть с ее стороны понимание, но она не поймет. А может, и поймет, только все равно скажет ехать домой и вряд ли вообще позволит вернуться, особенно после рассказов тети Кати, которая наверняка расписала все в красках. Мама человек строгий, непреклонный. Впрочем, оно и понятно; когда воспитываешь ребенка в одиночку, нет, возможности расслабиться и дать слабину себе и своему чаду. Но я уже не та девочка, покинувшая дом и боящаяся маме слово поперек сказать. Что-то изменилось во мне. И все же я не готова противостоять в открытую. Все, на что способна –это сбежать. Так или иначе, конфликт неминуем, как и мой уход из дома тоже, поэтому не все ли равно теперь или потом?

Может, я так успокаиваю свою совесть, хотя зная маму, уверена,

варианты только такие. Этот довод укрепляет меня в моем решении уйти, и я безапелляционно заявляю ;

- Лер, я все равно уйду, иначе никак! Поможешь?

Я умоляющим взглядом посмотрела на Лерку. Одной мне не справиться первое время. Подруга с шумом втянула воздух.

-Ян, конечно, мама и тетя Катя не правы, но не руби с плеча. Подумай.

-Я уже подумала и прокрутила ситуации на триста рядов. Мама увезет меня в Рубцовск, где будет пилить весь год, а после скажет, чтобы я ехала в какой-нибудь Новосибирск поступала. Так или иначе; придется уйти из дома, чтобы отстоять свою позицию. –все это я выдала на одном дыхании, и теперь было ощущение, что силы окончательно покинули меня.

Лерка, задумчиво поцокала, а после посмотрела прямо в глаза и грубо спросила;

-Ты совсем чокнулась, Ян? Влюбилась в него что ли?

Ее вопрос смутил меня. Я не из тех людей, которые легко открывают душу.

-Дело не только в нем. – уклончиво ответила я, ибо мои чувства к Олегу слишком личное и болезненное, чтобы говорить о них даже Лерке, но она уже сделала выводы.

-Я не думала, что ты так тупанешь и всерьез увлечешься. –заявила она, что меня неприятно поразило.

Интересно, а что она думала? Что я просто развлекаюсь или как? Я этого не понимала, как и Лерку в данный момент. Она, видимо, сообразила, о чем я думаю и тут же примирительно добавила;

- Только без обид. Мне просто казалось, что тебе льстят отношения со взрослым мужиком.

Мои брови взлетели вверх, а на душе стало еще поганей. Одно дело, когда тебя любимый мужчина принимает за «не ясно кого», а другое, когда с ним солидарна подруга.

-Бл*дь, Ян, я не так выразилась. Не знаю, как объяснить.-чертыхнулась Лерка.

-Да, ладно, не парься, я и так поняла. –усмехнулась я иронично.

-Ни хера ты не поняла! Я к тому, что любая бы на твоём месте не устояла. Я бы тоже не прочь, но однозначно голову бы не теряла. – попыталась объяснить подруга, чем еще больше взбесила меня.

-Ну, а я не такая умная, как ты. Хотя с твоим опытом только мне что-то и говорить! - съязвила я. Наш разговор уже давно перетек во что-то враждебное и вызвал неприятный осадок, особенно, когда Лерка

агрессивно парировала;

- Как раз с моим –то и говорить! Я простое многое не рассказываю. У меня было достаточно мужиков и всяких. Подарки дарили, на машинках катали, мне тогда это нравилось. Знаешь, казалось, круто быть развязной.

Невозмутимо пожала плечами Гельмс. Я же не знала, что сказать. Было не по себе. Вот вам и подруги! Лерка казалась чужой, а наши отношения фальшивыми. Я думала, что знаю ее, оказалось, что знаю лишь какой-то образ, который она мне втюхивала. Я и сама бывало, могла что-то преувеличить, но никогда не врала насчет того, кем я являюсь, кто я на самом деле.

-Давай, покурим? –предложила она, поморщившись, глядя на меня, оглушенную таким откровениями.

Я молча встала и как сомнамбула подошла к рюкзаку. Было желание уйти и больше не возвращаться. Только вот куда идти-то? Со всех сторон обложили, и хоть волком вой.

Взяв сигарету, протягиваю ей пачку. Чиркаю зажигалкой, пальцы дрожат. Молча затягиваюсь, подкурив сигарету. Глаза слезятся, но не от дыма, а от того, что мой хрупкий мир снова в один момент разваливается, как карточный домик.

-Ян, только давай не драматизируй! – заявила Лерка, обняв меня, как ни в чем не бывало, а потом коснулась губами моей щеки. Медленно, нежно и совсем как-то не по-дружески, продвигаясь к губам. Я замерла, кровь набатом стучала в голове. Ее дыхание обжигало кожу, а мимолетные поцелуи вызывали леденящий ужас и шок. Смотрю на нее и не знаю, что сделать. Ни черта уже не понимаю и не хочу! Она же дойдя до уголка губ, легонько чмокнула меня и отступила, делая затяжку.

Что это было? Как это понимать? Вопросы крутились на кончике языка, но так и остались невысказанными.

Лерка же усмехнулась и подмигнув, пояснила;

-Надо же тебя как-то в чувство приводить.

Звучало как-то неубедительно, но я не стала копаться в этом, ибо обдумывать сей порыв, было выше моих сил. И без того проблем куча. Может, подруга(только подруга ли?) забылась или вообще решила прикольтнуться? Гельмс, она может.

Постепенно напряжение и агрессия отступили. Мы курили, глядя, как за окном вечер медленно укутывает город в темное, таинственное покрывало из звезд. Солнце почти спряталось за горизонтом, как и в моей жизни. Еще чуть –чуть и света почти не останется.

Так каждый из нас был погружен в свое. Не знаю, о чем размышляла Гельмс. Я думала о том, что совершенно не знаю человека, сидящего напротив. Жизнерадостная Лерка, казавшаяся открытой книгой, теперь была для меня настоящей загадкой.

Удивительно, но в эту минуту, я вдруг понимаю, что только Гладышев в действительности со мной правдив и честен. Он ничего не утаивает и не прикрывает личные мотивы извечным «во благо тебе». Сейчас понимаю, что его прямолинейность гораздо приятней елейных, лживых речей, которые потом оборачиваются сокрушительным ударом в самое сердце, как сейчас.

От горестных мыслей меня отвлек звонок телефона. Увидев, что это Гладышев, у меня оборвалось сердце и радостно забилося. Ненавижу эту слабость в себе, ненавижу это чувство. Ей богу, как голодная шавка, выпрашивающая у хозяина любые объедки. Но эта мысль не злит даже, скорее просто горько. И все же я рада, что он позвонил. Отвлек от тягостных мыслей, невыносимого молчания и избавил от необходимости звонить самой. Учитывая разговор с Леркой, вопрос насчет предложения Олега теперь решен окончательно. Стоит даже признать, что я в нем нуждаюсь, ибо для меня это единственный вариант за неимением лучших. Разговор у нас получился скомканным, неловким, да и могло ли быть иначе?! Я словно гвоздь вбивала в гроб хорошего мнения о себе. Теперь уж точно он будет считать меня пираньей, ведущейся на кошелек потолка. Да и пусть! Значит, он-просто идиот с заниженной самооценкой, раз считает, что его не за что больше любить, кроме как за материальное благосостояние. Может, он даже прав, а я дура, что-то там выискиваю хорошее?!

И все же, несмотря на эти довольно пессимистичные мысли, я согласилась на встречу, хотя «согласилась» -это громко сказано! Будто у меня богатый выбор. Гладышев, конечно, сказал бы –выбор всегда есть и бла бла бла..... Бесит меня его позиция, четко разграничивающая черное и белое и никакого, мать его , серого!

Лерка еще на протяжении всего разговора так посматривала, что меня окончательно добило! Вот ей ли вообще такую рожу шокированную делать? Пусть только попробует что-то ляпнуть!

Но, когда я закончила с Гладышевым, Гельмс на удивление продолжала еще минут пять молчать.

-Ты обиделась на меня? –нарушила она наше молчание, глядя на меня глазами побитой собаки. Ее эта смиренность и какая-то покорность пугали, приводили в недоумение. Такой я еще не видела свою подругу.

-Скорее да, чем нет.- правдиво ответила я, туша сигарету, точнее оставшийся фильтр.

-Пойми, я хотела начать с чистого листа в универе. Хотела быть обычной девчонкой без темного прошлого, -Лерка замолчала, я же напряглась. После ее слов Олег и все проблемы, связанные с ним, вылетели из головы.

-Какого темного прошлого? – спрашиваю требовательно, чувствуя, что за этим скрывается нечто ужасное. Я до сих пор была зла и разочарованна, но какая-то часть меня готова без объяснений простить подруге всю эту ложь, точнее утаивание. Может, я просто цеплялась за нее, так как она единственная моя подруга? А уж мне известно, как больно терять друзей.

-Я не хочу пока об этом говорить, Ян. Прости. Не сейчас. Может, как-нибудь потом... Еще пока слишком рано. – тихо ответила Лерка, пристально рассматривая свои руки.

-А я вот от тебя ничего не таила. Как дурочка –душа нараспашку.- горько усмехнулась я, Лерка потупила взор и прикусила губу. Меня же несло.

-Ты вообще когда-нибудь собиралась рассказать о себе? Или так и дальше кормила бы меня сказочками о том, как прекрасно тебе живется, какая ты милая птичка? –допытывалась я, Гельмс потупила отвела взгляд и я поняла, что все продолжалось бы как прежде. Игра на публику.

- Как же мне везет с «друзьями»!– хохотнула я сквозь слезы и подхватив рюкзак, пошла на выход.

-Куда ты? Ян, стой. Ну, куда ты пойдешь? –Лерка идет следом. Я же молча одеваюсь и только после отвечаю;

-Туда, где мне хотя бы не врут!

-Господи, да очнись, Ян! Это не больше, чем на месяц. Натрахается и выкинет тебя на улицу.– пыталась достучаться до меня Лерка с таким видом, будто я наивная глупышка, что меня взбесило еще больше.

-Именно так, Лер! Но он хотя бы об этом говорит открыто. – отрезала я и вышла из квартиры, но Гельмс пошла следом и вцепилась мне в рукав куртки. Я повернулась.

-Это ошибка и ты пожалеешь. У тебя и так уже столько косяков, куда еще? –продолжала она наставлять с умным видом. Легко ей рассуждать.

У меня в горле стоял комок. Я задыхалась и было настолько плохо, что хотелось только одного –бежать подальше от всего и всех. Где –то там на задворках сознания, мигала, как красная лампочка, мысль, что не стоит горячиться. Но я утопала, как в болоте во всей этой непроглядной тьме проблем и мерзких открытий. Мне необходим был свежий воздух и

тишина. Осторожно убрав руку Лерки, уставшим голосом тихо сказала;

-Мне нужно побыть одной, обдумать все, переварить. Я позвоню.

-И куда ты пойдешь

-Переночую в гостинице, подумаю, как быть дальше, возможно, вернусь домой.

-Ясно. Не обижайся на меня, ладно? Ты для меня дорогой человек!- улыбнулась она почти искренни, не понимая, насколько фальшиво звучат ее слова. Я не смогла сдержать язвительную усмешку, от чего Гельмс переменялась в лице и уже более холодно произнесла:

-Хотя бы держи меня в курсе событий. И... я рядом, если что. Ты же знаешь, что всегда можешь на меня положиться? –вспрошала она, только я уже ничего не знала и ни в чем не была уверена. Но, чтобы поскорее уйти, молча кивнула и без лишних слов стала спускаться по лестнице.

Выхожу на улицу и иду в неизвестном направлении быстрым шагом, надеясь, что таким образом не поддамся истерике. Боже, как же я устала! Хоть дурниной ори.

Я шла, сама не зная куда, в конечном счете, оказалась в метро. Как в каком-то тумане добралась до Отрадного. Зачем? Сама хотела бы знать. Вообще состояние было какое-то меланхоличное ; я ни о чем не думала и не грузилась . Просто смотрела на суету городской жизни; на людей, бегущих куда-то, на проезжающие машины, на то загорающиеся, то потухающие огни, дышала выхлопными газами, смешанными с ароматом осени и продолжала бесцельно идти, пока не наткнулась на гостиницу « Алтай». Прочитала название и как говорится «сердце биться перестало». Все-таки родина – не пустой звук. Тянет, как не крути. Смотрю на неоновую вывеску и диву даюсь. Прямо знак какой-то; я же с Алтая.

Без лишних раздумий направляюсь в эту гостиницу. Выглядит она вполне себе прилично, три звезды меня устраивают, да и цены, как оказалось не слишком бьют по кошельку. Снимать номер было почему-то неловко и страшно, но пересилив себя, все же сделала это. И вот я уже в номере эконом класса, лежу поперек кровати, курю, пытаюсь пускать дым колечками. Получается как-то коряво, но я пробую снова и снова. Это бестолковое занятие занимает меня и отвлекает. Не знаю, сколько это продолжалось, но тут раздался сигнал, извещающий меня о новом сообщении. Вздрагиваю от неожиданности и хватаю телефон, вспомнив про Гладышева. Даже не глядя, открываю сообщение и словно получаю удар под дых, прочитав ; « Что, не можешь даже трубку взять? Стыдно? Правильно! Ты-неблагодарная свинья! Попробуй только не появись, когда я приеду, потом можешь вообще не возвращаться домой. Мне Катьке в глаза

смотреть стыдно. Воспитала дуру. Я в Москве буду послезавтра, чтоб собрала сумки и ждала меня!».

Я перечитывала сообщение раз за разом, пока оно не начало расплываться от подступивших к глазам слез. Они жгли, разъедали, как кислота, но я держалась из последних сил, чтобы не заплакать, не дать волю истерики, которую буду не в силах остановить, в которой захлебнусь. Утону в диком отчаянье и безысходности. А мне еще нужны силы, очень нужны! Чтобы хотя бы обрести какую-то стабильность, уверенность в завтрашнем дне, чтобы просто выжить в этом жестоком мире. А потом, когда врасу корнями в эту каменную, неудобренную почву, только тогда расслаблюсь. И втихомолку, по-бабьи так закушу подушку и буду выть ночью о маме, о своих мечтах, о том, как я могла бы жить, радуясь каждому дню, заботясь лишь о высшем балле по какой-нибудь дисциплине; о том, как могла бы ходить на свидания, флиртовать и говорить, что в голову взбредет, вместо того, чтобы глотать обиды, скалится сквозь слезы и утешать себя надеждами на что-то.

Только эти мысли еще сильнее травят души и слезы, как не сглатывай, а все равно текут по щекам. Борюсь с ними еще пару секунд, а потом вновь пробегаю затуманенным взглядом по сообщению, и меня прорывает; закусив костяшки на руках, трясусь всем телом и навзрыд, до болезненного воя, до срыва голоса плачу, нет, даже не плачу, рву на части душу. В клочья. Жалею себя, нагнетая и накручивая и без того непростую ситуацию.

Что же мне делать? Что делать?- повторяю вновь и вновь. Так страшно, одиноко и больно мне еще никогда не было.

Звонящий телефон вызывает панику и удушье. Мама и тетя Катя бьются изо всех сил, заваливая меня смс и звонками. После к ним присоединяется Лерка, но я уже не реагирую. Просто лежу, сверлю потолок бессмысленным взглядом. В какой-то момент жуткая истерика утихает, как и шторм моего телефона. Только эта тишина еще невыносимей. Чувство, будто жизнь оборвалась у меня, будто я призрак, на которого всем плевать. Поэтому, когда телефон вновь зазвонил, я была почти счастлива, особенно увидев, что это Гладышев. Одиночество –страшная штука, когда в жизни полнейший бардак. Мысли сжирали, словно стая голодных гиен. Мне нужен был кто-то, чтобы забыться, даже если этот кто-то не поймет, что со мной происходит. Я больше не могла сидеть одна в этом номере и захлебываться безысходностью. Поэтому схватила телефон, как утопающий спасательный круг.

- Ал...ло.- прошептала надорванным голосом, чтобы Олег не услышал мои всхлипы.

-Я выезжаю, напомни адрес. И говори громче, не слышу ничего.

Типичная Гладышевская манера « строго по делу» бодрит моментально, вызывая в моей душе раздражение. Интересно, он со всеми такой «ни здрасте, ни насрать»? Почему-то думается мне, что да. Не в стиле Гладышева церемониться и шаркать ножкой. А может, его мама в детстве плохо воспитала? От этой мысли становится смешно, даже странно, что у Гладышева есть мама. Дурацкая мысль, я понимаю. Просто трудно представить. Гладышев и мама.

-Алло? Ты уснула там? –окончательно приводит он меня в чувство. И слава Богу! Лучше быть в бешенстве, чем в соплях.

-Тебя что, мама в детстве здороваться не учила?

-Мы уже сегодня здоровались, если ты забыла. Думаю, за день одного раза достаточно, или ты так не считаешь? – поинтересовался он с издевкой.

-Я считаю, что ты-зануда Гладышев и язва, как тебя люди каждый день выносят-боюсь представить.

- И тем не менее, мы с тобой обсуждаем возможность встречи.- весело подкалывает он меня, что вызывает у меня улыбку и какое-то тепло.

-Нуууу...- тяну я ,лихорадочно придумывая ответ, отчего сердце колотится, как сумасшедшее. С Гладышевым каждый разговор, как азартная игра; желание выиграть-не имеет границ, но главное азарт вызывает ни с чем несравнимое удовольствие. – У меня, понимаешь ли, Олег Саныч, особый пунктик. Вот многие бабы по муздакам тащатся, а я по занудам. Такая вот слабость. – с умным видом вещала я, едва сдерживая улыбку. Гладышев засмеялся.

-Ну, надо же. Не рановато такие выводы –то делать ? Как говорится ; один раз-еще не пидор*с .

-У меня опыта, Олег Саныч, целых сто восемьдесят пять сантиметров...

-Сто восемьдесят семь!-поправил он меня небрежно.

-Сто восемьдесят семь.-провозгласила я торжественно, закатывая глаза. – И девяносто килограммов занудства.

-Восемьдесят шесть!

-А по ощущениям целый центнер.

-Ой, гореть твой жопе, девочка. –многообещающе сообщил он, отчего меня бросило в жар, но Гладышев не дал мне покайфовать и уже серьезно спросил,- Где ты?

Только я еще не готова была перейти к своим проблемам, поэтому шутливо возмутилась;

-Я что, похожа на дуру; после таких заявлений говорить, где я?

-Ты похожа на особу, нарывающуюся на знатную порку. –парирует он безапелляционно, а мне вновь душно от моих недетских фантазий.

-А «знатная порка» -это в каком смысле? –провокационно интересуюсь невинным голосом.

-Маленькая извращенка. – пожурил меня Гладышев и добавил тоном строгого учителя, - В том смысле, деточка, что ты еще неделю сидеть на заднице не сможешь.

-Ну, я же говорила! З-А-Н-У-Д-А!

-Какой есть. Ладно, адрес какой у твоей подруги?- поставил он точку в нашей болтовне «ни о чем». Удивительно, что за какие-то пару минут с ним, я забыла обо всех проблемах. Но сейчас они вновь обрушились на меня непосильным грузом, возвращая в убогую реальность-номер эконом класса.

-Я не у подруги. Я в Алтае. – осторожно сообщила ему. Мне было жутко стыдно и неловко почему-то.

-Где?! – воскликнул он, повысив голос.

-В гостинице «Алтай». –повторила я уже громче, с вызовом .

-И что ты там забыла?- со скептизмом отозвался он.

-Это долгая история. – отмахиваюсь, не зная, что сказать. Слезы вновь начинают душить, когда понимаю, что не смогу его о чем-то попросить. Просто не смогу. Зажимаю рот ладошкой, чтобы не выдать своего состояния.

Гладышев шумно втягивает воздух и с тяжелым вздохом, словно все поняв, наказывает;

-Так, значит, я выезжаю, а ты собирайся! Как подъеду , позвоню, выйдешь.

-Я не поеду в квартиру твоих шлюх. – категорически заявляю, уверенная в том, что он повезет меня туда. Мне очень хотелось увидеть его, поцеловать, обнять и заняться любовью, несмотря на все происходящее. Но ту квартиру я больше никогда в своей жизни не хотела видеть.

Я должна была показать ему, что у меня тоже есть гордость и собственное достоинство.

Но мой отказ испортил невольно вырвавшийся всхлип.

Олег несколько секунд, кажущихся мне вечностью, молчит. Я же боюсь, что он начнет смеяться надо мной. Но этого не происходит. Гладышев проигнорировав мою реплику, и как обычно, сразу перешел к сути проблемы;

-Что случилось?

Для меня этот вопрос был пусковым крючком. Не сдерживаясь, плачу, мотая головой, хоть он ничего и не видит. Как не странно, Гладышев терпеливо ждет, ничего не говоря, не пытаюсь успокоить или заткнуть. Просто ждет, пока я сама не выдавила из себя;

-Ничего.

-Мм, это с «ничего» тебя так понесло?

-Не хочу об этом ...говорить. -еле -еле выговариваю слова, всхлипывая и икая.

-А что ты хочешь? -мягко интересуется Олег.

-Кушать хочу.- отвечаю, надув губки, по голосу слышу, что Гладышев едва сдерживает улыбку.

-Кушать? –переспрашивает он ласково, отчего у меня в груди щемит и так спокойно на миг становится, что я не одна и обо мне есть кому позаботиться.

-Угу.

-Господи, Чайка, я с тобой поседею раньше времени.

-Ты все равно блонди, так что ниче страшного!- отмахнулась я, вытирая слезы.

- Ни “ниче”, а НИЧЕГО! Колхоз-деревня.

-Ой, не учи меня , а! Лучше покорми бедную девушку. Тоже мне интеллигент ! Сам-то откуда вылез, забыл? И туда же-в калашный ряд. - возмутилась я. Гладышев засмеялся и наверняка покачал головой, когда выдал мне эту заезженную фразу ;

-Мда, можно вывезти девушку из деревни, а вот деревню из девушки не вывести никогда.

-Ну, какая есть. – ответила я его же словами. Он усмехнулся и вдруг спросил;

-Успокоилась?

-Немного. –признаюсь тихо, тронутая его вниманием.

-Вот и правильно. Слезами горю не поможешь, ты же знаешь. Собирайся, я скоро подъеду.

-Хорошо. –отзываюсь покорно, слишком утомленная, чтобы спорить еще по этому поводу.

-Плакать не будешь? – задает он хитрый вопрос всех взрослых, когда они хотят заставить что-то делать ребенка.

-Не буду.- обещаю с улыбкой, как маленькая девочка.

- Умница. Я перезвоню, как подъеду.

-Окей.

Закончив разговор, я еще некоторое время продолжала лежать на

кровати, обдумывая, что сказать Олегу при встрече, как вообще завести разговор о том, что мне негде жить? Как себя вести?

Эти вопросы вызывали тошноту и головную боль.

Не представляю я себе этого –просить мужика содержать меня. Вот не представляю и все! А ведь миллионы женщин так делают. И ничего-нормально! А мне стыдно и тошно.

Телефонный звонок , извещающий, что Гладышев подъехал, положил конец траханью собственных мозгов. Сбросив вызов, подхватываю рюкзак и иду к Олегу. Я решила не отказываться от номера, кто знает, чем закончится этот вечер.

По мере приближения к машине Гладышева волнение нарастает. Не могу я оставаться спокойной, когда этот мужчина где-то рядом.

Дрожащей рукой открываю дверцу и как всегда, сердце падает куда-то вниз от одного его взгляда. Тяжело сглатываю и дышу, не могу надышаться им, пожираю глазами жадно, как оголодавшая. Он сегодня прям с иголки, впрочем, как и всегда. Дизайнерский темно-синий костюм, рубашка кипельно –белая, кажется, дотронешься и захрустит, золотые запонки, часы. Сажусь в машину и даже не шевелюсь, хотя хочется броситься на шею и целовать его до потери сознания, но я уже научена опытом. И правильно делаю, потому, как Гладышев начинает именно с того, о чем я думаю.

-Курила. – даже не спрашивает, а сразу выносит вердикт, означающий «никаких поцелуев».

-Да. – дерзко подтверждаю и тут же запальчиво бросаю.-И буду.

-Правильно, принципы дороже здоровья. – сыронизировал он, заводя машину.

-И я еще думаю, почему я постоянно хочу тебя при встрече...- нагло заявляю, с улыбкой наблюдая, как его брови взлетают вверх и он с усмешкой косится на меня с таким видом « ну, еще бы девочка», на что я тут же добавляю елеиным голоском, - убить!

Но Гладышева такими методами не смутишь, он тут же находится с ответом.

- Потому, что ты кушать хочешь. А когда голоден, хочется «сожрать» любого, если больше нечего.

- Я «сожрать» хочу исключительно тебя.- парирую язвительно, наслаждаясь нашей перепалкой, отвлекающей ото всех проблем и забот.

-Ну, я же вкусный, сама говорила. –подмигнул он мне, улыбнувшись. А у Яночки сердце биться перестало от этой улыбки хулиганистого мальчишки. Улыбаюсь в ответ, и наплевав на его проклятые правила,

тянусь и нежно касаюсь губами его щеки. Как помешанная вдыхаю аромат его лосьона и едва ли сдерживаю стон.

-Соскучилась, -шепчу, целую шею, чувствуя его дрожь.

-Возьми на заднем сидение конфеты, они, конечно, не такие вкусные, но иначе мы далеко не уедем . – хриплым голосом отзывается Гладышев.

-Ты же не любишь «прилюдных проявлений чувств»? –подкалываю его, отстраняясь.

-Да кто тебя увидит из-под руля?!

Пока я достаю с заднего сидения какой –то фирменный пакет с коробкой конфет и думаю, что таких еще не видела, до меня не сразу доходит смысл слов Гладышева. Но тут, словно что-то щелкнуло, и дошло – таки до утки на третьи сутки. К щекам приливает краска стыда, становится невыносимо жарко от представившейся картины. И что самое странное, почему-то меня это возбуждает. Ну, как бы раньше я думала так ; минет-это же фу. А сейчас мне даже любопытно. От этих мыслей краснею, как помидор. Чтобы как-то скрыть неловкость, ударяю Олега по плечу этой коробкой и возмущенно отчитываю ;

-Пошляк! Как не стыдно вообще?!

И не давая ему время развить тему, так как уж очень она меня смущала, учитывая прошедшую ночь, спрашиваю с хитренькой улыбочкой;

-Это ты специально для меня конфетки купил, да?

-Нет, вспомнил, что валялись где-то здесь.-насмешливо сообщает он, но сразу же расплывается в улыбке.

-Ах, ты врун! – вскричала я , ткнув его в бок, отчего он театрально застонал. Я же сладеньким голосочком начала канючить,- Ну, мне же купил? Ну, скажи, что мне.

-Да тебе, тебе. Кому же еще?! – сдается он. Я притягиваю его за шею и смачно целую в щеку, прикусываю ее, не обращая внимания на его ор о том, что он за рулем.

-Ты ненормальная! –гневно восклицает Олег .

-А ты мой вкусный и заботливый занудик. Конфетку будешь? Полегчает. – дразню его с улыбкой, не обращая внимание на гнев.

-Иди на хрен!

-Попозже давай?

-Боже, Чайка, жуй уже, а, займи рот чем-нибудь!- смеется он, качая головой. Я тоже смеюсь и послушно раскрываю конфету, демонстративно отправляю ее в рот, устроив из этого целое шоу; со стонами блаженства и облизыванием пальцев.

-Я тебя сейчас в лес увезу. –прерывает он мой гастрономический

оргазм.

-Ммм, и зачем? –интересуюсь с предвкушением.

- Убивать тебя буду долго и больно. А ты, что думала, Чаечка?- подначивает он меня.

-А я думала, нежно и медленно, даже на больно согласна. –парирую провокационно, набравшись смелости . Подмигнув, берусь за вторую конфету и уже невозмутимо спрашиваю, хотя саму трясет от волнения, адреналин в крови зашкаливает от наших недвусмысленных разговоров, - А мы куда вообще едем?

-В офис ко мне, нужно забрать кое-какие документы, за одно и обсудим «материальные вопросы». –с усмешкой отвечает он, намеренно выделяя «материальные вопросы», отчего у меня внутри холодеет , улыбка тут же сползает с губ, как будто разъело маску кислотой. Конфета становится приторно сладкой, но я проглатываю ее, как и его насмешку, а что мне еще остается?

Боже, неужели теперь все время придется «глотать», когда не вкусно , опасаясь за свое шаткое положение?

Все тепло и веселье медленно растворяется. Словно мы очнулись и поняли, что заигрались, в то время, как все не столь шоколадно, как мы делали вид. Только проблема в том, что мы и не играли, а просто вели себя так, как хотелось. И похоже, именно это его выводит из себя. Но почему?

Почему он постоянно загоняет наши отношения в какие-то рамки? Почему все время все портит?Хотя уже поздно задавать эти вопросы, мне все равно придется играть по его правилам.

Мои размышления прерывает звонок телефона. Смотрю на имя абонента и судорожно втягиваю воздух. Это из серии «беда не приходит одна». Мигающее «Тетя Катя» подобно ядовитому скорпиону, кружащему вокруг меня, вызывает панику одним своим появлением. Выключаю телефон, и откинувшись на сидение, устало прикрываю глаза.

-В чем дело? Какие-то проблемы? –спрашивает Олег, припарковываясь у одного из небоскребов, я и не заметила, как мы оказались в Москва-сити. Давно хотела посетить этот деловой район Москвы, но постоянно не хватало времени. Сейчас же у меня такое состояние, что нет совершенно никакого дела до архитектурных изысков.

-Да, у меня проблемы! –признаюсь, не в силах больше откладывать разговор. Какая разница как умирать? По мне уж лучше быстро, поэтому я сразу выкладываю все карты на стол.- Мне жить негде.

Гладышев отстегивает ремень безопасности и медленно поворачивается ко мне. Несколько секунд сверлит меня тяжелым взглядом,

а после холодно произносит;

-Я ведь спросил, в чем проблема, кажется. А не какие последствия.

-Мои проблемы тебя не касаются. –отрезаю так же холодно, не имея ни малейшего желания рассказывать ему о возникшем конфликте. Да и как я ему скажу, если главная причина кроется в том, что я не учусь? ! Завралась я совсем, запуталась.

Гладышева мой ответ искренни веселит, и он начинает смеяться.

-Милая моя, если меня это не касается, то к чему ты тогда мне про «негде жить» сообщаем? Или я чего-то не догоняю, но мне показалось, что решение квартирного вопроса ты возлагаешь на меня? – издевательски заметил он, называя вещи своими именами в своей грубой, прямолинейной манере. Мне же было так стыдно, что хотелось исчезнуть и никогда не появляться. Задевали за живое его слова, хоть они и были истинной правдой.

-Чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы я унижалась перед тобой, просила? Тебе это надо? Ты ведь и так все понял. К чему твоя долбанная «правда»? Или тебе необходимо, чтобы под тебя прогибались? Это, наверное, так круто чувствовать себе хозяином жизни. Ну, давай, давай я попрошу, если это так необходимо. – язвительно вопрошала я, сквозь слезы стыда и унижения.

Лучшая защита - нападение –это единственное, что мной двигало, когда я все это выливали на Олега. Слишком было больно показывать, что я нуждаюсь в нем, невыносимо было просить.

-Ой, да прекрати ты этот цирк! –поморщился он. – Мне нужно, чтобы ты не придурилась и немножко, бл*дь, головой своей думала, что несешь. «Мои проблемы тебя не касаются». Так ты обращайся тогда туда, кого они касаются! Нормально пристроилась, я смотрю! Так я тебе поясню сразу, чтобы ты знала; кто платит, тот и музыку заказывает.

Глава 12.2

У меня вырывается смешок сквозь слезы. Киваю молча, не в силах что-то сказать. Смотрю невидящим взглядом на свои ногти, обрезанные под корень, в душе же обида вступила в борьбу с безысходностью. Я понимаю, что он прав и все сказанное -справедливо. Но все равно до слез обидно, больно и неприятно. Вот зачем, скажите на милость, ему знать, в чем причина моих проблем? Принципы эти его...

Признаться, что я лгала, сейчас не представлялось возможным. Это было слишком для моего самолюбия. На сегодня достаточно унижений и откровений. Я хочу, чтобы меня просто оставили в покое.

-Послушай..-начал было он, но я тут же перебила его. Не смогу без слез выдержать очередную его колкость.

-Я понимаю, Олег. Правда. Все понимаю. И как бы мне не было сложно признавать, но все же я это сделаю; ты прав! Просто сейчас я очень устала и мне не хочется обсуждать все это. –ответила тихо, перебарывая внутренний протест и гордость, требующую, послать Гладышева на хрен и идти, куда глаза глядят. Но я ведь не совсем дура, да и Москва не тот город, где можно просто взять и пойти куда-то. Сглатываю слезы. Как же сложно с этим мужчиной, да и со мной не просто! Неудачница я какая-то, лохушка.

От этих самоуничижительных мыслей отвлекает прикосновение его холодных пальцев к моему лицу. Вздрагиваю, но не смею на него взглянуть. Гладышев настойчив ; осторожно заставляет меня приподнять голову и посмотреть ему в глаза. Починяюсь, хотя в моем взгляде скользит вызов, за которым я пытаюсь скрыть беспомощность и слезы. Но Олег все понимает. Смотрит и видит меня насквозь. Поглаживает нежно мою щеку, доводя меня до истерики. Перехватываю его руку и сжимаю крепко.

-Не надо. –прошу ели слышно, слезы жгут глаза. Ни что так не уязвляет, как жалость. Никакие крики, упреки и угрозы не способны разрушить стену человеческого самообладания, они ее лишь укрепляют. Но стоит только пожалеть, как она разлетается, словно дамба под напором слез и жалости к самому себе.

- Я погорячился. Ты же знаешь, я бывает, перегибаю палку и ...-начал он извиняться в своей своеобразной манере, а меня прорвало; киваю, задыхаюсь и плачу. Гладышев, замолкает , резко притягивает меня к себе.

-Ну, все, все. Тише. Успокойся. Все решим, моя девочка. Только не плачь. –шепчет он мне, целуя в макушку. Да только от каждого его слова меня наизнанку выворачивает. Нежность и Гладышев – страшная сила, рвущая мне душа. Это его «моя девочка» греет и в тоже время убивает. Мое глупое сердце жадно впитывает каждое слово и радуется, хотя разумом я понимаю, что они ничего не значат. Только сейчас мне и слов достаточно, чтобы бросить все ради него.

Постепенно успокаиваюсь в его объятиях. Расслабляюсь, чувствую себя в безопасности. Как уже говорила, с Олегом ощущаю себя, как за каменной стеной; спокойно так и не страшно. Знаю, что лучше бы мне смотреть на вещи реально и не видеть в нем принца на белом коне, но чувства не подвластны. Да и не хочу я сейчас загонять себя в эти рамки-границы. Хочу просто обнимать его, наслаждаясь любимым ароматом, который стал моим афродизиаксом. С ума схожу по его запаху. Как же он органичен на Гладышеве, такой же солидный, без лишних выдрипонов

заявляющий о себе. Не аромат, а какая-то провокация, как и Олег для меня. Интересно, что это за парфюм? Я бы им обливалась, если бы он не был чисто мужским.

-Что у тебя за парфюм? –не могу все же сдержать любопытства.

Гладышев чуть отстраняется и заглядывает удивленно мне в лицо. Наверное, проверяет, не поехала ли у меня крыша.

Поехала, Олеженька, от тебя поехала.

-Полегчало? –усмехнулся он, игнорируя вопрос.

-Немного.-смущенно улыбаюсь, пряча лицо у него на груди.

-Тогда пошли.-мягко предлагает он, но при этом не отпускает от себя. Впрочем, я и не собиралась никуда. Положение хоть и неудобное, а мне все равно хорошо и уютно дышать с ним в унисон, слушая мерный стук его сердца, действующий на меня усыпляюще. Вожу пальчиками по его груди, а глаза нехотя закрываются от усталости и перенапряжения.

-Пойдем малыш, пока мой секретарь еще здесь. –позвал он меня ласково, возвращая на землю.

Со стоном поднимаюсь и нехотя выхожу из машины.

Мы молча идем к небоскребу, от которого у меня должно было захватить дух. В Рубцовске десять этажей –предел. Но в моем растрепанном состоянии весь этот деловой шик ни капельки не впечатляет. Хочется уже просто остановиться и передохнуть, забыв на некоторое время обо всех проблемах. Но кого волнует, чего хочется мне? Кто платит, тот и музыку заказывает. Против истины не попрешь.

Также молча поднимаемся на последний этаж. Но молчание это не гнетущее, просто каждый погружен в какие-то свои думки. Из состояния этой задумчивости меня вывело появление из приемной женщины. Яркой, надо отметить, женщины. Она о чем-то оживленно болтала по телефону и одновременно пыталась надеть пальто, отчего ее огромная грудь грозила выпасть из V-образного выреза. Вообще формам ее можно только позавидовать, но вот вкусу однозначно посочувствовать, так как каждая вещь была призвана подчеркнуть и без того бросающиеся в глаза прелести, что выглядело несколько вульгарно, несмотря на дорогую одежду. Но женщина, похоже, не слишком была этим обеспокоена. Ухоженная, довольная жизнью и собой, исходя из того, что пока она шла нам навстречу, заглядывала во все попадающиеся на пути зеркальные поверхности и каждый раз встряхивала свои медные волосы, завитые крупными локонами. На вид ей было около тридцати, она казалась жизнерадостной, энергичной и даже вызывала у меня симпатию, пока я не поняла, что это и есть секретарша. Она быстро закончила разговор и цокая каблучками,

поспешила к нам. На губах ее играла предупредительная улыбочка, призванная задобрить Гладышева.

-Олег Александрович, а вы чего так поздно?- поинтересовалась она удивленно, сосредоточив все внимание на Олеге. На меня едва взглянула. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Отражение напротив было само за себя говорящее; солидный, состоятельный мужчина и рядом я, напоминающая в своей куртке и джинсах подростка из неблагополучной семьи. Заплаканное, опухшее лицо тоже не добавляло привлекательности. Глядя на нас, можно было подумать, что Гладышев приютил сиротку или бедную родственницу, но никак то, что мы любовники. А вот со своей секретуткой у него все очень даже могло быть. Эта мысль отозвалась во мне злостью. Понимаю, что идиотизм чистейшей воды, но если он на меня обратил внимание, то на эту-то и обращать не нужно, на лице написано «бери меня, я вся твоя». Наверняка он с ней спал.

Пока я распаляю себя, сгорая от ревности, Гладышев с Милочкой говорят о каких-то делах. Обсудив их, наконец, Олег направляется в свой кабинет и с невинным видом бросает секретутке;

-Мил, задержишься еще на час, пожалуйста, у меня к тебе поручение.

Надо было видеть ее гримасу. Я едва сдержала злорадный смешок, но дальнейшее начало меня бесить и убеждать в правильности выдвинутых предположений.

-Олег Александрович, я провозилась с этими документами два часа сверхурочно, а у меня у мужа день рождения, гости ждут. Он и так уже весь в подозрениях. –со страдальческим видом поныла она. Интересно, что там за подозрения? Наверное, такие же, как и у меня. Бедный мужик.

-Люд, тебе работа как? Нравится? –холодно уточняет он. Узнаю бескомпромиссного Олега Александровича. На мгновение даже стало жаль Милочку, когда она беспомощно развела руками и последовала за нами. Мне ли не знать, какой Гладышев предоставляет «выбор».

-Я поняла, Олег Александрович. – кивает она с тяжелым вздохом, раздраженно скидывая пальто в приемной.

-Подыщи, Мил, двухкомнатную квартиру недалеко от центра с евроремонтом и мебелью. Желательно, чтобы уже сегодня можно было заселиться. –отдал он распоряжение, открывая тяжелую дубовую дверь в свой кабинет. У меня же дар речи пропал. Сердце радостно забило и в тоже время стало невыносимо стыдно.

-Но Олег Александрович, уже десятый час, вряд ли кто-то согласится показывать квартиру ближе к полуночи. –возразила Мила, располагаясь за компьютером и уже с некой заинтересованностью поглядывая на меня.

-Да хоть ночью, если правильно договариваться. Давай, Мил, работай! А то премии лишу. – подмигнув, пригрозил он. Люда закатила глаза и с улыбкой принялась за дело. Меня же трясло от этой фамильярности в отношении между «начальником и подчиненной». Гладышев жестом пригласил меня в роскошный кабинет, выдержанный в темных тонах.

Оглядываюсь и присвистываю. В таких хоромах я не прочь и поселится. Черное дерево, мрамор, эксклюзивная, резная мебель. Роскошно-одним словом. Аж дышать страшно. Но сейчас мне не до восторгов. Как только за нами закрывается дверь, я истуканом застываю посреди кабинета и сверлю Гладышева разгневанным взглядом, но он даже не замечает меня. Скинув пальто, усаживается за стол и начинает искать что-то в папке с бумагами.

-Садись, посиди. Я пока разберусь с бумагами, Людка квартиру подыщет. – не глядя на меня распорядился он, вызывая во мне бурю.

-Ты с ней спал? –сквозь зубы цежу, едва сдерживаясь, чтобы не запустить ему в голову чем-нибудь потяжелее, дабы уже отвлекся на секунду от проклятых бумаг. Понимаю, что веду себя, как ребенок, но иначе не могу. Ревность подобно волчице жрет изнутри.

Гладышев отрывается от папки, и приподняв бровь, сверлит меня таким взглядом, словно спрашивает ;« все ли у тебя деточка с головой в порядке?». В эту секунду убеждаюсь окончательно, что нет. Очень хочется сквозь землю провалиться. Стыдно до безумия. Но виду не подаю, напротив – вздернув гордо подбородок, тоже приподнимаю бровь, как бы говоря; « ну, давай поиграем в гляделки!» .

Олег, похоже, едва сдерживает смех. Я краснею, заметив, как дрожат уголки его губ. Он откладывает папку в сторону, и откинувшись в кресле, насмешливо спрашивает;

-С чего вдруг такие выводы?

-Показалось, глядя на ваши мурлыканья. –отвечаю, как можно спокойнее. Гладышев же сбрасывает свою маску невозмутимости и начинает смеяться.

-Креститься не пробовала?- подкалывает он меня.

-Нет, не пробовала. – ехидно отвечаю, скорчив рожицу.

-Попробуй, может, отпустит.

-Да мне вообще-то пофиг, просто любопытно. –пожимаю плечами, усаживаясь на диван. Гладышев хохочет.

-Херовастенько играешь. Давай, заново. –издевается он.

-Ой, всё!- отмахиваюсь, слишком смущенная, чтобы продолжать этот разговор. Олег подходит и усаживается передо мной на корточки.

-«Ой, всё» - это что, такой железный аргумент для любой ситуации?

-Представь себе! –огрызаюсь, загнанная в угол. Боже, чувствую себя тупицей.

-Совет на будущее; если ты не уверена в своей способности конструктивно закончить дискуссию, то лучше ее не начинать.

-Да ладно! Твое занудство, как-то не очень вяжется с довольным видом. –решаю идти ва-банк и говорить на чистоту.

-Довольным? –захохотал он возмущенно.

-Ну, да. Цветешь и пахнешь от того, что я тебя ревную. – с улыбкой подраживаю, наклоняясь к нему, касаясь пальцами его лица.

-Вряд ли можно быть довольным, когда тебе приписывают нечто вроде Людки. –несколько высокомерно замечает он, обжигая мою шею горячим дыханием, в то время, как его ладони медленно скользят по моим бедрам. Интересно, он это нарочно сказал, чтобы успокоить?- проскакивает мысль, но тут же утопает в горячей волне возбуждения, пронзающей меня от его близости и невинных ласк.

-Не смейся! Я не слепая. –нахожу в себе силы возразить, но его губы, нежно целующие мою шею, сметаю остатки разума.

-Неужели? Тогда видела ли ты себя в зеркало? –шепчет он между поцелуями. Я задыхаюсь, дрожа от удовольствия, волнения и еще целой гаммы неясных чувств. А когда он устраивается между моих ног, чтобы было удобнее, между ними становится горячо и влажно.

-В том –то и дело, что видела; как заморыш в этой куртке и джинсах и вообще... –признаюсь без лукавства и притворства. Гладышев отрывается от моей шеи. Пристально вглядывается в лицо, от чего мне становится неловко.

-Нарываешься на комплименты? –укоряюще интересуется он, поглаживая мои волосы, вызывая табун мурашек и смущение.

-Нет. –выдавливаю из себя охрипшим голосом. Сердце колотится, как сумасшедшее от его взгляда и нежности.

-Тебя хоть в мешок, Чайка, ты все равно будешь самой красивой. – уверяет он мягко, и в его словах нет ни капли фальши. Им веришь. Я заливаюсь краской смущения, но не могу сдержать довольную улыбку. Только радость моя не длилась и секунды.

-А если проблема в одежде, то давай для начала решим квартирный вопрос, а далее уже займешься своим гардеробом. – буднично произнес он, поднимаясь на ноги. Его слова были подобны ушату холодной воды. Такого поворота в разговоре я не ожидала. Да я даже и не думала об этом. Почему он в каждом моем слове видит корыстный подтекст? Легкость, возбуждение

и минутную радость мгновенно сдувает ветром его цинизма.

Пытаюсь придумать достойный ответ, но в кабинет вошла Люда, и пришлось похоронить в себе очередную обиду и непонимание.

Она отдала Олегу список адресов, по которым уже сегодня с нами готовы встретиться агенты. Последующий час прошел в беготне. Мы ездили по разным адресам, осматривали квартиры, общались с риэлторами. Я чувствовала себя неловко и подавлено. Особенно после того, как один из агентов предположил, что я дочь Гладышева, у которой подростковый бунт. Он тактично намекнул, что вечеринки и прочие шумные увеселения под запретом, на что я не выдержав, ехидно сообщила, что с «папулей» мы особо не шумим, если у кровати смазаны болты. Лица этого придурка и Гладышева подняли мне настроение. Правда, весь путь до следующей квартиры пришлось выслушивать от «папули» невероятно «лестные» речи в свой адрес. Но на сей раз я помалкивала, дабы не доводить Олега до бешенства. И без того едва ли дышала от одного его взгляда. У него он настолько тяжелый, что большего не требуется, дабы начать побаиваться.

Но, слава Богу, Гладышев быстро выпустил пар. Когда мы приехали в Замоскворечье, он уже был в мирном расположении духа. Я же с восхищением оглядывала «Английский квартал». Этот жилой комплекс казался мне каким-то особым миром в тусклом свете раритетных фонарей. Весь облик этой закрытой территории отражает дух той старой Англии, что я видела в кино про Шерлока Холмса; арки, фонтан, старинные часы, ухоженная территория. Было видно, что этот район не для среднего класса и очень отличается от тех мест, куда мы заезжали до этого, хотя и те квартиры были шикарные по моим меркам, но не по Гладышевским. Он забраковал их все по разным причинам. Я не спорила, помня, кто платит, тот и ...

Но сейчас, глядя на это потрясающее место, что-то внутри у меня зашевелилось. А когда мы зашли в квартиру, я поняла, что окончательно влюбилась. Она была потрясающей. С великолепным ремонтом, мебелью и планировкой, но без вычурности и холодной роскоши. В ней я не чувствовала себя, как в музее, боясь дышать. В ней хотелось жить, несмотря на то, что она была выдержана в не очень любимых мною серо-коричневых тонах. Но они были такими теплыми, светлыми, органичными и уютными, что покорили сразу. Даже хай-тековский стиль, исполненный в этой квартире, нравился мне. Я подобно маленькой девочке, бродила из комнаты в комнату, представляя, как буду жить в этой красоте.

-Нравится?- скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Олег, едва сдерживая улыбку. Я улыбнулась и с энтузиазмом закивала.

-Может эту?- предложила, не сдержавшись.

Олег принял задумчивый вид и демонстративно огляделся, проверяя на прочность мои нервы. Я ужасно волновалась. Мне так хотелось жить в этой квартире, что я даже готова была попросить. Прикусив губу, умоляюще смотрю в его непроницаемое лицо. Когда он завершил осмотр и перевел взгляд на меня, я даже дышать забыла.

-Может и эту, если бы не твоя выходка.-сообщил он мне с непреклонным видом.

-Ну, пожалуйста. -сложила я руки в молитвенном жесте, а губки уточкой, пытаясь его задобрить. – Обещаю, что буду хорошей, послушной девочкой.

-Неужели?! За дурака меня держишь? - иронично усмехается он, качая головой. Я тяжело сглатываю и позволяю себе маленькую вольность. Привстаю на носочки и касаясь губами его уха, шепчу сладким голосом;

- Нет, что ты такое говоришь?! Ты очень умный, образованный, потрясающий мужчина....

-Чайка, замолчи. Вот уж на что, а на лесть никогда не поведусь. – засмеялся он, отстраняя меня.

-Какого ты о себе невысокого мнения. Это, между прочем, не лесть! – сообщаю ему высокомерно.

-Премного благодарен за столь высокую оценку моей личности!- отвесил он шутливый поклон.-Еще какие-нибудь попытки будут или едем в другое место?

-Как насчет любого желания? –решаюсь сделать провокационное предложение, соблазнительно улыбнувшись. Гладышев усмехается.

- Это уже интересней. Но учти, ты сама напросилась. –предупреждает он, только сейчас мне все равно, какова цена, главное, я получила то, что хотела. Расплываюсь в широченной улыбке, когда он зовет риэлтора, чтобы подписать нужные бумаги. Едва ли не скачу от радости, пока длится бумажная волокита. Аренду квартиры оформили на мое имя, не знаю даже почему. Этот вопрос вызвал у меня беспокойство, поэтому я еще час читала договор, чтобы меня не обманули и не втянули в какую-нибудь авантюру. Кто их знает?! На что Гладышев едва сдержал смех, риэлтор же оказался профессионалом и невозмутимо ждал, пока я разберусь со всеми пунктами.

Через полчаса с формальностями было покончено, и мы остались одни в столь желанной мной квартире. Я больше не могла сдерживать свои эмоции, со смехом запрыгнула на Олега, обхватывая его торс ногами и наплевав на дурацкие правила, впилась голодным поцелуем в губы. Я думала, он оттолкнет меня, но он прижал еще сильнее и перехватил

инициативу, проникая языком мне в рот, вызывая табун мурашек.

Мы целовались, как сумасшедшие. Жадно сминая губы, кусая, посасывая. Воздуха было мало, когда его руки забрались под слои моей одежды. Лихорадочно нашарив застежку бюстгалтера, расстегнули его, и наконец, легли на груди, несильно сжимая их, вызывая у меня дрожь и стон наслаждения, который Гладышев тут же проглотил.

-Ты же не облизываешь пепельницы?! -дразню его, жадно хватая воздух, между поцелуями.

-Из всякого правила делают исключение.-прошептал он охрипшим голосом, отчего я почувствовала еще большее возбуждение.

-Значит, я –исключительный случай?-интересуюсь провокационно, скользя губами по его шее.

-Тяжелый.-отрезал он и закрыл мне рот грубым поцелуем.

А потом резкое движение, и из меня словно весь воздух вышибло, когда он прижал меня спиной к стене. Зарываюсь пальцами в его волосы, теряю связь с реальностью, когда он отрывается от моих губ, скользя губами по шее. Скатываюсь по стене, соприкасаюсь с его эрекцией и вспыхиваю огнем от желания. Он вновь возвращается к моим губам, а рукой нагло забирается под резинку штанов, отчего у меня начинается паника, но поздно, он уже там. Бесцеремонно сдвигает влажные трусики и начинает ласкать, доводя до сумасшедшего состояния. Он целует меня жестко, губы начинает саднить, но это еще больше возбуждает. Трясущимися пальцами пытаюсь расстегнуть пуговицы его рубашки, он меж тем стягивает с меня свитер. Все как в тумане. Задыхаемся, целуем друг друга лихорадочно, грубо, покусывая губы, отрываясь лишь на секунду. Торопимся, не в силах больше ждать и сдерживаться. Желание почувствовать его в себе, ощущать его запах и поцелуи на коже, зашкаливает, сводит с ума. Меня трясет от нетерпения и возбуждения. Наконец-то, с пуговицами покончено, стаскиваю рубашку с Олега. Едва ли не рычу, когда встречаю очередную преграду в виде запонок, которые через секунду со звоном падают на пол. Покрываю поцелуями его мускулистую грудь, спускаясь все ниже и ниже. В эту минуту нет смущения, и отсутствие опыта не ставит меня в тупик. Я как животное, ведома инстинктом. Гладышев зарывается в мои волосы и горящим взглядом следит за тем, как я дрожащими руками пытаюсь справиться с механизмом на ремне. Но он –сука не поддается! Олег теряет терпение и резко поднимает меня. Не давая времени опомниться, впивается в мои губы, одновременно стягивая с меня джинсы вместе с трусиками до середины бедер. А после разворачивает к стене, заставляя прогнуться. Щелчок ремня

и через мгновение я уже чувствую между ног его горячий, твердый член. Не медля ни секунды, он резко входит в меня, вызывая обжигающую боль, смешанную с диким наслаждением. Выгибаюсь еще сильнее, из меня вырывается всхлип. Он замирает, давая мне пару секунд, чтобы перевести дыхание. Тянет за волосы и поворачивает голову к себе.

-Больно?- горячий шепот и плавный толчок.

-Нет. –выдыхаю ему в губы и целую. Гладышев проникает в меня глубоко до самого конца, от чего я начинаю стонать. Его язык скользит по моей шее, в то время как он двигается во мне плавно, полностью входя и выходя. Прижимая к своей груди вплотную, забираясь под футболку, чтобы до боли сжать изнывающую по его прикосновениям грудь. Покусывая кожу шеи, оставляя следы, наращивает темп. Я пытаюсь сдерживать крики, но не могу. Удовольствие настолько острое и мощное, что меня рвет на части. Мне больно и в тоже время сладко. Чувствую его каждой своей клеточкой. С каждым ударом его бедер становлюсь еще мокрей, бросает в жар. Всклипываю от дикого ощущения, от необходимости освободиться. Болтающийся ремень царапает кожу при каждом толчке, но мне плевать. Вцепившись в руки Олега, сжимаю их до боли, до хруста суставов.

-Сильнее! – прошу, задыхаясь.

Олег толкает меня к стене, отчего я упираюсь в нее руками, чтобы сохранить равновесие. Он же обхватив меня за бедра обеими руками, начинает жестко трахать резкими, мощными толчками, проникая в меня до самого упора. До болезненного, бешеного удовольствия, до судорожных всхлипов, надорванного хрипа. Это было что-то на грани помешательства. Я извивалась, стонала, цеплялась за стену. Не знаю, как это выглядело со стороны, меня это не заботило. Мне было слишком хорошо и в тоже время плохо. Я хотела освободиться от этого безумия и хотела, чтобы оно не кончалось никогда. Мокрая, стонущая, я едва ли не рыдала, когда он хлестанул ладонью по ягодицам. Горячая волна удовольствия разливается во мне от боли и остроты ощущений.

-Еще. –вырывается у меня со стоном. В ответ довольный смешок и обжигающий шлепок, вслед за ним мощный удар бедер, пронзающий меня высоковольтным разрядом наслаждения. Но Гладышев не останавливается. Работает бедрами быстрее, доводя меня до состояния истерики. Невыносимое напряжение внизу живота нарастает. Завожу руку за спину и вонзаюсь ногтями в его ягодицу, подталкивая и удерживая одновременно.

Шлепки, стоны, тяжелое дыхание за спиной, жгучие поцелуи. Влажная кожа горит огнем, в голове шумит, словно я заболела. И я действительно болела. Болела недостатком Гладышева в крови. Мало мне его, даже в эту

секунду мало. Пытаюсь сейчас восполнить все то, чего он меня лишает ежедневно. Жадно, неистово цепляюсь за него, смакуя каждый вздох, каждый поцелуй и прикосновение. Как мелкая воровка, оголодавшая, сорвавшая с цепи, собираю крупички нежности. Он сделал меня болезненно зависимой, ненасытной, когда дело касается его. Ненавижу его за это. За эти бесконечные правила, границы, ограничения. За эти запутанные отношения, к которым он все сводит. Ненавижу и люблю. Боже, как же я его люблю ...

Он притягивает меня к себе, целует, слизывая стоны, замедляет темп. Кожу опалает его рваное дыхание. Горячие ладони скользят по телу, вызывая у меня озноб и дрожь. Олег на мгновение замирает, словно чувствует, о чем я думаю. Тело ноет, но я наслаждаюсь ощущением наполненности им, горячей пульсацией, его близостью, в которой растворяюсь. Плавлюсь в его объятиях, забываю обо всем. В его руках перестаю быть кем-то, кроме части него самого. Его маленьким кусочком, малюсенькой частичкой. Беру его руку, лежащую у меня на животе, переплетаю наши пальцы и подношу к губам. Закрыв глаза, целую, едва сдерживаюсь, чтобы не сказать о своих чувствах. О том, что я еще никогда не была такой счастливой и несчастной. О том, как он мне необходим. Как трудно стало дышать без него. О том, что принадлежу ему, даже если не нужно ему это совсем. Я в его власти, ведома им, и не чувствуя боли готова следовать хоть на смерть. Мой любимый. Мой. Просто мой.

Прикусываю наши пальцы, не могу держать в себе то, что на сердце, когда он начинает двигаться, погружаясь в меня, как можно глубже, сжимая в своих объятиях так крепко, что у меня кружится голова от нехватки воздуха. Толчок, мой всхлип, втягиваем со свистом воздух. Снова толчок сильнее, я выгибаюсь, теряя связь с реальностью. Цепляюсь руками за стену, а он ускоряется; чаще, сильнее, мои стоны все громче. С губ срывается какой-то лихорадочный бред, молящий его о чем-то. Но он безжалостно подводит к грани, и мой мир рассыпается на части. Оргазм словно цунами сносит все на своем пути. Меня трясет, коленки подкашиваются. Олег еще мгновение двигается, а после резко выходит со стоном, и до боли сжав одной рукой мою талию, кончает. Я чувствую на ягодицах горячую влагу и охреневаю. Из оцепенения меня выводит тяжелый удар в стену с сопутствующим матом. Ого! Похоже, Гладышева накрыло не по-детски. Значит, не у одной меня день открытий. Эта мысль греет душу и тешит самолюбие.

-Твою мать! - выдыхает облегченно Олег в щеку. Ощущаю, как напряжение покидает его. Я же вообще ели на ногах держусь, если бы не

Гладышев, сползла бы на пол. Мы несколько минут стояли так, прислонившись к стене, тяжело дыша, пока Олег не отстранился, оставляя меня без поддержки. Держась за стену, поворачиваюсь и смущенно поправляю одежду. Застегнув кое-как лифчик, начинаю натягивать трусики со штанами, но Гладышев останавливает;

-Иди в душ, а то испачкаешь одежду.

Я краснею, хочу что-нибудь сказать, но не знаю что. Так стыдно и не по себе. Это было каким-то сумасшествием.

-Бл*дь!– выругнулся он, не глядя на меня, застегивая штаны. – Ты же не предохраняешься?-раздраженно уточнил он, вызывая у меня гнев. Твою же маму! Отлично, мы молодцы, но как всегда виновата только я!

-Нет! Еще не успела. Вот только не надо меня обвинять. Ты же у нас взрослый, с тебя и спрос! - язвительно парирую, натягивая джинсы, наплевав на испачканный зад. До меня только сейчас доходит, что мы занимались незащищенным сексом. Мало того, что можно залететь, так еще неизвестно, с кем он там трахался. Господи, только этого мне не хватало для полного комплекта.

-Да кто тебя обвиняет –то?! –вспылил он. –Что у тебя за привычка на себя гнать?! Ущербной себя что ли чувствуешь?

-С тобой не то, что ущербной себя почувствуешь, жить не захочется.- пробурчала я, собирая вещи.

-Еще одно слово и я тебе помогу осуществить последнее желание. – предупредил он , одевая рубашку. А после уже спокойным тоном поверг меня просто в шок. – В понедельник к врачу поедешь, анализы сдашь.

Ни хрена себе, заявочки! Он меня с кем-то перепутал? По-моему, это не я порядка двадцати лет таскаюсь по бабам.

-Только после вас. Я вообще –то только начала постигать эту область и напоминаю, что исключительно с вами Олег Александрович.

Гладышев замер и недоуменно посмотрел, я же продолжила язвить, не понимая, что он имел в виду.

-А вот с кем ты до этого кувыркнулся –неизвестно и чем болел тоже!

У Олега брови поползли вверх.

- Вот дура! –смачно выругнулся он, качая головой, едва сдерживая смех. Я уже собиралась возмутиться, но он не дал раскрыть рот.- Ты Чайка, из серии баб «сама придумала, сама обиделась». Поясняю для особо «одаренных»; я про анализы речь завел, чтобы тебе подобрали таблетки противозачаточные.

Краснею, как помидор и задыхаюсь от неловкости. Точно дура, причем –неизлечимая, походу. Но не ему же об этом говорить, поэтому пожалв

плечами, как можно невозмутимей отвечаю;

-Ну, кто тебя знает. Я же у тебя шлюха, дура и....

- Ради Бога, иди уже... душ прими! Желательно холодный, а то ты сегодня бьешь все рекорды по степени дурости. Потом в аптеку съездим и в магазин. – холодно бросил он, направляясь в спальню.

Вот и поговорили! И что самое удивительное, вот разве согласишься, что еще пять минут назад мы тут чуть ли не умирали в объятиях друг друга? Да никогда! Не отношения, а какие-то американские горки. Я конечно, хороша сегодня. Прав Гладышев; туплю только так.

Пока мылась, крыла себя на чем свет за глупость, несдержанность и конечно же за то, что не подумала о контрацепции. Каким бы Гладышев не был ответственным, но он мужчина, и если я забеременею, это прежде всего, не его проблема. Он потом денег на аборт даст – вот и все. А мне что делать? Я начала себя накручивать, паниковать, рисуя картинки одна хлеще другой. Хотя в глубине души надеялась на более радужные перспективы типа Олег на коленях с кольцом в протянутой руке. От представленной картины начинаю хохотать. Гладышев на коленях....Ну-ну, раскатывай губу Яночка. Хотя я даже видеть это не хочу, потому что это уже не мой Зануда будет. А я его таким люблю, какой есть, пусть он и сволочь высокомерная.

Из душа я вышла успокоившаяся, Гладышев уже был собран и ждал меня, поэтому мы без лишних проволочек поехали в магазин, дабы купить вещи первой необходимости и продукты. Я была страшно голодна и хотела все, что видела. Олег только шутил по поводу моего аппетита. В столь поздний час в супермаркете практически уже не было покупателей. Так странно заниматься с Гладышевым таким бытовым делом, как покупка продуктов. Необычно и уютно. Я не хотела предаваться иллюзиям, но у меня не хватало сил, чтобы удержать проклятое воображение, подкидывающее мне картинки семейной идиллии, где подобные мелочи, из которых и состоит собственно наша жизнь, обычное дело. Но в аптеке мечтательному настроению пришел конец, когда мне пришлось проконсультироваться с провизором насчет противозачаточных таблеток, принимаемых сразу после полового акта. Так неловко я себя еще никогда не чувствовала, поэтому совершив покупку, спешно покинула аптеку.

Гладышев же в это время сидел в машине и с кем-то болтал по телефону. Домой мы приехали во втором часу, сонные, уставшие и молчаливые. Я ели как разобрала пакеты и даже решила поесть, Олег сразу же отправился спать, сославшись на то, что ему рано на работу. На мое напоминание о том, что завтра воскресенье, он ответил, что у него вечный понедельник. Меня так и подмывало спросить; зачем нужны деньги, если

нет времени, чтобы ими насладиться? Но видимо, нам-простым смертным этого не понять. Мне кстати тоже на работу, но я решила взять дней на пять отгул. Буду трусливо отсиживаться дома, пока мама в городе. Наверное, стоит написать, что не нужно ей приезжать, так как домой я не поеду. Но разве ее это остановит? Мысли о маме возвращают меня в реальность, становится очень плохо и страшно. Волнение вновь берет в свои тески. Что же я творю?

Наверное, нужно перебороть свой страх ; встретится и обсудить сложившуюся ситуацию, но как только включаю телефон и на меня обрушивается куча гневных сообщений с угрозами, криками и оскорблениями, понимаю, что диалога с мамой не получится. Каждое ее слово было пропитано яростью и презрением. Слова были ее хлыстом, и она хотела забить ими меня до смерти, обвиняя во всем, в чем только можно. Я стала и позором, и разочарованием, тупой шлюхой, променявшей мать на мужика, который меня бросит, когда натрахается. Она писала, чтобы я не смела приползать к ней, когда он меня бросит. Она много еще чего написала, но мне хватило и этого. Было свирепо больно, обидно и страшно. Мне казалось, что в целом мире нет ни одного человека, который любил бы меня.

Я знаю, что сейчас в маме говорят эмоции и шок, но от этого не легче. Тетя Катя тоже не добавляла радости, в красках расписывая, как я веду себя по отношению к матери, окончательно добивая. Как после всей этой грязи; оскорблений и обращения, словно я не человек, а отброс какой-то, как я могу пойти с повинной? Мама поймет? Поймет, только если я все сделаю так, как она считает нужным. Я знаю, что она ради меня всегда жила и возлагала огромные надежды, но сейчас чувство, будто она любила меня, как средство воплощения собственной мечты. Стоило сделать неверный шаг, и любви пришел конец. Конечно, это не так, знаю. Но неужели я заслуживаю такого отношения к себе?

Слезы медленно текли по моим щекам, руки дрожали, когда я писала маме;

«Я не поеду домой, поэтому можешь не приезжать. Дело не в мужчине, с которым я встречаюсь, а в твоём отношении ко мне. Перечитай свои смс, мам. Не думала, что ты такого мнения о своей дочери. Знаешь, я не хочу выслушивать это в течении года. Прости меня за обман, мне очень жаль, что я не оправдала твоих надежд, но я ничем не заслужила все то, что ты вылила на меня. И да, спасибо, мам , за предупреждение, что я могу не ждать от тебя поддержки в случае чего.»

Ответ не заставил себя ждать; мама начала звонить, но слушать

очередные оскорбления я не хотела, поэтому сбрасывала.

Через полчаса она прислала сообщение; «Возьми немедленно трубку, сволочь! Ты что себе позволяешь? У бабушки тут давление зашкаливает. Если я приеду, и тебя не будет у Кати, можешь забыть дорогу домой!»

Прочитав ее смс, у меня все внутри стянуло в болезненный жгут, душа последнюю надежду на возможность решить проблему дипломатическим путем. Как уж тут дипломатия, когда все мамины действия будут в стиле Киркорова «встала и вышла». Написав Лере, что у меня все нормально, отключаю телефон. Взяв из сумки сигареты, иду на лоджию.

Тут меня и нашел Гладышев. Когда он подошел, я курила и невидящим взглядом смотрела в даль, глотая слезы. Его появление напугало меня, и я вздрогнула.

-Ты меня напугал. –прошептала, туша сигарету и поспешно вытирая слезы. Олег остановился возле меня и посмотрел тяжелым взглядом, выражение лица было строгим, холодным, отчего я чувствовала неловкость. Мне не хотелось объяснять причину слез, поэтому натянуто улыбнувшись, попыталась переключить его внимание, -А ты чего не спишь?

Моя попытка провалилась с треском.

-Вставай, пошли в дом, а то простынешь. Доумилась тоже с голыми ногами выползти, не май-месяц. –отчитал он меня, поднимая с кресла-качалки. У меня вырывается смешок, а внутри разливается тепло от его заботы, хоть и выраженной в такой грубоватой форме.

Мы зашли в квартиру, Гладышев уложил меня в кровати, заставив предварительно одеть теплые носки. Я беспрекословно подчинилась и улыбнулась, глядя на его суровое лицо.

-А теперь объясни мне, что происходит, –потребовал он, ложась рядом. Мда. А я-то надеялась, что буря миновала.

Тяжело вздохнув, пытаюсь подобрать слова, чтобы как-то объяснить происходящее, но ничего в голову не приходит.

Гладышев смотрит на меня, застыв в ожидание.

-Или может, ты хочешь поиграть в угадай-ка?-иронично предлагает он, я же вижу в этом выход из положение.

-Ну, это бы значительно облегчило мне задачу. – признаюсь с усмешкой.

-Я так понимаю, тетя все узнала?-начал он, ни капли не сомневаясь в своей правоте.

-Узнала. –подтвердила я невесело.

-Ну, неудивительно, что у вас конфликт.-будничным тоном

прокомментировал он. –Если бы я был на месте твоих родных, я бы тоже негодовал.

–Проблема не столько в тете, сколько в моей маме. –признаюсь, шумно втягивая воздух.

–О, так она еще и матери все рассказала. Быстро она на тебя управу нашла. Но ведь это не повод, уходить из дома. Да и если честно, я –не та причина, из-за которой нужно рвать отношения с матерью. –пожурил он меня, словно маленького ребенка. Закатываю глаза, едва сдерживая раздражение.

–А ты и не причина, все гораздо сложнее. Я не дура, чтобы из-за сомнительных отношений ругаться с самым близким человеком! – вспыхиваю все же. Олег молча ждет пояснений, приподняв бровь. Немного успокоившись, начинаю свою туманную речь;

–Мама меня одна воспитала, она привыкла принимать решения единолично. В общем, по своей натуре она тиран, наверное. Ее не заботит, что мне уже восемнадцать и у меня есть свое мнение и своя жизнь.

–Поверь мне, когда тебе будет сорок, ее это тоже будет мало волновать. –мягко возразил Олег.

–Нет, ты не понял. Моя мать не считается со мной. Я совершила ошибку, и теперь она готова стереть меня в порошок, так как я не оправдала ее надежд. –попыталась я донести до него.

–Думаю, ты не правильно расставляешь акценты малыш. – вновь выступил он на стороне моей матери. – Уверен, твоя мать, прежде всего, думает о твоём благе, а не о своих неудовлетворенных амбициях. Пойми, в восемнадцать, кажется, что нет ничего важнее твоего «хочу», ты упиваешься силой молодости, не чувствуя опасности, а она повсюду. Любой только и норовит использовать твою неопытность и наивность в своих целях. Я, кстати, не исключение. –признался он мне. Я улыбнулась и прижалась к нему.

–Не, ты у меня не такой. Ты хороший!- вступилась я за него, едва сдерживая смех. Но после с лукавой улыбкой добавила, - В глубине души.

Гладышев засмеялся и потрепал меня по волосам.

–Так вот ...-продолжил он, - Мама уже реально смотрит на мир и старается тебя уберечь от типов вроде меня. Может, не совсем верными методами, но мотив у любого нормального родителя только один-чтобы его ребенок на пути к счастью и благосостоянию набил как можно меньше шишек. Ты же начинаешь бунтовать и усугублять ситуацию, не понимая вот этой простой истины, отсюда и начинаются все проблемы.

–Нет, Олеч, проблемы начинаются, когда родитель упорно не хочет

замечать, что его ребенок вырос. –уверенно высказала я свое мнение. Гладышев задумался на мгновение.

-Ну, тоже верно, –признал он мою правоту.- Чайка, я не знаю, что у вас там за терки. Просто хорошенько подумай, прежде чем свой характер матери демонстрировать таким образом. Мне конечно, удобно, что ты будешь жить здесь и не трахать мозги со своей тетей. Но чисто по-человечески, я бы тебе не советовал плевать в душу единственному человеку, который всегда примет и простит.

-Моя мама примет только, когда я буду под ее дудку танцевать. Да и она уже мне заявила, чтобы я не ждала от нее поддержки. –прошептала я, прижимаясь к нему еще сильнее, словно ища защиты. Олег обнял меня крепче и тяжело вздохнув, подвел итог;

-Глупышка ты еще. На эмоциях она тебе и не такое скажет.

-Может быть. –признала я невесело, - Но я не хочу выслушивать это в течение года, а может, и всю жизнь. Исход все равно один.

-Я не умею читать мысли, малыш. Поэтому ...

-Не важно. Так-рассуждения в слух. –отмахнулась я. И дабы закрыть уже тему, призналась, –Мне с тобой так спокойно и хорошо. А тебе?

-Тебе честно или приятно?- подколот он меня, подмигнув. Я шутливо ударила его по руке.

-Ты кроме, как честно, иначе не умеешь, так что давай свою горькую правду.

-Да не все так плохо. –успокоил он меня, целуя в висок. Я же расплылась в счастливой улыбке от одного этого жеста.

-И?

-Мне с тобой вот ни разу не спокойно, а в этом, по сути, ни хрена хорошего.

-Но все же хорошо?- лукаво улыбнувшись, уточнила я. Олег загадочно улыбнулся, и притворно сморщившись, покачал отрицательно головой, подначивая меня. Но я не отступила.

-Ну, иногда, чуть-чуть, а? –дознавалась, канюча нужный ответ. Гладышев пожал плечами, и словно делая одолжение, признал;

-Ладно, чуть-чуть, капельку.

Я засмеялась и навалилась на него, намереваясь поцеловать.

-А вот с исключениями на сегодня покончено. – попытался он остановить меня, но мне было пофиг на его правила, о чем я ему и сообщила;

-Правила существуют, чтобы их нарушать.

Олег собирался что-то возразить, но я не позволила ему этого сделать,

медленно коснувшись его губ, нежно обводя их контур языком, пока Гладышев не дал добро двигаться дальше, следя за мной с интересом. Я углубила поцелуй, скользнув языком ему в рот, неуверенно касаясь его языка, лаская. Странно быть ведущей и немного страшно, так как я еще ничего толком не умею, но недостаток опыта, кажется, с лихвой компенсирует энтузиазм.

Гладышев лениво отвечает на поцелуй, позволяя мне и дальше руководить процессом, пока я не начинаю целовать его шею, спускаясь все ниже и ниже. Мне хотелось ласкать его, изучать руками, губами, каждый сантиметр его великолепного тела. Но как я уже сказала ; руководить могу лишь с позволения моего зануды, а решает все только он. И как истинный зануда, он обломал весь кайф.

-Чайка, мне на работу через четыре часа. –отстранил он меня.

Пытаясь скрыть смущение и обиду, закатываю глаза и отворачиваюсь, Олег тут же обняв, притягивает меня к себе, забираясь руками под майку, ласково сжимая мою грудь.

Но я демонстративно убираю его руки и холодным тоном напоминаю;

-Спите, Олег Александрович, вам через четыре часа на работу.

-Я помню, но твои малышки мне совсем не мешают. –засмеялся он, возвращая руки на то же место, выводя меня из себя и в тоже время веселя. И это называется взрослый мужчина? Правильно говорят; мужики, как дети. Но насчет размера он, конечно, загнул. Малышки? Это третий-то размер?

-Ты такой ребенок Гладышев! –пожурила я его с улыбкой, но не преминула добавить, - Мои «малышки» у тебя в руках не помещаются.

-Угу, -выдохнул он мне сонно в шею и ласково сжал мою грудь, отчего меня опалила жаркая волна, которую пришлось погасить, ибо Олег уже спал. Я решила последовать его примеру, и устроившись поудобней в его крепких объятиях, как не странно быстро уснула, убаюканная теплом его тела и ровным дыханием.

Проснувшись я поздно, Олега уже и след простыл. На тумбочке меня ждала записка и пачка денег. Скоро, похоже, такое начало дня станет традицией.

А я, однако, дорожаю –отметила я беззлобно, подсчитывая деньги и прочитала записку, в которой говорилось, что эти деньги на вещи первой необходимости и разные мелочи. Мне оставалось только подивиться, что стоимость мелочей у Гладышева в несколько раз превосходит средний уровень жизни. Ну, и хорошо. Если бы он еще был жмотом –вообще тушите свет.

После прошедшей ночи у меня было тепло на душе и спокойно. Я с наслаждением сделала зарядку, приняла душ и еще раз прошла по столь желанной квартире, в который раз убеждаясь, что мне в ней очень уютно. Разобравшись с кофеваркой, сварила кофе, балдея от дурманящего аромата. Потягивая его с наслаждением, наметила себе план на день. И после приступила к его исполнению.

Прежде всего; позвонила Стасу, дабы договорится о том, что он возьмет мои столики на себя в течение пяти дней, но Беляев в довольно прохладной форме отказал мне. Я была, мягко говоря, в шоке. Наши отношения в последнее время, конечно, претерпели изменения не в лучшую сторону, после случая с Гладышевым, но вот такого я не ожидала. Слава Богу, Ксю не отказала, а то не знаю, что бы делала. Змеища, как всегда была крайне недовольна, но отгул дала, что вызвало у меня облегчение, хотя ситуация со Стасом испортила настроение. Как-то разом со всеми стали портиться отношения, стоило только Олегу появиться в моей жизни.

Дорого вы мне обходитесь, Олег Александрович, очень дорого!

Хотя, конечно, причины всех бед всегда кроются в нас самих. Но грузится по этому поводу, я не стала, и так головняка предостаточно, чтобы еще разбирать себя на молекулы.

День у меня прошел в суете. Я съездила в магазин, купила необходимые в быту вещи, после отдраила до зеркального блеска квартиру и расставила все по своему вкусу. Вечером меня начали терроризировать звонками мама, тетя Катя, Лера. Отвечать я не стала. Вчерашний разговор с Олегом заставил меня посмотреть на ситуацию более объективно, но как я не старалась, а не могла представить, что мы с мамой мирно решим проблему. Ближе к ночи позвонил Гладышев и предупредил, что его не будет в городе несколько дней, чтобы не теряла. Я расстроилась, но виду не подала и пожелала доброго пути.

Последующие дни превратились в настоящий ад. Приехала мама и мой телефон разбивали вдребезги истеричными смс, бесконечными звонками. Я металась по квартире, как зверь в клетке, не зная, что делать и какое решение принять. Каждое сообщение от мамы травило душу, вызывая страх и горечь. В конечном счете, я выбросила сим-карту, сохранив нужные номера на телефон.

Но тишина и неизвестность еще сильнее давили на психику, поэтому я не выдержала и купила новую симку, чтобы позвонить Лере и узнать хоть что-то. Гельмс тут же обрушилась на меня за то, что я ни разу не ответила на ее звонки и ничего не написала. Оказывается, тетя Катя и мама искали

меня, пытались узнать адрес через Лерку, и не поверив, что она не в курсе моего нового местожительства, обвинили в укрывательстве. Гельмс кричала, что я поставила ее в неудобное положение и все свесила на нее, а ей эти проблемы ни к чему.

Я холодно извинилась, хотя было обидно и неприятно. Лера успокоилась и пошла на попятную, оправдывая свою вспышку волнением и беспокойством. Меня это рассмешило. Как же мы любим, причиняя боль другому человеку, оправдывать это тем, что заботились, беспокоились о нем. Гельмс предлагала встретиться, но я пока не была готова обсуждать с ней наши отношения, мне хватало и других проблем. Она не стала настаивать, что радовало. Но в конце сообщила мне, что мама уехала в Рубцовск и просила передать, что знать меня больше не хочет. Эта новость отозвалась во мне тупой болью. Глотая слезы, я поспешно завершила разговор, обещая звонить.

Весь вечер я сидела, глядя в одну точку. В душе поселилась пустота. Я думала, как бы поступила, будучи на месте мамы, и понимала, что постаралась бы найти со своим ребенком общий язык, чего бы мне это не стоило. Поэтому осознание, что для моей матери отстоять свое мнение важнее дочери, стало болезненным. Мир, в котором я существовала, сколько себя помнила, рухнул в одно мгновение и все, что казалось непоколебимым, рассыпалось, словно пепел на ветру. В эту минуту одиночество было моим проклятием, оно пугало до чертиков и отчаянья, поэтому я позвонила единственному человеку, которому могла хотя бы частично открыть душу, единственному, который всегда честен со мной.

Гладышев был весь в работе, но за какие-то пять минут сумел вернуть мне бодрость духа и поднять чуть-чуть настроение. А новость о том, что он завтра утром прилетает, вывела из амебного состояния.

Будучи оптимисткой, я решила, что не сложу руки и докажу маме, что она ошиблась и ее дочь способна чего-то достичь самостоятельно, пусть и не так красиво, как хотелось бы. А пока не стану предаваться унынию и буду жить. Выбор сделан, стоит ли теперь убиваться? У меня начинается новая жизнь и мне потребуется много сил, чтобы, в конечном счете, достичь своей цели, поэтому нет времени разводить кисель.

С таким решительным настроением я начала следующий день-мой первый день в жизни, в которой больше не хочет знать родная мать, отвернулась крестная, обманула подруга, и любимый мужчина четко обозначил, что не нуждается в серьезных отношениях. Перспективы не очень радужные, но если три первых пункта от меня не зависели, то последний-я намерена изменить.

Свой пятый выходной я решила посвятить себе и основательно подготовиться к свиданию с Олегом. А то вечно, как чучело. Надо порадовать мужчину, да и себя побаловать. Оказалось, что все не так-то просто, даже имея деньги. Практически в каждом салоне, время было расписано по минутам, поэтому я полдня потратила на поиски приличного места, где мне могли сегодня же сделать стрижку и маникюр. К счастью мои поиски увенчались успехом. К вечеру я поехала в ГУМ, дабы прикупить что-то из нижнего белья, а то с моим набором не мудрено, что работа предпочтительней.

Стоило мне оказаться в шелково-кружевном королевстве, как я пропала. Мои глаза разбегались от разнообразия и великолепия открывшейся картины. Хотелось скупить весь магазин, но цены поражали. Теперь я понимаю, что Гладышев в действительности оставил деньги только на мелочи. Пришлось ограничиться одним комплектом, чулками и роскошным боди. Но все равно из магазина я вышла довольная и счастливая. Только хорошее настроение, оказывается, тоже чревато проблемами. Я это поняла, когда вслед мне прокричали;

-Девушка.

Оборачиваюсь и вижу бегущую навстречу настоящую леди, иначе и не скажешь. Ко мне быстрым, уверенным шагом приближалась высокая девушка, глядя на которую сразу возникают ассоциации с принцессой Дианой, Грейс Келли и прочей аристократической мутью. Ее красота была неброской, утонченной, изысканной, в девушке чувствовалась порода и стать. И не в высокомерии причина сего впечатления, сама по себе она была словно на голову выше всех остальных. Не знаю, что-то такое в гордливой осанке, сдержанности в каждом движении и строгости утонченного лица. Пока она шла ко мне, я с интересом рассматривала ее, подмечая безупречную укладку великолепных волос теплого, медового оттенка или как его называют «солнечный блонд», изящные черты лица, стройную фигуру и конечно же, замечательное чувство стиля, благодаря которому из простых вещей был создан ее потрясающий образ. Мне всегда хотелось обладать этим чувством, но увы.

Разглядывая девушку, я параллельно гадала, что сей барышне нужно, но заметив в ее тонких пальчиках свой кошелек, поняла, в чем собственно дело. Меня даже прошиб холодным потом, от возможной перспективы потерять свои деньги и карты, поэтому приближающаяся «леди» заочно стала мне нравится.

-Извините, что ору на весь ГУМ, но вы потеряли кошелек, а я боялась не успеть. – запыхавшись немного, вручила она мне кошелек и улыбнулась

такой лучезарной улыбкой, что мне стало тепло.

-Ой, спасибо вам огромное! Не представляю даже, что бы делала без денег. Маша-растеряша. И это вы извините, что пришлось бежать за мной через весь ГУМ, у меня даже мысли не возникло, что это меня зовут. –посетовала я.

-Да ничего страшного, рада помочь. И давайте на «ты», если не против? –предложила она непринужденно и вновь улыбнулась. Эта улыбка сказочно преобразила ее.

-Да я только за! – с энтузиазмом согласилась я и решила познакомиться со своей спасительницей. – Давай, знакомится. Страна должна знать своих героев?

-Брось, скажешь тоже «герой»!- отмахнулась она смущенно. – Любой порядочный человек так поступил бы.

-Порядочный-да, но сколько у нас непорядочных... Поэтому если бы не ты, плакали мои денежки. Я, кстати, Яна.

-Согласна, люди сейчас те еще сволочи, но мы, стараемся быть не такими. –усмехнулась она и с теплотой в голосе добавила. – Очень приятно, Яна, меня зовут Кристина.

-И мне приятно! – ответила я тем же, и это было действительно так. Кристина казалась приятным, теплым человеком, хоть и сдержанным и несколько скованным. Мне она понравилась, к тому же было хорошее настроение и хотелось с кем-нибудь поболтать просто без всяких выяснений отношений. Поэтому у меня появился порыв узнать Кристину получше и я решила как-то отблагодарить ее за доброе дело. –Думаю, что я должна хотя бы угостить тебя чашечкой кофе с какой-нибудь вкусняшкой, если ты конечно, не торопишься. Как тебе такая идея?

Кристина на мгновение задумалась, но после согласно кивнула.

-Идея очень даже, сегодня день просто ужасный, так что нужно как-то взбодриться. – призналась она с невеселой усмешкой, что привело меня в замешательство, но я решила как-то избавиться от неловкости между нами и непринужденно заговорила на нейтральные темы.

Кристина оказалась девушкой сдержанной, но с отличным чувством юмора, пока мы шли до кофейни натянутость, присущая первым минутам знакомства, постепенно исчезала. На одной волне же мы оказались, когда мимо нас прошли две девочки лет пятнадцати-шестнадцати- золотая молодежь, не иначе. Одна из них была словно с обложки журнала, такой куколки, я еще не встречала; фарфоровое личико с правильными чертами лица, соболиные бровки, великолепные золотистые волосы. Высокая, одетая с иголочки; качественный плащ интересного глубокого цвета,

воздушное платье, а в руках — дорогушая сумка в тон плащу. В общем, это был не какой-нибудь подросток-бунтарь, панк в драных колготках, с розовыми волосами и татуировками на шее, а послушная девочка, которой родители могут только гордиться. Ее можно было сравнить со звездой. А может, она и есть какая-то звезда, просто я не слежу за отечественным шоу-бизнесом. Девочка что-то манерно рассказывала своей менее заметной подружке, а все вокруг восхищенно смотрели на эту роскошную девчушку. Кристина тоже не осталась равнодушной и сдержанно поделилась впечатлениями об этом чуде;

-Типичное «преппи». Куколка Барби, в которой родители и все вокруг просто души не чают. Настоящая мечта! Мечта каждой девчонки и мальчишки.

Мы, не сговариваясь, мечтательно вздохнули, вспоминая себя в подростковом возрасте, и тут же разразились смехом. Девочки обернулись, Куколка высокомерно приподняла бровь, и что-то в этом жесте показалось неуловимо знакомым, но я так и не поняла что, как она уже отвернулась, не заметив в нас ничего интересного, и продолжила разговор с подружкой, направляясь, судя по всему, тоже в кофейню.

-Ты знаешь, что Шувалов уезжает в Нью-Йорк учиться? — услышала я краем уха их беседу, о каком-то мажоре.

-Конечно, знаю. Алена мне сказала уже давно. — отозвалась безразлично Кукла.

-И что ты? — лукаво поинтересовалась ее подружка, с неприятной улыбочкой.

-Я только рада. Этот придурок достал, постоянно стучать папе о моих передвижениях. — отрезала холодно девочка, а потом с неподдельной радостью воскликнула, устремляя взгляд в глубь кофейни, - О, это же мама с папой!

Мы с Кристиной проследили за ее взглядом, стало интересно, какими должны быть родители у такой куколочки. Но лучше бы никогда этого не знать и не видеть. Мне словно со всего маха пнули в живот, ударили монтировкой по голове так, что за секунду мир перевернулся верх тормашками. Я несколько раз моргнула, пытаясь отогнать видение, да только оно не исчезало, а проникало кинжалом в самое сердце, удавкой затягивалось на шее, душа ужасом, от которого у меня темнело в глазах. Сердце остановилось в то мгновение, когда девочка подлетела ни к кому-то, а к Гладышеву и уничтожила меня всего лишь двумя словами.

-Привет папуль!- обняла она его и чмокнула в щеку, на что он улыбнулся и ласково потрепал по голове, как часто делал мне.Я

пошатнулась, прикрыла рот рукой, сдерживая крик, рвущий глотку.

Хватаю обжигающий воздух ртом, задыхаюсь. Слежу затуманенным взглядом за семейной идиллией и не могу поверить в происходящее. Девочка подошла к симпатичной женщине со словами «мама», а у меня душа из тела рванула, утекая по капелькам. Стильная, ухоженная, статусная, эффектная-такие эпитеты крутились на языке при взгляде на нее. Вот такая она –жена Гладышева, словно только вышла из салона; идеально-уложенные платиновые волосы, неброский макияж, подчеркивающий все достоинства, дорогая одежда. Она выглядела потрясающе. К такому образу стремятся все женщины, а для меня это было воплощением кошмара наяву.

Боже, боже

Хотелось закричать, разорвать вакуум боли криком, и я вопила в душе, разрывая в клочья сердце. Смотрела и молчаливо надрывала связки, умирая в эту секунду. Я ничего не понимала. Сердце билось еле –еле, меня словно столкнули с небес на скалы, но я не умирала, я трепыхалась в адской агонии, пытаюсь осознать, что Гладышев женат и что у него взрослая дочь.

Господи, за что мне это? Чем я это заслужила? Что сделала?

Перед глазами проносится последняя ночь; его обжигающие поцелуи, его нежность, его объятия.

Я не могу поверить, что он женат. Не хочу этого знать! Не хочу!

Смотрю на него улыбающегося, крепко обнимающего свою дочь, в то время, как она что-то весело рассказывает своей матери-его жене, женщине, которой он-мой любимый мужчина принадлежит. Меня трясет, все расплывается от слез.

Кобелина! Какая же ты кобелина!

Боль, невыносимая боль на самом дне и ее не вытащить никак! Красным маревом заполнила душу и разум ужасная, убийственная ложь. Каждую клетку рвет на части агония, ломает, втаптывает в грязь, уничтожает медленно, но верно.

Я словно пьяная двинулась куда-то, но кто-то остановил, и я услышала твердый голос Кристины;

-Не надо!

Я посмотрела на нее сквозь пелену слез, она ответила мне пронизательным взглядом и подтвердила следующими словами, что все поняла;

-Это ведь для него? –кивнула она на фирменный пакет из магазина нижнего белья.

У меня вырвался истеричный смешок, и сглотив слезы, я кивнула, не

в силах произнести ни слова, не зная, что делать и как вообще быть. Меня словно оглушили.

-Я не знала.- зачем –то сообщила я и начала смеяться. Крис кивнула, и тяжело сглотнув, настойчиво потянула меня из кофейни.

-Пойдем.

Я хотела возразить, во мне поднялась ярость, и хотелось как-то выплеснуть свои эмоции, но эта девушка, которую я знала от силы пятнадцать минут, поняла все без слов и попыталась уберечь меня от ошибки, за которую я буду винить себя после.

-Не сейчас. Пусть он ублюдок конченный, но его дочь и жена не виноваты. Страдать, прежде всего, будет эта девочка, но не он. Не разочаровывай ребенка в отце, родители -святое.

Я прикусила дрожащую губу и с горькой усмешкой кивнула, признавая ее правоту. Кристина сжала мою руку и сочувственно улыбнулась. Не сговариваясь, мы покинули кофейню. Я шла, словно сомнамбула, все плыло. В душе поселилась какая-то пустота. Не могу ни кричать, ни молчать. Убежать бы от всего, но не получается. Не могу остыть и в тоже время гореть. Я отравлена, убита, растоптана. Все вокруг казалось мне безликим, мертвым.

Не помню, как попрощалась с Кристиной, она что-то говорила мне, я кивала головой и даже отвечала. Обменявшись телефонами, мы разошлись.

Что-то во мне заledenело. Пустым взглядом смотрю на пробегающих людей и не понимаю ничего. Что мне делать? Господи, что же мне делать? Что я наделала? Я ведь теперь одна, совсем одна. Сжавшись в комок, еду на такси в снятую для меня квартиру, задыхаясь от унижения и безысходности, а перед глазами он –муж, отец, довольный жизнью и собой.

Закусываю кулак до крови, чтобы не завывать прямо тут. Дышу рвано, хочу заплакать, но не могу. Глаза печет, режет, но они сухи. Смотрю в окно на сгущающиеся сумерки и вижу отражение своей души, которую затягивает что-то темное, неотвратимое, болезненное. Уничтожает ядом ненависти, безумной боли. Тишина режет по нервам, пугает.

Не помню, как я попала в квартиру. Просто зашла, легла поперек кровати и лежала в темноте. Так больно в этой тишине, больно наедине с собой, мне просто больно. Вспоминаю, как радовалась этому гнездышку, а теперь лишь горечь, боль и мольба о том , чтобы сдохнуть от болевого шока. Но меня никто не слышал, поэтому я травила, добивала сама себя воспоминаниями о нем; о наших встречах, о нашей близости. Я горько смеялась над своей глупостью; мечтами, что он непременно меня полюбит, и наши отношения изменятся. Такая дура! Почему я ни разу не задалась

вопросом, отчего так все? Почему не спросила о семейном положении, ведь именно им интересуются в первую очередь?

Я корила себя, упрекала, унижала и сходила с ума, представляя его с женой. Понимая, что он –ее по праву, по закону, по сути. А я так-игрушка на пару ночей, мимолетное развлечение, «бес в ребро», очередная шлюшка. Закрыв глаза, кричу в подушку, отчаянно колочу кулаками по матрасу, но не легче, не отпускает. Везде он, везде его обман и мои ошибки. Я запуталась в паутине лжи. Трепыхаюсь с оборванными крыльями, не в силах что-то решить.

Мир меркнет и все становится бессмысленным. Сейчас даже не важно, куда идти и что дальше делать. Об этом я подумаю потом. Сейчас просто больно от того, что я полюбила человека, который никогда не будет мне принадлежать. И он позволял мне жить иллюзиями, зная, что, несмотря на все предостережения, я буду надеяться.

Зачем? За что так жестоко? Ведь если бы я знала....

Что же теперь? Что теперь?- лихорадочно повторяю, понимая, что загнана в угол. С одной стороны мама. Не смогу я приползти и порадовать ее, что все именно так, как она пророчила. С другой-он и его семья. А с третьей-возможная беременность, ибо у меня уже второй день задержка. Я успокаивала себя тем, что просто мой организм перестраивается в связи с тем, что у меня началась интимная жизнь, но стопроцентной уверенности не было. И неизвестность сводила с ума, ужасала, как и воображение, подкидывающее мне горькие картинки семейного счастья Гладышевых.

Он наверняка сейчас дома, трахает свою жену. Хотя нет, жен не трахают, их любят трепетно и нежно, а вот с такими, как я отрываются по полной.

Интересно, она обо мне догадывается?

Вряд ли. Я же все делаю, как он скажет. Идеальная любовница, не задающая вопросов, не требующая ничего взамен, выполняющая все беспрекословно.

Глупая. Какая же я глупая! Более того-жалкая, ибо не могу принять решение. Да и как его принять? Выбрать что-то менее болезненное и унижительное? Не получается, потому что люблю этого ублюдка. В какое – то мгновение даже понимаю, что не смогу без него, не смогу одна, но и с ним остаться– адски больно. Как я смогу быть с ним? Как смогу делить его с кем-то? Даже не делить, а довольствоваться тем, чем позволят и знать, что однажды он просто уйдет, и для него я останусь всего лишь маленькой, грязной тайной. Еще одной в череде других ничего незначащих интрижек на стороне. В то время, как он для меня станет воздухом, без которого я

буду погибать мучительно и долго, пока что-то не сломается во мне, не переболит.

И я вновь и вновь возвращалась к одному и тому же вопросу. Но ответа не было, да и честно я не хотела его искать. Мне было слишком плохо, так плохо, что я не понимала где реальность, а где вымысел. Всю ночь я пролежала в одном положении, не смыкая глаз. Сердце окаменело, а разум отключился. Я была подобно зомби, закрытая в вакууме, от всего отстранившаяся. Я понимала, что это шок, но я была счастлива отсрочить момент, когда меня прорвет, и я захлебнусь безысходностью и отчаянием.

Утром просто подняла себя и пошла на работу, зная, что если останусь дома, то мне конец-мысли сожрут. В Де Марко коллеги смотрели на меня косо, видимо, видок был сам за себя говорящий, но плевать я хотела на мнение окружающих. Мне просто необходимо было пережить этот день, хоть и до безумия боялась вечера-предстоящей встречи с Гладышевым. Я ее себе не могла даже представить. Ибо вопрос-« что теперь» так и стоял на повестке дня, а у меня ни сил не было, ни желания искать на него ответ. Весь день я, словно робот механически выполнила стандартный набор действий, ничего не замечая вокруг, пока не увидела, что второй столик занят.

Ксю с улыбкой принимала заказ у Гладышева и еще какого-то такого же стильного, дорогого мужчины из той же серии хозяин жизни. Для меня же время будто остановилось. А потом, словно щелкнуло что-то и как после долгой заложенности ушей, вдруг мир ожил. Взорвался в моей душе ненавистью, дикой злобой и неконтролируемой яростью. Я смотрела на улыбающуюся рожу Олега и мысленно разрывала его на кусочки. Что-то у меня внутри переключилось, и я просто подошла к Ксю, забрала заказ для второго столика, не взирая на возражения, последствия, разум и решительно направилась к этому козлу.

Глава 13.1

-Твою мать! Так заткни ему глотку! Спроси, сколько ему надо. –орал Миха в трубку, входя в мой кабинет. Весь вид его кричал о том, что он дико зол. Впрочем, я тоже хорошим расположением духа не отличался, учитывая, что уже порядка сорока минут жду его, но решил, что сейчас не лучшее время высказывать Антропову свои претензии. Он и так был на взводе, я бы даже сказал, в бешенстве.

Кивнув мне, жестом попросил пару минут, и нетерпеливо расхаживая взад-вперед, слушал своего собеседника.

-Валера, ты решай с ним вопрос. Ты смеешься что ли?! Я не

собираюсь терять деньги из-за какого-то придурка-фанатика.

-....

-Да плевать мне, кто он там! Он сейчас этих градозащитников соберет и все-приплыли. Они же как акулы вцепятся и с живых не слезут-начнут доить по полной. Брать его надо, пока ломается, а не сопли жевать. Ты если Горский землю потеряешь, будешь мне сам возмещать убытки! - цедил Миха сквозь зубы, едва сдерживая маты. Не завидовал я его собеседнику. С Антроповым лучше не связываться, когда дело касается бизнеса. Вот где настоящая акула. Это со своими он душа компании, юморист и приколист, а в делах с ним шутки плохи; хваткий, цепкий, жесткий и пронырливый, а порой и вовсе беспринципный. В такие моменты я рад, что он со мной в одной лодке; у Михи акции в моей компании, в основном же он занимается строительством.

Друг отключил телефон и с шумом втянул воздух, раздраженно скидывая пальто.

-Какие-то проблемы? –поинтересовался я, пожимая ему руку. Миха сел напротив и закурил, хотя знает, что я этого не выношу, но видимо, проблемы нешуточные, поэтому я не стал напоминать.

-Да там не просто проблемы! Там п*здец! Связался на свою голову с этим придурком Горским, а он ни хера сделать не может. Задача простейшая; выкупить землю, предоставить жилье собственникам в другом районе и дело в шляпе. Нет же! Началось. В общем, там на этой же территории стоит дом инвалидов. Какой-то директоришка этого реабилитационного центра или че там..Короче начал палки в колеса вставлять. Он, понимаешь ли, сам инвалид и этот центр-вся его жизнь. Устроил бунт; давай всех подбивать, разводить шумиху, что вот дескать бедных инвалидов лишают уже и этого. Еще как оказалось, здание этого гребанного центра является объектом культурного наследия. Ну, а там сам знаешь, сейчас начнется вытягивание бабок. Тут еще и частники заголосили, типа, что по дешману квадратный метр оценили. Суки, бл*дь! А там такой проект горит!-выдал Антропов, не сдерживая клокочущей ярости. Представляю, как хочется разнести все к чертям собачьим. А уж Миха с его характером, наверняка, с ума сходит от желания лично закопать бедолагу-инвалида.

-Эх, вы Михал Сергеевич! –решил я разрядить обстановку. –Ну, что же

это-одни деньги на уме?! Ничего святого, никакой морали! А ведь люди инвалиды!

Миха засмеялся.

-Во-во! Это они и поют. Как будто я им не предлагаю отличное здание, и заметь, новое! Взамен вот этой развалюхи, у которой износ признали сто процентов!

-А кто признал-то? Твои? - подколот я его. Миха усмехнулся и покачал головой.

-Ну, это уже не суть важно. Признали же. Но директоришка не согласен. Принципиальный черт; упорно стоит на своем. Но ничего, и не таких раком загибали.

-Мда, жестко. А на деньги он не ведется типа? –предположил я.

-Представь себе. Благородный.- иронично отозвался Миха.

-Копай глубже. Никто никогда ничего не делает по доброте душевной, всегда есть скрытый корыстный мотив. Хотя бы самодовольство от того, что ратуешь за правое дело.

-Вот с такими придурками сложнее всего. –невесело подвел итог друг.

-Ну, как говорится, не в деньгах счастье. –со смешком парировал я.

-Так говорят только те, кто этих денег отродясь не видывал. Я тоже, когда бедолагой был и жрал картошку жареную-пареную, свято верил, что все проблемы из-за денег и что они портят человека. А сейчас понимаю, что деньги –это лучшее средство решения всех проблем. Абсолютно всех! По крайней мере, решать их, сидя в порше, в костюме от Армани гораздо приятней, чем в зачуханой хрущевке. При таком раскладе уже и проблемы не проблемы.

Я засмеялся. Миха был в своем репертуаре.

-А что ты смеешься?-возмутился он и тут же безапелляционно

продолжил, - Так и есть. Главное, просто понимать, что деньги-это не строительный материал, а инструмент. И тогда все будет путем. – воодушевленно резюмировал Миха, с чем я был абсолютно согласен. За то и любил Антропова, что он был с адекватным взглядом на вещи, пусть и далеко не идеалистическими. Впрочем, не в нашем мире быть идеалистами.

- А с этим недо-Робин Гудом я разберусь, выведу его «скрытые мотивы» на чистую воду. – уверенно заявил он, и я в этом ничуть не сомневался, как уже говорил; стоять у Михи на пути опасно.

-Давай, Бог в помощь, -усмехнулся я, Антропов только подмигнул.

-Поехали, что ли перекусим, а то есть хочу, не могу?! Вика какого-то повара наняла, жрать невозможно его «шедевры». Надо сказать, чтобы гнала его в шею.-посетовал друг.

-Поехали. – согласно кивнул, вставая из-за стола. –Как там благоверная поживает? – поинтересовался я из вредности по пути к машине. Миха закатил глаза, прекрасно зная, что мне абсолютно наплевать на его супругу, более того-еще бы столько же про нее ничего не слышал.

-Как всегда; сплетни, интриги, расследования, - невесело отозвался он, сядясь в машину.

-« Ни в жены, ни в любовницы, ни в сестры: Нет верности, нет страстности, нет дружбы. Я не хотел бы с ней попасть на остров. Необитаемый: убила глушь бы.»- процитировал я Серебрянникова в честь безнадёжного случая в лице Виктории Викторовны, Антропов засмеялся. А я в который раз подивился, - Мих, вот как ты ее терпишь?

-Да никто никого не терпит, уже привыкли за столько лет –то, я и сам не подарок. Мы, наверное, с ней два сапога. Я согласен, Вика бывает редкостной сукой, но она умна, самодостаточна, отличная мать и семья для нее приоритет, – хоть и уверенно, но с какой-то горькой усмешкой парировал друг, я же не стал лезть, зная, что это ни к чему не приведет. У Антроповых были запутанные отношения, которые не стоило и пытаться понять, но одно было точно ясно-Миху они душили и были в тягость, но он почему-то продолжал их поддерживать. Вопрос «почему» не раз крутился у

меня на языке в моменты откровений, но я всегда сдерживался. Дружба дружбой, но надо понимать, что есть территория, куда лезть лучше не стоит, поэтому я свернул разговор на данную тему.

-По мне лучше, когда женщина, как домашняя рыбка; минимум хлопот, забот и проблем.

- Так у меня тоже рыбка – пиранья называется.- подмигнул Миха, я засмеялся, мысленно соглашаясь. –Ну, со мной давно все ясно, а что там у тебя происходит? –перевел он стрелки.

Я про себя чертыхнулся и всячески обласкал Вику за ее длинный язык. Наверняка наплела с три короба. Ведьма.

-Ничего особенного; все, как всегда. –невозмутимо отозвался я, хотя это было ложью. С Чайкой все иначе. За эти пять дней, что не видел ее, не было ни минуты, чтобы я не думал о ней, не сходил с ума от воспоминаний о последней ночи, о ней такой сексуальной, ненасытной, слетевшей с катушек. Я хотел ее до одури, готовый хоть сейчас послать дела к черту ради нее. Прилетев вчера, только и делал, что мысленно отсчитывал часы до нашей встречи, умирая от нетерпения. Но вырваться к ней не мог. Ленка, наконец-то, отчалила домой, и я, как и собирался, решил уделять дочери больше внимания, а то совсем от рук отбилась; стала юлить, приходить не вовремя. Не к добру это. Раздражало, что моей бывшей жене абсолютно на это плевать. В который раз поразился, до чего же она никчемная мать. Впрочем, и из меня родитель хреновый; нормальный отец бы радовался компании дочери, а я о только и делал, что о Чайке думал. Это состояние раздражало, но ничего не мог с собой поделать. Меня даже ее обман насчет учебы не смущал.

Если честно, не собирался лезть в ее дела. Мне в общем-то, должно было быть все равно, но.... Увы, не смог остаться в стороне, какой-то черт дернул перед отлетом; и я попросил Люду собрать мне информацию о Чайке. Как выяснилось не все так просто с моей птичкой; никакая она не студентка МГАХ. И судя по всему, для ее матери это тоже стало открытием, что и привело к проблемам. Вся эта ситуация изрядно повеселила и в тоже время напрягла. Боже, какой же она еще ребенок! Маленькая глупышка, запутавшаяся в собственной лжи. Не знаю, всех тонкостей, но не надо обладать особым умом, чтобы понять суть проблемы.

Когда Миха отдал распоряжение водителю ехать в Де Марко, я как дурак, едва сдержал улыбку, хотя видеть Чайку в амплуа официантки не хотелось и уж тем более афишировать наши отношения при Антропове. Но вряд ли она кинется мне на шею. За последние недели она стала вести себя сдержанней. А вообще надо сказать, чтобы завязывала придуриваться и бросала свою работу, не зря же вытянула счастливый билет.

-Я у тебя обычно такой довольной рожки не наблюдал. – заметил друг как бы между прочим. Я только пожал плечами, давая понять, что эта тема закрыта, но Антропов решил все же удовлетворить любопытство и прямо спросил, - Сколько ей?

-А что?

-Да просто интересно. Все только и обсуждают возраст твоей крошки.

С шумом втягиваю воздух, охреневая от «развлечений» друзей. Я Антроповой шею сверну, пусть только попадется мне на глаза. Дура!

-Вы еще ставки сделайте. – предложил я с усмешкой. –Что за бред вообще?!

-Да ладно тебе, не кипи. Дай друзьям немного побалдеть. Столько лет ждут люди, когда ты дашь повод для сплетен. А то у тебя, как у президента вся жизнь за семью печатями. –примирительно обратился Миха, улыбаясь.

Я покачал головой, смеясь. Мда, хороши ребята! Вообще разговор на данную тему выглядит странно, особенно с Михой. Он никогда не лезет в такие дела. Будучи сам человеком скрытным, он уважает границы личного пространства других. Если уж он и лез, то не спроста. И мне было интересно, откуда ветер дует.

-Ну, так сколько ? – не отставал Антропов, озадачивая меня еще больше.

-Восемнадцать, - все же нехотя ответил, зная, что сейчас последует буря. Можно было, конечно, послать его к черту, но чего мне собственно стыдится?

Антропов уставился на меня так, словно увидел впервые, но сдержался и невозмутимо прокомментировал;

-Ну... нормально... двадцать лет разницы – почти херня. Да и почему бы нет?! Экстрим-лучшее средство от старости. Развлекайся короче. – хлопнул он меня по плечу одобрительно. Я засмеялся.

-Благодарю, у меня после твоего благословения, прям, камень с души упал.–иронично парирую .

-На самом деле, Олег, хочу тебя предостеречь, хотя ты и сам, думаю, все понимаешь.-серьезно начал он, отставив шутливый тон. Я обратился в слух и приподнял бровь, ожидая пояснений. И они тут же последовали.- Борьба за место в департаменте не шуточная и используют любую лазейку. Поэтому сейчас главное-сохранять безупречную репутация, а связь со вчерашней выпускницей школы вряд ли этому поспособствует.

Я засмеялся.

-Расслабься, Мих, я не собираюсь никоим образом афишировать эти отношения. Это всего лишь небольшое развлечение, дабы развеять скуку, а то жизнь стала совсем пресной. У каждого из нас есть свои маленькие радости, и я не исключение,- знаю, это звучало цинично, но правдиво, как мне кажется. Или точнее, как мне хотелось, чтобы было. В глубине души я понимал, что все гораздо сложнее.

-Саньч, да это понятно. “Немного радости” не повредит особенно тебе, но я к тому, что девочки в наше время-те еще штучки и могут изрядно попить кровушки, если только почуют уязвимое местечко, –заметил он, с чем я ни мог не согласиться.- Будь осторожнее, ты метишь на тепленькое, прибыльное, очень желанное место и чтобы до него добраться будут использовать любую возможность. Ты помнишь, что было в двух тысячно втором году?

-Гордеева имеешь в виду?- уточнил я, на что Миха кивнул.

-Ну, ты уж не сравнивай. Я не столь высокого полета птица. Да и времена другие.–отмахнулся я, но Миху мой ответ заставил лишь усмехнуться.

-Времена другие-это верно. Как по мне ; сейчас еще страшнее, чем раньше. Тогда хоть ты знал, кто на тебя что имеет. Сейчас же бьют из-подтишка в самый неожиданный момент, стоит только зазеваться. А политика –это просто такое красивое слово, прикрывающее сплошное жульё-ворьё, другими словами-волчара в овечьей шкуре. И честно, не понимаю я твое стремление окунуться в это болото.

-А я не совсем понимаю, причем тут сейчас мои отношения с девчонкой?– огрызнулся, начиная заводиться. К чему мне говорить вещи, которые я и сам знаю?! Чай немаленький мальчик; на сто раз продумал уже все. И прекрасно понимаю, что меня ждет в мире политики ; в какие игры и с кем придется играть, но я не могу топтаться на одном месте, мне необходимо движение вперед, покорение новых вершин. Такой уж я.

-Девчонка –это твое личное дело, конечно. Я просто пытаюсь тебя предостеречь, хотя знаю, ты в этом не нуждаешься. Но на правах друга, позволь, еще раз тебе напомнить. То, что в тебе заинтересован сам Богдан Юрьевич-палка о двух концах. Ты не хуже меня знаешь, что он за человек; его протекция-это считай благословение свыше, но если только ему что-то не понравится....-Антропов сделал многозначительную паузу, я тяжело вздохнул. Миха безусловно был прав и точно такие же мысли ни раз приходили мне в голову, но как говорится – волков бояться, в лес не ходить. Я не из пугливых, к тому же мои амбиции перестали соответствовать уровню игры, необходимо было двигаться дальше, что я и намеривался делать, не взирая на предостережения Михи, который продолжал освещать все неприглядные стороны моего недалекого будущего.

- Сейчас ты сам себе хозяин, но как только вступишь в должность, прощай свобода; будешь плясать под дудку Гордеева.

-В Москве все пляшут под Гордеевскую дудку, хотя они того или нет, поэтому я предпочитаю реально смотреть на вещи и извлекать из этого выгоду, так что иллюзия «свободы» мне ни к чему. На каждую силу, как говорится, есть еще большая сила. – холодно отвечаю, подводя итог нашего разговора.

-Только, на Гордеева все никак управу не найдут. –переключился Антропов, поняв, что дальнейшая дискуссия на тему моих стремлений

бессмысленна.

-Если бы не Богдан Юрьевич где бы мы были, Мих?! – напомнил другу.

-А я и не отрицаю. Гордеев тот еще феномен ; везде пролезет, отовсюду выползет. Умный он чертяга. С такого дна на такие высоты. – ответил Антропов задумчиво, я только согласно кивнул, погружаясь в свои мысли.

Мы подъехали к Де Марко и я почувствовал легкое возбуждение. Раздражение, как рукой сняло, стоило только подумать, что сейчас увижу свою девочку. Интересно, как она будет себя вести? Наверняка начнет нервничать. Но наблюдать за ее неловкостью и смущение стало одним из моих любимых занятий с тех пор, как встретил ее. С чувством азарта и предвкушения вхожу внутрь и быстро окидываю взглядом кафе, ища Чайку. Как только вижу ее, перехватывает дыхание. Тяжело сглатываю, жадно всматриваюсь в ее лицо и неприятно удивляюсь. Яна была какой-то угрюмой, поникшей, словно потеряла всякий интерес к жизни, лицо приобрело болезненную бледность. Глаза казались огромными из-за залегших под ними теней. Но даже такая измученная, она была прекрасна. Ее состояние обеспокоило меня, хотелось подойти и спросить, что случилось, но я решил сделать это позже. Хотя понимал, что наверняка она опять грузилась по поводу матери. Нужно настоять, чтобы прекратила быть страусом , зарывая голову в песок. Не монстр же ее мать, в конце-концов, хотя довольно странная женщина, как по мне. Ведь должна она понимать, что пустив дочь в открытое течение, велика вероятность, что та разобьется о скалы, наделав еще больше ошибок. Но, видимо, у мамыши Чайки иное мнение на сей счет. Удивительно, что меня так беспокоит данный вопрос. На кой черт мне сдались проблемы Токоревой? Сама заварила, пусть и расхлебывает, а я лично понаблюдаю, как она из этого дерьма будет выбираться. Хотя точно знаю, Чайка хрен выберется, с ее характером и темпераментом скорее захлебнется.

Погруженный в свои мысли и созерцание девчонки, не сразу замечаю подошедшую официантку и подозрительный взгляд Михи. Только стоило сделать заказ, как он со смешком заявил;

-Санныч, ты отжигашь однако.

Я непонимающе приподнял бровь, друг засмеялся.

-Никогда бы не подумал, что твоя цыпа –официантка. Ты че ее прям здесь склеил? Хотел бы я на это посмотреть. Хотя если ты, как сейчас ее чуть взглядом не сожрал, то немудрено, – хохотал Миха, вызывая у меня желание парочку раз вмазать ему для профилактики. Чертыхаюсь про себя, стараясь сохранить невозмутимое лицо.

-Антропов, уймись, Бога ради. Лучше пока бумаги просмотри, я потом время терять не хочу .

-Ну, еще бы?! Я бы тоже не хотел, будь у меня такая красопетка. – подмигнул Миха, а мне стало смешно. Такое чувство, будто нам не по тридцать семь, а по двадцать. В то время помню, чем девка красивее, сексуальней и эффектней, тем ты круче. Сейчас, надо признать, тоже приятно щекотало эго, что у тебя такая малышка, но желание спрятать ее ото всех исключительно для себя было сильнее.

-Чушь несешь какую-то! Да-а, чем ближе к сорока, так вы, Михал Сергеевич, какие-то озабоченные становитесь или причина в «головной боли» вашей благоверной? Говорят, с возрастом у баб мигрени-нормальное явления, особенно ближе к ночи,- подколот я его, но Миху так просто не поставишь в неловкое положение. Он лишь с веселой усмешкой парировал;

-Это однозначно, дружище, не про Викторию Викторовну . Чаще спасения в виде «головной боли» ищу я, но кого это волнует?! Долг есть долг. А уж более требовательного мытаря, чем моя жена сложно представить.

Я едва сдержал смех, представляя, как Вика требует «долг». Впрочем, не удивлен. Она хоть в чем алчная, ненасытная сука!

-Ну, что тебе сказать?! Радуйся, Мих ; о таких женах многие мечтают.- добродушно утешил я его. Миха, ухмыльнулся и кивнув, со смешком парировал;

-Ага, радуюсь каждый раз, представляя себя богомолем. Это у них же сексуальный канибализм?

Я не смог сдержаться и захохотал, Миха тут же присоединился ко мне. Просмеявшись, решили все же просмотреть некоторые бумаги в ожидание заказа. Вскоре разговор принял чисто деловой тон, и от бывшего веселья не осталось и следа. Пока я не оторвался на мгновение от бумаг и не увидел ее, отчего во рту пересохло.

Приближающаяся к нашему столику Чайка вызвала у меня смешанные чувства; я был против, чтобы она крутилась возле меня, когда я не один, и в тоже время так соскучился, что хотелось хотя бы услышать ее голосок. Зря вчера не позвонил, боясь, разбудить ее. Судя по внешнему виду, она все равно не спала-ревела полночи. От этого что-то внутри неприятно сжалось, я поморщился и перехватил взгляд Чайки, но тут же мои брови поползли вверх, ибо это был далеко не взгляд побитой собачонки. Глаза Янки горели от бешенства. Если бы можно было убивать взглядом, я бы уже был на пути к праотцам. Она быстро шла к нам, не отрывая от меня взгляда, пытаюсь им что-то сказать, чего я в общем-то не понимал, но мне это не нравилось. Ой, как не нравилось. Поэтому я также взглядом предупреждал ее, что сверну ей шею, пусть только попробует какую-нибудь херню ляпнуть.

Но девочка и не собиралась ничего говорить, молча подошла и начала расставлять напитки, не обращая на меня абсолютно никакого внимания, что было еще более подозрительно.

Миха же с улыбкой следил за ней, периодически поглядывая на меня, но я ничем не выдал себя. Пусть думает, что хочет. Только Антропов не из тех, кто просто так отступит, если уж ему захотелось до чего-то докопаться.

-Добрый день!-насмешливо обратился он к Чайке, подмигнув мне. Но Янка холодно ухмыльнулась и елеиным голосом пропела;

-На вашем месте, я бы не стала торопиться с выводами, еще не вечер.

Я усмехнулся, глядя на обалдевшего Миху. Яна же повернулась ко мне и прожгла презрительным взглядом, отчего я едва сдержал смехок. Интересно, с чего это мы такие манерные стали?! Но веселию моему пришел конец, когда она подошла практически вплотную ко мне, взяла с подноса горячий кофе и демонстративно так опрокинула мне на пах. Стоит ли рассказывать дальнейшее? Дикая боль вышибает весь воздух из моих

легких, сдерживаюсь из последних сил, чтобы не заорать благим матом, подскакиваю, опрокидывая массивный стул. Шок, полнейшая дезориентация и бешеная злость. Все как в тумане от ярости. Такого я не то, что не ожидал, такое мне в самом кошмарном сне не могло присниться. Она что, совсем рехнулась? Жить надоело? Боль была адской, обжигающей. Рвало от желание тут же оторвать башку этой дуре, но нужно было как-то облегчить состояние и я не знал, за что хвататься первым делом. Брюки и трусы промокли, чтобы не получить ожог нужно было их снять, но ярость затопила меня с ног до головы настолько, что я даже наплевал на возможные последствия. Желания прикончить суку на месте зашкаливало. Хватаю эту психопатку за руку, отчего на стол падает поднос с блюдами, сопровождаемый ужасным грохотом, привлекая внимание окружающих. Но мне было все равно . В эту минуту я готов убивать при свидетелях. Что мать ее, происходит?

-Ты совсем охренела?-заорал в бешенстве.

Эта же падла только усмехнулась и ехидно ответила, доводя меня до неконтролируемого состояния;

-Еще нет.

А потом я и сам не понял, что произошло. У меня зазвенело в ушах и на мгновение все поплыло перед глазами, щека загорела огнем. И это стало последней каплей, когда до меня дошло, что она залепила мне пощечину.

-А вот теперь возможно! Хотя ты заслужил козел! - сквозь бурлящую в ушах кровь, слышу голос сучки и зверею.

Не знаю, что бы я сделал в следующее мгновение, если бы не Миха, схвативший меня и позвавший охрану.

-Тихо, Саныч, ти-хо. – попытался утихомирить он меня, потому, как я абсолютно не контролировал ни себя, ни происходящее. Видел перед собой только ее довольное лицо, и желание закопать тут же зашкаливало.

-Чего встала, пошла отсюда?! - прорычал друг, обращаясь к Чайке. Тут же подросла охрана, администратор, началась суматоха. Миха возмущался, крича, что на работу уже берут психопаток, тем самым давая

понять, что мы не состоим с Чайкой в каких либо отношениях. В который раз поразился умению Антропова не теряться в разных ситуациях и обыгрывать их под себя. За что ему спасибо, я был не в том состоянии, чтобы думать о чем –то, кроме происходящего. Когда немного пришел в себя, боль в штанах уже была не такой сильной, мне повезло; кофе оказался не слишком горячим, но все равно меня колотило от ярости, от сознания, что эта маленькая дрянь позволила себе такую сцену. Мне было плевать на причины, девочка перешла все границы. Совсем страх потеряла. Охренела в конец! Такого не позволяла себе даже моя жена! Но эта...

Ну, сука, лучше бы тебе испариться, иначе я за себя не отвечаю! Хотя куда она теперь от меня денется?! По сути, я ее купил, взял в аренду. А плачу я исключительно за то, чтобы мне моя временная собственность, приносила пользу, а не вред. И если она еще не знает, что тот, кто кусает руку кормящего будет лизать ботинок, пинающий его, то пора девочке снять розовые очочки. А лизать она будет, просто потому что у нее выбора нет, сама себя загнала в ловушку; гордости, лжи и наверняка иллюзий о любви до гроба. Что же тем веселее.

Я не садист и не моральный урод. У меня не было никогда склонности психологически ломать людей, но она будит во мне какое-то иррациональное желание подчинить ее себе, своим правилам и порядкам. Сейчас же потребность в этом зашкаливала.

Я распалял сам себя, матеря ее, мысленно убивая. Передо мной суетились люди, но я искал взглядом Чайку. Только ее и след давно уже простыл. Трусливая курица!

Но если она думает, что так просто смоемся, то остается подивиться ее дурости. Я не понимал происходящего, и это бесило еще больше, но суть была, как я уже говорил, не в причинах. А в том, что какая-то поблядушка посмела выставить меня хрен пойми кем перед моим лучшим другом, да и вообще заварила такую кашу. Она еще не поняла свое место в этой жизни? ! О, ну, значит, я ее как вредную кошку натыкаю носом в ее дерьмо.

С этими мыслями я сел в машину, послав всех этих гавножуев из Де Марко с их извинениями и прочей мутью.

Весь вид друга кричал о том, что его сейчас разорвет, если он что-

нибудь не скажет. Но если он только заикнется, то я сам лично порву его на кусочки, о чем сразу же предупредил, едва цедя слова;

-Ни одного слова!

Но на Миху мой угрожающий тон не произвел ни малейшего впечатления и он все же высказался;

-Вот об этом я тебя и предупреждал. Восемнадцатилетние девочки полны сюрпризов, впрочем, женщины они вообще такие-непредсказуемые создания, но чем моложе, тем взрывоопаснее.

Я ничего не ответил, мне было абсолютно не до Антроповских разглагольствований. Поэтому, как только подъехали к моему дому, сухо попрощался и поскорее поспешил в квартиру, чтобы переодеться, а после.... После не завидую я Чайке.

В квартиру на Мытной я в буквальном смысле ворвался, чуть ли не с пинка открыв дверь, отчего она с грохотом ударилась о стену напротив. Влетаю в спальню и вижу, как Чайка невозмутимо скидывает одежду в сумку, не замечая меня, взвинчивая нервы до предела, хотя казалось бы – куда еще? Но этот ее видок типа меня вовсе не существует–это уже слишком.

О, нет, птичка моя, не проканаает ! Думаешь, я не знаю, что у тебя от одного моего взгляда душа в пятках?

Подхожу к кровати, пинаю дорожную сумку, ставшую на моем пути, она отлетает в другой конец комнаты, отчего вещи Чайки разлетаются по сторонам, а она сама, вздрогнув, замирает на месте.

-Не подходи ко мне!-закричала так, словно ее убивают, что доводит до неконтролируемой ярости.

-Да заткнись ты!

-С какой стати ты трогаешь мои вещи, придурок, ты их не покупал!

-С такой, бл*дь, что ты испортила мой любимый костюм, а он стоит

дороже, чем ты!

Она замирает, шокированная моей грубостью. А после смотрит на меня презрительно и выплевывает лишь одно слово, как какую-то мерзость;

-Свинья!

Перепираться с ней, не входило в мои планы, у меня вообще не было никаких планов. Я просто хотел выплеснуть свою ярость. Хватаю ее за руку, она вскрикивает и со всего размаха в очередной раз ударяет меня по лицу. Щека горит огнем. Я сатанею. Какого, бл*дь, черта она себе позволяет?!

-Не смей меня трогать, ты-кусоч дерьма! –орет эта идиотка, словно это я ей залепил пощечину, может, и стоит, чтобы уже пришла в себя.

-Заткни глотку, дура, пока я не свернул тебе шею! – цежу сквозь зубы, пытаюсь справиться с сопротивляющейся Чайкой.

Я никогда не применял к женщине физическую силу, даже с Ленкой, хотя выводила она меня тоже будь здоров, но с этой курицей на конструктивный диалог рассчитывать не приходится. Хотя после того, что она сделала, пора бы ей преподать урок. Женщины ведь хотят равноправия. Ну, ради Бога – кровь за кровь, что как говорится. А то как-то интересно получается; где выгодно, дамы эмансипированы, а где нет, так сразу одна откоряка « ну, я же женщина». Считает ,что может ударить меня и отделаться легким испугом? Я ведь будучи «настоящим мужчиной» - какое однако удобное понятие, приспособленное под бабские нужды. Так вот, будучи этим самым-НАСТОЯЩИМ мужчиной, на преимущество в виде силы не имею право, но ей на каком-то основании разрешается приложить меня со всей дури. Просто потому, что она же женщина. Нет, никакая она не женщина еще, а ребенок. Бестолковый, строптивый, испорченный ребенок. Ну, а коли так, то и действовать нужно методами соответствующими.

Блокирую ей рук, но Чайка тут же начинает активно работать ногами, пиная, куда придется. Шустрая сука!

Вся эта наша возня заводит, вызывая неконтролируемую агрессию на каком-то примитивно-первобытном уровне. Но мне все это порядком надоело.

Толкнув ее на кровать, усаживаюсь сверху, заламываю руки за спину, чтобы она уже уgomонилась и перестала орать. Ее крики слух резали, доводя до белого каления, а уж что она кричала-даже повторять не хочется, я такие матерки за свою жизнь не слышал. Колхозница! Связался же на свою голову с быдлярной девкой! Пора бы ее научить манерам.

В моей голове вдруг рождается абсолютно идиотская идея, но, тем не менее, мне она нравится. Сместившись чуть ниже, продолжаю удерживать Чайку одной рукой, а второй начинаю стаскивать с нее спортивные штаны, отчего она пораженно застывает, облегчая мне задачу. Но как только перед глазами предстает сексуальная попка, упакованная в кружевные трусики все мысли вылетают из головы, завожусь с пол-оборота, и не контролируя себя протягиваю руку, чтобы сжать упругую ягодичу, но девчонка начинает дергаться, чем остужает мой пыл.

-Отпусти меня извращенец гребанный! Трахай свою женушку!- выдает она какую-то чушь, в которую я уже даже не вслушиваюсь, заведенный до предела. И все же «извращенец» и «трахай» вызывают азартное предвкушение, но сначала....

Заношу руку и с размаху, не жалея и не делая поблажек, опускаю со звонким шлепком, вырывая у Чайки оглушительный крик.

-Ты что, чокнулся? – выдыхает она в бешенстве.

-Нет, чокнулась у нас ты, когда устроила шоу в Де Марко. Это за пролитый кофе, девочка! А это...- вновь ударяю с той же силой, -За то, что посмела ударить, а это...

-Ты совсем спятил?! Я тебе не ребенок! – кричит она в слезах.

-Не-ет, ты именно ребенок! И если тебя не воспитала мамочка, как следует, то я восполню пробелы. – цежу, ударяя в очередной раз.

-Ублюдок!-шепчет обессиленно, понимая, что попытки вырваться

бесполезны.

-Лучше придержи язык, иначе сидеть на жопе ты точно не сможешь, - предупреждаю холодно, хотя самого трясет от бешенства.

Еще огрызается сучка!

Зверею, вспоминая все, что она натворила. В штанах до сих пор жжет, возможно, следовало бы обратиться к врачу, но месть приоритетнее и с этой дурочкой ее лучше подавать в горячем виде. До «холодной» она еще не доросла!

Припечатываю ее к кровати, удерживая одновременно руки и хлещу раскаленной ладонью по заднице, оставляя красные, воспаленные следы пальцев на нежной коже, озвучивая за какие-такие заслуги. Чайка больше не сопротивляется, молча переносит наказание и эта покорность раздражала еще больше, потому что заставляла чувствовать себя каким-то чудовищем. Вновь заношу руку, чтобы ударить, Янка вздрагивает, но не издает больше ни звука. Уткнувшись в матрас лицом, дрожит, вцепившись побелевшими пальчиками в простынь. И у меня не хватает духу снова причинить ей боль. Смотрю на нее сжавшуюся в комок, и внутри что-то сжимается от этой картины. Придурок я, конченный придурок! Но вот что мне с этой дурехой делать? Чувствую себя натуральным мудаком, каким – то животным. Хочется прижать ее к себе, стереть с прекрасного лица слезы и извинится за этот жестокий бред. Целовать каждый сантиметр ее воспаленной, наверняка горячей кожи, пытаюсь губами унять боль. Но я однозначно не дам слабину, иначе какой смысл был во всей этой экзекуции. Хотя сомневаюсь, что он вообще был...Но главное, ей этого не показывать, а то девочка тут же присядет на шею и ноги свесит.

Поднимаюсь и невозмутимо, хотя эта невозмутимость дается с огромным трудом, произношу, садясь в кресло напротив кровати;

-Ну, а теперь, объяснись милая, по какому поводу цирк.

Янка медленно встает, неловко как-то, скованно. На меня не смотрит и кажется, даже не слышит, погруженная в себя. Лихорадочно натягивает штаны. Подбородок дрожит от сдерживаемых слез, губы искусаны в кровь, взгляд расфокусирован, мечется по полу. Она начинает делать вид, что

слишком занята, собирая раскиданные вещи. Пытается показать мне, что ей плевать, но играть еще не научилась и вместо того, чтобы казаться гордой, выглядит жалко. Хотя это я жалок, что довел девчонку до такого состояния. Морщусь, наблюдая за ее суетой на грани истерики, злюсь на самого себя, не в силах смотреть на ее потуги сохранить подобие достоинства, когда это я должен стыдиться, а не она. И эта мысль вновь вызывает раздражение, которое я конечно же выплеснул на нее.

-Ты что, язык проглотила?! Прекращай возню и отвечай на вопрос! – рычу, мысленно коря себя за резкость и излишнюю жесткость. Но надо же как-то приводить ее в чувство.

Чайка вздрогнула, но тут же обожгла меня бешеным взглядом.

Я доволен или скорее облегченно усмехнулся. Сработало. Узнаю мою девочку.

-Пошел на хрен, ты-убогий мужичонка! Хотя тебя даже мужчиной после этого язык не поворачивается назвать. Ты мне противен. – выплевывает она, придя окончательно в себя. Ее тирада меня искренни забавляет.

-Да что ты говоришь?! Не провоцируй меня, малыш, я ведь могу не сдержаться и мы проверим, насколько тебе «противен» «убогий мужичонка» в моем лице и насколько я «мужчина».

Янка вызывающе усмехнулась и покачив головой, подошла ближе и наклонившись, с каким-то превосходством предупредила;

-Нет, Гладышев, это лучше тебе не провоцировать меня, если не хочешь, чтобы твоя благоверная узнала, какой ты кобель.

Пытаюсь понять, о чем речь, но как не стараюсь, не доходит.

-Что за муть ты несешь?

-О, пожалуйста, прекрати! - морщится она, - Я все видела!

Втягиваю с шумом воздух, начиная в очередной раз, заводится.

-Что ты видела?- спрашиваю спокойно, едва сдерживая раздражение.

Чайка качает головой с улыбкой, а в глазах блестят слезы.

-Я видела, Олег, все видела! – повторяет она дрожащим голосом, а потом шепотом спрашивает с таким обличием и осуждением, что мне не по себе, хоть я и не понимаю ни хрена. Ее тихий голос звучит громче крика. – Как вы можете так?! Мужчины... Как у вас так получается? Без сожалений, без стыда, без совести...В пять Алена, в шесть Даша, а после семи «Прости, так много работы, устал. Что на ужин?». Она, наверное, с тобой с самого начала, да? С тобой тем, где у тебя за душой ни хрена, кроме этой самой души. Ну, ладно я... Кто я? Игрушка, развлечение-что еще ужаснее. Знаешь, можно оправдать и понять, наверное, если бы ты любил меня. Но предавать женщину, которая с тобой от начала до конца, женщину, которая делит с тобой эту жизнь пополам, которая с тобой будет нянчить внуков...предавать, просто потому, что тебе скучно...Это так омерзительно. Как ты можешь так, скажи? Я не понимаю...Неужели у тебя там –внутри, не скребет, неужели ничего не чувствуешь, когда со мной, зная, что тебя жена и ребенок ждут?

Она прерывается, слезы текут по ее щекам, а я просто не знаю, что сказать и сделать. Не понимаю ни хрена, кроме того, что меня обвиняют в чем-то. Шокировала как-то ее речь, вызывающая к моей совести. И хоть «без меня, меня женили» что как говорится, но даже не будучи виноватым, почувствовал себя неловко. Засвербило там ..внутри от того, что творю черте что с девчонкой.

-Слушай...-начал было я, но она жестом остановила.

-Все, не надо ничего объяснять! Я ухожу.

Мои брови взлетают вверх, и я невольно начинаю смеяться над этим цирком. Что, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, происходит?! Репетиция монолога для «Щуки»?

-Я и не собирался, –холодно парирую, на что она отвечает горькой усмешкой;

-Ну, да...Что-то я совсем размечталась.

Подхватив сумку, идет на выход, вызывая у меня уже не просто изумление, а огромные сомнения в ее адекватности. Хотя если вспомнить, то для восемнадцати лет разборки в духе бразильского сериала вполне уместны, беда в том, что я «чуть» старше, и свое уже отбегал, пытаюсь докопаться до сути, в чем меня обвиняют. Сейчас же на этот идиотизм нет ни времени, ни желания. Если девочка хочет получать дивиденды, то ей пора взрослеть.

- И куда ты собралась?

-Не твоё дело!

-Слышь, задницу прижми и уже объясни, в чем проблема. Ребусы твои отгадывать не собираюсь.

Чайка застывает и резко обернувшись, обжигает меня яростным взглядом.

-Слышь! –язвит она, демонстративно выделяя это словцо, а после уже возмущенно продолжает, - Да кем ты себя возомнил? Ты кто вообще такой, чтобы указывать мне, что делать и тем более поднимать на меня руку? Со своей женой так общайся!

-Какой женой, мать твою? – не выдержав, повышаю голос. У Янки вырывается истеричный смешок.

-Боже, как же ты жалок!

-О, я тебя умоляю! Не надо передо мной строить не бог весть кого и пафосные речи толкать. Не по Сеньке шапка!- насмешливо прерываю ее, она краснеет, но взгляд не отводит.

-Пусть не по Сеньке. Но ты все же выглядишь жалко, делая вид, что не понимаешь о чем речь. Может, мне надо было вчера подойти к тебе в ГУМе и нарушить вашу семейную идиллию? А ? Облегчу тебе сразу задачу и скажу, что объяснения в духе «ты не так поняла» не проканают, ты ведь не будешь отрицать, что та девочка, надо отметить, почти моя ровесница-твоя

дочь. Или она просто спутала тебя с кем –то?

До меня, наконец-то, дошло. И честно, я с ужасом представил, если бы она вчера провернула сегодняшнюю сцену. Видимо, мозги у нее все же есть, раз сдержалась. Похвально.

Сейчас же ее угрозы, предположения и выводы веселили , и я едва справлялся с приступом смеха. Ну, смешно же! Вот дурочка-то! Обкурилась что ли?! Напридумывала себе черте что и сама же страдает. Впрочем, бабы все такие. А потом претензии предъявляют. Ну, чтоб зря не выставляла, подыграю ей, посмотрю, правда моралистка или выделяется. Наверное, я все же моральный садист.

«Не хорошо, Олег Александрович, играть чувствами человека. Ой, как не хорошо!» -шепчет совесть. Но когда я ее слушал?! Тем более, что уж очень соблазн велик проверить Чайку на вшивость.

Глава 13.2

-Это и есть причина данного шоу? –изумляюсь вполне себе даже искренне, хотя шок Чайки мне понятен. Та в свою очередь смотрит на меня взглядом «все ли у тебя с головой в порядке», а после со смешком изумленно резюмирует;

- Я честно охреневаю с тебя, Олег!

-А я с тебя. – парирую незамедлительно и сразу же издевательски поясняю, - Ты мне ответь, неужели в твою голову за все это время ни разу не приходила мысль, что если мужчине тридцать семь лет, то вряд ли ты первая женщина в его жизни?

-Не разговаривай со мной, как с идиоткой! –цедит она сквозь зубы, окатив меня яростным взглядом.

-Так ты не веди себя, как идиотка!

-Я не идиотка, осел! –вскричала она. Я же холодно оборвал ее;

-За языком следи, а то вижу; от жопы отлегло.

-Да пошел ты! Строишь тут из себя, хрен пойми кого; включаешь идиота, а на самом деле, трусливый козел! Поясняю; я прекрасно понимала, что ты трахался и до меня, но узнать, что ты женат– это совершенно разные вещи! Ясно тебе или по твоему, это херня?-продолжала она орать, как базарная баба. Морщусь от раздражения и пошлости происходящего, перетекающего за границы тех отношений, которые я наметил. И чувство у меня такое, словно удавка на шее затягивается и потихонечку начинает меня поддушивать этими ее упреками, обидами, словно я ей что-то должен, словно что-то обещал, словно принадлежу ей, и она имеет право трахать мне мозги. Нет, девочка, ты определенно что-то перепутала! Трахаю здесь исключительно я! Пора это выдолбить в коре головного мозга.

-По-моему, ты забываешься, дорогуша! Давай я тебе еще раз кое-что поясню, если не доходит. Я разве тебя в чем-то обманул?

Она задохнулась от возмущения, видимо, не согласная с этим, но я не дал ей и рта раскрыть.

На сегодня ее бреда было более, чем достаточно.

-Я ни в чем тебя не обманул. Это твоя проблема, что ты не задалась ни разу вопросом о моей личной жизни. А вообще, учитывая твое согласие на предложенные мной отношения, характер и специфику которых я тебе еще в начале расписал в красках, видеть такое возмущение сейчас-это, по меньшей мере, странно, разве нет?

Приподнимаю бровь. Она же опускает потухший взгляд, тем самым признавая логичность моих аргументов. Да только от этого ее обреченного согласия какое –то послевкусие мерзкое, но я уже не могу остановиться. Злость за произошедшее в Де Марко до сих пор не утихла.

-Какая разница женат, не женат, если ты в моей жизни, грубо говоря, по средам и пятницам после семи? –невозмутимо интересуюсь, успокаивая свою совесть тем, что просто взываю к логике девчонки, а не стараюсь унижить. Но ведь унижаю! Зачем? Хрен его знает! Ведь ни удовлетворения, ни радости не почувствую. Наверное, прозвучит до смешного примитивно и заезжено, но видимо, просто я такой; тиран, зануда и манипулятор-как она говорит.

Всматриваюсь в ее бледное, заплаканное личико; совсем юное, детское даже, несмотря на откровенную сексуальность, и сам себе поражаюсь. Как мог в такое влипнуть? С кем вообще пытаюсь вести диалог?! Ей не мужик нужен, а нянька! У меня точно крыша поехала, когда захотел эту девчонку. Но последующие слова Яны, словно очередной вызов действуют на меня, вычеркивая мысли о ее юном возрасте.

-Ну, теперь я поняла, что мне это все не нужно. –пожимает она плечами полностью овладев собой, хотя все равно выглядит, как побитый щенок.

-Мм..А позволь уточнить, ты это поняла, когда узнала, что я женат?- с изрядной долей сарказма поинтересовался, на что Чайка лаконично ответила ;

-Да .

-То есть до этого момента тебя все устраивало, я правильно понимаю?- допытываюсь с очевидным пристрастием, что заставляет девчонку нахмурится и начать возражать;

-Нет, не все, но...

-Но! –с воодушевлением перебиваю ее, дождавшись нужного ответа. Встаю с кресла и подхожу к окну, Чайка следит за мной настороженным взглядом, в котором проскальзывает паника, но старается не показывать свою напряженность. Я же продолжаю, - Но мы на что-то рассчитывали, верно? А тут, понимаешь ли, бац-и жена, как приговор всем намеченным планам!

Чайка краснеет, я же едва сдерживаю смех и в тоже время стон. Вот знал же, что так будет; намечтает, надумает, а я потом виноват.

- Запомни, ради бога! Неважно, совершенно неважно женат или нет, свою позицию я четко обозначил сразу и она не изменится, как не старайся.

-Да это уж я поняла.- усмехнулась она сквозь слезы. Я оборачиваюсь к ней и пристально вглядываюсь.

-Ну, раз поняла, объясни мне, я –то причем, если ты что-то там себе в голове накрутила? –подвожу, наконец-то, свою речь к главному вопросу.

Янка качает головой, а после начинает смеяться, скрывая за этим смехом слезы.

-Ну, да...Ты, как всегда, сделал меня Олег Александрович! – хлопает она, отвесив поклон, но заметив, что я начинаю приближаться , маска веселия спадает. Чайка замирает, как вкопанная и немигающим взглядом следит за мной.

Останавливаюсь в шаге от нее. Вдыхаю едва уловимый аромат, неприукрашенный ни каким парфюмом, и меня начинает ломать от желания прикоснуться к ней, но сначала нужно объяснить кое-что.

-Ты вновь неправильно расставила акценты малыш. Я не участвую в соревнованиях «кто здесь главный» , потому, как не вижу смысла доказывать очевидные вещи. Единственное, чего мне хочется, чтобы ты вела себя не как взбалмошный ребенок. Это не игрушки, и пора бы уже взрослеть.

- А я не хочу взрослеть, мне больше по душе «игрушки». У детей хоть все просто; поцеловались-значит любовь –морковь, а то у взрослых - трахаются и все никак не поймут, что между ними происходит.-запальчиво сообщает она и поднимает сумку с пола, вызывая у меня улыбку.

Действительно ; чем моложе, тем все проще. Не знаю, для чего я сейчас еще больше усложняю ситуацию, не переубеждая ее в отношении моего семейного положения. За каким вообще взялся ее проверять? Ведь знаю все наперед. Она же как на ладони; без фальши, без хитрости, без планов на будущее и меркантильных целей. Простая, порывистая, глупая в силу возраста, безбашеная.

Пора заканчивать цирк. Мне все это надоело. Уроков на сегодня достаточно. Постепенно воспитаю девочку под себя. Терпение, Гладышев, ТЕРПЕНИЕ! Молодое деревце надо сгибать потихонечку, иначе сломается.

Подхожу к ней, обхватываю ладонями лицо. Чайка пытается вырваться, но я не позволяю.

-Ну, хватит! –произношу ласково, намереваясь поцеловать. Она сопротивляется, но будучи зажатой между стеной и моим телом, шансы ее не велики.

-Прекрати. – просит дрожащим голосом, замерев, пронзая меня горящим взглядом. Но прерывистое дыхание и дрожь выдают с головой ее возбужденное состояние. Наслаждаюсь этой растерянностью и неумением скрывать примитивные, «низменные» желания, инстинкты. Они заводят.

Наклоняюсь, ловлю ее судорожный вздох.

-Не прикасайся ко мне! Целуй свою жену!- слабый протест в духе детского сада слетает с ее губ, что веселит меня.

-Шшш, я соскучился.- шепчу, нежно целую ее в уголок рта. Она дрожит.

-Это мерзко...-выдавливает из себя беспомощно, когда я провожу языком по ее соленым губам.

-Не обманывай. Ты хочешь...-выдыхаю между поцелуями, спускаясь к шее, легонько прижимаясь губами к сонной артерии, чувствуя биение пульса.

-Не хочу.

- У тебя пульс ускорился, малыш.

- Это всего лишь физиология. Ты мне неприятен.

-Тебе будет приятно, - обещаю с усмешкой, продолжая целовать, уверенный, что она уже сдалась, но с этой девушкой нельзя быть в чем-то уверенным. Вместо предполагаемой капитуляции, она резко отталкивает меня, отчего я становлюсь на мгновение дезориентированным.

-Я тебя ненавижу. Ненавижу все, что ты собой олицетворяешь, зажавшийся, аморальный, высокомерный ублюдок! – кричит она в слезах, пятясь к выходу, подбирая разбросанные вещи и скомкав, заталкивает их в

сумку. Я же только сейчас понял, что Чайка на грани истерики, а не сгорает от желания.

Мда, кажется, переборщил я с проверками. И так понятно, что у нее гордости больше, чем мозгов. Даже если бы она задалась вопросом выгоды, все равно бы пошла на поводу у гордыни и устроила концерт. Простая она, как сибирский валенок.

И это вызывает у меня какое-то, наверное, чувство стыда и неловкости. Но чтобы скрыть замешательство, раздраженно произношу;

-Хочу напомнить, что это не я согласился спать за деньги.

-Засунь себе в зад свои напоминания! Я согласилась только потому, потому...-и тут она замолкает к моему великому облегчению. В это мгновение я счастлив, что Чайка гордая птица и не станет взывать к моей совести, вызывая жалость неуместными, ненужными признаниями, ибо я не хочу делать ей больнее, игнорируя ее «люблю», под которым она хрен пойми что подразумевает.

И все же, стоит быть откровенным с собой, эта девочка мне не безразлична, поэтому, когда она в следующее мгновение ничего более не говоря, разворачивается, собираясь покинуть квартиру, я иду следом и пытаюсь одной фразой напомнить ей о незавидном положении, в котором она оказалась ;

-Не будь дурой! Куда ты собралась?

Яна замирает, а затем, медленно обернувшись, смотрит на меня презрительно, но при этом холодно произносит;

- Я лучше буду дурой, Олег, приползу на коленях к маме, проглочу свою гордость, но никогда не свяжусь с женатым мужиком. У всех есть табу, считай, что у меня оно таково. Хотя ты обо мне невысокого мнения, но знаешь, у меня тоже есть принципы.

-Какая избирательная нравственность, - съязвил я по привычке, на что она ответила тем же.

-Лучше «избирательная», чем ее полное отсутствие!

-Слушай...., - начал я, собираясь положить конец этому цирку и уже признать, что нет у меня никакой жены, дабы уговорить Чайку, а то роль поборницы морали ей так же к лицу, как корове седло. Но она не позволила мне продолжить, выдав целую тираду, которая расставила все точки над «i» и заставила меня пожалеть еще больше о попытке проверить границы допустимого девчонки.

-Нет, это ты послушай! К моей матери таскался один женатик, в любви признавался, кормил обещаниями, что скоро уйдет от семьи. А когда мать забеременела, благополучно смылся, но суть не в том, что я боюсь повторить ее судьбу. Просто меня тошнит от мужиков подобных тебе и этому ублюдку-моему папаше. Что тебе не живется? Ведь у тебя красивая жена, для чего нужно трахаться на стороне?!

-Да, нет у меня никакой жены, кроме бывшей! Понимаешь, что это значит или ты настолько дура, что не доходит?! –взорвался я.

Яна замолчала и несколько минут ошарашенно на меня смотрела. Я же понемногу успокаивался и с интересом следил за сменой эмоций, проскальзывающих на ее лице-от непонимания, через шок, догадки, страх и облегчение, а потом в глубине ее глаз застыло нечто такое, что сложно объяснить, но я понял, расслабляться рано.

У нее вырвался смешок-первый звук после нескольких минут полнейшего шока.

-То есть ты разведен? –уточнила она холодно, с какой-то даже надменностью, тем самым поражая меня. Удивительно, что после всего произошедшего, я еще должен объясняться. Честно признаться; такого поворота я не ожидал. Вообще, вся эта ситуация, эти идиотские отношения, вышедшие из-под моего контроля всего за считанные часы, напрягали и отдавали неприятным душком опасности моей прежней, спокойной жизни. Но, кажется, я влип конкретно, раз до сих пор участвую в этом...

-Блестяще! Аплодирую стоя твоему умению-делать очевидные выводы с таким видом, будто открыла, по меньшей мере, восьмое чудо света, - язвлю, выплескивая свое раздражение, но Чайка не пасует. Эта девочка, как

оказалось, умеет держать удар. И надо признать, я уважаю ее за это.

-А я вот не привыкла лицемерить, поэтому садизм в чистом виде могу лишь освистать, но возможно, это был склероз или еще что-то такое ... М-м? - иронизирует она с ядовитой ухмылкой на этих красивых губах.

О, как же она притягательна в гневе и в этой сардонической иронии. Но что главное, как быстро уловила суть. Я невольно восхищен и сейчас действительно «аплодирую стоя». Немыслимо, насколько стремительно все с ней меняется. Она и вправду этот чертов кубик –рубик и далеко не так проста, как я отметил ранее . Однозначно, у девчонки есть потенциал стать той еще стервой. Но оттачивать свое мастерство она будет на других мужиках!

-Лицемерить? Ты явно что-то напутала! Это была ирония. –сообщаю ей снисходительно, стараясь сбить Чайку с намеченного курса беседы. Я знаю, что был не прав, промолчав, когда она начала меня обвинять, но после устроенного концерта в Де Марко, пусть считает это заслуженным наказанием. Это надо же доумиться –вылить кипяток на яйца! Вообще дура-девка!

-Когда ты собирался сказать правду? И вообще собирался ли? – спрашивает она, проигнорировав мои попытки сменить тему.

Ее пытливый взгляд вновь вызывает к совести , но я не привык оправдываться. Да и вообще с какой стати?!

-Какую правду? Ты сама что-то себе напридумывала, а я теперь виноват?!- спокойно парирую, отвечая на ее прожигающий взгляд невозмутимым. Чайка усмехнулась невесело, вызывая у меня натуральный стыд.

-Но ты не спешил положить конец моим ошибочным предположениям. Наблюдал, развлекался... Надеюсь, повеселился от души?

-Не надо драматизировать! –поморщился я, но она даже не слушала меня, погруженная в себя.

-Ну, ты и мерзавец!

-А ты у нас, бл*дь, святая! Скажи спасибо, что я тебя по стенке не размазал за твои выходки, -повысил я голос.

Как она лихо стрелки переводит. Нет, я конечно, тоже хорош, но ей строить из себя великомученицу –просто смешно! Актриса, блин, погорелого театра. Хотя женщины все такие; считай, ты не баба, если не заставила мужика почувствовать себя виноватым во всех твоих проблемах.

-Да лучше бы по стенке размазал, чем ставил садистские эксперименты! Страшный ты человек, Гладышев! – покачала она головой.

-Ну, да.- усмехнулся я, не в силах сдержать сарказм. –И что дальше?

Но она не ответила, развернулась и хлопнув дверью, ушла, оставляя меня в состоянии дикого раздражения и недоумения. Я не мог поверить, что она просто вот так взяла и ушла.

Да и пусть катится, идиотка! –кинул я в сердцах, расхаживая взад-вперед. Но через минут десять все-таки признал, что такой конец меня не устраивает! Будет еще какая-то сучка малолетняя диктовать свои условия! У меня время нерезиновое, чтобы тратить его просто так. Да и деньги на ветер пускать не привык, а эта квартирка не из дешевых, так что пусть отрабатывает.

Вообще, конечно, лучше было бы без лишних разговоров самому вышвырнуть к чертям собачьим и дело с концом. Казалось бы, ушла, можно успокоиться. Но мне, бл*дь, почему –то не спокойно! Не могу ее отпустить. Как бы не убеждал себя, что она мне никто и без сожаления брошу в любую минуту, а все равно волнуюсь за нее, тянет к ней, поэтому не только не могу отпустить, но и не хочу этого делать. Не сегодня. Не сейчас. Пока еще не время.

В связи с данным решением хватаю куртку и иду на поиски этой гордой дуры, успокаивая себя тем, что просто не хочу, чтобы Чайка влипла в неприятности; неизвестно, куда она сейчас направится, и что будет делать.

Нашел я ее на остановке, недалеко от дома. Опустив голову, она сидела

на обледенелой лавке и плакала, хоть и старательно делала вид, что просто рассматривает асфальт. Впрочем, окружающим было все равно, чем она там занята. Каждый был погружен в свои заботы и проблемы, мечтая поскорее попасть домой. Я же, словно на секунду превратился в стороннего наблюдателя и абсолютно беспристрастно взглянул на эту мини-сцену под названием «реальная жизнь». Мне стало не по себе от сей картины всеобщего пофигизма. Заболело внутри от неприкрытой ничем боли и обиды молоденькой девчонки, только-только начинающей жить. У меня было чувство, что она стоит совершенно голая на этой остановке, сжалась в комок от обреченности и не знает, как согреться, куда спрятаться. И я злюсь на себя за то, что довел ее до такого состояния, на нее злюсь, что спровоцировала меня на это.

Втягиваю с шумом морозный воздух, обжигающий глотку. Холодноовато, однако, для ноября. – проскальзывает совершенно не в тему мысль, но тут же забывается. Подхожу к Чайке, она даже не замечает меня. Беру ее сумку с лавки, и осторожно коснувшись ее плеча, отчего она вздрогнула, коротко бросил, кивнув головой в сторону дома;

-Пошли.

Она медленно поднимает голову и смотрит несколько секунд пристально, а потом у нее вырывается смешок. Прикусывает дрожащую губу, вновь склоняет голову и бесцветным голосом шепчет;

-Уходи.

-Вставай, хватит придуливаться!-произношу резче, чем следовало, подхватив ее под руку, заставляя подняться.

Она вскакивает с лавки, вырывая руку, смотрит на меня бешеным взглядом и цедит;

-Пошел к черту, ты....

-Рот закрой! Не устраивай сцен! – рычу, начиная заводиться.

На нас стали поглядывать. Ты смотри, очнулись сволочи, как только почуяли запах жареного.

-Тогда оставь меня в покое, видеть тебя не хочу!

-Да угомонись уже! Быстро пошла, я тебе сказал!- едва сдерживаясь, шиплю звенящим от ярости голосом.

-Э, мужик, ты че к девке привязался?! Она же тебе сказала все. Отвали по-хорошему!- раздался за спиной голос какого-то фраерка прибалтненного .

Оборачиваюсь. Передо мной, как я и предполагал-какой-то уголовник. Роба такая чисто эковская; серо-желтая кожа, обтянувшая яйцевидный черепок, парочка золотых зубов. На башке типичная, бичевская фуражка. Наверняка Чайку уже давно приметил, а тут я всю малину подпортил.

Но петушок видать без тормозов; решил проверить лох я или лучше не встречать. Вот не мешало бы ему заткнуться и не доводить меня до бешенства.

-Слышь, ты не быкуй! Иди, куда шел. –полуобернувшись, даже не глядя, бросил я этому быдляку. Но он походу пробитый наглушняк-опасности не чувствует или специально нарывается. Последующие слова заставляют меня замереть на полуобороте на мгновение, проверяя; не ослышался ли я, но на слух никогда не жаловался. Медленно поворачиваюсь, ярость накрывает с головой, когда этот зэчара выдает ;

-Ага, бл*дь, уже бегу! Ты ох*ел что ли?! Че, будешь мне указывать здесь, че делать?! Так я щас...

-Что ты сказал, чертила? -перебиваю, решительно направляясь в его сторону, - Я тебя башкой в асфальт сейчас воткну, если метлу свою не завяжешь!

-Ты кого чертилой назвал, п*дор?! – петушится гаденыш, кидаясь в мою сторону с кулаками. Запоздалый уклон не спасает от удара и его кулак прилетает мне в скулу, но все же джеб получается смазанным. Правда, мне этого хватило, чтобы озвереть, как только почувствовал металлический привкус крови.

Стоило ему дернуться, как я тут же сделал подсечку и со всего размаха пнул ублюдку под дых, не думая, что у этого бедолаги может случиться разрыв желудка или еще чего-нибудь. В это мгновение мне было абсолютно на это плевать, как и на бабский визг, раздавшийся со всех сторон, я просто был в бешенстве, и мне хотелось выплеснуть всю свою ярость, накопленную с утра вот таким варварским, примитивным способом. И честно признаюсь, я получил какое-то извращенное удовлетворение на грани удовольствия, когда мужичонка скорчился на асфальте от агонизирующей боли и вытаращив глаза, начал хватать посиневшими губами воздух, но при этом все же выдавил из себя, харкая кровью;

-Сука, ты попал!

Эта фраза вызвала очередную вспышку ярости, и я ударил ублюдка в челюсть, отчего он сразу же отключился. Я даже удивился, что до сих пор могу вырубать с одного удара. В девяностые это умение не раз спасало меня, когда приходилось участвовать в групповом побоище.

Кто-то пронзительно закричал от ужаса. Я же лишь усмехнулся, немного жалея, что все так быстро закончилось. Даже размяться, как следует, не успел. Но, как оказалось, еще не вечер. Тут сзади на меня кто-то налетел. Чайка завизжала, ее голос невозможно не узнать, а в следующую секунду у меня все поплыло перед глазами. Боль разлилась по всему лицу, когда кто-то сбоку ударил меня, но злость быстро ее купировала. Сплюываю кровь, быстро проверяю-все ли зубы целы. Резко поворачиваюсь и сразу же уклоняюсь, заранее предвидя удар, а после бью в почку, исполняя классическую комбинацию.

Какой-то бугай под два метра выгибается дугой, я же не медля наношу следующий удар в челюсть, пытаюсь нокаутировать здоровяка. Но он только пошатнулся. Крепкая падла.

-Прекратите! Пожалуйста, кто-нибудь вызовите полицию . - орет какая-то бабка, отвлекая меня на мгновение. И мне тут же прилетает, но я ничего не чувствую, находясь в состоянии аффекта. А после окончательно слетаю с катушек, когда глаз начинает заливать кровью. Похоже, бровь рассечена.

Последующее я помню смутно. Все смешалось к одну кучу ; крики,

боль, удары. Я был словно в агонии, ничего не замечая вокруг, кроме этого великана, которого колотил со всей дури, разбивая казанки в кровь, не чувствуя боли и усталости. В какой-то момент он упал, а я все не мог остановиться. Кто-то вцепился в меня, но я оттолкнул его, а потом словно пелена какая-то спала, и я услышал истеричный крик Чайки;

-Пожалуйста, пожалуйста, не надо. Олег! Прошу тебя! Пожалуйста, пойдем домой! Я умоляю. Не надо. Остановись ради Бога!

Замираю, тяжело дыша, вытираю пот и кровь с лица. Поворачиваюсь, она сидит почему-то на асфальте, видимо, я ее оттолкнул или что-то такое. Лихорадочным взглядом оглядываю, надеясь, что не задел, но не могу определить. Ее вид сразу же вправляет мне мозги. Смотрю на нее; зареванную, перепуганную, глядящую на меня таким взглядом-шокированным, с застывшим в нем ужасом, и сам охреневаю от себя. Господи, я что творю-то? Я совсем с катушек слетел с этой девкой!

Эта мысль, как обухом по голове. И разом будто возвращает меня в реальность; слышу ропот, перешептывание, кто-то вызывает скорую. Голова гудит, тело ломит, а лицо горит огнем-в общем, вся прелесть после драки. Я уже и забыл эти ощущения, только вот вспоминать в моем возрасте как-то совсем не комильфо.

Втягиваю с шумом воздух, представляя, что здесь сейчас будет. Надо смываться. Еще не хватало мне засветиться перед ментами. Вот смех будет.

Видимо, Чайка тоже сообразила, что нам ни к чему этот головняк. Подошла ко мне и осторожно потянула со словами;

-Пойдем.

Поскольку все крутились вокруг тех бедолаг, то никто не заметил, как мы быстренько покинули «место преступления».

Завернув за угол, Чайка остановилась. Достала из кармана платок и нерешительно, скованно как-то потянулась ко мне, следя за моей реакцией. Я лишь наблюдал, ничем не выдавая, что разрываюсь между желанием придушить ее или трахнуть прямо здесь же. Хотя понимаю, что это просто всплеск тестостерона на фоне агрессии.

Она задержала дыхание, прикладывая платок к брови. Я поморщился, Чайка прикусила губу.

-Прости.- шепчет виновато, опуская голову, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Я собирался сыронизировать по поводу ее чудесного превращения в пай-девочку, но тут она начала всхлипывать, не в силах справиться с эмоциями. Я приподнял ее лицо за подбородок, но она замотала головой и окончательно расклеившись, разревелась.

Вот, что мне с ней делать?

Качаю головой, злюсь, а сам притягиваю к себе и обняв, начинаю неловко успокаивать, пачкая ее волосы и лицо кровью.

-Я так испугалась за тебя. Он такой огромный был.. Тебе больно... сильно? Я не хотела, чтобы так.. Прости. Я не думала... Он такой здоровый, а ты....Ты его так отделал! Ты чем-то занимался? – тараторила она, всхлипывая, икая, перескакивая с пятого на десятое, цепляясь за мои сбитые руки, вызывая неприятное жжение, боль и улыбку. Угукаю, едва сдерживая смех.

Да, девочка моя, занимался-разбоем .

Но ей это, конечно, знать не надо.

Когда я кое-как успокоил ее, и шок постепенно сошел на «нет», Яна покраснела и неловко отступила от меня, вновь извинившись.

Мне и самому было не по себе. Я ужасно устал и хотел поскорее помыться и поесть, а после уже нормально поговорить.

Оставшийся путь мы преодолели в тишине, хотя столько всего нужно было сказать. Чайка с опаской на меня поглядывала, но, тем не менее, недалеко от дома, коснувшись моей руки и осторожно сжала ее, я ответил ей тем же, сам не зная, зачем вообще и что это означало. Но от этого жеста стало как-то спокойней и в тоже время запутанней. Так мы и дошли; молча,

с кучей вопросов, горой непонимания, злости, обиды, вины, но рука об руку. Что делать с этим коктейлем знает кто-нибудь из вас?

Я не знал.

Поэтому, когда мы пришли, поспешил скрыться в ванной, чтобы хоть как-то привести мысли в порядок. Чайка тем временем начала суетиться. Оказалось, что она оставила на остановке сумку с вещами. На что я тут же пообещал купить новое тряпье. Хорошо, что документы у нее были при себе - в рюкзаке. К моей радости и удивлению, она не стала возражать и спорить насчет моего предложения. Состояние у нее тоже было какое-то пришибленное.

Приняв душ, я немного взбодрился и решил, что мне нужно серьезно подумать о происходящем, потому, как это вообще ни в какие ворота. У меня рядом с ней крыша едет, превращаюсь в безмозглого щегла, и вместо того, чтобы как-то ограждать ее от неприятностей, сам в них встречаю.

Ни хрена не понимаю! Это бред какой-то; мне тридцать семь, ей-восемнадцать, куда лезу?

Стало смешно над собой, стоило только взглянуть в зеркало ; бровь рассечена, кровит, на скуле завтра наверняка будет красоваться синяк, губа разбита. В целом, конечно, легкие царапины и все же; не по статусу , не по возрасту, Олег Александрович. Не восемнадцать тебе, Гладышев, давно уже не восемнадцать. Надо что-то решать с этими... «отношения».

Но пока хочу поесть и просто немного отдохнуть от этого сумасшедшего дня. Выхожу из ванной. С кухни доносится приятный запах чего-то аппетитного. Иду на него. Голод, как говорится, не тетка, пирожка не поднесет.

Яна сидит за столом греет ладони о кружку с горячим кофе, судя по запаху. У меня невольно вырвался смешок, когда я подумал, что кофе в руках Чайки-страшная сила.

Она же от моей усмешки стушеввалась и неловко сообщила;

-Я пожарила картошку, надеюсь, ты ешь такое... Просто подумала, что

может ты голоден и ...

-Накладывай.-перебил я ее смущенную, торопливую речь.

Она облегченно кивнула и поднявшись, начала суетится, накрывая на стол.

-И кофе убери, а то он меня пугает. – добавил я шутливо, чтобы окончательно разрядить обстановку.

Чайка обернулась и покраснев, виновато начала улыбаться, сдерживая смех. А я не выдержал и засмеялся, вспоминая сегодняшний дурдом. Она подхватила мой смех , и в следующее мгновение мы уже хохотали до слез. Хотя смешного в этом было мало.

-Прости.-прошептала она, прикусывая губу, когда мы успокоились.

-Считай, мы квиты.- ступаю на довольно зыбкую почву.

Яна поднимает на меня взгляд, смотрит пристально несколько долгих секунд, думая при этом о чем-то своем, а после ничего не говоря, отворачивается, продолжая заниматься сервировкой.

Меня это напрягает. Сижу и думаю, что надо сделать и чего она сейчас от меня ждет. Стоит ли что-то спросить, дать ей выговорится или ждать, когда сама захочет поговорить на тему моей «проверки». Вот, не знаю, как других мужиков, а меня женщины своей этой «загадочностью» в самые неподходящие моменты просто вымораживают. Ну, не нравится тебе что-то, скажи ,хочешь что-то , скажи и так далее. Нет же! Будет ходить и дуться, а ты гадай, что там с ней. И главное; сейчас если спрошу, она, конечно же, скажет, что все в порядке. Ну, а я -раз в порядке, то и ладно. Но нет! И еще раз –нет! Она начнет злиться сильнее, что я не бегаю вокруг нее, гадая, что же там случилось. Ведь нужно было по блеску ее глаз все понять, как будто я, бл*дь, оракул какой-то. Простите, дамы, но вы создания малость придурковатые! И малость-это еще мягко сказано.

Пока я распалял сам себя, Яна накрыла на стол. Я все же решил не лезть в бутылку и принялся за еду, морщась периодически от боли. Чайка села напротив и украдкой, обеспокоенно поглядывала на меня, допивая

свой кофе. Так мы и сидели в тишине, пока у меня опять не начала кровоточить бровь.

Яна поднялась из-за стола и куда-то ушла, но сразу же вернулась с аптечкой в руках. Я как раз закончил с картошкой. Вкусно было, сто лет не ел ее, вспомнилось детство. Но Чайку лишь сухо поблагодарил, хотя мог бы как-то больше внимания уделить этому моменту. Мог бы, но ...ну, не умею я рассыпаться в комплиментах и восторгах, что теперь сделаешь?! А учиться, наверное, поздно. Как-то неловко себя чувствую, по-дурацки.

Она же просто кивнула, словно и не ждала ничего большего, а потом подошла ближе и попросила;

-Запрокинь, пожалуйста, голову. Обработаю лицо. Надо было сразу лед приложить.

Делаю, все как просит. Когда она начинает обрабатывать бровь, невольно морщусь от боли. Чайка сразу же дует и успокаивает меня, как маленького, что вызывает тепло и улыбку. Ее близость ; горячее дыхание, аккуратные прикосновения нежных рук, соблазнительное тело возбуждает, и я изо все сил стараюсь держать руки при себе, хотя до зуда хочется положить их на упругую попку и притянуть Чайку ближе. Но я все же стойко держусь и правильно делаю, так как, судя по хмурому выражению лица Яны, это было бы совсем не в тему.

Хотя с каких пор меня стало это волновать? Как и то, что я спросил в следующую секунду, сам не понимая, зачем вообще, ведь решил не лезть в бутылку. Видимо, мало мне на сегодня нервотрепки.

-Злишься на меня?

Яна вздрогнула, но сразу же продолжила обработку моих «ран», лишь пожав плечами. И все же после секундного замешательства ответила;

-Уже нет. Просто как-то....-делает паузу, тяжело вздохнув, а потом заканчивает, - обидно, наверное. Не знаю...Не понимаю я тебя. Зачем?

Смотрит мне в глаза и мне становится стыдно, чувствую себя нашкодившим школьником. Отвожу взгляд. Усмехнувшись, качаю головой.

-Честно... или приятно?-пытаюсь как-то разрядить обстановку.

-Да, сейчас, пожалуйста, честно. –парирует со всей серьезностью. А мне так не хочется говорить, что я действительно долбанный садист и просто решил понаблюдать, но она и так уже все поняла. И теперь была ее очередь наблюдать, смогу ли я признать, что не прав.

Я могу, конечно, могу. Но это нелегко. Обдумываю, что сказать, но в голове, как назло, ни единой мысли.

-Просто скажи, как есть. Тебе было интересно, буду ли я спать с тобой, зная о семье? Опять пытался уличить меня в чем-то, да? – интересуется она бесстрастно, в глазах меж тем слезы.

-Да.- признаю с невеселой усмешкой. Она улыбнулась, смахивая слезы, и покачала головой.

-Вот это действительно аморально. Ты не имеешь права. Кто ты такой, чтобы ставить на мне какие-то эксперименты? Бог? Дьявол? Это жестоко.

-Знаю. – признаю в очередной раз, так как она во всем права и крыть мне абсолютно не чем.

Да, Чайка разозлила меня и повела себя неподобающе в Де Марко, но это было на эмоциях, и в ее возрасте, в общем-то, простительно. Я же умышленно, без причин, просто захотел и точка. Поэтому с искренним сожалением добавляю, - Я не прав. Прости.

Яна опустив взгляд, кивает. А потом тихо просит;

-Не делай так больше никогда. Так котят дразнят, а я человек, прежде всего, а уже после –все остальное.

-Не буду.-обещаю совершенно искренни.

- Ты тоже меня извини. Это было глупо.

Я лаконично киваю, поражаясь, тому, что все же возможен с этой

девочкой диалог. Более того, она способна признавать свои ошибки. Почему-то вспомнились скандалы с Ленкой. Может, если бы мы хотя бы раз вот так с ней поговорили, сейчас все было бы иначе.

Но прикосновение горячих губ Яны отвлекает от воспоминаний о моей неудачной супружеской жизни. Я вздрагиваю от боли и неожиданности, она тут же отстраняется.

-Прости.- шепчет, целуя легонько в уголок рта. А потом признается смущенно, -Я тоже соскучилась.

-Правда что ли? Соскучилась по ...как там ты загнула-то...? По убогому мужичонке, который тебе противен?- дразню ее, ухмыляясь. Янка засмеялась.

-Нет, я соскучилась по вкусному Зануде.-возразила она шепотом и начала целовать мою шею, обжигая горячим дыханием, вызывая приятный мороз по коже, спускаясь все ниже и ниже, подогревая мой интерес. Будь она опытной женщиной, я бы конечно, как-то даже не заострил внимания, зная, что там дальше по сценарию. Но с ней, это было подобно наблюдению за первыми шагами ребенка. Хотя сравнение, конечно, то еще....Оно меня повеселило, как и неуверенные, несмелые ласки, но я все же возбуждился, наблюдая, как она медленно опускается на колени передо мной. Есть что-то такое волнующее в этой позе покорности женщины мужчине.

Но когда она начала стягивать с меня штаны, я удивился и не сразу понял, что она намерена дальше предпринять, поэтому спросил охрипшим, каким-то не своим голосом;

-Что ты делаешь?

Чайка залилась краской смущения, но я вновь убедился, что моя девочка не из тех, кто пасует. Она подняла голову, и посмотрев мне в глаза, насмешливо парировала;

-Для опытного мужчины ты задаешь довольно глупый вопрос, Гладышев.

Я уже хотел сказать, что лучше бы занялась делом, но вовремя себя тормознул. А после того, как ее ручка скользнула мне в трусы, сконцентрировался на происходящем.

Сначала следил с интересом, но потом она подняла голову и так откровенно посмотрела мне в глаза, что у меня кровь закипела в венах от обжигающего желания, вызванного ее неприкрытой ничем страстью, раскованностью и в тоже время неопытностью.

Я и не заметил, как она стянула с меня трусы. Ее язычок легонько коснулся головки, а у меня чувство было, словно меня пронзило разрядом бешеного удовольствия и возбуждения. Она медленно прошлась языком от начала до конца, одновременно лаская меня рукой, следя за моей реакцией с едва заметной, довольной улыбкой. И мне нравилась ее смелость и это чуткое, внимательное изучение моей реакции на каждое ее действие. Она долго дразнила, точнее, я бы сказал –экспериментировала, не стесняясь и не боясь сделать что-то не так. Я же умирал от каждого движения ее языка, заведенный до предела этой чувственной, неспешной игрой.

Яна продолжала сканировать меня внимательным, полным желания взглядом, и это возбуждало еще сильнее. И когда она обхватила член губами и начала сосать, лаская языком, я еле сдержал стон. Зарывшись пальцами в шелк ее волос, закрываю глаза и наслаждаюсь немного странной техникой, точнее-ее полным отсутствием, но это приносит новизну ощущений. Пусть она была неопытной, неумелой, двигалась немного порывисто и часто сбивалась с ритма, но я получал ни с чем несравнимое удовольствие, просто наблюдая за тем, как она стоит передо мной на коленях и работает своим соблазнительным ротиком.

Смотрю в ее наглые глазищи и вижу в них неприкрытое наслаждение. Понимание, что ей это нравится, окончательно снесло мне крышу. Вцепившись в ее волосы, изо всех сил стараюсь сдерживать свои порывы и не начать просто трахать ее ротик, проникая глубоко в горло. Но сдерживаться не получается, с каждым движением ее губ и языка, я просто улетал и невольно делал толчок, отчего она чуть ли не давилась, но старательно делала вид, что все в порядке.

Поэтому, когда она чуть-чуть ускорила темп, мне потребовалась вся моя выдержка, чтобы отстранить ее. Получилось резко, но я больше не мог

держат себя в руках, а пугать девочку и создавать неудобства, пока не стоит, со временем овладеет и техникой глубокого горла.

Она смотрит на меня непонимающе и несколько обеспокоенно, но я тут же притягиваю ее и шепчу, стягивая с нее одежду;

-Хочу тебя.

Она тянется к моим губам, но я уклоняюсь и тут же целую ее шею, чтобы не грузить пока очередными своими забубонами. Я не брезгливый, нет. Но баб после минета не целую. Облизывать самого себя и знать как оно на вкус нет абсолютно никакого желания.

Пока я одеваю презерватив, Чайка садится на стол и с нахальной улыбкой медленно раздвигает ноги, бесстыдно предлагая себя.

И черт возьми, я теряю голову от ее сексапильности, раскованности. Эта соблазнительная девчонка сводит меня с ума. Улыбаюсь в ответ, хотя это больше напоминает хищнический оскал, подхожу к ней, она вновь тянется к губам, зарываюсь в ее волосы и крепко сжимаю их в кулаке, когда наши губы отделяет пара сантиметров. Чайка непонимающе смотрит, вновь пытается поцеловать, но я уклоняюсь, превращая это в довольно эротичную игру. Наше дыхание смешивается, возбуждение достигает апогея лишь от одного азарта и противостояния. Я дразню ее, удерживая одной рукой за волосы, а другой-спускаясь к ее чувствительному местечку, хотя предварительные ласки не требуются - она и так более, чем готова.

Но я хочу довести Чайку до такого состояния, чтобы единственным ее желанием было-я внутри нее.

Скольжу губами по солоноватой коже, а пальцами в ее влажных складочках. Она стонет, извивается на столе, одновременно доводя меня до состояния помешательства. Так продолжается, пока я сам не теряю контроль. Вхожу в нее полностью, и мы одновременно стонем от удовольствия. Я начинаю волноваться, что мне будет достаточно пары толчков, чтобы кончить. Настолько я перевозбудился, но и ей не потребовалось больше. Толкнувшись в нее еще несколько раз, ее мышцы настолько сильно сжали меня, что я последовал за ней же. Это был сумасшедший оргазм. Возникло такое чувство, что я сейчас сдохну от

удовольствия, а оно все не кончалось и не кончалось, накатывая волнами одна за другой, выжимая все силы, отключая мысли, разум, эмоции.

Когда все же отпустило, казалось, что мы вернулись с другой планеты. Было чувство нереальности происходящего. Я себя ощущал какой-то бесплотной оболочкой, внутри которой была полнейшая пустота, но настолько приятная, что не хотелось даже шевелиться.

Так мы и застыли, прижавшись друг к другу, приходя в себя, пока не начали замерзать. У меня перед глазами все плыло, а тело казалось каким-то ватным, но все же нехотя, я отстранился от Яны и с недоумением обнаружил кровь. Чайка покраснела и испуганно на меня покосилась.

-У тебя месячные начались?- сделал я предположение, и у меня такое чувство возникло, будто она сама не в курсе. Ее ответ меня просто ошарашил.

-Очень на это надеюсь. – тихо выдыхает она, скорее самой себе, собирая одежду.

-В каком смысле? –допытываюсь, почуяв неладное, натягивая штаны.

Яна опустила взгляд и нехотя призналась;

-У меня задержка.

Как только она это сказала, я понял, что час назад, когда меня приложили по голове –это, можно сказать, погладили. Сейчас же мастерски отправили в нокаут. Если я чего-то и боялся по-настоящему, так это услышать эту емкую фразу. Хотя думаю, у любого мужика после «у меня задержка» вся жизнь перед глазами промелькнет. Моя как раз мелькала, и я был в натуральном шоке. Если я действительно лоханулся и она залетела, то это просто п*здец всему! Иначе и не скажешь. Поэтому я тоже ОЧЕНЬ надеялся, что все в порядке.

-Аа, так вот в чем причина столь яркой дерзости! - усмехнулся я, последовав за ней в душ.

Чайка недоуменно на меня покосилась, я же пояснил;

- Осмелела? Думала, что теперь –то я на крючке, никуда не денусь и можно вести себя, как в голову взбредет?

Яна несколько секунд смотрела на меня, не мигая даже и не дыша, а потом разразилась смехом.

-Конечно, Олеч, именно так и думала. Уже напредставляла себе безбедную жизнь за счет твоих алиментов. –ссызвила она и вновь захохотала.

И хотя ее смех наводил на некоторые мысли, но меня совершенно не успокаивал. Женщины они всегда такие, сначала говорят одно, а потом родят и словно на коне с трофеем в руках, начинают тобой крутить. Для некоторых мужчин, конечно, может, дети –это ерунда и плевать они на них хотели, но меня воспитали иначе. К своему чаду отношусь со всей серьезностью. Ленка в свое время это поняла и вцепилась мертвой хваткой, давя со всей дури на мое слабое место, но повторять подобный опыт, тем более с Чайкой-легче застрелится. Ленка в сравнение с этой девицей просто божий одуванчик. Настаивать на аборте я, конечно, не имею права, но однозначно, кататься на моей шее она не будет.

Пока я над этим размышлял, Яна успокоилась и теперь смотрела на меня шокировано. Я понимаю, что наверняка она пока и не думала о какой-то корысти, о чем и сообщила. Но это пока.

-Ты что, серьезно?-искренни воскликнула она.

-Абсолютно! Хочешь сказать, что не требовала бы алименты и сверх того?- спрашиваю насмешливо и Чайка, как всегда поражает меня своей откровенностью и логичностью.

-Конечно же, требовала бы! Почему мой ребенок должен перебиваться с копейки на копейку, в то время, как его папочка имеет возможность разъезжать на крутых тачках и снимать квартирки в центре разным девкам?! Но суть-то не в этом! А в том, что ты думаешь, будто я родила бы ребенка, чтобы использовать, как один из способов заработать на жизнь. Ты вообще с головой дружишь? Конечно, я в курсе, что таких мамаш-кукушек пруд пруди, но я не такая. Я простая, Олег, п-р-о-с-т-а-я, как три рубля! Не

надо во мне все время искать подвох, скрытые мотивы. Я не стремлюсь залететь в восемнадцать, у меня другие планы на жизнь и поверь, ты не главная цель в ней. Если бы я родила, то только потому, прежде всего, что это МОЙ ребенок и это живое существо, а не потому что, опять же, ты разъезжаешь на крутой тачке и можешь, думаю, даже купить мне квартиру в центре. –выдала она это все на одном дыхании, а потом уже более спокойно добавила, -Честно говоря, глядя на тебя, боюсь представить, что за люди тебя окружают, раз ты во всем видишь один негатив и корысть. Знаешь, мне тебя жаль.

Я засмеялся, уж слишком высокопарно все это звучало, особенно для девушки принимающей душ.

-Как пафосно-то. Со временем , моя девочка, научишься тоже никому не доверять, полагаться исключительно на себя и самое главное-думать, прежде, чем что-то сделать или сказать. Советую тебе-учиться этому скорее. И так уже дров наломала, что мама не горюй.

-Каких дров?

-Не прикидывайся! Взять хотя бы ситуацию с матерью.

-Моя мама –сложный человек, и ...

-Я бы тоже был «сложным», если бы моя дочь ездила мне по ушам, что поступила в университет, а сама в это время драила столы и спала с мужиком старше себя вдвое.

Яна побледнела, потом покраснела, собиралась что-то сказать, но я и так догадался и просто подтвердил;

-Да, я все знаю. Так что на будущее-не смей мне врать! Мне, конечно, все равно на твое образование, но обманывать себя не позволю. Для чего вообще нужно было выдумывать велосипед по этому поводу?

-Не знаю, мне было стыдно. В моей семье образование –это чуть ли не главное достоинство человека. –призналась она тихо, выключая воду.

-Образование, безусловно, важно в наше время, но уверен, не все так

запущено в вашей семье, иначе ты бы уже прыгнула с моста. Так что мой тебе совет-помиришься с матерью. В конце концов, ты сама заварила кашу. А раз взяла на себя такую смелость, то найди ее, чтобы признать свои ошибки и извиниться. Пора взрослеть, Чайка. Твои глупости уже переходят все границы. Нужно быть умнее, использовать возможности, которые у тебя появились. –наставлял я ее, сам не понимая на хрен мне это надо.

-А под возможностями ты себя подразумеваешь?-сыронизировала она, покидая ванную.

-А что тебя смущает? Давай, будем называть вещи своими именами. Я не против того, чтобы ты улучшила качество своей жизни за мой счет, в конце-концов, я тебе это сам предложил, но не стоит пытаться прыгнуть выше головы и заманить меня в сети стандартными, примитивными методами. Дети мне не нужны, и жениться я уж тем более не собираюсь! Надеюсь, это ясно?! – отчеканил я.

Чайка, тем временем прошла мимо, одеваясь и с умным видом сообщила;

-Думаю, я начинаю понимать, почему твоя жена ушла от тебя и забрала ребенка. Выдержать твой бред человеку со здоровой психикой, просто нереально!

-Ну, во-первых, это я ушел от нее! Во-вторых, моя дочь живет со мной....

-Почему?-перебила она меня, изумившись.

-Потому, что ее мать из серии, как ты правильно обозначила, мамаш – кукушек ; личная жизнь для нее важнее собственного ребенка. –язвительно пояснил я. Но пыл Чайки тут же угас и она смущенно выдавила;

-Сочувствую.

-Не надо сочувствовать, надо думать прежде, чем что-то ляпнуть.

Янка, как не странно, просто кивнула и начала куда-то собираться. И меня это окончательно выводит из себя. Она что, собирается каждый раз

убегать чуть что?

-Куда ты, бл*дь, намылилась? Тебе что, мало проблем? Сядь...- взрываюсь, охреневая с нее, но она сразу же закрывает мне рот. Подходит, целует легонько в губы, и обняв за пояс, прижимается, уткнувшись носом мне в шею.

-Не злись, я в магазин, мне нужно кое-что купить... –шепчет, улыбаясь, и не таясь, вдыхает мой парфюм.

Я же ощущаю себя дураком. Точно чокнусь с ней!

Разум кричит; «Бежать надо! Изю всех ног бежать.»

Но с каждым ее поцелуем, понимаю, что ни о каком побеге и речи быть не может. Раздражаюсь еще больше от собственной реакции на ее ласку. Еще немного и начну жрать с рук этой девчонки.

Нет, так дело не пойдет, проблем и без того хватает, чтобы еще позволить нашим отношениям зайти слишком далеко. Это должен быть просто секс и точка.

Хотя интересно все же; кто кого. Впрочем, я и так знаю, что ей со мной не тягаться, но это противостояние все же интригует тем, что как не странно, порой возникает желание «быть проще» и пустить все на самотек.

Да только знаю я все это наперед , к тому же двадцать лет разницы – это не шутки.

В общем, надо выкинуть бред из головы, и потихонечку приобщать Чайку к привычному для меня формату отношений, поэтому отстраняюсь нехотя и ничего не выражающим голосом говорю, начиная собираться;

-Сейчас вместе пойдем, подброшу тебя.

Она непонимающе наблюдает за мной.

-А ты что, не останешься?

-Нет.- отрезаю холодно, а потом все же мягче добавляю, заметив, что она сникла, - Хочу с дочерью провести вечер, итак ей мало времени уделяю.

-Понятно, - отозвалась она невесело, а потом уже более оживленно спросила, -Сколько ей?

Начинается! А я все думал, когда же последуют расспросы.

-Четырнадцать, скоро пятнадцать будет, - все же отвечаю недовольно.

Чайка прикусывает губу, сдерживая улыбку, наверняка подумав о небольшой разнице в возрасте с Леськой.

-Она очень красивая у тебя. Но характер, видимо, все же папочкин.- сообщила она мне с таким видом, словно добавила ложку дегтя в мед.

-А что такого плохого в моем характере? И как это ты так с одного взгляда составила мнение о ее характере? - ухмыльнулся я, поражаясь столь невероятной «проницательности».

Чайка засмеялась.

-Твои повадки, Гладышев, видно за версту.

-Вряд ли по ним можно судить о человеке. –возразил я, хотя мне было приятно, что дочь похожа на меня. Такая вот примитивная, родительская радость.

-Да у нее на лице написано, что все мусор под ее ногами. Она только свой царственный взгляд на меня бросила, мне уже дурно стало. – посмеивалась Янка, одевая куртку.

А мне действительно стало дурно.

-В смысле, ты с ней общалась? –замер я возле двери, вставив ключ в замок.

-Конечно. –пожала она плечами, как ни в чем не бывало, -

Познакомилась. Говорю – вот с папой твоим тусим по средам и пятницам после семи.

Она нахально улыбнулась, а я не знал; то ли придушить ее, то ли посмеяться.

-Дура.-буркнул, закрывая дверь.

Чайка подмигнула мне и насмешливо поинтересовалась, давя на те самые кнопки, в сторону которых даже дышать лучше не стоит;

-Что, уже обделался, Олег Александрович? Принцесса не должна знать, что у папы подружка всего лишь на три года старше нее?

Услышав эту завуалированную угрозу, все внутри холодеет. Хватаю ее за рукав куртки и разворачиваю к себе, отчего с ее лица тут же сползает ехидная улыбочка.

-Послушай меня и внимательно послушай! Я могу закрыть глаза на твою дурость, но только посмей даже посмотреть косо в сторону моей дочери и я устрою тебе такую сладкую жизнь, что ты пожалеешь, что вообще рот свой открыла. Перекрою тебе кислород со всех сторон и поедешь в свой колхоз. Ты поняла меня? –цежу слова, прожигая ее угрожающим взглядом. Она вся натянулась, как струна, но не опустила взгляд, лишь выше вскинула голову, и холодно улыбнувшись, иронично произнесла;

-Как пожелаете Ваше Величество! Реверанс сделать или так сойдет?

ЕЕ едкая фраза сразу же остудила меня. Я отступил, признавая, что погорячился, сказывался этот безумный день, но зато до нее дойдет лучше. Она сбросила мою руку и быстрым шагом направилась к лестнице.

-Куда ты?-спросил я, думая, что она вновь собирается сбежать.

-В магазин, бл*дь!–огрызнулась она, а после добавила спокойно, -Тебе лечится надо!

-А тебе за языком следить! Когда ты уже свои мозги включать

начнешь? – парирую раздраженно.

-А на хрена мне их включать, если у меня «рабочие» органы ниже?! – язвит, спускаясь по лестнице

-Хватит нести эту пошлятину!- рявкнул я, следуя за ней.

-Пардон, Ваше Высочество, придворным манерам не обучена, привыкла по колхозному ; как есть , так и говорю. – очередная шпилька, от которой я мысленно застонал. Но отвечать не стал. Пусть перебесится.

Втягиваю с шумом воздух, когда выходим на улицу. Молча идем к машине и также молча доезжаем до магазина, хотя воздух звенит от напряжения. Чайка собирается выйти, так ничего и не сказав, но я ее останавливаю.

-Стой. На вот, на тряпки, -протягиваю ей деньги. Она смотрит на них секунду, как на какое-то вселенское зло, но все же берет. А я продолжаю отдавать распоряжения, -Карту сделай, с наличкой возиться неудобно. Завтра тебе моя секретарша позвонит, скажет, когда к врачу пойдешь. Работу не ищи, займись чем-нибудь полезным, с деньгами проблем у тебя не будет.

-Еще что-то?- приподнимает она бровь, холодно интересуясь, выводя меня из себя.

-Послезавтра приеду...-бросаю коротко, а потом также язвительно добавляю, - После семи.

-Поняла.- усмехнулась она и с фальшивой улыбкой пообещала, - Расположусь голой на кровати и в позе звезды буду ждать с пачкой презервативов в зубах!

Я закатил глаза, едва сдерживая смех, представляя себе эту картинку.

-Так и сделай.

-Ага. –кивает с усмешкой и выходит из машины.

-Язва!- резюмирую, покачив головой.

Она прикладывает к губам средний палец и отходит, я в ответ показываю ей кулак, она закатила глаза и повернувшись, демонстративно похлопала себя по заднице, на что щеглы, стоящие возле магазина тут же обратили внимание и пока она не скрылась за дверью, пожирали ее плотоядными взглядами.

Идиоты! Эта задница уже оплачена. –так и хотелось им сказать, когда проезжал мимо.

Никогда не понимал, в чем прикол-пялится на совершенно незнакомую бабу. Ну, или я просто такой-мне запаadlo пускать слюни на непонятно чьи буфера и булки. Кретинизм полнейший! А свою поймать мысленно во всех позах - сам Бог велел. Если у тебя такого желания не возникает, на хер ты вообще с ней спишь?!

От этих мыслей меня отвлекает звонок Мухи.

Отвечать не очень хочется, зная, что он сейчас начнет мусолить инцидент в Де Марко, но не скрываться же теперь от него.

-Да, Мих. Я за рулем.

-Ну, как вы там, живы? Или поехал труп ее закапывать?

Я засмеялся.

-О, вижу, ты еще и доволен! Что, девочка постаралась на славу?- многозначительно поинтересовался он.

-Мих, тут вторая линия у меня.- решил я закрыть тему.

-Да понял я Саннч. Ты главное-смотри, чтобы из-за нее проблем не было. –вновь завел он свою шарманку. Поскольку, я и без него об этом думал, хотя конечно, больше о проблемах личного характера, а не о работе, то это напоминание друга вызвало только раздражение.

-Миш, разберусь. У тебя все нормально? Как ребяташки?

-Да, как обычно Олег. Ребята замечательно. Приезжайте с Леськой в гости.

-Ага, спасибо. Заедем на днях. Все, у меня вторая линия. – попрощался я, потому как мне действительно позвонили по второй линии. И каково же было мое удивление, когда это оказалась Ленка, причем, начавшая разговор без излюбленных расшаркиваний.

-Олег, здравствуй! В чем дело, почему Олеся не отвечает на звонки?

-Привет! Я не дома. Как приеду, поинтересуюсь.

-Ее нет дома! Она у подруги и не берет трубку, что это за выкрутасы? – повысила она тон, в голосе начали проскальзывать визгливые нотки. Я поморщился, но сейчас это не имело значение. Меня волновало, какого хрена моя дочь делает в одиннадцатом часу у какой-то подруге? Это что за выкрутасы действительно?! Куда Петровна смотрит? И почему мне не сообщили?!

-Сейчас я ей позвоню, потом тебе перезвоню.

-Аа, то есть на твои звонки она всегда отвечает, а на мои можно забить-так что ли? – начала она нести ахинею.

-Лен, ты дура вообще или как? Ты понимаешь, что твой ребенок в одиннадцатом часу где-то хрен пойми где и с кем! Ничего не екнуло?

-В смысле, ты что, не в курсе, где наша дочь? –заорала она.

И тут я ощутил себя такой сволочью. Внутри все сжалось от дикого страха и волнения.

-Нет, я не знаю. – признаюсь с тяжелым вздохом, представляя, что сейчас последует . Ленка, конечно, мать херовая, но не упустит возможности ткнуть меня в то, что и я отец –дерьмо.

-Прекрасно! Какой у нас ответственный, заботливый папа! –ссызвила она довольным голосом. Но мне было не до ее триумфов. Я беспокоился за

дочь, поэтому закончил разговор и помчался домой, выяснять, что вообще происходит.

Глава 14.1

Спустя полтора месяца.

Любовь... Красивое слово, скрывающее под собой необъятное море впечатлений, чувств и поступков. Не всегда красивых и возвышенных, порой, ничтожно низменных, отчаянных, приносящих дикие страдания и боль.

Раньше это слово вызывало у меня кучу прекрасных ассоциаций. Сейчас... Сейчас я узнала, что она тоже бывает разная. Как знаете, в той песне; «А я и не знал, что любовь может быть жестокой, а сердце таким одиноким...». Кому-то повезло столкнуться с чистым, не запятнанным ничем, взаимным чувством, а кто-то бьется за каждую минуту счастья, за островок в сердце любимого человека, за миг, один-единственный миг тепла и нежности, проливает потоки слез и воет от боли в подушку одинокими ночами. Зачем? Ради чего?

Потому что, порой, бывает такая любовь, от которой легче удавиться; болезненная, одержимая, уродливая и упрямая.

Моя именно такая; до нелепости упрямая и в тоже время наивная, ибо я с отчаянной надеждой борюсь за человека, которому не нужна. Верю во что-то, цепляюсь за эту веру, вонзаюсь всем своим существом. Не могу иначе, когда он шепчет «моя девочка» и нежно целует меня, перебирая мои волосы, думая, что я сплю. Когда задумчиво смотрит с улыбкой, а в голубом океане его глаз мимолетно проскальзывает такая тоска, что мое сердце сжимается от боли за него. Знаете, эта боль во сто крат сильнее, чем та, которую он мне причиняет, потому что осознавать, что любимый мужчина несчастлив и ты не в силах что-либо изменить-это невыносимая мука.

Минуты подобной откровенности со стороны Гладышева крайне редки, чаще всего этот мужчина плотно упакован, я бы сказала, забетонирован в непробиваемый раствор холодной отстраненности, невозмутимости, снисхождения и высокомерия, чем медленно, но верно, словно яд убивает что-то внутри меня. Хотя нет. Не «что-то», а меня. Именно меня он убивает. Подобно плющу душит во мне характер, гордость, силу, веру и любовь. По каплям высасывает ее, наполняя мою душу отчаянной пустотой и горечью. Ему хватило двух месяцев, чтобы из жизнерадостной девчонки я превратилась в согласную на все куклу. Лишь

бы он был рядом.

Но знаете, я его не виню. Сама позволила, а нужно было тогда-на той остановке отрезать от себя, с корнем вырвать, как сорняк это фатальное влечение. Сейчас только понимаю, как важно все делать вовремя. Жизнь взывает слишком высокий процент за просрочку. Я не нашла в себе силы отказаться от губительной связи, подпитывала ее своей энергией, омывала слезами, травясь ядом плюща, тянущего из меня последние силы, возвращала его с отчаянной надеждой на спасение от палящего солнца мук любви, потребности в нем, не ведая, как погружаюсь во мрак одиноких ночей и бесконечного ожидания.

Странно так, проснуться однажды по утру и понять, что ты другая. Сегодня я увидела себя, будто со стороны и стало не по себе. Кто я? Кто эта девушка, с решительным взглядом заплаканных глаз? Кто эта девушка, пытающаяся восполнить недостаток любви деньгами? Разве в восемнадцать так живут? Да и вообще живут ли только по средам и пятницам после семи? Шутка стала стилем наших отношений. И смешно и плакать хочется. Где же ты-пресловутая золотая середина?

Меня кидает из стороны в сторону. Я словно маленький кораблик в шторме безбрежного океана эмоций; страх потерять, потребность, чтобы оставил в покое, любовь, злость, ненависть, и снова любовь еще больше, чем раньше. Я словно пчелка в паутине; бьюсь за свободу или любовь. Я уже и не знаю. Но лишь путаюсь еще больше. Впрочем, к черту эти красивые сравнительные обороты, от которых только накатывает раздражение. Ибо все, на что я способна; красивые слова, жесты и отчаянные, жалкие попытки отомстить самым примитивным бабским методом; тратя его деньги. Раскидываясь ими, соря налево и направо, словно это был мусор. Словно эти чертовы бабки являлись воплощением всех моих бед, и мне нужно как можно скорее от них избавиться. И я избавлялась. Заполняла шкаф разным барахлом, опустошая душу.

Именно этим я сейчас и была занята, со скучающим видом бродя по Столешниковому переулку, переходя из одного бутика в другой и рассказывая о своей безоблачной, успешной жизни Лерке.

Наверное, такой моя жизнь в принципе и является, если не погружаться во все эти чувства и взаимоотношения. Мне, пожалуй, стоило начать с того, как обстоят дела в целом и общем, а после ныть. Сейчас наверняка каждый из вас задается вопросом; а чего ради тогда она терпит, раз все так плохо? Ответ в духе ; любовь зла-это не совсем мой случай. Что уж лукавить; да, хотелось бы иного, но не все так плохо, как я обычно

люблю рисовать в красках. За прошедшие полтора месяца моя жизнь претерпела значительные перемены и стоит признать, что все они в лучшую сторону.

Я последовала совету Гладышева и начала пользоваться открывшимися возможностями. И это касательно не только банковской карты. О своих переменах я и рассказывала в максимально сжатой и сухой форме;

-Сейчас у меня практически нет времени. В начале месяца я пошла на курсы АПФ,-было моим ответом на упрек о том, что практически не созванивались в последнее время, не говоря уж о встречах, хотя конечно, не в том причина.

-И что это у нас?- снисходительно поинтересовалась Гельмс, перебивая меня, словно делала великое одолжение своим вопросом. Меня это взбесило, но я сдерживала себя. Наша встреча напоминала мне ту самую «ярмарку тщеславия» Теккерея только в миниатюре. Не было ни теплоты, ни интереса, ни участия со стороны моей «подруги». Только желчь, сарказм и зависть. Чем я была поражена и глубоко задета.

Да, между нами пробежала черная кошка в последнюю встречу, но я надеялась, что со временем удастся наладить отношения. В течение этих шести недель со дня моего переезда мы созванивались, но дальше дежурных вопросов о том, как дела и настроение да односложных ответов, дело не шло. Я всей душой верила, что при встрече вернется былая атмосфера беззаботности и пропадет эта ужасающая неловкость и натянутость, но, увы; меня ждало разочарование. Возникло такое чувство, будто прошло не несколько недель, а годы. Все изменилось настолько, что сейчас, кажется, невозможным былая дружба. Я смотрела на полки с красивыми вещами, а на ум приходили странные аллегории, что зачастую общение с людьми похоже на отношение к одежде; пока новая, вроде все прекрасно, но чем больше времени проходит, тем меньше она тебе нравится. В какой-то момент она изнашивается или становится тебе не по размеру; ты перерос, либо напротив. Пожалуй, это вполне естественно, что девяносто девять процентов нашего окружения(ну, у кого-то больше, у кого-то меньше) -это люди-шмотки. Но до чего же больно осознавать, что человек из твоего святооберегаемого, одного процента, переходит в эту громаднейшую категорию людей, которым нет до тебя дела. И я эту боль ощущала всем своим существом. Меня захлестывало чувство горечи и потери. Смотрела на Гельмс и пыталась понять, что же случилось и когда? Где я упустила момент? И в тоже время спрашивала себя; а не придумала ли я эту вселенскую дружбу?

Вот такие мысли бродили в голове, но я не подавала виду и спокойно рассказывала о курсах ассоциации профессионалов фитнеса (АПФ). Когда меня уволили из Де Марко, я задумалась, какая бы подработка мне подошла в дальнейшем, что мне действительно по душе. Я стала размышлять о будущем и реальном положении дел. Конечно, в душе постоянно теплилась надежда, что с Гладышевым может что-то получиться, но все чаще проскакивала мысль; а что если нет? Неужели я хочу остаться у того же разбитого корыта? Неужели еще раз хочу оказаться в том безвыходном положении, когда мне пришлось пойти на эту унижительную, пошлую сделку? Нет! Никогда больше!

Наверное, все же есть Бог или Кто-то, Кто заботится о нас, направляет в нужные моменты. Ибо именно тогда я впервые в своей жизни обратила внимание на объявление, раньше никогда даже не тратила время, но тут что-то заставило меня задержаться, и я узнала о наборе в группу обучения по программам; инструктор групповых программ, а также персонального тренера тренажерного зала. В ту минуту я поняла, что это то, что нужно. Лицензия обеспечит стопроцентной работой, учитывая, что здоровый образ жизни вошел в моду, и сама всегда буду в форме. К тому же подобная работа была бы мне действительно в радость.

Гладышев одобрил мою идею и без лишних вопросов выделил деньги на курсы. В тот день я была по-настоящему счастлива, уже представляла свое будущее, как поступлю в академию и буду подрабатывать в разных залах инструктором, буду независимой, самостоятельной и по-настоящему довольной своей жизнью. Такие вот совсем не грандиозные планы, но надо же с чего-то начинать. Гладышев научил меня мыслить рационально и последовательно, но ставить большие цели. Обосновывая тем, что в большую цель легче попасть. Казалось, что его советы о последовательности и высоких целях противоречат друг другу, о чем я ему и сообщила, но у Олега на все всегда имеется ответ. Он тогда ответил, что надо всегда иметь цель всей жизни, а также цель на конкретное время. И всегда сопоставлять эти цели, жертвуя незначительными, ради главной, если появляется такая необходимость. Вот тогда будет успех.

«-А что, если все настолько плохо, что ты вынужден поставить крест на своей мечте, чтобы как-то выжить в этом мире? –поинтересовалась я. Гладышев усмехнулся и открылся для меня с совершенно неожиданной стороны;

-По мне, лучше поставить на себе крест. Человек без мечты, как птица без крыльев. В жизни каждый из нас должен иметь смысл, чаще всего мы обретаем его в достижении определенных целей. Знаешь, как говорил

старина Уайльд?

Я покачала головой, лежа на его груди, рисуя какие-то непонятные узоры на его ладони. В эту минуту было спокойно и хорошо. Я любила наши беседы, любила эту атмосферу умиротворенности и взаимопонимания. Мне хотелось, чтобы это длилось вечно. Я чувствовала себя нужной ему и любимой, как бы наивно это не звучало.

-Он говорил, что даже сидя в канаве, можно любоваться небом,- прервал Гладышев мои размышления, а затем шепотом добавил, целуя меня в макушку с каким-то вздохом сожаления или чего-то такого тяжелого, - Никогда об этом не забывай, даже когда совсем плохо и некого позвать на помощь! Сдаться всегда успеешь.

Я прижалась к нему сильнее и кусая губы до боли, сдерживала рвущееся наружу фатальное « Я люблю тебя!», а хотелось кричать о своих чувствах, но даже в такие мгновения я понимала, что нельзя, если я не хочу окончательно потерять себя. Гладышев может быть разным; он может быть строгим, может быть смешным, добрым, заботливым и даже по временам кажется, что любящим, но он всегда остается манипулятором, который точно знает, чего хочет и какие цели преследует, поэтому однажды, если понадобится, он использует любой имеющийся козырь против меня. И это не нужно забывать никогда!

Но в то мгновение я впитывала каждое его слово как губка и знаете, понимала, что даже если не получится у нас ничего, то этот опыт стоит всех моих страданий. Этот мужчина их стоит. Уже просто за то, что делится со мной своим огромным опытом. И пусть не любит, но искренне заботится и переживает.

-Ян, ау!- помахала Лерка перед моим лицом, я удивленно осмотрелась, не совсем понимая, в какой момент погрузилась в себя.

-Извини, я какая-то рассеянная стала! Ты что-то спросила?

Гельмс едва ли не закатила глаза, но вместо этого натянуто улыбнулась и все в той же покровительственной манере продолжила наш разговор;

-Спросила, чему вас там-на этих курсах учат.

-А.. Ну, дают базу. Программа обучения довольно непростая, включает в себя фитнес-анатомию, даже физиологию мышечной деятельности. Конечно же, основной упор на теорию и методику тренировочного процесса, силовой и функциональный тренинг. Ну, и еще разные моменты охватывает типа реабилитационного фитнеса.

-Понятненько, - ответила Гельмс скучающе, а после с издевкой поинтересовалась, - А что, Саныч не раскошелится и не запихнул тебя в академию, ты же так хотела... Или не по карману?

Меня этот вопрос окончательно вывел из себя. Я с довольно громким стуком поставила на место ботинок, который без особого интереса вертела в руках, и резко повернулась к Гельмс, обжигая яростным взглядом.

-Во-первых, он тебе не « Санныч»! Во-вторых, не все в этой жизни зависит от денег!

-Ну, да конечно. Ты еще не сняла свои розовые очочки? –вставила она язвительно, вызывая у меня желание врезать по ее кислой физиономии.

-В чем твоя проблема, Лер? – спросила я напрямик, но Гельмс наигранно засмеялась, обращая на нас внимание продавцов и немногочисленных покупательниц.

-Моя проблема? Я тебя умоляю! У меня вообще никаких проблем, это ты у нас проблемная.

-Тогда что ты так на гавно исходишь? Жлоба заела или что, я не пойму?-дознавалась я. На нас уже не просто косились, а смотрели во все глаза.

Гельмс осмотрелась по сторонам, натянуто улыбаясь, как бы говоря; « не обращайтесь внимания на эту дурочку, она не в себе.»

-Яночка, угомонись ради Бога! Ты не звезду с неба урвала, а всего лишь мужика чуть побогаче, который потрахает и забудет. Пользуйся моментом; покупай все эти шмотки, рассказывай с самоуверенным видом о своей прекрасной жизни, но не забывай, что это временно.- елейным голосом пропела она, но я уже ничему не удивлялась. Усмехаюсь, проглатывая непрошенные слезы, но беру себя в руки. Спасибо Гладышеву. Благодаря его бесконечным «тренингам» я научилась сохранять бесстрастное лицо в самой ужасной ситуации, поэтому насмешливым голосом отвечаю;

-А ты все так и учишь, Гельмс. Про таких, как ты знаешь, как говорят?

-Ну, просвети меня.

- Кто умеет, Лерунь, делает. Кто не умеет, учит. –отвечаю таким же елейным голосом, как она несколькими минутами ранее. Лицо Гельмс потеряло все краски, губы задрожали, а в глазах промелькнули слезы.

-А кто учит, говорит тебе Яночка; иди в жопу! –вскричала она, разворачиваясь, чтобы уйти.

Ну, нет, так просто ты не отделаешься, свалив всю вину на меня.

Иду следом и обогнав, хватаю за руку. Мы останавливаемся, и я высказываю все, что думаю;

-А я уже там, но тебе ведь плевать. Все, что ты смогла заметить, так только эти долбанные шмотки, - трясусь фирменными пакетами. – Знаешь, меня поражают такие люди, как ты! Перекладывающие с больной головы

на здоровую. Не пытайся обвинить меня в том, что я зазналась и кичусь своим новым положением. Не получится, Лер! Проблема не во мне, а в том, что ты мелочная и поверхностная. Для тебя жизнь-это просто игра. С каким азартом ты толкала меня в эти отношения, просто потому что тебе было весело. Я не обвиняю. Не имею право. У каждого своя голова. Я просто к тому, что дружба она несколько иное предполагает. Это не только совместные развлечения, а гораздо больше. Гораздо. Когда сталкиваешься в жизни с различными проблемами, то понимаешь ее истинную суть и ценишь, как никогда. Но поскольку у тебя, как ты верно сказала, и проблем не было, то тебе не понять. А я проблемная, да, но не пропитанная насквозь фальшью! Меня тошнит от твоих злобных ремарок на тему моих пусть небольших, но успехов. Наверное, ты чувствуешь себя увереннее, утирая мои слезы. Я тебе благодарна за поддержку и помощь, которую ты мне оказала в свое время, но мне жаль, что ты не способна радоваться тому немногому, что делает меня счастливой. Мне мерзко наблюдать за этими ехидными подколами, умными замечаниями, за которыми скрывается не что иное, как зависть, комплексы и ненависть к себе. Так вот это ты засунь себе в жопу свое чертово тщеславие и пресловутую гордость. Можешь сколько угодно прикрываться личиной крутой девчонки, знающей себе цену, гордиться тем, что отхватила бесплатный билетик и осуждать меня, хотя сама мечтаешь оказаться на моем месте. Но запомни, мое место не каждому по силам, особенно оно не по силам тем, кто не знает ничему цену. По жизни нельзя прокатиться “зайцем”, Лер, однажды за все бесплатные билетики придется рассчитаться.

-И что же за бесплатный билет я отхватила? –все, что спросила Гельмс, вызывая у меня истерический смех. Боже, и этого человека я считала другом?

-Бесплатный билетик, Лер, в твоем случае –это пока все, что ты имеешь, но не ценишь. А кто-то за то, что есть у тебя ; семья, друзья, еда, крыша над головой и так далее. Кто-то за это бьется изо всех сил.

-Как будто я виновата, что ты не поступила и твоя мать обо всем узнала, - язвительно высказалась Гельмс, в очередной раз не видя дальше собственного носа. Я тяжело вздохнула, и покачивая головой, решила, что пора заканчивать с этим бесполезным разговором в духе расставить все точки над «і».

-А я никого и не виню. Не имею такой привычки. Я просто разочарована, вот и все.

-И что теперь? Развод?- насмешливо поинтересовалась Гельмс с видом, будто плевать она хотела. Это было неприятно, обидно и противно.

-Думаю, мы переросли друг друга, -уклончиво ответила я, не глядя на нее.

-Ну, куда уж нам до вас !- усмехнулась Лера.

-Понимай, как хочешь. Всего хорошего!- устало отозвалась я и направилась в другую сторону, не оглядываясь, пока вслед мне не раздалось заносчивое ;

-Да пошла ты!

Я вздрогнула, замерла на мгновение. Сердце сжалось в комок, меня бросило в жар, а в следующую секунду зазнобило. Втянув побольше воздуха, я продолжила путь. У меня болела душа, подвывала, как собака на покойника. Было так одиноко и пусто. Было страшно. Говорят, что каждый близкий человек –это уникальный мир, непохожий ни на один другой. Так вот очередной мой мир разрушился и придавил своими останками. И не вздохнуть, не убежать, не вырваться. Только терпеливо ждать, когда останки станут былью. Но сейчас мне так плохо от ощущения липкого страха и одиночества, а также мыслей о том, что возможно проблема во мне, раз от меня отворачиваются все, кто мне дорог. Что во мне не так? Что я делаю неправильно? Или мне просто так «свезло» с близкими людьми, которым на меня совершенно наплевать?

У меня нет ответов, да и не хочу я их сейчас искать. Все, чего мне хочется это услышать Олега. Как бы у нас не складывались отношения, но он как был изначально для меня опорой, так и остается. Сейчас я понимаю, что это уже очень –очень много. В это мгновение чувствую, как сильно соскучилась за эту неделю по нему, а ждать еще четыре дня. Гладышев в очередном отъезде.

Набираю его номер, в ответ-«абонент недоступен». Становится как-то совсем не по себе. Кажется, как будто в этом чертовом мире я совсем одна. Впрочем, так и есть.

Кому я могу быть нужна, если даже собственная мать за все это время ни разу не дала о себе знать? Никогда не думала, что настолько она может быть безразличной. Неужели не болит душа о том, как я, с кем, где? Неужели совсем ничего нет? Что она за мать? Но все же я скучаю, безумно скучаю. Я пыталась сделать первый шаг, исписала целых десять страниц вордовского листа, пытаюсь рассказать о своих переживаниях, покаяться, но мне так и не хватило духу, чтобы отправить письмо, а также уверенности, что ей нужны мои излияния.

Зазвонивший телефон не позволяет погрязнуть в жалости к себе, и я в который раз убеждаюсь, что существует какая-то Высшая Сила, которая в нужный момент дает нам то, что действительно необходимо.

Я думала, что Гладышев включил телефон, но это оказалась Кристина. После того случая мы созванивались и стали видеться каждую неделю. Общение с Крис было не похоже на общение с Леркой или моими школьными подругами. Поначалу присутствовала неловкость и некий дискомфорт, но все же Кристина была мне очень симпатична, я по-настоящему нуждалась в таком человеке, как она и кажется, это было взаимно. Назвать ее подругой было бы через чур поспешно, но в будущем не исключено. У нас довольно интересно складывались отношения. Не было ни общих знакомых, чтобы перемывать им кости, что зачастую является основной темой для бабских разговоров, да и вообще общего было мало, и тем не менее, мы всегда находили темы для бесед. Нам не было скучно. Кристина открывалась мне человеком глубоким, душевным, серьезным. Возможно, даже слишком серьезным для ее возраста. А еще она была несчастливой, хоть и не жаловалась на свою судьбу, но печаль скрывалась в каждом ее жесте, взгляде и сдержанной улыбке. Я не лезла к ней в душу, надеясь, что со временем мы сможем доверять друг другу. И сейчас я окончательно убедилась, что друзей нужно выбирать не наобум, а осторожно, чтобы однажды не стоять посреди улицы, как я, чувствуя, что ты один во всем мире. Хотя со звонком Крис это чувство стало потихонечку угасать.

-Крис? –ответила я, стараясь, чтобы голос не выдавал в каких я растрепанных чувствах. Но услышав Кристину, я тут же забыла о своих переживаниях.

Некоторое время в трубке слышались лишь еле слышные всхлипы, но потом Кристина взяла себя в руки и охрипшим голосом начала говорить;

-Ян, привет!

-Привет! Ты в порядке? –обеспокоенно спросила я, имея в виду физическое состояние. Было и так понятно, что что-то потрясло мою всегда соблюдающую дистанцию знакомую, раз она не смогла сдержать в себе переживания, как делала всегда.

-Нет. – ответила она односложно, пугая меня еще сильнее. А потом раздался смех и торопливое извинение, словно она устыдилась своего звонка, - Прости, Ян, не знаю, что на меня нашло. Все, как всегда, просто...

Я не могла позволить ей в очередной раз закрыться и в одиночку со всем справляться. По себе знаю, как это сложно, да и мне сейчас тоже нужна была компания, хотя бы просто, чтобы кто-то был рядом.

-Крис, приезжай ко мне. Посидим, отвлечемся, да и просто давно не виделись, - мягко предложила я. На другом конце возникла небольшая заминка, но после Кристина облегченно выдохнула, словно ответ дался ей

крайне тяжело;

-Я приеду. Где-то через час, хорошо?

-Отлично, буду ждать. Чем тебя угощать? –с энтузиазмом резюмировала я.

-Чем-нибудь покрепче, - со смешком отозвалась Кристина.

-Это само собой, –хмыкнула я и попрощавшись, поспешила домой.

Кристина приехала, как и обещала –через час. Пунктуальность была одной из ее отличительных черт. Но как только девушка вошла, я потеряла дар речи. Образец женственности, утонченности и грации вдруг превратился в девчонку с далекой глубинки, причем полностью лишенную даже намека на вкус; объемное зимнее пальто, размера на два больше Кристины, спортивные штаны мышинного цвета и уги, но самым нелепым в ее образе были очки.

Они меня насторожили и напугали, особенно, когда Кристина, сняв верхнюю одежду, так и осталась в них. Я, не скрывая своей озадаченности, сверлила сей аксессуар тревожным взглядом, и Кристина тяжело сглотнув, медленно сняла их, повергая меня в ужас. Дело было даже не синяке под глазом, а в этом бескровном лице. Оно было похоже на застывшую маску. Маску боли, скорби и безнадёги. Перемены были настолько разительные, что я на мгновение растерялась. Кристина у меня всегда, несмотря на свою отстраненность и сдержанность, ассоциировалась с чем-то ярким, живым. Дело не в болтливости или суетности действий, а в энергетике, исходящей от человека. Если бы меня попросили охарактеризовать ее в трех словах, то первое, что приходит на ум - солнечная, медовая, теплая. Сейчас же передо мной был живой труп, и я боялась узнать, как произошло «убийство». Кристина мало говорила о своей жизни, но и того, что я знала, было достаточно, чтобы понять – жизнь у этой молодой, прекрасной женщины похожа на бесконечную борьбу. Встретив Кристину, я никогда бы не подумала, что ей уже тридцать и она мама десятилетнего мальчика, в котором черпает силы, чтобы каждый день просыпаться и продолжать борьбу за любовь, за благополучие семьи, за свое место в этой жизни. А она именно борется! Два года за жизнь мужа, который в результате остался инвалидом второй группы, а теперь с его ожившими демонами. Хотя Крис утверждала, что Павел замечательный человек, но глядя на ее лицо, я хотела, чтобы этот «замечательный» ублюдок провалился сквозь землю.

Видимо, все, что я думала отразилось на моем лице, потому что Крис сразу же с горькой усмешкой пояснила, указав пальцем на гематому ;

-У моей свекрови отличный бросок.

-Она, что ударила тебя?!- воскликнула я, пораженная настолько, что в

голове не укладывался этот кошмар. Не то, чтобы для меня было бы нормой, если бы ее ударил муж, но так бывает, увы и часто. А вот о таком, я впервые слышу.

-Нет, что ты!- улыбнулась Крис, качая головой. – Она для этого слишком интеллигентна, но также она истеричка, а потому бросаться тем , что под руку попадет для нее вполне нормально.

-Это не смешно, Тин, совсем не смешно. Этой женщине нужно лечиться! Что она себе позволяет?! –взорвалась я, не в силах слушать эти полные обреченности подколы.

-Она считает, раз мы живем в ее доме, значит, она может позволить себе абсолютно все. Моя ошибка в том, что когда я продавала нашу квартиру, все мои мысли были лишь о Паше. Только бы он выжил! Будущее казалось мне чем-то призрачным. А сейчас оно обрушилось на меня непосильным грузом и такое чувство, что еще чуть-чуть и раздавит, – прошептала Крис обессиленно и я не нашла, что сказать. Знаете, бывают такие ситуации, когда чей-то праведный гнев и вопли вызывают только опустошение. Это был как раз тот случай. Я не знала всех нюансов, но на все сто уверена, что будь выход, Кристина бы приложила все усилия, чтобы выкарабкаться из сложившегося положения. Она не из тех женщин, которые покорно принимают удары судьбы, она из тех, кто сам кузнец своего счастья. Поэтому я не видела смысла в том, чтобы кричать « Вам нужно что-то делать!», «Так нельзя!» и прочее. Крис бы сделала, если бы была такая возможность. Все, чем я могла помочь, так это внимательно выслушать и поддержать. Этой сильной девушке нужно было побыть хотя бы в этот вечер слабой; поплакать, посетовать, поистерить. Иногда это нужно, особенно, если все ложиться на хрупкие женские плечи.

Я отвела Кристину на кухню, мы молча выпили. Коньяк был до дрожи обжигающим, терпким и невыносимо горьким, но так даже лучше. Хотелось чего-то настолько горького, чтобы заглушить горечь на сердце. Ведь говорят, что клин клином вышибают. Некоторое время мы сидели молча, погруженные в свои мысли. Собственные проблемы казались мне смехотворными. Стало стыдно, что я распустила сопли и жалела себя, будучи здоровой, живущей в достатке, в то время, как люди не опуская рук, преодолевают такие трудности, как Крис. В жизни все относительно благодаря сравнительному анализу.

-А что Паша? Вы с ним тоже разругались? – спросила я спустя несколько минут, наполняя в очередной раз рюмки.

-Он еще не знает. У него сегодня переосвидетельствование инвалидности, он ушел с утра пораньше. Видимо, еще нет дома. И слава

Богу! Не хочу, чтобы он переживал и расстраивался. У него и так сейчас полно забот с реабилитационным центром. Эти сволочи вцепились мертвой хваткой и душат со всех сторон. Для Пашки этот дом инвалидов стал спасением. Я не представляю, что будет, когда его снесут. А это случится. Нам не по силам тягаться с этими денежными мешками. Кто мы вообще для них? Так – жужжащие комарики. Если только посмеем выпить каплю их крови, сразу сдохнем.

Крис замолчала, одним махом опрокинула в себя коньяк и зажав рот ладонью, зажмурилась. А потом из ее глаз покатились слезы. Она всхлипнула, а у меня внутри все оборвалось, глаза наполнились слезами, и когда она громко зарыдала, я тоже заплакала. Видеть эту безысходность было невыносимо, а особенно невыносимо понимать, что я не могу ничем помочь. Разве что только обнять и качать как маленькую, шепча утешительные слова, пока слезы не иссякнут. Так я и сделала. Обняла дрожащие плечи, и крепко сжимая, давала выплакаться. Кристина постепенно успокоилась, вытерла слезы, и тяжело вздохнув, вымученно улыбнулась.

-Прости, Янусь! Я ... просто... так устала. Ни настоящих друзей, ни родных, которым можно было бы открыть душу... только работа, дом и больница. Все эти три года я живу, как в страшном сне.-шептала она, смотря куда-то вдаль задумчивым взглядом, разрывая мне душу. Я никогда не думала, что могу так сопереживать. Но это было не просто нытье и сетование на жизнь-жестянку, это был вопль, именно вопль человеческой души, сказанный шепотом, и этот шепот проникал до самых глубин, пробирал до озноба. Я взяла Крис за руку и крепко сжала, не зная, что еще могу сделать.

Кристина вновь улыбнулась сквозь слезы, как бы успокаивая меня и извиняясь за все это, а мне хотелось, чтобы она не чувствовала стыда и неловкости, чтобы выплакалась от души.

-Тебе не нужно извиняться, Тин! Абсолютно не за что. Тебе нечего стыдиться или стесняться. Уж точно не тебе! Я бы хотела помочь хоть чем-то, самой малостью, хотя бы просто побыть рядом, если нужно. Нам всем иногда необходимо выговориться, выплакаться. Особенно женщинам. Мы ведь девочки не можем без слез. –я подбадривающе улыбнулась, Крис кивнула, усмехнувшись;

-Я уже забыла, Ян, как это –быть женщиной.

-А с виду и не подумаешь. Как порой обманчива внешность. - вздохнула я, закутив.

-Ну, мы-страховщики умеем, как никто иной, пустить пыль в глаза.

Такая уж работа. А вообще, - со смешком произнесла она, наполняя рюмку, - вся жизнь превратилась в один сплошной спектакль; на работе разыгрываю благополучие и уверенность, дома радужность и доброжелательность. Знать бы только ради чего.

Крис сделала маленький глоток и прикрыв глаза, откинулась на стуле. Меня же последняя ее фраза озадачила и обеспокоила, поэтому я осторожно поинтересовалась, стараясь не быть навязчивой и не совать нос, куда не следует;

-А ради чего раньше держалась?

Кристина медленно открыла глаза и неловко пояснила, окончательно шокируя меня;

-У нас с Пашей есть проблемы, которые не разрешить уже никогда, а это отравляет наши отношения, как не старайся делать вид, что все в порядке и ничего страшного не произошло.

Я понимала, что речь идет об интимной стороне жизни, но в тоже время сомневалась, что правильно расценила слова Кристины. Только вот уточнять подобные вещи не посмела. Знаете, в эту минуту я ощутила насколько я еще маленькая, насколько не знаю жизни и это повергало в ужас. Я представляла, как наверное, нелепо выгляжу перед Олегом, жалуясь на свои незначительные беды. Наверняка, он в своей жизни повидал многое. Мне было не по себе. Как будто я вырвалась из своего маленького мирка, который казался мне одним –единственным на всем белом свете и вдруг обнаружила, что он всего лишь крупинка в огромном пространстве, полном неизведанного. Почему-то сейчас пришло понимание, отчего людей чужие беды чаще всего радуют. Наверное, потому что свои на фоне чужих кажутся незначительными. Вот только я не радовалась, я поражалась, насколько бываю ограниченная, зацикленная на себе.

Я обвинила Леру в том, что она не ценит то, что имеет. А разве я ценю? Разве радуюсь тому, что есть? Почему нам всегда мало? Почему мы постоянно видим только плохие стороны, но не замечаем, что вокруг нас столько всего пусть не прекрасного, но даже из маленького зернышка чего-то хорошего, можно вырастить целое дерево, которому по силам сделать нас счастливыми? Мы все ждем чуда, но не хотим ударить палец о палец. А ведь счастье –это не что иное, как награда за труд. Но для начала стоит чуть-чуть присмотреться, оглядеться, быть внимательнее, а то обычно мы замечаем лишь то, что блестит. Этот блеск ослепляет, делает нас завистливыми, разжигает в нас потребность прыгнуть выше головы. Но как бы ты не прыгал, если ты не научился получать удовольствие от того, что

имеешь, то даже допрыгнув до небес, почувствуешь лишь разочарование. И речь не о том, что надо довольствоваться малым, а о том, что счастье мы обязаны построить, а не получить даром.

Все это каждый из нас слышал сотни раз, но я сейчас прочувствовала сию незатейливую истину, я ее обрела, впустила в себя, и на душе стало светло, словно глотнула свежего воздуха.

-О чем задумалась?- мягко поинтересовалась Кристина, допивая остатки коньяка. Я и не заметила, что мы прикончили бутылку. Голова немного кружилась, и хотелось спать.

-О том, что я ничего не знаю о жизни, -призналась я. Кристина неопределенно хмыкнула, а после ее прорвало;

-На самом деле, жизнь – простая штука, вот только мы сами любим ее усложнять себе и другим. Главное, научиться разбираться в людях, тогда будет легче жить. А превратностей судьбы миллиарды. Опыт у всех разный и для того, чтобы что-то понимать, не обязательно напялить на себя ботинки каждого и прошагать его путь. Важно помнить, как мне кажется, что нам всем не дается больше, чем мы можем вынести, но все, что ниспослано свыше –это урок, из которого нужно сделать правильные выводы. Если ты плохой ученик, то будешь учиться вечно и страдать. Она замолчала, я же задумалась о ее словах.

-Что-то меня, однако, понесло. Мне больше не наливать, -засмеялась Крис немного погодя, качая головой, отчего ее повело в сторону.

Я пьяно улыбнулась, чувствуя, что мы немного перебрали. Но больше всего веселило то, что будучи в таком состоянии, у нас столь серьезные разговоры.

-Я об этом, если честно, не задумывалась, - призналась я, отвечая на ее монолог на тему «житие-бытие».

-В восемнадцать я вообще ни о чем не задумывалась, кроме, разве что, в какой кофточке пойти к Пашке на свидание. Но, поскольку у меня их было всего две, то долго выбирать не приходилось, - разрядила обстановку Крис, а потом с ностальгией высказала мои совсем недавние мысли вслух, - Это было замечательное время, хотя тогда я так не считала. Мне всегда казалось, что счастье оно где-то там; вот закончу университет, тогда что-то будет грандиозное, вот выйду замуж и заживу, вот родится ребенок и уж тогда... А потом однажды бац –очнулся, и вот тебе уже тридцать, ты сидишь, пьешь с горя коньяк и вспоминаешь те две несчастные кофточки и понимаешь, какой дурой была.

Слезы потекли по ее щекам, но она уже их не вытирала, просто глотала, глядя в одну точку напротив. Во мне же разгорался пожар. Есть

моменты, когда нужно молчать, а есть, когда нужно дать хорошего пинка. Я не имею представления, откуда мне это известно, но я была уверена, что сейчас как раз самое время для волшебного, отрезвляющего пенделя.

-Всего лишь тридцать, Тин! Всего лишь! Как Катерина говорила; «В сорок лет жизнь только начинается, это уж я теперь точно знаю!». Не хорони себя, не давай унынию растерзать душу. Ты очень сильный человек. Да, тебя придавило к самому полу, но не дай сломать себя. Ты сама сказала, что мы сами все усложняем, а жизнь простая. Так вот-не усложняй, не оглядывайся назад и не смотри далеко вперед, лучше загляни внутрь себя, узнай, что ТЫ действительно СЕЙЧАС хочешь и подумай, как этого достичь.

-В жизни мало что бывает, как мы хотим, - устало отозвалась Крис.

-Естественно, если мы сами не желаем себе счастья и ничего для этого не делаем, так с чего оно должно нам на голову упасть?! – сыронизировала я.

Кристина удивленно на меня взглянула, а потом усмехнулась, признавая мою правоту.

-Наверное, ты права.

-Не «наверное», а я права! Понимаю, что мои речи звучат пафосно, и могут вызывать раздражение. Легко мне рассуждать и раздавать советы. Но я не стараюсь умничать, мне просто очень хочется, чтобы в твоей жизни появился маленький лучик света, - со всей искренностью сообщила я.

Крис благодарно улыбнулась и протянув руку, накрыла мою. Ее пальцы были ледяными, но на душе у меня стало тепло, когда она тихо сказала;

-Он уже появился. Это ты! Спасибо тебе за поддержку.

-Не надо за это благодарить! Все от души. Уверенна, ты бы сделала тоже самое.

-Не хочу я этого делать. Пусть все будет хорошо! –шутливо парировала Кристина, поднимаясь со своего места, ее вновь повело. Я быстро среагировала и успела поддержать.

-Что-то я сильно перебрала.

-Может, останешься? –предложила я обеспокоено.

- Нет, спасибо, Януль, не хочу оставлять Антошу с этой истеричкой, да и Паша будет беспокоиться. Странно, что еще не позвонил.

-Приводи в следующий раз Антона Павловича в гости, хочу с ним познакомиться. Вы в честь Чехова что ль окрестили?- подколола я ее. Кристина засмеялась.

- Нет, вышло случайно, но все над нами смеются. Мы придем, Антошка будет рад, а то живем в полнейшей изоляции-это неправильно. Паша после аварии стал замкнутым, люди его раздражают, он чувствует себя неловко, поэтому ведем уединенный образ жизни, - призналась она как можно спокойнее, но горечь была в каждом слове.

-Буду вас ждать. – со всей теплотой отозвалась я, не зная, что еще сказать. Что тут скажешь. Это не надуманные проблемы, это горе, которое пережить не каждому по силам.

-Прости, я сегодня весь эфир заняла своими проблемами, о тебе даже не спросила, – с сожалением произнесла Кристина, отвлекая от размышлений.

-Прекрати. У меня все, как всегда стабильно по средам и пятницам, - отмахнулась я с иронией.

-А вот теперь твоя очередь последовать собственным словам. Не зацкливайся на плохом; получай удовольствие, извлекай выгоду, если большего получить не дано, а быть рядом хочется.

-Так я и собираюсь сделать, -подмигнула я. Мы засмеялись, хотя на душе было тоскливо.

Через полчаса собравшись с горем пополам, вызвали такси. Нас совсем развезло и мы ели как выползли из квартиры. Но я была лишь слегка навеселе, а вот Крис совсем стало плохо. Поддерживая ее, подвожу к лифту.

-Кошмар, не нужно было столько пить. Голова просто раскалывается, – пожаловалась она, прислонившись к стене.

-Я тогда с тобой поеду, а то мало ли что по дороге.

-Не надо. Все в порядке. У меня всегда так; голова жутко болит, если хватану лишка. Просто нужно выпить таблетку и лечь спать, –постаралась она успокоить меня, но было как-то не убедительно.

Лифт остановился этажом выше, кто-то зашел, вызывая раздражение. Но когда двери лифта открылись на нашем этаже, и я увидела, с кем нам предстоит спуститься вниз, я разве что язык не откусила от удивления, стыда и неловкости.

Напротив меня оказался друг Гладышева, ставший свидетелем того кошмара в Де Марко. Если он и был удивлен, то виду не подавал. Высокомерно приподняв бровь, окинул нас быстрым взглядом, словно оценивая. Уголок его губ дернулся, и я поняла, что он едва сдерживает смех. Впрочем, посмеяться было над чем. Видок у нас тот еще; если Кристина хотя бы не особо выделялась в своем убогом наряде, разве что только очками, то я выглядела комично в соболином полушубке и

кроссовках. В общем, нацепила первое, что под руку попало. Но кто же знал, что предстоит такая встреча?! Теперь же я сгорала от стыда. Предстать перед знакомым Гладышева в подобном наряде – кошмар наяву. Мне хотелось развернуться и уйти, но не успела я сориентироваться, как Кристина уже сделала шаг в сторону лифта, и тогда я окончательно прокляла этот день. Ее занесло и она начала падать. Я дернулась к ней, но этот суровый с виду шатен уже подхватил Кристину. Она вцепилась обеими руками в воротник его пальто, не понимая, что произошло. Шатен всматривался в ее лицо, отчего Крис тут же поправила очки. Данная картина напоминала сцены старых фильмов, где барышня хлопнулась в обморок в объятиях джентльмена. У меня вырвался смешок, который тут же привел всех в чувство. Кристина неловко высвободилась и извинилась. Ее пылающее лицо даже меня веселило, не говоря уж о Гладышевском друге, с которым мы как два заговорщика переглянулись, скрывая улыбки. И как-то сразу пропала былая неловкость и стыд. Я кивнула шатену и вошла в лифт.

-Надо же какие люди и без охраны, -усмехнулся он. Крис медленно повернула к нему голову и посмотрела поверх очков, как на идиота, что окончательно сломило мою выдержку. Я прыснула и начала смеяться. Наверное, сказывался алкоголь и напряжение.

- Зачем мне охрана? Я и сама могу за себя постоять, уж вам-то это должно быть известно, – нагло парирую, надевая свою привычную маску.

-А я беспокоюсь не о тебе, а об окружающих. Перепугать до усрачки двух мужиков, вооружившись лишь чашкой кофе-это надо уметь. Отчаянная ты дама, -покачал он головой со смешком. Было не ясно, что скрывается за его иронией; неодобрение или же просто смех.

Впрочем, мне все равно. Улыбнувшись краешком губ, пафосно резюмирую;

-Значит, отчаянная. Но именно в этом и есть моя прелесть, моя изюминка.

Мне показалось, что это прозвучало довольно круто, но последовавший ответ лишил дара речи.

-Лучше бы были извилины, девочка. Вчерашняя изюмина, однажды станет напоминать сушеный таракан. Не советую больше так шутить с Олегом, а то может плохо закончится, – холодно сообщил он мне, вызывая желание послать на хер. Советчик тоже тут выискался!

Кристина, которая все это время стояла, прислонившись к стене лифта, и страдая от головной боли, повернулась к нам, не понимая, что происходит и о чем вообще речь.

- Ну, во-первых, я вам не девочка! А во-вторых, мы с Гладышевым как-нибудь разберемся сами, что для нас лучше. Не стоит навязывать людям того, чего хочется для себя. Вкусы у всех разные, - сладко пропела я, стервозно улыбаясь. Шатен тихо засмеялся, похоже, искренне забавляясь, чем выводил из себя.

-Ну, что же, удачи в «разборках»!- весело пожелал он, с таким видом, будто я-конченная дура, и тратить на меня время-просто кощунственно. Это был довольно «тонкий» намек на то, что наши с Гладышевым отношения не предполагают никаких разборок и чего-то поистине серьезного, чтобы задумываться о том, что лучше. В общем, меня очень тактично заткнули, попав в самое больное место.

Я сделала вид, что не поняла двусмысленности фразы и продолжила мило улыбаться, хлопая ресничками. Как порой удобно прикидываться недалекой. Тем временем дружок Гладышева переключил внимание на все еще ничего непонимающую, пьяную Крис. В душном лифте ее окончательно развезло. Я только сейчас заметила, что она побледнела и едва держится на ногах.

-Крис, ты как?-обеспокоено спросила я, когда двери лифта открылись.

Кристина вымученно улыбнулась и прошептала охрипшим голосом;

-Больше никогда не буду пить!

Сзади раздался смешок, а потом неожиданное предложение.

-У меня в машине есть чудо-средство, пошли, выпьешь, полегчает, - обратился он к Кристине, когда мы стали выходить.

-Да, вы добрый Самаритянин, как погляжу, - усмехнулась она через силу. Я же довольно улыбнулась.

-Ну, привлекательной девушке грех не помочь.

-Мм, и лицемер к тому же. Или вы тоже пили? –насмешливо поинтересовалась она. Мне хотелось ей поаплодировать. Было забавно наблюдать за их пикировкой.

Шатен улыбнулся и покачал головой.

-Невысокого ты о себе мнения.

-Объективного! - отрезала она.

-Ну, не выдумывай. Ты у меня красотка!- возразила я голосом, не терпящим возражений.

-Еще какая! –сыронизировала Крис, смеясь.

-Понятие красоты всегда субъективно, поэтому спорить об этом смысла нет никакого.- уверенно произнес мужчина, ставя точку в бессмысленном споре. И не согласится с ним, было невозможно.

На улицу мы вышли молча, каждый погрузился в свои мысли. Сделав

несколько шагов, Кристина остановилась и с шумом втянула воздух. Я заволновалась, особенно обнаружив, что никакого такси и в помине нет.

-Всего хорошего, - подмигнул друг Гладышева, проходя мимо.

-Подождите! – остановила я его. Не знаю, какой черт меня дернул. Но я подумала, что глупо отказываться от помощи, которая сейчас необходима. Кристина даже не отреагировала, она просто глубоко дышала и пыталась держаться на ногах, поэтому я перестала сомневаться в правильности действий. Шатен не стал ничего спрашивать, просто подошел и помог мне довести Крис до машины. Она попыталась возражать, но мы не собирались ее слушать. Мужчина дал ей таблетку и воду. Кристина выпила предложенное без лишних вопросов.

-Спасибо! И как вас зовут добрый человек? –поблагодарив, со смешком задала она интересующий и меня вопрос.

-Михаил. –коротко ответил мужчина. Мы кивнули и оглянулись в ожидание такси, но его все не было. Кристина не сдержалась и раздраженно втянула воздух.

-Где этого таксиста носит?!

-Сейчас позвоню, узнаю, что за ерунда. –отозвалась я, но вдруг обнаружила, что забыла телефон дома, -Бл...-, хотела я выругнуться, но тут же осеклась под насмешливым взглядом Миши. Не хватало еще, чтобы потом он высказал на мой счет свои соображения Гладышеву, хотя вряд ли этого удастся избежать.

Кристина выжидающе посмотрела на меня.

-Телефон забыла, - пояснила я.

-А мой сел, -тяжело вздохнув отозвалась она в ответ.

-Давай, подвезу, -предложил Миша, садясь в машину. И каково же было мое удивление, когда Кристина не отказалась.

-Если не сложно, - согласилась она, даже не раздумывая.

-Да без проблем, -пожал он плечами и кивнув мне, скрылся в салоне автомобиля. Я же застыла с телефоном в руке, не зная, что сказать. Мне было как-то странно, что Крис вот так просто взяла и села в машину к малознакомому мужчине. То, что он друг Гладышева, мне лично, ни о чем не говорило. Но она не позволила мне пребывать в недоумение.

-Что-то мне совсем не хорошо, Януль, быстрее бы домой попасть, поэтому сил ждать нет, -призналась она устало.

-Я поеду с тобой тогда, - вызвалась я, но Кристина поспешила меня успокоить.

-Не переживай даже, со мной все нормально! Просто голова раскалывается. Да и Михаил-ваш знакомый. Думаю, на него можно

положиться, -слабо улыбнувшись, заверила она.

В своем новом знакомом я не то, чтобы сомневалась, но и доверия особого не испытывала, к тому же переживала за Крис.

-Может, в больницу съездить? Мало ли, вдруг отравление? – никак не могла я успокоиться, но Кристина лишь отмахнулась с улыбкой.

-Я позвоню, -пообещала она, садясь в машину.

Через минуту я осталась одна посреди пустынной улицы. Было странное ощущение. Домой совершенно не хотелось, поэтому я решила немного прогуляться. Московская погода середины декабря для меня – сибирячки казалась просто чудесной; морозец был бодрящим, а не как у нас в Рубцовске-обжигающим . Ни пронизывающего ветра, ни снегопада, ни слякоти. Снег лишь слегка принарядил город, добавив нотку волшебства. В преддверие Нового года Москва превратилась в сказочный город ; вся горела, блестела, сияла. Праздничная атмосфера была настолько ощутимой, что передавалась каждому. Чувствовалось всеобщее предпраздничное возбуждение; люди суетились, бегали с кучей пакетов, нагруженные подарками, даже стали чуточку добрее и больше улыбались.

Люблю я это ожидание праздника, чудес, перемен. И надо признаться, как в детстве, ждала и сейчас, возможно, даже больше, чем когда либо. В моей душе пустила корни очередная надежда, только на сей раз, она была подкреплена твердой решимостью; находить радость даже в том немногом, что меня окружает.

Остановившись на Андреевском мосту, глядя вдаль на Москву-реку, я пообещала себе, что буду счастливой, приложу для этого все усилия.

Не знаю, сколько я бродила по Пушкинской набережной, думая о маме, о Лерке, о Крис, и конечно же, о наших с Олегом отношениях. Эта прогулка успокоила меня, мне удалось привести чувства и мысли в порядок.

Домой я возвращалась с легким сердцем и приподнятым настроением. Решила, что приду и позвоню моему Зануде, скажу, что скучаю и жду его. Скажу, не тая, что с ним все мои страхи становятся былью. Скажу, что люблю его. Да! Вот так возьму и скажу! Надоело претворяться, играть дурацкую роль. Хочу открыто любить, дарить радость, радоваться самой, а не бесконечно страдать, замыкаясь в себе.

Окрыленная этими мыслями я ворвалась в квартиру на Мытной, но не успела снять шубу, как почувствовала любимый до дрожи аромат. После прогулки обоняние обострилось, и я отчетливо ощущала присутствие Гладышева в квартире, хоть это и было по многим причинам невозможно. Одной из таких являлось правило «неночевок». Олег не оставался на ночь

и самое позднее уезжал в десять, а сейчас уже одиннадцать. Дело было не в его забубонах, а в проблемах с дочерью, с которой он старался в последнее время проводить больше времени. Однако положительного эффекта не наблюдалось. Гладышев особо не распространялся на данную тему, но я научилась понимать по выражению его лица, что что-то в очередной раз неладно. С каждым разом их отношения становились все хуже. Насколько я могла судить, у девочки трудный возраст начался внезапно и бурно. Олегу приходилось не просто, что в свою очередь беспокоило меня. Мне не хотелось, чтобы в его жизни присутствовали подобные проблемы, но, к сожалению, не в моих силах было оградить его от этого. Я злилась, ужасно злилась на его дочку, и заочно ее невзлюбила, хотя, конечно, это неправильно. Но больше всего эмоций у меня вызывал пофигизм его бывшей жены. Я просто ненавидела эту Леночку и не понимала. Как можно спокойно сидеть в другом городе и радоваться жизни, когда твой ребенок идет по скользкой дорожке? Как можно полагаться на мужчину в вопросах воспитания детей? Когда я начинала думать обо всем этом, вспоминала маму, и моя ярость, боль и ненависть достигали апогея. Не понимаю я таких женщин. Не представляю себя такой матерью.

Но в данный момент меня беспокоило, конечно, не это.

В квартире было темно и абсолютно тихо, вот только ощущения чьего-то присутствия не исчезало. Мне стало вдруг не по себе. Не раздеваясь, на цыпочках я потихонечку пошла на кухню, но не сделав и пары шагов, запнулась о пакеты с тряпьем, которое накупила днем и приехав, бросила в коридоре. Ели как удержавшись на ногах, яростно отпихнула ногой пакеты, и наплевав на осторожность, смачно выругнулась.

-Твоя жадность тебя погубит, -как гром среди ясного неба раздался насмешливый голос Гладышева в темноте. Сказать, что я испугалась – ничего не сказать. Сердце ухнуло вниз, а потом сделало кувырок.

-Господи, это ты! - выдохнула я с облегчением, включая свет. Гладышев на меня даже не посмотрел, откинувшись на спинку стула, вытянул ноги и словно хищник оценивал обстановку, скользя цепким взглядом по неприбранному столу, куче пакетов и разбросанным вещам.

Я нервно сглотнула, чувствуя волнение.

-Я тебя не ждала, -пояснила, как можно беспечнее, натянуто улыбнувшись.

-Да я уж понял, - усмехнулся Олег. Я хотела возмутиться по поводу его, наверняка, гнусных догадок, но Гладышев тяжело вздохнул, и облокотившись на стол, устало потер лицо. И весь пыл отстаивать свою независимость и прочий бред, как-то угас сам по себе. Я только сейчас

заметила, как Олег неважно выглядит; бледный, расстроенный и похудевший, отчего лицо приобрело опасное, злое выражение. И мне стало страшно, но не за себя. Я ничего такого не сделала, чтобы волноваться, а вот его состояние меня беспокоило. Никогда Гладышева еще таким не видела. Было очевидно, что что-то произошло.

-Что случилось?- осторожно спрашиваю, подходя к нему вплотную. Олег никак не реагирует, погруженный в свои мысли, пока я не присаживаюсь рядом и не касаюсь нежно его щеки. Она холодная, гладкая, как шелк. Скольжу кончиками пальцев, чувствую покалывание и дрожь. Вот так всего лишь с одного касания, с полуоборота завожусь. Схожу с ума от одного лишь присутствия этого мужчины.

Гладышев тяжело вздыхает и обращает взор на меня, отчего сердце ухает куда-то вниз, а по венам, словно горячая лава, бежит кровь. Она обжигает каждую клеточку моего тела. Жадным взглядом впитываю любимые черты и понимаю, насколько мне этого мужчины не хватало, как сильно скучала. Вспоминаю, как ждала, засыпая одинокими ночами в его футболке. Как с маниакальностью собаки-ищейки выискивала запах его парфюма, и найдя, засыпала, убаюканная его частичным присутствием. Как одним лишь именем, загорающим на дисплее телефона, согревалась, словно делала глоток горячего шоколада в морозный день.

Может ли человек быть заболеванием и панацеей? Гладышев мог. Он был моим спасением от тоски, лекарством от всего, что приносило страдание, даже от самого себя. Он – моя сила и слабость. Как воздух нужен и в этом вся суть.

И сейчас вдруг стало неважно, что он не листал календарь, считая дни до встречи, как это делала я, закрывая глаза, представляя его рядом, живя им, скучая, и любя. В это мгновение было главным то, что этот мужчина здесь и сейчас со мной. Вот такая странная, беззаветная, бессмысленная, но наполненная жизнью любовь. Мука ли это? Только, если бороться с ней. А бороться с чувствами-что может быть бессмысленнее? В этом я уже убедилась и больше не стану этого делать.

-Какие-то проблемы на работе?- продолжила я дознаваться, включив тактику «горячо-холодно», впрочем, бестолковая это затея. Гладышев редко, когда делился своими переживаниями, а если такое и имело место быть, то только вскользь и потому, что ему так захотелось, но никак не благодаря моим расспросам и хитрости.

Вот и сейчас Олег лишь улыбнулся краешком губ, и окинув меня оценивающим взглядом, выдал совершенно не в тему;

-Отлично выглядишь.

Конечно, это сарказм, но намек я поняла. Нынешнее, Гладышевское «отлично выглядишь» звучало, как «оставь меня старуха, я в печали». Поэтому я решила пока не лезть. Олег не терпит вмешательства в свои дела. Но в моих силах было отвлечь его от тяжелых дум и поднять настроение. Именно этим я и собиралась заняться, заткнув поглубже горечь и обиду от того, что как бы я не старалась, а Гладышев, как был, так и остается для меня загадкой. Но я ведь решила, что буду извлекать из всего радость и дарить ее Олегу. И я буду! Вот прямо сейчас и начну.

-Ну, конечно, отлично. Я ведь у тебя самая красивая девочка на свете, - подмигнув, улыбнулась Гладышеву и поддавшись вперед, крепко поцеловала. Олег на поцелуй не ответил.

-Вижу, ты без меня не скучаешь, - холодно заметил он, демонстративно оглядевшись вокруг.

Я тут же взбесилась. Подобные нападки просто убийственны. Он что, думает, я буду сидеть в четырех стенах и молиться на Его Величество? Но вслух ничего из этого не сказала, вовремя вспомнив о своих установках, да и взгляд прищуренных глаз подстрекал сделать все назло и не вестись на провокацию. Ведь Гладышев ждет, что я вспылю.

Ну, нет. Я не столь примитивна, как ты думаешь мой милый!

Пожав плечами, тоже огляделась. И прислонившись головой к его плечу, с тяжелым вздохом призналась, передавая всю степень своей тоски;

-А вот и нет. Я скучаю! Очень скучаю без тебя. Даже коньяк не спасает.

Я почувствовала вибрацию Гладышевского тела. Приподняв голову, встретила со смеющимся взглядом Олега, качающего головой. Невинно захлопав ресницами, прячу довольную улыбку, но Гладышев все равно замечает мои потуги и тихо смеется.

-И все же средство от печали ты нашла, - насмешливо произнес он, кивнув на пакеты с одеждой.

-Нашла, -согласилась я и взяв его руку, прижалась щекой к ладони, блаженно закрыв глаза, тем самым обозначая свое «средство от печали».

-Лиса ты, а не Чайка. Как петить-то научилась. Далеко пойдешь, - отвесил он сомнительный комплимент, лаская мою щеку.

-Зачем мне далеко ходить, когда ты рядом.

-С кем тоску –то заливаешь? –проигнорировал он очередное мое откровение.

-А ты как думаешь?

-Я должен об этом думать?

-Тогда зачем спрашиваешь? –лукаво поинтересовалась, открывая глаза.

-Чтобы не расслаблялась, - со смешком парирует он.

-Зануда ты мой, - просюсюкала я, покрывая поцелуями его лицо, отчего он засмеялся уже безо всякой иронии.

-Дурочка, -промычал, когда я закрыла ему рот поцелуем, на который он ответил, но я не дала развития этому сюжету, так как на сей вечер у меня были другие планы. Я хотела, чтобы он стал непохожим на все другие. Да и Гладышеву нужно отвлечься, развеяться, может даже, молодость вспомнить. Потому оторвавшись усилием воли от Олега, чмокнула его, и поднявшись, хлопнула в ладоши.

-Так вставай, хватит нудить и хандрить, собирайся.

Гладышев удивленно вскинул бровь, так и не шелохнувшись, но я не стала его упрашивать. Натянула все те же кроссовки и застегнув шубу, подхватила ключи и обернувшись, поторопила;

-Давайте, поднимайте свой зад Олег Александрович.

-Куда?- нахмурился он.

-Узнаешь.

-Я устал.

-А я тебя не на работу гоню. Одевайся! Если хочешь, я тебе даже шнурки завяжу, -подколола я его.

-У меня настроения нет.

-Мне это не интересно, Олеженька. Ты приехал в неподобающее время, так что побереги свои начальнические замашки для сред и пятниц, а сегодня -леди сверху, поэтому собирайся! - пропела я сладким голосом, и улыбаясь краешком губ , наблюдала за его изумлением. Я была решительно настроена, вытащить его куда-нибудь, а потому все средства были хороши.

-Вот даже как?! - усмехнулся он и продолжил, - А что, если я не соглашусь?

-Тогда в самую пору заказывать гроб и прекращать таскаться по молоденьким девочкам, - изрекла я обреченно, словно сообщала о какой-то неизлечимой болезни. Гладышев захохотал.

-Ты такая пристающая, -резюмировал он, нехотя поднимаясь из-за стола. Я ликовала.

-А ты такой занудный, -огрызнулась в ответ. Олег тяжело вздохнув, одел пальто, а после обул ботинки и вытянул ногу.

-Ну, завязывай, раз вызвалась. – насмешливо кинул он, довольный своей шуткой. Я скорчила рожицу и демонстративно опустила на колени, Гладышев засмеялся, убирая ногу.

-Да, ладно, я же пошутил.

-А я нет. Сказала, что завяжу, значит-завяжу! - отозвалась я со всей

горячностью, на которую была способна, и пробежавшись ласково по его голени пальчиками, принялась завязывать шнурки.

- Ну, ты кадр, Чайка, -выдал он, когда я покончила со шнурками и поднялась с колен.

- Я штучный экземпляр, Олеженька. Какая еще будет тебе шнурки завязывать, да твое занудство терпеть?! - заявила с самоуверенным видом.

-Больно ты терпишь,- съязвил он, а после пробурчал, - Потащила меня куда-то на ночь глядя. Я спать вообще-то хочу.

-На том свете отоспишься, - отмахнулась я.

-Ну, благодарю за заботу.

-Всегда, пожалуйста, Олеженька. Всегда, пожалуйста!- едва сдерживая смех, острила. Но ответная цитата из кинофильма « Любовь и голуби» убила мою выдержку.

- Знаете, как она меня называла? Никто не знает! Я ей говорю — Санюшка! А она мне — Митюнюшка!- очень даже талантливо продекларировал Гладышев.

Мы захохотали. Настроение поднялось, а все неприятности отошли на второй план.

-Ну, а чем тебе Олеженька не нравится? Очень даже мило, - утирая выступившие от смеха слезы, подначивала я его.

-Так меня моя бабка звала, когда хотела всыпать, но догнать не могла. – сообщил он, а я вновь закатилась от смеха, представляя Гладышева убегającego от старушки.

-А как тогда она тебя звала в добром расположение духа?

-В добром расположение духа она со мной не бывала. Только и слышал в свой адрес «Изверг проклятый», « Кровопийца несносная», - ответил Гладышев будничным тоном.

-Что?!- воскликнула я, поперхнувшись очередным приступом смеха.- Ничего себе бабушка.

-Да бабушка-то нормальная была, а вот внучок –оторви да выбрось. Прутом меня часто охаживали, но «шило из задницы не вынешь», как дед прискорбно сообщал бабке, когда я после очередной экзекуции отмачивал назло что-то запредельное.

-Вот, значит, какой ты, Олеженька. А ведь и не подумаешь, что за этой маской занудной благопристойности скрывается плохой мальчишка, - поцокала я, осуждающе качая головой.

-Вот тебя бы хорошо к моим бабке с дедом на недельку отправить, сразу шелковой бы стала,-заверил меня Олег.

-Ой, да ладно! Перещеголять тебя в воспитательном процессе

невозможно. Правильно твоя бабка говорила; Изверг проклятый! Кровопийца несносная! Прямо в точку. А что касается меня, то я и так шелковая,- выдала я, садясь в машину и усевшись поудобнее, добавила недвусмысленно, - Причем во всех местах.

Гладышев покачал головой и закатил глаза.

-Я над тобой еще и не начинал издеваться, а вот ты мне уже за полчаса весь мозг выдрочила! -буркнул он, заводя машину. - Поперлись куда-то на ночь глядя. Куда, кстати?

-На Новый Арбат поехали.

-За каким, боюсь спросить?-связвил он, так и не тронувшись в путь.

Боже, ну, что за человек?! Я втянула побольше воздуха, стараясь успокоиться и мне это почти удалось. Взмахнув рукой, распорядилась;

-Вот и не спрашивай! Хватит уже все контролировать! Расслабься и будь ведомым хоть раз, - не выдержав, начала я упрашивать его. Олег собирался что-то сказать, но сдержался, и я поняла, что вот сейчас надо жать на все кнопки, чтобы не передумал.

-Поехали, немного развеемся. -настойчиво прошептала я, наклонившись к нему. Олег взглянул на меня с сомнением, но ничего не сказал. Мы тронулись в путь. Возникшая пауза показалась мне неловкой, поэтому я решила вернуться к прерванному разговору о детстве Гладышева. Для меня подобная откровенность с его стороны-настоящий праздник. Да и какая женщина не хочет знать о любимом мужчине, как можно больше из его собственных уст?! Я не просто хотела, я жаждала, как цветок жаждет воду в засушливые дни. Поэтому поинтересовалась, чтобы как-то вернуться к нужной теме;

-Ну, сейчас-то бабушка, наверное, тобой очень довольна?

-Сомневаюсь, что можно быть хоть чем-то довольным, когда тебя жрут черви. Хотя, она говорила, что только в смерти ей будет от меня покой, поэтому хрен ее знает, - как ни в чем не бывало, парировал Олег. Я поперхнулась и ели сдержалась, чтобы не захохотать, не зная, как на это реагировать.

-Извини, я не думала, что она умерла! - отозвалась я машинально. Вроде бы, так люди, обычно, исправляют подобные оплошности. Только вот Гладышева мой ответ не впечатлил.

-Да ладно уж извиняться. Мне почти сорок, а я младший сын младшего сына, так что бабке где-то сто пять или чуть меньше должно было быть в этом году. Не вечно же ей жить. – иронично заметил он.

-О, так у вас большая семья,- подивилась я. Почему-то мне казалось, что Гладышев, как и я один-одинешенек.

-Немаленькая. Нас только трое у отца с матерью, а там еще двоюродных братьев и сестер до хрена и больше.

-А у тебя какая разница с родными братьями?-почему-то мне показалось, что у Олега одни братья, но я ошиблась.

-С сестрой девять лет, а с братом семь.

-И сестра есть?! Здорово! Я всегда мечтала о большой, дружной семье.

-Большая не всегда дружная, но у нас семья нормальная. Не скажу, что очень дружен с братом, но с возрастом стали как-то больше общаться. А Светланка-сестра моя вечно со мной нянькалась. Я же проблемный был по молодости, отец мне Витьку всегда в пример ставил, но в семье не без урода, что как говорится, - вкратце осветил он свои взаимоотношения с семьей. Но что было удивительным, он рассказывал о своих родных с теплой улыбкой, несмотря на подобный опыт.

-А сейчас все такого же мнения?- спросила я, прекрасно зная ответ, но желая услышать.

- Ну, сейчас –то понятно, гордость семьи! - усмехнулся он не без иронии.

-Ты обижаешься за прошлое?

-Нет, на что обижаться-то? Хотя отец постоянно и ругал, но гордился мной. Парнишкой я был смышленным и целеустремленным. А если что –то и творил, то только по причине нехватки денег, а не потому что меня тянуло безпредельничать. Я не был раздолбаем, постоянно крутился и без средств не оставался, помогал семье, когда все без работы сидели в девяностые. Так что особых наездов не было, хотя конечно, родители, как и любые другие бы на их месте, хотели для меня иной жизни. Но, не помню у нас такого, чтобы кого-то любили больше, кого-то меньше. Ну, разве что мать меняМладший сыночек, так похожий на нее и этим все сказано, - Олег засмеялся, я тоже улыбнулась. Так захотелось увидеть женщину, которая родила и воспитала этого мужчину. Наверняка она красавица, если судить по сыну.

А Олег меж тем продолжал, чему я была безумно рада;

- Единственное, у меня была полоса невезения лет до двадцати трех, и я чудил, поэтому на фоне брата и сестры с высшим образованием, серьезными взглядами на жизнь и ответственностью выглядел не лучшим образом. Но никто не ставил на мне крест и не говорил, что я пропащий человек. Просто так складывались обстоятельства.

-Так у тебя что, нет высшего образования?- в очередной раз изумилась я.

-Есть, конечно. Я это образование, чтобы получить, все круги ада

прошел, чтоб ты знала! - с театрально-напыщенным видом сообщил Гладышев.

-Ну, хоть пригодилось?-иронично поинтересовалась. Олег на секунду задумался, и ухмыльнувшись, весело ответил;

-Скорее да, чем нет.

Я засмеялась. Мы выехали на Новый Арбат и Гладышев сбросил скорость.

-Ну, и куда дальше?

-В Октябрь.

-В смысле, в кинотеатр?- уточнил Олег зловеще, я прикусила губу, и через чур жизнерадостно улыбнулась.

-Никогда не была в кино ночью, - все, что смогла я ответить, наблюдая, как у Гладышева желваки на щеках заходили от негодования.

-Ты издеваешься что ли?! Это твоя пустоголовая подружка тебя надоумила в очередной раз?

-Почему сразу издеваюсь? И причем здесь вообще подружка? У меня своя голова есть!

-Ну, когда ты орала возле клуба, вроде, как это была ее идея.

-И что?! Зато теперь я здесь, а так бы и дальше пускал на меня слюни во время обедов в Де Марко, -заявила я самоуверенно. Гладышев поперхнулся от такой заносчивости, а через минуту начал хохотать.

-Чайка, у тебя непосредственность на грани идио....- просмеявшись, собирался он отпустить очередную гадость, но вовремя замолчал. Ухмыльнулся дерзко, как мальчишка и закончил мягко, хотя было понятно, что имелось в виду, - Зашкаливает короче, даже злиться не получается.

Я мысленно отсчитала до десяти, чтобы не вспылить. Мы припарковались. Я же все в той же невозмутимой манере продолжила;

-А что на меня злиться? Радоваться должен; напрягаться не надо. Кто тебя еще в кино поведет?!

-Да так –то у меня дома кинотеатр, - снисходительно сообщил он.

-Ну, дома-это не то. Смысл то в атмосфере. А для пар это еще и ...-я замолчала, пытаюсь подобрать слова, чтобы выразить свою мысль, но под смеющимся взглядом Олега смутилась.

- Что ты ржешь?! –воскликнула я, ткнув его в бок.

-Да ничего, продолжай, -покачал он головой, откровенно веселясь.

-Короче романтично это, понимаешь или ты вообще дурак, не расшибаемый об дорогу?!-взбесилась я, покраснев.

-Кто?! –воскликнул Олег, выходя из машины, и начал реально ржать, как лошадь. На него даже проходящие мимо люди косились, но ему было

плевать. Гладышев продолжал гоготать на всю улицу , пытаясь что-то мне сказать в перерывах между приступами смеха.

Психанув, хлопая дверью машины и опустив голову, скрывая лицо, превратившееся в помидор, двигаюсь в сторону кинотеатра.

Глава 14.2

Гладышевский смех вызывал у меня стыд и неловкость. Я чувствовала себя душой.

Почему мужчины такие кретины?!

-Чайка, вы там что пили –курили с твоей подружкой?- раздался за спиной веселый голос Олега, окончательно доводящий меня до бешенства.

-Ни хера! И нет у меня никакой подружки!

-Как нет?! А куда она делась? Или правда говорят, что женской дружбы не бывает?- продолжал он насмехаться.

Я отмахнулась, пряча слезы. Настроение опустилось ниже некуда, зато Гладышеву весело. Вечно у нас так-полнейший «рассинхрон» и несовпадение.

Прикусив губу, смотрю затуманенным слезами взглядом на расписание сеансов, но ни черта не вижу, пока обзор не закрывает подошедший Олег. Пытаюсь скрыть слезы, но он все равно замечает. Нахмурившись, тяжело вздыхает и виновато улыбнувшись, наклоняется ко мне.

– Ты обиделась что ли? Я же шучу, малыш. Нашла кого слушать. Ну, дурак, я «не расшибаемый об дорогу»-правильно сказала, -засмеялся он вновь, я тоже не смогла сдержаться и улыбнулась сквозь слезы.

Так мы и стояли посреди холла кинотеатра, смеясь. Гладышев даже обнял меня и чмокнул в лоб, что было высшей степенью проявления доброты и нежности с его стороны, ибо не в привычках Олега сюсюкаться на людях, да и вообще сюсюкаться. Меня этот жест тронул до глубины души, до очередных слез. Я забыла об обиде и простила Олега, как всегда и бывало, стоило ему проявить чуточку тепла. Но все же компенсацию потребовала, поэтому мы пошли на фильм по моему выбору. А выбрала я мелодраму «Один день», на что Гладышев пробурчал ; « Ладно хоть посплю немного».

«Даже не мечтай!»- мысленно пообещала я, но вслух ничего не сказала и направилась за попкорном.

-Только не говори мне, что я еще должен буду слушать твой хруст в течение двух часов!- простонал Олег, вызывая у меня улыбку. Мне нравилась наша игра в провинциальную девчонку и столичного зануду, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

-Ты же все равно спать собрался, -отмахнулась я, покупая сладкий попкорн, колу и жевательные конфеты, на что Гладышев смотрел крайне недовольно.

-Меня просто бесит, когда жрут во время сеанса. И ты вообще в курсе, что в этой дряни жира больше, чем в трех бургерах? –сообщает он мне менторским тоном.

-Да мне пофиг, я же не каждый день это ем. К тому же я в отличной форме, мне можно! - ответила я грубовато, и с довольной улыбкой, специально, чтобы позлить Гладышева подчерпнула горсть попкорна и отправила ее всю в рот, отчего мои щеки надулись, как шары.

-Колхозница! –обреченно покачал головой Олег, что означало-он под сильнейшим впечатлением от моих манер. Я засмеялась и подавилась попкорном, чем окончательно подтвердила свое звание.

В зал мы вошли в приподнятом настроении, Гладышев с твердым намерением спать все два часа, ну, а я «жрать». Только вот на деле все вышло совсем иначе. Фильм оказался потрясающим; история с интересным сюжетом, раскрытыми персонажами, теплой атмосферой, нотками драматизма и юмора, но без всякого пафоса и кричащей морали.

Как не странно, но я полностью погрузилась в просмотр, забыв про попкорн, пока его не начал таскать Олег, который так и не уснул, а как бы со скучающим видом пристально следил за происходящим на экране. Спустя некоторое время он даже одел очки, которые периодически носил, и которые ему очень шли. Меня это повеселило, и конечно, промолчать я не смогла.

-Кто-то собирался спать все два часа, - подразнила я, наклонившись к Гладышеву и коснувшись грудью его плеча. Меня словно ударило током, я почувствовала легкое волнение и жар. Не могу спокойно находиться рядом с этим мужчиной. Закрыв глаза, схожу с ума, кайфую, втягивая аромат его лосьона после бритья.

-Твой хруст действует мне на нервы, - спускает меня с небес на землю насмешливый голос, обжигая кожу жарким дыханием, отчего я задрожала.

-И поэтому ты решил тоже похрустеть?- парирую уже просто, чтобы что-то сказать, касаясь при этом губами его уха. Гладышев напрягается, это подбадривает меня. Набравшись смелости, обвожу языком ушную раковину. Спускаюсь к шее и втягиваю солоноватую кожу, а после легонько прикусываю.

-Я проголодался, -шепчет Олег охрипшим голосом и откинувшись на спинку кресла, тяжело сглатывает. Искоса взглянув на меня, улыбается краешком губ, но не останавливает.

-Я тоже,- соблазнительным голосом сообщаю ему, чувственно скользя губами по его щеке, а подрагивающей рукой по крепкому бедру, продвигаясь выше. От собственной вольности голова идет кругом. Сердце выпрыгивает из груди, а внизу живота сладко обрывается. Провоцируя Гладышева, завожусь сама.

Хочу его, горю им, живу. Любовь ? Нет, это нечто неподдающееся объяснению. Это одержимость какая-то до полной потери контроля, когда вот так-губами по коже, вдыхая любимый аромат, когда сил нет, чтобы оторваться. И ничего иного не надо и не хочется, только бы тонуть в этом сладком безумии, только бы просто вот так быть рядом с ним, быть для него. Без отказа, если он только пожелает. Ему позволено делать абсолютно всё. Всё, что хочет, как и когда хочет. Ему можно. Хотя он никогда и не спрашивал разрешения. Гладышев просто брал, как ему нравилось, а я... С ним я забывала о слове «нет», оно никогда и в голову мне не приходило. С ним всегда только «да»!

-Поцелуй меня, - прошу тихо, замерев напротив его губ. Олег облизывает их, и поддавшись вперед, грубовато обхватив одной рукой мое лицо, сдавливая, притягивает к своему, обводит мои губы большим пальцем, отчего меня начинает колотить, а между ног становится влажно. Но когда его горячий язык касается уголка моего рта, а после словно смакуя, обводит контур моих губ, у меня срывает крышу. Удовольствие яркой вспышкой взрывается в каждой клеточке моего тела. Приоткрываю рот и касаюсь своим язычком его. Чувственно поглаживаю, ласкаю, не касаясь губами. С каждым прикосновением, становлюсь смелее, раскованней. Хочу его. Всего. В себе. Трусики становятся все мокрее с каждым движением его языка. Я скольжу рукой по его бедру, пока не достигаю паха. Гладышев возбужден, что вызывает у меня довольную улыбку, которую я не в силах сдержать. Начинаю ласкать его член, поглаживая через грубую ткань джинсов, но Олег перехватывает мою руку и отстраняется, что вызывает у меня такое мощнейшее раздражение, что я готова истерить, как маленькая девочку, у которой забрали конфету.

-Домой приедем и зацелую тебя малыш, -обещает он с улыбкой.

-Какой ты скучный, - все, что смогла я ответить.

Надувшись, сажусь на место. Щеки горят, тело ломит, пульс отбивает чёткую, и тут, словно по заказу в мое сознание врывается голос героини фильма, обескураживая и вызывая смех;

«— Зачем приходить в публичное место и вести себя так? У меня такое чувство, будто я смотрю программу о животных.

— Может, они любят друг друга.

— Так вот что такое любовь — слюнявые рты и задранная юбка?

— Иногда да.»

Гладышев тоже начинает смеяться.

-Господи, какой кошмар! – восклицаю я, уткнувшись в плечо Олега, пряча лицо в складках его рубашки. Я чувствовала, как краска приливает к моим щекам. Было ощущение, что нас застукали на месте преступления. Вот бывает же такое совпадение!

-Любовь, она разная, но не без слюнявых ртов и задранных юбок, - комментирует Олег, подраживая меня и провокационно добавляет. - Жаль, что ты не в юбке, кстати.

- А что, если бы была, не стал откладывать до дома? Ты когда-нибудь занимался сексом в публичном месте?- оживилась я, с хитренькой улыбкой поглядывая на Гладышева.

Олег усмехнулся, не спеша с ответом. Я же пыталась по выражению лица прочитать его, зная наперед, что все равно не дождусь от Олега признания. Гладышев обязательно скажет что-то «невтемное».Но попробовать все же стоило. Любопытно ведь. Впрочем, думаю, всякое в его жизни было.

И меня это бесит! Ревность к прошлому глупа по своей сути, но если вы знаете средство от нее, то делитесь. Я вот пока, как не привожу разумные доводы, но голос этой стервы заткнуть не могу.

-Меньше знаешь, крепче спишь, Чайка. Но, поверь, с возрастом секс на скорую руку и где приспичит, теряет свое странное очарование. Поэтому, даже если бы ты была в юбке или просто голышом, то я бы подождал до дома. – наконец-то ответил он в своей снисходительной манере.

-А ты уверен? –нахально поинтересовалась я, подмигнув. И чувственно облизнув губы, напомнила;

- Ты до встречи со мной и «пепельницы» не облизывал, а сейчас за милую душу...

-Хочешь проверить? –подначивает он меня.

-Я проверю, не волнуйся! - пообещала я вызывающе, и повернувшись к экрану, сделала вид, что погрузилась в фильм, Олег тоже сосредоточился на кино.

Оставшийся час мы много смеялись, поскольку юмор был добротный и без пошлости. Ну, и конечно же, некоторые моменты не оставили мою романтическую натуру равнодушной и я несколько раз всплакнула. Вышли из зала мы довольные и отдохнувшие. Я была под огромным впечатлением от концовки, и не могла держать эмоции в себе.

-Нет, ну, это несправедливо! –возмущалась я по дороге.- Я не понимаю смысла такого конца. В жизни и без того хватает горя.

-Если бы был хэппи энд, то вообще весь фильм потерял бы смысл. А так эта история об упущенных возможностях, о том, как люди размениваются по мелочам, не думая и не замечая главного. Смысл в том, что герои упустили свое время и его уже не вернешь, как не старайся. В своевременности вся соль, Чайка. Есть такая песня «Летний дождь», не знаю, слышала ли ты.

-Слышала.

-Ну, так вот там лаконично очень передана суть; « Несвоевременность –вечная драма, где есть он и она.» Не нужно откладывать в долгий ящик что-то важное, ведь неизвестно, что будет завтра. Возможно, этого завтра уже не будет.

-Нет, я поняла основной посыл, но все же жаль, что такая трагичная концовка, - произнесла я с легкой грустью в голосе, взяв Олега под руку. Он улыбнулся и легонько поцеловал меня в кончик носа, отчего я зарделась и прильнула к нему еще сильнее.

-Ну, почему трагичная? ! Она из него человека сделала, он взамен сделал ее счастливой. Счастье оно не вечно. Гораздо приятнее умереть с его ощущением, чем вспоминая о нем! - рассуждал Олег, подводя меня к машине.

Возразить мне было нечего, поэтому я согласна кивнула и замерла, задумчиво глядя вдаль. Новый Арбат был так красив в ночное время. Новогодняя иллюминация завораживала и приводила в восторг. Я словно маленькая девочка начала крутить головой налево и направо, рассматривая украшения. Уезжать не хотелось.

-Может, прогуляемся? Так красиво здесь...- предложила я смущенно. Олег оглянулся по сторонам, словно только заметил все это волшебство и просто кивнул.

Кутаясь в шубу, я вновь прильнула к плечу Гладышева и довольно улыбнувшись, втянула морозный воздух. Мы шли неспешно, наслаждаясь атмосферой праздника. Все сияло, мерцало. Казалось, что я попала в сказку, о чем и сообщила Олегу, который только посмеивался над моей непосредственностью и восторженностью, ибо я не скрывала своих эмоций. Искренне радовалась, наслаждалась этим мигом, жила здесь и сейчас, рассматривая витрины, ловя языком снежинки и фотографируя все подряд, чтобы после еще не один раз возвращаться в эту чудесную ночь. Но самым незабываемым стало то, как я уговаривала Олега улыбнуться в камеру телефона. Только он ни в какую не поддавался на уговоры, поэтому

пришлось пойти на крайние меры. Остановив подвыпившую компанию девушек, я попросила их пофотографировать нас, и уговорить Гладышева, улыбнуться. Я не ожидала, что девушки окажутся такими веселыми и начнут на весь Арбат кричать, что у него потрясающая улыбка, и он просто обязан улыбаться. В конечно счете, он не выдержал и заулыбался, что тут же было зафиксировано. Фото получилось красивое; на фоне серпантина огней стояла влюбленная парочка, светящаяся радостью. Олег улыбался искренне, без столь привычного снисхождения, он был похож на задорного мальчишку, нацепившего смеха ради очки. В объятиях он сжимал влюбленную девчонку, смачно целующую его в щеку. Такая вот иллюзия счастья, которую мне бы лучше не видеть, чтобы не предаваться мечтам. Но я отмахнулась от этих невеселых мыслей.

-Вот согласишься, хорошо, что я вытащила тебя. Вон уже и улыбаешься, и не таким уставшим выглядишь, - хвалила я сама себя, вглядываясь в лицо Гладышева, спустя минут десять после нашей фотосессии.

-Ну, - отозвался он неопределенно.

-«Ну», - передразнила я и продолжила, - Признай, что ты занудная задница! Больше ныл. Но фильм тебе понравился, да? –лукаво поинтересовалась.

-Пойдет, -уклончиво ответил он, но под моим грозным взглядом все же дал более развернутый ответ;

- В целом, добротное кино, с небольшим переизбытком сантиментов, но не до зубного скрежета.

- А ты веришь в подобные чувства?- вдруг вырвалось у меня, и я сама испугалась. Мне не хотелось портить непринужденную атмосферу нашей прогулки, да и переходить на более глубокие темы. Но слово не воробей...

-А почему бы и нет? В конце-концов, важнее стать друзьями. Со временем страсть утихает и нужен более прочный фундамент для дальнейшего развития отношений, –пожал плечами Олег.

-Но ведь ты же не веришь в любовь, - напомнила я, на что Гладышев удивленно приподнял бровь.

-Когда я тебе такое говорил?

-Не помню, но откуда –то же я это взяла.

-Не знаю, откуда ты что берешь, но я не отрицаю существование любви и не умаляю ее значимости. Другое дело, что мне она ни к чему.

-А кого это там-наверху интересует?! В жизни, как в той песни ; «Любовь нечаянно нагрянет...» .

-Только в восемнадцать жизнь –сплошная песня про любовь, - со знающим видом изрек Олег.

-Ты вообще когда-нибудь любил? –спросила в лоб, начиная заводится.

-Все зависит от того, что ты в это понятие вкладываешь.

-В понятие любовь я вкладываю полное растворение в другом человеке. Когда тебя в тиски сжимает это чувство, наизнанку выворачивает, по венам течет, вертит тобой, как хочет. Когда теряешь все; разум, контроль, покой, себя...Когда невозможно надышаться любимым человеком. Сколько бы часов не проводили вместе, а все равно мало, все равно голодный, - пыталась выразить я свои ощущения, как можно полнее.

-Это не любовь, а шизофрения какая-то, - насмешливо парирует Гладышев.

-Ну, любовь давно признана ВОЗ заболеванием из разряда навязчивых. А то, как человек способен любить, психологи вообще называют квинтэссенцией личности! -пояснила я.

-Где ты этой дребедени нахваталась?

-С чего это дребедени?!-возмутилась я, но Олег просто отмахнулся, чем еще больше взбесил меня. Поэтому, не сдержавшись, я уверенно заявила, хотя уверенности было в этом мало, больше желания;

-Вот однажды ты влюбишься так, что все твои принципы, понятия и понимание вещей полетят, как карточный домик и вспомнишь мои слова!

Олег усмехнулся и покачав головой, шокировал меня прямолинейным ответом;

-Чайка, мне уже под сорок, какое влюбишься однажды?! И даже если такое бы случилось, я никогда не смог бы любить тебя так, как любишь меня ты.

Я побледнела, сердце упало куда-то вниз и заколотилось, как бешенное. Одно дело подозревать, что человек догадывается о твоих чувствах, другое-убедиться в этом. Я струсила, поэтому иронично поинтересовалась;

-А с чего ты взял, что я люблю тебя?! И к чему это вообще?

Гладышев закатил глаза, тем самым показывая, что пояснения излишни, но все же на второй вопрос решил ответить.

-К тому, что знаешь, в чем основная бабская ошибка?

-Ну и?

-В том, что вы не понимаете, что мы-мужики не умеем любить так, как это делаете вы. Так же как мы не можем чувствовать мир одинаково. И в понятие любовь вкладываем совершенно иное, проявляем ее иначе. Возможно, не так, как вам порой хочется, не так, как это делаете вы, но от этого наша любовь не умаляется. Хотя вам сразу кажется, что вас не любят. Почему, к примеру, я должен быть таким, каким тебе хочется? Чувствовать

то, что чувствуешь ты? И переживать тоже, что и ты? Я не ты! Надо это всегда помнить и не ждать от меня таких же действий, какие бы совершила ты в подобной ситуации, тогда и не будет бессмысленных страданий и обид. А уж обижаться на человека за то, что он не разделяет твои чувства... Ну, это вообще тупо! – высказался он как и всегда предельно откровенно и надо признать, что правда на его стороне. Только вот от последних его слов хочется получить амнезию, чтобы навсегда избавиться от них. Боль отравляет душу, словно в кровоточащей ране провернули нож и оставили его там. Я никогда не винила Олега в том, что он не разделяет моих чувств, но для чего мне постоянно напоминать об этом? Или может, чтобы самому не забыть?

Смешно, не правда ли?! Оптимист во мне не умирает. Скорее это я-дура, не расшибаемая об дорогу. Но своего состояния я ничем не выдавала, напротив натянув на лицо беззаботную улыбку, весело провозгласила;

-Олежик, хорош, грузить! Пошли лучше выпьем чего-нибудь, а то я замерзла от твоих рассуждений, -кивнула я в сторону бара напротив. Вот так в очередной раз я проглотила капельку яда. Могла ли я когда-то представить, что научусь не морщась, а даже с улыбкой терпеть боль и унижение, принимать с безразличным видом, словно все это ерунда? Нет. Я о таком даже не думала. А сейчас стало странно, что я так быстро повзрослела.

-Я не пью, -отозвался меж тем Олег, а я отогнала назойливые мысли и вернулась в реальность.

-Что, прям совсем –совсем? Даже воду?- сыронизировала я, вызывая у него усмешку.

-А ты намерена воду пить?

-Я-то при чем? Мы о тебе говорим воо...

-Пошли уже! С тобой спорить, легче удавиться, -оборвал он меня на полуслове и двинулся в сторону бара. Я же довольно ухмыльнулась и последовала за ним.

Заведение, в которое мы вошли, оказалось, как то кофе-три в одном; и баром, и рестораном и ночным клубом. Но мне было все равно, я хотела выпить, чтобы хоть немного заглушить горечь и хотя бы чуть-чуть реанимировать хорошее настроение.

Встретили нас очень даже тепло. Никого не смущал мой довольно эксцентричный видок. Впрочем, все благодаря Гладышеву; выглядел он внушительно и пах деньгами, а запах этот сразу чувствуется, поэтому людей он к себе «располагал». Охрана даже не потребовала документы, хотя написано было, что вход только с двадцати одного года, но опять же

присутствие Олега творило чудеса. После того, как мы прошли фейс-контроль, нас проводили на второй этаж и усадили за большой контактный бар, так как все столики были заняты. Официантка еще минут десять рассыпалась перед Гладышевым в извинениях за возможные неудобства, попутно строя глазки, пока мне это не надоело.

-Девушка, вы моего мужчину уже утомили! – холодно оборвала я ее, делая акцент на слове «моего». Девушка покраснела и кинула на меня злобный взгляд исподлобья, на что я приторно улыбнулась и в снисходительной Гладышевской манере произнесла;

- Давайте, перейдем к заказу. Для начала две Маргариты, мятную жвачку и ...тебе водички, Олежик? -повернувшись к нему поинтересовалась насмешливо.

-Чай с лимоном и медом, - ответил он со всей серьезностью, хотя уголки его губ подрагивали от сдерживаемой улыбки. Официантка кивнув, поспешно ретировалась. Видимо, поняла, что со мной шутки плохи, и поглядывать на Гладышева чревато тем, что можно вообще без глаз остаться.

Олег, меж тем, облокотившись на барную стойку, смотрел на меня таким проникновенным взглядом, словно любовался, что я покраснела, как эта официантка пару минут назад.

-Че?- смущенно воскликнула, нервничая. Олег засмеялся, качая головой, и вдруг притянул меня к себе, отчего я соскользнула с высокого барного стула. Оказавшись между ног Гладышева, запрокинула голову и встретила с его ласковым взглядом, отчего все внутри у меня оборвалось. В это мгновения я забыла об обиде, боли и невеселой реальности. Да обо всем я забыла, когда он нежно провел ладонью по моей щеке и легонько щелкнул пальцем по кончику носа.

-«Ниче» малыш, – произнес он так, что у меня душа перевернулась и замерла. От страха замерла, в ожидание того, о чем он умолчал, что повисло в тишине невысказанными фразами. Странный это был момент; слишком откровенный, не до конца нами понятный, но настолько пугающий, что каждый из нас боялся даже дышать. Что-то такое вспыхнуло, неподвластное ни доводам рассудка, ни крику инстинкта самосохранения. Я смотрела Олегу в глаза и видела, как он цепляется за привычные стены, как борется с собой. И я знала, что ему хватит сил справиться, что он задушит на корню без сожаления любой намек на что-то большее. Так и случилось. В следующее мгновение он уже пришел в себя, и быстро поцеловав меня, отстранился. А мне хотелось зубами впиться в это мгновение и не отпускать, но оно уже ускользнуло, оставляя в душе

крохотную надежду и вселенскую грусть.

Перед нами поставили наш заказ. Мимо прошла та официантка, осторожно взглянула на меня и поймав мой холодный взгляд, скрылась в толпе. Гладышев засмеялся.

-Чайка, ну, ты и ревнивая штучка.

-В каком смысле?- уточнила, сделав глоток освежающей Маргариты. Мне до безумия нравился этот кисло-соленый, слегка бодрящий вкус лайма и текилы. Я прикрыла глаза и облизала соленые губы.

-Перепугала бедолагу, она теперь нас за километр обходит.

-И правильно делает. Не хрен строить глазки чужим мужикам. Что за беспредел вообще?! Она бы еще на стол легла и предлагала себя! – возмущалась я, сосредоточенно попивая коктейль . Гладышев искренне веселился, принимаясь за свой чай.

-Вот только ты можешь пить в баре чай с медом. Кому скажи, оборжутся, -покачала я головой, опрокинув в себя остатки Маргариты, чувствуя, как голова начинает немного кружиться, а по телу расползается жар, наполняя каждую клеточку энергией. Мне захотелось танцевать и я начала ерзать, болтая ногами в такт ненавязчивой музыки.

-Ты вообще никогда не пьешь? С чего такой принцип?- поинтересовалась, принимаясь за второй коктейль.

-Ну, почему , бывает ,пью, но редко. С алкоголем я не дружу. А тебе не кажется, что стоит притормозить? – заметил Олег, наблюдая, как я большими глотками осушаю бокал.

-В смысле не дружишь? Плохо потом ?- продолжила я дознаваться, игнорируя его последнюю реплику.

-Ну, плохо. С головой. –сыронизировал он.

-Хотелось бы мне на это посмотреть, - хохотнула я и тут мне пришла в голову идея, которой я сразу же поделилась, - А давай, немного поиграем? Думаю, тебе не мешало бы расслабиться, нельзя же все время держать себя в руках. Так можно и инфаркт хватануть, а ты мне еще нужен. – пояснила я, вызывая у Гладышева интерес и улыбку.

-И во что будем играть?

-В «кто меньше выпьет».

-Каким образом?

- Закажем текилу, и с помощью игры на руках; камень, ножницы, бумага, будем определять, кто из нас неудачник.

-А это разве не очевидно?-ухмыльнулся он и тут же получил тычок в бок, отчего притворно охнул, я же победно улыбнулась. И подначивая его, ответила;

-Мне нет. Поэтому у тебя есть все шансы доказать.

И каково же было мое удивление, когда Гладышев не раздумывая, согласился.

-Ну, давай, только не больше семи рюмок. Не собираюсь тебя на себе тащить, -заявил он самоуверенно.

-Посмотрим, кто еще кого будет тащить, - парировала я вызывающе. Через несколько минут нам разлили текилу по рюмкам. Повернувшись лицом друг к другу, мы как два истинных противника столкнулись взглядами, пытаясь психологически воздействовать на соперника, но вместо этого только начали смеяться, а после как два ребенка под всемирно-известную кричалку затрясли руками.

Я выбросила ножницы, а Олег –камень и поняв, что выиграл, ликующе заулыбался.

-Ну, что я говорил? – самодовольно ухмыльнулся он, ставя передо мной стопку.

Я не раздумывая опрокинула ее в себя и поморщившись , довольно облизнулась. Олег заботливо похлопал меня по плечу. Мы приступили к следующему раунду, который я тоже проиграла. На нас стали смотреть и делать ставки. Наша игра превратилась в публичное выступление, за которым следила группа людей, но нам с Гладышевым было все равно, мы веселились от души. На пятом этапе он наконец-то проиграл, отчего я разве что не завизжала. Хотя до меня даже подвыпившей доходило, что что-то здесь не чисто; не может быть так, что ему постоянно везет.

-Давай, Олежек, пей, - радостно воскликнула я и катнула ему рюмку, отчего часть текилы выплеснулась на стол. Гладышев словил ее и отставил, потянувшись за солью. А потом, взяв мою руку, повернул ладонью вверх и посыпал от запястья до середины предплечья тоненькой дорожкой соль, которую тут же чувственно слизал и запил текилой. Это было настолько сексуально, что у меня перехватило дыхание, а между ног стало горячо. Я тяжело сглотнула и уже просто так без игры опрокинула в себя предпоследнюю стопку текилы, закусила лаймом и поняла, что нужно срочно взять тайм-аут.

Тут вдруг заиграло Serebro « Мама Люба» и я, конечно же, захотела петь и танцевать. Как же это Яна упустит возможность опозориться? Нет и еще раз нет! Только безбашенность, только хардкор.

Все кружилось перед моими глазами, но я была не так уж сильно пьяна. Решительно сползаю со стула и подхожу к Олегу. Он внимательно следит за мной, готовый в любую минуту подхватить.

-Поехали домой?- предложил ненавязчиво, оценив мое состояние, как

«в доску», но я покачала головой и закрыв глаза, начала танцевать и подпевать вместе со всеми;

«Мама Люба, давай, давай, давай...»

Мне было так хорошо. Я потянула Олега за собой на танцпол, но он отказался.

Это меня не расстроило, напротив, так даже интереснее-танцевать для него. Осмелев от алкоголя, я начала без смущения и неловкости двигаться в такт музыки, настойчиво ловя взгляд Гладышева, гипнотизируя, растворяясь в нем. Олег откинулся на спинку стула и с едва заметной усмешкой стал за мной наблюдать. Мне большего и не надо было.

Я извивалась, ласкала себя, скользя руками по груди, талии, бедрам, соблазняя его, дразня. Для меня исчезло все, кроме его пронзительных синих глаз, в которых загорался опасный огонек. Раньше мне казалось абсурдом, что во взгляде можно что-то прочесть, увидеть. Но с появлением Гладышева в моей жизни, я поняла, что взгляд способен убивать, любить, ласкать, душу высасывать, что он и делал сейчас, порабощая, поощряя. Жалящий, палящий, плотоядный, он забирался мне под кожу, вызывая дрожь и удовольствие. Он был откровенно голодным, алчным, животным. Гладышев не просто смотрел, он вытворял со мной такие вещи, что я дрожала от одной энергетики этого взгляда, от силы желания таящегося на дне этих глаз. Именно в это мгновение я вдруг поняла, почему Олег никогда не позволяет себе проявления чувств на публике. Зачем? Если он одним взглядом способен довести женщину до состояния ломки, мокрых трусиков и пульсирующей потребности принадлежать ему. Он завораживал, словно хищник, наблюдающий за своей жертвой, позволяя ей поиграть, только вот кто с кем играл – вопрос спорный.

Я подошла вплотную к нему, не в силах больше поддерживать эти ментальные игры. Не настолько я искушенная и уж точно не «гурман», чтобы растягивать удовольствие, смаковать его, представляя и воображая. Я нетерпелива и желаю получить все и сразу. Мне нужна плоть, горячая плоть и кровь, а не будоражащие картинки.

Гладышев тяжело сглатывает, когда я подрагивающими руками заскользила по его плечам, продолжая танцевать.

-Знаешь, что бы я сделала, если бы это были мои последние полчаса на земле?-произнесла чувственно, целуя его, едва касаясь кожи. Олег втянул с шумом воздух. Этот сдержанный отклик завел меня еще сильнее. Выждав еще немного, сама же ответила на свой вопрос;

- Я бы сделала все, даже разделась бы прямо здесь, чтобы ты забыл

про принципы, мораль, возраст и все на свете. И просто позволил себе то, что ты хочешь.

-А что, по-твоему, я хочу?- прошептал он низким, ломаным голосом, вспарывая мои вены, отчего кровь разлилась жарким потоком под кожей, заставляя меня пылать.

-Меня, Гладышев. Ты хочешь меня,- заявила простодушно и уверенно, соблазнительно улыбнувшись.

-Неужели? И с чего вдруг такая уверенность?- усмехнулся он.

Прикусив губу до боли, и втянув, как перед прыжком побольше воздуха, опустила руку на его пах, точно зная, что Гладышев возбужден и ласково сжав его член, приподняла самодовольно бровь, как бы говоря; «еще вопросы будут?».

-Твоя самоуверенность, Чайка, не знает границ.

-Но ведь тебе это нравится. Тебя это заводит. У такого, как ты должно быть все самое лучшее. И само собой, удовлетворять тебя должна самая красивая девочка. Оттого и моя самоуверенность, Олеженька. За счет твоего тщеславия! - язвительно пропела я. Меня вдруг понесло совсем не в ту сторону, я сама не понимала, на что конкретно злюсь, но я злилась. Наверное, на ситуацию в целом. Как не старайся, а от реальности не уйдешь.

-Чайка, ты слишком много выпила, поехали домой, - мягко произнес Олег, но я еще больше разозлилась. Это его «Чайка» было ,как алая тряпка для быка.

-Почему все время «Чайка»? Почему не Яна? Или боишься с кем-то перепутать?-спросила я с горечью, которую как не старалась, не могла подавить. Но меня действительно интересовало, почему он никогда не зовет меня по имени.

Олег засмеялся и покачал головой. А потом взял мое лицо в ладони, притянул к своему и словно маленькой девочке, пояснил;

-Потому что безбашенная. Потому что наглая и дерзкая. Потому что скандальная, а порой и агрессивная. Но в тоже время, ранимая, нежная, смешная, задорная. Ты-Чайка, малыш, потому что такая же маленькая, гордая птичка, которая никогда не пропадет.

У меня перехватило горло, а в глазах защипало от слез. Каждое его слово гасило во мне пламя гнева, превращая его в огонек веры в лучшее, который растекался во мне теплом, приободряя и даря надежду, что возможно, я все-таки покорю эту вершину с глазами цвета летнего неба.

-Осторожнее, а то я подумаю, что ты в меня влюблен, -попыталась я пошутить, но вышло как-то не очень весело.

-Ну, я же не мазохист, чтобы влюбляться в такое количество недостатков,- приободрил меня Гладышев, не давая окончательно расклеится. От его шуток я не обиделась, но все же для вида надула губки. Мы засмеялись, и прежнее настроение понемногу вернулось, пока рядом с нами не присела компания мажоров и один из них не начал похотливо на меня пялиться, что сразу же вызвало у меня отвращение. Желание тоже можно проявить по-разному. Гладышев смотрел на меня так, что я чувствовала себя женщиной. Желанной, красивой, сексуальной и исключительной. Его взгляд обещал наслаждение и что-то дикое, необузданное, но приятное. Этот же кобель смотрел так, словно я кусок мяса, или проще говоря-одна сплошная вагина. Такой взгляд ничего не обещал, а только вызывал желание сходить помыться и смыть с себя эту мерзость. Передо мной был мудака в чистом виде, мнящий себя пупом земли и считающий, что внимание такого самца женщины или правильнее «телки», должны расценивать как Божью милость. Удивительно, что многие девушки ведутся на подобные уловки, принимая самолюбование за мужественность. Такие мужики и на одну ночь –не лучший вариант. Опыта у меня нет, но почему-то я уверена, что они и в сексе не особо блещут, хотя мнят себя королями постели, поскольку успех для них заключается в количестве, а не в качестве. От этих мыслей меня передернуло. На беспардонное разглядывание я ответила холодным взглядом, и тут же отвернулась к Олегу.

-Поехали домой, -попросила я шепотом. Мне не хотелось портить нам вечер, а интуиция подсказывала, что это непременно произойдет. И не зря. Когда мы с Гладышевым поднялись, чтобы уйти, мажор вдруг тоже встал, и глядя на нас, нагло заявил своим друзьям так, чтобы было слышно и нам;

-Вот объясните мне, почему очкарикам фартит на охренительных телок? Че, медом что ли намазаны? Как не посмотрю, что не задрот очкастый, так баба на десяточку.

У меня все внутри оборвалось, и я с ужасом посмотрела на Олега, который внешне казался невозмутимым, даже повеселевшим, но я то знала, что за этим может скрываться. Меня заколотило от надвигающейся бури. А когда Гладышев ухмыльнувшись, направился к мажору, все внутри у меня похолодело, сердце заколотилось, как бешеное и началась паника. Я до сих пор отчетливо помню ту кошмарную потасовку на остановке. Повторять подобный опыт -смерти подобно. Я должна что-то сделать, должна!

Мысли бегали как шальные, но ничего на ум не приходило.

Мысли бегали как шальные, но ничего на ум не приходило. Хотелось броситься за Гладышевым, схватить и не отпускать. Но я понимала, что это

ни к чему. Олег лучше меня знает, как поступить и просто так ничего делать не станет.

-Олеж, пожалуйста, поехали домой! –выдохнула я все же дрожащим голосом. Так тихо, что моя просьба потонула в грохоте музыки, но Олег, кажется, услышал. Обернулся и весело подмигнул мне.

Меня это озадачило, но не успокоило. Да и как тут успокоиться, когда вокруг толпа подвыпивших кретинов, а мой мужчина-один?!

Гладышев же двигался прямо по направлению к мажору. Без церемоний врываясь в его личное пространство, подходя едва ли не вплотную, отчего зарвавшийся наглец, словно бойцовский петух, выпятил грудь, готовый дать отпор. Только вот глаза трусливо бегали. Олег задавил его своим ростом, уверенностью и спокойствием. Несколько секунд он просто смотрел на этого петуха. Что такого было в Гладышевском взгляде, мне неизвестно. Но из опыта спортивной жизни, знаю, что подобное воздействие способно еще до начала боя психологически сломать противника, подорвать его боевой дух. Пожалуй, вызвать страх-это самое главное. Если противник начинает бояться, можно считать, что он проиграл, так как совладать с собой в таком состоянии не так-то просто.

Кажется, мажор струсил окончательно. Но, как известно, страх толкает и на отчаянные выпады. Вот именно этого я боялась, когда он задиристо вскинул голову и грубо спросил;

-Че хочешь?

В ожидание ответа Олега, я забыла, как дышать. Да и все замерли, приготовившись к чему-то.

Но однозначно не к тому, что последовало.

-Да помочь тебе хочу, а то че ты-бедолага, на чужих баб заглядываешься?! -добродушно ответил Олег, снимая свои, наверняка, дорожные очки. –На, носи! Может, и тебе повезет-клюнет «телка на десяточку», - надел он их на опешившего мажорика и заботливо похлопал по плечу.

На пару секунд все изумленно замерли. Олег кивнул мне в сторону двери, и я последовала за ним. Как только мы двинулись на выход, мир словно ожил. Нам в спину ударил хохот компании отморозков, потешавшихся над своим дружком, который все еще никак не мог понять, что случилось.

Я бы тоже посмеялась, но переволновалась настолько, что силы покинули.

Только когда мы сели в машину, меня прорвало, и я начала хохотать, причем истерично, на грани слез. Но Гладышев, оценив мое состояние,

сразу же решил отвлечь, не давая истерике развернуться в полную силу.

-Ни хрена смешного! –заявил он с почти искренним недовольством, а затем в своей занудной манере пробурчал, – Возбудила пол зала своими танцульками, а я должен расхлебывать.

-А почему это только пол зала?- возмутилась я, чувствуя, как истерика отступает, и в который раз поражаясь про себя, умению Олега вот так тонко, ненавязчиво отвлечь человека, направить в более спокойное русло.

-Потому, Птичка моя, что при всей моей уверенности в твоём безграничном очаровании, сомневаюсь, что бабы пришли в восторг.

-Аа, вон оно что!- усмехнулась я, окончательно придя в себя и лукаво поинтересовалась, - Ну, а ты?

-Что я?

-Ты в восторге? Я же для тебя танцевала,-уточнила провокационно.

-Ну, как тебе сказать?!-задумчиво протянул он, дразня.

-Как ты умеешь; прямо в лоб, со всего размаху! -съявила я , посмеиваясь.

-Дорого ты мне обходишься, Чайка! - резюмировал, звучно прищелкнув языком, а после добавил с тяжелым вздохом, - Любимые очки из-за тебя похерил.

-Да ты мой сладкий! - не удержалась я и прильнула к нему, целуя в щеку. –Обещаю, что ты забудешь у меня и про очки и про все на свете.

-Ты уж постарайся, милая, а то не привык я делать всяким уродам подарки за семьсот евро.

-Сколько?!- вскричала я, садясь на место, пока не пришлось еще и машину отрабатывать.- Ты что, совсем долбанулся?! Да за такие деньги, я бы ему сама фейс расквасила!

-Ладно, хрен с ними. Подсобим парню, а то не везет по жизни, - отмахнулся Гладышев, смеясь.

-Таких ублюдков надо живьем закапывать, а не помощь оказывать! Что за моральные уроды кругом?! Сначала эта официантка слюни пускала , потом тот козел пилился, как на призовую кобылу. Фу, мерзость просто!- негодовала я, веселя Олега.

-Ой, да вам –бабам это нравится! - заявил он так, словно я одна из тех, кому подобное внимание по вкусу. Меня это взбесило.

-Ну, однозначно не мне!- отрезала я.

-Да неужели?! Помнится, я с тобой тоже не особо деликатничал, но ты, тем не менее, клюнула. – парирует он с самодовольным видом, как будто уличил в чем-то постыдном.

-Если я и «клюнула», то уж точно не на твои похотливые взгляды! –

поморщилась я брезгливо, Гладышев засмеялся.

-А на что, боюсь спросить?

-Как на что? На твои бездонные глаза цвета безоблачного неба!- провозглашаю высокопарно, и сама же не выдерживаю, начинаю смеяться.

-Однако, твои таланты меня поражают с каждым днем все больше и больше. – усмехнулся он, и немного задумчиво произнес, словно пробуя на вкус, -Цвета безоблачного неба...Ну, даешь!

-То ли еще будет, Олег Санныч! –пообещала я, подмигнув.

-Страшно представить.

-Какой ты пугливый стал.

-Так с тобой –то не мудрено.

-А со мной мудрить и не надо, я девушка простая.

- «Час от часу не легче. То слабы, то есть пьяны, то просты...» - процитировал он кого-то и подвел неутешительный итог. - Простота хуже воровства, Чайка!

-Тебе хоть как, все равно плохо!- отмахиваюсь, поворачиваясь к окну. Люблю смотреть на огни большого города, они завораживают, увлекают, манят своей красотой. Мимо пролетают машины таких же полуночников, как и мы. Их много. Будучи родом из маленького городка для меня подобная активность в ночное время до сих пор непривычна. У нас в Рубцовске после полуночи, как в той игре- « город засыпает, просыпается мафия»; шарохаются по улицам в основном какие-нибудь «бандюки», как зовет их моя бабушка.

-И все же, ты мне так и не объяснила, разница –то в чем между мной и тем товарищем? –нарушил тишину Гладышев, возвращаясь к вопросу о «похотливых взглядах». Наверняка, чтобы в очередной раз выставить меня душой. А хрена с два, Олеженька!

- В том, что ты –не наглец и не моральный урод! -лаконично пояснила я.

-Не наглец, -согласился он с улыбкой.

-Ну, вот. А эти твари видят, что не одна и все равно лезут. Что за люди?!

-Ты в прошлый раз тоже была не одна и я «лез»,-вспомнил он ситуацию со Стасом.

-Все –то ты помнишь, Гладышев! С тобой не забалуешь.

-А ты еще не поняла, что ли?!- хмыкнул он. Поскольку вопрос был риторический, то я не стала на него отвечать и перешла к сути;

- Со Стасом –это другое. Я тебе тогда зеленый свет дала. Сейчас ничего подобного. Просто такие люди, как эта официантка и мажор

считают, что им все можно.

Я начинала горячиться. Сама не знаю, почему. Просто было неприятно.

-Чайка, ты чего завелась –то ?! Всякие люди бывают и что теперь? Главное –следить за собой.

-В том и дело, что всякие! Кто-то ведь ответит, не взирая на то, что есть вторая половинка. И вот такие еще хуже. –высказалась я, и такое чувство возникло, словно меня, как воздушный шарик спустили; все напряжение схлынуло и я превратилась в желе. Слабость накатила волной, заполнила каждую клеточку. Похоже, мой организм только сейчас начал отходить от стресса. Я судорожно втянула воздух и устало откинулась на спинку сидения.

Олег покосился на меня.

-Ты чего? Тошнит?- обеспокоенно спросил он, вглядываясь в мое лицо. Я покачала головой и тяжело сглотнула.

-Нет, просто переволновалась.

-И перепила.- недовольно вставил он.

-И это тоже. Но больше испугалась. – согласилась я.

-Пф...Нашла из-за чего! Я же не идиот; затевать драку с толпой малолеток, да еще в баре. –фыркнул он, что меня повеселило. Удивительно, что мы только сейчас подняли эту тему.

-В прошлый раз тебя не слишком волновало, где и с кем ее затеять, - напомнила я. Гладышев покачал головой с таким видом, словно моей глупости нет предела, и пояснил;

-Если забыла, то в прошлый раз ты мне чуть всё на хрен не спалила, и я после твоей кофейной экзекуции был, мягко говоря, в бешенстве. Мужик тот просто попался под горячую руку. Не тебя же бить?! Хотя страсть, как хотелось.

-А моей задницы тебе было мало?-возмутилась я, но его ответ в момент погасил мое негодование.

-Твоей задницы мне всегда мало.

Я довольно заулыбалась, Гладышев глядя на мою реакцию, ухмыльнулся.

-Ну, ты падкая до лести. Немножко почеши за ушком твое эго, и ты растаяла.

-А кто не падкий-то? Но да, водиться за мной грешок-тщеславная, спорить не стану. Но львы все такие.

-Какие львы? –не понял Олег.

-Которые по гороскопу, -засмеялась я. Гладышев закатил глаза.

-И ты в эту чушь веришь?

-Ну, а почему бы и нет? Многое совпадает. Вот ты-скорпион и все про тебя верно пишут; скрытый, аж сил нет. Самовлюблен до усрачки, хотя твоя любовь к деньгам способна посоперничать с любовью к себе. И ... Самый главный извращенец из всех знаков; если некого трахать, трахаешь мозги, - выдала я с полной уверенностью в своей правоте. У Гладышева вновь начался приступ неудержимого хохота.

-Чайка, я тебя обожаю! Я так не смеялся уже лет сто. – сообщил он. Мне стало тепло на душе, словно какая-то искорка зажглась в сердце и медленно помчалась по крови, согревая меня всю.

-Ну какие сто лет?! Как ты тогда меня «обожать» собираешься? – поинтересовалась, дразня его.

Мы припарковались, Олег отстегнул ремень безопасности и повернувшись ко мне, не менее провокационно спросил;

-А как ты хочешь?

Я почувствовала, как воздух между нами сгустился. Стало трудно дышать. К моим щекам прилила кровь. Хотя я и принадлежала Гладышеву, и не было во мне ни единого места, которого он не касался и не видел, а все равно как в первый раз. В горле образовался комок, который я едва протолкнула в себя и шепотом отозвалась;

-А ты?

Олег наклонился ко мне. Теплое дыхание коснулось щеки, вызывая колкие мурашки по коже, но легкое прикосновение губ тут же прогнало их, посылая по телу приятное тепло, наполняя его блаженной истомой.

-А я, -он сделал паузу, замерев в миллиметре от уголка моих губ, а после чувственно коснувшись языком, отступил и продолжил, - буду «обожать» тебя медленно, - вкрадчиво шепнул и ласково прошелся языком по моим губам, - нежно, - целует так мягко, что из меня вырывается судорожный вздох, - долго, - выдыхает в самые губы, раздвигая их языком и аккуратно касаясь моего. У меня перехватывает дыхание, когда он углубляет поцелуй и уже не дразня целует настойчиво со всей жадностью и страстью, зарываясь в мои волосы руками. Его губы такие жесткие, но в тоже время нежные. Целуют так, что голова кружится.

Я терялась, цеплялась за плечи Олега, боясь утонуть в этом вихре ощущений. Дрожала от каждого движения его языка. Кончики пальцев покалывало, внизу живота появилась тяжесть. У меня горело все, абсолютно все. Мучительно ныло, тянуло. Я жаждала его прикосновений. Нет, даже не прикосновений. Я жаждала его. Просто его. В себе. И он словно услышав похотливый зов моего тела, его истерику и жажду,

отстранился и осипшим от желания голосом сообщил;

-Но сначала я хочу тебя просто трахнуть.

Это было сказано так буднично, без нарочитой грубости или желания выпендриться. Гладышев просто ставил перед фактом, называя вещи своими именами. Я задохнулась, тело жаркой волной влажно откликнулось на его желание, потому что я хотела того же самого. Смотрела на Олега пылающим взглядом и не знала, что делать.

-Дыши, малыш, дыши!- усмехнувшись, прошептал он, легонько поцеловав меня, приводя в чувство.

У меня вырвался истеричный смешок.

-Давай, поднимайся, -скомандовал, открывая дверцу.

-Я идти не могу.- пожаловалась я, поскольку каждая часть моего тела, словно налилась свинцом.

-А я ведь тебе говорил, что не потащу, -напомнил он и вышел из машины, оставляя меня одну разбираться со своими проблемами.

-Садюга!- простонала, выползая на улицу.

-Пошевеливайся! А то чувство, что это тебе под сорокет, -поторопил он меня. Я скорчила рожицу и прибавила шаг.

-А что, так не терпится? Соскучился что ли? -подколола я его.

-Ну.-отозвался он бесстрастно, открывая передо мной дверь в подъезд.

-«Ну»? Хоть бы играл убедительнее, - сыронизировала я.

-А я не играю, говорю как есть; скучал, хочу! Что еще надо?-сказал, как отрезал и я не нашла, что ответить. Молча зашла в лифт. От его слов во рту пересохло, сердце заколотилось, как бешеное. Мне вдруг стало страшно. Вроде не сказал ничего такого, но этим «скучал, хочу!» всю душу перевернул, словно со всего размаха шандарахнул в самое сердце, врезаясь еще глубже, пробивая насквозь. Былых сомнений не осталось, разлетелись к чертям на осколки. Скучал и хотел. Очевидно, так и есть, стоило только заглянуть в эти голодные глаза «цвета безоблачного неба», в которых я просто растворялась, шепча про себя, умолая;

Нельзя так со мной, Олеженька, нельзя! Я же по краю за тобой. Как дура наивная люблю нутром всем и с каждым твоим словом влюбляюсь все больше. Нельзя так с сердечком моим нежным -смело и дерзко. Я же проникнусь, верить начну, видеть то, чего нет. И вся выдержка к такой-то матери! Она уже трещит, прорывает ее.

Сглатываю комок в горле, опускаю взгляд. Он начинает бегать по полу, ища, за что бы зацепиться, как отвлечься, подавить радость непрошенную, беспричинную, глупую. Не находит. Двери лифта раскрываются, словно двери моего сердца из которого еще чуть-чуть и попрут, как из рога

изобилия все чувства. Передоз у меня нынче Гладышевской нежности. А она похлеще любого катализатора для признаний фатальных и порывов души.

Заходим в квартиру, и я теряюсь. Застываю посреди прихожей, словно оцепенев; ни сдвинуться, ни сказать что-то. Мысли все какие-то чужие, ненужные. Но Олег не позволяет мне долго пребывать в таком пришибленном состоянии. Подходит и сняв с меня шубу, коротко целует в шею.

-Иди, раздевайся и ложись. «Тоску –скуку» развеем, а дальше, все как ты захочешь.

Все, как захочу....

Только я просто хотела и неважно как. Поэтому судорожно вздохнув, иду в спальню, Гладышев идет следом. Не было как в кино бешенных поцелуев, торопливых телодвижений, сбивающих все по пути, дорожек из одежды на полу и лихорадочных объятий. Было тихо, но тишина звенела. Трещала от напряжения и концентрата желания. Было страшно разрушить это молчание неловкими фразами. Да и что сказать, когда он четко обозначил ; « скучал, хочу!» ?!

И я скучала. Безумно, болезненно, дико. И еще больше хотела. Всего хотела без остатка. Каждая наша встреча только разжигала мой аппетит, не даря насыщения. Да и разве можно насытиться, надышаться любимым человеком? Думаю, когда это происходит, умирает любовь. Переизбыток кислорода смертелен, недостаток-мучителен, а середину найти не каждому под силу.

Сегодняшний вечер стал глотком чистейшего воздуха, после целых трех месяцев рваных вздохов выхлопными газами. И у меня случилось кислородное опьянение; голова кружилась, в ушах шумело, глаза застилало пеленой. Чувства переполняли меня и все было как-то по-другому, по-новому, а от того казалось чужим, неизведанным.

Мы не виделись чуть больше недели, но кажется, будто вечность. Сегодня передо мной был другой мужчина, так неожиданно открывшийся, которого я заочно любила, но теперь влюбилась с еще большей силой. И мне хотелось познакомиться с ним вновь. Стать еще ближе, узнать еще больше. Все кажется другим, новым и это пугает, будоражит.

Мы не включали свет. Остановившись каждый со своей стороны кровати, начали раздеваться. Да, вот так методично и словно бы бесстрастно, но внутри-то кипело, ой, как кипело. Фонтаном рвало, заряжая молекулы воздуха. Меня лихорадило, кидая то в жар, то в холод, руки дрожали. Было бы, наверное, проще, если бы с поцелуями и

объятиями, но «проще» -не Гладышевская тема. А я не знала, чего ждать, точнее знала. Он же сказал «сначала просто трахну, а потом как захочешь» и эта прямолинейность ошеломяла до ступора, смущала до горящих щек и заводила похлеще любой ласки. Такой я и была; ошеломленной, смущенной и до неприличия возбужденной.

Пальцы меня не слушались, и я неловко стягивала одежду, то и дело, цепляясь за что-то. Я стала какой-то до ужаса неуклюжей, и обнажиться изящно и соблазнительно у меня при всем желании не получилось бы. Оставалось надеяться, что это временно и радоваться, что свет выключен и между нами целая кровать.

Каждый шорох бил по натянутым нервам, а когда Гладышев резко вжикнул молнией на джинсах, я окончательно растеряла остатки самообладания. Кое-как расправившись с одеждой, осталась в одних трусиках, не в силах их снять. Олег не особо заморачивался и дабы не терять время, снял абсолютно все. Свет с улицы падал прямо на него, и я словно девственница вспыхнула, заметив, что он абсолютно голый и возбужден. Гладышев сбросил покрывало и лег. Я же по-прежнему, топталась возле кровати, смущенно прикрывая грудь, хотя видно было лишь мой силуэт.

-Иди сюда, малыш, - позвал он, похлопав по матрасу. Мне показалось, что Гладышев едва сдерживает смех, и от этого я еще больше смутилась.

Но все же пересилив не весть откуда взявшуюся робость, ложусь. Холод постельного белья вызывает озноб, отчего я невольно передернулась, но Олег сразу притянул меня к себе. Соприкосновение с его кожей отозвалось во мне жаром. Кровь забурлила в венах, закипая от этой близости. Гладышев навис надо мной, вжимая в матрас, я почувствовала его горячую плоть и вновь забыла, как дышать. Сглотнула тяжело, вглядываясь в очертания его лица, пытаюсь разглядеть. Но было слишком темно, волнующе и страшно.

-Я же сказал, раздеться, -мягко укорил он, без церемоний сдвигая мои влажные трусики. Умелые пальцы сразу же и совсем не нежно скользнули в меня, но я была готова, даже слишком, поэтому задохнулась от пронзившего удовольствия. Прикусив губу, сдержала стон, устыдившись своей бурной реакции, но Олег все понял.

-Какая-то ты скованная, - прошептал он бархатным голосом, обволакивая. Ласки между ног стали нежнее, настойчивее, заставляющие терять связь с реальностью.

-Не знаю, что думать, -отозвалась я дрожащим голосом.

-Хватит думать, получай удовольствие.- усмехнулся он и захватил в

горячий, влажный плен мои губы, целуя их с напором, сметая любые возражения, мысли и здравый смысл. Вцепившись в его плечи, я только и могла, что получать удовольствие, когда он, коснувшись кончика моего языка, втянул в свой рот и начал нежно посасывать. И вот тут я словно оттаяла. Как будто щелкнуло что-то внутри и оковы, которые, так не кстати, сковали мое тело и разум, пали. Взорвались во мне горячей, чувственной волной, отпуская на волю мое дикое желание.

Зарываюсь пальцами в волосы Олега и возвращаю поцелуй со всей страстью, прикусывая его губы, вызывая болезненный стон.

-Ммм..очнулась? Доброе утро Львица... –прошелестел прямо в губы со смешком, но я не позволила ему закончить. Притянула к себе и начала отрывисто целовать, чередуя поцелуи с укусами, легонько касаясь его языка своим и тут же отдергивая. Лихорадочно скользя руками по его лицу, ощупываю каждый изгиб и выступ, которые, за время наших отношений изучила досконально.

- Вкусный мой, любимый Олежечка, - шепчу, не разбирая слов. Все на эмоциях, чувствах. Сдавливаю руками его щеки и уже не просто целую, а вылизываю каждый миллиметр его губ, рта, словно он - остатки мороженого на креманке . Ерзаю под ним, не в силах терпеть пытку. А ведь обещал без расшаркиваний. Олег словно услышав мой мысленный протест, схватил мои руки и завел над головой, припечатывая к матрасу. Понимаю, что на этом «расшаркивания» закончились, закрываю глаза и довольно улыбаюсь ему в губы.

-Что тебя развеселило?- спрашивает, раздвигая мои ноги, устраиваясь между ними, отчего острое наслаждение жаркой волной хлынуло вниз.

- Ты ведь хотел просто ...трахнуть.-напоминаю насмешливо, но томный выдох портит шутку. Впрочем, мне уже все равно, в ушах шумит, тело горит огнем. Состояние на грани какого –то помешательства. Похотливо выгибаюсь в опытных руках Гладышева, который на мое заявление только тихо засмеялся, и прошептал «Трахну, не волнуйся так!», прихватил мою нижнюю губу зубами. Я ахнула, когда он прикусил ее. Наверняка в отместку за недавний укус. Но это было так сладко, и мое тело влажно откликнулось. Я обхватила ногами бедра Олега и бесстыдно потерлась о его член. Гладышев шумно втянул воздух и до боли сжал мои запястья, вдавливая сильнее в кровать. Это было машинально, но от этого не менее больно. Я дернулась.

-Не дрыгайся, - коротко бросил Олег и грубо дернул мои трусики, отчего они затрещали. У меня пересохло во рту. Я забыла о боли в руках, когда он отодвинул влажное кружево в сторону, чтобы не мешалось, и без

промедлений сделал толчок, от которого я задохнулась, запылала. Мышцы сжались и за пульсировали сладкой болью. У Гладышева вырвался тихий стон, но Олег замер, давая мне привыкнуть к нему. Зная, что сначала мне всегда немного больно, какой бы возбужденной я не была. Слишком узенькая для него, слишком тугая, но это не было проблемой. Напротив, дарило яркие, непередаваемые ощущения. Я так остро чувствовала его горячую плоть, что меня трясло как в лихорадке от нетерпения.

-Пожалуйста!- попросила, наплевав на гордость. Да и какая гордость в постели?!

Олег начал двигаться, с каждым толчком проникая все глубже и глубже, пока одним мощным выпадом не вошел на всю длину, вызывая дикое наслаждение и капельку боли. Я застонала. Гладышев впился в мои губы, и обхватил бедра, раздвигая мои ноги шире. Он стал работать бедрами быстрее, мощнее. От каждого их удара мое тело влажно откликалось. Я стонала ему в губы, задыхаясь от страсти и удовольствия, превращаясь в какое-то дикое, ненасытное животное. Впиваюсь ногтями ему в спину, вспарываю кожу, наплевав на правила. Гладышев скидывает мои руки и отстраняется.

-Я тебе голову откручу, еще так сделаешь, - обещает вкрадчиво,

-И сделаю! Разрисую всю спину!- шепчу вызывающе, но Гладышев не остался в долгу; резко перевернул меня на живот и хлестанул со всего размаха по заднице, которая тут же загорелась огнем. Я вскрикнула, но он не дал мне время прийти в себя, навалился всем телом и резко вошел. Я громко застонала от остроты ощущений, выгнулась, но Олег своим весом придавил обратно. Зарылся рукой в мои волосы, собрал их в кулак и не грубо, но настойчиво впечатал меня лицом в подушку. А после начал, как и обещал –трахать, врываясь в мое тело резкими толчками. Я кричала от удовольствия, прикусывая наволочку, комкала простыни, задыхалась. Мне казалось, что я просто умру. Гладышев был беспощаден, груб и ненасытен. Его руки, губы были везде. Жаркое, опаляющее дыхание и чувственный, довольный шепот о том, какая я сладкая, какая красивая, как он хочет меня.

Я сходила с ума, позволяла ему делать со мной все, что угодно, даже если пошло, грубо и извращенно, хотя мне все казалось вполне приемлемым. Позы сменяли одна другую, причем так ненавязчиво, так естественно, по обоюдному желанию, что я даже не особо заостряла на этом внимание.

Мне было настолько хорошо, что нет таких слов, которыми можно было описать эти ощущения. Невыносимое удовольствие, чистейшее безумство, в котором нет недосказанности, нет границ, правил и масок.

Пусть, как два животных, но искренние в своем стремление раствориться друг в друге, несдерживаемые никакими условностями и бесконечными «но».

И я растворялась. Не чувствовала себя. Я была им, он был мной. Между нами не было какой-то черты. Мы были едины, и я была счастлива. Я любила. Отдавала всю себя. Открыто. Горячо. Полностью. Без отказа. Без права на возврат. И он брал. Жадно. Неистово. Даря взамен неземное наслаждение, от которого я потеряла связь с реальностью. Оргазм подобно лавине накрыл с такой силой, что у меня возникло чувство, словно внизу живота что-то натягивается, как канат, а потом обрывается, взрываясь эйфорией в каждой клеточке.

Дрожу всем телом, едва ли не рыдаю от облегчения и радости. Впившись ногтями в Гладышевскую спину, без страха и робости оставляю кровавый след. Помирать так с музыкой, оргазм-так от души! Меня лихорадит, как припадочную, перед глазами мелькают звездочки, а тело становится ватным. Со вздохом облегчения откидываюсь на подушку и жадно глотаю воздух, приходя в себя.

-Я все, - выдыхаю зачем-то.

-Да понял уже, - усмехнулся Олег и сделав еще пару толчков, тоже кончил со стоном изливаясь в меня, вызывая у меня какое-то чувство полнейшего удовлетворения. Я гладила Олежкино лицо, перебирала волосы, пока его голова покоилась у меня на груди, а он восстанавливал силы. Это был такой умиротворенный, нежный момент, что не хотелось даже лишний раз дышать, не говоря о том, чтобы двигаться. Так мы и лежали в тишине, влажные, словно пробежали несколько километров, уставшие, но довольные.

Было уже почти утро, но сон ни шел. Мне не хотелось пропустить ни единого мгновения. Кто знает, что будет завтра, точнее уже сегодня? Хотя я надеялась, что это начало чего-то нового, настоящего и искреннего. Мое сердце ликовало, душа пела, но на лице играла лишь безмятежная улыбка.

Счастье любит тишину? Не знаю. Все зависит от настроения, наверное. Иногда, хочется о нем кричать, а иногда, тихо наслаждаться, бездумно перебирая волосы любимого человека.

Но Олег не позволил мне долго летать в облаках.

-Пошли в душ, - скорее отдал распоряжение, чем предложил он, приподнявшись на локтях, заглядывая в мое мечтательное лицо. Я недовольно сморщила носик.

-У меня сил нет вообще. Если только на ручки ...- капризно отозвалась я, скрывая лукавую улыбку. Гладышев поднялся.

-На ручки?- переспросил он с улыбкой. Я кивнула. Олег закатил глаза, и тяжело вздохнув, как не странно, согласился;

- Ну, пошли «на ручки», лентяйка!

Очень даже бодро для той, у кого нет сил, поднялась и обхватила Гладышева за шею. Он без особых усилий взял меня на руки и понес в ванную. Уткнувшись ему в шею, довольно улыбаюсь. От всего этого «безобразия» разве что не мурчу. Только Гладышев опять всю малину испортил.

-Слазь тушка! - скомандовал он, свалив меня словно мешок с картошкой на пол. Я едва успела сохранить равновесие.

-Никакая я не тушка! –возмутилась, ударив его в живот .Олег тут же напряг пресс и лишь для вида скорчился, а я продолжила бушевать, –Найди себе тогда высушенную воблу и радуйся, если тебе такие по вкусу. А у меня все при мне, так что не хрен...

Дальнейшее растворяется у Гладышева во рту. Олег затыкает меня поцелуем, точнее каким-то извращением на него. Его язык начал по-собачьи, иначе не назовешь, облизывать мои губы, пока я не стала вырываться, отплевываясь и хохоча.

-Пре-кра-ти!- смеясь, закричала я, когда он на миг оторвался от моего рта. Но это еще был не конец, вырваться из его стальной хватки оказалось не так-то просто, а точнее - невозможно, поэтому я просто дрыгалась, пока попытка заткнуть мне рот не переросла в томительный поцелуй со стонами и вздохами.

Во мне опять разгоралось пламя, но холод кафельной стены, к которой прижал меня Гладышев, быстро привел в чувство.

-Ну? Еще есть у тебя вопросы по поводу твоей тушки и моих вкусов?- насмешливо поинтересовался он, бесстыдно потираясь об меня своей эрекцией.

-Еще раз я услышу «тушка», то тот кофе тебе шутеечкой покажется, понял?!”- прошипела я. Уж больно бесила меня эта «тушка».

-А если я еще раз увижу вот эту вульгарщину у себя на спине, я тебе руки вырву и вставлю в одно место, поняла?!”- огрызнулся он, рассматривая свою разрисованную спину в зеркале. Меня его возмущение только повеселило.

-Спасибо, вставил уже... Так что сам виноват!- насмешливо парирую, открывая кран в ванной.

-Ян, я серьезно. Завязывай с пылким проявлением чувств. Мне это не нравится! – строго наказал он. И в этом спокойном предупреждение было больше угрозы, чем в ранее прозвучавшей. Меня немного передернуло, но

я не подавала виду. В такие моменты лучше переключаться, иначе я не сдержусь, и будет скандал.

Бесят, как же меня бесят эти идиотские правила, ограничения и прочий бред! Расслабился бы уже и не парился. Нет же, надо обязательно сказать какую-нибудь гадость! Спокойствие, только спокойствие, Яночка! Не порти все. – мысленно возмущалась и тут же успокаивала себя.

-Решила сделать заплыв? Не поздновато ли? - забыв о былом недовольстве, спросил он удивленно.

- Самое то, Олеженька, иначе у тебя сейчас пар из ушей повалит. Ложись, спинку ласково потру, - кивнула я в сторону ванны, добавляя пены с ароматом кокоса, который тут же заполнил всю комнату.

-Вкусно пахнет. Что-то молока захотелось, - сообщил он недвусмысленно, с шумом втянув побольше воздуха. Я знала, что Гладышев балдеет от кокоса и всего с ним связанного, поэтому некоторые косметические средства у меня были с этим ароматом. И конечно же, я всегда держала в холодильнике любимое Олежкино молоко-кокосовое. Когда я узнала об этом гастрономическом пристрастии, долго смеялась. Олег и молоко – как –то у меня не сочетались. Попробовав сию Гладышевскую блажь, прикола не поняла, но коли моему мужчине нравится, то естественно я это запомнила и при случае почивала его. Но сегодня, к сожалению, был не тот день. Я всегда к приезду Гладышева покупала только свежие продукты в элитном Глобус Гурмэ, но поскольку Олег явился без приглашения, то ни о каком молоке не могло быть и речи. Но все же побаловать и даже удивить очередными, на сей раз кулинарными талантами могу.

-Молока нет, но есть кокосовый сорбет. Будешь?

-А где ты его взяла?

-Сама приготовила.

-Отравить меня хочешь? –подколол он, на что я скорчила рожицу.

-Если бы хотела, давно бы уже к бабули своей отправился - червей кормить!- огрызнулась, задетая его шутками.

-Ладно, не горячись. Тащи сорбет и что-нибудь еще -посытнее. Проголодался дико.

-Нет, а че ты тут раскомандовался? Вроде как обещалось все, что я захочу, или я что-то не так поняла? –возмутилась я, подбоченившись. Правда качать права, в чем мама родила довольно весело и Гладышев засмеялся.

-Наивная ты Чукотская леди, Яночка. Мама тебе разве не говорила, чтобы ты не верила взрослым дядям, когда они тебе предлагают конфетку?

Пора очки розовые снимать. В следующий раз бери задаток,-с самодовольным видом поучал он, погружаясь в ванну и блаженно прикрывая глаза.

-Сволочь ты Гладышев! Вот так и теряешь веру в людей и превращаешься в стерву. –негодовала я почти искренни, подводя неутешительный итог.

-Ну, пока ты не превратилась, сбегай за чем-нибудь вкусненьким, будь другом! – подмигнул Олег, нахально улыбнувшись. И этой улыбке невозможно было отказать, поэтому я лишь покачала головой и посмеиваясь, пошла за «чем-нибудь вкусненьким».

На поднос накидала все, что под руку попало, так как глаза разбежались, и я не знала, что выбрать. Поэтому, когда я поставила перед Гладышевым пирамиду из тарелок, он засмеялся, зато после уплетал за обе щеки и Моццареллу и оливки и сорбет, от которого пришел в восторг. И пока ел, всячески нахваливал, отчего я хотела провалиться сквозь землю, хоть и было приятно. Хорошо, что расположилась в ванной позади Гладышева, и он не заметил, как горят мои щеки. Ну, а потом вернулась привычная легкость и непринужденность. Олег расслабленно откинулся спиной мне на грудь, пока я нежно водила мочалкой по его плечам и рассказывала об учебе на курсах. Гладышев не в пример Лере с неподдельным интересом задавал вопросы, внимательно слушал и отпускал комментарии в своей язвительно манере, за что был не раз обрызган водой. Удивительно, но я могла рассказать ему о своих сомнениях, переживаниях, обо всем на свете, кроме чувств, которые испытываю рядом с ним. Но теперь это лишь вопрос времени. Лед тронулся и это очевидно, поэтому я пребывала в состоянии эйфории и жизнь казалась мне прекрасной, а проблемы незначительными.

Единственное, что не давало покоя, так это то, что Олег по-прежнему застегнут от меня практически на все пуговицы, а мне хотелось знать о нем больше, разделять с ним его радости и невзгоды.

Несмотря на то, что мне удалось поднять ему настроения, я не избавила его от переживаний, с которыми он приехал. Уверенна, он ни с кем никогда их не делит, и от этого не по себе. Как можно справляться со всем в одиночку? Где взять такие силы? И почему он так немногословен, когда разговор заходит о нем? Мне стало в очередной раз больно за него. Такой он у меня одинокий, сдержанный, гордый.

Я мимолетно, обняла его, чтобы не заметил, что расчувствовалась, но это короткое объятие было с особой нежностью, любовью и трепетом. За этот миг я решила, что сейчас самый подходящий момент попробовать

разговорить Олега. Поэтому закончив рассказ о своих планах пойти на курсы вождения и английского языка, которые Гладышев в очередной раз одобрил, набралась смелости и как бы между прочим спросила;

-Как твоя командировка? Успешно прошла? Быстро вы все решили.

Олег на мгновение напрягся, но сразу же расслабился. Я уловила эту перемену и окончательно убедилась в том, что проблема в дочери. Гладышев некоторое время молчал. Я уже хотела сменить тему, поняв, что ничего не дождусь, но ошиблась и замерла на секунду, когда раздался уставший голос Олега;

-Пришлось перенести переговоры.

Я не стала делать вид ,что ничего не понимаю, но все же осторожно озвучила свои догадки;

-Олеся опять чудит?

Олег невесело усмехнулся, а у меня сжалось сердце. Какой-то этот смешок получился пропитанный самоиронией, усталостью и даже отчаяньем.

-Знаешь, я хоть и не знаю жизни и не самая умная, но мне совсем недавно было пятнадцать и ...Я могла бы помочь лучше понять ее, - предложила я шепотом, прижавшись губами к его виску, нежно целуя. Олег ласково провел ладонями по моим ногам, скрещенным у него на поясе и остановившись на колене, легонько сжал, словно поблагодарил.

Глава 14.3

-Она опять явилась домой под ночь, обманула водителя. Он с ног сбился, ища ее. Я хотел уволить, но какой смысл, если проблема в том, что у меня дочь охренела в конец?! Это уже третий водила за месяц! –коротко обрисовал он ситуацию.

-Может, все не так страшно, как ты себе рисуешь? –попыталась я его успокоить, -Может, зависали у подруги или ...

-Вот именно, что зависала она не понять по каким притонам! – взорвался он, резко приняв сидячее положение, но я не позволила ему уйти, обхватила за пояс и прижалась к широкой спине, целуя у основания шеи, и только почувствовав ,что он немного расслабился, мягко спросила;

-Почему ты о ней так плохо думаешь?

-А что я должен думать?!-воскликнул он, удивляя меня. Сейчас передо мной словно моя мама в чистом виде предстала, а ведь Гладышев являлся человеком с объективным взглядом на жизнь, но видимо, когда дело касается собственных детей, объективность летит к чертям.

-Ну, уж явно не самое худшее, - отвечаю иронично.

-Я реально смотрю на вещи. –отрезал Олег, начиная меня раздражать этим извечным «я взрослый, я все знаю!». Ни хрена подобного!

-Реально?–насмешливо поинтересовалась я, закипая, не в силах абстрагироваться от моей собственной ситуации с мамой. Впрочем, наверное, и не нужно этого делать, а напротив, стоит на нашем примере показать ошибочность подобной тактики поведения. Поэтому я сделала несколько вздохов, успокаиваясь и продолжила:

-Моя мама тоже «реально» смотрит на вещи. И я у нее шлюха! А все лишь потому, что не поступила и сплю с мужчиной на двадцать лет старше себя, и не важно, что он у меня один-единственный, хотя к восемнадцати у многих девочек приличный список набегает. Неважно, что я работаю, занимаюсь, развиваюсь, стремлюсь к чему-то. Все неважно! Шлюха и точка! –со слезами на глазах, изливала я душу, но тут же подавила истерику, и уже спокойно спросила, - Вот ты мне скажи, ты ее вытаскивал из каких-то «притонов», видел пьяной или обкуренной?

-Ну, что ты говоришь?! –поморщился он и тут же усмехнувшись, покачал головой, понимая, к чему я клоню и признавая мою правоту.

-Я говорю реальные вещи, Олеч. Просто знаешь, своими необоснованными нападками и предписаниями всех смертных грехов, вы – родители сами зачастую толкаете детей совершить какой-то более серьезный проступок, чтобы как говорится, не зря бочку катили.

-Ты права, и я с тобой абсолютно согласен. Я если честно, - задумчиво произнес он, - стал понимать твою маму. Не считаю, что она права, но сложно держать себя в руках, когда ребенок пошел по неверному пути и ты не знаешь, как его остановить. Начинается паника и череда неверных слов, поступков, которые только разобщают и отдаляют.-признался он с тяжелым вздохом, а у меня слезы навернулись на глаза. Я думала о маме. Испытывает ли она подобные чувства, что и Олег? Без понятия. Но сейчас это не имеет значение. Сейчас важно показать Олегу сторону Олеси, разобраться.

-Ты говорил с ней? –мягко поинтересовалась.

-Ну, конечно, говорил! –раздраженно парировал он, словно я спросила какую-то глупость. И я отчетливо представила это его «говорил».

-Как говорил? Как со своей подчиненной; менторским тоном вещал, что она должна и обязана?– язвительно продолжила я допрос, и увидев, как у Гладышева заходили желваки, поняла, что не ошиблась и продолжила гнуть свою линию. – Так нельзя, Гладышев! Она твоя доченька, твоя принцесса, твоя душа и кровиночка, а не твой новый проект, в котором все должно работать, как ты хочешь.

-Я никогда не относился к ней подобным образом. –возразил он.

-Не обманывай! Ты ко всем так относишься, просто уже не замечаешь. Я понимаю, что ты имеешь полное право требовать от нее выполнения различных обязанностей, но ты также должен учитывать и ее желания, стремления и интересы. Не задумывался, с чего вдруг полетела отлаженная система? Отчего случился этот бунт? – продолжала я рассуждать. За это время мы немного успокоились и вернулись в исходную позицию; я откинулась на бортик ванны, Олег на меня. Диалог стал менее эмоциональным, больше вдумчивым.

-Об этом и думаю, Чайка. Постоянно. Где что-то упустил? Что не так делаю? Понятно, что ей не хватает внимания, но его ей всегда не хватало... А я не могу разорваться и уж тем более стать матерью. Есть темы, которые невозможно обсудить с отцом. Я не ханжа и не твердолобый баран. Понимаю, что она не будет всю жизнь под моим крылом, что ей хочется и погулять и прочее, но не в пятнадцать! Не знаю, короче, как лучше. Как уловить середину между строгостью и вседозволенностью. Не знаю, как не испортить все и не усугубить. – признался он не скрывая ни своего опасения, ни сомнений, ни страха и волнения.

Я видела его таким впервые. Вот таким настоящим, без брони и не знающим, что делать. Растерявшись, не сразу нашла с ответом.

-Я думаю, что проблема еще в том, что ты слишком давишь своим авторитетом.-попыталась я высказать свою мысль, но Гладышев полуобернулся и недоуменно приподнял бровь.

-Ну, просто ты ставишь себя таким образом, что волей не волей на каждое свое слово и действие люди ждут твоего одобрения. А ребенок он острее всего чувствует вот эту авторитетность и пытается изо всех сил заработать у тебя очки, просто потому что ты главный в его мире. Мои отношения с матерью всегда строились по такому же принципу. Я делала все, чтобы заслужить ее похвалу и одобрение. Но еще были и мои желания, а поскольку они не всегда соотносились с мамиными, то мне приходилось врать. А когда я вызвала недовольство, то сорвалась и меня понесло. – попыталась я объяснить, правда, получалось как-то не очень хорошо, но я продолжила;

-Просто нужно быть другом для ребенка, а не авторитетом. Друг этот не тот человек, который все дозволяет, а человек, которому можно довериться.

-Я старался быть ей именно другом, мы достаточно общались, - раздраженно парирует он в попытке оправдаться. Я улыбнулась и покачала головой. Гладышев оправдывается?! То ли еще будет.

-Не сомневаюсь, что много общались, но не о том, что болит и тревожит. Вряд ли она когда-нибудь признавалась тебе в своих слабостях, переживаниях и сомнениях.

Гладышев ухмыльнулся невесело, а я продолжила;

-Потому что перед тобой всегда нужно быть на коне, ведь ты сам такой; успешный, уверенный, нестигаемый. Но знаешь, как говорят; дети никогда не слушаются взрослых, но всегда им подражают. Ты достойный пример для подражания, но ты не друг, потому что нет обратной связи. Очень не просто быть откровенным с человеком, который всегда в броне. Это взрослые люди понимают, что за ней что-то скрывается, а ребенок пока видит только авторитетного дядю, перед которым нужно выслуживаться, – высказалась я и со смешком подвела итог, - Не знаю, как донести свои мысли.

-У тебя все получилось, малыш. Я понял.- успокоил он меня с одобрительной улыбкой, а потом сам же рассмеялся и спросил, - Для тебя я тоже «авторитетный дядя, перед которым нужно выслуживаться»?

-По временам. – призналась я с улыбкой и мягко попросила, - Просто будь хотя бы иногда более открытым с теми, кто тебя искренни любит, будь мягче. Особенно с дочерью. Мне кажется, отношения папы и дочки самые нежные, трогательные. Постарайся не просто интересоваться ее делами, а участвовать в них, вникать, но не нагло влезая, а создавая нужную атмосферу для доверия. Олеся не должна подстраиваться под тебя все время. Это ты должен быть более пластичным, чтобы с наименьшими потерями пережить этот непростой период. Начни сразу, как приедешь. Открыто поговори, признайся, что и тебе не просто. Позволь ей увидеть, что ты тоже человек, а не машина, которой все под силу.

-Я бы с радостью, но она уехала к матери, -сухо сообщил Олег. И вот тут я поняла, что все действительно плохо. Мне было известно, что у Олеси натянутые отношения с матерью, поэтому она всегда предпочитала общество отца. Причин я не знала, но видимо, достаточно веские. И сейчас новость меня поразила и в тоже время возмутила. Мне вдруг стало жаль эту девочку, которую словно мячик пинали из одного угла в другой. Поэтому, не разобравшись, я накинулась на Олега ;

-Отправил ее к матери в воспитательных целях, чтобы знала, как себя вести?

-Нет, она сама изъявила желание.

-И ты, конечно же, пожелал ей доброго пути, врубив гордость и наверняка про себя думая «ну, ничего, прибежишь, когда мамаша устроит тебе сладкую жизнь», верно?- взорвалась я и по взгляду Гладышева поняла,

что так оно и есть. Все что я смогла, это ошарашенно покачать головой.

-Ты поступаешь в точности, как моя мать! Это неправильно. Слишком жестоко пускать все на самотек, чтобы твоего ребенка учила жизнь. Зачем тогда ты нужен? Такими методами учатся детдомовцы, и как известно, мало, что доброго выходит. Зачем вообще тогда нужны родители, если жизнь научит?-возмущалась я.

-Ты права, я сам это все понимаю, просто вспылел и не знал, что делать.

-Ты должен был схватить ее и не отпускать. Потерпеть, заткнуть свою гордость и все остальное. Взрослый –ТЫ! Она маленькая девочка, которая ничего не знает в этой жизни! Вы же; ты и эта горе-мамаша толкаете ее в эту жизнь, отпихивая каждый раз от себя, когда девочка делает что-то вопреки вашим желаниям . А еще говорят, у детей потребительское отношение к родителям! Да что вы?! Если родители сами не хотят заниматься своими детьми, а хотят, чтобы те просто выполняли их указания, вот отсюда и идет потребительство!- я бушевала не в силах держать в себе все, что накопилось за время ссоры с матерью. Я столько об этом думала, что сейчас из меня лилось, как из рога изобилия.

-Не кипи, Чайка! Я сам все это понимаю. Давай, уже тему сменим. – устало отозвался Олег. И я знала, что понимает. Гладышев умный человек, но излишне требовательный, поэтому ему не просто подстраиваться и юлить, чтобы найти ключик к сердцу дочери, но ему придется это сделать. Таков родительский долг; сделать все, чтобы ребенок был счастливым, чтобы не наступил на кучу граблей и не расшиб лоб.

Мы замолчали и некоторое время просто лежали, понемногу успокаиваясь. Но все же я не могла не спросить;

-Поедешь к ней?

-После Нового года. Пусть успокоится и немножко все же прочувствует, как оно! – ответил он в своей излюбленной, занудной манере. Я засмеялась.

-Упрямец. Хотя ты тоже прав, иначе на шею сядет. Но смотри мне, я прослежу! – пригрозила я. Гладышев улыбнулся, и резко подхватив меня, усадил на себя верхом, отчего у меня перехватило дыхание. Сглатываю тяжело, утопая в его горящем взгляде.

-Янка, Яна, Яночка...- произнес он задумчиво, нежно скользя тыльной стороной кисти. Мои глаза защищало от слез, губы задрожали в попытке сдержать слезы от нахлынувших чувств. –Иногда я забываю, что тебе всего лишь восемнадцать. Ты еще такая юная, но столько всего знаешь . Моя умненькая девочка. Откуда в тебе столько мудрости? –прошептал,

покрывая мое лицо поцелуями.

-Я быстро учусь и взрослею, -выдавила из себя, поскольку в горле стоял комок слез. Так тронула его нежность, что я растерялась.

-Ну, пока ты совсем не стала взрослой теткой, заказывай дедушке Морозу подарок. Что хочет девочка Яна? -чмокнув меня в кончик носа, отстранился он и откинулся на бортик ванны.

-Дедушка Мороз никогда не приносил, что Яночка хочет, только лишь то, что нужно. И сейчас вроде возможности позволяют разгуляться на широкую ногу, а по-настоящему хочется, чтобы мама взяла да позвонила мне, – поделилась я своим сокровенным желанием. Олег нахмурился, поэтому я поспешила развеять гнетущую атмосферу.

-Пусть будет сюрпризом. Что-нибудь от души, на твой вкус.

-Ладно, только потом не жалуйся.

-А когда я жаловалась? –пробормотала, целуя его.

Вообще-то в качестве подарка я хотела попросить его помочь Кристине и ее мужу. Наверняка, у Олега есть связи. Но поскольку у Гладышева у самого проблем хватало, то это было не слишком уместным. Да и вряд ли бы он согласился. Но все же удочку закинула.

Когда мы оторвались друг от друга, я рассказала о том, как провела вечер с Кристиной, о ее судьбе, которая Гладышева не слишком-то и тронула; кроме «бедная баба» он никак более не отреагировал на мой рассказ, что окончательно убедило не лезть к нему пока с просьбами помочь подруге. Я не была удивлена такой реакции. Олег, он не равнодушный, но и не филантроп. Переживать за каждого мимо-проходящего человека не станет. Я в принципе такая же. Но Кристина мне не была чужой, поэтому я решила, что отложу просьбу для более подходящего момента. А пока весело рассказывала о неожиданной встрече с Мишей, которая Олега крайне удивила. А Мишины рыцарские порывы и вовсе позабавили. Поскольку Крис я не дозвонилась и сама она не перезвонила, я попросила Олега узнать у Миши, как они добрались. Но Гладышев наотрез отказался, пояснив это тем, что у Миша чокнутая жена, которая сживет всех со свету, если хоть кто-то приблизится к ее мужу, не говоря уж о том, чтобы доехать с ним до дома. Поскольку женой Миши оказалась та рыжая стерва, которую я имела «счастье» видеть, то все мои сомнения отпали. Такая может, проглотит не подавиться. Бедные Миша и Кристина; повезло с супругами. Вот хорошо бы их свети, может, обрели бы счастье. Этими шутливыми мыслями я поделилась с Олегом и он, конечно же, долго смеялся над моими сводническими идеями, которые ему очень даже понравились. Ибо он был не прочь избавить друга от его мегеры-

жены, но скорее небо упадет на землю, чем Вика отпустит Анторопова.

Мы еще немного повалялись в ванной, болтая на разные отвлеченные темы, пока я не решила немного пошалить. Благо, появилась возможность; как только Олег чуть-чуть расслабился, я резко окунула его в воду. От неожиданности он наглотался мыльной воды и отплевавшись, матерился так, что у меня уши в трубочку завернулись. Я поспешила прочь из ванной, но Гладышев перехватил меня за талию и затащил в душевую кабину, где окатил ледяной водой. После горячей ванны даже закалывание не помогало достойно пережить этот ад. Я визжала, брыкалась, умоляла, но Олег был беспощаден, направляя струю холодной воды на меня. Когда у меня начали трястись губы, Гладышев сжалился. Закутав мое дрожащее тело в полотенце, отнес в постель, где, как и обещал «обожал» медленно, нежно и долго, ибо на ветер слов не бросает.

За окном было уже светло, когда я уснула в крепких объятиях Олега. Пожалуй, впервые мне было настолько спокойно и уютно, словно я была рождена, чтобы засыпать на груди у этого мужчины.

Проснувшись я уже вечером, в той же позе, что и уснула; под боком у Олега, который все еще крепко спал. Это был первый раз, когда я застала его спящим. Безотчетная радость и нежность заполнили мою душу. Боясь потревожить любимого, я старалась даже не шевелиться, лишь сильнее прижалась к его горячему телу и с улыбкой вглядывалась в любимые черты, хотя и так знала каждую морщинку и родинку наизусть. Но как я уже говорила; любимого человека всегда мало; невозможно наглядеться, послушаться, надыхаться. И я впитывала каждый его вдох и выдох, любовалась этим бесконечно дорогим сердцу лицом. Такой он красивый мой Зануда.

Мое сердце пело, и я не могла сдержать улыбку и свои порывы, поэтому осторожно, но с чувством прижалась губами к его руке, закрыв на мгновение глаза, пытаясь в один этот поцелуй вложить всю мою любовь, шепча про себя; «Прошу тебя, пусть это никогда не кончается. Пусть будет началом нашего с тобой пути. Люби меня, пожалуйста, люби! Мне так это нужно, я так хочу этого. Ничего так не желаю в этом мире, как увидеть в твоих невероятных глазах любовь. За одно это мгновение отдам все на свете, мой милый! Отдам, не задумываясь, ибо каждый миг моей жизни заключен в тебе, любимый! Только в тебе!»

Олег словно почувствовав что-то, с шумом втянул воздух и обнял меня еще крепче, но не проснулся. Я же очнулась, вытерла накатившие слезы и аккуратно высвободилась из кольца его рук.

Пока Гладышев спал, я привела себя в порядок, дозвонилась наконец-

то Кристине, которая была чем-то занята, а потому не могла долго разговаривать, хотя у меня возникло ощущение, что она просто пытается избежать расспросов. Но я и не собиралась вдаваться в подробности, поэтому удовлетворившись ответом, что все в порядке и договорившись встретиться на недели, занялась приготовлением ужина.

Олег проснулся как раз, когда я покончила с готовкой. Вечер прошел в теплой, романтической атмосфере. Мы поужинали, прогулялись до магазина, где я увидела игру Need for Speed и поняла, чем мы будем заниматься остаток вечера. Купив два джостика и игру, мы пришли домой, и началось что-то сумасшедшее. Настолько нас затянули эти гонки, что мы как два ребенка резвились, бурно выражая свои эмоции; кричали, злились, ругались, хохотали. Гладышев быстро освоился и уже во втором туре утер мне нос, мне же оставалась только недовольно пыхтеть и орать, что он грязно играет, тем самым еще больше веселить Олега.

В конечном счете, он уделал меня вчистую, отчего я психанула, едва не разбив джостик, и послала его на хрен с этой чертовой игрой. Но шуточная ссора закончилась нешуточными страстями, после чего мы уснули без сил.

Утро ворвалось стремительно, как и реальность. Когда я проснулась, Олег уже был собран и висел на телефоне, погруженный в дела. Вид у него был привычный; бодрый, я бы сказала отрезвляющий своей арктической свежестью. Меня это напрягло, и страх закрался в душу, что вот сейчас Олег наденет привычную маску. Но когда я прошла мимо, Гладышев ласково притянул меня к себе, и закрыв динамик, чувственно поцеловал, отчего у меня закружилась голова и тело начало гореть, но продолжения не последовало. Отпустив меня, Олег продолжил невозмутимо с кем-то говорить по телефону, правда, стоило мне развернуться, как он звонко шлепнул меня по заднице.

Я возмущенно обернулась, и указав на телефон, показала кулак, что означало – поговоришь сейчас у меня. Гладышев дерзко улыбнулся и подмигнул мне. Я заулыбалась и поспешила принять душ, охладиться. Улыбка не сходила с моих губ, а утро превратилось в сказку от одного лишь его поцелуя и улыбки. Я была просто счастлива, что меня миновала участь Золушки, и карета не превратилась в тыкву. Радость согрела душу, приободрила и вселила безграничную веру в светлое будущее. И уже ничто не могло испортить моего настроения.

Последующую предновогоднюю неделю я порхала, как бабочка, окрыленная мечтами, планами, надеждами. Да и унывать, не было времени. Я таки пошла на курсы вождения и английского. И конечно же, начала подготовку к Новому году. Носилась, как угорелая, закупаая все к празднику.

Это была такая волнительная, но приятная суета; покупка елки, новогодних украшений, и конечно же, подарков, которые, к сожалению, я могла подарить лишь двум людям; Олегу и Кристине, но тем не менее, купила также маме, бабушке и тете Кате. Наверное, в надежде на новогоднее волшебство. Это мой первый Новый год, который я встречу без мамы. Пока я выбирала ей подарок, вспоминала свое детство. Сердце щемило от боли и обиды, слезы наворачивались на глаза, но я их тут же проглатывала. Запихивала глубоко в себя, чтобы не портить праздничное настроение. Можно было, конечно, позвонить самой. Но какой смысл, если маме на меня плевать? Иначе она бы уже давно узнала у Леры и адрес и телефон.

Отмахнувшись от этих мыслей, поскорее расплатилась за подарки и поспешила в отдел игрушек, где накупила Кристинкиному сыну всякой всячины. Напоследок же оставила самое трудное-подарок Олегу. Я уже давно думала, что ему подарить, но в голову так ничего и не проходило, ибо хотелось нечто оригинальное, со вкусом, запоминающееся, и чтобы всегда было рядом. Что подарить мужчине, у которого все есть? –вопрос на миллион. Только себя, пожалуй. И когда эта мысль проскочила в моей голове, словно по заказу в ювелирном отделе на глаза попался стильный, мужской брелок на ключи; парящая чайка из платины с инструктированными бриллиантами глазами. Увидев эту роскошную мелочь, я поняла, что это как раз то, что нужно, то , что я хотела; уникальный подарок со смыслом, который всегда будет рядышком, как хотелось бы быть мне. На обратной стороне сделали гравировку, над которой я долго думала, боясь, показаться через чур сентиментальной или остаться не понятой. Но ничто не могло передать моих чувств лучше, чем любимое стихотворение, которое словно крик моей души. Вот из него я и позаимствовала строчки. А потом меня совсем клинануло и я поехала в тату-салон и без особых раздумий и сомнений набила эти строки на своей лопатке каллиграфическим шрифтом на русском языке. Всегда мечтала о тату, как у Анжелины Джоли, но сейчас эта запись была не какой-то блажью, а имела особый для меня смысл. Кожа жутко горела и пульсировала, но я была довольна своим поступком и ни капли не сожалела. К тридцать первому краснота и опухоль должны были пройти, и я могла надеть платье с открытыми плечами.

Когда с подарками было покончено, оставалось только выбрать наряд и закупить продукты, на случай, если мы проведем новогоднюю ночь у меня. Поскольку со всеми этими делами я постоянно забывала спросить у Олега, где мы будем отмечать праздник, а сам Гладышев вновь уехал решать незаконченные дела и все эти дни практически не звонил, то

тридцать первого я так и была не в курсе, где мы будем и с кем. Но для меня, если честно, это не играло особой роли, главное, что вместе. В этом я даже не сомневалась после того, как узнала, что Олеся будет праздновать с родителями Гладышева. Накануне мечтательно и с волнением представляла, как мы встретим Новый год, как начнем его вместе. Поглядывая на коробочку с подарком, с волнением и предвкушениям ждала момента, когда подарю его. Думала, как отреагирует Олег ; понравится ли? Не покажется ли смешным? Но я гнала от себя эти дурацкие мысли, веря и надеясь всей душой, что все пройдет замечательно.

Тридцатого я убралась в квартире и с особым трепетом и радостью украсила каждый уголок. Квартира сразу же превратилась в сказочную страну; повсюду гирлянды, снежинки, мишура. Запах елки и мандаринов вызывал у меня восторг и глупую улыбку. Вечером ко мне приехала Кристина с сыном, я как раз закончила делать заготовки на праздничный ужин, чтобы тридцать первое полностью посвятить себе. Мы поздравили друг друга и выпили бутылку шампанского под хорошее настроение, наплевав на последствия прошлых посиделок. Нам было весело и хорошо. Новогодняя атмосфера творила чудеса, и любые проблемы откладывались до седьмого января. Лично я только после Рождества начинаю возвращаться в реальную жизнь.

Антошка оказался не по годам развитым, сдержанным мальчиком, но я сразу же прониклась к нему всей душой. Он был истинным джентльменом и просто очаровывал своими манерами и рассудительностью. Но когда увидел подарки, как и положено ребенку, накинулся на них с горящими глазами и без церемоний. Мы с Крис улыбаясь, наблюдали за его радостью и счастьем. Перед отъездом Кристина пригласила меня праздновать к себе. С намеком на всякий случай. Но я была стопроцентно уверена, что никаких «всяких случаев» не произойдет, поэтому от души поблагодарила и отказалась.

Наступило долгожданное тридцать первое, и я помчалась выбирать платье. Поиски были мучительными, так как я старалась не прогадать, чтобы потом не выглядеть душой. Как назло, Гладышев был недоступен и вопрос о том, где и с кем мы будем, до сих пор оставался открытым. Но где бы и с кем не были, а я должна выглядеть роскошно -под стать своему мужчине! Поэтому мой выбор пал на шикарное, бронзового цвета платье в пол от Roberto Cavalli. Оно было поистине королевским и стоило немало, но с этим проблем не возникло, так как Гладышев, наверное, предвидев новогодние расходы, пополнил карту более внушительной суммой, чем всегда. Выглядела я в этом платье великолепно и сексуально. Оно подобно

второй коже сидело на мне идеально, подчеркивая каждый изгиб и разлетаясь к низу, не сковывая движения. Шуба должна была добавить еще больше элегантности и шика, поэтому я не долго думая, купила его и довольная отправилась в салон красоты, чтобы завершить свой образ кинодивы на сегодняшний вечер. Но тут позади меня раздался знакомый голос, и обернувшись, я увидела ни кого иного, как Стаса. Он был с девушкой, с которой сразу же познакомил. Встреча получилась сумбурной, я спешила, они тоже. Но главное, что несмотря на последнюю размолвку, мы были рады видеть друг друга. Стасик сразу же оценил меня своим «метро» взглядом и пришел в полный восторг от моего «прикида», заметив, что я не бедствую и шикарно выгляжу. Я засмеялась и вернула ему комплимент, так как он был ,как и всегда «при параде». За те десять минут, что говорили, Стас поведал о том, что тоже ушел из Де Марко и сейчас работает ди-джем в каком-то клубе, а еще, что встретил свою любовь – Аню, которая, кстати, оказалась студенткой третьего курса в МГАХ , и все это к тому, что теперь я могу не опасаться поползновений с его стороны и спокойно общаться. Я засмеялась, и лед между нами окончательно растаял. Аня была такой же, как и Стас; активной, позитивной, простой девчонкой на своей жизнерадостной волне. Поскольку мы торопились, а поговорить жуть, как хотелось, то обменялись телефонами и побежали каждый по своим делам, но спустя пять минут, Стас позвонил мне и пригласил на новогоднюю тусовку, где соберется вся «танцевальная братия», что означало-скучать мне не придется. Я не успела ничего ответить, как он уже попрощался.

Решив, что нужно после нового года обязательно с ним встретиться, отправилась наводить последний лоск. В семь я уже была дома, но Гладышев так и не позвонил. Я начинала нервничать и переживать, что рейс задержат, и он не успеет, но в восемь раздался долгожданный звонок, и я едва не подпрыгнула от радости. Схватила телефон, и расплывшись в улыбке, громче, чем нужно, сразу же спросила;

- Гладышев, ты в Москве?

-И тебе привет! Ты что, уже навеселе?- насмешливо поинтересовался он, на заднем фоне у него играла какая-то музыка. Все шумело, трещало, но я была настолько рада слышать моего Зануду, что все остальное стало неважным.

-Ага, тебе услышала, и в голову ударило сразу, - отозвалась я весело, наполняя бокал шампанским. Я решила по чуть-чуть настраиваться на праздник, хотя настроение у меня и без того зашкаливало.

-Юморина ты. В голову тебе давно уже ударило, -засмеялся он.

-Решил все свои дела? – пробубнила, сделав глоток.

-Да. Только прилетел.

-Ну, слава Богу, а то я уже испугалась.

-Чего?-вдруг удивился он. И меня его вопрос насторожил.

-Как чего?! Что не успеешь прилететь, и Москва будет встречать Новый год без такого красивого мужчинки, - отшутилась я.

-А-а, я тебе поэтому и звоню, Чайка. –начал он, а у меня рука с бокалом застыла на полпути к губам.- Давай, я тебя завтра или перед отлетом в Бийск приеду поздравить, сейчас не успею, надо еще домой заехать.

Я медленно втянула воздух, вдруг ставший каким-то пересушенным, как в пустыне, сжавшим до боли мои легкие, отчего я не могла надыхаться. Руки задрожали, внутри все похолодело, онемело от шока, неверия и полной дезориентации. Кончик языка пронзил горький вкус слез разочарования. Сглотнула, втянула сквозь боль заиндевевший в миг воздух.

Гладышев что-то говорит в трубку, а я не слышу, как в каком-то пламенном бреде. Наверное, нокаут –это, когда тебя уже ударили, а ты еще не понял этого. Если так, то меня туда мастерски отправили. Впрочем, кулаками махать Гладышев здоров, особенно теми, что в самую душу попадают с одного выпада.

-Ян, ты там где?-прорывается озадаченный голос.

-Здесь, - отвечаю потерянно.

-Ну? –нетерпеливо спрашивает Олег.

-Как хочешь, -безучастно произношу.

-Что «как хочешь»? Я у тебя спрашиваю, с кем отмечаешь?! С этой со своей подружкой ненормальной? Куда поедите? -весело спрашивает он, а у меня из глаз покатились слезы. Я ему не рассказывала о ссоре с Лерой и сейчас была рада этому. Никогда он не узнает о том, что я все приготовила для него, для нас. Не узнает как ждала этого вечера и сколько надежд на него возлагала.

Наивная дура, опять намечтавшая себе не бог весть что! Сколько еще раз мне нужно разбить лоб, чтобы дошло, наконец, что ничего между нами не меняется и не нужно в каждом его взгляде искать нечто двусмысленное. Нет там ничего, кроме нужды по средам и пятницам.

Рыдания начинают подкатывать к горлу, поэтому я поспешила закончить разговор, стараясь хоть немного оживить голос.

-Ладно.. мне идти надо. Отлично погулять. Позвонишь, как надумаешь приехать. Счастливого Нового года!-выдала рубленными фразами, а чувство, словно сердце на куски порубила.

-Хорошо, позвоню еще. Много не пей! – наказал он напоследок, и отключился. И все! ВСЕ!

Такое отчаянье накатило. словно в миг мир перестал существовать, словно одна я на всем белом свете. И стены этой квартиры стали надвигаться на меня.

Обвожу затуманенным слезами взглядом гостиную; сервированный стол, задорно мигающую всеми цветами елку, приготовленное платье и туфли.

Вырывается смешок. Горько мне! Так горько, что сил нет. Сползаю по двери, закрыв глаза. Слезы катятся градом, портя макияж, но мне было уже все равно. Задыхаясь, начинаю беззвучно рыдать, упиваясь болью, унижением и одиночеством, которым было невыносимо дышать, которое рвало мне душу и сердце. Я уже не спрашивала, почему и за что. Просто принимала то, что я не нужна любимому мужчине. Мною настолько завладела апатия, что даже не в силах была обвинить его в чем-то. Да и в чем винить-то, если сама мечтательная, влюбленная дура? Он же поступает со мною, как поступил бы всякий другой мужчина, который не любит и воспринимает женщину лишь, как собственность, как источник радостей и небольших проблем, сменяющихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна.

Только не легче от понимания этого. Не легче! Душат проклятушие чувства. Хоть бы уж угасли без света, так нет же! Они темнели, приобретали болезненно-зависимые черты, но не угасали. Угасала я с каждой секундой, молясь лишь об одном, чтобы это поскорее кончилось, чтобы ушло, провалилось сквозь землю. Только Гладышев настолько сросся с моей душой, что стал родней родных. А родные только умирают, их не вычеркивают и они просто так не исчезают. В таком я переплете. Вне всех низостей, обид, боли и несчастий, — люблю его. Но с этой любовью мне просто нечем дышать. Задыхаюсь!

Я не знаю, сколько я сидела вот так-на полу оглушенная болью и разочарованием. Надломилось что-то у меня внутри, отяжелело сердце, окаменело, давило непосильным грузом, и в тоже время пусто было до дикого воя. А хотелось бы повыть, да только слезы вдруг высохли. Еще раз окидываю все эти приготовления, вспоминаю себя такую окрыленную и начинаю цинично хохотать. А потом просто срываюсь от боли и злости на саму себя, подскакиваю, как ужаленная и яростно начинаю сдирать со стен все эти снежинки, мишуру, гирлянды. Но этого мало, чтобы выплеснуть разочарование, поэтому сметаю со стола все эти тарелки, вилки, ложки и бокалы. Пинаю елку, отчего она падает на пол, и игрушки с оглушительным

звоном разбиваются, как и мое сердце. И не выдерживаю я этого кошмара, падаю на колени и реву взахлеб, ударяя кулаками по паркету от бессилия и безнадёги.

Какая же я жалкая! Какая глупая! Неужто всерьез думала, что впустит тебя в свою жизнь? С друзьями познакомит, может еще? А потом вы, наверное, и к родителям бы к его вместе поехали? Очнись девочка! Ты всего лишь удобное приложение, которое удалят, когда появится более усовершенствованное или просто новое. –издевается надо мной внутренний голос. А я только трясую головой до тошноты, продолжая колотить пол до отрезвляющей боли. Отрезвила.

Смотрю на разруху и бардак и понимаю, что это точное отражение моей души. Вот так и там; на куски все, на осколки.

Усмехаюсь, сглатываю, но во рту пересохло. Беру бутылку и пью прямо с горла, обливаясь, сажусь на диван и уставившись в одну точку, просто сижу. Вспомнилась последняя встреча и его это «Заказывай дедушке Морозу подарок. Что хочет девочка Яна?».

Смеюсь сквозь слезы.

А какая разница, что хочет девочка Яна? Кому вообще до этого есть дело? Никогда дедушка Мороз не дарил ей того, что хочется. И сейчас тоже чуда не случилось. А ведь девочка-то поверила, всем своим сердечком и душой, от того, наверное, так больно теперь.

«Мама тебе разве не говорила, чтобы ты не верила взрослым дядям, когда они тебе предлагают конфетку?»

Говорила, Олеженька. Да только я вот непробиваемая. Но думаю, у тебя получится донести истину. У тебя непременно получится! Научится девочка Яна не верить, не надеяться, ни ждать!- вела я мысленный диалог.

Постепенно немного успокоилась; слез больше не было, не было ни надежд, ни каких-то планов. Разом как-то опустились руки и внутри поселилась пустота. Кое –как подняла себя и направилась на кухню за очередной бутылкой. Проходя мимо зеркала, остановилась и с ужасом уставилась на свое зареванное лицо с потекшим, размазанным макияжем. Такая уродливая гримаса. Мне стало жутко. В душе зажегся протест.

Неужели я буду вот так сидеть и жалеть себя? Какой вообще в этом смысл? Не хочу я так. Слишком больно, слишком свежо, чтобы по живому колупаться в ранах. Хочется забыться, утопить свою боль в наигранном веселье.

Подумав немного, решила, что поеду на вечеринку. На часах было уже десять, поэтому я поспешила привести себя в порядок. Умывшись, припудрилась, накрасила губы красной помадой и подвела неярко глаза.

Остервенело, без сожаления распустила элегантную прическу, которую мне делали около двух часов, и отправила волосы в свободный полет. Из одежды выбрала короткую, кожаную юбку с завышенной талией, в которую заправила простую белую майку. Платье же, которое я так долго выбирала и с таким волнением примеряла перед зеркалом, зашвырнула подальше в шкаф, поджав задрожавшие губы. Перед тем, как выйти из квартиры, обвела ее опустошенным взглядом и в очередной раз чуть не заплакала.

Как бы сложилась жизнь, если бы Гладышев приехал?- проскользнула вдруг мысль, словно сегодняшняя вечер имеет какое-то особое значение.

Имеет, конечно, имеет, но исключительно для меня-в этом вся соль. Проглотив в очередной раз слезы, взяла себя в руки и решительно настроилась забывать, и черт возьми, веселится!

С таким настроем я пребыла по указанному Стасом адресу, который ждал меня у ворот довольно внушительного коттеджа. Стасик, как обычно рассыпался в комплиментах, что заставило меня улыбнуться. И хоть атмосфера праздника ощущалась на все сто, в душе у меня царил холод и пустота.

В доме было не протолкнуться, музыка гремела так, что казалось, стены сотрясаются. Мы со Стасом подошли к компании парней и девушек, где меня сразу же всем представили и представились в ответ. Я никого не запомнила и лишь с улыбкой кивала, принимая из чьих –то рук бокал. Через полчаса я расслабилась, выпив достаточное количество шампанского, которое быстро ударило мне в голову. Немного погодя, я неровным шагом отправилась на поиски туалета и своей сумочки, чтобы припудрить лицо. Искала я ее довольно долго среди кучи вещей, но когда нашла, не поняла, для чего мне понадобилось пудрить лицо. Рассмеявшись над собственным идиотизмом, чуть опять не впала в истерику, но тут в комнату кто-то вошел, и каково же было мое удивление, когда это оказалась Лера.

-Токарева?- удивленно воскликнула она.

Я закатила глаза, и отбросив сумочку, с царственным видом прошла мимо, оставляя Леру в полнейшем недоумении. Но у меня не было ни желания, ни сил на Гельмс.

Посетив уборную, пошла на поиски Стаса и Ани, но на прежнем месте уже сидели какие-то парни с девушками. Я раздраженно втянула воздух, и резко обернувшись, чтобы уйти врезалась в чью-то каменную грудь. В нос ударил резкий аромат парфюма, который показался мне смутно знакомым. Поднимаю голову и встречаюсь с самоуверенным взглядом прищуренных глаз Максима. И тут что-то у меня оборвалось внутри, когда он лениво улыбнулся, словно зверь, словивший, наконец-то, свою добычу.

-Яна?-пророкотал он, наклонившись, обжигая кожу горячим дыханием. У меня по телу пробежала дрожь, но я не подала виду и усмехнувшись, произнесла иронично;

-Максим, кажется?

Макс засмеялся, и вновь наклонившись, насмешливо прошептал, нагло касаясь моего ушка губами;

-А так, тоже кажется?

И провел языком, я дернулась, словно ошпаренная, отшатнулась и резанула бешеным взглядом. На что Макс ответил пьяной ухмылкой, и отсалютовал бокалом.

-С Новым годом! –прогремел он вместе со всеми в следующее мгновение и выпив, притянул все еще ошарашенную меня к себе, грубо впиваясь в мои губы, заставляя раскрыться, заполняя мой рот холодным шампанский и своим горячим языком.

Глава 15.1

«Happy new year! Happy new year! May we all have a vision now and then.»- подвывала на заднем фоне АВВА, вызывая у меня раздражение и досаду. Этого самого « happy» не было ни в одном глазу. Я обводил задумчивым взглядом банкетный зал, декорированный к празднику новогодней атрибутикой, и все больше раздражался. Не прошло и получаса, как меня начало бесить монотонное мерцание гирлянд, суетливость баб и слишком громкий хохот мужиков. Всеобщее веселье казалось каким-то наносным, искусственным. Ощущение, будто у всех в раз отключились проблемы, и жизнь заиграла всеми цветами радуги. Только у меня в этот вечер кнопка «выкл» не работала, и праздничного настроения не наблюдалось, напротив, с каждой проведенной здесь минутой оно становилось все хуже. Потому что я сидел и не понимал, какого хрена насилую себя, спокойно попивая шампанское в компании друзей, когда мысленно нахожусь с дочерью и Чайкой? Но вариантов было не много, учитывая ,что дочь сторонилась меня, а Чайку держал на расстояние я сам. Причина? А хрен ее знает. Внутренний голос, конечно, гаденько посмеивается, увещевая меня, что безбожно вру, но честно, у меня не было времени в этом разбираться. Хотя в чем тут собственно разбираться? Достаточно оглянуться вокруг и представить Чайку среди вот этой кучки разряженных мартышек, мило щебечущих друг другу комплименты, хотя глаза горят завистью и еще кучей нелицеприятных эмоций. И вот не представляю я ее здесь. Не потому, что она бы так не смогла или не вписалась в эту элитную тусовку, а просто потому, что не хочу ее такой

видеть. Таких у меня за плечами столько, что уже и не вспомнишь. Нажрался на три жизни вперед. Она же другая, настолько другая, что у меня дух захватывает, голова кругом идет. С ее появлением в моей жизни, внутри что-то зашевелилось, ожило. Я с ней ожил, задышал полной грудью. И все будто в первый раз. Каждую минуту что-то новое до сумасшедшего, детского восторга, тупой улыбки и дикого голода; чувствовать это снова и снова. Я как пересушенная земля пью жадными глотками ее кипучую энергию, безграничное жизнелюбие, ошеломляющую искренность и дикую страсть. Она огонь, согревающий мою душу, сжигающий разум и воспламеняющий тело. Что это? Любовь?- ну так навскидку, хотя даже думать об этом смешно. Какая на хрен любовь?! Бешенная, животная страсть, интерес, тяга, но не любовь!

Вспомнился последний разговор с Чайкой на данную тему;

«-Ты вообще когда-нибудь любил?

-Все зависит от того, что ты в это понятие вкладываешь.

-В понятие любовь я вкладываю полное растворение в другом человеке. Когда тебя в тиски сжимает это чувство, наизнанку выворачивает, по венам течет, вертит тобой, как хочет. Когда теряешь все; разум, контроль, покой, себя...Когда невозможно надышаться любимым человеком. Сколько бы часов не проводили вместе, а все равно мало, все равно голодный.»

Пожалуй, это самое пронзительное признание женщины в чувствах ко мне. Такое же отчаянное, страстное, дикое, как моя дерзкая девочка. Оно с привкусом горьких слез и сладких мечтаний, которые обернутся для нее дикой болью. Потому что я могу привести тысячу причин, почему нам не светит общее будущее. Даже ту же разницу в возрасте. И все эти любви все возрасты покорны-полная туфта. Взять хотя бы те же биологические часы, как бы это не звучало, но надо смотреть на вещи реально. Что я должен буду делать, когда в плане секса моя песенка будет спета? А это наступит уже лет, может, через пятнадцать. У нее же самый рассвет. И тут вот хоть любовь, хоть обосрись, а плоть будет свое требовать и однажды Чайка сорвется. Ну, и даже если будет покорно терпеть. Мне оно надо эти жертвы?

Хотя, это все пустые размышления. Не в причинах вовсе дело. Если бы хотел, ни что бы не остановило. Я истинное дитя девяностых, а эти годы беспредела научили брать без разрешения и согласия, нагло отбирать, вырывать зубами, подчинять себе, присваивать, подавлять. Да, жизнь изменилась, изменились методы, но не суть. Я все та же эгоистичная тварюга. Мне чисто по-человечески жаль бедную девчонку; не такой

должна быть первая любовь, не такой первый мужик. Я изо всех сил, как могу, берегу ее от самого себя-соблюдаю дистанцию, чтобы впоследствии не превратилась в очередную дуру с установкой « все мужики козлы». Отпустить бы, пока не поздно, пока не сломал. Но себя все же я люблю больше, чем жалею ее. А я не наигрался, мне она еще не надоела. Но надоест. Я себя знаю. Я по жизни волк-одиночка, всегда сам по себе и ориентируюсь в своих решениях, прежде всего, на себя и дочь-и даже это обязательство, порой, тяготит. Но в моем возрасте надо продумывать свои ходы на десять шагов вперед, мне не восемнадцать, чтобы жить одними чувствами и желаниями. А в жизни, как в шахматах; один неверный ход пешкой и вся партия пошла по одному месту. Связавшись с этой девчонкой, я уже совершил ошибку, и надо бы остановиться, но не хватает у меня сил. Это тот случай, когда разум схлестнулся в борьбе с желаниями. А я привык им потакать, ибо никогда раньше они не шли вразрез со здравым смыслом.

А сейчас...Сейчас я балансирую на грани, хоть и знаю, что никогда за эту грань не перейду. Поэтому для чего кормить Чайку заведомо ложными надеждами? Она от одной улыбки-то взлетает черт знает куда, а я хоть и сволочь, но не хочу, чтобы она разбилась, когда будет падать. Потому что, как бы там не было, а равнодушен я к ней. Особенная она для меня. Не было у меня таких и не будет.

-Саннич, ты че, такой кислый?- вернул меня в реальность, подошедший Борька.

-Настроения нет, - ответил я, обводя взглядом зал в очередной раз.

-Из-за Олеси переживаешь? –присел друг рядом.

-Ну.

-Она с Ленкой справляет?

-Нет, с моими. Второго поеду к ним.

-Разберетесь. Леська у тебя хорошая девчонка, все нормально будет, - успокоил меня Шувалов, похлопав по плечу. Я кивнул, в душе надеясь, что так оно и будет.

-Темыч где?- поинтересовался, переводя тему.

-В Куршевель с друзьями укатил, там отмечают.

-Не хило. Аленка не возмущалась что ли?- развеселился я, представляя реакцию Шуваловой, которая все никак не могла смириться, что ее сын вырос. А впрочем, я что ли смирился с взрослением дочери?

-Ну, постфактум чего уже возмущаться? –хохотнул Борька,-Этот хитрец же; «Пап, ты прикрой, а то с мамой некогда переговоры вести.» Ну, а мне че? Прикрою, не за спасибо, конечно. У нас с ним свои дела. Да и вырос пацан, пусть гуляет, тем более, что меру знает. Это Аленка все

ребенка в нем видит. Тут вернулись на два дня пораньше с Сейшел и девку у него застали, что у нас с мамой было, не описать.

Я засмеялся, качая головой. Но улыбка тут же сошла с губ, когда к нам подошла Антропова. Было видно, что она на нервах. Да и не мудрено, учитывая, что Миха до сих пор не приехал. В последнее время друг был сам себе на уме, но довольный, что наводило на определенные мысли. Хотя хер его знает! Миха паталогический трудоголик, что с такой женой вполне закономерно.

-Олег, Антропов не звонил тебе?- спросила она. Я покачал головой, едва сдерживая ехидную усмешку. Вряд ли все же Мишу дела задерживают, раз его Пиранья не в курсе.

Вика поджала губы. Достала телефон и начала названивать, осушая попутно бокал с шампанским. Мы с Шуваловым следили за данной картиной с интересом. Не каждый день увидишь эту стерву взволнованной.

Но спустя некоторое время вернулись к нашей беседе, пока к нам не подошел Диман со своей очередной пассивой и не спросил;

-Гладышев, а ты че не привел свою куколку? Или она уже свой век отжила?

Меня этот пренебрежительный тон взбесил, я уже хотел ответить что-нибудь резкое, но тут Антропова отправила меня нокаут.

-О, давайте соберем здесь всех ваших шлюх-однодневок! –съязвила она, не отрываясь от телефона. Диман расхохотался, а рядом стоящая с ним «куколка» растерянно хлопала ресницами. Меня же ее «ваших шлюх-однодневок» хлестануло со всей дури, вызывая звериную ярость. Перед глазами стояла Янка такая смешная и милая, болтающая о разной чепухе. И мне стало так мерзко, гадко, противно до одури, что какая-то дрянь вот так взяла от нечего делать и облила мою девочку грязью. Медленно поворачиваюсь и тихо цежу, вкладывая в свой голос все мое отвращение к этой суке;

-Вик, ты за языком следи!

Вика отрывается от телефона, брови взлетают вверх, а на змеином лице появляется гаденькая улыбка.

-С какой стати, Олеженька?! –пропела она сладким голоском, словно я ей какой-то мальчик.

-Я тебе не ОЛЕЖЕНЬКА, ясно! И разговаривать в подобном тоне со мной лучше не стоит. –холодно осадил.

-Ты мне угрожаешь?- усмехнулась она, я же развеселился. Дура-баба.

-Вик, с небес спустись на землю. Какие угрозы? Ты вообще кто и что можешь, кроме бестолковых разговоров?

Я шарахнул со всей дури по ее самолюбию и с довольной улыбкой наблюдал, как она побледнела. Но эту тварь парочкой фраз не проймешь. Она сразу же взяла себя в руки и ядовито парировала;

-А что тебя так задевает, Гладышев? Правда?

- Правда? Не смейся, ради Бога! Ты и правда-так же совместимы, как резус-положительный плод с резус-отрицательной мамашей. Так что оставь свой высер при себе! О чем ты можешь судить своим скудным умишкой? – меня несло и я не собирался тормозить. Эта мерзопакостная гадина сидела у меня в печенках лет пятнадцать, но сегодня окончательно достала.

-Саннич, да ладно, че завелся-то? Что, Вику не знаешь?! - попытался меня утихомирить Боря, но получился обратный эффект.

-Да мне надоело терпеть это уродство. С какой стати-то я должен ее словесный понос слушать?! –взорвался я, на нас уже все смотрели, но мне было плевать.

-С такой, что я жена твоего друга! Прояви уважение хотя бы к Мише! Неужели какая-то малолетняя шалава стоит пятнадцати лет дружбы? – насмешливо поинтересовалась Антропова, зная, куда давить. А я от ярости подскочил, отчего эта мразь побледнела и начала оглядываться в поисках защиты.

-Эта, как ты говоришь- «малолетняя шалава» стоит, чтобы за нее убивали таких «жен друзей», как ты, когда они открывают свой поганый рот!- выплюнул я ей в лицо, готовый привести слова в действия, если она еще что-то вякнет. Но Антропова с перекошенным от страха лицом молчала, прерывисто дыша.

-Олеж, давай, остынь. Ты чего?- осторожно тронула меня за плечо Аленка, настойчиво разворачивая к себе. Я резко обернулся, скидывая ее руку и обжег всех яростным, угрожающим взглядом-пусть смотрят и запоминают. Никому не позволю косо смотреть в сторону того, что принадлежит мне. Хоть трижды друг!

Друзья и знакомые старались отвести взгляд. Спустя пару минут все неловко засуетились в попытке замять конфликт. Я же почувствовал дикую усталость. Мне было плевать, кто и что думает по поводу моей вспышки, я себя считал правым, но оставаться здесь не было никакого желания.

-Ладно, все. Я поехал. Счастливого Нового года! –уже спокойней произнес, направляясь на выход. Шуваловы пошли за мной.

-Олеж, ну, прекрати! Это же Антропова, ей лишь бы что-нибудь ляпнуть. –остановила меня Аленка.

-И что, это у нас теперь такой аргумент? Я вообще херею! Ты слышала? МАЛОЛЕТНЯЯ ШАЛАВА! Это с каких пор у нас в компании

такое бл*дство происходит? Это нормально что ли, по-вашему, обоссать мою бабу мне же в лицо, а я должен молчать, потому что, видите ли, жена друга? Так плевать я хотел на ее иммунитет. Это что вообще за отношения-то? На кой такое дерьмо нужно?! Будет мне еще какая-то осатаневшая от злости сука говорить, кого приводить, а кого нет и свои оценки давать. Да я бы не привел сюда Янку уже просто потому, чтобы не замарать об такую грязь!

-Все верно Саннич. Поговорим с ней. Реально уже берегов не видит.- согласился Борька.

-Да о чем с ней говорить, ее убивать надо! Меня просто удивляет, с каких пор у нас бабы стали такими матронушками благодетельными? Себя пусть в молодости вспомнят. Траханные-перетраханные на сто рядов всеми, кому не лень, но бл*дь, туда же со свиным рылом. –бушевал я. Но стоило высказаться и как-то отпустило, лишь глухое раздражение плескалось где –то глубоко внутри. Шуваловы молчали, я же окончательно успокоился и устало вздохнул, что как-то вывело нас всех из задумчивого состояния.

-Олежка, ты раздевайся, пошли, дернем за Новый год, че из-за дуры теперь праздник портить?– хлопнул меня по плечу Шувалов, Аленка улыбнулась в надежде на мое согласие, но я уже твердо для себя решил, что не останусь, иначе осчастливлю Миху –сделаю вдовцом.

-Нет, ребят, вы празднуйте, а я поехал, - сообщаю тоном, не терпящим возражений. Шуваловы по взгляду поняли, что спорить бессмысленно, не первый год меня знают, поэтому только поджали губы, расстроенные моим решением.

-Что будешь делать?– спросила Аленка напоследок.

-Еще не решил, - пожал плечами. И махнув рукой, вышел из зала.

На улице сразу стало легче дышать, словно вырвался на свободу и наконец-то, сработала та самая кнопка «выкл»; проблемы отошли на задний план, захотелось праздника, настоящего такого с искренним смехом, с восторгом, подарками, елкой, мандаринами, с Чайкой. Именно с ней, ибо она и есть мой праздник; маленький, эксклюзивный, грандиозный праздник.

И только сейчас вдруг задумался, а с кем моя девочка сейчас и где. Из разговора я не очень понял, какой-то он странный получился. Конечно, я знал, что она хотела бы встретить новый год со мной, но я ведь ей ни словом о такой возможности не обмолвился, поэтому вряд ли она ждет меня. Эгоистично, конечно, вот так взять да привалить, разрушая планы, но меня лично совесть не мучает. Уверен, Чайка будет рада.

С этими мыслями сажусь в машину и еду к Янке. По пути набираю ее номер, но трубку она не берет. Впрочем, сейчас вряд ли бы кто-то взял; уже одиннадцать часов, нормальные люди во всю готовятся встречать Новый год. Я же к нормальным никогда не относился. Заезжаю в первый попавшийся открытый магазин. Оказывается, некоторые работают даже бедные люди. Скупаю все, что можно; шампанское, мандарины, пиротехнику, сладкие подарки-Янка любит у меня сладости. Цветы ей беру и лечу скорее в квартиру на Мытной, боясь опоздать. Присутствие ее подруг меня не смутит, мне даже интересно-какая моя Чайка в кругу своих сверстниц.

Настроение с каждой минутой становится все лучше. Праздничная атмосфера не вызывает раздражение, а только улыбку. Москва горит, сверкает тысячей разноцветных огней, а у меня внутри так же все искрит от предвкушения. И какого вообще хрена я разыгрывал из себя героя и грузился всяким бредом на тему совместного будущего?

Почему нельзя просто жить и наслаждаться?

Этот вопрос остается без ответа, потому что себя не переделаешь. И я точно знаю, что этот порыв угаснет, как и волшебство этой ночи, навеянное любимым всеми праздником. Даже взрослым хочется верить в чудеса, и раз в году можно себе это позволить.

Когда подъезжаю к дому, облегченно отмечаю, что свет в квартире горит. Настоящее везение, что она никуда не укатила. Видать, судьба. Прихватив пакеты, поднимаюсь в квартиру, но открыв, сразу же понимаю, что никого нет.

В нос ударяет острый аромат ее парфюма. Он такой приторный, густой, слишком сладкий, даже удушливый, но он ее, а она так совершенна в своих бесчисленных несовершенствах. Втягиваю поглубже этот запах и ощущение, будто в машине укачало, но в тоже время её духи, как сладкое обещание, заводят.

Вокруг звенящая тишина и в эти предпраздничные часы пустота этой квартиры и мое одиночество чувствуются особенно остро.

Стою посреди коридора с пакетами, как дурак, и не знаю, какие дальше телодвижения. Не то, чтобы я не представлял себе такой сценарий развития событий, но как-то не подумал, что буду делать, если Янка не окажется дома.

И вот сейчас передо мной два пути; поехать домой, напиться и лечь спать или отыскать Чайку и все-таки встретить нормально этот гребанный Новый год. Второй вариант как-то больше по душе, поэтому бросив пакеты на пол, прохожу в гостиную, включаю свет и застываю истуканом. Обвожу

ошарашенным взглядом полную разруху, и становится жутко; оборванная мишура, болтающаяся кусками на стенах, рвет на ошметки, перевернутая елка переворачивает в душе все с ног на голову, скатерть на полу, заваленная осколками посуды, разбивает на осколки то, что, наверное, зовут сердцем. А пустая бутылка шампанского рядом с разбитыми новогодними игрушками подобна удару под дых. Я еще непонимающим взглядом мечусь по разорванной в клочья надежде моей девочки и холодею от ужаса понимания. Сглатываю тяжело и словно наяву вижу, как она готовилась, как ждала, как мечтала. Прокручиваю в мыслях радостный голос ;«Гладышев, ты в Москве?», «..тебя услышала, и в голову ударило сразу», «не успеешь прилететь, и Москва будет встречать Новый год без такого красивого мужчинки». А потом, когда поняла, что я и не думал приезжать, обреченное, убитое; « Как хочешь.», «Ладно.. мне идти надо. Отлично погулять. Позвонишь, как надумаешь приехать. Счастливого Нового года!».

Сейчас весь телефонный разговор становится понятным. И хочется доломать тут все к чертям от досады, от чувства вины. Чуть ли не рычу от злости на самого себя, на свою тупость. Перед мысленным взором проносятся картинки ее истерики, агонии разочарования и дикой боли. И режет без ножа, посыпая солью по-живому, в груди словно костлявой, холодной рукой сжимает от сожаления и муки. Представляю, как она металась по этой комнате, захлебываясь слезами и задыхаясь от невозможности отмотать время на час назад и сказать; « да, я приеду малыш. Хочу увидеть, как ты загорись подобно новогодней елке от радости и превратишь эту ночь в лучший праздник в моей жизни.». В этот момент, как никогда понимаю, что значит поздно.

Всего за час можно перемолоть душу девочки, разорвать ее маленькое, доверчивое сердечко, уничтожить надежду, втоптать, похоронить грезы. А все из-за невнимательности. Какая она, порой, страшная штука.

Оглядываюсь, все еще не веря, что настолько обидел Янку, что она действительно меня так ждала. В голову лезут мысли, что я ей ничего не обещал и даже не намекал, но как-то сейчас это неважно. Меня просто корежит от вида этого яростного отчаянья, кричащего о том, с какой дикой болью она разрушала то, что с радостным предвкушением готовила. Наизнанку выворачивает от бессилия, от понимания, что вот здесь, всего час назад ее хрупкий, такой по-детски искренний мирок треснул и осыпался по моей вине. Потому что я просто не услышал, не увидел, не задумался. А ее меж тем с головой накрыл этот разрушенный мир и впился своими осколками в самую душу, разрезая на кусочки. От этих мыслей так

плохо, будто я совершил убийство. Взял и просто играючи переломал крылья моей маленькой птичке, да бросил истекать кровью.

Но оказалось, что это все цветочки в сравнении с тем, что я увижу через несколько минут. Оглядываюсь вокруг, и взгляд цепляется за подарочную маленькую коробочку глубокого, елового цвета, перевязанную золотистой лентой с колокольчиками.

Беру, точно зная, кому предназначается подарок. Открываю без особого интереса, уверенный найти там запонки. Но в который раз ошибаюсь. Янка была бы не Янкой, если бы не удивила. В синей бархатной подушке, словно в море, утопает, поблескивая бриллиантовыми глазками, чайка, расправив свои платиновые крылья. Я заворожено смотрю на столь продуманный, красивый, стильный подарок и такое тепло разливается в груди, что не могу сдержать улыбку. Маленькая моя девочка, тронула за душу, согрела обледеневший кусок своим неугасающим пламенем. Подарила уставшему, обозленному мужику очередное маленькое чудо. Подхватив за цепочку брелок, приподнимаю его над головой и начинаю медленно раскачивать. Словно ребенок восторженно наблюдаю, как переливаются всеми цветами радуги маленькие глазки. Чудесный подарок, выбранный с любовью. Когда мне женщина дарила что-то от всего сердца? Только мама, пожалуй. Улыбаюсь, как дурак, грея в ладонях чайку, но тут пальцами чувствую гравировку и медленно переворачиваю обратной стороной. Подношу поближе, так как шрифт достаточно мелкий. Вглядываясь, читаю, и воздуха становится мало. С каждым словом горечь заполняет все мое нутро и больно. Так больно за нее, что хочется удавиться, утонуть в этом отчаянном шепоте неразделенной любви, сломленной девочки;

«Согласись, пусть будет - не бесплатное, липовое ,
мертвенное, ватное, с дарственной на выцветшем боку.

Подари мне небо, хоть плакатное, я его приклею к потолку.»

Какой же я идиот! Как можно не замечать этих чувств, точнее смотреть на эту агонию сквозь пальцы? Что же я за ублюдок –то такой?! Когда превратился в настолько бесчувственное чудовище? Я перечитывал надрывные строчки раз за разом, и каменел от собственного эгоизма, и бессознательного садизма. Память же будто назло подкидывала новую порцию обличительного в моем мудачестве яда;

«Что хочет девочка Яна?

-Дедушка Мороз никогда не приносил, что Яночка хочет, только лишь то, что нужно.»

Усмехаюсь невесело, горько, потому что я не смог, точнее даже не

попытался сотворить для девочки Яны чудо, а ведь обещал. Вместо этого в очередной раз просто откупился, решив, что она будет рада двухнедельному туру по Италии. Сейчас понимаю, что это не тот подарок, который бы сотворил чудо. Чувствую себя каким-то жалким, бессильным. Столько возможностей, столько власти, денег и привилегий, а подарить немного радости девчонке с простыми, как дважды два желаниями, не способен. Тогда спрашивается, зачем вот это все?!

Эта мысль злит меня, подстегивает, и хочется что-то сделать, как-то исправить свой промах, собрать в единую красивую картинку валяющиеся на полу осколки. Подарить моей птичке хоть немного праздника и воскресить веру в новогоднее чудо. Прокручиваю в голове тот разговор про подарки и цепляюсь за нужную мне фразу; «по-настоящему хочется, чтобы мама взяла да позвонила мне.».

Позвонит, малыш. Обязательно позвонит! Даже если ради этого мне придется проехать через полстраны и прижать трубку к ее уху! - обещаю я, набирая номер телефона Людки, наплевав, что уже полдвенадцатого.

-Олег Александрович, что случилось ? - испуганно отвечает Мила.

-Людя, мне срочно нужно, чтобы ты узнала номер телефона Токаревой Ирины, зарегистрированной по тому же адресу, что и Токарева Яна. Узнаешь, перезвони мне, я тебе скажу, что ей сказать, и давай скорее.- отчеканил я.

-Но Олег Александрович, это надо звонить Аркадию, поднимать базу. Где я его буду разыскивать? Это ему надо ехать в офис. Пока туда-сюда... Время уже...-чуть ли не плача лепетала Людя.

Я понимал, что требовать за полчаса до Нового года заниматься поисками, это тоже самое, что богохульствовать, но плевать мне с высокой колокольни. Моя девочка сегодня получит то, что хотела, даже если ради этого надо будет из-под земли достать этого Аркадия и приставить к его виску дуло пистолета, чтобы он поднял свою задницу и поехал в офис. Власть — это готовность проявить силу и неважно в чем она проявляется.

-Людя, время ЕЩЕ, а не уже! Найди этого Аркадия, подключи всех, кого надо. Мне необходим номер этой женщины в течение двух часов. Я заплачу за старания. Давай Люд, ищи. Кто будет ерепенится, скажи, уволят по статье.

-Хорошо Олег Александрович! - отозвалась Людка убитым голосом, собираясь положить трубку, но я оглянулся вокруг и понял, что не хочу видеть этот бардачище, он меня нервирует.

-И еще-позвони в службу по уборке, пусть приедут на Мытную, приберутся в квартире. Ключи у консьержке будут, если что.

-Все или еще что-то? Я так за два часа ничего не успею! –осмелилась язвить Людка, раздражая меня.

- Так ты поменьше оговаривайся и успеешь. Все давай, я жду. – холодно парирую и отключаюсь. Сразу же набираю Чайку, но она не отвечает. Я начинаю волноваться, нервничать, не зная, что думать и где ее искать. Но тут вспоминаю про чудо-приложение в телефоне, позволяющее отследить по карте геопозицию нужного человека. Я уже собирался воспользоваться программой, когда на дисплее высветился номер Чайки.

-Где ты?- сразу же спросил я, отвечая на звонок.

Но тут на другом конце раздается чужой голос, заставляющий меня похолодеть, от нехороших мыслей. Я боялся, что Чайка куда-то влипла, будучи в расстроенных чувствах. Она может.

-Это не Яна, -начала незнакомка, но я тут же перебил и требовательно спросил, теряя терпение;

-Где Чайка...Яна? Что случилось?

-Она...

-Ну! –рявкнул я на эту тормозную девку, не в силах уже сдерживаться, слишком много всего за один вечер.

-Да ничего особенного, просто она перепила и не в себе, заберите ее, - протараторила девица как-то странно, но я отмахнулся от непонятного ощущения. Не до того было.

-Адрес скинь и номер свой. Подъеду, позвоню, встретишь.- распорядился я и дождавшись «хорошо», прервал связь и сразу же направился на парковку.

Через минуту пришло смс, а спустя пять минут я мчался на сумасшедшей скорости за Чайкой. То, что она напилась, меня совсем не удивило. Решила залить разочарование и боль, понимаю. Ничего, все исправим!

Я подъехал к указанному дому через час, Новый год встретил в пути. Говорят, как его встретишь, так и проведешь. Исходя из этого, мне предстоит весь год бегать за Чайкой-хорошие, однако перспективы. С этими бредовыми мыслями покидаю машину. Возле ворот коттеджа, из которого на всю улицу орет музыка, меня встречает светловолосая девица и нагло оглядывает таким призывным, откровенным взглядом, что хочется залепить ей подзатыльник. Совсем берега попутала соплячка! И вот сейчас чувствую разницу между взглядом прожженной шлюшки и моей Чайки, когда она пыталась играть эту роль. Контраст разительный. Меня аж передернуло от этой девки. Смерил ее своим фирменным взглядом, от которого пропадает всякое желание не то, что нагло пялиться на меня, а

вообще попадаться мне на глаза. Сработало; белобрысая стушевалась и поспешила в дом, махнув мне рукой.

Войдя внутрь, не увидел ничего нового; что в мою молодость на подобных вечеринках пили без меры и трахались, где придется, тоже самое и сейчас. Только, если раньше мне было все равно, то теперь глядя на это буйное веселие вперемешку с развратом, и зная, что где-то здесь моя Янка, во мне поднимался гнев. Я до зубного скрежета сжимал челюсти, пытаюсь успокоиться. Но все оказалось напрасно, когда девица остановилась, и кивнув в сторону, исчезла. Я посмотрел, куда она показала и замер, оглушенный увиденной картиной. Чайка стояла в обнимку с каким-то брюнетом и хохотала в том время, как он то ли что-то говорил ей, то ли целовал ее шею. При этом они пытались еще танцевать. Чайка терлась, как шлюха о его член, продолжая вульгарно смеяться. Он тоже захохотал, когда она что-то прошептала ему в самое ухо, касаясь его губами. Их лица были настолько близко, что еще секунда и я закопаю этого сосунка тут же, а потом убью эту суку. Меня начинает захлестывать бешенство. В голове же щелкает мысль; а зачем мне позвонила эта девица? Озадаченный, на мгновение остываю. Начинаю думать и вывод напрашивается один-Чайка ее попросила. Да она это специально заварила, назло! Мне становится весело от подобной показухи. Девочка решила показать, что на мне свет клином не сошелся, и устроила цирк? Вот дура-то! Едва не начинаю облегченно хохотать, но встречаюсь с ней взглядом и вижу на ее лице натуральный шок, который калейдоскопом сменяет страх, растерянность, непонимание и вызов. И в эту минуту понимаю, что ни хрена это не показуха! Она действительно развлекается, ей нравится тискаться с этим гандоном, и она не прочь продолжения. В душе у меня поднимается бешеная, звериная ярость.

Значит, пока я тут, как придурок занимаюсь самобичеванием и жалею бедную, обиженную малышку, она тем временем реанимирует свою раненую гордость на бл*дках! Решила потешить самолюбие, трахаясь за моей спиной?! Ну, сука, сейчас я тебе так реанимирую гордость, что на всю жизнь запомнишь!

Я ели держал себя в руках. Так и хотелось оттащить ее за волосы, как потаскушку и задать хорошую трепку. Но однозначно устраивать здесь разбор полетов не самая лучшая идея. И так уже из-за этой девки творю черте что, а если сейчас сорвусь, то разнесу тут все к такой-то матери и расколочу башку щенку, пускающему на нее слюни.

Гнев и ревность топили с головой. Но с каждой секундой моих наблюдений за пьяной Чайкой, наигранно улыбающейся и что-то

торопливо шепчущей мальчишке, все эти эмоции отходили на второй план, ибо их перекрывало какое-то злое спокойствие, если такое вообще бывает. Смотрел, а в голове крутилось « что и требовалось доказать». Только радости по этому поводу я совершенно не испытывал, напротив, накатывала дикая усталость и невыносимая горечь от собственных открытий. Она заполняла как-то медленно, но так ощутимо, оседая на языке. Вот что бывает, когда даже на одну ночь позволяешь себе поверить в чудеса. От болезненного разочарования злость вспыхивает с новой силой. Я уже готов плюнуть на все и уехать, но тут мальчишка кивнув Чайке, уходит, а она неровной походкой приближается ко мне.

Я приготовился к очередной идиотской выходке с ее стороны, за которую наверняка тут же закопаю эту дуру, но она лишь хмыкнула, поравнявшись со мной и вздернув голову чуть ли не к потолку, прошествовала «королевским» шагом мимо. Выглядела она крайне комично в своем нелепом вызове. Но меня это взбесило.

Какого хрена вообще? Совсем страх потеряла; забыла, перед кем выделяется? Так я ей сейчас быстро память освежу.

С этими мыслями последовал за Чайкой, которая скрылась в одной из комнат. Войдя в спальню, которую приспособили под гардеробную, я застал Яну, ищущую свои вещи.

-Надо же какие люди нас посетили, - насмешливо выдала она, кинув на меня мимолетный взгляд. А после продолжила поиски, делая вид, что ничего не произошло и это стало последней каплей. Закрыв дверь на замок, я быстро пересек комнату, и грубо схватив Чайку за руку, резко развернул к себе.

-Ты, бл*дь! Ты что себе позволяешь? Это что сейчас было, а? – процедил , дергая ее на себя, встречаясь с перепуганным взглядом, но тут же страх в ее глазах сменила злость.

-Ничего такого, что не может себе позволить бл*дь, которую просто приезжают трахать, когда это удобно! -заявила она с такой пошлостью и наигранным весельем, цепляясь за нужное ей слово, что от этой вульгарщины меня передернуло. Тошнило от нее такой ;пьяной, размалеванной дешевки, пытающейся казаться циничной. Ее излюбленная защитная маска шлюхи будила во мне зверя. Я все понимал; ее обиду, ее разочарование, ее боль. Но для меня это не являлось оправданием ее пьяным выходкам. Этот цирк пусть прибережет для какого-нибудь лошка. Я же такое терпеть не намерен, и пора бы ей это зарубить себе на носу, если не хочет оказаться на улице.

-Закрой рот! –рявкнул я, встряхивая ее, сжимая тоненькую руку с

такой силой, что Чайка поморщилась от боли.

-А то, что?- прошипела она, обдавая меня запахом алкоголя и сигарет, пытаюсь вырваться.-Может, в очередной раз поднимешь на меня руку в воспитательных целях? Давай, тебе же все позволено; унижать, бить, издеваться. Кто платит, тот и музыку заказывает, верно?!

-Я сказал, рот закрой! Собирай свои вещи и на выход!– проорал я в бешенстве. Ее ядовитая усмешка вызвала желание прикончить эту сучку на месте.

Решила давить мне на совесть? А хрен там плавал! Мне не совестно. Ни капельки. Я ее силой не тащил, сама ко мне в койку пищала, но лезла. А теперь вздумала претензии предъявлять да еще после того, как я застал ее в лапах какого-то мудака? Ну, это уж слишком.

Мы продолжали прожигать друг друга полыхающими взглядами. Если бы можно было ими убивать, давно бы лежали в луже собственной крови. Напряжение зашкаливало, как и взаимная злость, ненависть и разочарование. Хотелось как-то выплеснуть его, стереть с ее лица эту вызывающую усмешку, погасить сумасшедший огонь в наглых глазищах.

В эту секунду я хотел, чтобы ей было больно, чтобы она загибалась от этой боли, выплакивала ее и не могла выплакать, как я не могу избавиться от ноющего чувства какой-то потери, пустоты и сожаления о любви, не стоящей и ломаного гроша, в которую я на мгновение поверил. И за это мгновение хочется убивать, растоптать ее жалкую душонку к чертям собачим. За то, что воскресила в душе давно похороненное чувство. За то, что заставила поверить, будто нужен и радоваться этому, как идиоту. За то, что из-за нее я стал думать о совместном будущем, словно оно есть и хотеть этого самого проклятущего будущего с НЕЙ. С ней, которая чуть что, готова броситься в объятия первого встречного. И от этого напрочь рвет крышу. Подстегиваемый удушающей злостью, тихо произношу;

-Верно, Чайка. Кто платит, тот и заказывает! А потому мне совершенно нет нужды марать об тебя руки. Достаточно в ладоши хлопнуть и сделаешь все, как миленькая. А если ты этого еще не поняла, то лучше собирай манатки и катись на все четыре стороны, я не стану с тобой нянчиться. Заруби себе на носу; я плачу лишь за то, что приносит мне пользу, а не трахает мозги!

-Я не вещь, ублюдок ты гребанный! Не твоя собственность, чтобы ты со мной так обращался, – вскричала она, вырываясь из моего захвата.

-Да плевать я хотел. Называй, как знаешь. Суть от этого не меняется.

-Суть? В чем она заключается; пользоваться мной так, как тебе диктует твое настроение? Захотел приголубил, захотел -выбросил на помойку? –

вопрошала она, дрожа то ли от злости, то ли от сдерживаемых слез. Я понимал, что она пьяна и ничего не соображает, но не мог остановиться, меня несло. Необходимо было выплеснуть свою ярость.

-Она заключается в том, что то, что принадлежит мне, трогать никто не смеет, особенно если я за это плачу! Чтобы это было первый и последний раз! Ты поняла меня? –предупредил я с угрозой. Она горько усмехнулась, стараясь скрыть свои истинные эмоции, натянув маску невозмутимости. Выудила из-под кучи вещей свою сумочку и покачивая призывно бедрами, обтянутыми короткой кожаной юбчонкой, подошла к зеркалу. Я смотрел на нее и чувствовал, что зверею. Сжимал челюсти с такой силой, что, казалось, зубы раскрошатся. Ее видок вызывал только гнев и маты. Вырядилась, сука, словно на панель. Перед мысленным взором вновь пронеслась картинка, где она с наслаждением извивается в руках мальчишки. Я с шумом втянул воздух, пытаюсь успокоиться, но ни черта не получалось. У меня в голове словно заклинило этот кадр, и я едва не рычал от ревности. Чайка же решила окончательно довести меня до белого каления.

-Емко и дико страшно, Олеженька. А не пошел бы ты на х*й?! Как в той песне, знаешь? «Лучше отсидеть на зоне, можно и “пятнаху”, чем с тобою фармазонить, ехай...Ехай на х*й!»- пропела она, истерично захохотав, сгибаясь пополам.

Пьянь подзаборная! Боже, помоги мне не убить эту кретинку. И какого вообще с ней вожусь?

-Нет, не знаю!- ответил я иронично и добавил жестко и недвусмысленно давая понять, что и к ней это относится, - Меня такой шлак не интересует.

-А ну, да. Ты же у нас типа голубых кровей, это я колхозница. Че же тебя такого умненького и хорошенького на такой «шлак», как я потянуло? –связвила она.

-Все мы ошибаемся, - пожал я плечами, зная, что мое пренебрежение заденет ее за живое. Она побледнела, лицо закаменело, но уже в следующую секунду вернуло себе нахальное выражение.

-Ну, считай, что сегодня я тоже ошибалась,- парирует она невозмутимо.

-Да неужели?! Ты ничего не перепутала девочка?!- почти ласково поинтересовался, подходя к ней. Но встретившись в зеркале с ее дерзким, пьяным взглядом и заметив, размазанную губную помаду, словно она с кем-то целовалась, вся выдержка полетела к чертям и я рывкнул;

- Я кто, по-твоему?

-Если я начну перечислять, тебе вряд ли понравится,- нагло усмехнулась она, и приняв задумчивый вид, не спеша повернулась ко мне. Подошла вплотную и хрипло прошептала, томно растягивая слова, обжигая горячим дыханием;

-Ты мой хозяин. Моя Вселенная. Мой Единственный. Ты мой Бог Гладышев, но...-многозначительная пауза, приторная улыбочка на сочных губах и насмешка.

-Исключительно по средам и пятницам! А сегодня знаешь, какой день недели? Сегодня воскресенье, Олеженька! Поэтому... мне жаль милый, - оскалилась она, корча из себя стерву, только получалось как-то херовасто.

-Это мне тебя жаль, Чайка. Пыжишься чего-то пыжишься, а на деле просто дура, у которой не хватает ни мозгов, ни терпения для достижения своих целей, чего бы это не касалось. К чему этот дешевый спектакль? Что ты пытаешься мне доказать? – холодно чеканил я, понимая насколько это жестоко, но сожаления не испытывал. Надоело играть в ее дурацкие игры. Мне хотелось, чтобы она жалела и ненавидела себя, корила, презирала, понимая, что совершила ошибку. И будет именно так, потому что я знал на какие кнопки нужно давить, чтобы эта девчонка сожрала сама себя.

Яна застыла, маска сползла с ее лица, словно разъело ее кислотой, губы задрожали, глаза заблестели от слез. Подобно воздушному шарiku сдулась и вместе с воздухом улетучилась вся ее бравада, вызов, дерзость и опьянение. Чайка опустила взгляд и прикусив губу, судорожно прошептала;

- Я ...просто... Я устала. Устала прогибаться, стелиться перед тобой ковром, ждать, надеяться. Я ото всего устала!

-Разве я держу? Ты всегда можешь уйти. –заметил я безразлично, зная, что сыплю соль на открытую рану, причиняя ей боль, унижая.

Она усмехнулась сквозь слезы.

-Не держишь, да. Ты просто пользуешься и ломаешь, как игрушку. А я не игрушка, понимаешь? Я живой человек, у меня чувства есть. К тебе чувства! У меня есть душа, в конце-концов, а не только тело. – зарыдала она. Что-то внутри меня дрогнуло, заныло, но стоило скользнуть взглядом по ее распухшим от чьих-то поцелуев губам, как тут же все эти порывы угасли под гнетом неутешительной реальности.

-Мм, и где же была твоя душа, твои чувства.. КО МНЕ, когда ты, как одуревшая от похоти сучка терлась об этого щенка?- с издевкой поинтересовался я.

Она будто окаменела, подняла на меня взгляд полный боли и слез, кожа покрылась красными пятнами, Чайка лихорадочно задышала, пытаясь что-то сказать, но рыдания вновь сотрясли ее тело. Она отчаянно замотала

головой, не в силах выдавить из себя ни звука. Хотя мне и не нужны были ее объяснения, я своим глазам доверяю на все сто. А нападение в ее случае, не лучшая защита, а полная тупость и наглость, которую я ненавижу больше всего.

-Можешь не пытаться, убеждать меня в обратном. Все равно не поверю. Мне только любопытно; тебе полегчало? Подняла свою самооценку? Или это был спортивный интерес; как оно с другими? Или я тебя не удовлетворяю?

Она посмотрела на меня так, будто я залепил ей пощечину, и тут же вспыхнула. Тяжело сглотнув, дрожащим от гнева голосом парировала;

-Хватит! Хватит надо мной издеваться! Ты специально или прикидываешься? Ты же все прекрасно понимаешь? Или тебе хочется это услышать? Ну, так слушай! Мне не запаadlo. Чего уж там, я и так уже ниже плинтуса перед тобой, но тебе этого мало. Ты — гребаный садист и продолжаешь делать невозмутимую рожу, прекрасно понимая, что я люблю тебя! Впрочем, неудивительно. Какая я по счету? Может, тысяча сто первая, говорящая тебе эти слова. И еще сколько их скажет? Закормят тебя своей любовью, хотя ты уже зажрался. Да, можешь насмеяться над моими чувствами, исходя из последних событий. Говорить, что я люблю тебя не настолько сильно. Я просто люблю. Без количественной меры и определенной границы, без сравнений и красивых метафор! Всего люблю: с руками и ногами, глазами, губами, с повадками, с врожденным твоим занудством, со всеми твоими закидонами. Люблю тебя, Гладышев, какой бы ты ни был — а ты не идеал, — но не стремлюсь менять. Ты же раз за разом делаешь мне больно. Так больно, что я на стену готова лезть, чтобы привлечь твое внимание, чтобы хоть как-то, хоть чем-то пробить эту долбанную стену... а тебе все равно. Плевать ты на меня хотел и на мои чувства. А меня на части разрывает, и я не знаю, что мне делать. Мне просто очень плохо, Олег, невыносимо плохо. Я так мечтала, что этот вечер станет лучшим в моей жизни, а в оконцовке...- она задохнулась, закрыла лицо дрожащими руками и заревела с надрывом и таким отчаяньем, что у меня заболело, засвербило все внутри, стянуло жгутом, натягиваясь до предела, до глухой боли и в тоже время я разозлился.

Плохо ей! Любит она меня! Хороша любовь. Того и гляди, начнешь об косяки рогами цепляться. Упаси Боже от такого счастья!

Понимал ли я все, что творится в душе этой девочки? Конечно, понимал и сейчас понимаю. Когда-то мне тоже было восемнадцать, и была первая любовь, я совершал глупости, меня кидало из стороны в сторону. Но понять, не значит принять. Я не приемлю подобное поведение со стороны

женщины, с которой у меня отношения и плевать, что только по средам и пятницам, плевать, что этой женщине всего восемнадцать. Мораль для всех возрастов, наций, полов едина и не нужно искать себе оправдание. Кто из нас с ней в большей степени виноват, в том, что мы застряли в подобном переплете?

Может и я, что позволил себе слабость, связавшись с ней. Но какой уже толк говорить об этом? После боя кулаками не машут. Что делать сейчас? Что будет дальше? Я не знал. На меня накатила усталость и какое-то безразличие.

Я смотрел на нее плачущую, сжавшуюся в комок и не понимал своих чувств, с одной стороны бесили эти крокодильи слезы, с другой-трогали до глубины души, вызывали горечь. Я сглотнул ее, поморщился и не в силах больше наблюдать за этой истерикой, сказал, направляясь на выход:

-Всё, Ян, кончай реветь, собирайся. Жду тебя в машине. Поговорим позже.

Когда я вышел на улицу, то с облегчением втянул морозный воздух. Ощущение было, будто в прошлой жизни я сюда приехал. За какие-то полчаса все переменялось. Сейчас я вряд ли бы ответил что конкретно, но все стало каким-то серым, унылым, потерянным. Хотелось напиться вдрызг и уснуть, только бы избавиться от этого состояния. Еще раз глубоко вздохнув, направился к машине.

Как только я подошел, услышал звук разрывающегося телефона. Оказывается, я забыл его на сидение. В данную минуту звонила Мила. Я только сейчас вспомнил, что дал ей задание, правда теперь оно выглядело нелепым и смешным. Рыцарь хренов. Хотелось смеяться над собственным сентиментальным кретинизмом и послать эту затею ко всем чертям, но из уважения к людям, которые вместо того, чтобы праздновать, носились по моим поручениям, я все же ответил на звонок;

-Да, Мил. С Новым Годом!

-И вас Олег Александрович! С Новым годом! С новым счастьем! - жизнерадостно произнесла она, словно в насмешку. Да уж счастья привалило, девать некуда! Я невесело улыбнулся. Мила же продолжала тараторить, немного заплетающимся языком, - Все сделали Олег Александрович. Номер у меня. Сами позвоните или мне этим заняться?

Пока мой секретарь говорила, я впадал все больше в мрачное настроение, хотя, казалось бы, куда еще, но Людкино веселье угнетало. На его фоне собственное положение казалось каким-то нелепым, жалким. Но виду, я конечно, не подал. Привычно деловым тоном отдал распоряжение;

-Мил, завтра позвонишь этой Ирине, скажешь, что дочь ждет. Дашь

номер телефона Яны, пусть позвонит. И закажи ей билет Рубцовск-Москва на первое или второе, как получится.

-Хорошо, только вроде бы прямых рейсов нет.

-Ну, через Новосибирск или какой там еще город. —отозвался я устало. Тут дверь с другой стороны открылась, в нос ударила смесь Чайкиного парфюма, сигаретного дыма, алкоголя и морозной свежести. Я поспешил свернуть разговор, меньше всего мне сейчас, да и когда-либо еще хотелось обсуждать этот поступок. Дурацкий порыв, о котором я не то, чтобы жалел, но и доволен не был. Не в моих правилах лезть в чью-то жизнь. И меньше всего мне хотелось наводить Яну на неправильные мысли, ибо я просто пожалел ее-дуру, а лучше этого было не делать. Такие, как она пока лоб себе не расшибут, не поумнеют.

Когда я закончил разговор, еще несколько минут лазил в телефоне, стараясь не смотреть на Чайку, дабы не заводиться. Ее наряд вызывал раздражение и гнев.

Благо, у меня куча пропущенных звонков, поэтому последующие полчаса я перезванивал родным и друзьям. Пока поздравлял и принимал поздравления, настроение неволей улучшилось. Единственное, сухое « с Новым Годом!» дочери оставило неприятный осадок, но это я оставил на второе января. Приеду в Бийск и будем разруливать ситуацию, хватит смотреть на Олеськины выдрипы через пальцы.

Отложив телефон, сконцентрировался на дороге, продолжая игнорировать Чайку. Но она сама нарушила молчание, тихо спросив;

-Как ты узнал, где я?

-Подружка твоя позвонила.

-Подружка?-удивилась она.

-Ну, она так «беспокоилась», что ты перепила и тебя нужно срочно забрать, - ответил, не скрывая иронии.

-Вот сука!- усмехнулась Чайка. Я даже не удивился, мне с самого начала показался странным звонок этой «подружки» и я не ошибся, но вдаваться в подробности не было желания. Женские склоки такая вещь, что лучше даже не пытаться совать в них нос.

-И как это ты бросил друзей ради меня?- с издевкой поинтересовалась меж тем Чайка. И вот лучше бы она этого не делала. Во мне вновь вспыхнула злость, но я ничем ее не выдал. Напротив, будничным тоном признался, зная, что этим сообщением добыю Чайку;

-Да без особых сложностей, просто захотел сделать тебе сюрприз, думал, встретим с тобой Новый год, но сюрприз ожидал меня, да еще какой!- не удержался я от шпильки. Я не стал смотреть на ее реакцию.

Чтобы понять, что чувствует Чайка, не нужно было даже поворачиваться. Я знал, что хуже понимания, что ты собственными руками разрушил то, чего так хотел, ничего нет. Только я не чувствовал удовлетворения от ее боли. Какой в ней смысл, если от этого не легче ни мне, ни уж, тем более, ей?

-Я ждала, -спустя несколько минут призналась она тихо.

По голосу было слышно, что она плачет. Я не смотрел на нее, не хотел видеть этих слез. Не хотел, чтобы она плакала, но не смог сдержаться и ухмыльнувшись, язвительно парировал;

-Заметно. Надолго же тебя хватило.

-Мы просто танцевали, ничего больше?! Как ты можешь такое говорить, прекрасно зная, что до тебя у меня не было мужчин! –вскричала она.

-Все когда-то случается в первый раз, а потомходишь во вкус...

-Да пошел ты на хрен, Гладышев! Не нужно кроить меня по своим меркам!

-Я и не кроил, пока ты не дала повод, -холодно оборвал я ее. Она замолчала, отвернувшись к окну, я подумал, что это очередная «королевская» выходка в духе « я выше этого всего», пока не увидел, как сотрясаются ее плечи в беззвучных рыданиях.

И моей выдержке пришел конец. Напряжение достигло апогея. Я резко остановил машину и выскочил на улицу. Мне срочно нужен был свежий воздух, чтобы немного успокоится. Я не понимал происходящего, не понимал, что чувствую. И эта сумятица раздражала. Не знаю, сколько я ходил взад-вперед, но почувствовав, что мысли прояснились, вернулся в салон.

Чайка тоже успокоилась и теперь смотрела на меня со страхом и каким-то сожалением.

-Прости меня..-начало было она, но я тут же жестом остановил ее.

-Помолчи!

-Если бы я знала, что...

-Я сказал, закрой рот! Если бы, мы все всё знали, то я бы сейчас ехал не на машине, а на розовом пони, -грубо оборвал я ее, заводя машину.

-И что теперь нас ждет? Что дальше?

Глава 15.2

-И что теперь нас ждет? Что дальше? –спросила она тихо, вызывая у меня раздражение. Бесил этот дешевый пафос! «Что дальше?» Надо было раньше об этом думать! Хотя о чем тут собственно размышлять?! Ничего

нас не ждет, кроме того, что есть. И зайти дальше, я никогда не позволю. Теперь уж точно. Разочарования, а их у меня накопилось не мало, они, как тяжелый груз, прижимающий тебя к самой земле, с ними очень сложно жить и не так просто скинуть. Вряд ли ты рискнешь после очередного брать Рим, в лучшем случае сил останется на село, но я не размениваюсь по мелочам. Яне же свои мысли не стал озвучивать. Не было ни сил продолжать эти разборки, ни желания, да и истерикой ее сыт по горло. Безусловно, разговор еще будет, когда немного успокоюсь, и она протрезвеет, сейчас же лучше не стоит.

-Все, угомонись. Закружи тему!- произнес безапелляционно, Чайка собиралась что-то возразить, но я смерил ее холодным взглядом, и она тяжело сглотнув, похоронила протест где-то у себя внутри. Прикусив дрожащую губу, отвернулась к окну. Я же попытался сосредоточиться на дороге, но мысли разрывали мой мозг. Я все же думал о том самом «дальше», ибо этот вечер все изменил между нами. И дело не только в том, что теперь я не смогу больше доверять ей, и не в разочарование основная причина. Дело в невозможности продолжения игры, в которой Чайка старательно делает вид, что ее все устраивает, тем временем потихонечку пробираясь ко мне в душу, а я изо всех сил пытаюсь этого всего не замечать. Но теперь сохранять poker face со спокойной душой и совестью не получится. Маски сброшены. Game over! Только в этой игре мы оба проиграли, так и не достигнув желаемого. Я давно уже потерял контроль над ситуацией, пустив ее на самотек. А Чайка не смогла воспользоваться такой возможностью. Была бы умнее, со временем, возможно, добилась бы, чего хотела. Но, как она правильно однажды заметила; чувства не подвластны разуму. Верно. Не подвластны, особенно, если не пытаешься их сдерживать. Тогда они способны разрушить не только собственный покой, но и того, на кого направлены. Ибо когда один не дает им волю, а второй, словно ураган, обрушивает их на него, все доводы рассудка летят к чертям. И я поддался, пусть на мгновение, но все же поддался, как не пытался сохранить дистанцию. В отношениях между мужчиной и женщиной, каким бы мужик не был тираном, даже самая слабовольная женщина способна направлять его, как ей нужно. Другое дело-хватает ли бабе ума для этого. Чайка далеко не безвольна, но дура в силу возраста и неумения контролировать собственные порывы. Ее импульсивность в очередной раз подложила ей нехилую свинью. И мне интересно, сколько раз девочке необходимо наступить на одни и те же грабли, чтобы до нее дошло? Вряд ли я это узнаю, потому что сегодня начался обратный отсчет

до конца наших отношений. И причина не столько в том, чему я стал свидетелем, хотя факт гипотетической измены играет не последнюю роль. Просто в любых отношениях наступает момент перемен. Если этого не происходит, они подобно застойной воде начинают потихонечку разлагаться изнутри. Перемены всегда неизбежны. Без ощущения новизны отношения гниют. Вопрос в том, как долго вы сможете продержаться их на одном уровне. Нас с Янкой хватило ненадолго, а дальнейшие шаги я предпринимать не собираюсь, поэтому финал не за горами. Можно, конечно, сейчас поставить точку, но почему-то пока не ставится. И думать над этим «почему» мне хотелось меньше всего. За всеми этими размышлениями я не заметил, как довез нас до моего дома, что удивило. Но это даже к лучшему, не хотелось возвращаться в квартиру на Мытной и слушать Чайкины излияния, если там не убрали следы ее безумства.

-Мы где?- меж тем недоуменно поинтересовалась она охрипшим голосом, настороженно поглядев на меня, когда я, припарковавшись, отцепил ремень безопасности.

-Выходи, - коротко бросил, не видя смысла давать пояснения. Злость делала меня не многословным, и Яна, кажется, это понимала. Поэтому молча последовала за мной.

-Я не совсем подобающе одета, - осторожно проблеяла она, когда мы зашли внутрь. От ее замечания я едва не поперхнулся. Надо же какая наблюдательность! Только вот «не совсем подобающе» для чего? Она что, всерьез думает, что я потащу ее к своим знакомым?! Совсем крыша поехала у девочки. Хотя веселья ради, я бы посмотрел на вытянувшиеся лица моих друзей. А то, что вся честная компания была бы шокирована, даже не сомневаюсь. Вон консьержка аж красными пятнами пошла от вида Чайки, а точнее от понимания, что такой серьезный человек в моем лице притащил домой представительницу древнейшей профессии, судя по одеянию. Не каждый день увидишь кадр из фильма «Красотка». Я обернулся и тут же перехватил похабный взгляд охранника, пускающего слюни Чайке вслед. Впрочем, неудивительно; чулки съехали, отчего кружевная резинка выглядывает из-под коротенькой юбчонки, макияж потек, волосы всклоочены, взгляд шальной, плывущий и неровная походка завершала облюбованный Чайкой образ. Когда же эта девчонка научится подчеркивать свою сексуальность, не скатываясь до дешевой шлюхи? Риторический вопрос. От злости чуть ли не закрипел зубами. Резанул бешеным взглядом

этого дебила, продолжающего глазеть, он тут же трусливо отвел взгляд, уткнувшись в журнал.

-Пошевеливайся! - процедил Чайке, взяв ее под локоть, иначе сама бы она не добралась до лифта. Ее качало из стороны в сторону, того и гляди запнется об собственные ноги. Пока лифт поднимал нас на мой этаж, во мне вновь пробуждалась ярость. Вдыхал терпкую смесь духов, сигарет, алкоголя и она будто релизер, вызывала условный рефлекс, как у собаки Павлова, обещая утолить «голод». Когда от бабы несет подобным ассорти, ночь стопроцентно будет веселой. Только вот мне было ни разу не весело. Особенно, когда взглянул на Чайку. Она переминалась с ноги на ногу, потупив глазки в пол, кусая губы. Ну, просто сама невинность под личиной потаскухи! Такая трагичная мина! Героини Вивьен Ли однозначно отдыхают со своим драматизмом. Я поморщился, отводя взгляд и втянув с шумом воздух, почувствовал на Чайке едва уловимый мужской парфюм и задохнулся этой бл*дской, удушливой вонью. Она разъедала мою выдержку и способность мыслить здраво. Поэтому, когда мы вошли в квартиру, я сразу же отослал эту сучку от греха подальше.

-В душ иди, смывай с себя это уродство. Смотреть противно!- выплюнул презрительно, и предваряя любые вопросы, холодно добавил.- Четвертая дверь налево, полотенце в шкафу.

Чайка не стала задавать лишних вопросов и сразу же ретировалась. Какое прилежное послушание! Только от ее покорности, вызванной виной и раскаяньем, воротит еще сильнее, чем от наглости.

Выдыхаю с шумом, и такая усталость накатывает, что впору вырубится прямо на этом же месте. Чувствую себя выжатым, как лимон, что в принципе не мудрено; давно у меня таких перепадов настроения не было. Чайка мастер выводить на эмоции, причем самых ярких, агрессивных окрасок. И чтобы хоть как-то утихомирить этот пожар, прибегаю к распространенному способу успокоения-алкоголю. Хотя с моим организмом данный номер не прокатывает. На него он влияет не седативным образом, а будоражащим. Но сейчас главное-просто затуманить разум, заглушить его ехидный голос, прерывая все эти рассуждения о материях, которым не место в новогоднюю ночь.

Наполняю бокал вином. Гранатово-красный, насыщенный цвет

загораживает, вызывая ассоциации с Чайкой. Только она до столь изысканного напитка не дотягивает, ее смаковать и пытаться распробовать не получается. Она фатальная; раз глотнул и пропал.

Немного пригубив вино, наслаждаюсь богатым, изысканным вкусом и глубоким ароматом. Смотрю на панораму за окном, Москва никогда не спит, но сегодня она бодрствует по-особенному, непричастных нет, даже если хочется таковым казаться. Я тоже пытаюсь; понимаю разумом, что этот праздник-всего лишь условность, но не так-то просто вытравить традиции, заложенные предками. Небо тут и там озаряют разноцветные огоньки фейерверков, люди искренни радуются, счастливы. Чему? А неважно. Просто радоваться тоже надо уметь. Я вот не умею. И счастье все как-то перед носом маячит, а ухватить не могу. Как вон те салюты за окном; взрываются где-то рядом, но я лишь сторонним наблюдателем выступаю. Одиночество сейчас чувствуется особенно остро, давит своим неподъемным весом. Оно, как раковая опухоль где-то в груди, разрастается с каждым днем все больше и больше, отравляя продуктами своей жизнедеятельности. Мне, подобно Данко из «Старухи Изергиль», вырвавшему собственное сердце, хотелось также -голыми руками, на живую ампутировать это проклятое одиночество, но увы...

Не знаю, сколько я так сидел, смотря куда-то вдаль, но за это время выпил два бокала вина, от которых меня разморило, и я даже задремал.

Очнулся резко, как по щелчку. За годы разных скитаний привык спать чутко, поэтому каким-то шестым чувством определил, что не один. Открыл глаза, комната поплыла, и сквозь дурман, казалось, на пороге не Чайка застыла, а ангел небесный. Чистое, юное создание со сливочной, бархатной кожей, роскошной копной волос, напоминающих растопленный шоколад, идеальным телом и неописуемо прекрасным, свежим лицом. Из такого алмаза при огранке получают ослепляющий бриллиант, навязчивое, заветное желание, хищницу, сжирающую сердца. Я смотрел и не мог оторвать взгляд. Захлебнулся, как мальчишка восторгом, что она вся для меня, моя целиком и полностью; каждой клеточкой своего восхитительного тела и слабой душонки. Эта девчонка не стоит и одной мысли, а я не могу выкинуть ее из головы, фонтанирую мыслями о ней. Мне бы послать её к черту, а вместо этого я сижу и люблю, как идиот. То ли алкоголь оказывает на меня столь сокрушительное действие, то ли прав был Гоголь в своем Невском проспекте;

«Красота производит совершенные чудеса. Все душевные недостатки в красавице, вместо того чтобы произвести отвращение, становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышит в них миловидностью; но исчезни она, – и женщине нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то, по крайней мере, уважение.»

Эти мысли веселят, точнее сам факт, что я умудрился вспомнить Гоголя, будучи слегка навеселе. Чайка тем временем медленно приближается ко мне, взгляд ее по-прежнему затуманен алкоголем, но двигается уверенно, опускается на пол у моих ног, и доверчиво, как ребенок кладет голову на мое колено. Меня окутывает привычный резкий аромат моего шампуня, исходящий от ее волос. И это вызывает какое-то непонятное удовлетворение. Несколько минут мы сидели так, не двигаясь и ничего не говоря. Потом Чайка тяжело вздохнула и начала поглаживать мое бедро без какого-либо сексуального подтекста, просто вырисовывая непонятные узоры наманикюренными пальчиками, а меня все равно шарахнуло, будто в двести двадцать вольт. Кровь забурлила в венах и понеслась с бешеной скоростью, вызывая жар в теле, только на ментальном уровне я не хотел Чайку. Ее обжимания с тем сосунком стояли перед глазами, живо рисуя разные сценарии продолжения, и было противно. А когда она начала целовать мою руку, скользя горячими, дрожащими губами, во мне проснулось раздражение от этого киношного в своем драматизме жеста. Я собирался уже высказаться на этот счет, но тут мой взгляд зацепился за надпись на ее лопатке и глаза поползли на лоб от изумления и недоверия. Схватил Чайку за плечи и резко развернул спиной к себе, после чего сдвинул полотенце, чтобы получше разглядеть художества на теле.

- Это, мать твою, что такое?-вкрадчиво поинтересовался, пробегая озверевшим взглядом по строчкам из того же стихотворения, что и на брелке.

Чайка замерла, как мышь перед удавом.

-Ничего. Просто татушка. –попыталась невозмутимо ответить она, но дрожащий голос выдавал ее страх с головой.

-Просто татушка?!- процедил, ели сдерживаясь, еще сильнее впиваясь

пальцами в ее плечи. Она дернулась, вырываясь, но я держал ее крепко, продолжая сверлить спину глазами.

- Да что такого-то?-взвилась она, обернувшись.

-Что такого?!- повторил, задохнувшись негодованием. Ее, набирающий с каждым разом обороты, кретинизм вызывал у меня нервный тик. Втянув с шумом воздух, резко отпустил ее плечи, отчего она, будучи еще не совсем трезвой, начала валиться на бок и в попытках удержать равновесие, выпустила полотенце из рук. Оно белым облаком приземлилось у ее ног, но девчонка даже не подумала прикрыть наготу. С видом богини, берущей мужчин в рабство одним лишь мановением руки, эта девчонка поднялась, яростно сверкая глазами и возвышаясь надо мной, приняла «соблазнительную» позу. Комичность Чайкиных попыток выглядеть сексуально и выигрышно, не оставила меня равнодушным, вызывая приступ неуместного веселья, который как-то незаметно погасил злость, усталость и разочарование. Поднял голову, и медленно окинул бесстыдное создание пресыщенным взглядом, зная, как ее это взбесит и заденет.

-Воображаешь, что подобными штучками произведешь на меня какое-то впечатление? –лениво поинтересовался, стойко делая вид, что не заинтересован.

Чайка залилась румянцем, глаза засверкали еще ярче, губы поджались .

-Воображаю!- дерзко заявила она, ехидно улыбнувшись и переступив через полотенце, подошла вплотную ко мне. Тем самым на корню обрубив любые попытки к возражению. Невозможно оставаться невозмутимым, когда столь бесцеремонно предлагают такое тело. Вот только мне сейчас его мало. Ничтожно мало. Как не странно самому себе признаваться, мне нужны были более гарантийные, «возвышенные» вещи; ее верность, преданность, уверенность, что только я и никто больше.

Эти меланхолические мыслишки взбесили, чему я был крайне рад. Еще не хватало расстелиться ковром от одного вида царственной наготы какой-то девки. Поэтому резко поднялся, и бесцеремонно отодвинув с дороги опешившую Чайку, подошел к столу, на котором стояла бутылка.

Наполнив бокал вином, сделал жадный глоток и снисходительно

попросил;

-Прикройся, пожалуйста! Я не впечатлен.

-Да неужели?!- фыркнула Яна, при этом смертельно побледнев от моего уничижительного тона, но вместо того, чтобы броситься со слезами в другую комнату, как я предполагал, она очень даже грациозно для своего состояния подошла ко мне, и забрав бокал, сделала пару глотков. Я же поражался до чего у нее не поддающаяся логики гордость и болезненное самолюбие, толкающее ее на безумные выходки в попытке оставить последнее слово за собой.

- Что же ты тогда занервничал?- усмехнулась она, поглядывая на меня с превосходством женщины, знающей, что мужик у нее на крючке.

-Волнуюсь, как бы ты не простудилась, -язвительно парирую, но настроения на привычные пикировки и цапанье не было, поэтому я холодно произнес, возвращаясь к причинам происходящего здесь;

- Есть вообще предел твоей дурости?

-А ты еще не понял?! - слегка улыбнувшись, легкомысленно пожала она плечами и тут же дерзко резюмировала, - Нет для меня никаких пределов!

-Кончай спектакль. Я понимаю, что ты чувствуешь себя уверенней, играя роль сексуальной сирены, нежели краснеющей инженеру, но я тебя вижу насквозь! –сообщил абсолютно ровным голосом, забирая у нее бокал с вином, но невольно взглянул на ее грудь с напряженными сосками и раздражение начало зашкаливать.

-Немедленно оденься!-сквозь зубы отдал распоряжение, отводя поспешно взгляд.

-А то что, надаешь по попе?- с издевкой вымолвила она, но, тем не менее, обогнула диван, и подняв полотенце, закуталась в него. Меня же напоминание о той ребяческой выходке в очередной раз задело.

-Послушай мой совет, солнышко, и наконец, уже усвой; чем больше

напрягаешь голову, тем меньше напряжения на жопу-это аксиома. И лучше бы ее ты вытатуировала на своем тельце, коли не можешь удержать в мозгах, а не этот лирический бред, не имеющий прикладного значения.

-Знаешь что...

-Нет, не знаю и знать не хочу! Завтра же поедешь и начнешь сводить это убожество! –повысил я голос.

-И не подумаю! Я не твоя подчиненная, чтобы ты мною командовал и не твоя жена! Это мое тело, и я сама решу, что с ним делать!–вскричала она, заставляя меня поморщиться. Ее побелевшие кулачки, прижимающие полотенце к груди, выдавали волнение и страх, который меня покоробил, поэтому я уже спокойнее начал свою речь ;

-Хочу напомнить тебе...

-Можешь не напрягаться, в моей подкорке четко вытатуировано твоими молитвами, что ты меня купил! - перебила она с ядовитой улыбкой, жала со всей дури, от чего я вновь вышел из себя.

- Засунь свое идиотское остроумие подальше! Как бы это не звучало; ты-моя, если не по закону, то по сути. И пока этот факт остается неизменным, хочешь ты этого или нет, как я сказал, так и будет! Понятно тебе?

Мы сверлили друг друга бешеными взглядами, готовые до последнего дыхания отстаивать свою позицию. Эмоции захлестывали, и тем не менее, разум кричал, что надо быть полным придурком, чтобы высказаться в духе первобытного дикаря с примитивным инстинктом собственника. Мне захотелось откусить себе язык и вернуть слова обратно, ибо они были самой настоящей стратегической ошибкой. Но как оставаться хладнокровным при виде этой «съешь меня» девочки с манящими «иди ко мне» глазками и выходками « выкуси милый»? У меня как не стараюсь, не получается.

А эти глазки меж тем загорелись, я уже приготовился к очередным феминистским возгласам на тему шовинизма, но только вот в следующее мгновение Янка, невесело усмехнувшись, прикусила нижнюю губу и с

горечью произнесла;

-Мне давно понятно, Гладышев, что я для тебя нечто второсортное, с чем не следует считаться.

-Никогда не относился к тебе подобным образом и тебе не хуже меня это известно! – возмутился я, потому что в амплуа жертвы она бесила меня еще больше, чем шлюхи.

- Но и как равную ты меня не воспринимаешь.

-А ты заслуживаешь? –задал я вопрос без попыток унижить ее, но с Чайкиным самолюбием невозможно рассчитывать на адекватную реакцию, в чем я и убедился в следующее мгновение;

-Ну, естественно, куда нам до Вашего Величества?! – сыронизировала она, садясь на диван. Я тяжело вздохнул и последовал ее примеру, сев рядом.

-А при чем тут я вообще?- спросил устало. Мне так надоели наши тенденциозные стычки, что хотелось просто тишины и покоя.

-А кто тогда при чем? –так же устало ответила она вопросом на вопрос, сверля пространство невидящим взглядом.

-Не перекладывай с больной головы на здоровую. Во-первых, все твои беды от собственной глупости, а во-вторых, тебе надо запомнить такую важную штуку; если ты сама не ценишь себя и считаешь второсортной, подкрепляя сие мнение соответствующим поведением, то мало кто будет заморачиваться, чтобы разглядеть твои достоинства. Это как копить деньги на какую-то вещь, а потом обнаружить, что на нее скидка в тридцать процентов. Назови мне хоть одного здравомыслящего человека, который заплатит первоначальную цену.

-Это не одно и тоже.

-А в чем собственно разница? Пример достаточно показательный, как мне кажется, или я не прав?

-Ты всегда прав.- обреченно прошептала она.

-Не начинай, пожалуйста!

-Я и не начинаю, просто...Ты ведь не из-за татуировки так злишься. – невесело заметила, осторожно взглянув на меня. Не хочется признавать, но она права. Роспись на ее теле только подлила масла в полыхающий огонь, хотя я определенно не в восторге. Но касаться событий полуторачасовой давности мне не хотелось. Поэтому я мягко возразил;

-Именно из-за нее. Ты знаешь, как я не люблю глупости, хотя, конечно, это твое право. Но пройдет время, и будешь сильно жалеть.

-Я никогда не буду жалеть!- с абсолютной уверенностью заявила она. Я же мысленно чертыхнулся от того, какое направление принял разговор, но отклоняться не стал.

-Никогда не говори никогда. Слышала такое? Я определенно не попадаю под категорию «самый лучший мужик в мире», а это значит, сожаления неизбежны.

-Да, не попадаешь, потому что для меня ты не один из множества в этом мире. Для меня ты и есть мир. Мир, в котором я живу.- она сказала это без какого-либо драматизма и вычурности и я не знал, что ответить, кроме разве что в очередной раз подивиться;

-Знаешь, Чайка, у тебя феноменальная особенность проявлять свое гипертрофированное чувство гордости, когда не надо, но когда следует это сделать, ты напрочь его теряешь. Очнись. Где твоя гордость, девочка, сейчас самое время для ее выхода?

-Какая гордость, Олег? Так... отчаянные попытки оживить что-то. А ее я убила, как только согласилась спать с тобой без обязательств. – усмехнулась она сквозь слезы.

-Ян, послушай....-начал было я в попытке расставить все точки над i.

-Ш-ш-ш! –покачала она головой с той же вымученной улыбкой.- Я иногда слишком далеко захожу в этих попытках, но не сегодня. Только не

сегодня.

-Не надо,- прервал я эту покаянную речь, от которой стянуло все жгутом внутри. Гнев ушел, осталось что-то такое свербящее, жаждущие этих слов и я одергивал себя за это жалкое желание оправдать Чайку в собственных глазах любыми путями. Яна же, словно почувствовав это, пододвинулась ко мне и тяжело вздохнув, продолжила свою исповедь;

-Надо. Это не пустяк, уж точно не для тебя. А я не хочу, чтобы между нами стояло подобное недоразумение. Между нами итак слишком много всего. Но я никогда не предаю тебя.

-Никогда не говори «никогда»!- напомнил с усмешкой. И хотя я казался невозмутимым, чувствовал, как внутри расплывается приятное тепло и покой, потому что именно этих слов, этого огня искренности в ее глазах я ждал и желал больше всего в эту минуту.

-А я буду говорить!- заявила она со всей своей импульсивностью, и взглянув мне в глаза, тихо закончила, - Потому что для меня не существует других мужчин, кроме тебя.

Я собирался отпустить нечто ироничное, просто по привычке, но она предугадала это стремление, и приложив к моим губам указательный палец, покачала головой.

-Пожалуйста, просто скажи, что веришь! Я ничего плохого не сделала, да и не смогла бы. – трогательно прошептала она, глядя на меня с таким искренним волнением, с такой надеждой, что все мои циничные бастионы и последние сомнения рассыпались, как картонный домик. Я смотрел в эти кристально чистые серо-голубые глаза, смотрящие на меня так, словно я тот, кто зажигает на небе звезды, и я верил им безоговорочно.

Что мне делать с чувствами наивной девчонки? А главное-что делать с собственными? Как бы я хотел встретить эту маленькую бестию лет так в двадцать, когда за моими плечами не было всего того, что ожесточило, сделало приземленным, циничным, нетерпимым и пасующим. И куда делся тот пацан, который без страха кидался в бой, рискуя всем ради мечты и каких-то идеалов? В какой момент я стал тем, кто яростно уничтожает любой намек на малейшее беспокойство в своей упорядоченной жизни? Не

то, чтобы я жалел. Но сейчас глядя на эту отчаянную в своих чувствах девчушку, мне хотелось вернуть того пацана, который ставил весь город на уши и не боялся неудач. У которого не было за плечами неудачного брака, бесконечной борьбы за свое место под солнцем и трудного ребенка. Пацана, которому все было нипочем, который не думал о последствиях, а просто бросался очертя голову в очередную схватку за свое счастье. И он бы бросился во что угодно ради урагана по имени Яна. Замечательная была бы жизнь. Дикая страсть, сумасшедшая любовь, бешеные скандалы, но главное-Чайка стояла бы за спиной и подавала патроны, воюя вместе со мной против целого мира, а не была бы исподтишка по мне же, как это делала моя жена. Тот мальчишка без лишних думок ринулся бы покорять гордыню, без малейшего сомнения борясь со всем, что встанет у него на пути. И может быть, получился бы счастливый союз. У того мальчишки уже тогда хватило бы сил усмирить непокорную девчонку, но, что важнее-у него хватило бы чуткости и нежности не подавить и не сломать, не давая при этом сесть на шею и помыкать собой. Именно такой мужчина ей и нужен, а ему нужна была такая, как она; такая же упрямая, своенравная, жизнелюбивая. Олимп, который можно покорять всю жизнь и получать удовольствие от самого процесса, гордясь своей спутницей жизни, гордясь собой, что сумел завоевать такую женщину. Но тот мальчишка давно исчез, задавленный голосом разума, убитый практичными целями. Остался только потрепанный жизнью мужик, навоевавшийся, уставший и слишком разумный, чтобы ввязываться в очередную схватку, даже ради женщины, которая могла бы сделать его счастливым. Могла бы... если бы он встретил ее хотя бы на десять лет раньше. А сейчас уже поздно. Все, чего я хочу-тишина и покой. Войн на моем жизненном пути было предостаточно, сил осталось лишь на одну-за мир с дочерью, за ее счастье и благополучие. А все остальное риск, который себя не очень –то оправдывает, и мои шрамы на лбу болезненно пульсируют при виде очередных грабель.

-О чем думаешь?- отвлекают меня мои «грабельки» от невеселых думок. Усмехнувшись, притянул ее к себе и с чувством поцеловал в висок, зарываясь лицом в ее волосы, вдыхая ничем не приукрашенный аромат юного тела. Она расслабилась в моих объятиях и с тяжелым вздохом спросила;

-Злишься на меня?

-Нет. – задумчиво ответил и нехотя спросил, решив хоть что-то

прояснить, ибо игнорировать ее признания в чувствах было бы полнейшим свинством, - Кажется, у нас все усложнилось?

Она напряглась, но тут же расслабилась и ровным, ничего не выражающим голосом заверила;

-Ничего не усложнилось, Олег. Все, как всегда. Просто я перепила и меня понесло. Это моя проблема, не твоя. Я с ней жила с самого первого дня нашей встречи и буду жить дальше. Расслабься. Как говорится; насильно мил не будешь.

Я не знал, что сказать. В груди щемило, было не по себе. Я понимал, что она ждет от меня взаимности, ждет слов утешения, но я не мог ей ничего этого дать. Просто не имею право! Поэтому не глядя на нее, чтобы не видеть разочарования, произнес тихо;

-Не хочу делать тебе больно, малыш.

-Знаю, -выдохнула она и коснувшись губами моей щеки, закончила,- Но без тебя мне еще больней. Поэтому оставим, как есть.

Я коротко кивнул, не в силах сказать что-то. Вроде бы это ее собственный выбор, но я чувствовал себя виноватым. Оставить все, как есть? Это уже вряд ли. Впрочем, проживем, увидим.

-Паршивый вышел новый год, - констатировала Чайка с грустью.

-Зато запоминающийся. – попытался я ее утешить, она вымученно улыбнулась.

-Я бы хотела, чтобы он запомнился иначе.

-Ну, не все происходит так, как нам хочется.

-О, мне это известно, как никому другому.-сыронизировала она. От необходимости отвечать меня избавил писк котенка, про которого я совершенно забыл.

-Что это?-встрепнулась Янка, оглядываясь по сторонам.

-Подарок дочери.

-Котенок?- воодушевленно спросила она. Было видно, как ей не терпится увидеть презент Леське. Молча, кивнув, встал и направился в комнату, где оставил этого зверя.

Как только открыл комнату, Чайка едва ли не завизжала от восторга при виде застывшей у двери испуганной пушистой прелести.

- Иди ко мне малыш,- промурлыкала она, подхватывая на руки этого «малыша» размером с доброго кота. Котенок запищал, но уже через пару минут Чайкиных причитаний и сюсюканий, довольно замурчал, доверчиво уткнувшись носом ей в шею. Янка же радовалась, как ребенок, едва не душа беднягу в объятиях. Она что –то там мурчала, качая его, целуя и тиская, пока котенку не надоело это самоуправство и он не тяпнул ее за руку. Чайка захохотав, начала с ним играть, что котенок воспринял с энтузиазмом. Смотреть на эту парочку без улыбки было невозможно, в их компании было по-домашнему уютно, и весь оставшийся негатив этого вечера незаметно растворился. Жаль, что так же легко не исчезнет непонимание между мной и Леськой.

Словно прочитав мои мысли, Чайка прервала игру, и мечтательно взглянув на «малыша», сказала;

-Потрясающий подарок, Олеся будет в восторге, даже не сомневайся. Я бы тоже не отказалась от такого.

-Если бы знал, не стал бы раскошелиться на Италию, - с притворным сожалением сообщил я, считая, что момент вполне подходящий. Чайка несколько минут улыбалась, видимо, не вслушавшись в мои слова, но потом замерла и недоверчиво уставилась на меня.

-Италию?

Я кивнул, и пошел за путевкой, на которую Чайка спустя пару минут смотрела, как на тикающую бомбу, а потом, видимо, отошла от оцепенения и заулыбалась, глаза засияли неподдельной радостью.

-Спасибо, я ... Не знаю, что сказать, это просто охренеть че...- выдала она, рассматривая буклет, я же от ее выражения эмоций захохотал. Да уж выдала, как всегда.

-Чайка, это ты ходячее «охренеть че», - смеясь, покачал я головой, Янка покраснев, подхватила мой смех. Просмеявшись, нерешительно подошла ко мне, и прильнув всем телом, легонько коснулась губами моих губ, словно боясь быть отвергнутой.

-Спасибо! В этом году Дедушка превзошел мои самые смелые ожидания.

-С Новым годом, малыш!

-С Новым годом, милый! Правда...- она отвела взгляд, лицо ее закаменело, а голос стал безжизненным, - Я ...мне нечего тебе подарить, я ничего не приготовила.

Я уже хотел признаться, что видел подарок и не стоит его умалять, но последующие слова заставили меня похолодеть, и слова так и замерли колючим комом в горле.

-Просто я подумала, что будет глупо делать подарок на твои же деньги. Поэтому все, что могу предложить, так это себя. – преувеличенно бодро заключила она, отходя от меня с наигранной улыбкой на губах. А мне стало почти больно от понимания, что она закрылась, проглотила собственные чувства в попытках оставить все, как есть, цепляясь за то, что уже не вернешь, стараясь делать вид, что ничего не было и нет. Нет ее чувств, нет признаний, нет ничего, что должно меня смутить.

Я проглотил комок, ставший в горле, проталкивая невысказанные слова внутрь, вспарывал ими нутро, оставляя болезненно кровоточить от потребности признаться, что ее подарок меня тронул до глубины души, что это чудесная вещь и никто мне еще таких подарков не делал-никто не любил меня с такой страстью и отчаяньем. Но это было бы ошибкой и жестокостью, а я не хотел еще сильнее ранить эту девочку и бить по самолюбию, поэтому нашел в себе силы улыбнуться и выдавить;

-Думаю, я уже не в том возрасте, чтобы ждать Дедушку с подарками.

Конечно, завтра она обнаружит, что я нашел подарок и вообще в курсе ее истерики, и если после ей захочется что-то сказать по этому поводу, тогда и обсудим, но сомневаюсь, что это произойдет. Слишком сильный удар по ее гордости. И зачем я полез в ее квартиру?! Мне до смерти не хотелось, чтобы Чайка завтра опять почувствовала себя униженной, но и сказать ей о том, что я все знаю, не было сил.

Посидев еще час, мы поговорили на отвлеченные темы, и обсудив, как ей поступить с учебой, чтобы съездить отдохнуть, отправились спать. Новость о том, что в Италию она поедет одна, Чайка восприняла без энтузиазма, но не возражала и не ныла. Было видно, что она измотана, к тому же начала болеть с похмелья. Заставив ее выпить таблетку, я ушел в душ. Когда вернулся, Яна уже крепко спала, прихватив с собой котенка.

Поразмыслив немного, решил спать в гостевой спальне. В душе у меня царил бардак, и мне хотелось хоть немного передохнуть от всего этого урагана эмоций и чувств. Рядом с Чайкой это невозможно. Как только лег, сон как рукой сняло, а мысли разъяренными пчелами залетали в голову, вызывая какое-то паршивое ощущение. Чувство было, что я замер на перепутье и не знаю, куда дальше идти. И нет ни ответов, ни сил их искать, взвешивая все за и против.

Уснуть я так и не смог, поэтому решил лететь в Бийск не второго января, как планировал, а первым же рейсом сегодня.

Под утро я немного задремал, но выспаться не удалось. Утром знакомых и друзей словно прорвало, и пока я собирался, выслушал кучу поздравлений и приглашений, которые естественно отклонил.

Чайка хоть и выпила таблетку, все равно жутко страдала от похмелья и была похожа на тень. Меня такой расклад только радовал, мы без лишних разговоров выпили кофе и каждый направился в свою сторону. У меня не хватало времени отвести ее самому, поэтому я вызвал такси.

На пороге Чайка замешкалась.

-Ты не возьмешь с собой малыша? –спросила она, удивленно переводя взгляд с моей небольшой дорожной сумки на котенка, рассевшегося

посреди коридора, словно провожавшего нас.

-Нет, конечно. – ответил, открывая дверь.

-А с кем он будет? – задала она очередной глупый вопрос, что меня озадачило.

-С домработницей, с кем еще?!- парировал с улыбкой, выходя из квартиры, но Чайка продолжала стоять, глядя на «малыша» жалостливыми глазами. И я еще до того, как она открыла рот, понял, что сейчас прозвучит.

-А можно...можно я его пока к себе возьму? Просто и ему будет не так одиноко и мне не скучно. – она прикусила губу и с такой мольбой в невинных глазках уставилась на меня, что я не нашел в себе сил отказать, хотя понимал, что прощай Леськин подарок. Время поджимало, а мне не хотелось расставаться на невеселой ноте.

-Вымогательница. Забирай уж, и поехали! –с тяжелым вздохом дал я добро, в ответ тут же раздался восторженный визг, а следом болезненный стон, но несмотря на свое состояние, Чайка бросилась мне на шею и впилась в мои губы, крепко целуя.

-Я тебя обожаю Занудик мой! Мой. Вкусный. Любимый. Олеженька. Самый лучший Мороз на свете. - приговаривала она между поцелуями, смеясь от радости.

-Угу. Поехали. - В своей занудной манере поторопил я ее, скрывая неловкость за деловым тоном, хотя хотелось улыбаться. Настроение поднялось, и я понял, что вот только сейчас, пожалуй, сделал ей действительно хороший подарок.

Подхватив котенка, она светила, как новогодняя елка, сюсюкаясь с «малышом», который таким решением, похоже, тоже остался доволен. Я вдруг задумался, а что будет, когда ей позвонит ее мать, как Чайка отреагирует на мое вмешательство, и как я ей объясню свой порыв? Пока мы спускались вниз, мысленно отчитал себя за вчерашний кретинизм. На улице нас уже ожидало каждого свое такси.

-Позвони или напиши, как долетишь, я буду переживать.- попросила

она смущенно, меня же в который раз тронула ее забота. Молча кивнув, поцеловал ее и направился к ожидавшему меня такси. По дороге в аэропорт позвонил домой, чтобы предупредить, что прилечу сегодня. На звонок ответила моя сестра, и сразу же заявила, что приедет встречать. Меня это заявление крайне удивило, поскольку лечу я не прямым рейсом и до нашего городка еще два часа езды после, а Светланка ненавидит быть за рулем. Но я решил не забивать голову на время перелета. Приеду и разберусь, с чего это вдруг .

Весь полет я проспал, но выспаться так и не удалось, поэтому покидая самолет, чувствовал себя разбитым. Но заметив Светку, читающую журнал, забыл о своем неважном самочувствии, не веря, что сестра дошла до такой кошмарной худобы. Она и раньше не отличалась нормальным весом, а будучи ростом под метр восемьдесят, так вообще казалась дистрофиком, за что и получила прозвище « Спичка», которым ее и по сей день величает вся семья, но то, что я видел сейчас, было просто пугающим. Конечно, утрата мужа не могла не отразиться, но все же нельзя себя так загонять. С намерением задать ей хорошую трепку по этому поводу, я решительно направился в ее сторону. Она словно почувствовав мой пристальный взгляд, оторвалась от журнала, и увидев меня, заулыбалась, превращаясь в девчонку, хотя ее лицо стало более зрелым, черты – отточенными, наполненными внутренним смыслом, но отсутствие привычного макияжа и прически, а также свободный пуховик и мощные ботинки, несколько молодили. Вообще Светланку можно отнести к тому типу женщин, что называют -без возраста. Вроде за тридцать, но сколько конкретно, не ясно. И мало кто догадается, что этой женщине уже сорок семь лет, даже несмотря на не самый цветущий вид.

Она поспешила мне навстречу, и уже через минуту, я сжимал ее в объятиях.

-Ну, здравствуй мой сладкий сахар! – расцеловала она меня в обе щеки, пристально вглядываясь в мое лицо.

-И тебе не хворать, мать! Выглядишь жутко.

-Спасибо любимый братик, я всегда знала, что ты умеешь обращаться с женщинами.- ничуть не обидевшись, парировала она. Я улыбнулся и щелкнул ее по носику-копию моего, только в женском, более утонченном

варианте.

-Ну, а кроме шуток. Все нормально? Как здоровье?- серьезно спросил, выпуская ее из объятий. Светка закатила глаза и покачала головой.

-Я вырвалась из одного курятника, кудахчущих наседок, не для того, чтобы попасть в другой.

Я пропустил ее реплику мимо ушей и нахмурился в ожидание конкретного ответа. Светка тут же сдалась под моим грозным взглядом.

-Все в порядке. Просто работы было много. Ты между прочим и сам не далеко уехал. – перевела она стрелки.

-Я после пневмонии никак вес не наберу.

-Ну-ну. Бабу тебе надо, чтоб борщи варила да пироги пекла, тогда хоть пневмония, хоть конец света, а мамон появится. В твоём возрасте уже неприлично шесть кубиков иметь.-похлопав меня по животу, подтрунивала она.

-Никогда не был отягощён приличиями, так что неудачный ты выбрала аргумент,- подмигнул я, приобняв ее за шею. Так посмеиваясь друг над другом, мы дошли до Светкиной «BMW». С видом мученика сестра уселась на водительское место, что я не мог не отметить.

-Кто тебя настолько достал, что ты начала выбирать из двух зол меньшее? – спросил, как только мы выехали за город.

-Вера Эдуардовна, конечно. –фыркнула она, словно я сморозил величайшую глупость, что так и было. Мама у нас любительница сунуть свой нос, куда не следует, и ей совершенно неважно, что деткам давно за тридцать. Мы с Витькой относимся к этому с юмором, а вот Спичка вечно бунтует.

-И по какому вопросу на сей раз мамуля проехала катком? – поинтересовался я, искренне забавляясь. Люблю свою семью, люблю наши неидеальные, но такие уютные отношения, где можно забыть обо всех проблемах и быть беззаботным мальчишкой.

-По своему любимому, с ее извечным ; « Одиночество пристало только Богу! ». Теперь взялась за меня.

-Какие чудесные новости. Ну, и как тебе в моей шкуре? – подшучивал я, глядя на недовольное лицо сестры. Обычно жертвой этих разговоров был я, сестра же вечно поддакивала матери. Ну, вот теперь моя очередь издеваться.

-Ой, не ёрничай ради Бога, без тебя тошно. Меня просто возмущает, что маме-то, как никому другому известно, что я не расположена сейчас даже шутить на подобную тему, но она почему-то считает, что мне необходимо отвлечься.

Признаюсь, глядя на уставшую сестру, ее обостренные худобой черты, я был солидарен с матерью, хотя конечно, вслух этого не стал говорить, дабы не быть козлом отпущения во всей этой заварушке.

-Ты слишком себя накрутила. Мама просто старается, как лучше. Конечно, ее забота не всегда уместна, но позволь ей эту маленькую радость. Она ей выпадает крайне редко, а дети, сколько бы им не было, остаются детьми. Ты же сама мать и все понимаешь. – произнес я, как можно мягче. Было странно выступать в роли наставника. Обычно, Светланка-голова, а мы с Витькой –неразумные дети. Но со смертью Сереги сестра хоть и старалась сохранять былую уверенность и силу духа, но все же сильно сдала.

-Ты прав. Просто я устала, много дел перед Новым годом навалилось. Но меня в любом случае бесит, что мама возомнила себя Гузеевой и устроила « Давай поженимся » у нас дома.

Я едва сдерживал смех, представляя себе сию картину, а Светка меж тем пояснила;

-Вчера поехали в супермаркет докупить продукты, ну, и встретили, знаешь кого? Лешку Толмачева. Помнишь?

-Это который горланил у нас под окнами «Для меня нет тебя прекрасней...Как виденье неуловима, каждый день ты проходишь мимо»? –

пропел я и не выдержав, захохотал. Светка тоже засмеялась.

-Тот самый, которому ты рассек бровь вообще –то! –пожурила она меня с улыбкой.

-До сих пор горжусь своим броском. Это же надо так четко попасть со второго этажа.-самодовольно ухмыльнулся я.

-Да вообще. Соседи до сих пор вспоминают, как наш семилетний Олеженька разгонял моих ухажеров.

-Что за недовольный тон? Ты должна меня благодарить. С его вокальными данными только на покойников выть. Так и что он, взялся за старое?

-Упаси боже. Думаю, после встречи твоего пенала с его фейсом, он больше не рискует оскорблять чей-то слух.

Мы вновь захохотали.

-У него жена умерла три года назад. Наша мама выпросив, где он будет и с кем встречать Новый год, взяла да пригласила его к нам после боя курантов. –просмеявшись, сообщила сестра.

-Ничего себе!- подивился я. Мать еще таких решительных мер никогда не предпринимала, иначе я навещал бы их с отцом не два раза в год, а раз в десятилетие. –И как отметили?

-Да отметили-то нормально, и он, видимо, решил, что это добрый знак и пригласил меня сегодня на ужин. Отказывать было неудобно, а мамины нотации слушать не хотелось, поэтому я решила, что встречу тебя. Знаю, все это смешно, но объясни это Вере Эдуардовне.

-Мда, интересно девки пляшут.-покачал я головой, веселясь от души.

-Да не то слово. Сумасшедший дом какой-то.

-Надо нам их куда-нибудь отправить, а то маман, похоже, заскучала. – задумчиво предложил я.

-Шикарная идея, полностью поддерживаю. И еще внуков и правнуков им вручить, чтоб наверняка не заскучали. А то в прошлый раз отец заявил, что он бы лучше в гараже с мужиками пиво пил, чем валялся на пляжУ Сейшел и смотрел на всех этих расфуфыренных девиц. «Ибо, что это за отдых, когда сидишь и думаешь, какой ты старый, что девки больше на тебя не смотрят?!».-процитировала Светка, подражая нашему отцу, вызывая у меня улыбку.

-Мать ему по щам не надавала, чтоб, куда не надо не смотрел?– со смешком поинтересовался. Меня всегда умиляли отношения родителей. Пожалуй, идеальней брак сложно представить. Полнейшее взаимопонимание, несмотря на то, что два совершенно разных человека. Удивительно, что я, выросший в подобной семье, так и не смог создать собственную. Хотя может, в том и дело, что мне всегда хотелось, чтобы было, как у моих родителей. Но сколько не искал, так и не нашел ни в одной женщине ни понимания, ни любви, ни поддержки.

-О, Вера Эдуардовна слишком уверенна в себе и не обращает внимания на эту «старческую меланхолию» - как она называет. Всегда поржалась ее умению любую ситуации обернуть в свою пользу и выйти из нее королевой. Я даже одно время пыталась это перенять, но видимо, с этим талантом рождаются. Кстати, Елена –Прекрасная тоже подражала все, но выглядело это крайне убого. Да и с тобой такие номера не прокатят. – вспомнила сестра с усмешкой, а после с тяжелым вздохом добавила, - Вот честно, у тебя столько девчонок было хороших, достойных, но ты выбрал эту...самую неподходящую тебе из всех.

-Селяви. Такая она любовь ...Сука! - воскликнул я иронично.

-Да, что верно, то верно; мы не выбираем, кого любить. А ведь бабка Дуся права была. Как увидела твою Ленку, сразу и сказала ; «Не будет ему с ней счастья. Она же, как жидкая подлива. А для такого нерасшибаемого, чтобы его растолочь, нужна толкушка из метала, а не гуляш.»

Как только сестра это выдала, я зашелся хохотом. Только моя бабка могла так четко выразить суть в столь примитивной форме.

-Да уж, бабка Дуся-королева метафор. –просмеявшись резюмировал я.

Светка ухмыльнулась.

-Мудрая она была, хоть и злая, как собака. Я любила наши поездки в деревню.- с задумчивой улыбкой произнесла сестра, я тоже улыбнувшись, унесся в детство, вспоминая нашу занудную старуху, грозного деда, бесконечные выволочки за многочисленные проделки, и тем не менее, самые лучшие каникулы в жизни.

-Как у тебя на личном? –вдруг спросила сестра, я удивленно покосился.

-Нормально. А почему ты спрашиваешь?

-Потому что я-сестра. – съязвила Светка в ответ.

-М-м-м, это аргумент. – сыронизировал я.

-Просто я удивилась, что вы с Олесей решили отмечать не вместе, ну, и поинтересовалась у племянницы, что случилось. Она мне ответила, что у тебя появился более важный человек, нежели мы тут все. Вот я и подумала, что может, ты нашел свою « толкушку из металла». –пояснила, вглядываясь в меня, пытаюсь по лицу прочитать ответ.

Я усмехнулся, вспоминая Чайку. Эта девочка действительно способна растолкать даже мертвого. Но сомневаюсь, что это то, что мне нужно. Вслух же признался;

-У нас с Олесей не все гладко, вот и выдумывает всякую ерунду.

-Подростки –та еще прелесть. Но со временем все образуется. – успокоила она меня.

-Главное, чтобы ошибок за это время не наделала, которые не расхлебать за всю жизнь.

-А это уж, папа, на твоей совести. Поменьше работай, побольше блюди и будь мягче! –выступила сестра в привычном амплуа «головы». Я улыбнулся и коротко кивнул.

На некоторое время мы замолчали, погруженные каждый в свои мысли. Потом поговорили о работе, планах на ближайшее время, обсудили родственников. Настроение было хорошим, на душе было светло, когда мы въехали в Бийск. Родные улицы вызвали светлую грусть. Здесь всегда так тихо, мирно. Немного сыро и даже тоскливо. Здесь мало машин, улочки серые, но такие родные, наполненные воспоминаниями. Особенно вспоминается лето, когда родители не видели нас неделями. А мы, потеряв счёт времени, гуляли допоздна в парках, во дворах, на местном пляже, заканчивая неизменной дискотеккой. Влюблялись, дрались, смеялись и были такими беззаботными, счастливыми. Удивительно, сколько разных судеб связано невидимой нитью событий шальной юности в тумане этих спальных районов. Сейчас блеск тех эмоций ложится красками на стены ветхих хрущевок, яркими цветами поверх серых, обыденных, тусклых дней взрослой жизни.

Когда подъехали к родительскому дому, мы со Светкой вздохнули от накатившей ностальгии и засмеялись, понимая друг друга без слов. Коттедж на берегу Бии я построил родителям лет десять назад, и он мне по сей день нравится, но сейчас хотелось в ту нашу старую квартиру, где я родился и вырос.

Возле дома стояло куча машин, что означало-вся родня в сборе.

-Кажется, отец уже всем сообщил, что приедет его «гордость»!- резюмировала сестра и похлопав меня по плечу вышла из машины со словами, - Готовься, сейчас начнется ; « Вася поступает, ему нужно где-то жить», « Лиде надо помочь с работой», « Катя живет одна с ребенком, ей не хватает денег», « У нас надо провести воду на даче», « А у нас баня сгорела». В такие минуты, я перестаю завидовать и благодарю Всевышнего, что мы с Витькой до гордости всего рода Гладышевского не доросли!- торжественно заключила она.

Я покачал головой, привыкший к этим ироничным речам, за которыми на самом деле скрывалась еще большая гордость, чем у родителей. Мы всегда были со Светкой близки, и мои личные победы она воспринимала, как собственные. Другое дело-Витька. Он болезненно переживал то, что не добился подобного успеха, но между нами никогда не было зависти и духа соперничества. У нас слишком большая разница в возрасте для соревнований. Просто мы были с ним разные, и найти точки

соприкосновения нам удалось лишь, когда я достиг зрелого возраста и стал понимать, как нелегко брату быть в тени и стараться сохранять добрые отношения.

Но эти мысли вылетели из головы, как только мы вошли в дом. Я тут же попал в чьи-то крепкие объятия. В холле стоял невозможный гомон . Поцелуи, поздравления, приветствия проносились калейдоскопом вокруг меня, пока не раздался мелодичный голос моей матери с властными нотками ;

-Так, разойдитесь! У меня, конечно, два сына, но это не значит, что одного можно задушить.

Все захохотали, а меня окутал любимый с детства аромат « Chanel №5».

-Сынок! Добро пожаловать домой, мой мальчик! – со слезами на глазах, прошептала мама, вглядываясь в мое лицо из-под стекол очков. Я тоже с нежностью смотрел на ее постаревшее, но не утратившее былой красоты родное лицо, которому я обязан своей привлекательностью. Мама как всегда была при полном параде, хоть отправляя на красную дорожку; неброский макияж, белокурые локоны до плеч, уложены в пышную прическу, даже домашний костюм был элегантным, а привычные массивные серьги придавали несравненный шик.

-Спасибо, мама! Выглядишь изумительно. Более красивой женщины, я не встречал. –любуясь, восхищенно сообщил я ей. Мама зарделась, как девчонка, и засмеявшись, села на любимого конька;

- А я все гадаю, отчего мой сын бобылем ходит.

Мы со Светкой переглянулись и зашлись хохотом.

-Вера, иди, накрывай на стол, не делай моему сыну мозги уже с порога. Потому и один, от вас-баб одна головная боль!- бесцеремонно прервал мать, отец. – Ну, здорово, сынок! – крепко пожав руку, обнял он меня, хлопая своей лапицей по спине, едва не выбивая дух.

-Здорова, старик, как жизнь?

-Да, как ...всех вас собрал, можно и на тот свет отправляться.- в своей излюбленной развязной «старческой меланхолии» сообщил отец.

-Саш, ну, что за бред ты несешь?! -возмутилась мать.

Так переговариваясь, шутя, мы прошли в гостиную, где мама уже накрыла на стол.

Я выискивал взглядом дочь, пока Витька не сказал, что она уехала к какой-то подружке. Меня это расстроило. Не ожидал, что Олеська даже не встретит. Настроение сошло на нет. Крайне тяжело переживать разлад со своим ребенком, не зная причину отчуждения, а ведь еще вчера вы прекрасно понимали друг друга.

Вечер прошел, как и всегда-весело, шумно. Когда пришла Олеся и даже не заглянула, чтобы поздороваться, я разозлился. Сообщив всем, что устал после перелета, покинул родных и отправился наверх. Помедлив, не зная, как поступить, в конечном счете, без стука зашел в комнату дочери. Что сразу было встречено возмущением.

-Вообще-то это моя комната, если ты перепутал!

-Вообще-то я твой папа, а не дядя с улицы, чтобы ты так себя вела! – парирую язвительно, но дочь не пасует и с ехидной улыбочкой отвечает;

-Рада, что ты это вспомнил, пап! Я собираюсь ложиться спать, выйди, пожалуйста.

Я чуть было не взорвался от ее наглости, но тут вспомнил Чайкин совет быть мягче, выворачиваться наизнанку, но достичь понимания с дочерью. Вздохнув тяжело, постарался успокоиться. В конце-концов, это я виноват в том, что сейчас происходит.

Олеська выглядела, как нахохлившийся воробушек. Глаза блестели праведным гневом, губешки тряслись.

-Уходи!-агрессивно указала она на дверь.

-Нам надо поговорить! –заявил я безапелляционно и сразу же понял, что совершил очередную ошибку. Дочь упрямо сжала губы и решительно направилась к двери, я схватил ее за руку.

-Отпусти меня! Я не собираюсь с тобой разговаривать! –закричала она.

-Сядь и успокойся! И не забывай, что разговариваешь с отцом.- постарался произнести я спокойно, но получалось из ряда вон плохо. Звучало, как очередное распоряжение начальства подчиненному.

-Ты же забываешь, что отец. А мне почему нельзя?- огрызнулась она, но слезы показали насколько моя девочка обижена, насколько одинока и брошена своими собственными родителями. Я почувствовал стыд , стало невыносимо больно. Сглотнув болезненный ком в горле тихо попросил;

-Лисенок, пожалуйста, давай поговорим и ...попытаемся решить наши проблемы! У нас ведь все было хорошо, что изменилось, дочур?

Леся прикусила губу, слезы покатались по ее щекам, сжимая мое сердце, выворачивая наизнанку.

-У нас было хорошо? Ну, ты даешь пап! Когда ты последний раз был на родительском собрании? А вообще бывал ли ты на них? Все время Анна Петровна! Сколько раз я тебя просила, приехать, посмотреть мои выступления, но у тебя вечно оказывались дела поважнее. И снова Анна Петровна с цветами и твоими извинениями. А я, между прочим, ждала тебя, готовилась! Но какая тебе разница, у нас же все хорошо! На выходные ты хоть бы раз остался дома, и мы, как нормальные люди просто ...не знаю, посмотрели бы фильм или сходили куда-нибудь. Но нет, мой папа слишком занят, сунет пачку денег со словами «развлекайся» и можно сказать, родительский долг выполнил. Да про что вообще с тобой говорить, если мы ни разу за последние полгода не ужинали вместе дома?! Это называется хорошо? У моих друзей у всех родители успешные люди, но они находят в своем плотном графике время на своих детей и им не плевать на них! - она выкрикивала обвинения дрожащим от рыданий голосом, разрывая мне душу. Стыд и боль, отчаянье и невыносимая мука затопили меня с головой, вызывая слезы, которые я глотал, не в силах что-то сказать. И не имея права оправдываться. Я стоял молча, сдерживаясь из последних сил, чтобы не зарыдать, как мальчишка от понимания, насколько я

никчемен, как отец. Мне было стыдно до безумия, мне было невыносимо больно видеть эти отчаянные слезы моей дочери и понимать, что каждый гребанный день мой ребенок чего-то ждал, на что-то надеялся, а я бесконечно разочаровывал его.

Леська не позволила себе долго рыдать, подняв заплаканное лицо, посмотрела на меня с таким осуждением, что впору повеситься и тихим голосом добила;

-Бал был для меня самым важным событием за последние два года. Я его очень ждала и думала, что мы пойдем вместе. Ты опять не смог... -она замолчала, погрузившись в свои воспоминания о последней нашей размолвке.

-Лисенок, мне ... мне очень жаль!- выдал я из себя, садясь рядом с ней. Но она усмехнулась сквозь слезы и покачала головой.

-Не было тебе жаль! После того, как я уехала к маме, ты в тот же вечер поехал к своей новой... подружке.- она это сказала с таким видом, что мне стало стыдно в очередной раз. А последующая реплика и вовсе заставляла желать смерти. –Никогда не думала, что ты из тех отвратительных старперов, отжигающих с молодухками.

-Леся, послушай, мои отношения с кем-то никогда не будут в ущерб тебе! – заверил я ее, хотя мне так тяжело было говорить на подобную тему. Ужасно неловко и не по себе.

-Вы отлично повеселились, судя по ее фоткам. А у меня даже таких фото с тобой нет!

Ничего не понимая, недоуменно воззрился на дочь.

-Я нашла твою подружку в контакте, а потом уже в инстаграме. Случайно увидели у Артемкиного знакомого ее в друзьях, а на аватарке с ней мой папа. Крутое получилось открытие.-усмехнулась она иронично, вытирая слезы.

Я представил насколько «крутое», и плохо стало. Вот же черт бы побрал эти социальные сети и Чайку иже с ними! Хотя она совсем не

причем, но так хотелось скинуть груз собственной вины на кого-то. У меня голова шла кругом, ибо я не знал, как решать наши с Леськой проблемы. Что мне делать и как найти подход к дочери?

Внутренний голос уещевал прислушаться к Янкиным советам и позволить себе быть перед дочерью не « на коне», а показать, что я тоже бываю не уверен в себе, что у меня тоже есть страхи и сомнения. И я решил, что, пожалуй, это будет правильно, хотя мне было крайне тяжело открывать свою душу. Запинаясь , что совершенно для меня не типично, я начал свою исповедь.

-Лисенок, прости меня, пожалуйста, за все! Я кошмарный отец, ты права, безусловно. И ...я просто не умею, не научился. Мы с твоей мамой мало прожили под одной крышей, я все время был в командировках и упустил все самое важное. Но так и не понял и до сих пор не знаю, как мне наверстать упущенное время. Я не знаю, что мне сейчас тебе сказать , как разрушить эту стену непонимания и ...Но я очень хочу, больше всего на свете хочу, чтобы мы не просто нашли общий язык, а чтобы мы с тобой стали друзьями. Я очень люблю тебя, доченька, ты-самое дорогое, что есть в моей жизни, поэтому я очень прошу тебя, милая, помочь мне наладить наши отношения.

Я тяжело сглотнул, и улыбнувшись, нежно погладил мое солнышко по голове. Леська всхлипывая, рассматривала свои пальцы, а потом подняла голову, и я понял, что если не прощен, то хотя бы заслужил ее одобрение и она готова пойти на мировую. Притянув ее в свои объятия, крепко поцеловал в лоб, прижимая к груди, качая, как маленькую. Леська перебралась ко мне на колени, и уткнувшись в шею, плакала. Так мы просидели неизвестно сколько, потом немного поговорили о том, о сем. А после я уложил дочь спать. Она попросила меня не уходить, и я остался с ней, как всегда делал по приезду из командировки, когда она была маленькая. Обняв меня, она быстро уснула, я же хоть и был вымотан, но уснуть не мог, впервые задаваясь вопросом « что мне делать?», и не находя на него ответа. С одной стороны дочь, с другой -Чайка. И выбора у меня нет по сути, но от этого не легче!

Глава 16.1

Девулички, простите за опоздание!

Работаю в ночную смену, задержалась и многое не успела. Поэтому

все самое вкусное будет в пятницу или раньше, пт это уж крайний срок, потому что сами понимаете, новогодняя неделя суматошная. Но так как статус VIP обязывает не только к своевременности, но больше к качественному тексту, не хочу кидать сырой материал, а я еще не все доработала, диалоги Чайки и Зануды должны быть доведены до совершенства, иначе лично я потеряю сон))) До пятницы принесу законченную часть. Пока разогреваемся, в этой части тоже есть интересные моменты. Приятного чтения, дорогие мои! И спасибо громаднейшее за такую поддержку, мне дико приятно! Flowers Обнимаю, целую! tender

Глава 16.1

Знаете, фразу «бойтесь своих желаний» придумали для таких, как я. Чувствую себя вратарем, словившим шайбу не в руки, а в лоб. Вроде бы победа, но от нее не радостно, а больно.

Вспоминая прошедшую ночь, могу только удивляться себе и разрушительной силе эмоций.

Впервые задаюсь вопросом, как Гладышеву удастся управлять ими. Где этому учат? Да и возможно ли научиться? Почему в нужный момент разум просто вырубается, и начинаешь творить какую-то хрень? Что это за гребанная магия? Будто раздвоение личности. Наверное, поэтому эмоциональные люди более подвержены сумасшествию, они слишком часто дают волю своему второму «я», с которым нормальные люди практически не знакомы.

Я вот раньше думала, что Олег выбрал самый легкий путь, отгораживаясь от всего, но сейчас понимаю, что ни фигя подобного! Пойди и попробуй, отгородись, когда тебя на части рвет. Да и ладно бы отгородиться, так у меня даже мысли такой не возникает, что надо малость притормозить.

О чем я вообще думала, когда ответила на поцелуй Макса? Кажется, о том, что губы у Гладышева жестче и мне это больше по вкусу. Точнее они – единственные в моем вкусе, как и все, что связано с ним. И я убеждалась в этом с каждым прикосновением Пластинина, ибо он был чужим. Все не то: руки слишком торопливые, голос слишком хриплый, запах слишком резкий. Все слишком, через край. И я захлебывалась, а не горела. Тонула в столь странных, противоречивых ощущениях. С одной стороны в этих чужих объятиях корчилась в агонии и умирала любящая женщина, а с другой-в них же воскресла просто женщина, которая рождена для того, чтобы ее боготворили, желали, ею дорожили, а не приравняли к вещи,

которую берут по определенным дням, а после-забрасывают на полку, занятые более важными делами. У каждой из нас, даже самой заурядной, любовь несовместима с унижением, потому что она так же, как и все в этом мире, честолюбива. Все мы ждем отдачи. Нет таких, которые не хотят ничего взамен, ибо слишком многое, если не все женщина кладет на алтарь безответной любви, опустошая себя. А эту пустоту жизненно необходимо заполнять.

И мы заполняем. Кто чем; кто работой, кто кошками/собаками/цветами, кто детьми, а кто и другими мужчинами.

К несчастью, я, как оказалось, из последних. Вот только пустота в моей душе не наполнилась, напротив - стала зиять еще больше.

А послевкусие ...Противно, мерзко и больно. Ибо я, прежде всего, причинила боль себе. Себя предала, оскверняя сравнением, зная, что сердце мое лишь для одного - единственного мужчины бьется, а тело принадлежит только ему, как и все помыслы.

Но я ведь законченная дура, до последнего надеялась, что не все так запущено. А потому против самой себя ради фейкового триумфа, чтобы в оконцовке признать, ничье, абсолютно ничье внимание не заменит внимания того, кого жаждешь всеми клеточками своего нутра.

Вот только в моем случае, лучше бы этого самого внимания не было. Лучше бы Гладышев не приезжал, лучше бы не делал шаг навстречу, ибо этим шагом растоптал меня, показав, что я не достойна его любви и внимания, поскольку не оправдала доверия, оказавшись ветреной, поверхностной и инфантильной. Доказав, что его отношение ко мне оправданно, ибо большего я не заслуживаю.

И мне нечего возразить на это. Нечего! Только проклинать себя, эту чертову несвоевременность и сучку-Леру, которая обязательно заплатит за все дерьмо!

Нет, я не делаю ее козлом отпущения во всей этой ситуации, но и спускать на тормозах такую подлянку не стану. Эта тварь на всю жизнь запомнит, что не стоит совать свой нос в чужие дела!

Придется, конечно, задействовать Максона, хотя контактировать с живым напоминанием о своем промахе не очень хочется, но ради такого дела я готова пересилить себя и поиграть в небольшую игру, поскольку у Лерочки именно он - слабое место, и я собираюсь хорошенечко на него надавить!

Решив все для себя, первым делом наметила написать Пластинину и прозондировать почву. С этими мыслями вошла в квартиру на Мытной и застыла.

Я ожидала увидеть погром и руины, но меня встретила абсолютно читая, без единого намека на вчерашнюю истерику, квартира. И душа заныла, заболела от осознания того, что Олег был здесь, приезжал. Ко мне приезжал. И не потому, что Гельмс позвонила, а потому что хотел. Видеть меня хотел рядом с собой в эту ночь. Только меня. И увидел...в объятиях другого мужика.

Меня начинает тошнить. И слава богу! Пусть лучше рвёт, пусть вчерашний алкоголь течет по венам, отравляя кровь, чем эта пульсирующая боль, вытекающая из-под ресниц. Вот только не выплакать ее никак, в душе бесконечный источник.

Не знаю, сколько я сидела в прихожей, оплакивая то, что могло бы быть, если бы я осталась дома. Но в какой-то момент понимаю, что если продолжу все эти «если бы» да «кабы», просто сойду с ума. Что толку травить душу? Теперь надо подумать о дальнейшем, хотя тоже - какой смысл об этом размышлять?! Все равно от меня ничего не зависит. Решать Гладышеву. И то, что он сейчас находится в процессе вынесения вердикта нашим отношениям, даже не сомневаюсь. Но я все же питаю надежду, что мне дадут еще один шанс. В конце -концов, ведь он тоже ко мне что-то чувствует, иначе не приехал бы. Ведь так? Что-то мне подсказывает, что и такое вполне реально.

Да, мой оптимизм можно уничтожить только вместе со мной. И, пожалуй, именно благодаря этой черте своего характера я все еще надеюсь и верю, что однажды растает мой Зануда, скажет такое долгожданное «люблю». Другой вопрос - во благо ли этот оптимизм или во вред? Нет у меня ответа. Опять же - одна слепая вера в лучшее будущее.

Да и как жить, если не верить, не надеяться?

Закрываю глаза, вымотанная до невозможности бесконечными переживаниями. У ног ластится Малыш. Только сейчас обращаю внимание на свой подарок, и невольно начинаю улыбаться, вспоминая сегодняшнее утро. Эти воспоминания ободряют.

Беру на руки мохнатое чудо и прижимаю к груди. Котенок отвечает мне довольным мурлыканьем, вызывая слезы, поскольку в голове проскакивает мысль; если бы с Гладышевым было так же просто.... Но с Занудой разве может быть просто? Нет. И я люблю его такого забубененного. Очень люблю. И буду любить еще сильнее! Только бы позволил....

Опять в душе поднимается волна тревоги, какое-то сосущее ощущение не дает даже вздохнуть.

Господи, как я переживу эти дни без него? Как я вообще смогу без

него? Как?

Не представляю, что будет, если он уйдет. И от этой зависимости становится по-настоящему страшно. До чего я дошла? Что со мной стало? Кто я вообще?

Разве можно так любить?! Это же сумасшествие какое-то. Дикое, неуправляемое, разрушительное. Мне с этим не справиться. Слишком глубоко во мне этот мужчина, не достать, он как раковая опухоль последней стадии – от него не избавится, не излечится, с ним только умирать в мучительной, адской агонии.

Погруженная в очередную фантасмагоричную муть, даже не замечаю, что выкурила уже несколько сигарет. Смотрю невидящим взглядом на горстку пепла и размазываю его по юбке, покачиваясь из стороны в сторону в кудрявых волнах сигаретного дыма, шепча, как мантру;

-Все будет хорошо, у нас обязательно все будет хорошо!

Понимаю, что мне срочно нужно отвлечься, иначе чокнусь. Кое-как поднимаю себя и иду в душ. Через полчаса самочувствие на порядок лучше, и на сердце спокойнее. Хотя под кожей все равно зудит. Решаю направить эту негативную энергию на того, кто очень даже заслужил. Открываю ноутбук и захожу в «вконтакте». Вообще я не очень социально-ориентированный человек, поэтому долгое время страничка у меня была удалена. Восстановила я ее неделю назад, и теперь это оказалось, как нельзя кстати. В друзьях куча заявок, я бегло просматриваю. И как по заказу - «Максим Пластинин хочет добавить вас в друзья».

После прочтения этого уведомления становится волнительно. Стоит ли играть с огнем? Этот парень далеко не простачок. Впрочем, чем мне это может грозить? Попытка не пытка. Но оставить выходку Гельмс без ответа не могу.

Эта сука хотела войны? Она ее получит! - злорадно обещаю и уже без колебаний принимаю заявку в друзья от Пластинина. Смотрю на аватар и не по себе. Даже с фотки этот парень заставляет почувствовать себя голой. До чего все же сумасшедшая энергетика, бешеная. Такая дикая красота завораживает, вопит о смертельной опасности. Но меня не цепляет, точнее, цепляет, только чисто, как эстета. Не сомневаюсь, что этот мальчик сжирает девочек на завтрак живьем, а потом выплевывает остатки в мусорку. Но меня не сожрешь, скорее отравишься. Поскольку я полностью пропитана ядом любви к Гладышеву. Так что можно смело проигнорировать все эти тревожные сигналы. Что я и делаю, отправляя сообщение с текстом:

” Что, совесть заела? Решил извиниться за свою наглость?”

“Ни за что! Ты ведь была не против” - приходит сразу же ответ,

вызывающий у меня стыд и очередной приступ самобичеваний.

Куда же я лезу? Но тут же отмахиваюсь от этой мысли. Пора учиться использовать мужскую симпатию в своих целях. Этот красавчик поможет мне устроить Гельмс райскую жизнь в универе, иначе я – не я!

С таким решительным настроем написала следующее сообщение, игнорируя его последнюю реплику;

«Что тогда ты хочешь?»

«О, много чего...»- приходит многозначительный ответ, который я в принципе и ждала. Ухмыльнувшись, пишу, прекрасно зная, что несколько рискую, но мне важно понять, насколько он «на крючке» и насколько беспринципен;

«Не смущает мой аватар?»

«А должен?» - провокационно спрашивает Макс. Поскольку фото с Олегом у нас недвусмысленное, я отсылаю лишь смайл, считая пояснения излишними.

«О, пардон, думал, твой отец» - приходит издевательский ответ.

«Видимо, думать – это определено не по твоей части!»- раздраженно печатаю, начиная закипать. Нахальство этого парня не знает границ, и меня это совсем не впечатляет. Мне больше по душе сдержанность в мужчине, как –то солиднее выглядит.

«По моей кое-что поинтереснее)))» - парирует он многозначительно.

«Неужели?!» - закатываю глаза, начиная откровенно скучать. Он словно почувствовав это, переходит в наступление;

«Давай, встретимся»

«Зачем?»

«Поболтаем»

«А сейчас мы чем занимаемся?» -насмешливо интересуюсь.

«Играем в кошки мышки»- очередной прямолинейный ответ веселит и несколько смущает. Похоже, мы с этим парнем два сапога. Что же, Максик, начинаем игру ” Твое да против моего нет!”. Посмотрим, как далеко ты готов будешь зайти, чтобы выиграть. Готовься Лерочка, скоро ты узнаешь, как ставить палки в колеса Яне Токаревой!

«И кто же мышка в этой игре?» - пишу просто, чтобы заполнить паузу и поддержать разговор, хотя вообще пора сворачивать лавочку. На сегодня достаточно, да и следует обдумать, как подвести Пластинина к тому, что мне нужно без особых затрат своего времени и сил.

«По-моему, все очевидно»- самоуверенно заявляет Макс, отчего у меня вырывается смешок. Ну-ну, мальчик, мечтай!

Ловлю себя на мысли, что получаю удовольствие от всего этого.

Оказывается, приятно, когда ты - хозяин положения. Но не успеваю насладиться этим, тут же приходит понимание, что в отношениях с Гладышевым я подобно Максусу рисую себе реальность, которой нет, а Олег в это время наверняка так же, как и я сейчас - снисходительно посмеивается.

Сразу же вся спесь сходит на «нет», « роковая женщина» поникнув, уходит в спячку, в которой все это время и была.

«Куда пропала?»- отрывает от невеселых мыслей Макс.

« Мне пора»- коротко отвечаю, не в силах продолжать этот разговор.

« Испугалась?» -насмешливо интересуется он.

« Не вижу поводов»- пафосно парирую.

« Будет!» - обещает он.

« Удачи!»- ставлю точку в нашей странной беседе.

Как-то это все двусмысленно, на грани искушения. В том плане, что тешит самолюбие, пьянит. Говорят, что можно соблазнить того, у которого есть жена/муж, любовница/любовник, но нельзя соблазнить того, у кого есть любимый человек. Это звучит, конечно, красиво и до недавнего времени я бы так же утверждала.

Но дело в том, что как я уже говорила, любовь так или иначе требует отдачи. И когда тебя, твое самолюбие держат на голодном пайке, то любая «пища» будет в радость и вскружит немного голову. Вот и мне кружит голову внимание Максима, его увлеченность мной. Это не значит, что моя любовь не достаточно сильна к Олегу, просто мне тоже хочется быть любимой, хотя бы мельком почувствовать, что я не пыль под чьими-то ботинками, а звезда, до которой невозможно дотянуться.

Я знаю, что противоречу сама себе, знаю, что непоследовательна. Мне и самой странно и многое непонятно. Одно могу сказать, любовь оказалась гораздо сложнее, чем я себе рисовала. Точнее борьба за нее. Все эти фразы типа любовь – боль и прочее, они не точны. Не любовь – боль. Боль-это, когда она схлестнулась с самолюбием, и тебя рвет на части. Кто-то, возможно, скажет, что в любви нет места самолюбию, но как по мне, это идеалистические представления, которые на практике возможны исключительно в монашеской среде, а не между мужчиной и женщиной. Поэтому мое мнение таково - все проблемы именно из-за внутреннего дисбаланса любви к кому-то и к себе!

За этими мыслями не сразу замечаю, что мне пришло очередное уведомление о заявке в друзья. Когда же открываю страничку с новыми друзьями, то забываю, как дышать, увидев просьбу от тети Кати.

Глава 16.2

Руки начинают дрожать, а внутри все стягивает будто жгутом от волнения и безотчетного страха. Накатывает сумасшедшая паника, хочется сорваться и бежать без оглядки. Кошмарное ощущение, которое невозможно описать. Чувствую стыд, вину и в тоже время обиду. Несколько долгих минут я сидела и не могла ничего для себя решить. С одной стороны – когда-то настал бы этот момент, с другой-а почему именно сейчас? Где они были раньше? Да за это время со мной могло произойти все, что угодно! А они вдруг только сейчас очнулись. Хотя опять же, как бы они и где меня искали? Но почему-то я уверена, что тетя Катя, если бы захотела из-под земли достала.

Вновь накатывает обида и, тем не менее, принимаю заявку и жду ответных действий. Диафрагму сводит судорогой, начинает тошнить, когда вижу, что появилось первое сообщение. Делаю судорожный вдох и открываю «диалог» с тетей Катей.

«Что с тобой творится? Кем ты себя возомнила? По-твоему, нормально так себя вести?» - обрушился на меня шквал возмущения, словно не было этих месяцев молчания, и мы вернулись на исходную позицию. У меня вырывается истеричный смешок. Перечитываю раз за разом и не могу поверить.

Зачем она вообще написала? Возникает дикое желание кинуть ее в черный список и не парить себе мозги. Но поскольку, к несчастью, я не такая дрянь, какой меня считают, чувствую себя обязанной ответить.

«По-моему, мы этот этап уже прошли. Если тебе больше нечего мне сказать, то лучше не трать время!» - печатаю и стираю, печатаю и стираю. Не могу решиться отправить сообщение в подобном тоне. Как бы там не было, но все же это тетя Катя. Но Малыш решает за меня эту проблему, запрыгнув ко мне на колени, из-за чего я невольно нажимаю на кнопку «отправить» и с ужасом смотрю на дело своих рук. Сердце отчаянно колотится, пока тетя Катя набирает ответ.

« Не ожидала от тебя такого. Да, мы были не правы, вспылили. Но то, как ты ведешь себя сейчас - это не обида, это я не знаю...Какая может быть обида, когда мать в таком состоянии? И как вообще совести хватило, билеты эти прислать, словно кость собаке? Как не стыдно тебе Янка?!» - это сообщение выбивает у меня почву из-под ног. Словно обухом, но не по голове, а по сердцу. С размаха в незаживающую рану. Опять накатывает чувство вины, слезы подступают к глазам, но что-то не дает покоя. Вчитываюсь в сообщение, и ни черта не могу понять. Какие билеты? И что с мамой?

От последнего мысленного вопроса холодок пробегает по спине. Тяжело сглатываю и дрожащими пальцами печатаю ответ.

« Я не присылала никакие билеты-это во-первых! А во-вторых, что с мамой?»

«Ой, не прикидывайся, ради бога!»- приходит мгновенно, вызывая раздражение.

« Мы так и будем пререкаться или ты объяснишь, что происходит?»- спрашиваю, как у неразумного ребенка. В эту минуту понимаю, что как раньше уже никогда не будет, и еще, что мне совершенно не нравится тетя Катя. Не понимаю я ее. Вроде взрослая женщина, а ведет себя хуже меня. Пора бы уже за эти месяцы успокоится и обдумать дальнейшую тактику поведения. Уверена, они с мамой не раз обсуждали сложившуюся ситуацию и свои дальнейшие шаги в отношении меня. Если же у них нет намерения помириться, то к чему эти наезды?

«Вижу, ты в себя поверила. Как разговаривать-то научилась..»- язвительный тон окончательно выводит меня из себя.

« Представь себе! Поэтому либо мы ведем конструктивный диалог, либо я отключаюсь. Выслушивать всякое дерьмо, увольте! Что ты хотела?»

Честно, я сама от себя офигеваю. Не знаю, откуда во мне столько смелости. Хотя и не смелость это вовсе. Просто я уже давно выросла. И вообще надоело, что все считают, будто можно ко мне относиться снисходительно. Нет уж, хватит. Не позволю больше об себя ноги вытирать, тиранства Гладышева за глаза.

Видимо, тетя Катя тоже что-то такое сообразила, и следующий ответ был по делу.

«А как она может быть после сложнейшей операции? Реабилитацию проходит.»

И вот тут я застыла. Смотрела на буквы, но они не складывались в слова, точнее складывались, но смысл ускользал. Сердце отчаянно заколотилось, заныло. Я читала раз десять и не могла поверить. А потом просто схватила телефон, набрала номер тети Кати, и как только она ответила, без предисловий, срывающимся голосом, боясь ответа, прохрипела;

- Что случилось?

-Ой, брось ты!- фыркнула крестная.

-Да, хватит уже! Что, бл*дь, там произошло?- вскричала я, не в силах больше сдерживаться. На несколько минут воцарилась гробовая тишина.

-Я же Леру просила передать тебе новости, поскольку нам с бабушкой было не до поисков. У матери такое состояние, что не знали, в какие двери

ломится. Сама понимаешь, что такое компрессионный перелом позвоночника. Подружка твоя сказала, что все передала. Я думала, ты сразу откликнешься. Но когда этого не произошло.... Честно, не знала, что думать, шок натуральный. – объяснила тетя Катя, тяжело вздыхая.

А у меня в это мгновение как раз –таки случился этот самый натуральный шок. Я пока еще ничего не поняла, кроме того, что Гельмсконченная мразь, и ей не просто нужно отомстить, ее надо уничтожить, причем так, чтобы и мокрого места не осталось!

Вот что я ей такого сделала, чтобы спровоцировать в ней подобную злость? Воистину, зависть — один из наиболее действенных элементов ненависти. Но ничего-ничего, дождешься ты у меня, сучка!- пообещала я про себя, делая жирную пометку на будущее. Одно дело, когда она позвонила Гладышеву, как бы тут я сама виновата, но вот ЭТО! Это вообще за гранью человеческого! Как можно не сказать, что мама получила столь серьезную травму? Да как бы не складывались отношения, а вот такое у меня в голове не укладывается.

У меня вообще от этих новостей мысли все спутались. Одна только набатом-мама в тяжелом состоянии. Господи, а я ни сном, ни духом! Убью эту тварь Гельмс, УБЬЮ!

- Никто мне ничего не передавал, иначе бы я приехала сразу. Как мама, когда это все произошло? - спрашиваю между тем. Крестная никак не реагирует на мое заявление о Гельмс и коротко пересказывает события двухмесячной давности.

Сразу по возвращению из Москвы, мама на одном из занятий неудачно прыгнула, а поскольку уже до этого имела проблемы с позвоночником, то закончился ее прыжок печально. Далее кое-как взяли кредит, и последовала операция, а после шестьдесят долгих дней восстановления. Сейчас же мама была на реабилитации в одном из наших санаториев. Не самое лучшее место, но возможности иного не позволяли. И вот этот факт подхлестнул меня. Понимаю, что больше не могу сидеть на месте, что нужно действовать.

-Я поеду к ним, - решительно сообщаю тете Кате.

-Поезжай. Только учти, бабушка настроена не самым дружелюбным образом. А уж после этого звонка от твоего посредника и вовсе обижена до глубины души, - предупреждает меня крестная.

-Какого звонка?- вспоминаю об этой смущающей меня детали.

-Такого! Бабушке позвонили, сказали, что вот билеты на такое-то число в Москву, дескать, барыня Яна Юрьевна видеть желает, извольте явиться по такому-то адресу,— съязвила тетя Катя, но мне было все равно на

ее тон. Я пыталась сообразить, что это значит. И выводы были ошеломляющие, в которые верить боязно. Но иного объяснения не было и быть не могло. Это все Олег! Понимание того, что он озаботился данным вопросом, окончательно добило мою выдержку. Слезы, крупные такие, горячие потекли по щекам, а внутри тепло разлилось, защемило так, что дыхания перехватило.

И я начала реветь взхлеб с одной стороны от страха и беспокойства за маму, с другой от безотчетной радости. Ибо этот Гладышевский поступок он весь мой мир с головы на ноги перевернул. И загорелся во мне ни какой-то там лучик надежды. Нет. Во мне запылал ее пожарище, а в голове уже оформилась мысль, что я для Олеженьки не просто по средам и пятницам для здоровья и развлечения. Я для него что-то большее, намного большее. Ради ночной бабочки разве станут так заморачиваться и напрягаться? Станут решать ее проблемы? Ночная бабочка она для развлечения, у нее априори проблем быть не может, ровно как и чувств и желаний. И подарки таким, как я выбирают с учетом того, насколько «наработала» и щедрости дарящего. Но Гладышев нет: все, что девочка Яночка дед Морозу заказывала, выполнил. Ничего не забыл, не упустил: ни проблемы, ни мечты, ни желания. А Яночка...

Дура-дурой!

Вновь накатывает горечь и стыд. Господи, какая же я идиотка! Ведь я же, можно сказать, почти покорила «Эверест». А теперь что? Неужели все испортила? Нет, нет, нет!!! Не может жизнь быть такой сухой! Олег поймет. Я все объясню, все исправлю, мы начнем сначала и уж тогда...Тогда я не отступлю!

Ну, а пока, пока к маме! У нее вымаливать прощение за то, что такая вот я у нее дура!

-Ян, ты где?- врывается в мои невеселые мысли голос тети Кати.

-Здесь,- отзываюсь, все еще находясь далеко.

-Как ты вообще?- тихий такой вопрос, осторожный, а у меня горло вновь перехватывает и глаза нестерпимо жжет.

-Хорошо,- бросаю на автомате. Да и что еще могу сказать? Гордость иного ответа не позволит. Сама ушла и возвращаться пока не собираюсь, следовательно, и жаловаться не имею права.

-Уверена? – ни на йоту не верит тетя Катя. Так и хочется хмыкнуть, ибо ни в чем я не уверена. С Гладышевым разве можно? Да и потом – сравнивать не с чем. Бывает дико хорошо, а бывает и дико плохо. Короче говоря, стабильности нет. А стабильность - это синоним счастья для женщины. Поэтому уверенно могу сказать лишь то, что несчастливая я. А

хорошо...Хорошо бывает.

-Угу, - все, что могу выдать из себя.

-Ян...-начинает тетя Катя, подбирая слова. Видимо, правильно расценив мое это нелепое «угу». Надо было, конечно, выдать что-нибудь жизнерадостное, но откуда же этой радости взяться, когда такие новости, когда все так неопределенно во всех отношениях? Нет у меня сил претворяться.

– Ты, прости меня, Янка!- вдруг произносит тетя Катя. Этого я ожидала меньше всего. И вот я вам там ранее говорила, что не нравится мне тетя Катя. Признаю, погорячилась. В это мгновение, словно по мановению палочки, лед тает. Крестная больше не кажется чужой. Это вновь моя волшебница, фея, которую я с таким нетерпением и трепетом ждала каждый раз в гости на Новый год, которая дарила мне самые желанные подарки, всегда поддерживала и была моей заговорщицей. И я вновь плачу. А может, и не прекращала этого делать. Возможно, вас удивит моя очередная непоследовательность. Но такой я человек – отходчивый. Могу ни с чего вспылить, и так же быстро отхожу, стоит только доброе слово сказать.

Вот и сейчас отходила, оттаивала, а потому совершенно искренни сказала:

-Я уже не в обиде.

- А я и не сомневалась. Ты у нас девчонка незлопамятная. Это мы две дуры. Но не со зла, Януль, не со зла. Натерпелись разного, насмотрелись, а потому только убереечь хотели. Как лучше думали, а получилось, как всегда. – невесело подвела итог крестная, я же не могла ничего сказать, продолжая реветь.

-Ну, не реви там мне!- строго произнесла тетя Катя и сама всхлипнула, отчего мы обе засмеялись, и на душе стало спокойно. Захотелось упасть в объятия крестной, выплакать все, что наболело, почувствовать себя маленькой девочкой. Ибо я так устала быть взрослой, точнее казаться таковой. Устала от бесконечных ошибок, боли, обид и непонимания. Я просто устала. Хочу, как в детстве, чтобы за меня принимали решения, ибо мои все фатальны и глупы.

Немного успокоившись, решаюсь задать вопрос, который мучает меня вот уже несколько месяцев. Поскольку то, что тетя Катя признала свою вину, совсем не означает, что мама разделяет ее мнение. Она у меня очень суровый человек, и необходимо быть готовой к встрече с ней.

- А мама что говорит? – спрашиваю, а сама боюсь услышать ответ, потому как тетя Катя некоторое время молчит, явно раздумывая, как бы

деликатнее преподнести новости, но, так и не придумав ничего, сказала, как есть.

-Ой, ничего она, Янка не говорит, насколько мне известно. Ты же знаешь, мать все в себе держит. Но как же ей не переживать, ты же ее кровиночка, ты ее сердце?! А без сердца разве жить можно? Поэтому поезжай, надо вам поговорить, а то не дело это совсем. Да и ничего криминального ты не совершила. Это уж мы раздули из мухи слона, а должны были найти подход, направить! Думаю, Ирка себя уже сожрала от понимания, что накосячили мы знатно.

-А разве вы с ней не говорили на эту тему? – удивилась я.

-Нет, Януль, не говорили. И уже ни о чем не говорим. Мать на меня зла. Обвинила, что если бы не моя дурость, то ты бы дома спокойненько занималась, и все бы было хорошо. Права она, конечно. Надо было тебя домой отправить, а не заниматься самодеятельностью. – с горечью призналась тетя Катя.

-Никто не знает, как бы оно было. Думаю, есть в жизни судьбоносные моменты, и их, как не старайся, не избежать, - задумчиво произнесла я, поскольку считаю, что моя встреча с Гладышевым – не иначе, как судьба. Наши с ним миры должны существовать параллельно, и никогда не пересекаться. Не подходим мы друг другу ни по статусу, ни по возрасту, ни по интересам. Вообще никак мы друг другу не подходим, но, тем не менее, тянет с яростной, непреодолимой силой с самой первой встречи, с первого взгляда. Определенно, это какая-то кармическая связь. Кто-то свыше зачем-то свел нас. И мне хочется верить, что не для горьких уроков жизни.

-Уверенна, что встреча с этим твоим – судьбоносный момент, а не вселенская ошибка?- спросила тетя Катя, поняв, о чем я думаю.

- А разве в этом можно быть уверенной?

-Думаю, это ощущается какими-то шестым чувством. –заметила крестная, как бы невзначай, а потом уже серьезно добавила,- Ну, хоть нормальный мужик?

-Сложный, - ответила я со смешком.

-Ну, возраст у него такой...сложный. Терпи казак! – хмыкнула тетя Катя.

-Я буду собираться, возможно, успею еще сегодня на рейс.

-Ну, давай, привет там всем!

Только закончив разговор, я в полной мере осознала, что произошло с мамой. Меня вновь захлестнули эмоции, и я уже не могла усидеть на месте. Кинув в сумку необходимые вещи, помчалась в аэропорт, по дороге заехала к тете Кате, так как в последний момент вспомнила про Малыша.

Мы с крестной договорились встретиться после моего возвращения. Она попыталась дозвониться бабушке, но абонент был недоступен, поэтому полетела я на свой страх и риск, хотя тетя Катя пообещала, что будет звонить в течение дня.

В Рубцовск я приехала уже поздним вечером, почти ночью. Состояние у меня было кошмарное, хотя ничего удивительного, после бурной ночи, эмоциональных встрясок и девяти часов в пути на иголках.

Но на этом мои приключения не закончились, а только начались. Будучи уставшей до чертиков, и погруженной в свои невеселые мысли о маме и бабушке, я совсем забыла, что нахожусь на вокзале и, что надо быть бдительной.

Но какая уж тут бдительность? Это же Яночка – профи по собиранию на пятую точку всякой хрени.

Но очередную «хрень», я обнаружила только после визита к бабушке.

До дома я решила прогуляться пешком, захотелось вдруг, несмотря на усталость, пройтись по родным улочкам, немного поностальгировать. Странно, вроде бы ничего не изменилось-те же убогие домишки, но ощущается все иначе. Наверное, потому что меняешься ты сам.

Раньше я эту серость не замечала, а теперь, все кажется таким незначительным, задавленным бедностью. И это открытие как-то потрясло даже. Действительно, все в жизни познается в сравнение. И порой, лучше не сравнивать, оставаться в неведение, чтобы горько не разочаровываться.

Не то, чтобы я испытывала какое-то разочарование, просто раньше мне казалось, что нормальный у нас вполне себе город, а сейчас даже не знаю, как его охарактеризовать, но нормами тут точно никакими не пахнет.

Размышляя о такой вот дребедени, я подошла к своему дому. Долго не могла решиться войти, но втянув побольше воздуха, как перед прыжком, сделала первый шаг, затем второй и, не давая себе возможности передумать, нажала на кнопку звонка.

Бабушкины шаркающие шаги были слышны еще издалека, и от каждого у меня замирало сердце, проваливалось куда-то от волнения и страха. Поэтому когда дверь, наконец-то, открылась, я уже ели стояла на ногах. Но бабушкин вид привел в чувство моментально. Она очень сильно похудела, черты лица заострились, морщин стало больше. Если судить по ней, то казалось, что с моего отъезда прошло не больше полугода, а лет двадцать, как минимум.

Шокированная, я не могла произнести ни слова, впитывала в себя ее образ, и щемило в груди. Как же подкосили бабушку, свалившиеся на нашу семью, неурядицы.

-Здравствуй!- прочистив горло, тихо произнесла я. Бабушка на мое приветствие никак не отреагировала, продолжая смотреть, как на врага народа.

-Ты не вступишь меня в дом?- спрашиваю осторожно, но ответ поражает до глубины души.

-С какой стати?

-Потому что это и мой дом, - мягко заметила я.

-Надо же! Как это ты вспомнила? – подбоченившись, язвительно бросила бабушка.

-Я и не забывала, - совсем тихо, потому что крыть свое двухмесячное молчание мне нечем.

-А где же тебя черти-то носили?

На это мне ответить нечего. Да, не звонила. Да, виновата. Но и вы, простите, не особо себя утруждали. Вслух я этого, конечно, не сказала. И без того атмосфера напряженная, но бабушка мой взгляд расценила по-своему и понеслась душа в рай.

-Что, стыдно? И правильно! Мало того, что врала безбожно, так еще и устроила не бог весть, что! Мать в могилу чуть не загнала, а теперь явилась королевишна, в шубе соболиной. А что мать на лечение ели как кредит взяла, так это разве тебя волнует. Плевать ты на все хотела. Главное, что тебе хорошо. Кто выгоден, к тому и ластишься. А что всю жизнь на тебя мать горбатилась, все тебе отдала, ВСЕ-это ты забыла, стоило чуток тебя против шерстки погладить! Сволочь ты, больше никто! –сплюнула бабушка.

Я же сверлила пол, затуманенным слезами, взглядом, не в силах поднять глаза. В этих словах не было ни грамма правды, но все равно больно и обидно. Так это несправедливо, так унижительно! Неужели я действительно заслужила все это?

-И не надо тут передо мной крокодилы слезы лить! Откуда приехала, туда и шуруй!

-Я пошурую, не волнуйся!- огрызнулась я сквозь слезы, - Ты только скажи, где мама проходит реабилитацию, и счет свой напиши, деньги перечислю.

-Пошла вон отсюда! Благотельница тоже выискалась! И к матери не смей соваться, только успокоилась она бедная. Ей сейчас покой нужен, а не на тебя - срамоту, смотреть. И деньги свои запихай в то место, которым их заработала! - прокричала бабушка, отталкивая меня от двери, собираясь ее захлопнуть, но во мне откуда-то взялись силы, и я не позволила это сделать. Вцепилась мертвой хваткой и закричала, надрывно, давясь слезами:

-Что ты несешь?! Кто я, по-твоему? Ты что, совсем?

-Подстилка – вот ты кто! И мразь последняя раз на какой-то хрен зажраный семью променяла. Убирайся отсюда, чтобы глаза тебя мои не видели! – прорычала бабушка и, толкнув меня, захлопнула дверь.

Я же заорала. Вот так на весь подъезд. Подскочила, заколотила руками по двери, разбивая костяшки, пинала ее, крича какие-то ругательства, пока не захлебнулась рыданиями. И словно по щелчку вся эта ярость улетучилась, осталась только опустошенность и бессилие. Сползаю по стене, утыкаюсь в колени и реву.

Не знаю, сколько я так сидела. Что-то во мне надломилось в очередной раз. Ощущаю себя так, словно я убитая бабочка, распятая на кусочке бархата. Красивая, но не способная противостоять хоть чему-то в этом мире. Каждый так и норовит поймать, и прикрываясь благими намерениями, оборвать крылья.

Встаю, голова кружится, как у пьяной, в висках стучит. Выхожу на улицу, бреду некоторое время по дороге, пытаюсь, успокоиться. Но не получается, сцена словно на «репите»- прокручивается раз за разом, травя душу. Вот ответьте мне, что я такого сделала? Дело во мне или родственники у меня ку-ку? Ладно, я согласна, встречаться с сорокалетним мужчиной – это не то, чего желают для своего ребенка. Но если уже так случилось, неужели стоит устраивать подобное представление? Чего ради? Чтобы я что-то поняла? Так и без них мне все предельно ясно. Но если люблю я его, если без него зашиваюсь, если он - биение моего сердца, что мне теперь сделать? Вырвать его к чертям что ли? А как жить-то тогда? Как жить мне без него, если он все, абсолютно все для меня?

Да и почему я должна это делать? Немаленькая уже, с какой стати они будут лезть ? Пусть идут к черту со своими претензиями! Единственное в чем я перед ними виновата, так это в обмане, насчет учебы. Все остальное - это мое право!

Злость приводит меня в чувство, да и мороз ощутимо дает о себе знать. Лезу в сумку, чтобы достать телефон. Нужно вызвать такси, заселиться в какую-нибудь гостиницу, завтра узнать у тети Кати, где мама, съездить к ней, а там уже попросить Олега о помощи. Впрочем, мое месячное содержание вполне способно покрыть расходы за санаторий. Понимание этого несколько смущает, и становится неловко. Но эти мысли быстро отходят на второй план, а точнее вовсе исчезают из головы, стоит мне заметить в сумке разрез сбоку и отсутствие телефона и кошелька со всеми деньгами, кредитками.

Замираю, непонимающе глядя в пустую сумку, хлопаю тупо

ресницами, надеясь, что это обман зрения, а потом принимаюсь лихорадочно перебирать оставшиеся в сумке вещи. Ищу, как чокнутая, понимая, что ни черта не найду, но все равно продолжаю, пока мой нервоз не достигает апогея. Отбрасываю с психу проклятую сумку, едва ли не топая ногами от бессилия, а потом на меня нападает истеричный смех.

Боже, это только со мной может такое приключиться! Вечная лохушка! Суки, чтоб вы там подавились, уроды гребанные!

Хочется орать от этого дурдома вселенских масштабов. Похоже, меня решили доконать окончательно. П*здец! Просто гигансткий, долбанный П*ЗДЕЦ!

Что теперь делать? К бабушке не пойду, я лучше реально некоторыми местами начну подрабатывать. К бывшим подругам – тоже не вариант. Остается только один человек –Гладышев. Впрочем, только он у меня и есть. И только его номер я знаю наизусть. Думать о том, что Олег не ответит на звонок или какой нагоняй меня ждет в случае, если ответит, не хочу. Сейчас главное-позвонить, иначе я просто утону в истерике. Оказаться на улице без денег и телефона в двенадцать часов ночи и тридцатиградусный мороз – это я вам скажу фееричный расклад. Но я стараюсь не поддаваться панике, подавляю в себе страх и дурные мысли, и отправляюсь на поиски телефона в места, где в двенадцать ночи могут быть люди.

Но найти людей, как оказалось, не самая большая проблема. Сложнее не получить отказ на просьбу о звонке. И даже моя соболиная шуба не спасала положение. У девяноста процентов людей в двадцать первом веке просто на просто «нет телефона», либо есть, но дадут они его на извращенных условиях – это касательно мужчин, хотя назвать их так можно с натяжкой. В общем, кругом одни уроды. Хотя я их понимаю, сама такой же была. Всегда опасалась, что обворуют. Но неужели по мне не видно, что на фиг мне их телефон не сдался. Я даже готова свою эту шубу променять на один-единственный звонок. Но, слава богу, нашелся добрый человек среди этой кучки равнодушных тварей. Набирая заветный номер, я едва ли не молилась, чтобы Гладышев ответил. И он, как и всегда, не подвел.

-Алло!- раздался раздраженный, заспанный голос моего любимого, и на меня нахлынуло такое облегчение, что я едва удержалась на ногах. Даже будучи за пару сотен километров, Гладышев казался всемогущим, и проблемы переставали быть проблемами, ибо я знала, он решит их в течение пары часов. И от этого все напряжение мое схлынуло, а самообладание, державшееся на голом адреналине, лопнуло, как мыльный

пузырь, и перекрытые краники рвануло. Я начала реветь в трубку, не в силах подавить истерику и что-то сказать.

-Чайка?!- недоуменно воскликнул Олег, а потом голос в миг трансформировался из сонного в напряженный, угрожающий,- Где ты?

Но я начала реветь с еще большей силой, а потому лишь заикалась, пытаюсь ответить на его вопрос.

-Что, мать твою, случилось? Куда ты опять врюхалась?- заорал он.

-Я...я...я,- глоток воздуха под нетерпеливое сопение в трубке,- Меня обокрали, все украли, все вещи.

-Жаль, что тебя в придачу не прихватили, - съязвил он, а потом с тяжелым вздохом добавил, - Где ты?

-В Рубцовске.- прорыдала я.

-И какого хера ты там, в Рубцовске, забыла? – процедил после небольшой паузы, во время которой, видимо, переваривал мой ответ.

-К маме поехала, она болеет, - я начала тараторить, быстро пересказывая все, начиная с тети Кати, заканчивая моим поиском телефона. Олег молчал даже, когда я закончила свой рассказ и продолжила реветь.

-Значит, так, успокойся и послушай меня!- произнес он таким тоном, что я сразу как-то внутренне подобралась и прекратила плакать. – Ты сейчас идешь на вокзал, проходишь в зал ожидания, садишься туда, гделюдно и ждешь, никуда не рыпаясь и не показывая, что ты в отчаянном положении. Ты меня поняла?

-Да.

-Что да?- рявкнул он.

-Поняла, не дура!- буркнула я.

- Если б ты дурой не была, сидела бы на жопе ровно,- бросил он раздраженно. Мне, конечно, хотелось возразить, но я была не в том положении, чтобы пререкаться. А он уже сворачивал разговор, - В общем, давай, иди, жди.

-Чего ждать-то?- все же огрызнулась я.

-Того! Узнаешь, как только, так сразу. Заодно и в терпение поупражняешься. Тебе полезно! Все, иди на вокзал, как дойдешь, набери откуда-нибудь. – отдал он распоряжение и отключился. Я же от пары минут разговора с ним закипела так, что даже в тридцатиградусный мороз стало душно. Вечно с ним так: придушить хочетсяв объятиях.

До вокзала я добралась без приключений. Правда, замерзла жутко. Сообщив об этом Олегу, устроилась в зале ожидания, и начала ждать, гадая, кто же меня из этой заварушки вытащит. Ждала кого угодно, но не того, что в семь часов утра в зал ожидания, словно тайфун, ворвется

Гладышев собственной персоной. Я едва не завизжала от радости, увидев его, и сразу же бросилась к моему любимому Зануде. Меня даже не смущало то, что вид у него был, как у маньяка, жаждущего крови; брови нахмурены, челюсти сжатые, а взгляд того и гляди убьет.

Но мне на все стало наплевать, стоило только прижаться к его груди, вдохнуть родной запах. Я как наркоман мгновенно поплыла.

-Олеженька...-только и смогла выдохнуть, чувствуя, как колющий ком встает в горле.

-Только попробуй зареветь!- наказал он строго, и с шумом выдохнув, словно вместе с этим воздухом вытолкнул из себя раздражение, расслабился. А после обнял меня и поцеловал в макушку. А я, конечно же, заревела. И не столько потому, что теперь все закончилось и я в безопасности. Нет. Я ревела, потому что он приехал, сорвался по первому моему зову, бросив своих родных. Могут ли еще быть какие-то сомнения в его чувствах ко мне? Мои окончательно испарились, когда он прошептал, - Бедовая ты у меня, Янка, бедовая. Когда же ты мозгами начнешь пользоваться?

-Не знаю. Я только сердцем умею, - шепчу в ответ, вытирая слезы.

-Ладно, пошли отсюда, сердечная ты моя. Хватит народ развлекать.- ведет он меня к машине.

Когда мы сели, Олег со стоном откинулся на спинку сидения и, закрыв глаза, несколько минут сидел, не двигаясь. Мне стало стыдно. Вторую ночь он из-за меня мотается по всей России, можно сказать.

-Олеж, ты очень устал, да? Прости, пожалуйста. Я...- начала было, но он жестом заставил меня молчать.

-Ян, я всю ночь в дороге и прошлую не спал, так что давай, без твоих излияний обойдемся. Сейчас я хочу поесть и поспать, и именно в таком порядке, а потом уже тебя наблюдать в коленопреклонённой.- отмахнулся он.

Мне же стало смешно. Гладышев такой Гладышев. В коленопреклонённой наблюдать он будет. Но поскольку вид у Олега был крайне уставший, то язвить я не стала.

- Тогда, по шаурме?- все же нервно хохотнула, понимая, что шутить сейчас – тоже не самая лучшая идея. Но последовавший ответ удивляет. Видимо, Гладышев действительно устал дико.

-По шаурме так по шаурме, уже не до хорошего. Главное - не травануться.- пожал он плечами, а потом как-то странно, словно сам себе добавил,- Самое время вернуться к тому, с чего начали.

-Я вообще –то пошутила, - заметила со смешком.

-А я вообще-то есть хочу. Говори, куда ехать. –раздраженно бросил он. Я не стала злить его еще больше, и назвав адрес, стала тихонько наблюдать за своим любимым мужчиной. В последние недели мы виделись все время какими-то набегами и как бы между прочим. И вот только сейчас я поняла, как истосковалась по его улыбке, его взгляду, его губам и объятиям. Тянусь к нему, чтобы пригладить взъерошенные волосы, но он резко отворачивается, сжав челюсти.

От этой какой-то брезгливости становится очень плохо, и я вновь не думая, спрашиваю, не скрывая горечи:

-Так и будешь шарахаться от меня, словно я прокаженная?

-Я, по-моему, достаточно ясно выразился – все разговоры ПОТОМ! – процедил он.

-Да не могу я ждать эти твои потом!- вспылила я.

-А ты учись, может, начнешь головой думать прежде, чем что-то сделать.

Я не стала ничего отвечать, отвернулась к окну и стала учиться ждать долбаное «потом». А ждать пришлось долго. Сначала мы поехали за шаурмой и еще кучей другой еды, потом сняли номер в гостинице. Позавтракав, Гладышев сразу же лег и уснул, совершенно не обращая на меня никакого внимания. Мне оставалось только диву даваться, как у него так получается, словно на кнопку бацнул и вырубился. У меня же, несмотря на вторую бессонную ночь, сна не было ни в одном глазу, все внутри кипело от переизбытка разнообразных эмоций.

Последующие несколько часов я нарезала круги по комнате, потом позвонила тете Кати, чтобы она выяснила у бабушки, в каком санатории мама. А потом сидела и охраняла сон моего Зануды, вглядываясь с нежностью в столь любимое мной лицо, хотя и так каждую черточку помнила наизусть. Проснулся Гладышев уже под вечер и то, потому что у него зазвонил телефон.

И когда он ответил на звонок, я открыла для себя особенную ипостась этого мужчины. Я увидела его в роли отца, и настолько меня поразило его преображение, что внутри заболело от тоски и какой-то дикой зависти. Ибо больше всего на свете я хотела, чтобы он так же смягчался, стоило ему услышать мой голос, так же загорались его глаза нежностью и заботой, так же расцветала на губах улыбка, просто потому что я его радость, его сокровище. Все, чем он живет и дышит.

Конечно, теперь я понимала, что и я не на последнем месте в его жизни, и что-то все же он ко мне испытывает, вот только однозначно, беда я на его голову, а никакая не радость. Но разговор отца с дочерью вмиг

отрывает меня от этих размышлений. Знаю, что подслушивать не хорошо, но уж больно любопытно, тем более, что передо мной разворачивалась занимательная картина-оправдывающийся папа-Гладышев. После пары минут наблюдений данного Марлезона, я поняла, что через чур погорячилась, защищая Олесь Олеговну. Эта девица была капризной, избалованной, а никак не всеми забытой и заброшенной. Голодный должен быть рад любому куску хлеба, а не требовать великолепный стол с определенным меню. Так что ни черта эта принцесска не обделена вниманием, она им закармливают.

С Олегом, когда он закончил разговор, я своими мыслями, естественно, делиться не стала. Он и без того хорошим настроением не отличался, и вряд ли потерпит что-то нелестное в адрес своей доченьки. Но для себя я выводы сделала, а также поняла, что серьезно напрягла Гладышева, поставила в сложное положение, поэтому решила, что долгожданное «потом» настало, и можно принимать коленопреклоненную позу.

-Извини, что так вышло, и тебе пришлось сорваться посреди ночи!- начала я осторожно, когда он закончил разговор и начал одеваться.

-За что конкретно ты извиняешься? – спрашивает он в ответ, не глядя на меня. От этого вопроса я смутилась.

-За все. - ответила тихо. Гладышев хмыкнул, задев своей горькой усмешкой за живое, и продолжил неторопливо одеваться.

-Если не можешь меня простить, зачем приехал?- не выдержав его игнор, воскликнула я.

-Я еще раз повторяю, мне есть за что конкретно тебя прощать?- медленно, с расстановкой произнес он так, что мне стало страшно. Я невольно отступила и замотала головой. Он же подошел ближе и коснулся моей щеки, пугая еще больше, а после прошептал, - Запомни, я не Иисус, чтобы прощать и подставлять вторую щеку. Я живу по принципу «око за око», поэтому не проси у меня прощение Чайка, если тебе есть в чем каяться, лучше сразу исчезни! А приехал я потому, что ты без царя в башке и твои родственнички натуральные дебилы и пофигисты, что крайне плохо может закончиться.

Пока он все это говорил, я забыла, как дышать. Сердце колотилось, как бешенное. Столько угрозы было в ветхозаветных словах, что стало не по себе.

-Не оскорбляй моих родных,- едва слышно выдавила я из себя.

- Какие они тебе родные, Чайка? – пренебрежительно бросил он, отходя - С такими родными и врагов не надо.

Это было больно, но мне нечего возразить, кроме известной всем банальщины.

-Мы не выбираем родственников.

-Не выбираем. Но только мы решаем родниться с ними или нет. Зачем ты помчалась сюда, Чайка? – сурово спросил Гладышев.

Он был зол, очень зол, несмотря на внешнее спокойствие. И я боялась его такого, а потому терялась и не могла понять, что нужно сказать сейчас.

-Разве могла иначе? Я должна была приехать, мама в таком положение,- потупив взгляд, прошептала я.

-Ни хрена ты им не должна! Это они должны были! Потому что три великовозрастные идиотки, наломавшие дров! – едва сдерживаясь, процедил он, но я все равно вздрогнула и задрожала, а он продолжил бушевать, - Наломали, а теперь решили свесить всю ответственность на тебя? Лихо они придумали! Вообще молодцы - тетки. Медальку за изворотливость, дурам! Но бабка твоя –это просто апофеоз всей этой психбольницы! Как можно выгнать восемнадцатилетнюю девчонку из дома из-за такой ерунды? У нее что, старческий маразм?

Я покачала головой, не в силах что-либо сказать. Слезы жгли глаза, а обида и боль, которые я до этого глушила, вырвались наружу. И я вновь заплакала, Гладышев же замолчал. Я услышала его тяжелый вздох, а потом оказалась в его крепких объятиях и зарыдала, выплакивая все то, что разъедало меня изнутри. Все свое напряжение, обиду, усталость.

-Ну, все-все, малыш, прости! Не хотел я, - начал он успокаивать меня, но я не дала ему высказаться.

-Почему люди такие злые? –перебила, всхлипывая и заикаясь.

-Потому что жизнь тяжелая штука, малыш. Очень нелегко оставаться человеком во всем этом дерьме. –мягко ответил он, едва сдерживая улыбку от моего этого детского крика души.

-Это не оправдание.- возразила я, качая головой, вытирая слезы.

-А я и не оправдываю, Чайка. Просто констатирую факт. В мире, где приходится выживать, состраданию места нет. А мир человеческий – он хлеще животного. Более жестокий, изощренный, коварный. Тут либо ты – хищник, либо-жертва, третьего не дано.- резюмировал Олег невесело.

-Но ведь не до такой же степени, что даже телефон никто не в состоянии дать! Какой-то чертов телефон!- поражалась я.

-Это еще цветочки, Чайка. Самое веселое впереди. Нет предела уродству людей, поэтому надо полагаться всегда только на себя. А для этого надо думать. Как говорится: жизнь – это комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует. Так что не надо все воспринимать

сердцем, малыш, оно нежное, хрупкое. Его беречь надо, а не эксплуатировать по любому поводу. – наставлял он, укачивая меня в объятиях.

-Не умею я, не получается.

-Надо учиться, иначе насильно заставят обстоятельства, а это больно.- задумчиво произнес он. И на этом разговор исчерпал себя, Олег погрузился в свои мысли, а я в негу. Было так уютно и тепло, что меня начало клонить в сон. Кажется, мой организм почувствовал, что теперь можно расслабиться. Но Гладышев не позволил мне этого сделать.

-Так, ладно, хорош разводить болтологию. Ты езжай сейчас к матери, давно пора поговорить. Будем надеяться, что с головой она дружит. Я пока договарюсь, чтобы ее на недели перевезли в центр восстановления в Новосибирске. Там клиника есть очень хорошая. И домой поедим, мне завтра надо в Москве быть, -набросал он план и направился к телефону, чтобы претворять свои слова в жизнь.

-Так время –то уже! Кто меня в санаторий пустит?- спохватилась я.

-О, Чайка, всему тебя учить надо! Пару сотен там, пару сотен тут и тебе райские врата откроют, не то, что какого-то санатория.

-Фу, ты ужасный циник!

-Я-реалист! И всем рекомендую данную позицию, тебе в особенности. –отчеканил он.

-Кстати, о деньгах! Надо же карты заблокировать, и в полицию позвонить, - с досадой поморщилась я, только сейчас вспомнив об этом. Вот дура –то, господи! Меньше всего мне хотелось, чтобы какие-то уроды воспользовались моими деньгами.

-Ну, ты молодец, очнулась. Если бы я их не заблокировал, как только ты мне позвонила, аля улю моим денежкам. С таким легкомыслиемпустишь по миру Олеженьку. –проворчал он, в который раз поражая меня своей продуманностью. С таким мужчиной реально, как за каменной стеной. Все предусмотрел и сделал.

-Что-то я очень сомневаюсь. – скептически произнесла я, но тут же повинилась, – Прости, пожалуйста. Сама не знаю, как вышло. Вообще не заметила никого. Сейчас заявление напишу, может, найдут их.

-Ага, непременно. Наша полиция в стрип-баре пару сисек не отыщет, а ты хочешь... К ним обращаться – лишний геморр себе наживать. Много у тебя налички было?- иронизирует он, вызывая у меня смех своими сравнениями.

- Не очень. Тысяч десять, - прикинула я мысленно, и тут же удивилась. Как, однако, все быстро меняется. Еще недавно эти десять тысяч были для

меня внушительной суммой, а теперь – не очень много.

- Тем более, еще заморачиваться из-за этой ерунды. У меня время дороже стоит, так что смысла не вижу, - отмахнулся Гладышев и стал кому-то звонить. Я же пошла собираться к маме.

По дороге к санаторию я извелась так, что когда оказалась у его ворот, еще полчаса наворачивала круги в попытках успокоиться. Охранник смотрел на меня, как на умалишенную. А я такой и была от волнения.

Страшно было дико, до тошноты и жжения в желудке. Я не представляла, что меня ждет. Это ведь первая встреча за долгие месяцы. Последний раз я видела маму счастливую, провожающую меня в город больших надежд. А теперь...Что ждет меня теперь после всех разочарований? После кошмарного обмана, разрушившего мамины мечты? Я не знаю, и даже боюсь на что-то надеяться. Но понимаю, если продолжу накручивать себя, то в очередной раз сбегу. А этого допустить никак нельзя. Ибо мой долг-встретится лицом к лицу с тем, что я натворила. Пора быть ответственной.

С этими мыслями решительно направляюсь в администрацию санатория.

Как Олег и говорил; «пару сотен там, пару сотен тут» и вуаля перед тобой открываются все двери.

Меня отвели в какую-то комнату, похожу на оранжерею из-за изобилия цветов, и сказали подождать, что было смерти подобно, ибо напряжение достигло критической отметки. Но слава богу, мне позвонил Гладышев, дабы проверить обстановку и сообщить, что с клиникой в Новосибирске он договорился, о чем мне следует сообщить главврачу, а также забронировал билеты на утро, а следовательно, чтобы я поскорее возвращалась, нужно выезжать.

Когда я закончила разговор, мама уже ждала меня.

И я, как не старалась, не готова была к этой встрече лицом к лицу. Особенно с таким лицом мамы. Обернувшись, застыла и не могла поверить, что эта осунувшаяся, постаревшая женщина - моя мать. Но это была она, ибо даже болезнь и невзгоды не способны погасить ее невероятную красоту.

Я смотрела и не могла насмотреться на родное лицо, внутри все ныло от потребности - бросится на шею к маме, дабы ощутить тепло и нежность ее рук, почувствовать себя маленькой девочкой без забот и проблем, как раньше. Но мы стояли, сверля друг друга напряженными взглядами, не делая навстречу ни единого шага, и от этого сердце разрывалось на части, хотелось плакать горькими слезами. Я не знала, что сказать, что сделать.

Но меня в очередной раз отправили в нокаут, когда мама, ковыляя на костылях, пересекла разделяющее нас пространство и обняла меня.

Я ошелопилась и забыла, как дышать, ибо ждала, чего угодно, но не вот этого примирения без лишних слов и объяснений.

-Доченька, - выдохнула мама мне в шею, и ласково погладив по волосам, заплакала, - доченька моя.

И только после этих двух слов меня отпустило, я обняла маму в ответ, сильно сжимая в руках, но тут же вспомнила, что нельзя и ослабила объятия. Вдыхала родной до боли аромат детства и не могла насытиться. Накатывало какое-то невероятное облегчение. Казалось, что до этого я была в стальных оковах, а теперь они пали, и я стала свободной. И это чувство свободы приводило в дикий восторг, даря безграничное счастье. Хотелось смеяться, плакать, кричать об этом на весь мир. И я смеялась, и плакала, тараторила без умолку, рассказывая о том, как живу; что хожу на курсы вождения и АПЛ, а также английского, что готовлюсь к поступлению и что обязательно в этом году все получится. Мама с улыбкой слушала меня, плача и поминутно целуя.

А потом волна этих странных эмоций схлынула, и мы, успокоившись, вновь замерли. Я помогла маме сесть и сама устроилась напротив, не выпуская холодную, тонкую руку из своей руки.

-Ты повзрослела, - задумчиво произнесла мама, нежно касаясь моей щеки тыльной стороной кисти. И сквозь улыбку, со слезами, - Стала еще краше. Бриллиант обрел достойную огранку.

-Мам, прости меня!- начала было я, смутившись. Стало ужасно не по себе и вновь почему-то стыдно.

-Шш, ребенок, - прервала меня мама.- Не за что тебе просить прощение! Прежде всего, это я виновата. Что-то все время делала не так, раз ты боялась мне довериться и сказать правду. Где-то допустила серьезную ошибку. – с горечью резюмировала она, глядя куда-то вдаль невидящим взглядом. И от этой скорби я вновь заплакала, ибо она рвала мне душу. Столько раз я представляла себе эту нашу встречу, столько слов заговорила, а сейчас ни единого не могла сказать, ибо ничто не способно передать мою боль, мое сожаление и в тоже время радость, что теперь –то все позади.

-И все равно, прости, мам, что приехала только сейчас. Если бы я узнала раньше, я бы уже давно была рядом. Мне очень жаль, что так случилось, но ты обязательно поправишься. Все будет хорошо мамочка!- заверила я ее горячо, зная, что Гладышев поможет.

-Брось! Вот это все,- мама кивнула на костыли, - Это ерунда, когда душа болит. А она у меня так болела, так болела о тебе дочка. Это ты прости свою бестолковую мамку! Я лишь хотела, чтобы все у тебя было хорошо, так мечтала об этом, что смирилась с неудачей и гневом оказалось непосильной задачей. А потом стало поздно. Все потеряло смысл, когда ты исчезла. –призналась мама. Слезы текли по ее щекам, но она их даже не замечала. Протянула ко мне руки и обняв, стала укачивать, как маленькую, продолжая говорить. – Когда-нибудь, когда станешь сама мамой, ты поймешь, что я пережила. Точнее, не так, ты сможешь представить. Не приведи господь, понять эту муку. Ведь мать и дитя-это одно целое. Когда-нибудь, внутри тебя будет маленькое существо, и оно там останется навсегда, доченька, даже когда родится. Дети никуда не уходят из материнской утробы. Всегда остаются там жизненно-важной, самой необходимой частью женщины-ее сердцем, ее душой. Ты - моя душа. Ты - моя жизнь, несмотря на то, что ты сделала или сделаешь. Ты всегда будешь моей неотделимой частью. И я очень хочу, чтобы ты это помнила и знала, я всегда пойму и приму тебя! Прости меня за все кошмарные слова, за все, что я натворила. – закончила она шепотом, я же прижалась губами к ее руке, вкладывая в этот поцелуй все свои чувства, ибо сказать что-то не получалось, только спустя какое-то время, наконец, смогла вздохнуть и тихо произнести;

-Я очень люблю тебя, мамуль. Мне тебя ужасно не хватало.

-И я тебя, девочка моя. – отозвалась она, целуя меня в макушку.

И после этого все барьеры и неловкость исчезли. Стало, конечно, не как раньше. Как раньше, учитывая то, что мы с мамой изменились, уже не может быть. Было по-новому легко, уютно и комфортно.

Я рассказывала о своей учебе, мама о своем лечении. Потом мы поговорили о тете Кате. Я поняла, как сильно терзает маму потеря любимой подруги, и про себя решила, что обязательно их помирю. Это мой долг, поскольку из-за меня весь этот сыр бор и начался.

Про бабушку я рассказывать не стала. Не хотелось портить настроение ни себе, ни уж тем более, маме.

Но, увы, скрыть у меня не получилось, поскольку сама случайно проговорилась, когда мама спросила про Олега.

- Как у тебя с твоим мужчиной?

-Прекрасно, он тоже здесь, ждет в гостинице, - ответила я уклончиво. Врать маме мне не хотелось, но и углубляться во всю неразбериху в наших отношениях с Гладышевым, тоже.

-И ты остановилась в гостинице? – удивилась она, и вот тут мне

пришлось рассказать про наш с бабушкой скандал. Мама от моего рассказа побледнела, и некоторое время молчала, сжимая губы в тонкую полоску.

-Ну, я ей устрою! Совсем рехнулась, дура старая. - процедила она, словно сама себе, а потом виновато улыбнувшись обратилась ко мне, - Начудили мы, дай бог. Прости, дочунь!

Но от ответа меня отвлекает пришедшее смс от Олега; «Закругляйся, ехать надо!».

-Труба зовет?- улыбнулась мама, поняв все по моему лицу. Я смущенно улыбнулась в ответ.

-Нам нужно ехать, мамуль. У меня экзамен через неделю, а у Олега и вовсе выходных не бывает. Он очень занятой человек. Прости, что так набегом. Моя поездка получилась спонтанной. Я как только узнала, сразу же к тебе сорвалась, все бросив.

-Ничего. Я все понимаю. Главное, что приехала и мы поговорили. Теперь душа у меня на месте.- успокоила меня мама.

- Я буду звонить и писать каждый день, и в день по несколько раз, - пообещала я.

-Обязательно так и сделай.

-Мам, - начала я осторожно, боясь ее реакции, - Олег договорился с одной очень хорошей клиникой в Новосибирске, там ты быстро восстановишься, придешь в себя. Пожалуйста, не отказывайся! Мне будет так гораздо спокойнее.- попросила я, и каково же было мое удивление, когда мама пожав, плечами, просто согласилась.

- Хорошо. Огромное спасибо твоему мужчине!

Я едва не захлопала в ладоши от такого поворота, поскольку приготовилась к битве титанов. Но мама очень сильно изменилась, и с каждой минутой я убеждалась в этом все больше и больше.

-Отлично! Тогда на недели тебя заберут и переедешь. А я, как только сдам экзамены, приеду за тобой, и мы полетим отдыхать, нас с тобой ждет Италия. – решила я пойти еще дальше, надеясь, что Гладышев не откажет мне в этой просьбе, как и мама.

-Италия?- присвистнула она.

-Да, Олег сделал мне такой подарок на Новый год. Так что надо готовить загранпаспорта. - призналась я со счастливой улыбкой, только сейчас осознав, что моя давняя мечта сбудется.

-А почему бы вам не полететь вдвоем? – поинтересовалась мама, как бы между прочим, сверля меня при этом пронизательным взглядом.

-Олег не может, как я уже говорила, он слишком занятой человек. – отвела я свой взгляд.

-Ты с ним счастлива? – спросила мама прямо, видимо, сделав для себя какие-то выводы.

-Мам, давай, мы поедим отдыхать, и там я тебе все-все расскажу про свои отношения. Хорошо?- протараторила я, начиная собираться. Мама поджала губы, всматриваясь в мое лицо, но ничего не стала говорить, что, по всей видимости, крутилось у нее на языке. Вместо этого поднялась следом за мной и обняла меня.

-Береги себя, дочур! – прошептала она.

-И ты мамуль. Я позвоню утром, - обещаю, целуя ее напоследок.

-Хорошо вам добраться.- желает мама, выпуская меня из объятий.

Так не хочется уезжать, но, к сожалению, приходится.

Глава 16.3

Договорившись с врачом, я покидаю санаторий. Состояние у меня странное, внутри бушует ураган эмоций. Хочется о многом подумать, прокрутить в голове весь разговор и последние события, поэтому всю дорогу до Новосибирска я молчу, погруженная в свои мысли. Олег, правильно оценив мое состояние, не стал меня тревожить. Только спросил, помирились мы с мамой или же нет. И удовлетворившись положительным ответом, сосредоточился на дороге.

В Новосибирск мы прибыли за пару часов до нашего рейса, скоротать которые решили, съездив в ту самую клинику, чтобы я посмотрела, в каких условиях мама будет проходить восстановительный курс. Условия меня удовлетворили еще с внушительного вида самой клиники, а уж VIP-палата оставила под огромным впечатлением. Я не знала, как благодарить Олега за все это. Хотелось броситься, расцеловать, задушить в объятиях, но его неоднозначная реакция на мои прикосновения смущала. Я боялась сделать что-то не так и испортить установившееся между нами взаимопонимание. Поэтому лишь сдержано поблагодарила.

-Спасибо за все, Олеж! Если бы не ты...- я развела руками, не зная, что еще сказать.

-Если бы не я, ничего бы и не было. Так что это можно сказать мой долг был, - отшутился он, но я не позволила так просто соскочить с темы, хоть и понимала, что не нужно на него давить.

-Ты сделал мне столько замечательных подарков, именно тех, о которых я мечтала, - призналась я тихо, со слезами на глазах.

-Я тоже тронут твоим, малыш, мне понравилось, - шепнул он, притянув непонимающую меня к себе, и легонько коснувшись моей щеки губами, потряс перед глазами ключами с брелоком, который я с такой тщательностью выбирала для него. Мое лицо тут же покрывается краской

смущения, и я опускаю голову в воротник его пальто.

-Не хорошо, Олег Санныч, в чужих вещах лазить, - пробурчала я, стараясь скрыть смущение.

-Так мы и не чужие друг другу, -ухмыльнулся он, а я пропустила удар, сердце заколотилось, как бешенное от одной его улыбки.

Умом понимаю, что в это замечание Гладышев совсем иной смысл вкладывает, а все равно от счастья готова разве что не плясать.

-Тебе, правда, понравилось? – преодолев-таки смущение, все же спрашиваю, ибо для меня это очень важно.

-Понравилось. Красиво, со вкусом и смыслом, – одобрительно кивает он, рассматривая чайку.

-Я очень рада. Безумно волновалась, что покажется дурацким и ты не поймешь,- прикусив губу, разоткровенничалась я, сама не зная, зачем.

-Ну, ты скажешь тоже. Что я совсем дурак нерасшибаемый об дорогу?- возмутился Гладышев, я засмеялась.

-Вам честно или приятно, Олег Санныч? – подколола я его, Олег засмеялся и, приобняв меня за шею, повел к машине.

-Поехали, кофе выпьем, а то я замерз что-то, отвык от сибирских морозов.

-Так, конечно, ты бы еще голышом приперся, – посетовала я на его пальто, которое, однозначно, не для наших холодов.

- Вообще-то в мои планы не входило носиться с тобой по всему Алтайскому краю. –проворчал он.

-Ну, иди я тебя поцАлую, сразу согреешься, - просюсюкала я.

-Сомневаюсь, Чайка. На морозе целоваться – это надо быть отмороженным наглушняк.- поморщился он, открывая машину.

-Тогда я подожду, у тебя еще все впереди, - обещаю, подмигнув.

-Поехали уже, грелка тоже мне выискалась,- закатил он глаза, усаживаясь на водительское место.

-Зануда ты, больше никто! – резюмирую с тяжелым вздохом, садясь в машину.

-С этим мы вроде уже определились. – отмахнулся он, и мы поехали пить кофе.

-Я бы на твоём месте не была так спокойна. Ты знаешь, что Фрейд считает, что мужчина должен увлекаться, безумствовать, делать ошибки, страдать! И женщина простит ему и дерзость и наглость, но вот чего она никогда не прощает, так это рассудительности. – с умным видом вещала я, зная, что Гладышев сейчас заведется, а мне нравилось распалять его подобными дискуссиями.

-Чайка, где ты этот бред откапываешь?! – засмеялся он.

-Ну, почему это бред?- спокойно возразила, - Я вот, испытав на своем личном опыте, могу даже согласиться.

-А я «испытываю на своем личном опыте», могу тебе сказать, - передразнивает он меня, -что твоей наглости и дерзости нам на двоих хватает с лихвой. А в жизни, знаешь, что главное?

-Ну, просвети меня.

-Баланс и гармония. Так что тебе крайне повезло, что я –зануда, как ты говоришь. А то неизвестно, где бы ты сейчас была.

-А кто спорит-то?!- натурально изумляюсь, хитро улыбаясь.

-Ой, лиса!- покачал он головой, вмиг раскусив меня.

Вот так, подначивая друг друга, мы провели утро, а потом отменили наш рейс из-за тумана, и настроение Гладышева покатило вниз, и мое соответственно тоже. Ибо выслушать его ежеминутные психи, которые пришлось выслушать мне, и остаться при этом спокойным, просто невозможно. Поэтому я молила все силы, чтобы что-то уговорило Гладышева. Вот только, как я уже говорила, фраза «бойтесь своих желаний» выдумана специально для меня.

Олег уговорился, уснув, а когда объявили наш рейс, я ели как смогла его разбудить. Проснулся он, как не в себе, и поминутно проваливался обратно в сон. Я дико перепугалась, ничего не понимая и не зная, что делать. Но причина выяснилась, стоило прикоснуться к Гладышеву, он весь горел огнем. Меня это взволновало не на шутку, и я решила, что нужно вызвать «скорую», поскольку температура по ощущениям была очень высокой, но как только я об этом заикнулась,

Олег запротестовал и начал предпринимать попытки к действию. Спорить с ним даже, когда он в таком состоянии было бесполезно, поэтому мы таки оказались на борту самолета и полетели в Москву.

Как я провела этот полет, лучше не вспоминать. Такого страха натерпелась, что прокляла Гладышевское упрямство и все на свете.

Температура у Олега продолжала держаться, несмотря на жаропонижающие. Гладышев метался и бредил, я же чуть ли не плакала, наблюдая за ним. За четыре часа этого кошмара я твердо решила, что сразу после приземления вызываю «скорую», и плевать на любые возражения. Но не тут-то было. Господин Олег Александрович, вдруг нашел в себе откуда-то силы для очень горячего спора.

-Только попробуй вызвать «скорую», сама поедешь лечиться!- прорычал он на мою очередную попытку образумить его, и шатаясь из стороны в сторону от слабости, направился к такси.

-Гладышев, ты что, совсем идиот! Куда ты поперся в таком состоянии? И в чем вообще проблема?- заорала я на него, едва сдерживаясь, чтобы не долбануть по упрямой башке, но вместо этого обняла за пояс и помогла дойти до такси.

-Я тебе все сказал!- отрезал он, и зашелся кашлем, а после со стоном завалившись на заднее сидение, прохрипел, - Домой ко мне!

-Олеж, ну, так нельзя, это же не шутки!- уже чуть ли не плача, стала упрашивать я его.

-На, набери, пусть приедет, - сунул он мне телефон с чьим-то номером.

Когда я прочитала « Доктор Литвинов», меня немного отпустило, а уж после разговора с ним самим, я и вовсе перестала паниковать, поскольку доктор определенно точно знал, что делать и сказал немедленно явиться к нему в клинику для диагностики, хотя он уже поставил предварительный диагноз-пневмония, который был подтвержден в ходе осмотра, что меня напугало до чертиков. Но Алексей Иванович быстро успокоил, сказав, что с этим зверем они быстро справятся, поскольку на сей раз Гладышев обратился вовремя, а не как в предыдущий, едва ли не в полумертвом состоянии, запустив болезнь до такой степени, что страшно представить. В эффективности предстоящего лечения я не сомневалась, было видно, что работает настоящий профессионал

Осмотр был тщательнейший. Доктор работал не один, а с целой командой помощников, каждый из которых выполнял свои какие-то обязанности; кто-то делал записи, кто-то забор крови и мокроты, кто-то - укол, и все это пока доктор Алексей Иванович Литвинов слушал и перкутировал больного. Такая слаженная работа привела меня в восторг и изумление, но зато теперь стало понятно, какая уж там «скорая», когда тут такой сервис.

За какие-то полчаса они сбили Гладышеву температуру, сделали рентген, а также все необходимые анализы, результаты которых, сказали, будут известны завтра и тогда уже Алексей Иванович сможет назначить нужные антибиотики, а пока же было велено отправляться домой, уложить больного, соблюдать питьевой режим и в случае чего звонить.

Так мы и сделали. Гладышев сразу же провалился в сон, если это так можно назвать, поскольку он то захлебывался кашлем, то стонал от мышечной боли, то метался по кровати, потому как ему было то душно, то холодно. Я же сходила с ума, не зная, чем помочь. А уж когда под утро в очередной раз поднялась температура, у меня началась паника. Благо, приехал Алексей Иванович со своей бригадой и взял дело в свои руки. Они быстро сбили температуру, поставили капельницу и антибиотики, а после

Алексей Иванович дал мне целый список рекомендаций, начиная с антибактериальной терапии, заканчивая высококалорийной диетой. Хотя прием антибиотиков и противовирусных препаратов лег на плечи медсестры, которая должна была приходить три раза в день, что вызвало у меня облегчение, ибо я очень боялась сделать что-то не так.

Когда команда врачей покинула нас, Олег уже спал, и я решила последовать его примеру, поскольку едва держалась на ногах после всех треволнений и бессонных ночей.

Проснувшись я от жужжащего под ухом телефона. Не сразу поняв спросонья, чей он, ответила на звонок.

-Алло, Олежа?- раздался мелодичный, женский голос, но было ясно, что женщина уже в годах.

На меня же напал ступор от понимания, что это не мой телефон и что за такое бесцеремонное вмешательство Олег по головке не погладит. Сон сняло, как рукой и я подскочила с кровати, косясь на спящего Гладышева.

-Ал-ло-о?- громче произнесла женщина, пока я быстрым шагом покидала спальню.

-Да, -торопливо ответила я, решив, что если уж подняла трубку, то лучше не бросать.

-А с кем я разговариваю?- после небольшой паузы спросила женщина.

-С... Яной, - замявшись, отвечаю, кусая губы.

-Приятно познакомится, Яна! Меня зовут Вера Эдуардовна, я мама Олега Александровича.-вот после этой фразы меня словно разрядом пробило и руки затряслись от ужаса. Было ощущение, как будто я с самой первой леди разговариваю, хотя так, по сути, и есть для меня. Ведь эта женщина родила и воспитала моего любимого мужчину - мое всё!

От волнения я растерялась и на несколько секунд выпала из разговора, лихорадочно думая, что стоит сказать, а что нет. Однозначно, говорить, кем я прихожусь Олегу, не надо. А вот о том, что он болен, сообщить просто необходимо. Все-таки это мама и она непременно поймет, что что-то не так. А неизвестность еще хуже. Гладышев, конечно же, меня потом убьет, но думаю, переживу.

-Очень приятно, Вера Эдуардовна!- абсолютно искренне говорю, стараясь скрыть волнение за деловым тоном. -Вы не волнуйтесь только, пожалуйста, но к сожалению, Олег Александрович заболел.

-Да вы что?!- ахнула она, а потом запричитала,- Вот я говорила ему, чтобы одевался теплее. Нет. Вырядился в этот драп*здончик! Так, простите, на минуточку, это Сибирь вам, а не Москва.

Я едва сдерживаю смех, представляя, как Гладышев получает нагоняй

- удивительная картина, которую мне очень хотелось бы понаблюдать в режиме live .

Меж тем, Вера Эдуардовна завалила меня вопросами о самочувствие Гладышева, был ли он у врача, лечится и чем лечится, как и что, зачем и почему.

Целый час я подвергалась допросу, но это было в радость. Мама Гладышева оказалась приятной, очень эмоциональной, открытой женщиной, она вызывала огромную симпатию. С ней было просто и легко, словно она моя давняя знакомая. Несмотря на то, что я не видела Веру Эдуардовну, ее харизма сшибала с ног, как и положительная энергетика, позитив и обаяние.

И у меня совершенно в голове не укладывалось, как у этой солнечной женщины может быть такой занудный сын.

-Яночка, а вы кем Олегу приходитесь? – прозвучал, наконец-то, вопрос, которого я так боялась. Врать не очень хотелось, но я не считала себя в праве, обсуждать личную жизнь Гладышева с его матерью. Уверенна, после этого мне точно будет конец.

-Я..э...медсестра, - запнувшись, придумала я, как мне кажется, идеальное для себя амплуа.

-О, значит, мы коллеги, - усмехнулась Вера Эдуардовна, и мне на секунду показалось, что ни черта она не поверила в мою выдумку. Но последующая фраза развеяла мои сомнения, - Ну, вы там, Яночка, приглядывайте за ним, а то он совсем себя не бережет. И не говорите, что я звонила. Пусть не психует лишний раз. Я если что вам буду звонить, вы мне свой номер скажите.

От этой просьбы у меня на губах расцвела глупая улыбка. Я продиктовала номер и, пообещав, строго следить за больным, попрощалась со своей будущей свекровью. Да, именно так! Ибо определенно мы движемся вперед.

С этими мыслями я направилась в спальню, чтобы разбудить Олега, так как нужно было соблюдать питьевой режим. Гладышев что-то невнятно бормотал, психуя, и посылая меня подальше, но я была непреклонна и таки влила положенные миллилитры воды, и заставила проглотить жаропонижающие. Вскоре пришла медсестра и продолжила экзекуцию над бедным Олежей. Я же в это время поставила варить бульон, помня о высококалорийной диете.

Как только он сварился и остыл, меня ждала очередная бойня. Правда, Гладышев был уже настолько вымотан, что хватило его ненадолго и, признав поражение тяжелым вздохом, послушно съел пару ложек бульона.

Как только он уснул, мне позвонила Вера Эдуардовна, и я доложила обстановку. А после и сама легла спать.

Последующие два дня ничем друг от друга не отличались, хотя Олегу становилось значительно лучше, и спал он все меньше и меньше, зато у меня хлопот становилось все больше и больше.

Ибо только сейчас мне довелось прочувствовать всю степень занудства и невыносимости этого мужчины. Оказывается, раньше он был просто миленьким ягненочком в сравнение с этим новоявленным монстром. Все было не так, все было не эдак. Он критиковал и контролировал чуть ли не каждый мой вдох. Не знаю, как я еще не сорвалась, но определенно могу сказать, что наупражнялась в терпение на всю жизнь. И сделала вывод, что мужчина и болезнь - адова смесь! Вот. Даже уже стихами заговорила от всего этого дурдома.

Но, если быть честной, как бы я не бурчала, а все равно была почти счастлива, что нахожусь рядом с моим любимым мужчиной, хотя конечно, хотелось бы, чтобы совершенно по иному поводу.

Я порхала, как бабочка, несмотря на бесконечные, но беззлобные пререкания. Ибо меня пьянило наше совместное проживание. Каждое мое утро начиналось с улыбки, поскольку я просыпалась рядом с Олегом, и пусть спустя полчаса он делал мне выговор за пересоленную или пересахаренную кашу, а я все равно глупо улыбалась, потому что наслаждалась каждой минутой. Я пела, нежась в ванной, зная, что Гладышев на стенку лезет от моих завываний, но держать в себе все эти чувства не могла. Мне было в радость помогать ему с работой, отвечая под диктовку на разные электронные письма, так как сам он был еще очень слаб, но, тем не менее, рвался в бой.

Но самым моим любимым временем был вечер, когда мы, выпустив за день пар, уставшие заваливались на кровать и, обнявшись, смотрели какие-нибудь комедии, смеясь и вставляя веселые ремарки, а после засыпали где-то на середине фильма.

Вот такая вот почти семейная идиллия, и не мечтать и не надеяться при такой обстановке было просто невозможно. Поэтому Яночка всю строила воздушные замки.

Но идиллию нарушил звонок принцесски, которая что-то возмущенно пыхтела Гладышеву в трубку. После разговора с ней Олег был явно расстроен, и весь вечер задумчив, поэтому Рождество мы встретили, молчаливо поедая солянку, которую я с таким волнением готовила. Но Гладышев даже не обратил внимания на то, что ест. И вот лучше бы он разгромил мои кулинарные таланты в пух и прах, чем напряженно молчал,

думая, о чем-то своем.

-Спасибо. С Рождеством! – сухо поблагодарил он, поцеловав меня в щеку, и покинул столовую.

А меня такая злость взяла на эту избалованную пигалицу, что я едва не зарычала. Но сейчас не время для недовольства. Нужно пойти и узнать, что так тревожит моего Зануду, из-за чего он расстроен. И если возможно, немного помочь.

Убрав со стола, иду в спальню, Олег сидит на кровати, облокотившись на подушку, и сосредоточенно что-то просматривает в ноутбуке. Я сажусь рядом и некоторое время просто смотрю на него.

-Все в порядке?- спрашиваю, когда он обращает на меня внимание.

-Какой уж тут порядок. Полнейший бардак! - с невеселой усмешкой отвечает он, снимая очки и отставляя от себя ноутбук.

- Ну, прям уж бардак?- мягко возражаю, ласково касаясь костяками пальцев его щеки.- Вот поправишься и со всем разберешься, а пока отдыхай и не напрягайся. Ты только –только на ноги встал.

Я продолжаю гладить его по лицу, но встретившись с пронзительным, каким-то странным взглядом замираю.

-В чем дело? – тихо спрашиваю, отчего-то становится не по себе.

-Во мне, - отвечает он, выбивая у меня почву из-под ног.

-В каком смысле?- уточняю, ничего не понимая.

-Во всех.

-Что случилось, Олеж? – спрашиваю со страхом, напуганная его этой загадочностью и меланхолией.

-Случилось то, что не должно, Чайка! –тяжело вздохнув, опять выдает он очередную загадку. Но я каким-то шестым чувством ощущаю, что это касается меня. И сердце начинает колотиться, как бешенное, поскольку что-то творится в душе моего зануды. Что-то для себя в эту минуту он решает, по глазам вижу, и мне страшно сделать что-то не так, совершить очередную ошибку, которая знаю, станет фатальной. Поэтому осторожно ступаю на тонкий лед и задаю вопрос;

-Почему?

-Потому что не правильно.- с горечью признается он.

-Сдались тебе эти правила?! – через чур горячо восклицаю и тут же жалею. Не стоило это говорить. Не стоило!

- Я уважаю правила. Когда следуешь правилам, жизнь протекает без проблем, -спокойно парирует он.

-И у любви, по-твоему, должны быть правила? – понимаю, что это опасный поворот, но все эти намеки и загадки пугают, я теряюсь.

- У любви в особенности. Если у любви нет никаких границ, рамок и правил, как понять, что поступаешь верно? Если человека любить несмотря ни на что, к чему тогда стремиться? Где нет дисциплины, нет правил, там нет счастья! –пустился он в очередные рассуждение, на которые я не знала, что сказать. Хотя он, похоже, и не ждал от меня какого-то ответа. И от этого становилось как-то горько.

-А что для тебя счастье? – произношу тихо.

-Порядок и покой. – отвечает так же тихо, смотря куда-то вдаль.

-Это не счастье, это комфорт, Гладышев. А чем больше удобств, тем меньше храбрости.

Он усмехается.

-Твоя правда, Чайка.

-А это не моя, Олеж, а мудрых людей. Еще Достоевский писал; «Нет счастья в комфорте, счастье покупается страданием», - процитировала я недавно прочитанное «Преступление и наказание».

-А я уже настрадался, Ян, на три жизни вперед. Устал. – невесело подводит он итог. – И ни сил не осталось, ни смелости.

Я собираюсь сказать, что моей смелости и сил хватит на двоих, но Гладышев, тяжело вздохнув, сворачивает разговор.

-Ладно, давай спать, малыш, -ласково произносит он. И меня как-то сразу отпускает от тона его голоса. Странное, неприятное ощущение от разговора улетучивается, но осадок все же остается. Поэтому уснуть я не могу, обдумывая, что творится в голове и сердце у этого мужчины. Я не дура и подоплека разговора мне ясна, но вот горячее дыхание и крепкие объятия сбивают с толку.

Гладышев прижимается к моей спине грудью, зарывшись лицом в мои волосы. Его пальцы нежно скользят по коже, вырисовывают какой-то узор на моем животе, отчего по венам разливается терпкое возбуждение, а по телу проходит сладкая дрожь. Мы уже несколько недель не были близки, а учитывая все события, кажется будто вечность. Словно это было в прошлой жизни и сейчас все видится таким странным. Страшно сделать лишнее движение. Все, как в первый раз.

Я осторожно поддвигаюсь ближе, чувствуя ягодицами, что мое желание взаимно. Прогибаюсь, Гладышев сжимает мое бедро стальной хваткой, пытаюсь остановить.

Я опять ничего не понимаю. Оборачиваюсь, вглядываюсь в его лицо в темноте, но ни черта не вижу. И тут чувствую нежное прикосновение холодных пальцев к своему лицу. Они скользят так легко, как крылья бабочки, изучающе и в тоже время ласково. И щемит от каждого их

касания, потому что в этот момент мы ближе, чем когда – либо еще. Ибо нежность, на мой взгляд, более возвышенное чувство, нежели любовь. Гладышев не впервые был со мной нежен, но никогда так открыто, так трогательно.

-Что ты делаешь?- шепчу охрипшим голосом, от вставших комом в горле, слез, желая, что бы он, наконец, сказал о своих чувствах, ибо я устала гадать и надеяться.

- Запоминаю самую красивую девочку на свете, - тихо, едва слышно, но меня эти слова оглушили, пошатнули мой мир, потому что я сердцем чувствовала, что это Гладышевское «люблю». Такое вот сотканное солью, нежное....

-Я люблю тебя, - так же тихо, скользя губами по его плечу.

-Спи малыш, - нежный, едва ощутимый поцелуй в лоб.

-Сплю, - шепчу, закрывая глаза.

На душе так светло, так хорошо. И я засыпаю со сладкой улыбкой, желая продлить этот момент, как можно дольше, потому что в это мгновение между нами гармония, а она действительно самое главное в жизни, в этой гармонии и заключено счастье. И я счастливая. Сегодня ночью я такая счастливая, дыша с ним в унисон, свернувшись в клубочек в его объятиях, слушая мерный стук его сердца.

Утро тоже начинается со стука. Правда это тук-тук не имеет ничего общего с биением сердца моего Зануды, оно раздражающее и настырное. Открываю глаза и с удивлением обнаруживаю, что одна. Интересно, сколько же я спала? Сладко потягиваюсь, и накинув на себя Олежкин халат, в котором я брожу всю эту неделю, так как до сих пор не перевезла свои вещи, иду на поиски его хозяина.

Но каково же мое удивление, когда на кухне меня встречает преклонного возраста женщина, отбивающая мясо.

-Доброе утро! Я вас разбудила?- холодно произносит она, глядя на меня ничего не выражающим взглядом.

-Где Гладышев?- грубо спрашиваю, поскольку мне совершенно не нравится все это.

-Олег Александрович уехал на работу, просил вам передать, чтобы вы отдали мне ключ, когда пойдете, - вот так бесстрастно, будничным тоном меня убили. Стою, пытаюсь понять, что это все значит. Оглушенная, дышу глубоко, не веря.

-В смысле? –тупо переспрашиваю.

-Что в смысле?- высокомерно приподняв бровь, произносит женщина.

Я качаю головой, разворачиваюсь и решительно направляюсь в

спальню, путаясь в халате.

Закрываю двери и начинаю прокручивать то, что сказала эта женщина, пытаюсь найти в ее словах что-то, чего там нет.

Нет, он же не может нести такой бред!

Что это, бл*дь, за шутки такие?!

Хватаю телефон, набираю номер, который выбит в моей подкорке, но в ответ - « Абонент временно недоступен, попробуйте позвонить позже».

Прикусываю костяшки пальцев, дышу рвано. И не верю, не верю, не верю!!! Что же ты творишь, Олеженька?! Что же ты делаешь?! Что делаешь....

Сейчас вчерашний разговор становится понятным. И то осчастливившее меня «люблю» превращается в «прощай», и от этого накатывает дикое, безумное отчаянье.

Нет, нет, нет! Этого быть не может! Сердце его не обманешь, а оно кричало, что любит он меня. Любит!

Неужели опять намечтала, неужели опять поверила в то, чего нет?

Подхожу к кровати, сажусь, тяжело сглатываю. Закрываю глаза, пытаюсь, успокоится. Но внутри все рвется на ошметки от разочарования и боли, ломается, рассыпаясь на осколки.

Господи, сколько, сколько же можно? Сколько я буду бежать за ним без оглядки, когда он уходит? Склеивать, собирать себя по кусочкам, по пазликам, когда он раз за разом беспощадно разрушает и ломает? Сколько же, Господи, я буду отдавать, не прося ничего взамен? Не могу, не могу так больше, не могу! Не теперь, когда познала, как это, когда он мой и днем и ночью. Когда нет никаких условностей и запретов, когда есть только я и он, и то, что между нами. Не теперь, когда я хоть на миг поверила в его «люблю». И я до сих пор верю, иначе не могу, иначе я просто загнусь и умру от боли. От свирепой, сжигающей меня боли.

Я не помню, как покидала его квартиру, как отдавала ключи. И слава Богу! Слишком унижительный это момент, слишком болезненный.

Пытаюсь анализировать, но в голове такой сумбур, что меня хватает лишь на то, чтобы добраться до моей (моей ли?) квартиры, лечь на диван и скулить, накрывшись одеялом с головой, выплакивая очередную обиду. Вот только это уже не просто обида, это сама жизнь. Моя жизнь, которая утекала из меня с каждой слезинкой. У всего есть предел, у любви и жертвенности тоже. Так вот сейчас настал предел моей. Сейчас во мне умирала любящая Янка, готовая на все ради мужчины, который ее убил, который свое «я», как и всегда, поставил выше ее «мы». А она все равно молила сделать что-нибудь, корчилась во мне, просила. Потому что даже

сейчас она ради него хотела жить.

И спустя четыре дня, за которые ни разу Олег не позвонил мне, я пошла на поводу ее слез. Подняла себя и твердо решила, что сегодня расставляю все точки над «і», ибо больше так не могу. Определенность никогда не причиняет боли. Боль причиняет лишь всякое «до» и «после». Поэтому я хочу взглянуть в его глаза и понять, сказанные в темноте, слова могут быть правдой? Или для правды нужен лишь яркий свет?

Собираюсь тщательнейшим образом. Я сегодня должна быть безупречна. Зачем? Наверное, чтобы при встрече с Гладышевым чувствовать себя увереннее, чтобы хоть как-то поднять растоптанную самооценку, хотя это такая глупость. Теперь уже абсолютно наплевать на все, именно поэтому я отправляюсь напрямик к нему в офис, и вызвав Людмилу, прошу передать, что жду ее начальника в кафе на втором этаже. Она узнает меня сразу, и ничего не спросив, лишь коротко кивает и уходит.

А я иду, занимаю место на своей Голгофе. Заказываю капучино и жду.

То, что Гладышев здесь, чувствую еще до того, как он подходит к моему столику. У любимых мужчин особая энергетика. Они как радиоволна, на которую ты идеально настроена, и слышишь, стоит чуть появиться на горизонте.

Вот и я ловила, отсчитывая секунды, настраиваясь, чтобы достойно встретить взгляд голубых глаз. Встретила, создала видимость, а внутри все заныло от тоски. Сжимаю горячий стакан с кофе, обжигая ладони, приводя себя немного в чувство, пока он делает заказ.

-Ну, надеюсь, это что-то действительно серьезное, потому что у меня из-за тебя нарушились все планы, - не щадя, бьет он с первой же фразы.

-У меня из-за тебя нарушилась вся жизнь, но я, как видишь, не жалею, - парирую с усмешкой, ставя кружку на стол, чтобы дрожащие руки не выдали моего волнения.

-А что ты делаешь?

-Констатирую факт! – спокойно, сжимая под столом кулаки так, что ладони саднит от впившихся в них ногтей. Гладышев лишь хмыкает.

-И что же настолько важное ты мне хочешь сообщить, что не может подождать до вечера? – иронично спрашивает он, вальяжно развалившись напротив.

- А что, мы должны были встретиться вечером? – язвлю я, начиная, заводиться.

-А разве сегодня не среда?

Это снисходительное замечание отдается острой болью во мне, от которой едва ли не задыхаюсь. Глаза начинает жечь от подступающих слез,

но я глотаю колющий комок в горле, обдирая все нутро.

Смотрю на Гладышева, вкладывая в свой взгляд ту агонию, что раздирает меня на части.

-Ты издеваешься? – дрожащим от слез голосом.

-Почему? –невозмутимо пожимает плечами.

-Не прикидывайся! Что, бл*дь, за детские игры?! – закричала я, уже не сдерживая себя.

-Не ори! – рыкнул, поддаваясь вперед.

-А ты не веди себя, как придурок! Думаешь, после всего мы вернемся к «средам» и «пятницам»?

-После какого «всего», Чайка? Ты, что всерьез думала, что что-то вдруг изменилось, только потому, что я в очередной раз вытащил тебя-дуру из дерьма? – насмешливо интересуется, мастерски разыгрывая изумление.

-Какой же ты урод, Гладышев! Зачем тогда ты примчался ко мне в Рубцовск? – выплевываю, не в силах больше ходить вокруг да около.

-Пожалел. Не чужая же ты мне все –таки, - спокойно парирует, а у меня все обрывается внутри от боли.

-Зачем ты так?- тихо, не скрывая горечи.

- А зачем ты спрашиваешь, если не хочешь знать ответ?- зло, прожигая меня яростным взглядом загнанного зверя.

-Потому что надеялась, что он будет иным!- кричу от обиды и унижения, глядя в эти бездушные глаза.

-И что теперь? Какие твои действия? Проглотишь, забудешь, и продолжим, как ни в чем не бывало? – вопрошает, давя на меня, растаптывая своим презрением.

Я захлебываюсь слезами. Не получается у меня уйти красиво, эффектно, с гордо поднятой головой, только вот так - по-уродски, униженно поджав хвост. От этого становится еще горше. Прячу лицо в ладонях, пытаюсь, успокоится. Не сразу, но мне удастся это сделать. Встаю, иду в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к следующему раунду, хотя зачем? Давно уже ясно, что проиграла. Но надо доиграть эту роль до конца.

Возвращаюсь, Гладышев, взглянув на меня, мрачнеет. Интересно, ему стыдно или противно?

Собравшись с духом, сажусь напротив, и ровным насколько это возможно голосом сообщаю;

-Я больше не хочу продолжать наши отношения.

-Ты же говорила, что тебе без меня больнее?- приподнимает насмешливо бровь, делая глоток и тут же морщится.- Фу, ну, и кофе у них

тут.

А меня это замечание шарахнуло со всей дури своей неуместностью. Как он может быть таким мерзким? Что с ним, мать его?! Даже для него это слишком.

У меня тут вопрос «жизни и смерти» решается, а он про какой-то долбаный кофе. И «проглотить» бы очередную обиду, какая разница уже одной больше, одно меньше, да сыта по горло. Пережрала, что обратно лезет. Но и сил нет, чтобы высказать свое возмущение. Да и какой уже смысл? Все равно все для себя решила.

-Говорила,- подтверждаю со вздохом. – Глупая была. Сейчас понимаю, что лучше, Гладышев, подышать без тебя, чем с тобой, если ты мне больше ничего предложить не можешь.

Пытаюсь за улыбкой скрыть боль, не знаю, получается ли, но я все равно растягиваю фальшиво губы и смотрю на Гладышева, хотя мне стоит это огромных усилий. Он неопределенно хмыкает и бросает нетерпеливый взгляд на часы. Весь его вид так и кричит «Давай быстрее, девочка, не трать понапрасну мое драгоценное время». В этом весь он - все у него по делу, без лишнего трепя и хождения вокруг да около. И я люблю его таким и в тоже время ненавижу. Знаю, что не бывает мужчин, с которыми легко и просто ужиться, без всяких забот и проблем. Но у каждой женщины появляется в жизни такой, с которым она хочет пройти все сложности. Мужчина, с которым я хотела и хочу этого, сидит напротив, скучающе постукивает пальцами по столешнице и вообще не заморачивается. Ему пофиг, совершенно, абсолютно наплевать.

И я его не понимаю, просто отказываюсь после этой странной недели, что мы пережили. Наверное, лучше бы он никогда не показывал мне, что может быть другим, не заставлял чувствовать себя любимой. Потому что раз попробовав, я больше не согласна на меньшее. Как писал Ремарк : «Дай женщине пожить несколько дней такой жизнью, какую обычно ты ей предложить не можешь, и наверняка потеряешь её. Она попытается обрести эту жизнь вновь, но уже с кем-нибудь другим». Я не хотела с другим, но и с ним-больше не хочу так, как раньше.

-Не могу,- твердо и без колебаний отрезает он.

-Почему?- отчаянно, всматриваясь в такое любимое и такое чужое в эту минуту лицо.

-Смысла не вижу, -пожимает плечами, а у меня кончаются все слова. Боль достигает такого предела, что хочется умереть.

-Ты ведь для себя давно все решил, да?- шепчу, вдруг ослепленная догадкой. И когда он отводит взгляд, у меня вырывается смешок.

-Ненавижу тебя! – шепчу, словно сама себе.

- Мне жаль, Ян! Наши отношения изначально были ошибкой и

-Замолчи, - цежу, закрывая уши. Меня трясет от накатывающей боли и отчаянья, - Уходи, Гладышев. Уходи, сейчас же! Уходи, если тебе плевать, что ради тебя билось мое сердце, что я жила ради тебя и готова была на все. И это не просто красивые слова, это чистейшая правда. Тебе лишь стоило щелкнуть пальцами. Потому, что я любила тебя, Гладышев, и люблю так, как любят в жизни только раз. И ты этот «раз» профукал. Пусть для тебя я и одна из многих, но сомневаюсь, что найдется еще такая дура, которая полюбит тебя со всеми твоими задвигами. А я...да, я - та дура, Олеженька, у которой счастье тобой начиналось и тобой же закончилось. Поэтому уходи, Гладышев, пока эта дура во мне не начала умолять об обратном.- мой голос срывается, и я замолкаю.

Мы смотрим друг на друга в последний раз, ему нечего мне сказать, а мне...Мне хочется кричать: Смотри! Смотри, что ты со мной сделал! Смотри в эти потухшие глаза, когда –то сиявшие мириадами звезд, смотри на эти искусанный до крови губы, в попытках сдержать слезы причиной, которых всегда был ТЫ! Смотри на осколки сердца, которое ты разбил, а ведь оно лишь для тебя одного билось. Только для тебя! Хотя, это уже неважно. Теперь уже все неважно. Просто смотри, ибо нам больше нечего друг другу сказать, ибо ничего больше не осталось, кроме киношного «прощай!».

Но никогда я тебя не прощу, Гладышев! Никогда!- шепчу, глядя ему вслед, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не зареветь, чтобы не сорваться и не побежать за ним.

Нельзя! Нельзя, нельзя, нельзя! – как мантру повторяю, впиваясь ногтями в ладони, пытаюсь болью отрезвить себя. Запиваю горечь потери остывшим кофе, но становится еще поганей.

Терпи, Яночка, терпи! Ты же сильная девочка, терпи. И не плачь, только не плачь! Тебе нельзя, иначе на коленях за ним поползешь, умоляя, чтобы вернулся. А это уже дно, апофеоз твоего унижения.

Лучше уж потерять его, вырвать с корнем, чем день за днем медленно умирать, агонизируя. Пусть будет больно, пусть невыносимо, но только так - через страдания обретается покой и счастье. И ты будешь счастливой, будешь. И однажды поймешь, что эти хождения по мукам были не зря. Только потерпи, немного потерпи. И ты забудешь, слышишь?! Забудешь.

Да, забуду. Только сейчас нужно отвлечься, чтобы не плакать.

Достаю лихорадочно телефон и ищу номер Пластинина, поскольку только он может помочь с залом. А мне срочно, во что бы то ни стало

нужно попасть на тренировку. Только так смогу отвлечься, иначе утону в слезах. А плакать нельзя, никак нельзя...

Глава 17

пять месяцев спустя...

«Согласись, пусть будет - не бесплатное, липовое, мертвенное, ватное, с дарственной на выцветшем боку.

Подари мне небо, хоть плакатное, я его приклею к потолку.» - прокручивается в голове раз за разом, пока я бездумно вожу пальцем по гравировке, сжимая брелок в кулаке.

Интересно, Чайка уже пожалела, что вытатуировала эти строки на своем теле?- вспыхивает вдруг вопрос в моем воспаленном мозгу. Хотя почему это «вдруг»? Все, как обычно – ни дня без мыслей о ней. Ни единого мгновения передышки. А ведь прошло уже пять месяцев. Пять бесконечных и в тоже время призрачных месяца, проведенных в попытках забыть, обмануть и убедить самого себя, что поступил я исключительно правильно. Правила...

«Опять эти твои дурацкие правила, Гладышев!»- сказала бы она.

Дурацкие, Янка, не то слово – дурацкие.

И сам я - дурак. Дурак, каких свет не видывал. Все пыжился, что-то пыжился. И ведь искренне полагал и верил, что уже ни что не всколыхнет мою охладевшую душу. Что смогу контролировать свои эмоции и душевные порывы. Но не смог. Ни черта я не смог! Да и разве с ней можно? А ведь я с самого начала знал, что совершаю ошибку, ввязываясь в эти отношения. Но мы же плавали, и не на таких еще нарывались. А в том и дело, что не на таких. Она единственная, перевернувшая мой мир, разбередившая душу, разбудившая во мне безумного мальчишку, готового сорваться по первому ее зову. Я до сих пор не могу понять, как оказался в Рубцовске. Услышал ее испуганный голосок, отчаянные рыдания, и напрочь крышу снесло. Забыл, о принятом накануне, решении поставить точку в наших отношениях, о разуме забыл, о времени и расстоянии. Да что говорить, если я на семью и дочь забил, бросившись к ней посреди ночи?! В то мгновение все потеряло смысл, кроме ее блага, ради которого я готов был положить к ногам этой девочки весь мир, саму судьбу на колени поставить, только бы все у моей Янки было хорошо, только бы не слышать ее отчаянного голоса.

И я летел, к ней летел, ни на секунду не задумываясь, что творю,

какую чудовищную ошибку совершаю. А после, с этой проклятой болезнью, все вообще полетело к такой-то матери, и я потерял контроль над управлением машиной под названием моя собственная жизнь. Вот тут начался апокалипсис, полный хаос. Меня завертело, закружило с бешеной скоростью в этих совместных обедах, завтраках и ужинах, в этих размеренных вечерах за какой-то глупой комедией, в Чайке закружило такой домашней, счастливой, примерившей наверняка уже и свадебное платье, и мою фамилию. А я, как рыба, выброшенная на берег, задыхался от ужаса и паники, не властный над происходящим. Потому что этот разогнавшийся поезд уже просто невозможно было остановить без каких-либо потерь. А во мне сирена вопила, что надо, надо, надо, мать твою, притормозить и как можно скорее! Ведь мне не двадцать, чтобы с места в карьер. Хотя хотелось, до безумия хотелось вот так – смело махнув рукой на все и будь, что будет. Но утратил я эту способность вместе со своей юностью. И если быть до конца честным, струсил. Меня накрыл страх перемен и того, что они сулят. А предположить просто невозможно, поскольку с этой девчонкой всегда, как на вулкане, с ней я сам превращаюсь в вулкан, теряю контроль и разум. И это настолько дико для меня, привыкшего к идеальному порядку, к абсолютному контролю над каждым аспектом своей жизни, что я испугался. Так испугался, что готов был жилы рвать, дабы обогнать этот несущейся на всех порах поезд. Ибо не для того я свою жизнь по кирпичикам выстраивал, чтобы однажды появилась она, и как ураган разнесла все к чертям собачьим. Ошалевший от этих всех чувств, эмоций, мыслей, я запаниковал и бросился наперерез несущейся машине, в отчаянной попытке остановить даже ценой катастрофы. Только бы сбежать, только бы не дать слабину, не оставить себе ни единого шанса на ошибку, потому что это будет именно **ОШИБКОЙ!** Я задавил в зародыше любой протест, заткнул его грубо, жестко, безапелляционно. И помог разогнавшемуся поезду слететь с рельс, да так, чтобы искры летели, перекорежило до неузнаваемости, расхлестало, раздробило, размазало без права на восстановления. Только не думал, что буду подыхать, наблюдая за разворачивающейся трагедией, что останусь погребен под останками наших «сред» и «пятниц», давно вышедших из заданных рамок. Представить даже не мог, что будет всего наизнанку выворачивать, ломать от боли. Я зашивался, глядя на нее – мою Чайку, такую беззащитную, открытую, любящую, отчаянно пытающуюся бороться за то, чему я не дал ни единого шанса. Но если бы она знала, как ее слезы душу наизнанку выворачивали, как каждое слово подобно ржавому ножу проходило по сердцу, а потом оседало где-то глубоко внутри, чтобы

всплывать по ночам и медленно, но верно уничтожать. Ибо мое подсознание с каким-то садистским удовольствием прокручивало нашу последнюю встречу, стоило только на секунду закрыть глаза. Если бы она только знала, что я ее с мясом от себя отдираю, «наживую», разве бы она ушла? Нет, она бы зубами вцепилась со всем своим энтузиазмом, и у меня бы не хватило сил справиться не то, что с ней, с самим собой. Вот только, что потом? Что случилось бы с моей жизнью, со мной, с моей дочерью? И пока эти вопросы еще бились в моей голове, придавая мне сил, я сделал то, что должен был сделать давно, очень давно, пока это не стало такой проблемой.

Да только оказалось поздно, ибо «проблема» проросла вглубь меня, разлилась по крови, заставляя признать, что ни хрена оно не с глаз долой из сердца вон. Брехня это! Думал, уберу ее из своей жизни и смогу, задавлю в зародыше все эти непонятные чувства, но они, как анаэробные бактерии размножились еще больше без воздуха и поразили каждую клетку моего нутра. И как не старайся, чем не трави их, они прорастают только глубже, отравляют кровь, разум и всю мою жизнь. Загибаюсь я, с ума схожу или уже сошел.

Вот с такими мыслями в паршивом настроении я подъехал к Плазе. Сказывалась также хроническая усталость от почти полугодового трудового и, как следствие, недосыпание, недоедание, перенапряжение. С утра еще Марина-моя... даже не знаю, как обозначить. На данный момент все же любовница, если это можно так назвать. Да, я попробовал двигаться дальше, но дурацкая эта затея оказалась. С Мариной мы знакомы уже достаточно давно, порядка десяти лет. Она умная, самодостаточная женщина, всего добившаяся в этой жизни сама. Провести вечер в ее компании я всегда был рад. До недавнего времени наши отношения редко когда выходили за рамки приятельских, хотя однозначно нас тянуло друг к другу и нет-нет мы срывались, но после все возвращалось на круги своя. Умение трезво оценивать ситуацию - одно из многочисленных достоинств этой женщины. Она никогда не драматизировала происходящее. И когда я месяц назад посетил в очередной раз Нью-Йорк, мы по традиции встретились. Я сам не знаю, какой черт меня потянул, зачем мне это понадобилось, ведь знал, что ничто не заменит мне мою Чайку. Но на тот момент мне просто хотелось переключиться, войти в привычную колею и забыть.... Ее забыть, наказание это божье. Но не помогло, только лишние проблемы и головная боль, а также понимание-какая пропасть между реальной «средой» и «пятницей» и тем, что происходило у нас с Чайкой. Нет, я сам лично положил конец тому, что было между нами, но познав то

сумасшествие, выздоравливать уже не хочется.

Поэтому сегодня решил, что пора нам с Мариной заканчивать наш суррогат, на который нет ни времени, ни сил, да и желания тоже. Какой спрашивается понт в подруге, если когда надо, ее нет?! Я понимаю, не ее вина, что рейс задержали, а раньше она не могла прилететь из-за дел. Только убеждаюсь, что деловые женщины интересны в общении, иногда хороши в постели, но совершенно не подходят мне, ибо мне нужна баба, которая сорвется, прилетит и все сделает, как надо, для которой приоритет - я, а не работа или еще что-то. В общем, Марина тоже не прибавила хорошего настроения, а тут еще Олеся со своими очередными выкрутасами настолько достала, что даже повод, по которому мы собрались в Crowne Plaza, не радовал, а ведь я шесть лет угробил, чтобы выйти на этот уровень. Раньше думал, что когда этот день настанет, буду почти счастлив. Но вот цель достигнута, а мне как шел, так и ехал подписанный контракт. Все эти месяцы я, кажется, жил на работе, поэтому сейчас у меня было лишь одно желание – отсидеть этот гребанный вечер и уехать куда-нибудь отдыхать. Планировал с дочерью, но честно, хочется побыть в одиночестве. Я устал бегать от самого себя, от того, что с ума схожу, думая, что где-то там - далеко женщина, хотя, какая она, черт возьми, женщина?! Сумасбродная девчонка, без которой мне свет стал не мил. Хреново без нее, так хреново, что готов все бросить и на коленях приползти, признавая, что конченный дебил. Просить прощение за каждое слово, взгляд, действие, которыми я раз за разом делал ей больно, особенно за последнюю нашу встречу.

Каждый день на части рвет и тянет к ней, ломает сука! По ней ломает. По смеху ее вульгарному, по голосу прокуренному, по стонам ее, от которых пульс зашкаливало. По ней, сотканной из противоречий; нежной, грубой, покорной и дерзкой, колючей и ласковой. Пора, наверное, признать, что бросив ее, я остался в дураках и от этого не спрятаться, не убежать, она выиграла. Уложила на лопатки. Влюбила в себя, как и говорила. Влюбила!

Эта мысль, конечно, не бьет обухом по голове, но почему-то именно сейчас желание бросить все и рвануть к ней просто зашкаливает. Бред, конечно, полный бред! Пять месяцев прошло. Черт возьми, пять месяцев! Сто пятьдесят дней бесконечных мыслей о ней проклятой. За все это время я много раз порывался найти ее, но сразу же пресекал эти порывы, удовлетворяясь информацией о том, как она устроена; работает ли, закончила ли курсы, нет ли проблем с жильем, здорова ли. Я знал, что никаких материальных сложностей у нее не должно было возникнуть, денег я оставил ей достаточно. Не в качестве какого-то утешительного приза или компенсации за моральный ущерб. Нет, просто мне хотелось,

чтобы она спокойно закончила все, что планировала и готовилась к поступлению в университет, не испытывая нужды и не завися от своих придурочных родственников. Мне хотелось, чтобы моя девочка реализовала себя в этой жизни, чтобы не знала забот и проблем, чтобы была счастлива, занимаясь тем, чем ей нравится. Я просто хотел и хочу, чтобы все у нее было хорошо. Я не искал с ней встреч, не узнавал, где она живет и с кем, дабы не искушать себя. Только общие факты, чтобы не травить и без того растравленную душу и в тоже время хоть немного, но быть ближе к ней. Такая вот иллюзия и полный идиотизм.

Выхожу из майбаха и окидываю безразличным взглядом роскошную обстановку. Рядом, как по мановению палочки, появляется швейцар, готовый проводить меня внутрь. Ни секунды не медлю, хочется уже поскорее покончить с работой. На двадцатом этаже у входа в конференц-зал меня встречает моя секретарша. Оглядываю ее с ног до головы. Выглядит вроде сносно. Хотя мне как-то всегда фиолетово было, главное, чтобы работу свою выполняла.

— Олег Александрович, мы уже заждались. Всем вы срочно понадобились. Я уже не знала, что говорить, а вы на звонки не отвечали, — пожаловалась она.

— Мил, мне это неинтересно. Я за то и плачу, чтобы ты подобные ситуации разруливала самостоятельно, — раздраженно парирую я.

— Я и разрулила. Просто хотела, чтобы вы знали, — огрызнулась она.

— Ну и умница, — усмехнулся я и примирительно предложил ей руку.
— Ладно, пошли. Сопровождать меня будешь сегодня.

Она удивленно взглянула и даже побледнела.

— Но, Олег Александрович... Я с мужем же... — начала она возражать, вызывая глухое раздражение.

— Мил, мы не на отдыхе, а на работе. Так что избавь меня от лишней головной боли. А муж твой никуда не денется. Пошли! — отрезал я, подхватив ее под руку.

Знаю, что поступаю в очередной раз эгоистично, учитывая, насколько непросто складываются отношения у Людки с мужем из-за моих требований. Но разве это мои проблемы? За те деньги, что плачу ей, могу себе позволить все что угодно, хоть включить в перечень ее обязанностей минет каждые полчаса. Слава Богу, она это понимает и чаще всего помалкивает. Сегодня что-то не то на нее нашло.

С этими мыслями завожу Людмилу в роскошный банкетный зал. На нас сразу же обращаются сотни взглядов, а у меня чувство, будто меня повели на эшафот. Последующий час прошел в приветствиях и

поздравлениях. Переговорив с немцами и обсудив некоторые моменты, выдыхаю.

Наконец-то можно расслабиться и просто насладиться хорошей музыкой и вечером. Но не успеваю это сделать, как в поле моего зрения попадают Миха со своей благоверной.

— Здорово, Мих, — улыбаясь, обнял я друга, когда он подошел. Ему искренне рад, а касательно его жены, то, как всегда, не смог сдержать сарказм: — Приветствую вас, Виктория Викторовна. Как поживаете?

— Прекрасно, Олег Александрович. Спасибо, вы очень любезны, — улыбнулась она иронично.

Миха с улыбкой покачал головой.

— Ну, что, пить будем? Я уж думал, если честно, что ни черта не получится с этим контрактом, — признался он, облегченно выдыхая. Взяв у проходившего официанта бокалы, протянул один мне, другой — Вике. — Давай, Гладышев, как в старые добрые. За такое дело грех не выпить по бокальчику.

Я с ним согласен, но решил, что гулять буду ближе к ночи, когда с друзьями соберемся, а не здесь.

— Не, позже будем праздновать, а то, как начну чудить, и сбегут наши партнеры, — со смешком напоминаю о том, что пить мне нельзя. Антроповы смеются. Наверняка вспомнив, какие я коры мочил по пьяни.

— Ну, а мы все равно выпьем. За успех, Олег! — провозгласила Викуля.

Я символически приподнял бокал и словно закаменел, услышав знакомый до боли смех. Слегка мотнул головой, прогоняя наваждение. Но через мгновение вновь слышу этот до невозможности неприличный, громкий и залиvistый хохот, который узнаю из тысячи. Резко оборачиваюсь и сканирую окружающее пространство ищущим взглядом. Кровь в висках пульсирует набатом, гонит по венам возбуждение, азарт и безумное желание увидеть мою девочку. В глотке пересыхает, и я залпом выпиваю шампанское, не обращая внимания на удивленное лицо Михи.

— Ой, Гладышев, не твоя ли бывшая цыпочка вон там? — наигранно восклицает Вика, кивнув, видимо, в сторону Чайки. Уверен, она только и ждала подходящего случая, чтобы это сказать.

Медленно, очень медленно поворачиваюсь и смотрю в указанном направлении. Скольжу жадным взглядом. И через мгновение, словно удар под дых со всей дури, когда вижу Чайку. И как в первый раз дух захватывает от ее красоты, сексуальности и невероятной притягательности. Пожираю ее, вглядываюсь и не могу поверить, что это моя девочка. Сейчас,

в этой помпезной обстановке, она являет собой шик, элегантность, красоту и секс в одном флаконе. Ее роскошные волосы уложены в высокую прическу, открывая изящную шею, которую я так любил ласкать, зная, что она у нее невероятно чувствительная. От воспоминаний мгновенно возбуждаюсь, словно впечатлительный щегол, дорвавшийся до порно. Хотя Чайка всегда так на меня действовала: достаточно было одного взгляда, чтобы я слетел с катушек. Но сейчас это больше, чем похоть.

Смотрю, нет, жру ее глазами, как чокнутый ловлю звук ее голоса. Даже дышать боюсь. Не могу поверить, что вижу ее здесь. Какого вообще хрена она тут делает?

И будто ответ на мой вопрос — к ней подходит какой-то боров, хозяйски кладет руку ей на талию, шепча что-то на ухо. Она же, прикусив губку, едва сдерживает улыбку. Меня же начинает захлестывать волной гнева. А когда Чайка вновь засмеялась и что-то прошептала ему в ответ, дразняще улыбнувшись и заговорчески подмигнув, меня начало трясти от бешеной ярости.

И эта сучка еще втирала мне что-то про любовь? Вот это бл*дство что ли то самое «люблю и так любить никто не будет» ?! Да в гробу я такую любовь видел! Ты смотри, быстро к хорошенькому-то привыкла, паразитка. И блажь вся испарилась из башки, как паек урезали. Сразу ноги раздвинула перед первым попавшимся кошельком.

И я еще, идиот, собирался к ней приползти? Во олень! Сама эта сука приползет, как миленькая! Явно не мед под таким боровом валяться. Уж точно не от хорошей жизни натянуто скалится. Вот же дрянь продажная!

Я бесился, распалял сам себя, следя за ней, словно коршун за своей добычей. Как представляю, что эта дура оставила свои принципы и легла под вот такое подобие человека, так по шкуре мороз. Где она вообще его откопала?!

Мимо прошел официант, я вновь взял бокал. Мне необходимо было выпить. А когда Чайка поднялась из-за стола, я потерял дар речи, и окаменел. Настолько откровенного платья, хоть и оно было до пола, я еще не видел. Меня заколотило от бешенства. Я смотрел на ее наряд с разрезом от бедра — где чуть выше, на талии, драпировка закреплялась каким-то украшением, — и он действовал на меня, как красная тряпка на быка. Но стоило ей сделать шаг, как меня бросило в жар от одного взгляда на ее ноги и мелькнувшие, при одном чуть свободном движении, трусики. Мать твою! Ты что же творишь-то, падла?! Но тут же от мысли, что ее трахает вон то жирное чмо, мутить начинает.

— По рукам пошла девочка, — ехидно замечает Викуля и уходит от

греха подальше. И правильно! Не в том я состояние, чтобы любезничать. Не верится даже, что у нее заработали мозги.

Но не успела она отойти, как ко мне подошел один из наших иностранных партнеров и, вдруг заявил, проследив за моим взглядом:

— Oh , ja! Diese Frau ist wunderschön. Ich kann den ganzen Abend Blick nicht reißen ! Feuer! Für eine Nacht mit einer Seele bereit ist zu verkaufen.(О, да! Эта женщина великолепна. Не могу оторвать весь вечер взгляд! Огонь! За ночь с такой и душу продать не жалко.)

Беру очередной бокал и большими глотками осушаю его в два счета, чтобы залить пожар в груди. Зашкаливает желание разнести тут все к чертям, но в первую очередь хотелось свернуть шею Яночке. Вместо этого, как ни в чем не бывало, холодно отвечаю:

— Ich denke, nur ein paar Dollar. (Думаю, достаточно пары баксов.)

Немец усмехается и, похлопав меня по плечу, добродушно укоряет:

— Ein Zyniker du mein Freund! Aber man muss zugeben, dass das Glück der Mann, der

die paar Dollar zahlt.(Да вы циник, друг мой! Но согласитесь, счастливчик тот мужчина, что платит эти пару баксов.)

Приподняв высокомерно бровь, лишь усмехаюсь, чтобы не послать к чертям этого болвана или не отхерачить до потери сознания, хоть он и ни при чем.

Поворачиваюсь к Михе, ведущему беседу еще с одним немцем. Друг обеспокоено поглядывает на меня. Вежливо, насколько это возможно в моем состоянии, откланиваюсь, и иду на поиски Людки. Мне срочно нужно узнать, что за хрен с этой вертихвосткой!

Моя секретарша нашлась сразу же. Когда я подошел, муж ее надулся, как индюк. Так и хотелось успокоить бедолагу, сказав, что такие курицы, как его жена, не в моем вкусе. Но Людку не хочется обижать — нормальная она баба.

— Мил, ты мне нужна, — подзываю ее без всяких расшаркиваний и ненужных знакомств.

Она без возражений следует за мной. Подвожу ее поближе к Чайке и ее спутнику. Людмила обращается в «слух». Люблю своих подчиненных за исполнительность.

— Вон там, видишь, мужика толстого? Это кто-то из наших? Что-то не припоминаю его, — киваю на борова, который, как мне кажется, с кем-то из администрации увлеченно беседует.

— Это один из наших юристов, Олег Александрович. Кстати, очень ценный кадр. Вы сами отмечали, — напоминает Люда. Мне же остается

только подивиться.

— Не помню, — отмахиваюсь. Алкоголь начал действовать: голова кружилась, энергия была ключом и хотелось ее куда-нибудь выплеснуть. Наблюдение — однозначно, не мой метод.

— Ну, пошли, похвалим «ценный кадр», — подтолкнув Милу вперед, с предвкушающей улыбкой, иронизирую.

Людка смотрит на меня удивленно, но никак не комментирует происходящее. Я же уже ничего не замечаю, кроме Чайки. Приняв соблазнительную позу, она наигранно улыбается и, потягивая шампанское, делает вид, что внимательно слушает. На самом деле, малыш очень далеко отсюда, о чем свидетельствует затуманенный взгляд.

Чем ближе к ней, тем хреновее. Глаза ее, губы, волосы, запах — сводят с ума, до дрожи в каждой клетке. Она стала той женщиной, которую мне не нужно видеть, чтобы чувствовать и ощущать. Она все это время была везде и всюду, была во мне, впиталась в кровь, заразила неизлечимо. И я заболел. Заболел с первой минуты, как столкнулся с ней в Де Марко. Перед глазами наши полгода проносятся — лучшие месяцы в моей жизни. Пора уже это признать. И как бы я ни отнекивался — хочу ее, одержим ей, как дьяволом. Почему? Не знаю. Просто сгораю рядом с ней, теряю голову от бешеной страсти. А у страсти нет мотивов, на то она и страсть. Ни одна женщина так не цепляла, а эта девчонка одним взглядом на колени ставит. У нас с ней все было через край, но после этих месяцев без нее я себе не желаю лучшего. Не могу без нее. Шальная, невыносимая, дикая. Убил бы. Но я, видите ли, люблю ее.

С каждым шагом все отчетливее и отчетливее это осознаю. А может, я просто пьян? Меня кидает из стороны в сторону. Ни хрена уже не понимаю. Не знаю, чего хочется больше: убить ее или увести отсюда, выкрасть, наплевав на возражения. Боров берет ее руку и подносит к своим губам. Фу, бл*дь! Но она улыбается да еще так мило, что меня реально стошнит сейчас. Оскара Чайке! Оскара! Ты смотри, какой покорной стала детка. Убить, суку, мало!

Я сошел с ума — это точно! От ярости колотит, но еще пытаюсь сохранять лицо. Натягиваю маску вежливости и подхожу к парочке. Лицо Чайки — это нечто. Такой потрясающей метаморфозы я еще не наблюдал. Улыбка сменяется гримасой, в которой смешалась гамма чувств. Мне нравится ее замешательство. Наслаждаюсь ее растерянностью, бледностью и промелькнувшим в глазах ужасом. Не забыла ничего. Не переболела! Эта новость вызывает радость. Горькую такую радость.

— Олег Александрович, добрый вечер! Вячеслав Иванович, —

воодушевленно воскликнул ее спутник, представившись. Смотрю на его заискивающее лицо, протянутую руку и демонстративно убираю свою в карман брюк. Толстяк тут же стушевался, вызывая у меня какое-то удовольствие и в тоже время отвращение. Перевожу взгляд на Чайку и презрительно усмехаюсь. Она выдерживает мой взгляд, приподняв подбородок.

Мои губы растягиваются в хищной улыбке. Так бы и смотрел на нее. Но вспоминаю вовремя, что мы не одни и продолжаю свою игру.

— И вам добрый, Вячеслав Иванович. Не представите нас вашей спутнице?

Он тут же спохватился, кивнул и торопливо начал исправлять оплошность:

— Позвольте представить вам Яночку. Мою...

— Очень приятно, Яна, — перебиваю его намеренно, едва сдерживаясь, чтобы не закопать тут же от одного этого «моя». Хер ты угадал, боров! Чайка дерзко ухмыляется и грубо отрезает:

— Не могу ответить вам взаимностью, Олег Александрович.

Ее спутник меняется в лице и ошарашенно смотрит на нее. Она же невозмутимо делает глоток шампанского.

— Прошу прощения, но мне нужно отойти, — вежливо улыбнувшись, с гордо поднятой головой Янка растворяется в толпе.

Иваныч начинает что-то торопливо объяснять и извиняться, Людка тактично помалкивает. Я же едва сдерживаю себя, чтобы не бросится за этой...этой... У меня слов не хватало. В это мгновение я едва ли мог справиться с эмоциями. Меня на части разрывало от ярости и дикого гнева. Смотрю на этого идиота и не могу поверить, что она спит с таким ничтожеством! Вот это недо-существо ее лапает, потеет на нее? Меня тошнит, наизнанку выворачивает. Боже, я ее не просто убью, я ее изувечу, шлюху!

Взяв бокал, в бешенстве покидаю компанию толстяка и Людки, ни слова не сказав. Наплевав на все, ищу в толпе Чайку. На ходу одним махом выпиваю шампанское, словно воду. Уже просто для того, чтобы хоть как-то заглушить внутреннего зверя, иначе за себя не отвечаю. Но алкоголь еще сильнее распаляет меня.

К тому моменту, как я подошел к туалету, где Янка наверняка пряталась от меня, я уже был не просто под градусом, я был «в хлам».

Чуть ли не с ноги открываю дверь в дамскую комнату и сразу же вижу ее, поправляющую макияж. Она вздрагивает, резко поворачивается, из дрожащих рук выпадает пудра и с глухим ударом разлетается на полу. Но

ни я, ни Чайка не обращаем на это внимание. Захлопнув за собой дверь, нетвердым шагом направляюсь к побледневшей Янке. Она не двигается, следит за мной напряженным взглядом и учащенно дышит.

— Что тебе нужно? — холодно спрашивает, как только я подхожу достаточно близко.

— Да вот стало любопытно: почему сейчас «любовь»? — насмешливо отзываюсь, продолжая медленно, словно хищник, приближаться к ней.

-Цена слишком высока, не потянешь, Гладышев.- иронично замечает она, наигранно улыбнувшись, взяв себя в руки.

-Уверена?- приближаюсь почти вплотную, отчего она тут же меняется в лице, маска невозмутимости вновь на мгновение слетает, что вызывает у меня довольную улыбку.

- Ты, кажется, не в курсе моих возможностей, малыш, - шепчу, едва сдерживаясь, когда ее прерывистое дыхание касается разгоряченной кожи моей шеи.

-Я как раз-таки в курсе, поэтому и говорю-не по карману тебе, Олеженька!- снисходительно сообщает она, дерзко ухмыльнувшись, а меня с ума сводит ее чувственный оскал, вызов в голубых глазах и весь этот бунтарский дух, что на краткий миг даже забываю о своей ярости.

-Интересно, что может быть не по карману МНЕ из того, что по карману простому юристику?- издевательски осведомляюсь, не сводя голодного взгляда с ее губ, которые она тут же сурово сжимает, заметив мой повышенный интерес.

-Ты так и не понял, Гладышев, все, что можно купить за деньги уже дешево!- цедит презрительно, отталкивая меня от себя, но я еще сильнее вжимаю ее в бортик раковины.

- Вот как?! Ну, просвети меня, что нужно, чтобы обладать тобой, уж больно любопытны расценки. — начинаю я вновь звереть при мысли, что она позволила лапать свое тело тому жирному ублюдку.

-Любить меня, уважать, ценить, боготворить! - чеканит она яростно, сверля меня гневным взглядом.- Из перечисленного ты ни на что не способен. И уж тем более, ты не в состоянии сделать меня женой и матерью, а это и есть мои «расценки». И на меньшее я не согласна! Так что убери свои грязные руки, пьяная скотина, и не смей ко мне прикасаться даже взглядом!

Меня эта бравада настолько вывела из себя, что я не выдержал, прижался к ней вплотную и, обхватив ее пылающее от ярости лицо, сдавил щеки, заставляя рот раскрыться.

-Я буду тебя касаться так, как хочу, и когда хочу вот этими самыми

руками, и ты мне слова не скажешь!- цежу ей прямо в лицо, едва касаясь ее губ, - А этот дешевый пафос оставь для идиотов, вроде того, что ждет тебя в зале. До чего же ты опустилась! Или он, наверное, единственный, кто готов такой шлюхе, как ты заплатить подобную....- я не успеваю договорить, оглушительная пощечина останавливает поток моего пьяного, ревнивого бреда.

-Заткнись, мерзкий ублюдок! Это с тобой я опустилась, позволив такой свинье, как ты, прикоснуться к себе!- выплевывает она, вырываясь из моих стальных тисков, лихорадочно растирая нежную кожу щек. Я только сейчас понял, с какой силой сжимал ее лицо, и стало не по себе. Я на мгновение замер, вглядываясь в нее. И у меня опять поехала крыша. Все эти месяцы тоски по ней обрушились, будто лавина и мне нестерпимо стало стоять просто рядом, когда хочется быть в ней. Утонуть, захлебнуться.

-Не приближайся ко мне!- вскричала она, когда я решительно направился в ее сторону, обезумевший от дикого коктейля эмоций. Она бросилась к кабинке туалета, но не успела скрыться, я резко дернул на себя дверцу и втиснулся в маленькое пространство, толкнув Чайку к стене. А потом меня повело, и я навалился на нее, прижавшись вплотную, ощущая каждый изгиб ее роскошного тела, заводясь от этой близости. Ее аромат окутал меня, дурманя и сводя с ума. Мы часто дышали, словно после бега, глядя друг другу в глаза полыхающими взглядами; я голодным, бешеным, она – испуганным и в тоже время возмущенным. Подаюсь вперед, не в силах больше противостоять зову тела, но Янка тут же отворачивается, и я скольжу губами по ее щеке.

-Ты что, совсем с ума сошел?! Что тебе нужно?- шипит она зло, пытаюсь отпихнуть меня, но я только сильнее распаляюсь от того, как она извивается подо мной.

-Тупой вопрос, Чайка! Как будто ты еще что-то можешь предложить, кроме того, что у тебя в трусиках, - шепчу, касаясь губами ее шеи, скользя ладонью вверх по ее оголенному бедру, пока не достигаю своей цели. Она тут же сводит ноги, хватая меня за руку, пытаюсь остановить, но я резко дергаю клочок кружева и касаюсь ее там. Она сухая, но меня это подстегивает еще сильнее.

-Я тебе ничего не собираюсь предлагать, животное! Прекрати!- задохнувшись, выдавливает она из себя, когда я начинаю ласкать ее так, как ей всегда нравилось.

-А я в твоих предложениях не нуждаюсь, сам возьму. Ты все равно разборчивостью не отличаешься, верно?- насмешливо выдыхаю, почувствовав на пальцах ее влагу.

- Не твое дело! Я не развлечение для пьяного идиота!- огрызается она и со всей дури ударяет меня по лицу, отчего у меня темнеет в глазах. Щека пульсирует от боли, в глазах красное марево, в голове звенит и все кружится. Меня ведет, а в душе поднимается звериная ярость, прежде всего, от ее слов, от понимания, что она все это время кувыркалась с кем-то и возможно, не только с тем боровом, тогда, как я переживал, как она там и все ли у нее –суки в порядке.

-Так или иначе, ты - развлечение. И если бы я не был пьян, в жизни бы к тебе не подошел после того ничтожества. –цежу, сверля ее бешеным взглядом.

-Так сделай одолжение и себе и мне, протрезвей уже!

- Я сделаю нам обоим одолжение, если оторву твою бестолковую голову. Чего тебе, бл*дь, не хватало? Какого хера тебе не живется? – рычу, встряхивая ее, как куклу. Потому что там внутри у меня все вопит от потери, от дикой боли и разочарования. Не могу поверить! Просто в голове не укладывается это дерьмо! Как она до этого додумалась?

-А тебе какого не живется?! Все ведь так, как ты хотел, как тебе было удобно и выгодно! Что теперь тебе надо? Собственнические инстинкты разыграли? - заорала она, отталкивая меня.

-Скорее либидо, в кровати тебе равных нет, - уже не думая ни о чем, выплескиваю весь негатив, всю свою ярость.

-К счастью, тебя в этом плане, да впрочем, и во всех заменить оказалось не сложно, - ехидно замечает она.

-Дешёвка! –выплескиваю, демонстративно убирая руки, потому что мне действительно противно.

-Все сказал?- холодно осведомляется она.

-Пошла отсюда! Чтобы тебя и твоего хахалю здесь через пять минут не было.

Она уходит. Стук ее каблучков отдается у меня в сердце и в голове набатом. Закрываю глаза, сжимаю кулаки, чтобы не сорваться, не кинуться за ней следом. Меня рвет на части от противоречий ; от сумасшедшей ревности и дикой потребности быть с ней, дышать ей, ибо без нее я задыхаюсь. Не живу я без нее. Как только дверь с тихим щелчком закрывается, что-то щелкает внутри меня, мой кулак впечатывается в стену и так снова и снова, и снова в попытках выплеснуть все то, что сидит внутри, но оно словно пожар, с каждым ударом разжигается все больше.

Нет, я это так не оставляю. Она не будет трахаться с этим мужиком. Я любого убью, кто посмеет даже взглянуть на нее.

С этими мыслями стремительно покидаю кабинку, на меня изумленно

смотрят какие-то женщины, вошедшие в дамскую комнату.

Плевать! На все сейчас плевать, кроме одного-она не уйдет с тем боровом!

Но я опоздал, Чайка в точности с моими указаниями несколько минут назад покинула зал под ручку со своим толстяком, как мне сообщила Людка. Не раздумывая, я бросился за ними.

-Ты куда?- недоуменно спросил Антропов, встретив меня на выходе.

-Разберись тут, - кинул я ему, даже не останавливаясь, но он не собирался оставлять это так.

-Гладышев, ты че, ошалел что ли? Ты за руль собрался в таком состоянии?- схватил он меня за руку, которую я тут же резко вырвал.

-Мих, отвяжись, не до тебя!

-Слушай, мозги вруби свои хваленные! Эта девка определенно таких нервов не стоит, - попытался он меня успокоить, но вышло наоборот, я еще больше взбесился.

-Ну, бл*дь я без вас тут всех не разберусь, кто и чего стоит.- осадил я его, не замедляя шага, но Антропов не отставал.

-Ладно, не кипи, погорячился я. Но ты сейчас успокойся! Все равно ни хрена в таком состоянии не решишь, только дров наломаешь. За руль, даже не надейся, не сядешь!- отрезал он, рывком останавливая меня. Я круто развернулся, едва сдерживаясь, чтобы не отправить друга в нокаут. Дикая энергия кипела во мне вкупе с яростью, поэтому контролировать себя было практически невозможно. И все же я где-то нашел в себе силы сдержаться, понимая, что иначе от Антропова не отвяжусь.

- Иди к гостям, Мих. Я с водителем поеду, - спокойно произнес я. Друг несколько минут пристально всматривался в меня, и видимо, понадеявшись на мой разум, ушел.

Очень зря, ибо разума в моей башке не осталось ни капли, и никакой водитель в мои планы не входил, не было времени его ждать. Я и так мог упустить из виду сладкую парочку, а ждать еще сколько-нибудь у меня терпежа не хватало, хоть я в любом случае из-под земли их достану, но хотелось прямо сейчас закопать у ближайшей обочины. Аж потряхивало от этого дикого желания. Выскочив на улицу, я первым делом узнал, в какую сторону уехала Чайка. Поскольку не заметить ее невозможно было, швейцар без промедлений дал мне ответ. И я, вдавив педаль газа, сорвался с места, наплевав на все. Кровь кипела, перед глазами проносились картинки, где она отдает себя тому чмырю, и я чуть ли не рычал. Сжимал руль так, словно это была ее шея, которую мне отчаянно хотелось свернуть.

-Сука, чтоб тебя!- долбанул я по рулю, отчего машину повело. На

дороге тут же началась какофония: мне сигналили, что-то орали, но я слал всех к такой –то матери, готовый в любую минуту остановиться и раскрошить череп особо рьяным.

Слава богу, я быстро нагнал Чайку с ее толстяком, иначе неизвестно, чем мои лихачества закончились бы. Янка испуганными глазами смотрела в окно, когда я подрезал их, заставляя остановиться, что юристик и сделал. На мой взгляд, очень даже зря, потому что лучше бы ему попасть в аварию, чем встречаться со мной с глазу на глаз. И мне похер, что он не виноват, что моя любимая женщина оказалась шлюхой. Мне вообще сейчас было так хреново, что похер на все!

Когда я вышел из машины, Чайка уже выскочила и бежала ко мне, следом за ней семенил нахмуренный боров. Я же уже четко видел, как мой кулак с ходу прилетит ему в правый висок. Но этим планам не суждено было сбыться, Янка налетела на меня, подобно гарпии.

-Идиот, ты же нас всех чуть не угробил! Ты совсем рехнулся за руль пьяный садишься?-истерично заорала она, сопровождая слова ударами. – Придурок! Сволочь проклятая! Как же ты меня достал! Ненавижу тебя!

-Яна, я сейчас вызову полицию, отойди от этого человека, - заявил вдруг Вячеслав Иванович, проявив смелость и решительность, чем подписал себе окончательный приговор. Я напрягся, готовый ушатать его прям на этом же месте, но Чайка тут же отреагировала, почувствовав что-то.

-Успокойся, Гладышев! - прошипела она, обхватив мое лицо ладонями, а потом не оборачиваясь, обратилась к толстяку, выделяя обращение, - ДЯДЬ Слав, не надо! Мы сейчас сами разберемся, езжайте к тете Кате, она уже заждалась. Я попозже приеду.

-Как я тебя оставляю, это же...- начал он было возражать, но она раздраженно прервала его, не сводя с меня взгляда, словно гипнотизируя.

-Пожалуйста, езжайте! Все будет нормально, он ничего мне не сделает. –заверила она.

Пока они перепирались, до меня начал доходить смысл происходящего, и я едва ли не застонал от досады и в тоже время облегчения. Стало так смешно и дико стыдно. Боже, я такой кретин! Одичавший, свихнувшийся от ревности кретин!

«Дядя Слава» уехал, а мы продолжали стоять еще некоторое время, глядя друг на друга. Теперь уже более внимательно, совершенно по-новому, непредвзято, без ненужных эмоциональных окрасов.

Янка стала еще красивее, расцвела, черты заострились, в них не осталось ничего детского, девочка повзрослела, во взгляде появилось что-

то такое - решительное, загадочное, выдержанное. И я тонул в этом взгляде, терялся, не зная, что сказать, не зная, как буду извиняться, ибо делать этого совершенно не умею. А придется. Только вот простит ли?

Вглядываюсь в ее холодные серо-голубые глаза и ответа не нахожу. А она, видимо, поняв, мои метания, усмехнулась невесело и покачала головой, отводя взгляд.

-Давай ключи, поехали, пока полиция не нагрянула, - устало произнесла она, протягивая руку.

-Ты получила права?- спросил я, хотя знаю, что получила.

-Получила, - коротко кивнула она и, взяв ключи, направилась к машине.

Мы молча сели. Чайка завела майбах и с едва заметной, довольной улыбкой, словно дорвалась до бесплатного, тронулась с места. А у меня защемило от этого ее неприкрытого энтузиазма. Такая тоска накатила по тому времени, когда моя девочка беззаботно смеялась, радовалась жизни, делясь этой радостью со всеми вокруг. Сейчас же она была вроде бы до боли родной и в тоже время бесконечно чужой, незнакомой. И я не знал, что сделать, чтобы разрушить эту стену, которую я сам воздвиг между нами, а сегодня еще и укрепил для надежности. Захотелось прямо сейчас подарить эту чертову машину, раз она принесла моей девочке радость, только бы она простила меня –мудака, хотя бы попыталась. Но как она там сказала? Все, что можно купить за деньги уже дешево. Поэтому вряд ли у меня получится откупиться.

-Ян,- позвал я, тяжело сглотнув, не в силах подобрать слов. Янка напряглась, но даже не взглянула на меня. –Прости меня. Я подумал, что...

-Бог простит!- резко оборвала она, и со смешком добавила,- И что ты подумал, я в курсе. Все, как обычно: шлюха, дура, дешёвка. Я только одного не пойму, что тебе с того, даже если так?

Я с шумом втянул воздух, не зная, что сказать. Слова застревали в горле, ибо мне нечем крыть. Я чувствовал себя пристыженным мальчишкой.

-Ты мне не безразлична, - признался со всей серьезностью.

-Да, ну?!- захохотала она. И тут еще, как назло, зазвонил мой телефон. Мы с Чайкой одновременно взглянули на дисплей, на котором светилось «Марина». Я собирался нажать отбой, но Чайка оттолкнув мою руку, приняла вызов, словно знала, чем меня уличить, и в салоне раздался радостный голос Марины;

-Олежа, я в Москве! Наконец-то, долетела. Прости, милый, что не смогла раньше. Ты как, сильно устал?

Пока она все это говорила, я с досадой смотрел на Янку. Она немигающим взглядом сверлила дорогу, сжимая руль побледневшими пальцами. На ее окаменевшем лице не отразилось ни единой эмоции, но я знал, чувствовал, что ей больно. И эта боль отдавалась во мне отчаянным сожалением от невозможности что-то исправить. Хотелось удавиться, расколотить к чертям телефон и послать Марину. А ее – мою девочку сжать в объятиях и целовать, целовать, целовать, чтобы забыла обо всем этом, ибо для меня сейчас нет ее важнее. Но вместо этого я охрипшим голосом выдавил;

-Нормально, Марин. Я сейчас занят.

-Хорошо. Я жду у тебя дома. Отметим, как следует. – провокационно промурлыкала она, отчего я едва сдержал мат.

Раздался гудок, а следом Чайкин смешок.

-Это ничего не значит, - начал я вдруг оправдываться, понимая насколько это все нелепо звучит. Но что я еще мог сказать?

-Я даже не сомневаюсь. Бедная Марина! Надеюсь, ей хватит мозгов также не придавать этому значения,- иронично отзывается Янка.

- Слушай, я понимаю, что вел себя мерзко и сейчас это все выглядит мерзко. Прости меня! – решил я не ходить вокруг да около.

-Олег, зачем ты начинаешь этот разговор? Для чего? Что тебе нужно? – поморщившись, вопрошает она.

-Ты нужна! Не могу я без тебя! Хреново мне, понимаешь?! – признаюсь, наплевав на все. Смотрю на нее, жадно ловя проблеск былых чувств, но она лишь бледнеет на мгновение, а потом резко нажимает на газ и уже через мгновение тормозит. Только сейчас замечаю, что мы подъехали к моему дому. Несколько минут Янка сидит, глядя задумчиво вдаль, нервно кусая губы, сводя меня этим с ума. Подаюсь к ней, она резко поворачивается, наши взгляды сталкиваются: ее-холодный, яростный и мой-пламенный, спокойный. Притягиваю ее за шею, она не сопротивляется.

-Я хочу, чтобы мы начали с чистого листа, малыш, так, как ты об этом мечтала, - шепчу, касаясь ее губ своими.

-В нашем альбоме не осталось чистых листов, Олеженька. И мои мечты больше не связаны с тобой, - тоже шепчет она и игриво прикусывает мою губу, тут же ласково проводя язычком, отчего меня пронзает высоковольтным разрядом возбуждения, но Янка отстраняется. И я понимаю, что не стоит принуждать ее и действовать грубо. Хотя мне стоит невероятных усилий взять себя в руки и отстраниться.

-Давай, не будем устраивать карнавал масок. – мягко предлагаю я.

-Я предпочитаю на людях маски, кто знает, может, это вообще намордники. Так что советую не нарушать границы, Гладышев. Ты ведь их так уважаешь. – язвительно парирует она.

- Ты стала моей границей, Чайка. Кроме тебя я ни черта больше не вижу.

-Да, тяжелая у тебя жизнь; любишь одну, спишь с другой, а женился вообще на третьей, - насмешливо качает она головой и достает из сумочки телефон.

-Хватит упражняться в остроумии! Да, я облажался. Прости меня! Ну, хочешь, на колени встану? - начал нести я банальный бред, понимая, что ничего этим не добьюсь.

-Не хочу! И извинения мне твои не нужны.

-А что нужно?

-Ничего! От тебя НИЧЕГО! И ты мне раскаявшийся на коленях уж тем более не нужен. Ты мне вообще никакой не нужен. Просто не нужен! Так что прекрати этот цирк!

- Ян, я знаю, что очень сильно обидел тебя,- начал я, но она даже слушать не стала.

-О, нет, ты меня не обидел, Олеженька, ты меня растоптал. И теперь ты думаешь, придешь, скажешь –люблю, прости и все будет окей? Ни хера подобного! Я, конечно, дура, но не настолько, чтобы на одни и те же грабли прыгать, поэтому даже не утруждайся. Иди к Марине, девушка уже заждалась.- выдала она ровным голосом и набрала номер такси, показывая тем самым, что разговор окончен.

Но не хрена он не окончен! Если уж я что-то для себя решил, то так и будет. А я решил и свое решение тут же озвучил:

-Я верну тебя, Чайка, любыми путями и способами.

-Удачи, Олег Александрович, хотя тебе скорее понадобится чудо!- иронично парирует она и покидает салон. Через пару минут такси увозит ее, а я, откинувшись на спинку сидения, вдыхаю аромат ее парфюма, и пытаюсь понять, как докатился до такого положения.